

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
№4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.А. Алёшкин, Г.В. Григорьева, В.М. Массон (отв. редактор),
Е.Н. Носов (зам. отв. редактора), Н.В. Хвощинская (отв. секретарь), А.Н. Щеглов.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории
материальной культуры РАН.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА: Т.С. Дорофеева (набор), Г.А. Кузнецова(художник),
К.А. Матехин (верстка), В.Я. Стеганцева (графика).

EDITORIAL BOARD: V.A. Alekshin, G.V. Grigorieva, V.M. Masson, E.N. Nosov,
N.V. Khvoshchinskaya, A.N. Sheheglov.

ADDRESS: Institute of the History of Material culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab.,
18, Saint-Petersburg, 191186, Russia.

PUBLISHING GROUP: T.S. Dorofeeva, G.A. Kuznetsova, K.A. Matekhin, V.Ya. Stegantseva.

*Книга издана при финансовой поддержке Археологического фонда
"Принц Саксен-Альтенбургский", Даллас, Техас, США.*

*This volume is published with the financial support
of Prince of Sachsen-Altenburg Archaeological Fund, Dallas, Texas, USA.*

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства "Петро-РИФ".

Прачечный пер., д.б.

Формат 60x84 в 1/8. Объем 42 п.л. Тираж 1 000 экз. Бумага офсет № 1.

Подписано в печать 11.06.96. Заказ № 73.

© Институт истории материальной культуры РАН. 1995.

ISBN 5-201-01174-8

2001

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№4

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В.М.МАССОН. НА ПУТЯХ К НОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ 1

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М.Р.КАСЫМОВ, Т.Ю.ГРЕЧКИНА.</i> КУЛЬБУЛАК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	7
<i>С.В.ГУСЕВ.</i> РАСКОПКИ ЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАНИСКАК (ДЕЖНЕВО) НА АЗИАТСКОМ БЕРЕГУ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА (1990-1992 ГГ.)	25
<i>Е.В.ЦВЕК.</i> ВЕСЕЛЫЙ КУТ – НОВЫЙ ЦЕНТР ВОСТОЧНОТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ	33
<i>Л.А.СОКОЛОВА.</i> ПОГРЕБЕНИЕ В КОЛЫБЕЛИ ОКУНЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА УЙБАТ V	44
<i>Н.М.МАЛОВ, В.В.ФИЛИПЧЕНКО.</i> ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	52
<i>Н.А.АВАНЕСОВА.</i> НОВОЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	63
<i>Р.А.ЛИТВИНЕНКО.</i> ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ	73
<i>Д.Г.САВИНОВ, В.В.БОБРОВ.</i> КУРГАНЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ЮРМАН I В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	83
<i>Н.В.ПОЛОСЬМАК.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ВТОРОГО КУРГАНА МОГИЛЬНИКА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АК-АЛАХА I	91
<i>Э.Б.ВАДЕЦКАЯ.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГИЛ ПОЗДНЕТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХОВЬЯХ ЧУЛЫМА (раскопки кургана 2 у деревни Береш)	96
<i>С.С.МИНЯЕВ.</i> НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ "ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ" В ИСКУССТВЕ СЮННУ	123
<i>В.А.ЗАВЬЯЛОВ.</i> К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАТУЭТКИ БУДДЫ ИЗ ХЕЛЬГО	137
<i>В.Д.ГУКИН, С.И.КУРЧАТОВ.</i> ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СЕЛА ПАЛАНКА	143
<i>С.Г.КОЛУХОВ, С.И.АНДРУХ.</i> СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ V В. ДО Н.Э. ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА	146
<i>С.Л.СОЛОВЬЕВ.</i> ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЖИЛОГО СТРОИТЕЛЬСТВА АНТИЧНОЙ БЕРЕЗАНИ	153
<i>Р.А.РАБИНОВИЧ, М.Е.ТКАЧУК.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА РУДЬ В МОЛДОВЕ	164
<i>А.Н.КИРПИЧНИКОВ, А.СТАЛЬСБЕРГ.</i> НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЧЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ (по материалам норвежских музеев)	171

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Х.А.АМИРХАНОВ.</i> АДАПТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа)	181
<i>В.А.АЛЁКШИН.</i> МУСТЬЕРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	188
<i>А.Д.СТОЛЯР.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИСКУССТВА КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	217

- ДО ЛЯСКО. Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Palaeolithic. Н. Knecht, А. Pike-Tay, R. White (Eds.). (Рец. Л. Б. Вишняцкий) 234
- ЗАРОЖДЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПЕРВЫЕ ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА. J. Cauvin. Naissances des divinités naissances de l'agriculture. La révolution des symboles au Nolithique. (Рец. В. М. Массон) 237
- КОМУ НУЖНА ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ? Ethnoarchéologie. Justification, Problèmes, Limites. XPe Rencontre Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (Рец. Ю. Е. Березкин) 241
- НОВОЕ СЕРИЙНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Harappan studies. Vol. I. Editors Gregory L. Possehl, Maurizio Tosi. (Рец. А. Я. Шетенко) 244
- РАЗВИТИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПЕРУ. Izumi Shimada. Pampa Grande and the Mochica Culture. (Рец. Ю. Е. Березкин) 249
- ЗОЛОТО ПЕРУАНСКИХ ВОЖДЕЙ. El Mundo Ceremonial Andino. Luis Millones and Yoshio Onuki (eds.); Walter Alva and Christopher V. Donnan. Royal Tombs of Sipán. (Рец. Ю. Е. Березкин) 253
- НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ШВЕЦИИ. The cultural landscape during 6 000 years in southern Sweden — the Istad Project. Berlund, В. Е. (ed.); Tesch, S. Houses, farmsteads, and longterm Change. A regional study of prehistoric settlements in the Kåpinge area, in Scania, Southern Sweden. (Рец. Л. А. Лапшин) 259
- КОНТАКТЫ МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИМИ ЗЕМЛЯМИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Internationale konferenz 23-25 Oktober 1990, Riga. (Рец. Н. Е. Хвоцинская) 263
- ТРУДЫ ДВЕНАДЦАТОГО ВИКИНГСКОГО КОНГРЕССА. Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age (Ed. V. Ambrosiani and H. Clarke) (Рец. Е. Н. Носов) 266
- НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ ВИКИНГОВ В ЮЖНОЙ СКАНДИНАВИИ. Grøn O., Krag A. H. og Bennike P. Vikingetidsgavpladser på Langeland (Рец. К. А. Михайлов) 271
- ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ НОВОГО ЦЕНТРА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРИОДА ВИКИНГОВ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ОСЛО. Three Studies on Vikings and Christianization. M. Kindal (Ed.). (Рец. Е. Н. Носов) 274
- ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ**
- ПАУЛА ПУРХОНЕН. ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ФИНЛЯНДИИ 278
- СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД**
- Ф. ОЛСВОРС-ДЖОНС. ДАТИРОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ 282
- А. Д. СТОЛЯР, И. Л. ТИХОНОВ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 150-ЛЕТИЮ со дня рождения А. А. ИНОСТРАНЦЕВА 284
- А. Н. ШЕГЛОВ, Л. ХАННЕСТАД, С. В. КАШАЕВ, Л. Б. КИРЧО, Й. СЕРЕНСЕН, В. Ф. СТОЛБА, Х. ХАСТРУП. РОССИЙСКО-ДАТСКИЕ РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ И НЕКРОПОЛЕ ПАНСКОЕ I (Северо-западный Крым) 288
- Г. И. ЗАЙЦЕВА. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ” (7-12 ноября 1993 г. Тюмень) 291
- А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Е. Н. НОСОВ. ВСТРЕЧА РОССИЙСКИХ И ФИНЛЯНДСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ВЫБОРГЕ 292
- П. Е. СОРОКИН. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ДРЕВНЕМУ ВОДНОМУ ПУТИ ИЗ СРЕДНЕЙ ШВЕЦИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ РУСЬ 294

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Г.В. ДЛУЖНЕВСКАЯ.</i> ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДА ФОТОАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН	29
<i>Е.Ю. МЕДНИКОВА.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА АРХИТЕКТУРЫ П.П. ПОКРЫШКИНА В ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО АРХИВА ИИМК РАН)	30

ПЕРСОНАЛИИ

ПАМЯТИ ИГОРЯ ИЛЬИЧА КОРОБКОВА (1934-1993)	31
ТЕЗИСЫ отчетного доклада по плановой теме И.И. Коробкова 20 апреля 1992 г. "Яштукская палеолитическая стоянка" (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий)	31
ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРОЧКИНА (1946-1993)	31
ПАМЯТИ ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ХЛОПИНА (1930-1994)	31

ХРОНИКА

<i>Л.Б. КИРЧО.</i> ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1994 ГОДУ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	3
<i>Р.Ш. ЛЕВИНА.</i> БИБЛИОТЕКА ИИМК	3
ПРОТОКОЛ расширенного заседания исполнительного комитета и постоянного совета Международной Унии Славянской Археологии 25 ноября 1994 г.	3

CONTENTS

EDITORIAL

V.M. MASSON. TOWARDS A NEW INFRASTRUCTURE OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY . . . . .

NEW DISCOVERIES AND RESEARCHES

<i>KASYMOV & GRECHKINA.</i> KUL'BULAK, UZBEKISTAN, AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PALAEO-LITHIC OF CENTRAL ASIA	
<i>S.V. GUSEV.</i> EXCAVATIONS AT KANISKAK (DEZHNEVO), AN ESKIMO VILLAGE ON THE ASIATIC COAST OF THE BERING STRAIT (1990-92)	
<i>E.V. TSVEK.</i> VESELY KUT: A NEW SUPERCENTRE OF THE EAST TRIPOLYE CULTURE	
<i>L.A. SOKOLOVA.</i> A CRADLE BURIAL (OKUNEV CULTURE, SOUTH SIBERIA)	
<i>N.M. MALOV, V.V. FILIPCHENKO.</i> CATACOMB CULTURE SITES IN THE NORTHERN RIGHT-BANK LOWER VOLGA BASIN	
<i>N.A. AVANESOVA.</i> NEW EVIDENCE ON THE BURIAL RITE OF THE BRONZE AGE SAPALLI CULTURE, SOUTH UZBEKISTAN	
<i>R.A. LITYINENKO.</i> SITES OF POKROVSK TYPE IN THE SEVERSKY DONETS BASIN	
<i>D.G. SAVINOV, V.V. BOBROV.</i> ANDRONOVO MOUNDS AT YURMAN I BURIAL GROUND, WEST SIBERIA	
<i>N.V. POLOS'MAK.</i> AK-ALAKHA I, A PAZYRYK CULTURE BURIAL GROUND: THE SECOND TUMULUS	
<i>E.B. VADETSKAYA.</i> EXCAVATIONS OF TAGAR CULTURE COMMUNAL GRAVES IN THE UPPER CHULYM BASIN: MOUND NO.2 AT BERESH	

S.S. MINIAEV. RECENT FINDS OF HSIUNG-NU BRONZES AND THE ORIGINS OF THE "GEOMETRIC STYLE" IN HSIUNG-NU ART	123
V.A. ZAVYALOV. ON THE ORIGINS OF THE BUDDHA FIGURINE FROM HELGÖ	137
V.D. GUKIN, S.I. KURCHATOV. A LATE MEDIEVAL NOMADIC BURIAL AT PALANKA	143
S.G. KOLTUKHOV, S.I. ANDRUKH. SCYTHIAN BURIALS OF THE 5TH CENTURY BC IN NORTHWESTERN CRIMEA	146
S.L. SOLOV'EV. PERIODIZATION OF HOUSE-BUILDING IN BEREZAN' DURING THE CLASSICAL PERIOD	153
R.A. RABINOVICH, M.E. TKACHUK. EXCAVATIONS OF THE OLD RUSSIAN SETTLEMENT AT RUD, MOLDAVIA	164
A.N. KIRPICHNIKOV, A. STALSBERG. NEW INVESTIGATIONS OF VIKING AGE SWORDS (finds in Norwegian museums)	171

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

H.A. AMIRKHANOV. ADAPTATION AND CULTURAL EVOLUTION: THE CASE OF EARLY HOLOCENE SITES IN THE CAUCASUS	181
V.A. ALEKSHIN. MOUSTERIAN BURIALS IN WESTERN EUROPE	188
A.D. STOLYAR. ORIGINS OF ART AS AN ARCHAEOLOGICAL REALITY	217

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

BEFORE LASCAUX . Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Palaeolithic. H.Knecht, A.Pike-Tay, R.White (Eds.).(Rez. by L.B.Vishnyatsky)	234
AGRICULTURAL ORIGINS AND THE FIRST FEMALE DEITIES. J.Cauvin. Naissances des divinités naissances de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. (Rez. by V.M. Masson)	237
WHO NEEDS ETHNOARCHAEOLOGY? Ethnoarchéologie. Justification, Problèmes, Limites. XIIe Rencontre Internationale d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. (Rez. by Yu.E. Berezkin)	241
A NEW PERIODICAL FOR THE STUDIES INTO ANCIENT INDIAN CIVILIZATION. Harappan studies. Vol.I. Editors Gregory L.Posehl, Maurizio Tosi. (Rez. by A.Ya. Shchetenko)	244
EVOLUTION OF EARLY STATES ON THE PERUVIAN COAST. Izumi Shimada, Pampa Grande and the Mochica Culture.(Rez. by Yu.E. Berezkin)	249
THE GOLD OF THE PERUVIAN CHIEFS. El Mundo Ceremonial Andino. Luis Millones and Yoshio Onuki (eds.); Walter Alva and Christopher B.Donnan. Royal Tombs of <i>Sipán</i> .(Rez. by Yu.E. Berezkin)	253
RECENT STUDIES INTO THE CULTURAL LANDSCAPE IN SWEDEN.. The cultural landscape during 6 000 years in southern Sweden — the <i>Istad</i> Project. Berlund, B.E. (ed.); Tesch, S. Houses, farmsteads, and longterm Change. A regional study of prehistoric settlements in the Köpinge area, in Scania, Southern Sweden.(Rez. by V.A. Lapshin)	259
NEW EVIDENCE CONCERNING CONTACTS BETWEEN SCANDINAVIA AND THE EASTERN BALTIC. Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Internationale konferenz 23-25 Oktober 1990, Riga. (Rez. by N.V. Khvoshchinskaya)	263
PROCEEDINGS OF THE TWELFTH VIKING CONGRESS. Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age (Ed. B.Ambrosiani and H.Clarke). (Rez. by E.N. Nosov)	266
NEW EXCAVATIONS OF THE VIKING AGE CEMETERIES IN SOUTHERN SCANDINAVIA. Grøn O., Krag A.H. og Bennike P. Vikingetidsgavpladser på Langeland. (Rez. by K.A. Mikhailov)	271

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

P. PURHONEN. ORGANIZATION OF THE ARCHAEOLOGICAL SITE PROTECTION IN FINLAND. 278

THE EAST-WEST COOPERATION

P. ALLSWORTH-JONES. DATING THE PALAEOLITHIC IN EASTERN EUROPE 282
A.D. STOLYAR, L.P. TIKHONOV. INTERNATIONAL SYMPOSIUM CELEBRATING THE 150TH ANNIVERSARY OF A.A. INOSTRANTSEV. 284
A.N. SHCHEGLOV, L. HANNESTAD, S.V. KVASHAEV, L.B. KIRCHO, J. S*RENSEN, V.F. STOLBA, H. HASTRUP. RUSSIAN-DANISH EXCAVATIONS OF A SETTLEMENT AND CEMETERY AT PANSKOYE I, NORTHWESTERN CRIMEA 288
G.I. ZAITSEVA. INTERNATIONAL CONFERENCE ON PROBLEMS OF CULTURAL ORIGINS AND CULTURAL LEGACY (TYUMEN', 7-12 NOVEMBER, 1993). 291
A.N. KIRPICHNIKOV, E.N. NOSOV. MEETING OF RUSSIAN AND FINNISH ARCHAEOLOGISTS IN VYBORG. 292
P.E. SOROKIN. A VOYAGE ALONG THE ANCIENT WATERWAY FROM MIDDLE SWEDEN TO NORTHWESTERN RUSSIA. 294

HISTORY OF SCIENCE

G.V. DLUZHNEVSKAYA. From the acquisition history of the IIMK archives 298
E.Yu. MEDNIKOVA. P.P.Pokryshkin's activities in the Imperial Archaeological Committee 302

PERSONALIA

OBITUARY: IGOR ILYICH KOROBKOV (1934-1993) 312
I.I. KOROBKOV. YASHTUKH PALAEOLITHIC SITE: GEOLOGICAL CONTEXT OF PALAEOLITHIC INDUSTRIES (abstract of the research report, 20 april, 1992). 313
OBITUARY: GENNADY' NIKOLAYEVICH KUROCHKIN (1946-1993) 316
OBITUARY: IGOR' NIKOLAYEVICH KHLOPIN (1930-1994) 317

CHRONICLE

L.B. KIRCHO. THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE IN 1994: scholarly activities. 321
R.SH. LEVINA. LIBRARY OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE 322
PROTOCOL of the extended meeting of the executive committee and the permanent council of the International Union of Slavic Archaeology, 25 november, 1994 324

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

НА ПУТЯХ К НОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

В.М.МАССОН*

18 апреля 1994 г. исполнилось 75 лет со времени принятия Декрета Совета Народных Комиссаров "О Российской Академии Истории Материальной Культуры". В первом же пункте Декрета говорится: "Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Истории Материальной Культуры". Академия была первоначально названа Российской, а после образования СССР переименована в 1926 г. в Государственную (ГАИМК). В Москве в 1924 г. была организована секция ГАИМК, преобразованная в начале 1932 г. в Московское отделение ГАИМК (МО-ГАИМК).

ГАИМК, как основное государственное археологическое учреждение, претерпевала изменения в соответствии с историей самой страны. Первоначально ГАИМК стала наследником Императорской Археологической Комиссии включив в свой состав и библиотеку ИАК в количестве 25 тысяч книг и архивы - рукописный и фотоматериалов. Сама Императорская Археологическая Комиссия была образована в 1859, когда было утверждено положение об ее деятельности и Указом Правительствующему Сенату, ее председателем был назначен С.Г.Стро-

ганов, оставшийся в этой должности до 1882г. Необходимо отметить, что длительное пребывание у руководства ИАК определенных лиц способствовало стабильности и четкости ее работы. После С.Г.Строганова председателем ИАК был А.А.Васильчиков одновременно занимавший должность директора Эрмитажа, а с 1886 по 1917 г. А.А.Бобринский. ИАК сыграла заметную роль в археологии России. Выдача открытых листов на проведение археологических работ с обязательным представлением отчетов объективно поднимала планку их методического уровня. Сообщения об этих работах публиковались в фундаментальных "Отчетах ИАК", которых было выпущено 70 томов и которые стали ценнейшим информативным фондом отечественной археологии. Это относится и к серии "Материалы по археологии России", которых было выпущено 37 томов. Куда менее стабильной оказалась судьба ГАИМК, сменившей Императорскую Археологическую Комиссию. Идеологический прессинг разворачивавшийся в стране, все более закручивал предвзятые политизированные установки, кампании и чистки наносили непоправимый ущерб и кадровому составу и общему духу объективного исследования. Постоянно вносились изменения в издательскую деятельность и информативность публикаций во многом уступала изданиям ИАК. В условиях формирования в стране бюрократической сверхцентрализации грянули и организационные изменения. 30 июня 1937 г. приказом комиссара народного просвещения

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

СССР ГАИМК была передана в ведение Академии наук СССР и по решению общего собрания Академии преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР с отделением в Москве (МОИИМК). Под колесницу большого террора попали и ведущие сотрудники ГАИМК. Так, Ф.В.Кипарисов, бывший заместителем председателя ГАИМК, а затем и председателем, был арестован и в 1937 г. погиб в недрах ГУЛАГа. Вместе с тем необходимо отметить, что псевдосоциологический шаблон с походом на "буржуазное вещеведение", разрабатывавшийся в начале 30-х годов, со временем поутих и археология начала постепенно возвращаться к своему основному источнику, интерпретация которого может быть многоликой и многообразной. В этом отношении особенно важны предвоенные годы, когда с 1938 г. директором ИИМК стал М.И.Артамонов. Было начато издание "Материалы и исследования по археологии СССР", в какой-то мере возрождавшее традиции "Материалов по археологии России", и ежегодник "Советская археология", преобразованный в послевоенные годы в регулярно выходящий журнал. Оперативная информация содержалась в серии "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК". Но тенденции к всеобъемлющему централизму продолжали действовать. В 1945 г. постановлением Президиума АН СССР Институт истории материальной культуры, основные сотрудники которого были ранее эвакуированы из блокадного Ленинграда, был утвержден в Москве и позднее переименован в Институт археологии АН СССР. Ленинградские подразделения были объединены в Ленинградское отделение (ЛОИИМК, затем ЛОИА) и два уцелели во время нового цикла разгрома интеллектуальных сил города в начале 1950-х годов. Лишь решением Президиума АН СССР от 21 июня 1991 г. исходное положение было восстановлено и Ленинградское отделение Института археологии преобразовано в самостоятельное учреждение с возвращением наименования Института истории материальной культуры.

Все эти события и изменения имеют еще одну сторону связанную с более общим вопросом - об инфраструктуре соответствующей научной отрасли. И ИАК, и ГАИМК, и институты Российской Академии наук все относятся к числу государственных научных учреждений. Безусловно в развитии науки важным фактором является целенаправленное участие государственных органов в ее организации, материальной поддержке и стимулировании перспективных направлений, хотя по поводу последних мнения политических структур и научного общества могут иметь существенные расхождения. Оптимальным является вариант функцио-

нирования сложной инфраструктуры сочетающей государственные и иные формы организации науки. В какой-то мере это достигается в США, где благодаря налоговому стимулированию активно действует значительное число фондов и частных спонсорских программ. Общественная тенденция создания сложной многообразной инфраструктуры прослеживается и в истории археологической науки в России. ИАК, также как и Императорское археологическое общество, были в первую очередь именно государственными организациями во всяком случае по системе финансирования. Вместе с тем успешно действовали различные общества и кружки, из которых наибольших успехов добивается Московское археологическое общество образованное в 1864 г. Его большой заслугой было проведение археологических съездов, первый из которых проходил в Москве, а второй в Петербурге. Затем они организовывались в различных городах, стимулируя развитие региональных археологических изысканий. Число подобных организаций к концу XIX в. увеличивается вплоть до создания в 1897 г. в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии. При определенном дуализме Петербурга и Москвы организационная инфраструктура археологии все более приобретала полицентрический характер.

По существу эти же процессы продолжались в 20-х годах, особенно если учитывать массовое краеведческое движение. Поскольку именно такова оптимальная форма организации научного социума эти же тенденции эффективно действовали и в 60-х и 70-х годах, хотя бюрократический менталитет наивно верил в возможность всеобщего централизованного регулирования. Достаточно назвать активность в это время археологов университетских центров Сибири, не говоря уже о создании специальных академических центров в Новосибирске и во Владивостоке. Эти объективные процессы становятся особенно заметными в 90-е годы. Страна четко идет к научному полицентризму и пытается нащупать негосударственные формы развития и поощрения науки. Например в 1994 г. в Самаре решением региональных властей создается местный Институт истории и археологии народов Поволжья. Возобновило деятельность Русское археологическое общество функционирующее, как негосударственная структура, и создано Всероссийское археологическое общество "Древности". Насущная потребность в сохранении и использовании культурного наследия, включая археологическое, порождает своего рода коммерческое краеведение, различного рода ассоциации и предприятия. В этих условиях традиционные крупные археологические центры приобретают новые

УКАЗЪ
ПРАВЯТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
СЕНАТУ.

Завѣдывающему Археологическими
розысканіями, Члену Государствен-
наго Совета, Генераль-Адъютанту,
Генералу отъ Кавалеріи Графу
Строганову 1^{му} Всемилостивѣй-
ше повелѣваемъ быть Председа-
телемъ Императорской Ар-
хеологической Коммисіи.

На подлинномъ Робертсенаго
Его Императорскаго Вели-
чества рукою подписано: „Александръ!“

138 Р. Петербурга
средняа 9го дня 1859г.

Въ городѣ: *Шалимовъ* *Силинъ* *Александръ*

функции, когда особую роль играет их реальный научный потенциал и авторитет. ИИМК РАН стремится принять посильное участие в этих процессах. Одной из основных организационно-правовых форм при этом является заключение договоров о творческом сотрудничестве как с научными учреждениями, так и с управлениями культур. Так, например, по Украине такие договоры заключены с Институтом археологии Государственной Академии наук Украины, Одесским археологическим музеем, университетами Днепропетровска, Запорожья и Симферополя, Государственным комитетом по охране и использованию памятников Республики Крым, заповедниками в Херсоне и Бахчисарае, музейным объединением "Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник" Министерства культуры Украины. При реализации этих соглашений используются различные формы сотрудничества от совместных экспедиций и симпозиумов до активного участия в реализации крупных международных проектов. В ходе такой реализации в апреле 1994 г. ИИМК РАН принял активное участие в организации и проведении в Днепропетровске международной конференции "Проблемы хронологии культур энеолита-бронзы юга Украины и юга Восточной Европы". Предполагается проведение круглого стола по вопросам церковной археологии, важного, но почти забытого направления археологической науки. Организационные формы в условиях формирования новой инфраструкту-

ры могут быть достаточно разнообразными. Так в ноябре 1994 г. на основе обращения Министерства культуры Карелии Отдел археологии Карелии Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника Кижы подключен к научной структуре ИИМК РАН с сохранением финансирования и административного подчинения по линии государственных органов Карелии. В декабре таким же образом привлекается к научной деятельности ИИМК РАН Сектор археологии Нижнего Поволжья и Прикаспия, в который преобразована археологическая лаборатория Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Налаживается взаимодействие и с негосударственными археологическими организациями. Одной из гибких структур, способствующих осуществлению новой стратегии отечественной науки, становится Российский гуманитарный научный фонд. Будучи вневедомственным, фонд стремится поддерживать перспективные инициативные проекты творческих коллективов вне зависимости от их принадлежности к громоздкой академической системе, различным университетам и иным организациям. Такова тенденция к формированию в России новой организационной инфраструктуры поддерживать и использовать которую для повышения методического и методологического уровня исследований с выходом на мировые стандарты важная задача крупных академических учреждений.

TOWARDS A NEW INFRASTRUCTURE OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY

On April 18th, 1994, it was 75 years since The Council of People's Commissars passed a decree "On the Russian Academy of History of Material Culture". Its very first paragraph reads as follows: "For the purpose of the archaeological, artistic, and historical studies into monuments and artifacts, objects of art, antiquities, and all culturally important material objects in general, and for the protection of all such objects on the territory of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, the Academy of History of Material Culture is hereby founded in Petrograd". Initially, the name of the new body was Russian Academy; after the formation of the U.S.S.R. it was given the title State Academy, the Russian acronym being

GAIMK (1926). In Moscow, a section of GAIMK was organized in 1924; in early 1932 it became the Moscow Branch of GAIMK (MOGAIMK).

GAIMK, as the principal archaeological organ formed by the state, was undergoing structural changes in the course of historical events occurring in Russia. At first, GAIMK was the heir of the Imperial Archaeological Committee (IAK) and incorporated its library that possessed 25 thousand books and archives where manuscripts and photographic documents were stored. IAK itself was founded in 1859. According to a decree passed by the Ruling Senate, its chairman became S.G. Stroganov, who held this position until 1882. People in charge of IAK had long terms of office,

thus providing for the stability and efficiency of the Committee's policies. Stroganov's successor was A.A. Vasil'chikov, who was simultaneously Director of the Hermitage. In 1882 the post was taken by A.A. Bobrinsky, who stayed in office until 1917.

IAK played an important role in Russian archaeology. It was the place where specialists were given licences allowing them to carry out excavations, and where they had to submit reports. This practice enhanced archaeological methodology. Reports were published in fundamental volumes entitled IAK Reports (seventy of them have appeared altogether), which became an extremely important source of information. The same is true of the series *Materials in Russian Archaeology*, 37 of which have been published.

The destiny of GAIMK was by far less lucky. The regime increased ideological pressure and foisted political dogmas on Soviet archaeologists. Political campaigns and purges resulted in human losses and made unbiased research impossible. All publishing activities were subjected to rigid control, and changes were often introduced. Publications became much less informative than were those of IAK. Under the conditions of a bureaucratic centralized system, drastic organizational changes were inevitable. On June 30, 1937, an order was issued by the *Commissar of People's Education* saying that GAIMK was transferred under the jurisdiction of the U.S.S.R. Academy of Sciences. Immediately after that, the general meeting of the Academy passed a resolution according to which GAIMK was transformed into the Institute of History of Material Culture, with a branch in Moscow (MOIMK).

Several leading figures of GAIMK fell victim to the Great Terror. F.V. Kiparisov, the former deputy chairman and then chairman of GAIMK, was arrested and, in 1937, died in a concentration camp. It should be noted, however, that the sociological assault launched in the early 30s against the "bourgeois science of artifact description" lost its momentum soon afterwards, and archaeology gradually turned back to its principal source, which can be interpreted in a number of ways. It is especially important in this respect that in 1938 M.I. Artamonov became Director of IIMK and was in office throughout the pre-war years. He started the series *Materials and Studies into the Archaeology of the U.S.S.R.*, which in some ways revived the traditions of *Materials in Russian Archaeology*. Even earlier, the first volumes of the series *Soviet Archaeology* were published; after the war, it became a journal. *Current information was being published in the series Digest of Papers and Field Research of IIMK.*

The trend towards an all-encompassing centralization, however, continued to operate. In 1945, the Presidium of the Academy of Sciences decided that IIMK, whose principal members were earlier evacuated from the besieged Leningrad, should be shifted to Moscow. Later it was named The Academy of Sciences Institute of Archaeology (its departments in Leningrad became the Leningrad Branch, LOIMK, later LOIA; it narrowly escaped a new round of crackdown upon the Leningrad intellectual elite in the early 1950s). Only the resolution passed by the Presidium of the Academy of Sciences on June 21, 1991, restored the original condition, and constituted the Institute of Archaeology Leningrad Branch as an independent body, the Institute of History of Material Culture.

There is one more aspect to all these events, one related to the more general issue: the infrastructure of a discipline. Both IAK and GAIMK were governmental bodies, and the same applies to the institutes belonging to the Russian Academy of Sciences. The organizational and financial support of the state is the crucial factor stimulating the development of promising research areas, the main problem being that the views of the authorities may differ from those of the scholarly community. The best option is to combine state support with alternative organizational forms. This, to some extent, is the common practice in the U.S.A., where the tax policies stimulate the activities of a large number of foundations and private sponsors. This variable infrastructure has its history in Russian archaeology as well. In terms of financial support, IAK, like the Imperial Archaeological Society, were primarily governmental bodies. Alongside with them, however, several other societies and circles existed, the most successful one being the Moscow Archaeological Society, founded in 1864. Its most important achievement was the organization of archaeological congresses, the first of which took place in Moscow, the second, in Petersburg. Later, in the second half of the 19th century, such societies emerged in several other cities. In 1897, the Turkestan Circle of Archaeologists was founded in Tashkent. Although the Moscow and Petersburg societies could be regarded as the major centres, the total structure was becoming increasingly polycentric.

Basically the same processes continued in the 1920s. In addition to the archaeological centres, there were many regional societies for the study of local history, and hundreds of semiprofessional enthusiasts were engaged in these studies. Because these are perhaps the optimal conditions under which archaeology should function, the same trends operated in the 60s and 70s as well, despite the naive bureaucratic belief in the possibility of an all-encompassing system of centralized regulation.

The activities of archaeologists in the university centres of Siberia may provide a good example, and even more so the foundation of specialized academic centres in Novosibirsk and Vladivostok.

In the 1990s, these processes become especially apparent. The Russian science is moving towards polycentrism and trying to find nongovernmental forms of research stimulation. Thus, in 1994, a regional Institute of History and Archaeology was founded in Samara by the municipal authorities, its primary concern being the research into the history of peoples inhabiting the Volga Basin. Also, the Russian Archaeological Society resumed its activities as a nongovernmental organ. The need for conservation and use of the cultural legacy creates a new type of commercial structures focusing on regional historical and archaeological studies. Under these conditions, the major archaeological centres acquire new functions and do not in the least seem to lose their importance.

IIMK tries to take part in these processes. One of its principal practices is the signing of collaboration treaties with research centres and governmental structures engaged in cultural activities. Taking Ukraine as an example, such treaties have been signed with the Ukrainian Academy of Sciences Institute of Archaeology, the Odessa Historical Museum, the universities of Dnepropetrovsk, Zaporozhye, and Simferopol', the Republic of Crimea State Committee for the Protection and Exploitation of Historical and

Cultural Monuments, cultural reserves in Kherson and Bakhchisaray, and the museum centre in Kiev-Pechersk monastery — governed by the Ministry of Culture of Ukraine.

Specific forms of this collaboration include joint expeditions, symposia, and engagement in large international projects. IIMK took an active part in the organization of the international conference "Chronological Issues in Chalcolithic and Bronze Age Cultures of Southern Ukraine and Southeastern Europe" (Dnepropetrovsk, April 1994). One of the future actions will be a roundtable discussion on church architecture, an important but nearly forgotten area of archaeology.

In November 1994, following the appeal from the Karelian Ministry of Culture, IIMK incorporated in its academic structure the reserve area on Kizhi Island, Lake Onega. The incorporation, however, is purely academic, since in terms of financing and administration the reserve remains part of Karelia. In December, the same practice was extended to the Department of Archaeology of Lower Volga and Caspian (formerly Saratov University Archaeological Laboratory). Cooperation is being maintained also with nongovernmental archaeological organizations. This should be viewed as the principal feature of the new infrastructure of science in Russia. Because the primary task is to attain the world methodological standards, the role of the large academic centres is still very important.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЛЬБУЛАК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М.Р.КАСЫМОВ, Т.Ю.ГРЕЧКИНА*

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак располагается на мысу, образованном реками Джарсай и Кызылалмасай. Последний является правым притоком р.Ахангаран. Этот район входит в зону юго-восточных склонов Чаткальского хребта Тянь-Шаньского горного массива. Бассейн р. Ахангаран является межгорной котловиной, ограниченной с юго-запада Кураминским, с северо-востока Чаткальским хребтами.

Вблизи склонов Чаткальского хребта на более пологих и окружающих с правого берега долину р.Ахангаран возвышенностях находятся "палеогеновые и меловые породы, тянущиеся на юго-запад до 15 км" (Машковцев 1935). Сама стоянка Кульбулак расположена в 1 км ниже этих выходов со следами мастерских на конусе выноса, на правом берегу Джарсай, левого притока Кызылалмасая. Абсолютная высота памятника 1042,5 м над уровнем моря. Стоянка была открыта в 1962 г. и на протяжении 25 лет исследовалась археологической экспедицией Института археологии АН Респ.Узбекистана под руководством М.Р.Касымова. За эти годы им было вскрыто более 600 кв.м. К настоящему времени на правом берегу Джарсай № 3 и раскопками №№ 1-19 открыты континентальные четвертичные отложения, в которых выделены (Касымов 1984:473-474) верхняя часть нижнеплейстоценовых отложений (Сохский или Нарпайский подгоризонт) и полностью средние и позднелейстоценовые (Ташкентский и Голодностепский) надгоризонты. Вся толща этих отложений содержит многочисленные культурные слои, датируемые от среднего ашельа до позднего палеолита включительно (рис.1).

Исходя из геоморфологических, споропыльцевых, литологических, палеонтологических и других данных, полученных в результате комплексного изучения памятника на протяжении многих полевых сезонов, можно предположить, что ашельским слоям Кульбулака соответствовал влажный и теплый климат с усиленной деятельностью (Касымов, Годин 1984:16; Исламов, Зубов 1988:40; Герасимов, Чихачев 1931: 52-55). Во второй половине среднего плейстоцена, что соответствует древним и развитым мустьерским слоям памятника, усилилась тектоническая активность Тянь-Шаня. Климат стал аридным и теплоумеренным с небольшими колебаниями то в сторону похолодания, то в сторону потепления. В конце среднего, начале верхнего плейстоцена (слои развитого и финального мустье) климат по результатам палеонтологических и спорово-пыльцевых исследований был теплым. Но уже во второй половине верхнего плейстоцена (верхнепалеолитические слои Кульбулака) климат изменяется на резкоконтинентальный, о чем свидетельствует сосуществование на одной и той же территории как теплолюбивых, так и холоднолюбивых животных (Беляева 1946:105-107) и соответствующей растительности (Ильин 1946:34-41).

Для обитателей Кульбулака основным сырьем служил кремь, реже — кремнистый известняк, кварц, кварцит, халцедон и др. Общие подсчеты по всем культурным слоям показывают, что кремь составляет 84,3%, сланец 6,4%, кремнистый известняк 2,3%, кварц — 1,8%, кварцит 1,6%, халцедон 1,5%, другие породы камня — 2,1%.

* Узбекистан. Самарканд. 703051. ул. Академика Абдуллаева, 3. Институт археологии АН Узбекистана

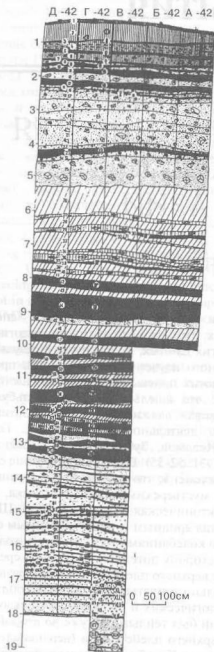

Рис.1. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Разрез по западной стенке шурфа 3, линии кв. Д2-42 — А2-42. I-III — верхнепалеолитические культурные слои; IV-XXIII — мустьерские культурные слои; XXIV-XIV — ашельские культурные слои.

Fig. 1. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Transect across the western wall of trench 3, lines of sq. D2-42 — A2-42. I-III — Upper Palaeolithic levels; IV-XXIII — Mousterian levels; XXIV-XIV — Acheulean levels.

Месторождения кремня, кремнистого известняка, кварца и кварцита находились в палеогеновых и меловых породах выше стоянки Кульбулак. Кремнистый сланец, галечный кремль и сейчас представлены в изобилии в руслах Кызылалмасая, Гышгасая и других саев в ок-

рестностях Кульбулака.

Ашельские культурные слои залегают на глубине 19-14 м от дневной поверхности. Эта пятиметровая толща вмещает 22 ашельских слоя, с 45 по 24 включительно; они изучены на площади 9 кв.м каждый. Слои связаны с глинисто-песчанистыми и глинисто-алевролитовыми отложениями голубовато-серого оттенка. Мощность их различна, насыщенность каменными изделиями от 1 до 20 экземпляров на 1 кв.м. Всего обнаружено 3210 артефактов.

Нуклеусы зафиксированы почти во всех ашельских слоях, хотя количество их в этих слоях различно: от нескольких единиц до трех, четырех десятков. Формы их довольно однообразны: дисковидные односторонние и двусторонние, одноплощадочные, двухплощадочные и многоплощадочные нуклеусы, с раскалыванием в одной или нескольких плоскостях.

Дисковидные нуклеусы одностороннего скалывания часто имеют удлиненно-овальные очертания и горбообразную укороченную тыльную часть. Так, нуклеусы из 30 культурного слоя различаются тем, что у одного экземпляра скалывание идет навстречу друг другу по короткой оси с длинных площадок (рис.3: 6), а у другого — центростремительными ударами по всей периферии круговой площадки (рис.2: 7). Размер последнего типичного экземпляра одностороннего дисковидного ядрища 7 x 5 x 2,8 см. Подобные нуклеусы встречены и в других выше- и нижележащих слоях. Например, в слое 44 (рис.3: 1), слое 35 (рис.2: 4; рис.3: 7). Дисковидные двусторонние нуклеусы имеют округлые в плане очертания (слой 27) (рис.2: 2,6,8) и чечевицеобразное сечение (рис.2: 1) (слой 28).

Одноплощадочные нуклеусы представлены довольно разнообразными вариантами: так в 29 культурном слое найден одноплощадочный нуклеус в средней стадии сработанности. Скалывание велось по длинной оси заготовки. Одноплощадочный четырехугольный равновеликий нуклеус отмечен в слое 35 (рис.3: 2).

Двуплощадочные нуклеусы подчетырехугольных очертаний в ашельских слоях единичны. Скалывание с них производилось в одной плоскости с площадок, расположенных друг против друга под углом 90°. К двуплощадочным двуплоскостным нуклеусам со скалыванием под углом в 90° относится экземпляр из слоя 27 (рис.4: 2).

Многоплощадочные нуклеусы имеют ударные площадки, расположенные на различных участках заготовки, в разных ее плоскостях (рис.3:3). Подобные ядрища были дополнительно обработаны и использованы в качестве скребловидных, выемчатых и зубчатых орудий. Трехплощадочный комбинированный нуклеус плоскостного и торцового скалывания (рис.3:

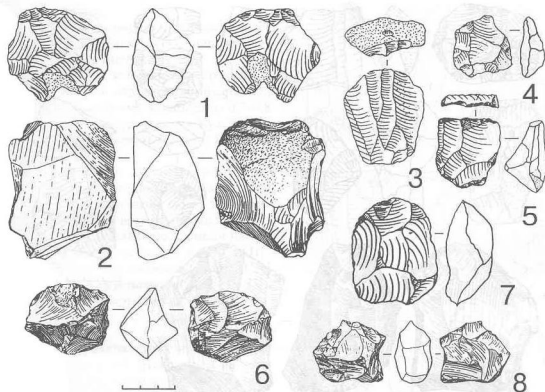

Рис. 2. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1,2,6,8 – XXVII культурный слой; 3,4 – XXIV культурный слой; 5 – XXVIII культурный слой; 7 – XXX культурный слой.

Fig. 2. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1,2,6,8 – level XXVII; 3,4 – level XXIV; 5 – level XXVIII; 7 – level XXX.

9) найден в 28 культурном слое.

Что касается орудий, типичных для ашельского времени Кульбулака, то наиболее ярким примером могут служить находки из 28 культурного слоя, который дает самую многочисленную и выразительную коллекцию каменных изделий.

Характерной особенностью являются бифасальные формы. Все бифасы не составляют единой серии, и функционально представляют, видимо, орудия различного производственного назначения. Бифас-скребло, удлиненно-овальных очертаний (рис.4:3). Размеры: 8 x 4, 8 x 2,4 см. Оба продольных слегка выпуклых края орудия тщательно оббиты одинаковыми сколами, не захватывающими всю плоскость и оставляющими в центре ее участок корки. Эта манера оформления напоминает подправку круговой площадки односторонне-дисковидного нуклеуса. Другая плоскость бифаса имеет лишь два крупных поперечных негатива. Наиболее массивная пяточная часть орудия приострена с двух сторон мелкой оббивкой. Противоположный пятке, тонкий конец заготовки закруглен, обработан многорядной ретушью и превращен в лезвие скребка. Обработка всей периферии орудия более мелкой ретушью, выщербины от использования доказывают, что основной рабочей функцией этого бифаса была функция

скребущего, а не рубящего орудия. Возможно, что орудие использовалось в рукоятке, о чем говорит отсутствие выщербин от употребления на приостренной пяточной части.

Наконечник дротика из 28 слоя имеет удлиненные пропорции, в профиль – плоско-выпуклый. Оба продольных края сплошь обработаны крупнофасеточной ретушью, а затем, с обеих сторон – мелкой ретушью. С брюшка орудие оформлено уплощающими грубыми стесами, покрывающими плоскую сторону орудия. Основание приострено мелкой ретушью (рис.5:7).

Чоперовидные орудия довольно разнообразны. Зубчатый чопер (рис.5:9) изготовлен на подчетырехугольном нуклеовидном куске кремня. Скребловидный чопер с 4-мя лезвиями (рис.5:10) со стороны спинки полностью оформлен оббивкой по всем четырем краям заготовки. Два удлиненных прямых края многорядной оббивкой и укороченными сколами превращены в протяженные, слегка зубчатые лезвия, имеющие мелкие выщербины-забитости. Нижний короткий край приострен пологой оббивкой. Противоположный ему короткий край оформлен как выемчатое лезвие крупным пологим скошенным клетонским анкошем, вогнутый край которого обработан крупнозубчатой ретушью.

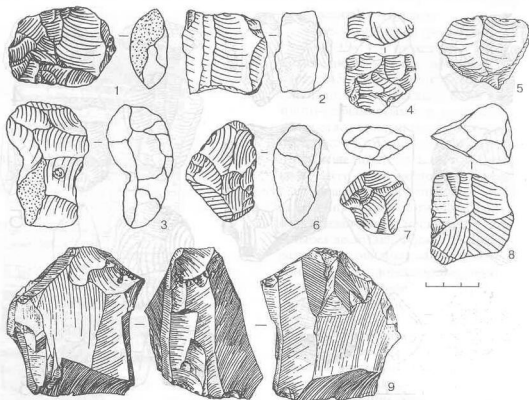

Рис. 3. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1 — III культурный слой; 2 — XXXVI культурный слой; 3,4 — XXIX культурный слой; 5,7 — XXXIV культурный слой; 6,8 — XXX культурный слой; 9 — XXVIII культурный слой.

Fig. 3. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1 — level III; 2 — level XXXVI; 3,4 — level XXIX; 5,7 — level XXXIV; 6,8 — level XXX; 9 — level XXVIII.

Остроконечники и острия, как правило, удлиненные, ретушированные по продольным и поперечным краям, некоторые имеют обработанное основание и обе стороны, верхний конец усечен поперечным сколом (рис.9:3). Имеются широкие экземпляры с более или менее острым концом и основанием, подработанным лицевой ретушью (рис.9:6). Группа остроконечников и острий отнесена к тейякскому типу. Следует отметить крупнозубчатый двойной тейякский остроконечник с приостренными концами типа лимаса (рис.5:2), и мелкозубчатый тейякский остроконечник с острым концом (рис.7:10).

Скребла «кульбулакского типа» отличаются коротким острием, заключенным между рабочими лезвиями. Выделяются скребла на поперечных или на боковых краях (рис.5:4) заготовок, на площадке отщипа, двулезвийные — на поперечном и боковом краях. Многосоставные скребла имеют прямые, выпуклые, а иногда вогнутые края, оформленные краевой, лицевой крутой и полукрутой ретушью (рис.5:5).

Комбинированные орудия представлены такими изделиями как скребло-скребок (рис.7:12); многосоставные скребла — скребки в сочетании с рубяще-долотовидным лезвием на площадке скола и зубчато-режущим орудием

(рис.5:1). Скребок — долотовидное орудие, у которого лезвие оформлено на боковом краю поперечно-угловатого отщипа с подправленной площадкой, расположенной у края заготовки. Поперечный длинный край отщипа обработан мелкой чередующейся зубчатой ретушью. Край, примыкающий к площадке, угонченный крутой зубчатой подтеской, выделяющей сбоку основное лезвие скребка-долота (рис.7:3). Такая же ретушь и на другом краю, на стыке с рабочим лезвием. В коллекции изделий ашельских слоев имеются скребуще-режущие орудия, скребуще-зубчатые (рис.7:5); выемчато-скребущие (рис.7:2); выемчато-прокалывающие (рис.5:8); зубчатые, режущие, зубчато-выемчатые орудия, проколки и острия-шпы (рис.5:3).

Для эторичной обработки ашельского комплекса характерны следующие приемы: первичная плоскостная отеска всей поверхности заготовки крупными уплощающими сколами, обработка рабочих краев разновеликими сколами, образующими зубчатое лезвие, крупнофасеточная ретушь, единичные и крупные сколы на краю заготовки, создающие клетонские анкоши, лямеллярные веерообразно направленные сколы для оформления лезвий скребков, обработка рабочего края отвесной укороченно-

фасеточной ретушью.

В ашельских слоях наряду с грубыми и массивными орудиями, имеются изделия на мелких, миниатюрных отщепках.

Мустьерские слои залегают непосредственно над ашельскими и отделены от последних, стерильными отложениями мощностью 0,7-0,8 м; 24 мустьерских культурных слоя Кульбулак расположены в интервале от 1,2 м до 13,5 м от дневной поверхности.

Учитывая некоторые изменения в технико-типологических характеристиках каменного инвентаря, геолого-литологических и климатических особенностях — весь комплекс мустьерских слоев можно разделить по времени на три периода: а) древне-мустьерский (слои XXIII-XXIII и XII^{вн}); б) средне-мустьерский (слои XII, XI^{вн}, XI-VI); в) поздне-мустьерский (слои V-IV). Слои с XXIII по XV вскрыты, как и ашельские, на площади 9 кв.м, а вышележащие — на площади 23 кв.м и более.

В древнемустьерских слоях насчитывается 1029 каменных изделий. Некоторые из этих слоев сохраняют следы золы и фрагменты костей ископаемых животных. В комплексе древнемустьерских слоев представлены дисковидные, одно-двух- и многоплощадочные нуклеусы. Дисквидный односторонний нуклеус крупного размера (9,8 x 3,4 см) с круговой площадкой найден в слое XIII (рис.9: 1).

Двусторонний двуплощадочный нуклеус из XV культурного слоя также имеет крупные размеры. Одна плоскость скальвания сохраняет негативы пластинчатых снятий, идущих навстречу друг другу. Другая плоскость скальвания расположена к верхней под углом 90°, снятия велась в одном направлении. В нижней части плоскости имеются два коротких предварительных скола, ограничивающие плоскость скальвания (рис.9:4). Двуплощадочный двуплощадочный нуклеус со скальванием под углом 180° и клиновидный в сечении найден в XX культурном слое (рис.8: 6).

Продукты расщепления в древнемустьерских слоях представлены выразительными крупными массивными отщепками с гладкими ударными площадками. Наряду с ними, хотя и редко, имеются так же типичные леваллуазские пластины и треугольные отщепы с изогнутыми фасетированными площадками. Орудия раннемустьерских слоев, при всей своей типичности, характеризуются большим процентом усложненных, многосоставных изделий, что напоминает индустрию некоторых нижележащих ашельских слоев (XXX и XXVIII). Они представлены скребками различных типов: боковыми, поперечными, прямыми, кульбулакского типа, выемчато-режущими орудиями, зубчатыми орудиями типа тейякских остроконечников

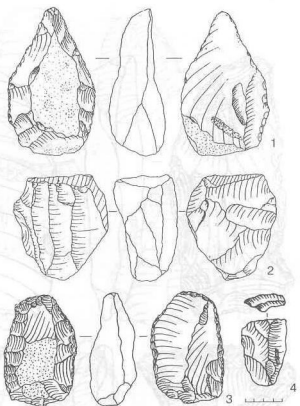

Рис. 4. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1, 3 — XXVIII культурный слой; 2 — XXVII культурный слой; 4 — XXXVI культурный слой.

Fig. 4. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1, 3 — level XXVIII; 2 — level XXVII; 4 — level XXXVI.

зубчатых, выемчато-прокалывающими и ножевидными.

Ножи и ножевидные орудия изготовлены на отщепках и пластинках, как целых, так и фрагментированных. Встречаются двулезвийные изделия, у которых оба прямые лезвия оформлены мелкой лицевой приотстригающей ретушью (рис.6: 3); ножи с прямым лезвием и обушком (рис.9: 7,2); ножевидные изделия типа остроконечника с частичной обработкой конвергентно сходящихся краев (рис.6: 8).

Скребла представлены довольно разнообразными вариантами. Многолезвийное скребло на подчетырехугольном отщепе с двумя боковыми выступами и продольными лезвиями оформлено мелкой лицевой полукруглой ретушью, а один из его поперечных прямых краев, обработан неровной приотстригающей ретушью (рис.7:6). Угловое скребло-нож имеет прямое лезвие и скошенный обушок. Лезвие оформлено полукруглой ретушью (рис.7:13). Поперечное скребло на краю площадки ретушированного отщепка (рис.6:2), скребла однолезвийные из пластин (рис.7: 4), из пластинчатых отщепов (рис.10: 2), двулезвийные на усеченных пластинках (рис.10:1), боковое скребло (рис.6: 5). Конвергентное скребло с фигурными, сходящимися в клиновидный выступ краями изго-

Рис. 5. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1-6 – XXVIII культурный слой; 7-10 – XXVIII культурный слой.

Fig. 5. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1-6 – level XXVIII; 7-10 – level XXVIII.

товлено на крупном отщепе (рис.6:7). Ретушь крупнофасеточная, крутая, не спрямляющая край, а следующая его очертаниям.

Скребло "кульбулакского типа" так же изготовлено на крупном отщепе. Это изделие представляет собой комбинацию из двух скребловидных рабочих лезвий с выступом между ними (рис.6: 6).

Зубчатые орудия изготовлены на отщепах и осколках. Рабочие края обработаны мелкозуб-

чатой, иногда чередующейся ретушью. Рабочие участки оформлены по одному, иногда по двум краям (рис.6: 1).

Комбинированные орудия представляют собой сочетание на одной заготовке нескольких разнофункциональных лезвий. Например, скребло с долотовидным лезвием, двулезвийное скребло на пластинчатом отщепе с лезвиями, оформленными противоположащей ретушью и двумя овальными с противоположащей подтес-

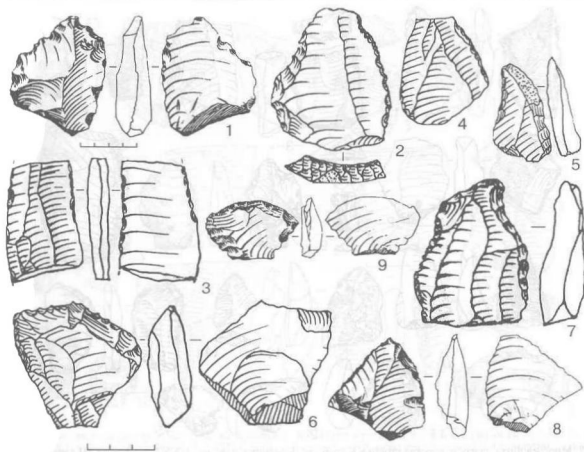

Рис. 6. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1, 4, 8 – XIII культурный слой; 2, 7 – XVIII культурный слой; 3 – XXI культурный слой; 5 – XV культурный слой; 6 – XIV культурный слой; 9 – VIII культурный слой.

Fig. 6. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1, 4, 8 – level XIII; 2, 7 – level XVIII; 3 – level XXI; 5 – level XV; 6 – level XIV; 9 – level VIII.

кой долотовидными лезвиями на концах отщепов (рис. 8: 13).

В целом же техника первичного раскалывания некоторых мустьерских слоев идентична предыдущим ашельским, и является дальнейшим развитием приемов плоского раскалывания камня. В орудийном наборе преобладают изделия из отщепов. Характерно наличие большого процента комбинированных изделий, оформленных выемками и выступами различного назначения с чередующейся зубчатой и скребковой ретушью. В верхних слоях этого комплекса (XII^{в-а} слои) наблюдается новый, более прогрессивный способ расщепления камня, о чем свидетельствуют атипичные и протопризматические нуклеусы. Эта техника получила наибольшее развитие в культурных слоях позднего мустье и верхнего палеолита.

Развитое мустье представлено в индустриях XI, XI^в, XI-VI слоев. Общее количество каменного инвентаря достигает здесь 53 тысяч. Наибольшее количество изделий происходит из VIII культурного слоя. В технике первичного расщепления преобладает система радиального и конвергентного скалывания. Во многих слоях встречаются протопризматические и призматические

нуклеусы, хотя сохраняются как дисковидные односторонние, уплощающего скалывания (рис. 8: 5), так и двусторонние диски (рис. 10: 6).

Одноплощадочные нуклеусы характеризуются уплощающим полюсным скалыванием. Снятие отщепов производилось, как правило, в одном направлении. Ударная площадка широкая, подправленная поперечными снятиями. Некоторые экземпляры имеют дополнительную подправку плоскости скалывания ударами с вспомогательной площадкой (рис. 11: 1).

Двуплощадочные нуклеусы (рис. 8: 3, 7) имеют горизонтальные ударные площадки, подправленные поперечными сколами и расположенные на обоих концах заготовки. Скалывание направлено навстречу друг другу в одной плоскости. Имеются разновидности с площадками, расположенными под углом в 180° в разных плоскостях. Иногда площадки располагались под углом в 90° друг к другу. Скалывание велось и по длинной и по короткой осям.

Многоплощадочные нуклеусы характеризуются наличием нескольких ударных площадок на разных концах заготовки (рис. 9: 5). Некоторые из них можно рассматривать как перефор-

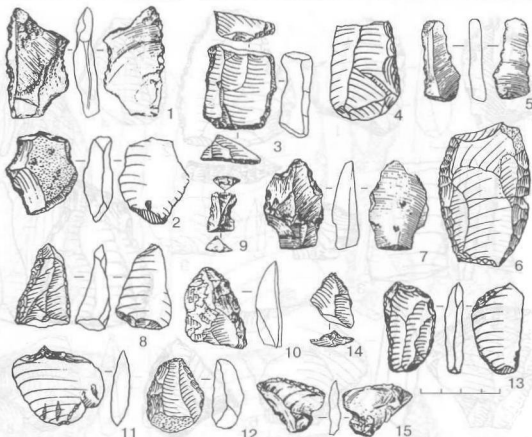

Рис. 7. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1-3,5,7,10,12 – XXVII культурный слой; 4 – XV культурный слой; 6,8 – XX культурный слой; 9,15 – VIII культурный слой; 11 – XVII культурный слой; 13 – XVIII культурный слой; 14 – X культурный слой.

Fig. 7. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1-3,5,7,10,12 – level XXVII; 4 – level XV; 6,8 – level XX; 9,15 – level VIII; 11 – level XVII; 13 – level XVIII; 14 – level X.

мленные в процессе скалывания дисковидные ядрища, превращенные в полюсные и наоборот.

Орудия развитого мустье так же разнообразны, они изготовлены на заготовках более правильных очертаний и имеют более выразительную вторичную отделку.

Продольные скребла обработаны вначале крупными пологими сколами, затем ретушью. Чаще всего лезвию противостоит обушок в виде грани или желвачной корки. Иногда ретушью оформляется скошенный для упора обушок – эти формы сближаются с угловыми скреблами (рис.10: 3).

Поперечные скребла имеют прямое выпуклое, иногда вогнутое лезвие и как дополнение один или два рабочих элемента на углах поперечного рабочего края (рис.6: 9). Как разновидность их можно рассматривать поперечно-лезвийные скребла с черешком (рис.7: 15). Черешок оформлен двумя симметричными выемками с брышкой. Продолжают свое существование на этом этапе и скребла "кульбулакского типа", а также конвергентные скребла с выемчато-зубчатой обработкой сходящихся лезвий и с оформлением дистального конца в виде ши-

рокого выступа (рис.12: 1). Они могут быть удлиненных пропорций на пластинчатых отщепках и укороченных пропорций с овальными краями.

Режущие орудия и наконечники представляют довольно разновариантную в типологическом отношении группу. Так на рис.10: 4 изображен нож-вспарыватель с выпуклым лезвием и обушком. Лезвие оформлено поперечно-фасеточными полукруглыми сколами далеко заходящими на спинку с последующими приспособлениями, спрямляющими лезвие. Рабочий конец орудия специально выделен выемкой со стороны обушка и скруглен удлиненными фасетками ретуши так, что составляет единое целое с выпуклым режущим лезвием. На противоположном от лезвия краю крупными отвесными сколами подработан обушок.

Другая разновидность – удлиненно-листовидный наконечник с приспособленным основанием и аккомодационным элементом-насадом, оформленным приспособлением бокового края (с брышка) и основания (со спинки) (рис.11: 4). Зубчато-выемчатые орудия изготовлены, как правило, на отщепках различных пропорций. Конвергентные формы этих орудий имеют зуб-

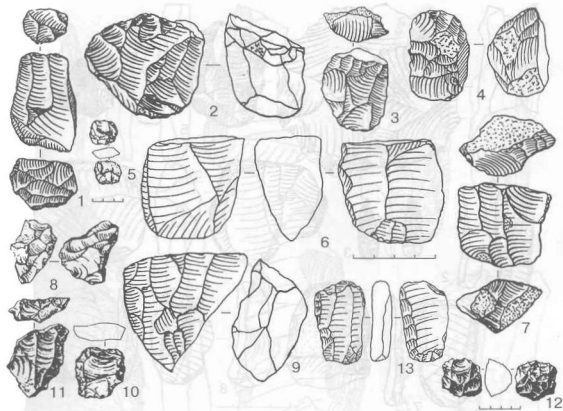

Рис. 8. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1,9 – V культурный слой; 2,4 – IV культурный слой; 3,7 – X культурный слой; 5 – VIII культурный слой; 6 – XX культурный слой; 8 – I культурный слой; 10-12 – VII культурный слой; 13 – XV культурный слой.

Fig. 8. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1,9 – level V; 2,4 – level IV; 3,7 – level X; 5 – level VIII; 6 – level XX; 8 – level I; 10-12 – level VII; 13 – level XV.

чато-выемчатую обработку продольных краев и обязательное оформление острого конца. У одних острый конец обработан правильной тонкой ретушью (рис.12: 7). У других – выделен противоположащими сколами (рис.11: 2; 12: 15).

Скребокковые формы в большинстве случаев представлены в качестве комбинированных изделий. Скребокковые лезвия оформлены на поперечных концах заготовок или специально образованных выступах, они сочетаются с другими лезвиями или рабочими элементами на боковых краях. Концевые скребки представлены следующими разновидностями: прямые скребковые рабочие края в сочетании с обработкой обоих боковых лезвий в качестве скребковидных орудий (рис.10: 7); режуще-ножевидные; зубчато-режущие в сочетании с анкошем (рис. 7: 9) и так далее.

“Угловатые скребки” – (скребковое лезвие с острием на углу), изготовлены на пластинчатых заготовках. Боковые края имеют прямые и скошенные скребковые лезвия (рис.12: 9).

В группу орудий долотовидного характера (струги-скобели) объединены изделия, которые имеют приостряющую подтеску поперечного края или выступа. В большом количестве и в многообразных проявлениях в этом слое со-

храняются выемчато-скребущие изделия, выемчатые, выемчато-режущие (рис.12: 4). Группа острый, проколоч и проверток довольно многочисленна во всех слоях. К этой группе отнесены те орудия, которые имеют прокальвающие рабочие элементы, хорошо оформленные и выделенные ретушью. Они расположены симметрично по длинной или коротким осям заготовок (рис.12: 5). Варианты этих изделий многообразны.

Ножевидные орудия отличаются от продольных скребел мелкой приостряющей коротко-фасеточной ретушью рабочего края.

Зубчато-режущие изделия имеют мелкозубчатую ретушь, нанесенную чередующимися сколами или кругую зубчатую обработку, противоположный край сохраняет обушок (рис.10: 5).

В культурных слоях развитого мустье появляются новые типы орудий – терочки. Они имеют округлую форму, полученную специальной оббивкой по кругу с последующим заглаживанием. Диаметр их 6-8 см, толщина около 3-4 см.

В целом, в слоях развитого мустье в технике расщепления продолжало развиваться полусное уплощающее скалывание, дающее плас-

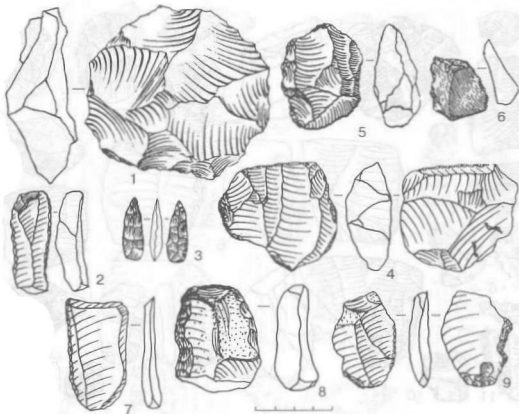

Рис. 9. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1 – XIII культурный слой; 2,4,7,8,9 – XVI культурный слой; 3 – XXVII культурный слой; 5 – VIII культурный слой; 6 – XXVIII культурный слой.

Fig. 9. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulaq. Stone artifacts: 1 – level XIII; 2,4,7,8,9 – level XVI; 3 – level XXVII; 5 – level VIII; 6 – level XXVIII.

тинчатые заготовки. Присутствуют и дисковидные ядрища. Следует отметить две тенденции: увеличение конвергентных сколов и уменьшение размеров округлых сколов.

В индустрии сохраняются основные формы и типы скребел, скребков, скребловидных и комбинированных орудий. Ярко выражен признак "избыточности ретуши", то есть совмещение на одной заготовке нескольких разнофункциональных лезвий. Орудия скребущего назначения составляют около 90% всех изделий. Впервые наблюдается использование такого аккомодационного элемента как черешок. Он создавался симметричными выемками в проксимальной части заготовки, с помощью ретуши, или клетонских выемок (рис.11: 3).

Позднемустьеерские культурные слои (V-IV) заключены в одной пачке голодностепских отложений. Они содержат 8708 каменных изделий. Среди нуклеусов продолжают сохраняться односторонние и двухсторонние дисковидные формы, хотя доля их незначительна. Наибольшая часть нуклеусов представлена одноплощадочными, среди которых есть и веерообразные формы для снятия пластин (рис.8: 9), и двуплощадочными экземплярами, среди протопризматических нуклеусов имеются как одноплощадочные, так и многоплощадочные экземпляры

(рис.8: 1). Значительна доля и атипичных нуклеусов.

Количество и разнообразие скребел, скребков и многосоставных орудий со скребущими элементами резко сокращается, но скребущая функция остается ведущей в каменной индустрии. Среди скребел преобладают однолезвийные с крутым лезвием на отщепках. Скребки преимущественно концевые с прямым, скошенным (рис.11: 5) или выпуклым лезвием, с дополнительной обработкой ретушью продольных краев. Сохраняются выемчато-скребущие формы (рис.12: 6), выемчатые (рис.12: 3), зубчато-режущие орудия. Ножевидные изделия изготовлены на сечениях крупных пластин или на тонких узких пластинках. Приостряющая ретушь нанесена по одному, либо по обоим краям (рис.12: 12).

Острия и проколки редко встречаются как самостоятельная форма, чаще они выступают как составной элемент в комбинированных орудиях, наряду с долотовидными, скребковыми и выемчатыми рабочими элементами и лезвиями, или же являются окончанием ножевидных и режущих форм (рис.11: 8). Сохраняются в верхнемустьеерских слоях и песты-терочки.

Совокупность трех верхнепалеолитических культурных слоев располагается на глубине от

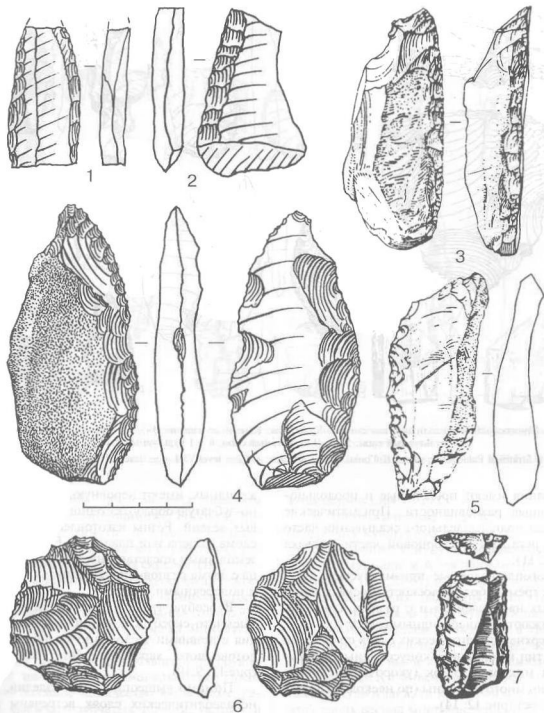

Рис. 10. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1,2 – XV культурный слой; 3,5,6,7 – VIII культурный слой; 4 – VII культурный слой.

Fig. 10. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1,2 – level XV; 3,5,6,7 – level VIII; 4 – level VII.

40 до 75 см от дневной поверхности. Все три слоя насыщены золой, очажными пятнами, содержат многочисленные фрагменты костей ископаемых животных и каменные изделия с неокатанной поверхностью, часто покрытой натечной известковой корочкой.

Инвентарь верхнепалеолитических слоев Кульбулака (III-I) отличается от нижележащих более развитой техникой раскалывания при сохранении основных традиционных форм орудий и приемов вторичной обработки рабочих

лезвий.

Надо отметить, что даже в I культурном слое продолжают существовать дисковидные ядрища как односторонние, так и двусторонние, хотя представлены они единичными экземплярами. Одноплощадочные ядрища с плоской параллельной системой скалывания представлены укороченно-поперечными, удлинённо-прямоугольными и веерообразно-треугольными вариантами.

Двуплощадочные нуклеусы уплощающего

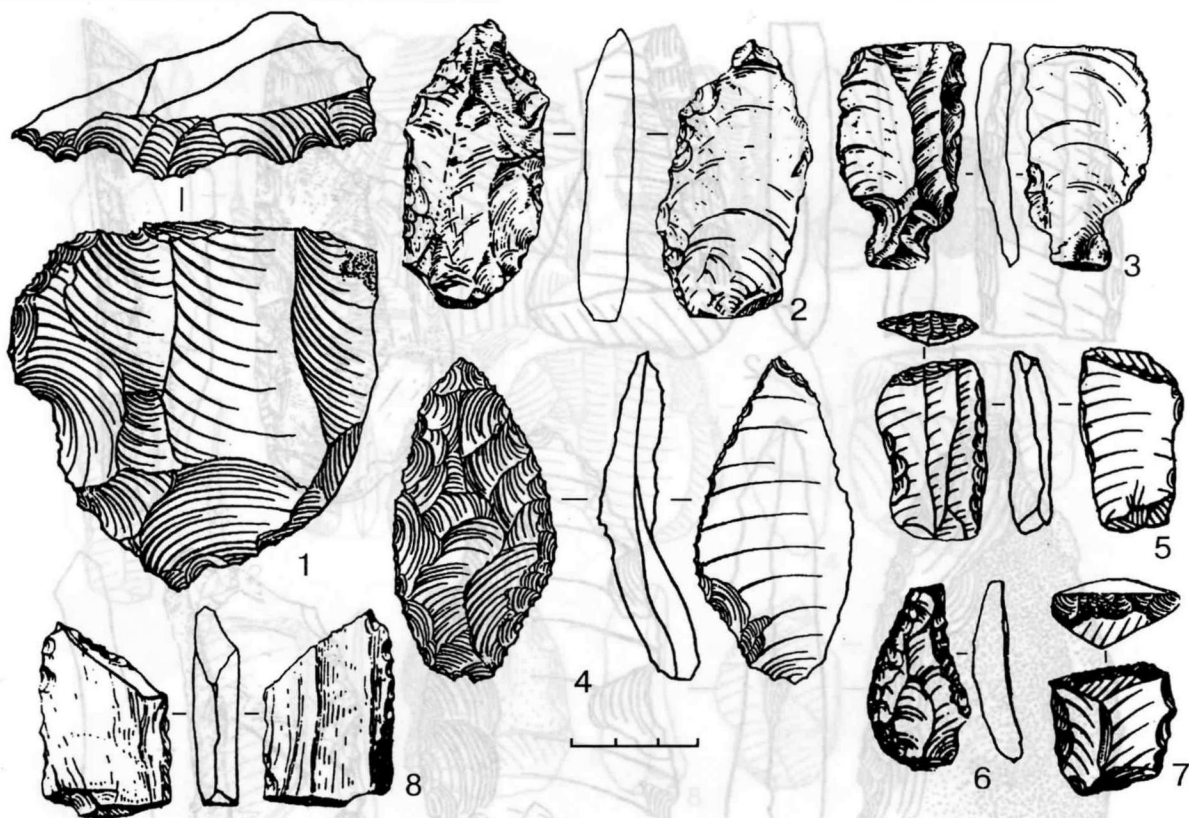

Рис. 11. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1-3,7 – VIII культурный слой; 4 – VII культурный слой; 5,8 – V культурный слой; 6 – I культурный слой.

Fig. 11. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1-3,7 – level VIII; 4 – level VII; 5,8 – level V; 6 – level I.

скалывания имеют продольные и продольно-поперечные разновидности. Призматические нуклеусы подпараллельного скалывания часто имеют негативы на торцевой части желвака (рис.12: 11).

Многоплощадочные призматические нуклеусы с тремя и более плоскостями скалывания в разных направлениях и с разных площадок приближаются к шаровидным (рис.8: 8).

В верхнепалеолитических слоях появляется новый тип нуклеусов – конусовидные нуклеусы для микропластинок (укороченные). Они довольно многочисленны (по несколько десятков в слое) (рис.12: 14).

Среди сколов-заготовок преобладают отщепы. Разнообразие типов орудий несколько сокращается. Так скребла полностью вытесняются скребками. Скребки представлены в основном концевыми изделиями с различными формами лезвий.

Скребково-режущие изделия имеют крутое выпуклое скребковидное лезвие по одному краю удлиненно-пластинчатого отщепы и вогнуто-режущее – по другому (рис.11: 6).

Ножевидные орудия изготовлены на пластинках или пластинчатых отщепах с помощью тонкой приостряющей край мелкофасеточной ретуши (рис.12: 8).

Режуще-зубчатые изделия, в отличие от но-

жевидных, имеют неровную, зубчатую и крупно-зубчатую обработку одного или обоих боковых лезвий. Резцы изготовлены чаще на углу слома отщепы или пластины. Единичными экземплярами представлены угловые формы резца с двумя резцовыми сколами – продольными и поперечными.

В особую группу выделяются выемчатые, выемчато-скребущие и комбинированные орудия с лезвиями тесловидно-желобчатого и долотовидного характера. Они разнообразны (рис.12: 9,10).

Помимо вышеописанных изделий, в верхнепалеолитических слоях встречены так же песты-терочники и отбойники.

Таким образом, подводя итоги характеристике инвентаря культурных слоев Кульбулака, отметим, что хотя ашельский, мустьерский и верхнепалеолитический комплексы резко отличаются друг от друга по времени, на протяжении существования всех слоев памятника наблюдается развитие одной и той же традиции в технике обработки камня.

Инвентарь ашельских культурных слоев Кульбулака имеет свои особенности: прежде всего выделяется ашельская группа таких орудий как бифасы, двусторонне-обработанные наконечники копий и дротиков, которые полностью исчезают в мустьерских слоях. Много-

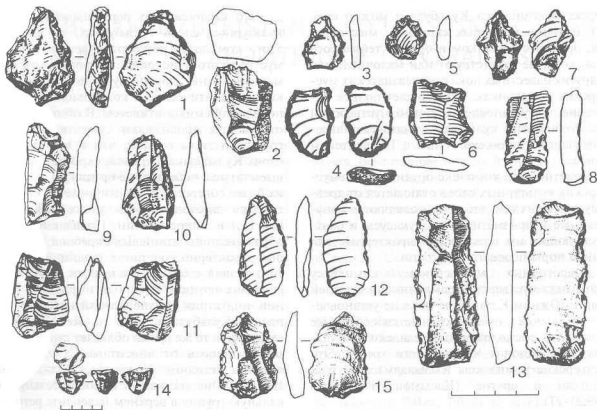

Рис. 12. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1,4,5,7,13,15 – VIII культурный слой; 2,8,9,10-11,14 – I культурный слой; 3,6 – V культурный слой.

Fig. 12. Stratified Palaeolithic site at Kul'bulak. Stone artifacts: 1,4,5,7,13,15 – level VIII; 2,8,9,10-11,14 – level I; 3,6 – level V.

численные скребла представлены десятком разновидностей: однолезвийные, боковые, поперечные, двулезвийные и многолезвийные. Наличие жальца между двумя скребущими рабочими краями у некоторых скребел дало основание для выделения их в особую группу скребел “кульбулакского типа”. Помимо этого, нужно отметить сосуществование, наряду с крупными и массивными формами, миниатюрных орудий различных типов.

Важной особенностью большинства орудий является их многофункциональность. Представлено большое количество выемчато-скребущих, выемчато-зубчатых орудий, острий и других тейякских орудий, которые сочетают основные рабочие лезвия с рабочими элементами самых разных назначений. Все это дает возможность говорить о своеобразной кульбулакской ашельской культуре.

Что касается аналогий этому комплексу, то на территории Средней Азии и Казахстана они пока не установлены, однако некоторые элементы сходства в технике первичной обработки можно проследить в инвентаре одновозрастных ашельских комплексов Учтуга (Касымов 1972), памятников Южного Казахстана, где встречаются массивные нуклеусы и отщепы с широкой гладкой ударной площадкой (Алпысбаев 1979) и в пещерной стоянке Сель-Унгур (Исламов,

Омонжулов 1984:18-27).

В типологическом отношении инвентарь ашельских культурных слоев Кульбулака значительно ближе к индустрии ашельских комплексов Чакмалы в Азербайджане (Коробков, Мансуров 1972:55-67) и убедийско-латамнской группе ашельских памятников на Ближнем Востоке (Коробков 1978:9-185). Однако изделия ашельских слоев Кульбулака в типологическом отношении немного богаче, чем изделия указанных выше ашельских памятников.

Что касается инвентаря мустьерского комплекса Кульбулака, то каменная индустрия и в этих слоях весьма многочисленна и своеобразна. Для техники обработки кремня мустьерских слоев характерна некоторая небрежность, прослеживаемая как в ядрищах, так и в характере заготовок. В отгране сколов наблюдается система радиального конвергентного скалывания. Левалуазские сколы в комплексе сравнительно малочисленны и составляют около 8%. Значительное место занимают грубоподправленные и фасетированные ударные площадки.

Разнообразна и вторичная обработка орудий мустье Кульбулака. Как отмечалось, здесь доминирует выемчатая, мелко- и крупнозубчатая обработка с массой разновидностей. Как и в ашельских слоях продолжают существовать многосоставные орудия. Характерным для мус-

тьерского комплекса Кульбулака можно считать наличие концевых скребков, микроорудий, орудий с черешком и орудий тейякского типа, которые отсутствуют или малочисленны на других известных пока среднеазиатских мустьерских памятниках. Все это дает полное основание для установления новой мустьерской "кульбулакской" культуры зубчато-выемчато-скребущего и тейякского типа в Ташкентском оазисе.

Отметим, что комплекс орудий позднемустьерских культурных слоев отличается от древнемустьерских тем, что здесь появляются конусовидные и призматические нуклеусы и соответствующие им пластинки, характерные для ранней поры позднего палеолита.

Аналогичных мустьерскому комплексу Кульбулака мустьерских памятников в Средней Азии и Южном Казахстане пока не установлено, но имеются очень сходные своеобразные памятники, расположенные недалеко от Кульбулака на склонах Чаткальского хребта. Это мустьерские комплексы Кызылалмасай I и 2, Гыштсай и другие (Касымов, Ростовцев 1969:21-27).

Что касается трех верхнепалеолитических культурных слоев Кульбулака, то инвентарь этого комплекса резко отличается от позднемустьерского. Дисковидные формы нуклеусов малочисленны, доминируют подпризматические, призматические и конусовидные ядрища, появляются микронуклеусы. В типологическом отношении продолжают существовать те же группы и типы орудий, что и в мустьерских слоях Кульбулака: скребла, скребки, зубчатые, выемчатые и черешковые орудия, но обработка их более совершенна. Увеличивается микролитизация заготовок, доля узких ножевидных пластин и микропластин. Появляются разнообразные типы концевых скребков, для которых характерно сочетание традиций желобчатого лезвия с боковыми краями скребущих и режущих орудий. В типологическом отношении индустрия верхнепалеолитического комплекса Кульбулака, хотя и имеет некоторое сходство, в то же время обладает существенными отличиями от инвентаря Самаркандской стоянки, стоянок Ходжатар, Ходжамазгиль, Шугноу. Она составляет самостоятельную локальную группу в верхнем палеолите региона.

Алишбаев, Х.А. 1978. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана, 208 с. Алма-Ата: Наука.

Бабажанов, В.С., И.Н. Костенко. 1960. Основы стратиграфии антропогена Казахстана и ряда других стран. Известия АН Каз.ССР, сер. геол. 1: 21-26.

Беляева, Е.Н. 1946. О находке остатков мамонта в Ферганской долине. Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода 8: 105-107.

Герасимов, В.И., П.К. Чихачев. 1931. Труды Главного геологического разведывательного управления 82: 52-55. Москва.

Ильин, М.М. 1946. Некоторые итоги изучения флоры пустынь Средней Азии. Материалы по истории флоры СССР 2: 34-41. Москва-Ленинград.

Исламов, У.И., Т.Омиржолов. 1984. Пещерная стоянка Сель-Унур: древнепалеолитический памятник в Ферганской долине. История материальной культуры Узбекистана 19: 18-21. Ташкент.

Исламов, У.И., Л.А. Зубов, В.И. Харитонов. 1988. Палеолитическая стоянка Сель-Унур в Ферганской долине. Вопросы антропологии 80: 38-40. Москва.

Касымов, М.Р. 1972. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. 160 с. Ташкент: ФАН.

1984. Работы Ахангарского палеолитического отряда. Археологические открытия 1982: 473-474. Москва.

Касымов, М.Р., М.А. Годиш. 1984. Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980-1982 гг.). История материальной культуры Узбекистана 19: 3-18. Ташкент.

Касымов, М.Р., О.М. Ростовцев. 1969. Мастерские каменного века в долине р. Арغن. История материальной культуры Узбекистана 8: 21-27. Ташкент.

Коробков, И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит мира 2: 9-185. Ленинград.

Коробков, И.И., М.М. Мансуров. 1972. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождений Чакмалы, в Западном Азербайджане). Материалы и исследования по археологии СССР 185: 55-67. Ленинград.

Маишковиц, С.Ф. 1935. Геологическое описание восточной части Ташкентского анта // Труды Центрального научно-исследовательского Геологоразведочного института 27: 106-107.

Пахомов, М.М. 1965. Ископаемые плющенчетвертичной флоры Памира и их значение для палеогеографии и биостратиграфии // Автореф. дисс. ... канд. геологич. наук: 19. Москва.

KUL'BULAK, UZBEKISTAN, AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PALAEOOLITHIC OF CENTRAL ASIA

The stratified palaeolithic site of Kul'bulak is located on the right bank of the Jarsay River, the left tributary of the Kyzylalmasay, which, in turn, is the right tributary of the Akhangaran. This area belongs to the zone of the southeastern slopes of Chatkal range, which belongs to the Tien-Shan system. The Akhangaran Basin is a hollow delimited by Kuramin range in the southwest and Chatkal range in the northeast. Following the discovery of the site in 1962, it was investigated over a period of more than 25 years by an expedition of the Institute of Archaeology of Uzbekistan headed by M.R. Kasymov. An area of over 600 m² has been exposed. The 19 m deep test excavation 3 and excavation areas 1-19 have yielded continental quaternary deposits in which the upper part of Lower Pleistocene levels were revealed, as well as the entire suite of Mid- and Upper Pleistocene strata.

The Pleistocene section is subdivided into low, middle, and upper links. All the suite contains numerous cultural levels dating from the mid-Acheulean to the Upper Paleolithic (fig.12). Geomorphological, pollinal, lithological, paleontological, and other data obtained in the course of the excavations suggest that during the Acheulean, the climate in the Kul'bulak area was moist and warm, and the river activity was intense. The second half of the Pleistocene (early and middle Mousterian) was marked by the increased tectonic activity of Tien Shan. The climate was arid and warm by moderate, with minor fluctuations of temperature. In the late Middle Pleistocene and early Upper Pleistocene (developed and final Mousterian), it was warm. However, in the second half of the Upper Pleistocene (Upper Palaeolithic), the climate changed to sharply continental, as evidenced by the coexistence of warm-adapted and cold-adapted animals and plants. The principal source of raw material for the people of Kul'bulak was flint. Other minerals were used less often, the distribution being as follows: flint, 84,3%; chert, 6,4%; siliceous limestone, 2,3%; quartz, 1,8%; quartzite, 1,6%; chalcedony, 1,5%; obsidian, effudite, phyrisite, and others, 2,1%.

Outcrops of flint, siliceous limestone, quartz, and quartzite are located in the paleogenic and cretaceous rocks above the site. Chert and cobbles abound in the river-beds of Kyzylalmasay, Gyshtsay, and other streams around Kul'bulak. The Acheulean layers of the site are situated at a depth of 10-14 m below the modern surface. A five-metre thick suite includes 22 Acheulean layers. They are

associated with the blueish-grey sandy or aleurolithic loam. A total of 3210 artefacts have been found. Cores are present in all Acheulean layers, their number ranging from less than ten to three or four dozens. Their types are rather few: discoidal unifacial and bifacial, flattened, single-, double- or multiplatformed, with one or several flaking surfaces. Discoidal cores flaked from one side are usually elongated-oval and their back part is convex. Cores found in layer 30 differ by the nature of flaking (fig.2-6; 1-7). Similar specimens were found in layers 44 (fig.2-1) and 35 (fig.1-4; 2,7). Discoidal bifacial cores are rounded in plan (fig.1-2,6,8) and lens-shaped in section (fig.1-1). Single-platform cores vary in the degree of treatment to which they were subjected, and are represented by several variants: sub-quadrangular from layer 35 (fig.2-2), elongated-triangular used for removing flakes, found in layer 34 (fig.1-3). Double-platform cores, sub-quadrangular in outline, are rare. Flakes were detached from them in one plane, the platforms being situated at right angles against each other. In multiplatform cores, platforms are situated at several places of the preform (fig.2-3). After some additional shaping, such cores could be used as side-scrappers, notches or denticulates. In some specimens, like the one from layer 28 (fig.2-9), flaking was done both from the sides and from the butt. Another variety, found in layer 27, is a double-platform core with two flaking surfaces (fig.3-2).

Acheulean tools typical of Kul'bulak are represented by a large and expressive collection from layer 28. Especially noteworthy among them are bifacial forms. They are subdivided into several varieties, which probably differed in function. One of them is a biface-scraper, elongated-oval in shape (fig.3-3). Both its longitudinal edges, which are slightly convex, were shaped by flaking, and in the centre of one surface a piece of cortex was left. On the other surface, there are two large transverse flake-scars. The massive butt of the tool is slightly sharpened from two sides by fine flaking. The opposite end is rounded and turned into an end-scraper. Another variety is an elongated bifacial axe-adze with a wide basis (fig.3-1). Both its longitudinal convex edges are formed by bifacial flaking. The upper end is sharpened and shows use-wear traces (fig.4-6).

In the dart-head, which is flat-convex in profile (fig.4-7), both longitudinal edges were shaped first by crude retouch and then by fine retouch from both sides. The ventral face is shaped by crude

flaking. The basis is sharpened by fine flaking.

Chopping-tools are diverse. They include a denticulate chopper (fig.4-9), and a side-scraper-like piece with four working edges (fig.4-10).

Cleavers are made on broad elongated flakes and include specimens which combine denticulate and notched features along the edge (fig.6-1). Elongated points are retouched along the edges and on the ends (fig.8-3,6). Several points belong to the Tayac type. They differ from the usual ones by not having denticulate retouch all along the edges. Short retouched portions in the upper third or half of the original blank converge towards the end (fig.6-7). A double Tayacian point of the limace type with sharpened edges should be noted (fig.4-2), and a fine-denticulate Tayacian point (fig.6-10).

Side-scrappers of the "Kul'bulak type" differ from the usual ones by their short points formed by the working edges. Some side-scrappers were made on transverse or side edges of the blanks (fig.4-4), others, on the platform of the flake; some have two working edges. Composite side-scrappers have straight, convex, or concave edges (fig.4-5).

Composite tools are represented by a side-end-scraper (fig.6-12), a side-end-scraper having a chisel-like edge on the flake platform, a denticulate-cutting tool (fig.4-1), and an end-scraper-chisel (fig.6-3).

Also, there are scraping-cutting and scraping-denticulate tools (fig.6-5), notched scraping ones (fig.6-2), notched perforating ones (fig.4-8), denticulate, cutting, denticulate-notched, perforators, and becs (fig.4-3).

The following secondary lithic reduction techniques are characteristic of the Acheulean assemblage: flattening of the surface by flaking; making denticulate edges by removing flakes of different sizes; crude retouching; making clactonean enclaves by separating single large flakes from the edges; chipping-off lamellar flakes in a fan-like fashion to prepare working edges of end-scrappers; vertical shortened-facet retouching of the working edge.

While some of the Acheulean tools are large and crude, others are made on small flakes. Typical Acheulean pieces are represented by bifaces.

The Mousterian layers of Kul'bulak are situated above the Acheulean ones and are separated from them by sterile deposits.

Chronologically, the Mousterian suite can be divided into three periods, a) early Mousterian (layers XXIII-XIII and XII-ba); b) middle Mousterian, or developed Mousterian (layers XII, XIa, XI-VI); c) late Mousterian (layers V-IV). The collection of early Mousterian stone tools comprises 1029 pieces.

Among the pieces that were detached from the cores, there are large flakes with smooth striking

platforms, typical Levallois blades, and triangular flakes with curved faceted platforms. The assemblage includes *discooidal*, *single*-, *double*-, and *multiplatform* cores, for example a large *discooidal* unifacial core with a circular platform from layer XIII (fig.8-1), and a *bifacial* core with two platforms from layer XV (fig.8-4). One more example is a core from layer XX (fig.7-6); it is wedge-shaped in section and has two platforms and two flaking surfaces.

Among the tools from the early Mousterian layers, there is a large number of composite pieces, like end-scrappers of various types, notched-cutting tools, denticulates resembling the Tayacian points, notched-perforating and knife-like.

Knives and knife-like tools were made on whole or fragmented flakes and blades. Some of them have two working edges (fig.5-3). There are also backed knives with a straight working edge (fig.8-7,2), and knife-like tools resembling points with partly retouched convergent edges (fig.5-8).

Side-scrappers are diverse. One of them has several edges and two side protrusions (fig.6-6), another is an angulate scraper-knife with a bevelled back (fig.6-13), the third, a transverse side-scraper made on the edge of the platform of a retouched flake (fig.5-2). There are also single side-scrappers made on blades (fig.6-4) or blade flakes (fig.9-2), double ones made on truncated blades (fig.9-1), a side-scraper (fig.5-5), a convergent side-scraper made on a large flake and having a beak-shaped protrusion which looks like a perforator (fig.5-7), a side-scraper of the "Kul'bulak type" with two scraper-like edges separated by a protrusion (fig.5-6).

Denticulates were made on flakes and debris, their edges being subjected to fine denticulate retouch, sometimes of the alternate type (fig.5-1).

Combined tools include a side-scraper with a chisel-like edge and a double side-scraper with chisel-like edges on the ends of the flake (fig.7-13).

Overall, the primary lithic reduction techniques are very similar to the Acheulean ones and attest to their further development. Tools made on flakes are the most common. There is a large number of combined tools with notches and protrusions having various functions, with alternate denticulate and end-scraper-type retouch. Atypical and proto-prismatic cores, which become more sophisticated during the Late Mousterian and Upper Palaeolithic, make their first appearance.

The collection of stone tools of the developed Mousterian comprises 53 thousand pieces. The predominant technique of primary reduction is that of radial and convergent flaking. Some of the cores are proto-prismatic and prismatic; however, flattened *discooidal* ones continue to exist (fig.7-5), like the *double-sided* disks (fig.9-6). The distinctive feature of the single-platform cores is the flattening

poliar flaking, and their flaking surfaces are trimmed by removing flakes from the auxiliary platform (fig.10-1). In cores with two platforms, the latter are situated on both ends of the blank, and flaking was done in opposite directions (fig.7-3,7). Some cores have several platforms on various ends of the blank (fig.8-5).

Tools of the developed Mousterian are made on blanks which are more regular in outline. They include longitudinal side-scrapers with backs opposite the working edges (fig.9-3). There are also transverse side-scrapers with straight, convex, less often concave working edges and one or two working elements on the angles of the working edge (fig.5-9). Another variety is a side-scrapers with a transverse working edge and a tang (fig.6-15). Side-scrapers of the "Kul'bulak type" are still used, like the convergent ones (fig.11-1).

Cutting tools and points are variable and include a backed ripping knife with a convex working edge (fig.9-4), a leaf-shaped elongated point which has a slightly sharpened base and is fitted for hafting (fig.10). Also classified with this group are denticulate-notched tools made on various flakes.

In convergent forms of these tools, longitudinal edges are shaped in a denticulate-notched fashion, and there is always a sharp end formed by regular fine retouch (fig.11-7) or by opposite flaking (fig.10-2; 11-5).

End-scrapers-like pieces usually occur in combinations: there are straight end-scrapers combined with side-scrapers-like tools (fig.9-7), cutting-knife-like, denticulate-cutting-notched (fig.6-9), etc. "Angular" end-scrapers are made on blade-like blanks (fig.11-7). Chisel-like tools are those in which the transverse edge or the protrusion are sharpened by trimming (fig.11-4). Points and perforators are numerous in all strata and variable (fig.11-5). Knife-like tools, unlike the side-scrapers, are shaped by fine sharpening short-faceted marginal retouch. Denticulate-cutting tools have either a fine denticulate retouch or a steep denticulate trimming, the back being preserved on the opposite side (fig.9-5). In the developed *Mousterian*, new types of tools appear, one of them being round graters 6-8 cm in diameter and 3-4 cm thick. The flaking techniques of the developed Mousterian are marked by two tendencies, the enlargement of convergent flakes and the diminution of round flakes. Side-scrapers forms make up about 90% of the entire tool-kit. The first evidence of hafting appears in the form of tanged tools (fig.10-3).

Late Mousterian layers comprise one suite within the Golodnaya Steppe deposits. The collection of stone tools from these strata includes 8708 pieces. The largest group of cores are those with one or two platforms. Some of the former, the

fan-shaped ones, were used for detaching blades (fig.7-9). Unifacial and bifacial discoidal cores are few. Among the proto-prismatic cores, too, there are pieces with one or several platforms (fig.7-1). Atypical cores are rather common. Almost all of the earlier types of tools, both common and specific, continue to exist during the late Mousterian. There is a sharp drop in the number of various side-scrapers, end-scrapers, and composite tools with scraper-like elements; however, the scraping tools still remain the leading ones in the stone industry.

Among the side-scrapers, the predominant ones are those made on flakes and having one steep working edge. End-scrapers have a straight, bevelled (fig.10-5) or convex working edge. Notched scraping tools (fig.11-6) are still in use, like notched (fig.11-3) and denticulate cutting tools. Knife-like tools on sections of large blades or on thin narrow blades are shaped by a sharpening retouch along one or both edges (fig.11-12). Points and perforators are integral elements of the combined tools (fig.10-8). Pestle-graters continue to exist.

Upper Paleolithic strata are situated 40-75 cm below the modern surface. In all the three layers, concentrations of burnt material, suggestive of hearths, were found, as well as numerous fragments of animal bones and stone tools with an unsmoothed surface sometimes covered with calcaneous deposit.

Although the lithic reduction techniques practiced in the Upper Palaeolithic were more developed than the previous ones, the principal forms of tools remain the same.

Single discoidal cores are still used. Cores with one platform and a flat parallel system of flaking are represented by shortened-transverse, elongated-rectangular, and fan-shaped-triangular variants. Double-platform cores flattened by flaking include longitudinal and longitudinal-transverse ones. Prismatic cores for sub-parallel flaking have flake-scars on the butt of the nodule (fig.11-1). Cores with more than two platforms and several flaking surfaces are close in shape to the spherical ones (fig.7-8). A new type of core appears, the conical one, used for making microblades (fig.11-14).

Among the blanks, flakes predominate. Side-scrapers are replaced by end-scrapers. Tools are represented by scraping-cutting pieces with a steep convex scraping edge on one side of the blade flake and a concave cutting edge on another (fig.10-6). Knife-like tools were shaped by fine sharpening retouch along the edge (fig.11-8). Cutting denticulates, unlike the knife-shaped tools, have irregularly serrated edges. Burins were made on angles of broken flakes or blades, angular burins being rare. Notched, notched-scraping, and

combined pieces are classified as a separate group, although they present a number of variations (fig.11-9,10). Also, several pestle-graters and hammerstones were found.

So throughout the entire cultural sequence of Kul'bulak, the evolution of a single lithic tradition is seen.

The distinctive feature of the Acheulean layers is the presence of bifaces and bifacial projectile points, which are lacking in the Mousterian assemblage. Side-scrapers are numerous and diverse, one of their varieties being the distinctive "Kul'bulak type". Most tools are multifunctional. There are many notches-scrapers, notches-denticulates, and Tayacian points. A typical feature is the coexistence of large tools with tiny ones of various types. Taken together, all these features make it possible to distinguish a separate Kul'bulak Acheulean Culture.

No parallels to this assemblage have so far been revealed either in Central Asia or in Kazakhstan. Certain points of similarity in primary lithic reduction are evident in synchronous Acheulean assemblages of Uchtut, in the southern Kazakhstani sites where massive cores and flakes with a wide and smooth striking platform were found, and in the Sel'-Ungur cave site. In terms of typology, the Acheulean assemblage of Kul'bulak is closer to Acheulean assemblages of Chakmaly, Azerbaijan, and the Ubeydian-Latemnean group of the Near-Eastern Acheulean. However, the Acheulean tools from Kul'bulak are much more variable than those from the sites mentioned above.

A peculiar trait of Kul'bulak Mousterian is a certain lack of care in the treatment of cores and

blanks. Levallois flakes are rather few (c.8%). In contrast, tools with crudely trimmed and faceted striking platforms are abundant. Techniques of secondary reduction include notched, fine denticulate and crude denticulate retouch. Another characteristic feature is the presence of end-scrapers, microtools, tanged tools, and Tayacian tools, which are either few or lacking on others Central Asian sites. This makes it possible to assert that a separate Kul'bulak Mousterian Culture existed in the Tashkent oasis, its characteristic traits being denticulate-notched-scrapers and Tayacian tools.

Late Mousterian assemblages differ from the early Mousterian ones by the presence of conical and prismatic cores and blades of the respective types, typical of the early stage of Upper Palaeolithic. The Kul'bulak Mousterian is similar to certain peculiar assemblages from sites located in the foothills of Chatkal range: Kyzylalmasay 1 and 2, Gyshtsay, and others.

Although Upper Palaeolithic assemblages differ from Mousterian ones, they include a number of Mousterian-type pieces, which, however, attest to a higher technical level. The number of blades increases. Chisels and end-scrapers of various types appear. The Upper Palaeolithic assemblage of Kul'bulak shows substantial differences from that of the Samarkand site, Khojagor, Khojamazgil', or Shugnow. It should thus be regarded as a separate group in the Central Asian Upper Palaeolithic.

Kul'bulak is the only stratified site which contains strata of three successive periods of the Palaeolithic, hence its enormous importance for Central Asian archaeology.

РАСКОПКИ ЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАНИСКАК (ДЕЖНЕВО) НА АЗИАТСКОМ БЕРЕГУ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА (1990-1992 ГГ.)

С.В. ГУСЕВ*

Впервые на азиатском берегу Берингова пролива в 1990-1992 гг. проводились раскопки эскимосского поселения. Работы велись Берингийской археологической экспедицией (начальник С.В. Гусев). Древнеэскимосские культуры известны на евразийском материке от устья р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана до устья р. Анадырь на юге. На американском континенте эти культуры прослеживаются от Лабрадора до Гренландии и Аляски.

В настоящее время существуют различные точки зрения на периодизацию этих культур в американской и советской (российской) историографии (Collins 1937; Руденко 1946; Larsen, Rainey 1948; Диков 1977, 1979; Арутюнов, Левин, Сергеев 1963; Арутюнов, Сергеев 1969; Giddings 1960; Giddings, Douglas 1986; Bandi 1969; Dumond 1977, 1987; Mc.Ghee 1978; Fitzhugh, Kaplan et al. 1982). До сих пор нет общей картины заселения побережья Берингова пролива, не ясны этнические процессы, не прослежена эволюция материальной культуры и природопользования.

Основное внимание российские археологи уделяли до настоящего времени эскимосским могильникам (Эквенский, Узленский, Чинийский, Эммынитынский) (Арутюнов, Левин, Сергеев 1963; Арутюнов, Сергеев 1969; Диков 1977, 1979).

Большое внимание к могильникам объясняется, прежде всего, исключительным богатством сопровождающего костяного инвентаря, возможностью вести работы над слоем вечной мерзлоты (все погребения расположены над мерзлотой) и получением ценного антропологического материала (Дебеч 1975:198-240).

На Аляске археологи делали основной упор на исследование поселений эскимосов (хотя и

американцами изучались могильники: Ипиутакский и Тигара). Массовому изучению поселений способствовала в техническом плане большая легкость полевых работ на Аляске (здесь мерзлота начинается на уровне 1 м и более, то есть значительно глубже, чем на Чукотке). Немаловажным фактором, видимо, являлось и отрицательное отношение местной общественности к раскопкам "родовых святынь". На территории Аляски изучены десятки эскимосских поселений разных периодов (Giddings, Douglas 1986; Dumond 1977, 1987), проведены реконструкции жилищ, показана их эволюция и связь с демографическими и социальными процессами (Андерсон 1981; Берч 1981). Эти исследования послужили основой для палеоэкономических, хронологических, этнических и палеогеографических реконструкций (Bandi 1969; Dumond 1977, 1987; Mc.Ghee 1978; Fitzhugh, Kaplan, et al. 1982; Giddings, Douglas 1986; Мак-Ги 1988). Однако, эти интересные обобщения слабо сопоставимы с материалами азиатского побережья Берингова пролива из-за разницы в характеристике источников.

Археологические реконструкции на основе материалов могильников имеют ряд особенностей, которые не раз отмечались в литературе (Клейн 1978). Несомненно, выборочный, связанный с ритуалом набор инвентаря, дает искаженную картину хозяйственной деятельности, не говоря уже о том, что остаются полностью неизученными все аспекты, связанные с жилищами, их конструкцией, хозяйственной территорией. Именно поэтому материалы первых раскопок эскимосского поселения Дежнево (Канискак) имеют огромное значение для исследователей.

* Россия, Москва, 129366, ул. Космонавтов, д.2. Российский НИИ культурного и природного наследия.

Поселение Дежнево (Канискак - эскимосское "вершина бухты", "излучина"), расположено на южной стороне Дежневского массива, в 3 км к западу от мыса Пээк, и в 18 км к югу от пос. Уэлен, на берегу Берингова пролива у самого окончания скалистого обрыва. Поселение находится на высоте 18 м над уровнем моря и занимает площадь 30х80 метров. С юга территория ограничена отвесным обрывом, к западу склон понижается в сторону моря и лагуны.

Сплошное обследование прибрежной зоны от залива Пуутен до мыса Дежнева показало, что выбор места для поселений зависел в основном от объекта промысла. Поселения охотников на моржа и нерпу, по случаю бывших и китов, располагались в глубине небольших бухточек или у устья рек, рядом с лагуной. После становления специализированного китобойного промысла поселения выносятся на край выступающих в море мысов, откуда удобнее было следить за появлением животных.

Расположение поселения на пологом склоне холма, обращенного к бухте, на достаточно значительном (около 50 м) расстоянии от воды позволяет говорить во-первых, что его основатели в основном охотились на нерпу, во-вторых, местоположение поселения косвенно говорит о времени его основания — периоде более высокого стояния воды. Возможно, в это время существовал ручей на краю поселения, от которого осталась хорошо заметная ложбина. Не исключено также, что лагуна, расположенная сегодня на расстоянии 150 м от поселения, имела более высокий уровень воды (соответственно с морем) и подходила совсем близко к поселению.

Поверхность поселения задренована, на ней просматриваются по меньшей мере 5 холмов антропогенного происхождения — остатки жилищ. Они выделяются пятнами более густой растительности и возвышаются на 0,5-1,5 м. Иногда над поверхностью выступают китовые кости. Рядом с жилищами хорошо прослеживаются провалы мясных ям. Все холмы рассечены мерзлотными линзами.

Раскоп площадью 138 кв.м заложен на расстоянии 30 м от высокого обрывистого берега. Верхние слои содержали материал XIX-XX вв., когда здесь располагалась фактория американского предпринимателя Олафа Свенссона, на основе которой сложилось поселение чукчей и русских. Поселок ликвидирован в 1951 г. В археологическом отношении поздние материалы легко выделяются среди древнеэскимосских и в статье не рассматриваются.

Стратиграфия раскопа очень сложная и включает несколько основных слоев. Под дерном залегают темно-коричневые, почти черные отложения сильно гумусированной супеси, со-

державшей археологические артефакты, кости животных и птиц, раковины, мелкие фрагменты дерева, китового уса. Грунт пропитан животным жиром, что связано с обилием пищевых отходов. Материком является ярко-желтый суглинок с гравием (флювиогляциальные отложения).

Методика раскопок многослойного поселения, расположенного в вечной мерзлоте уникальна, поэтому остановимся на ней подробнее: каждый артефакт и деталь конструкции фиксировались и наносились на план с помощью теодолита от постоянного репера. Раскопки велись методом тонких зачисток поверхности, по мере оттаивания мерзлоты. В культурном слое встречаются линзы льда, образовавшиеся в результате затекания воды в полости жилища и последующего замерзания. Культурный слой оказался разорванным линзами льда.

В раскопе выявлены остатки по меньшей мере 5 разновременных полуземлянок древних эскимосов. Одна из них представляет собой многокамерное сооружение, остальные — однокамерные. Все имеют каркасно-столбовую конструкцию — опоры сделаны из костей кита и плавникового дерева. Пол в жилищах вымощен сланцевыми плитами и костями кита и моржа. Поверх них настилали шкуры моржа, прослеженные четко в двух случаях, а в остальных в виде органического тлена. Такая конструкция пола создавала надежную теплоизоляцию. По стратиграфии жилища разделяются на 4 периода: древнеберингоморский, биринский, пунукский, ранний и поздний туде (середина первого тыс. до н.э. — V-VI вв. н.э.; VI-VII — VIII-IX вв. н.э.; VIII-IX — X-XI вв. н.э.; XII-XV вв. н.э.; XVI—середина XIX в. н.э.).

Жилище № 1 — наиболее древнее из обнаруженных в раскопе. Оно представляет собой многокамерное сооружение из костей кита и плавника с полом, вымощенным сланцевыми плитами. Конструкция жилища каркасно-столбовая, без опорных столбов в центре камер. Сооружение состоит из трех камер размерами около 3,5 х 3 м, 3,2 х 3 м и 1,5 х 1,5 м, примыкающих к узкому коридоробразному входу, обращенному к юго-востоку в сторону плавни понижающегося к лагуне и морскому берегу склону. Жилище размещено непосредственно на материковой породе. Материк был частично эскарпирован, затем были врыты несущие столбы, изнутри жилище было перекрыто шкурами, а сверху уложены кости и плиты, покрытые дерном.

Камера № 1 размером 3,5 х 3 м находилась в конце подземного входа и была ограничена с трех сторон эскарпированными склонами холма, образовывавшими нижнюю часть естественных стен. По краям помещения стояли 4

Рис.1. Поселение Эквен, вход в жилище.

Fig.1. Ekven. Entrance to the dwelling.

вертикально врытые столба — три из китовых челюстей и один из дерева. Пол вымощен сланцевыми плитами и костями. Помещение № 2. Размеры 3,2 x 3 м. Северный и восточные края камеры ограничены эскарпированным склоном холма. На полу лежала рухнувшая плаха перекрытия, позволяющая реконструировать высоту свода — около 1,5 м. Помещение № 3 имело размеры 1,5 x 1,5 м и было вымощено сланцевыми плитами. С востока камера ограничена эскарпированным склоном материка, а с юго-востока — подсыпкой из материала,

близкого по составу к матерiku. Возможно, небольшая камера служила хранилищем.

Длинный коридорообразный выход имел протяженность более 3 м, ширину 0,60-0,80 м. Высота входа около 0,8 м. Пол вымощен сланцевыми плитами, а стенки составлены из лопаток, челюстей, черепов и других костей гренландского и серого кита, сланцевых плит. К юго-западу от жилища в 1,5 м от входа отмечено скопление костей, куски спекшейся под действием огня массы из гумусированного

грунта, костей млекопитающих, птиц, раковин моллюсков и керамики.

Жилище № 2 находилось в северной части раскопа. Пол его расположен на глубине около 1 м от современной поверхности. Оно представляло собой *однокамерное* строение каркасно-столбовой конструкции из китовых костей и плавникового дерева с камерой размерами 6х4 м. Пол вымощен сланцевыми плитами. Вход в жилище располагался с южной стороны и представлял собой узкий коридор, ограниченный стоящими вертикально челюстями и черепами китов. Судя по сохранившимся аналогам (рис. 1), — землянка с поселения Эквен, несущие опоры перекрывались перпендикулярно балкой из челюсти кита. Пол из сланцевых плит выложен на культурном слое (темно-коричневая гумусированная супесь). Это указывает на более поздний, по сравнению с полуземлянкой № 1, возраст жилища. С северной стороны жилище было ограничено эскарпированным краем материка. Несущие столбы конструкции свода находились на расстоянии 2 м друг от друга, что позволяет косвенно судить и о высоте жилища — 1,5–1,7 м.

Жилище № 3 расположено в южной части раскопа и дно его подстилает культурный слой. Размеры округлого в плане однокамерного сооружения 3,5 х 3,5 м. Вход проследить не удалось, но он был явно с юга, со стороны моря. Каркасом жилища служили расставленные по периметру череп взрослого гренландского кита и 3 черепа серых китов-сеголеток. Пол жилища выложен сланцевыми плитами и позвонками кита. Внутри жилища находилось по меньшей мере два столба из обрезанных китовых челюстей. К западу от жилища располагались части рухнувшего перекрытия.

Жилище № 4 находилось в северо-западной части раскопа, его приблизительные размеры 3,5 х 3,5 м. Конструкция каркаса сохранилась плохо, поскольку, возможно, она была разобрана для сооружения более позднего жилища, но вымостка из сланцевых плит и китовых позвонков и межпозвоночных дисков свидетельствует о стоявшем здесь сооружении.

Жилище № 5 располагалось в самой юго-восточной части раскопа на глубине 80 см от поверхности. В раскоп попала только небольшая его часть. Пол вымощен сланцевыми плитами. На них лежали фрагменты деревянных плах перекрытия, сохранился один столб из челюсти кита. Возможно, это деталь многокамерного дома. Судя по археологическим находкам и стратиграфическим наблюдениям это жилище близко по времени к полуземлянке № 1, с которой оно граничит.

Судя по площади однокамерных жилищ (от 12 до 24 м²), в них могло обитать от 5 до 8

человек. В трехкамерных жилищах могло жить от 8 до 12 человек. Исходя из пригодной площади холма, на поселения существовало до 5 одновременных *одно- или трехкамерных* жилищ. В таком случае, численность его обитателей составляла от 32 до 44 человек. Подобные социо-демографические характеристики приводятся и для других берингийских популяций (Берч 1981).

Орудия труда, найденные на поселении, характеризуют круг занятий его обитателей. Большинство артефактов обнаружено не в жилищах, а рядом на "помойке". Почти все найденные там предметы сломаны или использованы до предела, но есть и потерянные вещи. Найденные в жилищах артефакты представлены в основном охотничьим промысловым снаряжением: наконечники стрел, накладки для лука, части составного гарпуна, затычки для ран, составные рыболовные крючки, буксировочные крюки, полозья нарт, весла, ледовые пещни. В жилище хранили запасы пищи и готовили еду — об этом свидетельствуют многочисленные обломки глиняных и деревянных сосудов, фрагменты жировых ламп, палочки для добывания огня.

В жилищах шили и ремонтировали одежду, о чем говорят найденные шилья, проколки, пуговицы для одежды. Снеговывивалка из жилища № 2, служила для очистки одежды от снега перед входом в жилую камеру.

В жилищах изготавливали костяные орудия и покрывали их искусным орнаментом — найдены как резцы по кости, так и многочисленные заготовки *наконечников гарпунов*, упор для сверла и даже целый сверлильный инструмент. Интересно, что на расположенном в 9 км Эквенском могильнике открыто погребение мастера-костореза с набором специальных инструментов, положенных в могилу умельца (погребение № 302).

Материалы раскопа позволяют реконструировать процесс строительства жилища: землю рыхлили мотыгами с лезвиями из бивня моржа (серия подобных орудий найдена в раскопе). Почти все лезвия сточены до предела. Затем грунт выбирали лопатами, изготовленными из лопаточных костей лахтака и моржа и снабженных деревянными рукоятками. Не удивительно, что аборигены максимально использовали рельеф местности для уменьшения трудозатрат — в данном случае склон холма в качестве ската северной и восточной сторон жилища.

Об устойчивости и эффективности мотыг из бивня моржа подобной конструкции говорит тот факт, что большая серия подобных вещей была найдена на мезолитическом поселении острова Жохова (Новосибирские острова)

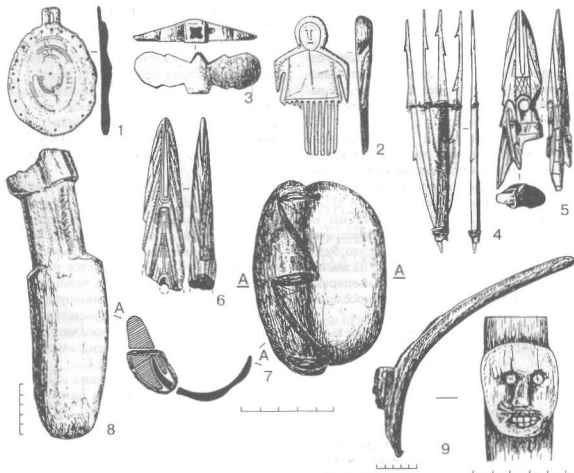

Рис.2 Находки с поселения Канискак. 1 – подвеска; 2 – антропоморфный гребень; 3 – модель крылатого предмета, миниатора; 4 – наконечник дротика для охоты на птиц; 5 – поворотный наконечник гарпуна с древнеберингоморским орнаментом; 6 – поворотный наконечник гарпуна с древнеберингоморским орнаментом; 7 – скребок для мездрения кожи; 8 – лезвие мотыги; 9 – снеговыбивалка с изображением лица “хозяина дома”. 1,2,3,5,6,8 – клык моржа; 4 – клык моржа, дерево, китовый ус; 7 – клык моржа, “капа”, китовый ус; 9 – дерево, клык моржа.

Fig.2. Finds from the site Kaniskak. 1 – pendant; 2 – anthropomorphic comb; 3 – miniature model of a winged object; 4 – projectile point for hunting birds; 5 – turning harpoon point with an Old Beringian design; 6 – turning harpoon point with an Old Beringian design; 7 – scraper for dressing skin; 8 – working end of a hoe; 9 – beater for removing snow with a representation of the “master of the house”. 1,2,3,5,6,8 – walrus tusk; 4 – walrus tusk, wood, baleen; 7 – walrus tusk, “капа”, baleen; 9 – wood, walrus tusk.

(Питулько 1991), сходные орудия продолжали использоваться вплоть до XIX века.

Разделка туш кита, моржа, а порой и лахтака производилась непосредственно на берегу. Нерпу и лахтака обычно разделявали на поселении. Здесь же выделывали шкуры. Орудиями служили разделочные ножи со сланцевыми лезвиями и деревянными рукоятями, скребки для мездрения шкур с лезвиями из клыка моржа и деревянными рукоятями и т.д. (рис. 2).

Туша животного использовалась полностью от шкуры до костей – специальным молотком разбивались кости для добычи костного мозга.

Значительная часть предметов из кости украшена гравировкой. Вещи передают полиэйконию – многофигурную композицию. Семантика эскимосских изделий из кости заслуживает особого внимания, поэтому ограничимся самыми общими выводами. На протяжении длительного периода существовал набор простей-

ших элементов, составляющих композицию. Таким образом, вызывает большое сомнение возможность построения хронологических реперов на основе изменения орнаментальных композиций (Arutunov, Bronshtein 1985; Bronshtein 1986). Во всяком случае, эти изменения могли иметь региональную или даже индивидуальную специфику. Существующие в настоящее время хронологические построения (Дионов 1979; Арутюнов, Сергеев 1969, 1975; Арутюнов, Крупник, Членов 1981) требуют строжайшей проверки на основе естественно-научных методов.

Керамика эскимосов азиатского побережья Берингова пролива до настоящего времени не была сколько-нибудь серьезно изучена. Более всего представлены фрагменты котлов с круглым дном и жирников для освещения, обогрева и приготвления пищи. Небольшие плоски встречаются очень редко. Стенки сосудов часто

украшены штампом из концентрических кругов или пучков расходящихся линий. Штамп наносился специальными лопаточками из клыка моржа, использовавшихся, прежде всего, для уплотнения стенок сосудов похлопыванием. В тесто добавлялся песок и толченые раковины. Обжиг производился при низкотемпературном режиме, очевидно, на костре.

После получения серии радиоуглеродных датировок и проведения остеологических и спорово-пыльцевых анализов, можно будет составить хронологическую шкалу по всем зафиксированным в раскопе слоям.

В ограниченной по объему статье мы не будем касаться всего комплекса вопросов, связанных с материалами поселения — это будет сделано в специальной монографии. В заключении отметим ряд моментов, которые впервые удалось выяснить при исследовании поселения Канискак (Дежнево).

1. Полностью раскопаны 4 жилища, выявлена их планировка, размеры, конструктивные особенности. Все они оказались овальные в плане, с коридорообразным входом, стенки сделаны из костей кита или дерева-плавника. Есть основания реконструировать устройство свода, исходя из материалов раскопа и жилища в зоне приюта на поселении Эквен (рис. 1).

Данные по демографии, а также косвенно подтверждающие их материалы остеологических наблюдений, позволяют говорить о колебаниях климата.

Наиболее благоприятные природные условия были в первый период (вторая половина I тыс. до н.э. — V—VI вв. н.э.). Эти данные должны быть подтверждены спорово-пыльцевой колонкой для более детальных выводов.

Полученные материалы соотносятся с данными северо-западной Аляски, где размеры жилищ и поселков тоже колебались в зависимости от экологических условий (Александров, Арутюнов, Броднянский 1982:78-97; Giddings, Douglas 1986).

Комплекс археологических артефактов, их состав и соотношение типов (костные, роговые, сланцевые и кремневые орудия, керамические сосуды) отличается от материалов могильников. На основе поселенческих комплексов более ярко вырисовывается повседневная хозяйственная деятельность человека. Наблюдение над изменениями орнаментации орудий с поселения выявило несоответствие с существующей периодизацией орнаментов, составленной по материалам могильников (Бронштейн 1986).

Знания об археологических культурах, полученные преимущественно на основе изучения могильников комплексов, на настоящем уровне развития археологии не могут удовлетворять требованиям науки, а поэтому, несмотря на большую стоимость работ на поселениях, без их планомерных исследований невозможно сколько-нибудь продвигнуться в решении фундаментальных проблем.

Александров, А.В., С.А.Арутюнов, Д.Л.Броднянский. 1982. Палеометалл в Северо-Западной части Тихого океана (учебное пособие). Владивосток.

Андерсон, Д.Д. 1981. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов (предварительная разработка) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: 67-82. Москва.

Арутюнов, С.А., М.Г.Левин, Д.А.Сергеев. 1963. Древние могильники Чукотки // Краткие сообщения Института этнографии XXXVIII:57-69.

Арутюнов, С.А., Д.А.Сергеев. 1969. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). Москва. 1975. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эвенский могильник). Москва.

Арутюнов, С.А., И.И.Крушник, М.А.Членов. 1981. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнесибирской культуры). // Вестник АН СССР 2: 91-102.

Берч, Э.С. 1981. Социодемографические корреляты структуры жилища в трех берингийских поселениях: опыт исследования // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: 50-67. Москва.

Бронштейн, М.М. 1986. Типологические варианты древнесибирского графического орнамента (к проблеме этнокультурной истории Берингоморья в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). // Советская этнография 6: 46-58.

Дебец, Г.Ф. 1975. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // С.А.Арутюнов, Д.А.Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эвенский могильник): 198-240. Москва.

Диков, Н.Н. 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. Москва.

1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. Москва.

Клейн, Л.С. 1978. Археологические источники. Ленинград.

Мак-Ги, Р. 1988. Происхождение эскимосов: возможна ли альтернативная гипотеза // Советская этнография 3: 110-118.

Путулько, В.В. 1991. Древние этапы заселения Америки: новые данные // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК РАН 26-28 ноября 1991: 6-10. Санкт-Петербург.

Руденко, С.И. 1946. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Москва-Ленинград.

Файнберг, Л.А. 1991. Охотники Американского Севера. Москва.

Arutunov, S.A., M.M.Bronstein. 1985 The problem of distinguishing between Old Bering Sea and Okvik ornamental styles // Iagen und Sammeln. Bern.

Bandi, H.G. 1969. Eskimo prehistory. College.

Collins, H.B. 1937. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. // Smithsonian Miscellaneous Collection 96 (1). Washington.

Dumond, E. don. 1977, 1987. The Eskimos and Aleuts. L.

- Fitzhugh, W., S. Kaplan, H. Collins, T. Ager, D. Ray, S. Frederick. 1982. Inua: spirit world of the Bering sea eskima. Washington.
- Giddings, J.L. 1960. The archaeology of Bering Strait Current Anthropology 1(2).
- Giddings, J.L., A.D. Douglas. 1986. Beach Ridge archaeology of Cape Krusenstern. Eskimo and pre-eskimo settlements around Kotzebue Sound, Alaska. Washington.

- Larsen, H., F. Rainey. 1948. Ipiutak and the arctic whale hunting culture. // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History 42. New York.
- Mc Ghee, R. 1978. Canadian Arctic Prehistory. Toronto, New-York.

EXCAVATIONS AT KANISKAK (DEZHNEVO), AN ESKIMO VILLAGE ON THE ASIATIC COAST OF THE BERING STRAIT (1990-92)

In 1990-92, for the first time on the Asiatic side of the Bering Strait, excavations of an Eskimo settlement were carried out by the Beringian Archaeological Expedition headed by the present author.

Ancient Eskimo cultures in Asia are distributed over a territory from the Kolyma mouth on the Arctic Ocean coast to the Anadyr' mouth in the south. East of the Bering strait, they span an area from Alaska to Greenland.

A number of theories have been advanced by both the American and Russian writers concerning the periodization of these cultures. None of the views on the initial settlement of the Beringian coast is commonly accepted. Other disputed issues include ethnic processes in this region, cultural evolution, and ecology.

Russian archaeologists have focused mainly on Eskimo cemeteries (Ekven, Welen, Chini, Enmyntyn). This was due, first, to the exceptional abundance and high artistic quality of bone artifacts, second, to the fact that burials are situated above the permafrost layer, and third, to the possibility of obtaining skeletal materials.

Although American archaeologists have also excavated several cemeteries, including Ipiutak and Tigara, the main focus in Alaska has been made on settlements of various periods. Dozens of them have been studied, reconstructions of dwellings have been proposed, and their evolution has been related to demographic and social processes. However, these important results are difficult to link with data from the Asiatic coast of the Bering Strait since the nature of the sources is different. This is why the results of the first excavation of an Asiatic Eskimo village might be of great significance.

Dezhnevo (Kaniskak) site is located on the southern side of Dezhnev massif, 3 km west of point Peek and 18 km south of Welen, at the end of a rocky precipice on the Bering Strait shore. The

height of the village above the sea level is 18 m, and its size is 80 m by 30 m. On the southern side its territory is delimited by a vertical precipice, whereas the surface on the western side is sloping towards the sea and the lagoon.

The fact that the site is located on a gentle slope of a hill facing the bay, at a considerable distance (about 50 m) from the water, indicates, first, that its inhabitants hunted mainly the nerpa, and, second, that it was founded when the sea level was higher.

The excavation area, 138 sq.m. in size, is situated at a distance of 30 m from the shore, which is high and steep. The upper layers contain cultural remains of the 19th and 20th centuries.

Remains of at least five semi-underground dwellings dating from various periods have been revealed. One of them consisted of several rooms, others have one room each. All dwellings are framework constructions, the supports being made of whale bones and floating wood. The floors in all dwellings were paved with chert slabs, whale and walrus bones, and covered with walrus skins, which were registered beyond doubt in two cases (in other dwellings only organic decay had remained). Such construction protected people against cold emanating from the frozen ground. Based on stratigraphy, the dwellings could be dated to four periods: Old Beringian, Birmirk, Punuk, and Thule.

As the surface area of one-chamber houses (12-24 sq.m) indicates, they might have been inhabited by six to eight persons. Three-chamber ones might accommodate eight to twelve individuals.

Judging by the surface area of the hill available for residence, up to five one- or three-chamber dwellings could function in the village at the same time. The total population size can thus be estimated at 32-44.

A number of artifacts, suggestive of various occupations, has been found at the site, some of them related to construction activities. The soil was broken up with hoes made of beaver tusks (several such hoes have been discovered, all of them extremely worn-out or broken). After the ground had been made loose, it was taken away using shovels which were made of nerpa or walrus scapulae and attached to wooden handles.

Carcasses of whales, walruses, and nerpas were dressed out immediately on the shore. However, the tools used for that have been found on the site as well. They include chert knives and scrapers in bone holders, etc. Many bone artifacts are ornamented with engravings, some patterns consisting of several representations.

Ceramics made by Asiatic Eskimos has never been examined in detail. The most common fragments were those of large pots with a round bottom and oil lamps. Small dishes are rare. The vessels are often decorated with impressed patterns which include concentric circles or bunches of radial lines. The designs were made with special trowels manufactured from walrus tusks. These trowels were also used for patting walls of unbaked vessels in order to harden them. Clay was tempered with sand and crushed shells. Baking was done at low temperatures, apparently in an open fire.

Further studies of settlements on the Asiatic coast of the Bering Strait will take place during the next field seasons.

ВЕСЕЛЫЙ КУТ – НОВЫЙ ЦЕНТР ВОСТОЧНОТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.В. ЦВЕК*

Поселение Веселый Кут, находящееся вблизи одноименного села в Тальновском районе Черкасской области на Украине, является крупнейшим центром восточнотрипольской культуры, который относится к ее развитому (среднему) этапу. Изучение материалов этого поселения позволило исследовать многие аспекты хозяйственной деятельности, социального устройства и идеологических представлений трипольского населения.

Поселение расположено на мысу первой надпойменной террасы реки Горный Тикич, занимает площадь 150 гектаров (рис. 1). Оно имеет круговую планировку и плотную концентрацию жилищ, которые разделены сетью улиц. Основным элементом застройки поселения является усадьба. Наличие в ее комплексе нескольких жилых домов, компактное расположение на небольшой площади жилых и хозяйственно-производственных построек, а также археологический материал, найденный в помещениях, позволяют прийти к выводу о том, что усадьба принадлежала родственникам, ведущим общее хозяйство.

В настоящее время на поселении Веселый Кут исследовано семь усадеб, выявлено около 70 построек, полностью раскопано 26 зданий, 16 из которых являлись жилыми домами, а 10 – хозяйственно-производственными постройками.

Жилые дома, обнаруженные на поселении, представляют собой преимущественно двухкомнатные наземные одноэтажные постройки, площадь которых колеблется от 50 до 125 кв.м. Большинство раскопанных жилых домов имеет вытянутую прямоугольную планировку. Однако при строительстве некоторых других жилых зданий использованы домостроительные приемы более раннего времени, благодаря чему эти постройки приобрели “Г” и “Т” образную планировку. Таким образом, по способу планировки и по количеству помещений, жилые постройки поселения Веселый Кут можно разде-

лить на два типа (рис. 2). Во время исследования жилищ выявлены их конструктивные особенности и детали интерьера: полы, стены, возвышения-лежанки, возвышения – алтари, печи. Строительству дома, вероятно, началось с разметки, которую делали при помощи камней, уложенных с определенным интервалом вдоль будущих стен или перегородок. Земляные полы построек иногда имели тонкую, заглаженную глиняную подмазку. Вдоль короткой поперечной стены дома обычно располагалась глинобитное возвышение, которое, судя по аналогиям, являлось лежанкой (Тодорова 1976: 54).

В некоторых зданиях обнаружены прямоугольные глинобитные алтари. Во всех домах выявлены купольные печи, возле которых располагались ямы. Стены жилых помещений обычно построены из дерева и глины. Многие здания имели потолочные перекрытия.

На поселении также раскопаны разнообразные хозяйственно-производственные постройки, размеры которых варьируют от 34 до 115 кв.м. Эти здания имеют облегченную конструкцию, для которой характерны стены преимущественно каркасного типа, что подтверждается, как остатками обвязки с отпечатками прутьев, так и следами столбиков по периметру стен. Строения хозяйственно-производственного назначения являлись составной частью усадеб и служили для помола и хранения зерна, для изготовления кремневых и каменных изделий, для хранения продуктов, для обработки кож, для производства керамики. Особое место среди построек этого типа занимает уникальный комплекс из двух мастерских с обжитыми горнами. Большая мастерская состояла из сушильной камеры, помещения с двухъярусным горном для обжига керамики и рабочего места мастера (рис. 3). В маленькой мастерской также располагался горн и находился алтарь, на котором был найден биноклевидный сосуд.

* Украина. Киев. 252014. ул. Вудубецкая, 40. Институт археологии АН Украины. Отдел археологии камня и бронзы.

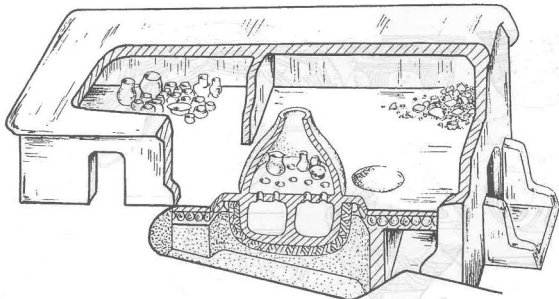

Рис. 3 Реконструкция гончарной мастерской.

Fig.3. Reconstruction of the potter's workshop.

Рис. 4 Керамика с углубленно-желобчатой орнаментацией.

Fig.4. Ceramics with fluted ornament.

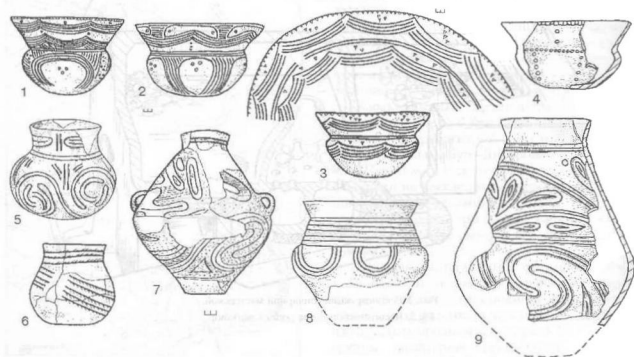

Рис. 5 Керамика с углубленным орнаментом.

Fig. 5. Ceramics with channeled ornament.

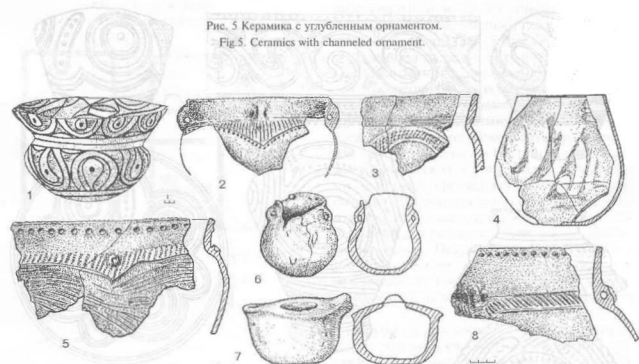

Рис. 6 Керамика с расписным и рельефно-штампованным орнаментом, миниатюрные сосуды.

Fig. 6. Ceramics with painted and stamped ornament, miniature vessels.

красками. В одних случаях рисунок, выполненный красной краской, оконтурен тонкой черной линией (рис. 6:1), в других – красная роспись сделана по белому фону (рис. 6:4). Монохромный орнамент выполнен красной краской.

Категория расписной керамики включает преимущественно кратеры, кувшины, кубки, бинюкли. Некоторые расписные сосуды из Веселого Кута имеют импортное происхождение, другие изготовлены местными мастерами.

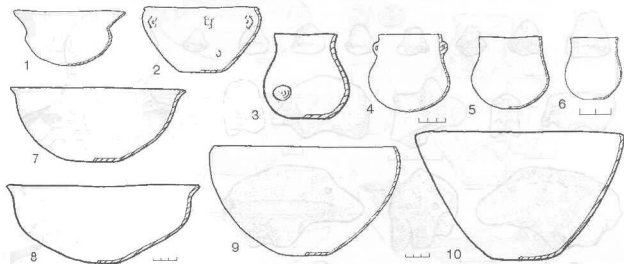

Рис. 7. Керамика без орнамента.

Fig.7. Unornamented ceramics.

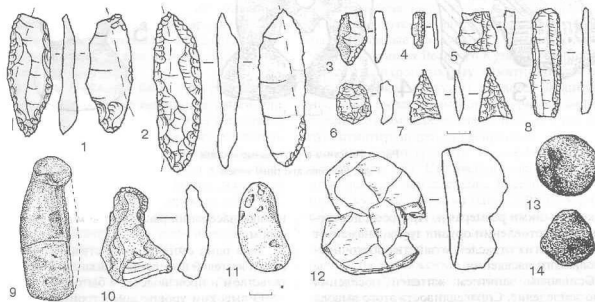

Рис. 8. Орудия труда: 1-2 – жатвенные орудия; 3 – пест для растирания зерна; 4 – скребель; 5 – строгальный нож; 6 – сверло; 7 – долото; 8,9 – скребки; 10 – наконечник стрелы; 11 – лощило для керамики; 12 – мастерок; 13,14 – отбойники.

Fig.8. Tools: 1-2 – harvesting knives; 3 – pestle for grinding grain; 4 – scraper; 5 – plane; 6 – drill; 7 – chisel; 8,9 – end-scrapers; 10 – arrowhead; 11 – polisher for ceramics; 12 – trowel; 13,14 – percussors.

В целом, керамический комплекс поселения свидетельствует о высоком профессионализме той части его населения, которая была занята в гончарном производстве.

Найденные на поселении орудия из кости, камня и рога составляют небольшую коллекцию (рис. 8). Типологическое и трасологическое изучение этих орудий позволило разделить их на группы, в соответствии с производственными

операциями в которых они использовались. При раскопках поселения обнаружен большой процент полифункциональных орудий.

Во время существования поселения Веселый Кут совершенствуется обработка орудий из кремня, камня, кости и рога. Рабочие инструменты характеризуются законченными формами, стандартными размерами, своеобразной обработкой рабочих лезвий и поверхностей, а

* Определение орудий проведено доктором исторических наук Г.Ф. Коробковой (ИИМК РАН)

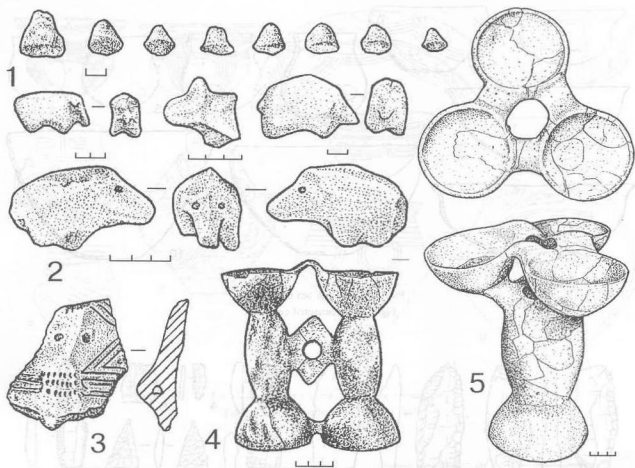

Рис. 9 Пластика и ритуальные сосуды.
Fig.9. Figurines and ritual vessels.

также большими размерами. Прогресс, достигнутый в изготовлении орудий труда, знаменует расцвет многих отраслей хозяйства восточнотрипольского населения.

Основным занятием жителей поселения было земледелие. Справедливость этого вывода документируется палеоботаническими остатками и находками орудий. Жители Веселого Кута возделывали плечатые пшеницы трех видов, ячмень, бобовые культуры. Орудия труда, связанные с земледелием (мотыги, серпы, зернотерки, терочки) (рис. 8:1-2,9), обнаружены во всех постройках Веселого Кута. Развитой характер земледелия в той части ареала восточнотрипольской культуры, в котором находилось поселение Веселый Кут, позволяет предположить, что его населению был известен пашенный способ обработки почвы. Наряду с земледелием было развито животноводство, причем основу стада составлял крупный рогатый скот. Роль охоты в хозяйстве обитателей Веселого Кута была незначительна. При раскопках поселения получены также данные о за-

нятиях населения рыболовством и собирательством.

Еще одна сторона хозяйственной деятельности жителей поселения связана с домостроительством и производством бытовых изделий.

О высоком уровне домостроительства свидетельствуют разнообразные постройки Веселого Кута и большой ассортимент орудий труда, предназначенных для выполнения этого вида работ (рис. 8:3-5,10).

Керамическое производство столь высокого уровня, какой наблюдается в Веселом Куте, предполагает сложный технологический процесс, требующий непрерывной работы мастеров-профессионалов, обслуживавших мастерские с сушильными камерами и двухрусными горнами. Постройка гончарной печи и ее активная эксплуатация была непостоянна для одной семьи. Только община или группа семей способны построить такие обжигательные горны (Семенов, Коробкова 1983:225). О высоком профессионализме гончаров свидетельствуют и высокохудожественные керамические изделия.

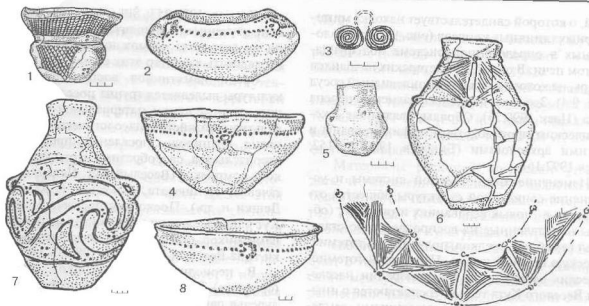

Рис. 10 Керамика и изделия из меди.

Fig. 10. Ceramics and copper artifacts.

Все эти факты указывают на расцвет гончарного ремесла в среднетрипольское время.

Большую роль в хозяйстве жителей поселения играло также кожевенное и текстильное производство (рис. 8:6,8).

Раскопки поселения Веселый Кут позволили исследовать процесс выделения семей или отдельных мастеров, занимающихся изготовлением различной продукции. Расцвет ремесленного производства в поселке подтверждается наличием гончарных, кожевенных и камнеобрабатывающих мастерских. Вероятно мастер — профессионал, имевший мастерскую, обслуживал общину своими изделиями, а она, в свою очередь, обеспечивала его всем необходимым (Бибиков 1970:3-6; Массон 1976).

Характеристика общественного строя восточнотрипольских племен обычно связана с изучением жилищ. Планировка поселения Веселый Кут и его усадебная застройка свидетельствуют о сложной социальной структуре общества, оставившего этот памятник. Как правило комплекс-усадебка включает несколько жилых домов, а также хозяйственные, производственные постройки и общий двор. Такие комплексы можно интерпретировать как места обитания большесемейных общин.

Многоотраслевое хозяйство и сложное социальное устройство общества нашло отражение в идеологических представлениях обитателей Веселого Кута. Информацию о мировоззрении жителей поселения можно получить, анализируя алтари, предметы культа и орнамент на керамике. Материалы изучаемого поселения позволяют реконструировать только домашние культы.

Прямоугольные алтари, как основной элемент семейных святилищ, и культовые атрибуты, найденные вокруг них, фиксируются во многих жилищах Веселого Кута. Особенностью этого и синхронных ему памятников восточнотрипольской культуры, является ограниченное использование антропоморфной пластики в религиозном церемониале. Вместе с тем следует отметить широкое распространение на поселениях этого времени зооморфных изображений (рис. 9:2). Центральное место в верованиях древних земледельцев Веселого Кута занимал культ плодородия (Цвек 1993:77-87). Сосуды с рельефным изображением женской груди иллюстрируют миф о двух повелительницах неба, распространенный у населения этого района на протяжении всего развитого Триполья (рис. 4:2). Моление о небесной воде (дожде) посвящено божеству, атрибутами которого были кратеры и биноклевидные сосуды (рис. 5:1-3; рис. 9:5).

Находки в постройке, предназначенной для размала и хранения зерна (площадка № 9), свидетельствуют об обряде, связанном с плодородящей силой зерна. Магия зерна и плодородия полей переплетается с магией человеческого плодородия. Парные сосуды, имеющие женские и мужские признаки (рис. 10:7), вероятно, свидетельствуют о существовании у жителей поселения культа небесных супругов (Маркевич 1981:157-160).

Наличие культов, связанных с ремесленным производством (Токарев 1964:247), зафиксировано при раскопках упомянутой ранее гончарной мастерской. Сооружение гончарного горна сопровождалось религиозной церемо-

ний, о которой свидетельствует находка миниатюрных глиняных конусов (рис. 9:1), расположенных в определенной системе под фундаментом печи. В одной из мастерских находился алтарь, на котором лежал биноклевидный сосуд (рис. 9:4). Здесь же найдены фрагменты черепа быка (Цвек 1990:55). Обряды, связанные с керамическим производством, зафиксированы и другими археологами (Бикбаев 1990:146-152; Гусев 1992:16).

Изменение хозяйственной системы и уложение социальной структуры общества отражается в новых верованиях и ритуалах (обряды направленные на воспроизводство стада, культ семейных предков, получивший тотемистическую окраску и т.д.). Пережитки тотемистических элементов в мировоззрении населения Веселого Кута тесно переплетаются с иными представлениями, порожденными земледельческой эпохой, например, с культом плодородия. Некоторые зооморфные статуэтки сделаны из глины с примесью зерна, что свидетельствует о синтезе культов. Еще более усложняется мировоззрение трипольцев, когда в состав населения вливаются новые родоплеменные группы со своими верованиями и культами. Трехчастные сосуды (рис. 9:5) и погребения овец под полом жилищ находят аналогии в обрядах лендельской культуры (Свешников 1956:57-69). Идеологические представления жителей Веселого Кута и других синхронных ему поселений генетически восходят к верованиям раннетрипольских племен, что выражается в мифологических образах, запечатленных в орнаментальных схемах.

О связях населения Веселого Кута с западными соседями свидетельствует особая группа сосудов, близких по форме и орнаментации керамике памятников типа Вербковице-Костянец (Пелешидин 1985:268-273) (рис. 9:3-5). Однако посуда этого типа, обнаруженная на поселении Верхний Кут, сделана из местной глины и в ее декоре ощущается переработка лендельских образцов местными мастерами. Контакты культуры Лендель с носителями восточнотрипольской культуры засвидетельствованы находкой медной очковидной подвески (рис.10:3) в одном из жилищ поселения Веселый Кут. Аналогичные украшения встречаются в могильниках и на поселениях куявекской культуры, в кладе из Глинска у Липника (Южная Чехия) (Pavelcek 1979:331). Эти связи датируются периодом Лендель IV (Czerniek 1980:66). Не менее интересны контакты восточнотрипольского населения с племенами Карпатского бассейна. На памятниках типа Веселого Кута встречаются сосуды, близкие керамике тиссаполгарской и ранней бодрогкерестурской ступени Полгарской культуры (рис. 10:1,5-6) (Bog-

nar-Kutzian 1972:253; Šiška 1970:269-273). Степень изученности энеолита Закарпатья и Волыни не дает пока возможности более детально исследовать характер этих связей.

Среди памятников восточнотрипольской культуры выделяется группа поселений, имеющих сходные черты материальной и духовной культуры: хозяйство, идеологические представления, планировка поселений, приемы домостроительства, своеобразные черты керамического комплекса (Веселый Кут, Пенежково-Бугачевка, Копиновата, Ольховец I, Харьковка, Дешки и др.). Поскольку поселение Веселый Кут наиболее полно исследовано в этой группе памятников, они получили название: памятники типа Веселый Кут (Цвек 1985:37-39).

В периодизации памятников развитого (среднего) Триполья Буго-Днепровского междуречья памятники типа Веселый Кут занимают срединное положение. Генетически они восходят к поселениям типа Оноприевки и Шкаровка. Время бытования памятников типа Веселый Кут знаменует расцвет культуры среднего Триполья в Буго-Днепровском междуречье. Подъем экономики стимулирует быстрый рост народонаселения и его концентрацию на отдельных поселениях, что ведет к их укрупнению, так как основная территория региона уже была распределена между общинами. В то же время продолжалась дальнейшая сегментация общин и переселение отделившихся коллективов — прежде всего в Поднепровье, на новые земли. В этой связи интересно сравнение поселения Веселый Кут с памятниками типа Веремье. Отметим также, что разделенные значительным расстоянием поселения Веселый Кут (Горный Тикич) и памятники типа Веремье (Днепр) имеют во многом идентичные, с точки зрения типологии, керамические комплексы (Цвек 1985:39). Вероятно, обитатели поселения Веремье пришли из того региона, где располагаются памятники типа Веселый Кут.

Если на востоке трипольско-кукутенской общины быстрый рост народонаселения приводил к формированию крупных поселений или к миграции населения в новые необжитые районы, то на Западе такой возможности не было. За Прутом лежали районы с высокой плотностью древнеземледельческого населения. В поисках новых земель кукутенские общины двигались к востоку — в бассейн Южного Буга и позднее в Буго-Днепровское междуречье. Результаты этого переселения раньше проявляются на Южном Буге. Большой процент сосудов с росписью и пластика, свойственная кукутенским племенам, выявлены в жилищах Клишева, где также обнаружена керамика, характерная для местных трипольских общин (Заец 1974:180-199; Заец, Рыжов 1992:177). В

Буго-Днепровском междуречье аналогичный процесс миграции кукутенских общин зафиксирован позднее. Об этом свидетельствуют материалы заключительного этапа существования поселения Веселый Кут. В это время кукутенские переселенцы достигли только территории бассейна Горного и Гнилого Тикича. На восточной окраине поселения Веселый Кут обнаружена керамика с серой поверхностью и темно-коричневой росписью, которая позднее станет характерной для последнего этапа развитого Триполья в восточной части ареала этой культуры. Данный факт указывает на длительное существование поселения Веселый Кут и дает возможность выделить самый поздний жилой горизонт на поселении. Появление новой керамики также свидетельствует о начале еще одной волны переселения из Поднестровья и Побужья в восточном направлении.

Памятники типа Веселый Кут в Буго-Днепровском междуречье были сменены памятниками типа Мирополье и Гарбузина, которые относятся к завершающей фазе среднего Триполья в этом районе.

Синхронизация памятников Буго-Днепровского междуречья с одновременными поселениями Поднестровья (Залещики, Поливанов Яр II) и Побужья (Клишев, Колодистое) позволяет отнести поселения типа Веселый Кут ко второй половине переходного периода VI-VII, что соответствует периоду Кукутени —

AB/2.

Возраст памятников типа Веселый Кут определен с помощью радиоуглеродного* и археоманнитного методов (Загний 1982).

На основании этих дат можно считать, что памятники типа Веселый Кут датируются в интервале: 3200-3100 гг. до н.э. (даты некалиброванные) или в интервале 4000-3900 гг. до н.э. (даты калиброванные).

Материалы раскопок позволяют утверждать, что поселение Веселый Кут является наиболее крупным памятником развитого (среднего) Триполья. Такие поселения играли роль экономических и культурных центров.

Памятники типа Веселый Кут свидетельствуют о том, что на территории Буго-Днепровского междуречья, после проникновения туда раннетрипольских племен, происходит становление и развитие восточнотрипольской культуры, являющейся частью культуры Триполье — Кукутени. Восточнотрипольская культура имела высокий уровень экономического и культурного развития. Поселения типа Веселый Кут и более поздние восточнотрипольские памятники явились той основой, на которой, после проникновения в Буго-Днепровское междуречье нового населения с запада, смогли появиться такие крупные трипольские центры как Добоводы, Квитки, Майданецкое, Тальянка и другие.

Бибиков, С.Н. 1970. О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесло: тезисы расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа: 3-6. Ленинград.

Бибиков, В.М. 1990. Данные к ритуалу, связанному с остыванием кукутентрипольских гончарных печей // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тальянки — Веселый Кут — Майданецкое: 146-152. Киев.

Гусев, С.О. 1992. Трипольская культура среднего Побужья IV-III тыс. д.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Загний, Г.Ф., О.М. Русаков. 1982. Археоманнитные вариации геомагнитного поля Юго-Запада СССР. Киев: Наукова думка.

Заяц, И.И. 1974. Трипольское поселение Клишев на Южном Буге // Советская археология 4: 180-199.

Заяц, И.И., С.Н. Рыжова. 1992. Поселение трипольской культуры Клишев на Южном Буге. Киев.

Маркевич, В.И. 1981. Позднетрипольские племена северной Молдавии. Кишинев: Штинца.

Массон, В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград: Наука.

Пелешиани, Н.А. 1985. Энеолитические культуры Волины и Подолы. Лендельская культура // Археология Украинской ССР: 268-273. Киев: Наукова думка.

Семенов, С.А., Г.Ф. Карбокова. 1983. Технология древнейших производств. Ленинград: Наука.

Тодорова, Г. 1976. Овчарово. София.

Токарев, С.А. 1964. Ранние формы религии и их развитие. Москва: Наука.

Цвек, О.В. 1985. Особливості формування східного регіону трипільськокукутенської спільності // Археологія 51: 37-39.

1987. Трипольская культура междуречья Южного Буга и Днепра (средний этап). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

1990. Один из аспектов верований трипольских племен // Реконструкция древних верований: источник, метод, цель: 55-56. Ленинград.

1993. Релігійні уявлення населення Трипілья // Археологія 3: 77-87.

Bogndir-Kutzián, I. 1972. The early age Tissa-polgar kultur in the Carpathian Basin. Archaeologia Hungarica s.n. XLVIII. Budapest.

Czerwik, L. 1980. Rozwój społeczeństw Kultury późnej ceramiki wstępczej na Kujawach. Poznań.

Pavelček, J. 1979. Depot medených sperků z Hlinska u Lipníku // Památky archeologické 2: 319-339.

Šiška, S. 1970. Die Kulturen des Polgar-Bereiches // Die slowakei in der jüngere steinzeit: 269-273. Bratislava.

* Радиоуглеродные даты получены в лаборатории Института геохимии и физики минералов АН Украины. Некоторые даты подсчитаны Г. Квиттой в Берлинской лаборатории.

VESELY KUT: A NEW SUPERCENTRE OF THE EAST TRIPOLYE CULTURE

The site near Vesely Kut village, Tal'noye district, Cherkassy province, Ukraine, situated on a promontory of the first terrace of the Gorny Tikich river, is one of the earliest major settlements of the East Tripolye Culture. Having a surface area of 150 ha, it is circular in plan, with a street grid and a very dense concentration of dwellings (Fig.1). The principal element of the layout is the farmstead. The presence of several densely spaced living and utilitarian constructions in such complexes, as well as the nature of artifacts, suggest that each farmstead was jointly owned by a group of relatives.

So far, seven farmsteads have been excavated, with a total of about 70 constructions being revealed. Twenty-six of these have been completely excavated, including 16 dwellings and ten utilitarian buildings.

The living dwellings are one-storey surface constructions usually having two rooms, the total floor area ranging from 50 to 125 square metres. Most houses are elongated in plan, some being L- or T-shaped, in keeping with the local house-building tradition of the earlier period in the Bug - Dniester interfluvium. According to the layout and the number of compartments, three basic types of houses are distinguished: rectangular, L-shaped, and T-shaped (Fig.2). Several details of the interior have been described: floors, walls, bench-like eminences, altars, and stoves. The floors were earthen. Along the shorter walls of the houses, adobe eminences were constructed (benches, judging by the known parallels).

In some constructions, rectangular adobe altars were found. All houses have stoves of the dome-type with pits nearby. The walls were usually made of wood and adobe. Some houses had ceilings.

Apart from the dwellings, utilitarian constructions of different types were unearthed. Their floor area was 34-115 square metres. Pieces of clay with impressions of twigs, and traces of vertical poles along the perimeter suggest that the walls of the utilitarian constructions were less massive than those of the dwellings, and had wooden frameworks. These constructions were used for grinding and storing grain, manufacturing stone tools and pottery, storing food, and dressing skins. Like the living houses, they were parts of the farmsteads. Unique among the utilitarian buildings is a complex consisting of two workshops with kilns for baking pottery. The larger workshop included a drying-room, a room with a two-chamber kiln, and the potter's working place (Fig.3). In the smaller workshop, there was another kiln and an altar with

a binoculars-shaped vessel on it.

The pottery was classified according to the scheme suggested for the developed Tripolye Culture sites in the Bug - Dniester interfluvium. Four categories are represented. The distinctive feature of the first, most numerous category is the carved ornament. The most important one in this category is the first group, represented by vessels with a fluted ornament (34.8%). It includes pear-shaped vessels with lids (Fig.4:1-6), craters (Fig.5:1-3), binoculars-shaped and globular vessels (Fig.9:4,5), amphora-like jugs (Fig.5:7,9), and beakers (Fig.5:6). All vessels are decorated with fluted spiral designs arranged in a rhythmic zonal fashion. The principal pattern is a spiral band consisting of several furrows. This was the period when the fluted spiral ornament became completely developed and replaced the earlier elements.

The second group of the first category is represented by one subgroup only, its characteristic feature being the channeled ornament. The predominant types are jugs and beakers (Fig.5:6-9).

Vessels of the third category have a stamped decoration which consisted of several patterns. The principal type in this category is a pot (Fig.6:2,3, 5-8). Vessels of the fourth category are completely unornamented. They include saucers (Fig.7:1,2 7-10), beakers (Fig.7:3-6), and other less common types.

Vessels of the fifth category are distinguished by a two-coloured or monochrome decoration (Fig.6:1,4). Those of the two-coloured type have either a red design set off by a thin black line (Fig.6:1) or a red-on-white painting (Fig. 6:42). Monochrome designs are red. The most common forms in this category are craters, jugs, beakers, and "binoculars". Some painted vessels from Vesely Kut were imported, but some were made by local potters.

Bone, stone, and antler artifacts are few (Fig.8). They are larger and more uniform in size than those of the preceding period, and their shapes, especially the working edges and surfaces, are quite sophisticated.

The principal occupation of people living at Vesely Kut was agriculture, as evidenced by plant remains and tools. Cultigens included three species of wheat, barley, and legumes. Agricultural tools (hoes, sickles, querns, and grinding stones, see Fig.8:1,2,9) were found in all constructions. A high level of agriculture attained by people of the Bug - Dniester area suggests that the soil was ploughed. Along with agriculture, animal breeding was practiced, cattle being the principal domestic

animals. Hunting played a minor role. There are indications that fishing and gathering were practiced as well.

Other domestic activities were house-building and the manufacture of tools and other artifacts.

The high level of house-building techniques at Vesely Kut is evidenced by diverse and complex constructions and by a variety of tools used for building houses (Fig.8:3-5,10).

The pottery manufacture, too, was highly developed, as demonstrated by specialized workshops with drying-rooms and two-chamber kilns. The construction of a kiln and its exploitations were beyond the capacities of a single family. Pottery-making, then, was a communal craft.

Leather and textile manufacture was also important (Fig.8:6,8).

As the pottery-making, skin-dressing, and stone-working workshops at Vesely Kut demonstrate, these crafts had attained a considerable degree of specialization.

The layout of the site attests to a complex social structure. The farmstead was an aggregation consisting of several living houses, utilitarian constructions, and a common courtyard. Such aggregation was apparently inhabited by an extended family.

Diversified economy and complex social structure were mirrored by ideology. Rectangular altars, present in many houses, were the organizing element of domestic sanctuaries, and ritual objects were found around them. A distinctive feature of Vesely Kut and other synchronic East Tripolye sites is that animal figurines were common (Fig.9:2), whereas anthropomorphic ones were relatively rare. Fertility cult played the central role in religious beliefs. The myth of the two mistresses of heaven, that existed throughout the developed Tripolye, is reflected in vessels with relief representations of women's breasts (Fig.1,2). The prayer of rain, too, was related to the dual deity, whose attributes were vessels shaped like binoculars, and craters (Fig.5:1-3; Fig.9:4,5). Coupled vessels having male and female attributes (Fig.10:7) probably also attest to the cult of divine spouses.

Cults related to specific crafts are evidenced by finds made in a pottery workshop mentioned above. The construction of the kiln was accompanied by a religious ceremony, as demonstrated by tiny clay cones (Fig.9:1) that were arranged in a special way under the foundation of the wall of the kiln. In one of the workshops, an altar was discovered with a binoculars-like vessel on it (Fig.9:4). Fragments of a bull's skull were found nearby. Triple vessels (Fig.9:5), and burials of sheep under the floors of the houses are paralleled by finds from sites of the Lengyel Culture.

Western links of Vesely Kut are demonstrated by a specific group of vessels resembling those from sites of Verbkovice-Kostianec type both in shape and decoration (Fig.9:3-5).

Another indication of contacts with Lengyel Culture is a copper spectacles-shaped pendant found in a house at Vesely Kut (Fig.10:3). Similar pendants are known from burial grounds and settlements of Kuyava Culture, and from a hoard from Hlinsk near Lipnik, southern Czechia. All these finds date from Lengyel IV stage. Also present at sites of Vesely Kut type are vessels similar to those of Tiszapolgar and Early Bodrogkeresztur stages of Polgar Culture (Fig.10:1,5,6).

Several East Tripolye sites, including Vesely Kut, Penezhkovko-Bugachevka, Kapiuvata, Olkhovec I, Khar'kovka, Deshki, and others, are close to each other in several aspects, including economy, ideology, topography, layout, house-building techniques, and specific features of the ceramic assemblage. They may be described as sites of Vesely Kut type, Vesely Kut itself being the best known one, and their existence marks the highest development of Middle Tripolye in the Bug - Dniester area. Most likely they derive from sites like Onoprievka and Shkarovka. Similar complexes are known from territories situated much further to the east. Thus, ceramic assemblages of Veremye type sites in the Dnieper basin resemble those of Vesely Kut group, suggesting an eastward migration from the Bug - Dniester interfluvium.

In the eastern fringes of Vesely Kut, a group of potsherds with a gray surface and a dark-brown painting was found. Later, ceramics of that type becomes characteristic of the final stage of developed Tripolye in the eastern area. This fact demonstrates that the settlement existed for a long time; also, it points to the place inhabited at the final stage of the site's existence and attests to the beginning of a new wave of migration from the Dniester - Bug region in the eastern direction.

Sites of Vesely Kut type are replaced by sites like Miropolye and Garbuzin, which conclude the middle stage of Tripolye in this area.

Because Vesely Kut and other sites of this group are synchronous to Zaleshchiki and Polivanov Yar in the Dniester basin, and Klishchev and Kolodistoye in the Bug basin, they can be attributed to the second half of the transition period BI-BII, which corresponds to Cucuteni AB/2.

Based on radiocarbon dates, it may be suggested that sites like Vesely Kut existed in 3200-3100 BC (uncalibrated), or 4000-3900 BC (calibrated).

Vesely Kut is thus the most important site of developed Tripolye. Large sites of that type, about 150 ha in area, played the role of economic and cultural centres.

ПОГРЕБЕНИЕ В КОЛЫБЕЛИ ОКУНЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА УЙБАТ V

Л.А.СОКОЛОВА*

Археологические и этнографические материалы из Северной Азии вызывают большой интерес российских и зарубежных ученых, исследующих проблемы религиозных верований и этногенеза народов Сибири, Восточной Азии и Америки. Народы, предки которых заселили Сибирь в глубочайшей древности, сохранили до настоящего времени в своей традиционной культуре реликты архаических верований и ритуалов. Это обстоятельство позволяет использовать для интерпретации археологических материалов репрезентативные этнографические свидетельства.

В виду неизбежной фрагментации археологических источников и большого разрыва во времени с их этнографическими параллелями неизбежно возникает проблема адекватности и корректности палеоэтнографических реконструкций. Выявление этнографической ситуации в исследуемом археологическом контексте и системное изучение археологического материала значительно повышает степень доказательности этих реконструкций. Примером удачного решения такой задачи является реконструкция жилища, найденного А.П.Окладниковым на верхнепалеолитическом поселении Буреть. Исследователь считал, что в Бурети обнаружен тип жилища, аналогичный чукотскому валькару — «дому из челюстей кита». На поселении Буреть найдено несколько летних и одно зимнее жилище. Эта структура поселения, по мнению А.П.Окладникова, также аналогична чукотской. Типично арктический глухой комбинезон с откидным капюшоном изображен на женской статуэтке из Бурети (Окладников 1968:44-59).

Особый интерес исследователей сибирских древностей вызывает одна из ярчайших археологических культур — окуневская культура, занимавшая в III тыс. до н.э. обширную территорию юга Восточной Сибири.

Археологические работы последних лет значительно пополнили банк данных по окуневской проблематике, включая информацию по вопросам генезиса культуры, происхождения ее изобразительного искусства и погребальной обрядности.

В 1993 г. отряд Средне-Енисейской экспедиции ИИМК РАН под руководством И.П.Лазаретова исследовал курган I могильника Уйбат V. В этом кургане, относящемся к раннему этапу окуневской культуры, найдено необычное погребение ребенка (№ 7), возраст которого (по определению А.В.Громова) не превышал одного года. Скелет ребенка лежал в каменном ящике, дно которого находилось на глубине 90 см от уровня погребенной почвы. Ящик, втушенный в яму, был перекрыт несколькими крупными плитами, которые были уложены так, что образовывали над погребением сооружение, похожее на розетку. Длинные стенки ящика сохранили следы росписи охрой. На его северной стенке было изображено так называемое «солнышко с ножками». Рисунок на противоположной стенке к сожалению почти не сохранился. Погребение ориентировано на юго-запад. Скелет ребенка лежал в вытянутом на спине положении. Его руки, лежащие вдоль туловища, приподняты в области плечей и разведены в локтях. В правой кисти ребенка зажата связка из 65 клыков грызуна (сурка?). Слева от костяка находились четыре просверленные редуцированные клыка кабарги, соединенные попарно. Под правой рукой лежал игольник из трубчатой кости птицы с костяной иглой внутри него. Изделия такого рода считаются принадлежностью женских погребений. Весь костяк был окутан толстым слоем темно-коричневого тлена, который окрасил и кости скелета.

Череп ребенка раздавлен деревянной дугообразной перекладной, имевшей толщину 3-4 см. Учитывая хорошую сохранность черепа

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

можно предположить, что перекаладина была сделана из ливневницы. Длина сохранившейся части перекаладины составляла 38 см. Справа от черепа она перекрывает фрагменты берестяного короба, сохранившегося на высоту около 10 см, причем, характер слома бересты указывает, что первоначальная высота изделия была больше. Под скелетом и слоем тлена зафиксирован слой бересты овальной конфигурации, который хорошо заметен на светлом фоне дна могилы. Других следов дерева в захоронении не обнаружено (рис. 1).

Поza погребенного и детали конструкции, в которой он находился, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с захоронением ребенка в берестяной колыбели, сравнительно быстрое обрушение которой привело к разрушению черепа ребенка, так как в тот момент колыбель не была еще заполнена землей. Очевидно над колыбелью был натянут глухой чехол, препятствующий проникновению внутрь нее земли. Впоследствии спинка колыбели была раздавлена тяжестью грунта, накопившегося над чехлом, и завалилась вправо от черепа. Это наблюдение позволяет утверждать, что спинка колыбели была сделана из отдельного полотна бересты, скрепленного с днищем при помощи какого-то органического материала (кожаный ремешок?). Клыки кабарги, соединенные попарно, скорее всего, украшали концы ремня, с помощью которого ребенок был зашнурован в колыбели так, как это практикуют потомки коренного населения Сибири и в наши дни. Использование четырех клыков кабарги как для украшения колыбели, так и в качестве магических амулетов, оберегающих детей, до сих пор встречается у тувинцев и теленгитов (Дьяконова 1975:157).

Первоначальную высоту борта колыбели и способ его крепления реконструировать невозможно. Деревянная дуга-перекаладина служила либо для укрепления спинки колыбели, либо ее использовали в качестве самостоятельного конструктивного элемента, что представляется более вероятным, учитывая взаимное расположение дуги и спинки.

Таким образом, в соответствии с предложенной реконструкцией колыбели из могильника Уйбат V совмещает в себе признаки V и VI типов сибирских колыбелей по классификации Л.В.Хомич. (1988:48) (рис. 2). Эта реконструкция имеет надежные этнографические параллели.

Обряд погребения в колыбели, к сожалению, еще не привлекал специального внимания исследователей. В литературе содержатся лишь отдельные упоминания об этом обычае (Дьяконова 1975:68). К вариантам этого обряда можно отнести и захоронения детей в колыбелях на деревьях (Соколова 1971:127; Хомич 1977:26). С этим обычаем переключается и общесибирская практика

оставлять колыбель умершего ребенка на его могиле или подвешивать ее на дерево в лесу.

По традиции, аборигены Сибири рассматривали колыбель как микрожилище, как некий "дом в доме". Ребенок практически никогда не покидал ее. С этой целью колыбель была оборудована устройством для удаления нечистот. Детей держали в колыбелях очень долго — до 2-3 лет. Существовало поверье о том, что ребенок, начавший рано ходить, долго жить не будет (Дьяконова 1975:157). Младенец был привязан ремнями к колыбели и мог реализовать свою естественную потребность в движении единственным доступным ему способом: выпрямляя ноги и упиравшись головой в изголовье. Возможно этим объясняется особенность окуневского антропологического типа — сильная теменная уплощенность черепа. Позднее эту деформацию стали исправлять, сообразуясь с эстетическими нормами коллектива. Например, у якутов красивой считалась идеально круглая голова. Эту форму и придавали черепу ребенка (Дьяченко 1988:191).

У хантов, кетов, ненцев, тувинцев, хакасов и других народов Сибири младенца держат в берестяной колыбели только 2-3 месяца, а затем его перекаладывают в деревянную колыбель. Берестяная колыбель является временной, ее сохраняют, но не используют, в то время как деревянная переходит от одного, благополучно выросшего ребенка, к другому (Алексеев 1967:121). Уйбатский погребальный комплекс с берестяной колыбелью, в которой был захоронен ребенок, со всеми прорезавшимися зубами, свидетельствует о том, что обычай перекаладывания младенца из берестяной колыбели в деревянную, а, возможно, и сами деревянные колыбели появились позднее, о чем свидетельствуют значительные различия в их конструкциях. У каждого народа деревянная колыбель имела свое специфическое устройство. У тунгусо-маньчжурских народов основа колыбели соединением двух дугообразных досок под углом в 110-150°. Подавляющее большинство народов Южной и Юго-Западной Сибири изготавливает колыбели, основа которых похожа на низкий прямоугольный ящик с днищем из поперечных планок. Ненцы, энцы, тувинцы-тоджинцы, тофалары делают овальные колыбели с прямым дном. Колыбель нивхов, ульчей, нанайцев, теленгитов представляет собой долбленную колоду, иногда в форме лодки. В отличие от деревянных, берестяные колыбели различаются только наличием или отсутствием спинки. Поражает их широкое распространение в Северной Евразии: от Сахалина и Нижнего Амура до Печоры (Хомич 1988:48).

В литературе имеются две гипотезы о происхождении берестяной колыбели. Г.М.Васильевич считает, что она генетически восходит к берестяному вкладышу, который помещали в

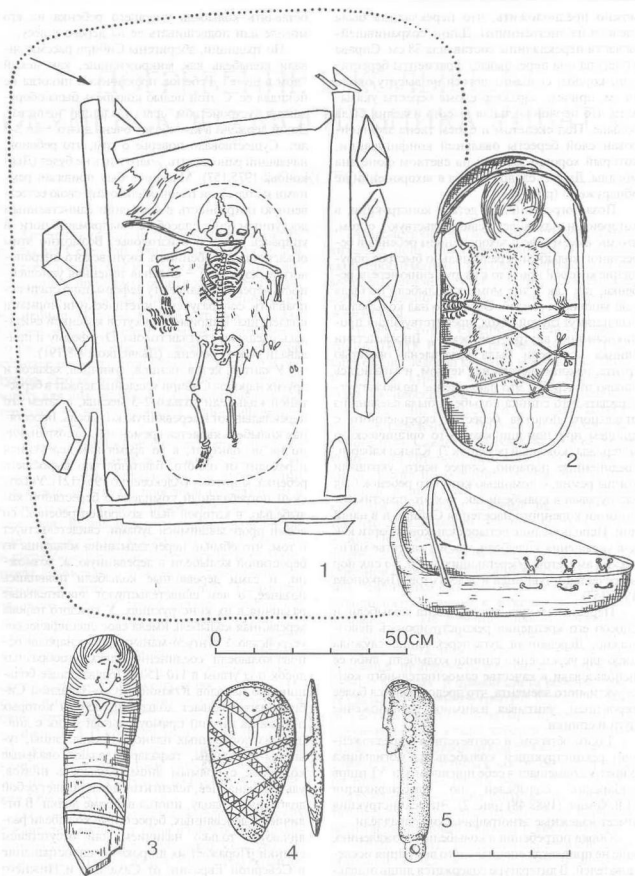

Рис. 1: 1 – Погребение ребенка в колыбели (могильник Уйбат V, курган 1, могила 7); 2 – Реконструкция детского погребения в колыбели из могильника Уйбат; 3 – Костяная пластинка с гравированным изображением из окуневского могильника Черновая VIII (курган 9, могила 7); 4 – Галька с гравировкой из карасукского поселения Торгажак; 5 – Стеатитовая головка (могильник Черновая VIII, курган 9, могила 7).

Fig. 1: 1 – Cradle burial of a child (Uybat V, mound No.1, grave No.7). 2 – Reconstruction of the cradle burial of a child (Uybat V). 3 – Bone plaque with engraved representation from Okunev burial ground Chernovaya VIII (mound No.9, grave No.7). 4 – Pebble with engraved drawing from Torgazhak site, Karasuk Culture. 5 – Steatite head (Chernovaya VIII, mound No.9, grave No.7).

деревянную колыбель, и, следовательно, имеет позднее происхождение. С этим мнением соглашается и Н.В.Лукина (Василевич 1960:22; Лукина 1985:276). Прямо противоположную точку зрения высказала Л.В.Хомич: «берестяные вкладыши рудиментарно сохранили форму ранних колыбелей» (Хомич 1988:48). На мой взгляд широкое распространение и долгое бытование берестяных колыбелей свидетельствует об их субстратном происхождении, что, в свою очередь, подтверждает справедливость гипотезы В.Н.Чернецова о формировании в эпоху неолита урало-сибирской этно-культурной общности, которая складывалась в результате расселения племен восточной ветви уральской семьи, имевших ряд общих черт в материальной культуре (Чернецов 1973:14-15).

Судя по имеющимся данным, момент, когда ребенок переставал нуждаться в колыбели осознавался, как одна из первых инициаций человека, и знаменовал вхождение его в мир людей. У тюрков пребывание ребенка в колыбели воспринималось как продление внутриутробного развития, причем в роли матери выступала великая богиня Умай. Поэтому ребенок, которого еще держали в колыбели, считался не вполне родившимся, а его смерть не воспринималась как настоящая смерть и не сопровождалась обрядовыми действиями: то есть не справлялись поминки, не переставлялась юрта. Люди считали, что младенца взяла Умай (Львова, Октябрская, Сагалаев, Усманова 1989:166). Смерть и рождение выступают в этом контексте в замкнутой причинно-следственной связи. Таким образом, обряд погребения в колыбели имеет двойную идеологическую нагрузку — соединяет жизнь и смерть. Вот почему колыбель всегда была окружена особым ритуальным полем. Модели колыбелей использовали в шаманских действиях и гаданиях, а также подвешивали к шаманскому бубну. В фондах Музея антропологии и этнографии РАН имеется серия таких подвесок представляющих вотивные модели колыбелей различных типов.

Классическим примером захоронений в колыбелях, являются знаменитые погребения мумий, обнаруженные в XVII-XVIII вв. на Алеутских островах, на границе сибирской и североамериканской этно-географических провинций. Захоронения в колыбелях великолепно сохранились, благодаря уникальным природным условиям.

На первый взгляд кажется, что эта аналогия неуместна. Однако, идеи о древних связях народов Сибири, эско-алеутов и ряда народов Северной Америки в последнее время находят все большее число сторонников. В частности, лингвисты выделяют общий языковой субстрат, участвовавший в сложении самодийского и

эско-алеутских народов (Васильев 1970:157; Файнберг 1981:137). Кроме того, в этих областях распространен древнейший эпический пласт — цикл мифов о вороне. Эти мифы не могли возникнуть конвергентно, и указывают на глубокое сходство образа мышления и психологического склада народов, их создававших. Очень убедительны и другие соответствия в материальной и духовной жизни вышеупомянутых народов.

Первоначально на Алеутских островах существовали различные типы захоронений: в стенах или полах жилищ, в каменных ящиках, в могилах со срубом, в погребальных шалашах, в наземных круглых каменных курганах. Позднее всех умерших, независимо от пола и возраста, стали мумифицировать. С этой целью брюшную полость препарировали и заполняли травой. Покойника одевали в лучшую одежду и, придав ему скорченное положение, оборачивали шкурами, которые, в свою очередь, были обвязаны шнуром или сетями. Затем мумию помещали в колыбель, деревянную колоду или ящик и переносили к месту захоронения. Взрослых хоронили в больших колыбелях, которые отличались от детских только размерами. Алеутские колыбели имели круглую или овальную деревянную раму и кожаную полость, более глубокую с одного края, чем с другого. Мумии хранили в сухих пещерах, где их укладывали на нары и снабжали всевозможной утварью от лодок до деревянных пластинчатых лат (Лафлин 1981:33).

Приведенные материалы убедительно показывают, что в прошлом захоронения в колыбелях были характерны не только для детей, но и для взрослых. Сказанное имеет непосредственное отношение к погребениям взрослых окуневцев. Как известно, скелеты окуневцев, за редким исключением, лежат на спине с поднятыми вверх ногами, согнутыми в коленях. Этот способ захоронения был широко распространен в эпоху ранней бронзы. Однако, в отличие от костяков, обнаруженных в афанасьевских или катакомбных могилах, кости нижних конечностей окуневских скелетов никогда не распадаются «ромбом». Если предположить, что окуневец связывали веревкой или обматывали каким-либо материалов ноги покойников, то их колени и, особенно, стопы были бы тесно прижаты друг к другу, что наблюдается далеко не всегда. Например, в могильнике Черновая VIII из 23 случаев, где кости стоп сохранили первоначальное положение, в 12 — стопы разведены, а в 11 — сдвинуты вместе (Маскименков 1980:93-105). Это расположение стоп нельзя объяснить позднейшим смещением костей. Очевидно, в могилах существовало какое-то препятствие, которое, не фиксируя жестко по-

ложение ног покойника, в то же время не давало им распастись в стороны. На мой взгляд это могло быть кожаное или меховое вместилище, в которое покойника укладывали с поджатыми ногами. Степень скорченности в этом случае зависит от величины данного вместилища. Оно могло повторять форму колыбели, как на Алеутских островах, или ассоциироваться с ней. Размещение трупа взрослого человека в колыбели, видимо связано с ее спецификой, как средством для переноски тела. Во время пеших переходов в колыбелях носили довольно больших детей, которые вполне могли передвигаться сами, хотя и недостаточно быстро.

Кроме того, нельзя забывать и о богатейшей палеоазиатской мифологической традиции, в которой мотив колыбели всегда выступает в связи со вторым — шаманским — рождением героя, после которого он поднимается на "небесное (Божественное) дерево". Так, в мифе о сыне Земли, герой, раскачиваясь в колыбели, восстанавливает утраченные силы — то есть возрождается — и поднимается на небо. Существует группа мифов о искусственно созданных детях, которых оживляют, качая в колыбели (Иванов 1982:132-141).

О значительной древности этого сюжета (миф о Разорителе гнезда) свидетельствует распространение его и на американском континенте: в труднодоступных районах Бразилии, на северо-западе США и на западе Канады. Согласно мнению К. Леви-Стросса, это наиболее архаичный из индейских мифов, время его распространения относится к этапу раннего заселения Нового Света (Levi-Strauss 1971: 21-23; 542-543).

Вероятно, соплеменники и родственники считали, что обряд захоронения в колыбели помогал духу умершего возродиться в его потомках. Эта вера в реинкарнацию, в той или иной степени характерная для всех сибирских народов, выражается, в частности, в обряде гадания, с помощью которого устанавливали имя умершего родственника, чья душа перешла в тело новорожденного ребенка (Гурвич 1987: 78-79). Ошибка в выборе имени могла вызвать болезнь или даже смерть ребенка. Возможно та же идея отражена в традиции посыпания умершего охрой. Охра в этом случае выступает в качестве символа первородной крови, с которой человек появляется на свет. Душа умершего странствовала в "нижнем мире" по спирали, разворачивающейся в обратную сторону. Этот путь в мире мертвых заканчивался вторым рождением и, в конечном счете, — колыбелью.

В этой связи интересен анализ изображений людей на костяных пластинках, найденных в окуневских погребениях. Согласно принципу быточной информации, в любом изображении

можно выделить основной мотив, ради которого оно создано. Позднее этот принцип реализуется в пиктограмме, где детали, несущие информации, опускаются. На вышеупомянутых пластинках основную смысловую нагрузку несут изображения распушенных и зачесанных наперед волос. Они тщательно гравированы, глубокими и частыми линиями, в то время как черты лица едва намечены, а детали костюма вообще не представлены. При сопоставлении изображений на пластинках с миниатюрными окуневскими человеческими головками, сделанными из стеатита, становится очевидным, что это изображения различных семантических планов. В отличие от пластин на стеатитовых головках выделены черты лица, а волосы или не изображены совсем, или небрежно подняты кверху и затянуты в узел. Объединяет оба типа изображений людей манера гравировки многоярусных височных колец-серег и своеобразный тип лица — узкий с заостренным подбородком (Валецкая 1980:72) (рис. 5).

Поскольку и пластинки, и стеатитовые головки, представленные значительными сериями, демонстрируют две устойчивые иконографические традиции, то вполне правомерен вывод о различной природе представлений, стоящих за этими изображениями. Основным признаком, маркирующим эти различия, является мотив распушенных волос. Во всей восточной Азии распространены представления об одной из душ человека, живущей в его волосах. В сибирской традиции волосы считались обителью "маленькой души" — "лили" (манси). Эта душа (жизнь ребенка) находилась в опасности, пока у него не отрасли волосы. С такими верованиями связан обычай ношения длинных волос. У нихов существовало поверье, что острижение волос влечет за собой тяжелую болезнь или смерть (Клюева, Михайлова 1988:124). У эвенов, кетов, нганасан ношение распушенных волос связывалось с трауром и строго регламентировалось. У кетов существовал обычай, согласно которому у покойника распускали волосы (обычно длинные и у мужчин, и у женщин) и зачесывали их вперед на лицо. Таким образом, распушенные волосы, наряду с определенной системой запретов, выступают элементом знаковой системы, объединяющей мертвых и их близких родственников. Сама по себе эта знаковая система, возможно, была призвана заменить древний обычай "добровольной смерти", так как благодаря системе запретов близкие умершего исключаются на время из социума и как бы переживают временную смерть (Алексеев 1967:197).

Итак, люди с распушенными волосами, изображенные на окуневских костяных пластинках символизируют умерших. К этой же категории

символов можно отнести изображение У-образного предмета на костяной пластинке из могилы 7 кургана 9 могильника Черновая VIII (рис. 3). Этот предмет напоминает по форме подъязычную кость оленя, которая является обычной находкой в окуневских погребениях. Подъязычная кость оленя, иногда, имеет отверстие для подвешивания. Аналогичные деревянные предметы в виде палочки с развилкой на конце хорошо известны в сибирской этнографии. У кетов они символизируют душу умершего — Ульвей; у чукчей — личного покровителя и защитника — отгыкамак, который одновременно являлся изображением умершего предка (Вдовин 1977:137).

На той же пластинке привлекают внимание гравированные поперечные полосы и одна треугольная полоса в нижней части изображения. Вероятно, поперечные полосы показывают перевязь, наложенную поверх кожного вместилища, в которое уложен умерший. Таким образом, гравировка на костяной пластинке из могильника Черновая VIII иллюстрирует именно тот ритуал окуневской погребальной практики, в соответствии с которым ноги трупа были тесно прижаты друг к другу. В этом контексте треугольная полоса символизирует поднятые вверх колени умершего. На пластинке из могилы 2 кургана Разлив X все изображение сведено к двум поперечным полосам, одна из которых слабо изогнута. Возможно, в этом случае произошло превращение антропоморфного изображения в знаковое. В этом случае человек, владеющий кодом информации, по выделенному знаку восстанавливает всю семантику изображения в целом (Пшеницына, Пяткин 1993: 60, рис. 3).

На пластинке из могилы 4, найденной в кургане у Абаканской церкви, верхняя часть с антропоморфным изображением отдалена двойной полосой от нижней, неорнаментированной части (Левашова 1975:31). Очевидно нижнюю часть изображения можно трактовать как погребальное вместилище без дополнительной перевязи. Интересно отметить, что скелет женщины в этом погребении лежит в необычном положении — с поджатыми ногами, причем правая закинута на левую, а стопы разведены. Этот конкретный случай еще раз показывает, что ноги умерших были связаны не всегда и после размещения тела в могиле могли принять случайное положение.

Нужно подчеркнуть, что мотив запеленутых или помешанных в колыбели фигур прослеживается и в изобразительном искусстве более позд-

ней карасукской культуры. Так в поселении Торгажак было найдено около 250 орнаментированных галек, большую часть которых составляют антропоморфные изображения. Их можно разделить на запеленутые и одетые фигуры с выделенными деталями одежды, причесок и наборных поясов (Савинов 1991:19-20) (рис. 4).

Имеются свидетельства, что практика захоронений в кожаном вместилище доживает в Центральной Азии до позднего средневековья. В монгольских храмовых рисунках, описанных А.Позднеевым в конце прошлого столетия, имеется картина, изображающая 12 явлений из жизни Шигэмуня. На ней перед крыльцом дворца изображен человек, несущий за спиной какой-то тюк, возможно, "завернутый в кожу труп ребенка — так будто бы хоронили в древности" (Дьяконова 1975:70).

Подобный обычай неоднократно описан в работах по этнографии различных народов Сибири. Ненцы укладывали покойников в гроб, обернув их шкурами и крепко связав ремнями. Кеты, манси, эвенки подвешивали к деревьям трупы детей (а в прошлом и взрослых), обернутые берестой или шкурой оленя (Хомич 1977: 24; Соколова 1971:127). Таким образом, практика использования кожи в погребальном обряде в качестве колыбели, вместилища, мешка или просто шкуры, фиксируется на широком фактическом материале. К сожалению, необходимо признать, что археологическими методами доказать наличие подобных конструкций в погребениях можно только используя косвенные доказательства — конкретные особенности положения скелета.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Окуневская погребальная традиция предусматривала в ряде случаев захоронения в колыбелях/вместилищах. Это, безусловно, относится к детским погребениям и, с определенной долей вероятности, к погребениям взрослых окуневцев.
2. Подобная погребальная практика имеет убедительные параллели в этнографических материалах Сибири и сопредельных территорий.
3. Обряд захоронений в колыбелях/вместилищах отражен в окуневской иконографии (изображения на костяных пластинках из погребений).
4. Семантика колыбельных обрядов раскрывается в древнейшей палеоазиатской мифологии и в шаманских действиях.

Алексеевко, Е.А. 1967. Кеты. Ленинград: Наука.
 Вадецкая, Э.Б. 1980. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры: 37-81. Ленинград: Наука.

Василевич, Г.М. 1960. Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров) // Сборник Музея антропологии и этнографии XIX: 5-28. Москва-Ленинград: Наука.

- Васильев, В.И. 1970. Сиртя — легенда или реальность. // Советская этнография 1: 151-158.
- Вдовин, И.С. 1977. Религиозные культы чукчей. // Сборник Музея антропологии и этнографии XXXIII: 35-54. Ленинград: Наука.
- Гурвич, И.С. 1987. Новые данные по традиционной обрядности коряков. // Традиционные верования и быт народов Сибири: 75-85. Новосибирск: Наука.
- Дьяконова, В.П. 1975. Погребальный обряд тувинцев как историкоэтнографический источник. Ленинград: Наука.
- Дьяченко, В.И. 1988. Воспитание детей у якутов. // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: 186-206. Ленинград: Наука.
- Иванов, Вяч. Всев. 1982. Кетско-американские связи в области мифологии. // Кетский сборник: 132-143. Ленинград: Наука.
- Клюева, Н.И., Е.А. Михайлова. 1988. Накосные украшения у сибирских народов. // Сборник Музея антропологии и этнографии XLII: 188-194. Ленинград: Наука.
- Лафлин, У.С. 1981. Алеутские мумии и их значение для исследований продолжительности жизни и изучения культуры. // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: 33-50. Москва: Наука.
- Левашова, В.П. 1975. Могильник у Абаканской церкви. // Археология Северной и Центральной Азии: 99-104. Новосибирск: Наука.
- Лукина, Н.В. 1985. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Издательство Томского государственного университета.
- Львова, Э.Л., И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. 1989. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука.
- Максименков, Г.А. 1980. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры. // Памятники окуневской культуры: 3-22. Ленинград: Наука.
- Пищеницына, М.Н., Б.Н. Пяткин. 1993. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X// Краткие сообщения Института археологии АН СССР 209: 58-63.
- Савинов, Д.Г. 1991. Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии. // Древние культуры и археологические изыскания: 17-21. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Соколова, З.П. 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сборник Музея антропологии и этнографии XXVII: 211-238. Ленинград: Наука.
- Файнберг, О. 1981. О некоторых параллелях в культуре самодийцев и эскимосов / К проблеме древних этнических связей между Азией и Америкой// Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: 128-142. Москва: Наука.
- Хамич, Л.В. 1977. Религиозные культы ненцев. // Сборник Музея антропологии и этнографии XXXIII: 5-28. Ленинград: Наука.
1988. Колыбель у народов Сибири. // Сборник Музея антропологии и этнографии XLII: 24-49. Ленинград: Наука.
- Чернецов, В.Н. 1973. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. // Проблемы археологии Урала и Сибири: 10-18. Москва: Наука.
- Levi-Strauss, C. 1971. L'homme. // Mythologies I. Paris.

A CRADLE BURIAL (OKUNEV CULTURE, SOUTH SIBERIA)

Archaeological data are highly relevant for the study of religious beliefs and ethnic history of the prehistoric tribes of Siberia, East Asia, and America. Numerous archaic features have survived in recent aboriginal cultures of these territories, providing an opportunity of establishing links between archaeology and ethnography.

One example of such links is A.P. Okladnikov's reconstruction of an Upper Paleolithic site and dwelling at Buret', South Siberia, shown by him to be close to settlements and houses of Chukchi. Another parallel is a human figurine from Buret', dressed in a typically Arctic hooded overalls.

Especially intriguing are analogies provided by Okunev Culture, which in the 3d millennium BC occupied vast regions of southern West Siberia. Recent excavations have resulted in an extensive body of data pertaining to Okunev origins, ideology, and art.

In 1993, mound No.1 was excavated at Uybat V burial ground by the Middle Yenisey Expedition of ИИМК headed by I.P. Lazaretov. In grave No.7, a skeleton of a one-year-old child was discovered in a stone cyst 90 cm below the buried soil level. The

cyst was overlaid by several large stone slabs. On the northern wall of the cyst, there was an ochre representation of the so-called "sun with legs" having a point in the centre.

The child's skeleton was lying supine in an extended position, humeri slightly raised, elbows put apart. A bunch of marmot's teeth, 65 in number, was found clutched in the child's right hand. To the left of them, there were four teeth of a musk-deer, joined two-by-two, and under the right hand, a needle-case made of a bird's long bone with a bone needle inside. The child's skull was crushed by a 3-4 cm wide wooden bar preserved at the length of 38 cm. Given the good preservation, it may be suggested that the bar was made of larchwood. To the right of the skull, fragments of a 10 cm high box made of birch-bark were discovered. Beneath the skeleton there was an oval layer of decayed organic matter whose dark colour stood out against a much lighter bottom of the grave. Apparently the child's body was wrapped in a shroud or laid on a mat. A layer of birch-bark was found beneath the humus (Fig. 1).

The position of the skeleton and several details of the burial suggest that the child was buried in a

birch-bark cradle. The fact that the skull was crushed by the collapsing construction indicates that at the moment of collapse there was no earth inside the skull or the cradle, probably because the burial was protected by a hood spread above it. Because the falling construction pushed the back of the cradle to the right of the skull, it can be assumed that the back was made of a separate sheet of birch-bark and attached to the side with something like a leather strap. The bar was bow-shaped and could function both for strengthening the edge of the back and as an independent constructive element, the latter suggestion being more likely, given the position of the arch and the back.

The proposed reconstruction combines distinctive features of types V and VI of Siberian cradles according to L.V. Khomich's classification (Khomich 1988:48) (Fig.2). Such cradles were widely used throughout northern Eurasia, from Sakhalin and the Lower Amur basin in the east up to the Pechora in the west. In our view, the extremely wide spatial and temporal boundaries of this cultural feature attest to its substratal nature and support V.N. Chernetsov's theory of the Uralo-Siberian ethno-cultural community which originated in the Neolithic following the eastward migration of early Uralic speakers (Chernetsov 1973:14-15).

Children's burials in cradles have been registered in various parts of Siberia; however the most striking analogy are the famous Aleut mummies, not only children's, but those of adults as well (Laughlin 1983:33). The idea of ancient links between Siberians, Esko-Aleuts, and northern Amerindians is gaining more and more support. Several writers speak of a common linguistic substratum underlying Samodic and Esko-Aleut stocks (Vasilyev 1970:157; Fainberg 1981:137). Also, archaic myths of the Raven cycle were distributed over most of these territories, evidencing deep-level ideological similarities. Such parallels cannot be due to chance. Other highly suggestive correspondences, both material and ideological, can also be noted.

Parallels between Okunev and Aleut funerary rites are highly relevant for the interpretation of burials of adults in Okunev mounds. Apart from rare exceptions, Okunev skeletons lie supine with raised and flexed legs, a burial posture very common in the Early Bronze Age. But, contrary to what is observed in Afanasyevo or Catacomb Culture graves, legs of Okunev skeletons never fall apart in a diamond-like fashion, although the feet do not always adjoin, as they would do if they were tied together. This means that something in the grave prevented them from falling apart. In our opinion, this could be a leather or fur rug in which the dead person, whose legs were flexed, was

wrapped. The degree of flexion in this case would depend on the size of the rug, which could imitate the shape of the cradle, like in Aleut burials, or be associated with it. The custom of placing bodies of adults in cradles is closely related to the specific nature of Siberian cradles, which were perceived as the means of transporting bodies (during migrations even big children who could not endure prolonged fast walking were carried).

Another possible way of approaching this problem is to analyze representations on bone plaques found in Okunev burials. I believe that these drawings depict dead people placed in burial rugs. Their loose hair would then stress the mournful nature of the representations (Fig.3). When these drawings are compared with small steatite human heads also found in Okunev graves, it becomes apparent that the semantics of the two groups of representations is different. Those on the bone plaques emphasize the hair, loose and partly covering the face, whose features are barely distinguishable. In contrast, the faces of the steatite heads are well modelled and display a certain artistic standard, being narrow and often having a pointed chin; the hair, however, is either lacking altogether or shown carelessly tied up in a bunch (Fig.5).

A drawing on a bone plaque from Chernovaya VIII (mound No.9, grave No.7) has several engraved transverse stripes and a triangular one in the lower part, possibly representing a belt with which the burial rug was fastened. This practice might account for the fact that sometimes the feet of skeletons in Okunev graves are close together (Fig.3).

The motif of wrapped figures survives into the later, Karasuk, period. On a Karasuk site of Torgazhak, about 250 ornamented pebbles were found, most of them anthropomorphous. Some of these display wrapped figures and show certain details of clothing, hair, and composite belts (Fig.4).

We thus arrive at the following conclusions:

1. Burials in cradles or rugs are a distinctive feature of Okunev funerary tradition. This may be regarded as a firmly established fact with respect to children's burials, and as a more or less plausible suggestion with respect to those of adults.
2. This tradition is paralleled by certain practices of modern peoples of Siberia and adjacent territories.
3. The custom of cradle burials or rugs is reflected in representations on Okunev bones plaques, also found in graves.
4. Certain ideological elements related to the semantics of cradle burials are seen in Paleoasiatic myths and shamanistic rites.

ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Н.М.МАЛОВ, В.В.ФИЛИПЧЕНКО*

К настоящему времени в северном правобережье Нижней Волги открыты памятники катакомбной культуры. Вопрос о выделении поволжского или волго-донского варианта катакомбной культуры возник сравнительно недавно (Мельник 1985:14). Первые итоги изучения поволжских катакомбных комплексов нашли отражение в тезисах докладов (Малов 1985:225, 1990:30; Дремов 1989:45-47; Баринов, Дремов 1990:60-62). Данная статья посвящена общей характеристике катакомбных поселений и погребений северного правобережья (рис. 1)."

По неполным данным здесь известно около 20 памятников, открытых еще членами Саратовской ученой архивной комиссии, а позже Ф.В.Баллодом, П.С.Рыковым, И.В.Синицыным, В.А.Фисенко, Ю.В.Деревягиным, Г.Н.Шендаковым и сотрудниками археологической лаборатории Саратовского государственного университета. Большая их часть никогда не раскапывалась. Основная масса катакомбных памятников концентрируется вдоль поймы Волги, располагаясь на ее высоком правом берегу, где они занимают между оврагами удобные мысовые участки, которые являются хорошими естественными укреплениями. Позднее эти мысы были заняты городищами раннего железного века и позднего средневековья.

В нижнем культурном слое городища, расположенного на утесе Степана Разина, найдена керамика катакомбной культуры, в том числе фрагменты сосудов с многоваликовой орнаментацией (рис. 2:11,15,16,18,27-30,32,34,36) (Зайковский 1913:215-219; Синицын, Фисенко 1970:154-155).

В 1968-69 гг. здесь же были найдены обломки 16 сосудов, орнаментированных валиками, с примесью в тесте мелкозернистого песка, слюды и, возможно, толченой керамики. Эта группа посуды серого или коричневого цвета

имела прямую или изогнутую шейку, высотой 5-7 см, нередко украшенную горизонтальными налепными валиками. Представлены косые и гладкие валики, валики с защипами, а также шишечки. На внутренней стороне стенок сосудов имеются следы грубого заглаживания и нагара. Один сосуд представлен целой формой (рис. 2:13).

На поселении обнаружены каменные сверленные топоры (рис. 3:5) и их фрагменты, а также известный только по рисунку И.В.Синицына предмет, напоминающий обломок дисковидного палиса с шипами (рис. 4:2).

Катакомбная посуда с веревочной (рис. 2:2,3,5-8) и многоваликовой орнаментацией, а также оттисками мелкозубчатого штампа происходит с Терновского городища и селища близ села Сестренка в районе города Камышин (Баллод 1923:51-58, Табл. 11:1,3,5; 12:1; Шендаков 1968:123). На Терновском городище катакомбная керамика с прямым или слегка отогнутым венчиком связана с нижней частью культурного слоя, достигавшего мощности 50-60 см. Она имеет в тесте примесь шамота и толченых раковин. К подъемному материалу относится курьельница на четырех ножках.

В результате многолетних раскопок, проведенных на Хлопковом городище в 70-80-х гг., получена значительная серия катакомбной керамики, среди которой выделяется многоваликовая посуда с узкими налепными валиками треугольного сечения, которые иногда имеют защипы и утолщения (рис. 2:21,24,26,33). На Хлопковом городище найдена также полтавская керамика (рис. 2:25). Катакомбная посуда связана с кострищем № 1 и залегала в нижних культурных напластованиях поселения достигавших мощности 1,2 м.

Единственным относительно чистым катакомбным памятником является поселение

* Россия. 410601. Саратов. Астраханская ул. 63. Саратовский государственный университет. Археологическая лаборатория.

** Авторы выражают глубокую благодарность коллегам, предоставившим в их распоряжение свои неопубликованные материалы.

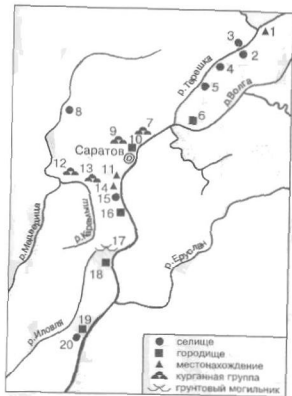

Рис. 1. Памятники поволжской группы катакомбной культуры северных районов Правобережья. 1 – Барановское; 2 – Буровки-2,3,5; 3 – Клюевка, Старицкое; 4 – Ульбовка; 5 – Сenna-2; 6 – Хлопковское; 7 – Усть-Курдюм; 8 – Новая Красавка; 9 – Жареный Бугор; 10 – Алексеевское; 11 – Синенькие; 12 – Большая Дмитриевка 1-2; 13 – Рыбушка; 14 – Сосновка; 15 – Еланский ручей; 16 – Ахматское; 17 – Белгорское 1-2; 18 – Утес Степана Разина; 19 – Терновское; 20 – Сестренки; 21 – Старицкое.

Fig. 1. Sites representing the Volga group of Catacomb Culture in the northern right-bank area. 1 – Baranovskoye; 2 – Burovka-2,3,5; 3 – Klyuyevka, Staritskoye; 4 – Ulybovka; 5 – Sennaya-2; 6 – Khlupkovskoye; 7 – Ust'-Kurdyum; 8 – Novaya Krasavka; 9 – Zharenyy Bugor; 10 – Alexeyevskoye; 11 – Sinen'kiye; 12 – Bol'shaya Dmitriyevka 1-2; 13 – Rybuska; 14 – Sosnovka; 15 – Yelansky Ruchey; 16 – Akhmat'skoye; 17 – Belgor'skoye 1-2; 18 – Utes Stepana Razina (Stepan Razin's Cliff); 19 – Ternovskoye; 20 – Sestrenki; 21 – Staritskoye.

Еланский ручей расположенное между селами Мордовым и Сосновкой. Люди жили на этом месте в течение длительного времени, поскольку мощность культурного слоя достигает здесь около 1 м. На поселении исследован угол разрушенной обрывом постройки, где около конструкции найден крупный сосуд с высоким венчиком, имевшим внутренний уступ. Сосуд орнаментирован по срезу короткими линиями, защитным валиком по шейке и узкими напелными валиками по тулову (рис. 2:22). Из слоя происходит керамика (рис. 2:1,4,9,12,19), каменные шары-боласы (рис. 4:3), пест (рис. 3:8), наконечник стрелы (рис. 3:2) и наковальня (рис. 3:7), глиняное пряслице (рис. 4:4), медный рыболовный крючок (рис. 4:6), серп костромского типа со стержневидным насадом для рукояти (рис. 4:7), а также короткое пластинчатое острие (рис. 4:5). В подъемном материале представлены фрагменты курьницы (рис. 2:20) и медный нож (рис. 4:1). Следует отметить, что серп является древнейшей металлической находкой подобного рода в степной зоне Поволжья и Волго-Донского междуречья.

На Ахматском (рис. 2:23) и Алексеевском городищах (рис. 2:31,35,37,38), а также на других поселениях правого берега Волги широкомасштабные раскопки не проводились, поэтому найденная здесь катакомбная керамика малочисленна. На некоторых памятниках собран только подземный материал. В верховьях реки Медведицы катакомбные поселения практически не выявлены, за исключением находки

стенки сосуда с многоваликовой орнаментацией (рис. 2:17) на срубном селище близ села Нижняя Красавка. На реке Терешке обнаружено несколько селищ (рис. 2:10,14), но они пока не раскапывались. Следует отметить, что в этом районе поселения топографически располагаются иначе, чем на Волге: на старичах и низких террасах. Тем не менее, можно предположить, что они принадлежали оседлому населению. Так, на селище Старицкое собрана большая коллекция керамики, обломки от крупных каменных терочных плит (рис. 3:4,9).

Погребальные памятники волго-донского варианта катакомбной культуры представлены семью курганными группами: Усть-Курдюм 1-2-3, Большая Дмитриевка 1-2, Рыбушка, Жареный Бугор (Монахов 1984:241) (рис. 1:7-9,12,13), а также двумя грунтовыми могильниками: Белгорское 1-2 (рис. 1:17). Все эти памятники открыты в последние годы сотрудниками археологической лаборатории Саратовского государственного университета: И.И.Дремовым, В.А.Лопатыным, А.Д.Матюхиным, С.И.Четвериковым и Г.Л.Якубовским. Ими учтено 82 погребения, 42 из которых найдены при раскопках 22 курганов. Небольшие курганы диаметром 12-20 м имели высоту от 0,1 до 0,5 м. Они располагались на низких речных надпойменных террасах. Как правило, цепочки курганов ориентированы по линии восток-запад. В 15 случаях под насыпью кургана обнаружено по одной могиле, в семи случаях – от двух до пяти могил. Два кургана с неоднократными захоро-

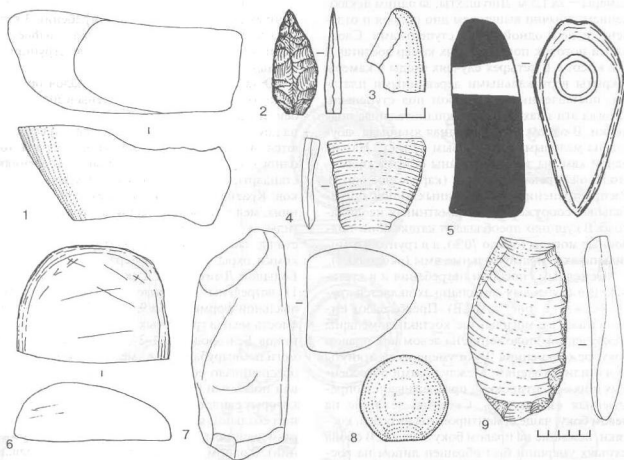

рис. 3. Предметы из камня с поселений. 1,3,4,9 – Старицкое; 5 – Утес Степана Разина; 2,6-8 – Еланский ручей.
Fig.3. Stone artifacts from the settlements. 1,3,4,9 – Staritskoye; 5 – Utes Stepana Razina; 2,6-8 – Yelansky Ruchey.

нениями (Рыбушка курган 1 “Стан”, Большая Дмитриевка 2 курган 1) окружены кольцевыми рвами, вырытыми в материке. Один из них был разомкнут и имел перемычку с запада. В северной оконечности рва было совершенно ритуальное захоронение.

Значительная часть могил связана с первым (30) и вторым (10) Белгорскими грунтовыми могильниками. Если на втором некрополе погребения расположены беспорядочно, то на первом они образуют два скопления, располагавшиеся вокруг основных могил. Одно из скоплений ограничено с юга полукольцевым ровиком, в котором находились два захоронения (№№ 29,30). Грунтовые могильники занимали самое низкое место долины, между двумя отрогами возвышенности.

Среди погребальных сооружений (рис. 5:А,Б,В) преобладают подпрямоугольные ямы

(54%), широко представлены катакомбы-подбой (36%), встречаются простые подбой (9%). Конструкция погребальных сооружений установлена в 67 случаях. Простые прямоугольные ямы (37) в пяти случаях были перекрыты деревянными поперечными плахами, причем две могилы имели заплечики, на которые упиралось перекрытие. В среднем ямы имели размеры 2 x 1,5 м и были вырыты в материке на глубину от 1,5 до 2 м. Подбой (9%), как правило, устроенные под одной из длинных стенок шахты, представляли собой обширные сооружения размерами 2,5 x 1,7 м, углубленные в материк на 1-3 м. Катакомбно-подбойные могилы (24) ориентированы по сторонам света, длинные оси их входных ям и погребальных камер, имевших форму вытянутых валов, обычно располагались параллельно. Входные шахты имели в среднем размеры 1,7 x 1,1 м, а погребальные

рис. 2. Керамика с поселений. 1,4,9,12,19,20,22 – Еланский ручей; 2,3,5-8 – Терновское городище; 10 – Буровка 5; 11,13,15,16,18,27-30,32,34,36 – Утес Степана Разина; 14 – Буровка 2; 17 – Новая Красавка; 21,24-26,33 – Хлопково городище; 23 – Ахматское городище; 31,35,37,38 – Алексеевское городище.

Fig.2. Ceramics from the settlements. 1,4,9,12,19,20,22 – Yelansky Ruchey; 2,3,5-8 – Ternovskoye Gorodishche; 10 – Burovka-5; 11,13,15,16,18,27-30,32,34,36 – Utes Stepana Razina; 14 – Burovka 2; 17 – Novaya Krasavka; 21,24-26,33 – Khlopkovo Gorodishche; 23 – Akhmatskoye Gorodishche; 31,35,37,38 – Alexeyevskoye Gorodishche.

камеры — 2х 1,5 м. Дно шахты, за одним исключением, обычно выше, чем дно подбоя и отделено от него одной-двумя ступеньками. Сводчатый потолок погребальных камер достигал 2 м в высоту. В четырех случаях входы в камеры закрыты вертикальными деревянными плахами, поставленными с упором под ступеньки. Иногда эти плахи имели дополнительные подпорки. В одном случае входная яма была забутована меловым материковым камнем. На дне одной камеры зафиксированы остатки прямоугольной деревянной рамы (каркас носилок?). Распространение тех или иных типов погребальных сооружений на памятниках неодинаково. В курганах преобладают катакомбно-подбойные могилы (около 70%), а в грунтовых могильниках — прямоугольные ямы (около 60%).

Основным способом погребения и в курганах, и в грунтовых могильниках является трупоположение (рис. 5:А,Б,В). Преобладают индивидуальные могилы, где косточки помещены в скорченный положении на левом или правом боку, реже на спине. Руки умерших протянуты к тазу или к коленям. Между позами погребенных и их ориентировкой прослеживается определенная взаимосвязь. Скелеты, лежащие на левом боку, чаще ориентированы на север, костяки, лежащие на правом боку — на юг. В обоих случаях умерший был обращен лицом на восток, на восход солнца. Исключение составляют несколько погребений, где умершие ориентированы на восток, лицом на юг или север. У 10 костяков отмечена деформация черепа, в трех случаях зафиксировано расчленение трупов, в шести случаях обнаружены кенотафы, в восьми случаях — коллективные могилы.

При расчленении трупов, их части компактно укладывали в могилу блоком, причем череп помещали на одном из его концов. Коллективные могилы содержали от двух до четырех костяков. Преобладают парные могилы (6) с различными поло-возрастными сочетаниями погребенных. Иногда в коллективных захоронениях совместно встречается обычное трупоположение и расчленение трупа. Так, в погребении 3, кургана I группы Усть-Курдюм I в подбоях находился скорченный на левом боку ко-

стяк подростка, во входной шахте — три расчлененных скелета взрослых. В погребении 3 кургана 5 той же группы в катаcombe — подбоя лежали четыре скелета подростков, сгруппированных парами (рис. 5:Б,В).

Остатки подстилок из материалов органического происхождения отмечены в 30% погребений. Кости животных (конечности или черепа крупного и мелкого рогатого скота) встречаются в могилах редко. Алычки барана (от одного до 10) отмечены в семи погребениях, стандартный набор включает пять-семь алычков. Красная охра присутствует в 34 захоронениях, мел — в восьми. Охрой посыпано дно могилы, а также череп, таз, колени, кисти рук, стопы скелета. Иногда встречаются мелкие комки охры (19) и мела, размером 3-4 см. В Большой Дмитриевке 2 (курган 4, погребение 1) встречены охристые «лепешки» плоскооформенной формы (4,5 х 9,5 см). Редкая встречаемость мела в грунтовых захоронениях могильников Белгородское 1-2 объясняется тем, что могилы вырубались в меловой породе, что обеспечивало естественное присутствие меловой подсыпки. Обрядовые действия с огнем, о которых свидетельствуют угольки в заполнении погребальной ямы, обычно проводились после размещения покойника в могиле (11 погребений). В одном случае слой угля до 10 см толщиной прослежен над землей, вышнутой из могилы, во время ее рытья, но грунт под углями не был прокален (Большая Дмитриевка 1, курган 3, погребение 2). В некоторых погребениях найдены створки раковины грифеи (три случая), кусок окаменелой древесины и амулет из позночка крупной рыбы (рис. 4:17).

Погребальный инвентарь обнаружен в 63% могил. Обычно он представлен керамикой (43%). Встречены целые сосуды и, вероятно, фрагменты «жаровен». Орудия труда присутствовали в шести погребениях, украшения — в семи и оружие — в двух (рис. 4:11-29).

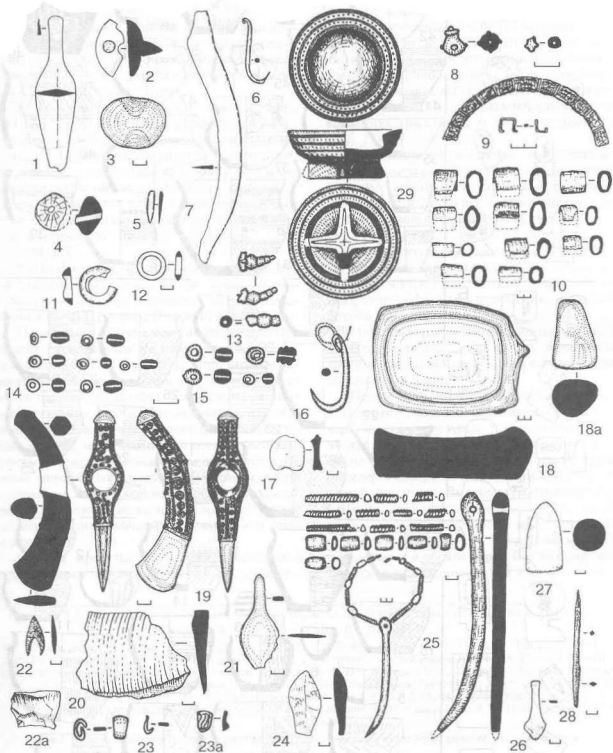
Керамика представлена 43 целыми и 16 фрагментированными сосудами. Их можно разделить на три группы: банки (12), сосуды с выпуклым (уступчатым) плечом (15) и сосуды с округлыми боками (20).

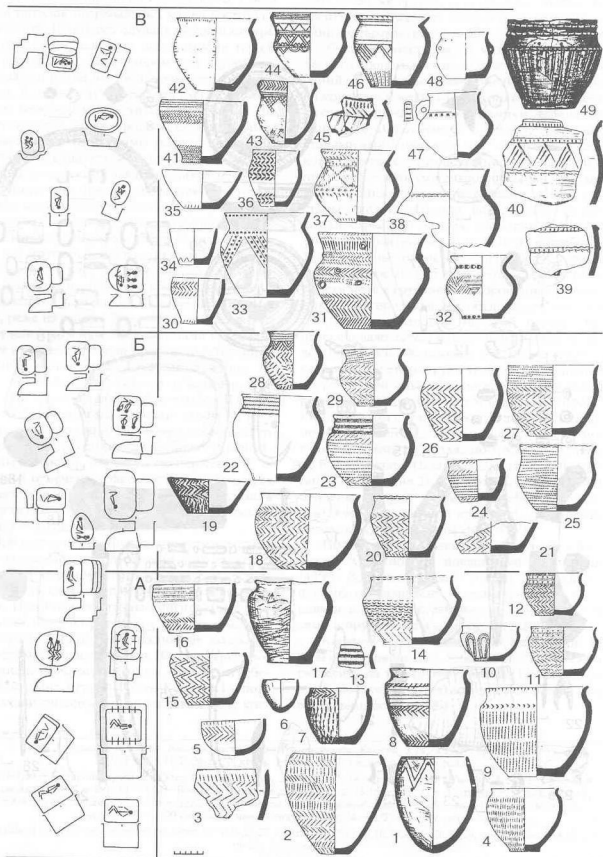
Рис. 4. Изделия из камня, бронзы, кости и других материалов. Камень: 3,18,20,22,27; бронза: 1,5,9,13,15,16,19,21,23,26,28,30; кость: 2,10-12,14,25; керамика: 4,29; коралл:

23а, 1,3-7,30 — Еланский ручей; 2 — Утес Степана Разина, 25,26,29-3/2 (№ кургана/№ погребения); 8 — 3/3 — Большая Дмитриевка I; 18-21 — 4/1; 12 — 1/6 — Большая Дмитриевка 2; 14 — 5/2; 15,16 — 5/3; 23 — 3/3 — Усть-Курдюм I; 17 — 4/4 — Усть-Курдюм 3; 22-23а — 12/2; 13,28 — курган I "Стан" погребение 6 — Рыбушка; 11 — 1/1 — Жареный Бугор; 9,10 — 2/20 (№ скопления/№ погребения); 24 — 2/23 — Белгородское I.

Fig. 4. Artifacts made of various materials. Stone: 3,18,20,22,27; bronze: 1,5,9,13,15,16,19,21,23,26,28,30; bone: 2,10-12,14,25; ceramics: 4,29; coral:

23a, 1,3-7,30 — Yelansky Ruchey; 2 — Utes Stepana Razina; 25,26,29, no.3/2 (mound no./burial no.); 8, no.3/3 — Bol'shaya Dmitriyevka I; 18-21 — no.4/1; 12 — no.1/6 — Bol'shaya Dmitriyevka 2; 14 — no.5/2; 15,16 — no.5/3; 23 — 3/3/burial feast — Ust'-Kurdyum I; 17 — no.4/4 — Ust'-Kurdyum 3; 22-23a — no.12/2; 13,28 — mound no.1 "Stan", burial no.6 — Rybushka; 11 — no.1/1 — Zharenyy Bugor; 9,10 — no.2/20 (assemblage no./burial no.); 24 — no.2/23, Belogorskoye I.

Банки имеют плоское (8) и округлое (2) дно. Почти все они имеют яйцевидную форму (рис. 5:1-3,6,15,16,19,30,34,35,41), закраину или поддон. Пять банок относятся к типу закрытых, семь — к типу открытых.

Все сосуды с вогнутым плечом — плоскодонные (рис. 5:1,4,7-12,14,24,25,27,43,44,49), в отдельных случаях дно имеет закраину или поддон. "Ребро", образуемое уступом плечика сосуда, может быть приотстренным или сглаженным. Венчики этой группы керамики — прямые или слегка отогнутые наружу.

У сосудов с округлыми боками (рис. 5:13,17,18,20,22,23,26,29,31-33,36-40,42,45-48) дно всегда плоское, а закраины (1) и поддоны (3) редки. Придонные части и плечики этой посуды выгнуты во внешнюю сторону, что и создает впечатление округлобокости сосудов. У шести сосудов этой группы с внутренней стороны основания венчика, в месте его соединения с плечиком имеется ребро (рис. 5:31, 33,37,44-47).

Специфической формой ритуальной посуды является курильница на крестовидной ножке, относящаяся к третьему типу по классификации В.Г.Егорова (Егоров 1970:156).

Почти вся керамика орнаментирована. Орнамент располагался на венчике, плечиках и придонной части сосудов. Для орнаментов характерны следующие элементы: оттиски шнура, мелко- и крупнозубчатого штампа, различные вдавления, прочерченные линии, наколы, защипы, налепы в виде шишек и валиков, последние были защитными или оттянутыми. Ведущими сюжетами орнаментов являются круговые линейно-горизонтальные оттиски шнура и штампа, а также валики, висячие треугольники, заштрихованный зигзаг. "Елочные" сюжеты выполнялись зубчатым штампом или прочерчивались.

Оружие представлено двумя бронзовыми черешковыми ножами (рис. 4:21,26), уникаль-

ным топором-клевецом (рис. 4:19) и кремневым наконечником стрелы с глубокой выемкой в основании (рис. 4:22). Литой топор-клевец имел деревянную рукоять длиной 47 см и был изящно орнаментирован рельефными линиями под "шнур", между которыми располагались также рельефные спирали. Топор лежал в могиле возле туловища покойного острием к нему.

Орудия труда также не отличаются многочисленностью и представлены бронзовым рыболовным крючком (рис. 4:16), четырехгранным шилом (рис. 4:28), кварцитовым ножом на отщепе (рис. 4:20), заковальной или ступкой из песчаника (рис. 4:18) и двумя пестами (рис. 4:18а,27).

Украшения, в основном, изготовлены из кости: спирально-нарезные и утолщенно-овальные пронизи в комплексе с роговой булавкой (рис. 4:25), округло-овальные бусы (рис. 4:14). Бронзовые украшения встречаются реже: бусы (рис. 4:13,15), подвески пояса (рис. 4:8), подвески в полтора оборота (рис. 4:23).

Не совсем ясно назначение костяных колец (рис. 4:11,12) и деревянного предмета подквадратной формы, перевитого бронзовым прутком (рис. 4:9).

Материал раскопанных могильников позволяет выделить в развитии катакомбных древностей рассматриваемого региона три последовательных этапа.

Первый или предкатакомбный этап (рис. 5:А) характеризуется сохранением реликтовых черт ямной культуры: прямоугольные ямы, иногда с заплечиками; положение умершего на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на север — северо-восток — восток; малое количество инвентаря. Вместе с тем отмечаются инновации: подбой и катакомбы-подбои; костяки в скорченном положении на левом боку, лицом на восток; деформация черепа, активное использование в обряде охры. Погребения зачастую являются основными в кургане. Керами-

Рис. 5. Схема развития погребального обряда и керамики Поволжской группы катакомбных памятников.

А — I этап; Б — II этап; В — III этап.

I — 1 "Стан"/6; 6,7 — 1 "Стан"/7; 19 — no.1/29; 39 — no.23/1; 37 — no.23/2; 40 — 4/1; 42 — no.10/1; 45 — 2/2 — Рыбушка; 2 — 4/4; 9-12 — 3/1 и тризна; 25,27,29 — 5/3 Усть-Курдюм I; 4,16 — 2/8 и тризна — Усть-Курдюм 2; 18 — 4/4; 23 — 4/3; 24 — 4/5 — Усть-Курдюм 3; 41 — отдельный курган/4 — Усть-Курдюм; 49 — 1/II — Жареный Бугор; 38 — 3/1 — Большая Дмитриевка I; 8 — 1/9; 17 — 1/8 — Большая Дмитриевка 2; 31,32 — СОМК-Волков-Большая Дмитриевка; 3,19 — 2/23; 22 — 2/22; 28 — 2/2; 30 — 2/20 тризна; 33 — 1/9; 34 — 1/5; 35 — погребение 29; 36 — 1/6; 43 — 1/15; 44 — погребение 28; 46 — 1/2; 47 — 1/8; 48 — сборы — Белгородское I; 4 — погребение 13; 5 — погребение 12; 15 — погребение 4; 20,21,26 — погребение 3 — Белгородское 2.

Fig.5. Scheme illustrating the development of burial rite and ceramics in the Volga group of Catacomb Culture.

A — Stage I; B — Stage II; B — Stage III.

I — 1 "Stan"/6; 6,7 — 1 "Stan"/7; 19 — no.1/29; 39 — no.23/1; 37 — no.23/2; 40 — no.4/1; 42 — no.10/1; 45 — no.2/2, Rybushka; 2 — no.4/4; 9-12 — no.3/1 and "burial feast"; 25,27,29 — no.5/3 Ust'-Kurdyum I; 4,16 — no.2/8 and "burial feast"; Ust'-Kurdyum 2; 18 — no.4/4; 23 — no.4/3; 24 — no.4/5, Ust'-Kurdyum 3; 41 — separate mound/4, Ust'-Kurdyum I; 49 — no.1/II, Zhareny Bugar; 38 — no.3/1, Bol'shaya Dmitriyevka I; 8 — no.1/9; 17 — no.1/8, Bol'shaya Dmitriyevka 2; 31,32 — SOMK - Volkov - Bol'shaya Dmitriyevka; 3,19 — no.2/23; 22, no.2/22; 28 — no.2/2; 30 — no.2/20 burial trizna; 33 — no.1/9; 34 — no.1/5; 35 — burial no.29; 36 — no.1/6; 43 — no.1/15; 44 — burial no.28; 46 — no.1/2; 47 — no.1/8; 48 — surface finds — Belogorskoye I; 4 — burial no.13; 5 — burial no.12; 15 — burial no.4; 20,21,26 — burial no.3 — Belogorskoye 2.

ческий комплекс (рис. 5:1-17) в основном представлен сосудами с уступчатым плечом и уплощенным дном, которое часто имеет закраину. В орнаментации керамики преобладают сюжеты, выполненные шнуром, зубчатым штампом или "защипами". Зональное расположение орнамента подчеркивает технологическую тенденцию к отделению плеча и венчика от тулова. Аналогии этому погребальному обряду и керамики имеются в памятниках степного Заволжья ямно-катакомбного (Фисенко 1970:65), позднейшего и, реже, полтавкинского времени, датирующихся рубежом III-II тыс. до н.э.

Второй этап (рис. 5:Б) характеризуется появлением единообразного катакомбного обряда погребения. В это время преобладают катакомбно-подбойные конструкции могил, хотя встречаются и простые ямы. Погребенные лежали в могилах в скорченном положении на правом или левом боку, лицом на восток, на подстилке из материалов органического происхождения.

Кисти умерших располагались возле таза или колен, отмечена деформация черепов. В похоронном обряде как правило используется охра, которой окрашен череп, таз, колени и стопы умерших. Изредка для посыпки подстилки, на которую укладывали покойника, использовали мел. Отмечены расчленения трупов. В керамическом комплексе (рис. 5:18-29) наблюдается переход к плавной профилировке и округлости тулова сосудов, увеличивается диаметр их донцев, которые иногда имеют поддон; увеличивается высота венчиков и плечиков посуды.

В орнаментации керамики господствует "елка" и горизонтально-линейные отпечатки зубчатого штампа, стилизованного под шнур. Шнуровые композиции располагаются в верхних частях сосудов, как и ранее.

Орнаментация этой посуды близка орнаментам ранней среднедонской (Синюк 1983:146) и заволжской катакомбной керамики (Качалова 1968: рис.1), датируемых раннекатакомбным временем. Эту дату подтверждают топор-клевец (рис. 4:19), сопоставимый с топорами раннего этапа предкавказской культуры (Тарабанов 1990: 43, рис.15); ножи, относящиеся к третьей группе по классификации С.Н. Кореневского (Кореневский 1978:40), роговая булава с округлой головкой (рис. 4:25), также близкая северо-кавказским булавам (Нечитайло 1978:63-64); уплощенно-овальные и спирально-нарезные пронизи, бытующие в позднеямно-раннекатакомбное время (Мерперт 1974: 69-70); бронзовые подвески пояса (рис. 4:8), весьма схожие с подвеской, относящейся к финалу раннего этапа среднедонской катакомбной культуры (Синюк 1983:147, рис.43,59).

Все эти аналогии позволяют синхронизировать второй этап катакомбной культуры Нижнего Поволжья с ранними этапами катакомбных культур сопредельных регионов.

На третьем этапе (рис. 5:В) погребальный обряд претерпевает существенные изменения: уменьшаются размеры погребальных конструкций, увеличивается число простых ям, почти не используется охра, практически исчезают подстилки для умерших. В обряде зарождаются другие черты, которые, в последующем, более ярко проявляются в покровских погребениях. Покойники лежат чаще на левом боку, чем на правом, иногда они уложены в позу "адорации". Доминирует северная ориентировка умерших, исчезает деформация черепов и расчленение трупов. Инвентарь в основном представлен керамикой (рис. 5:30-49), которая иногда фрагментирована. В посуде по-прежнему наблюдается тенденция к увеличению диаметра дна, а также к увеличению высоты плечиков и венчика сосуда. В основании венчика появляется внутреннее ребро. Этот новый технологический элемент получает дальнейшее развитие в более позднем покровском комплексе керамики эпохи средней бронзы.

Происходят изменения также и в орнаментации посуды. Исчезает зубчатый штамп, появляются новые элементы: прямоугольные и линзовидные вдавления, напленные и оттянутые ("защипные") валики. Шнур еще используют для орнаментации сосудов, но основным элементом композиции становятся нарезы и прочерченные линии. Наряду с традиционными "елочными" мотивами представлены свисающие треугольники вершинами вверх и заштрихованный зигзаг. Керамический комплекс указывает на контакты населения Нижнего Поволжья с позднеманычскими (рис. 5:47,48), донецкими (рис. 5:33), среднедонскими (рис. 5:32, 37-40), катакомбными, а также местными вольскими (рис. 5:44,46) племенами.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что в северном правобережье Нижней Волги, в эпоху бронзы был широко распространен локальный вариант катакомбной культуры, сложившийся главным образом на основе позднеяменных культурных традиций. На различных этапах своего развития поволжское катакомбное население контактировало со среднедонскими, донецкими и предкавказскими катакомбными племенами, а также с вольским и полтавкинским населением. Наличие долговременных поселений и грунтовых могильников, находки серпа и рыболовных крючков указывают на значительную степень оседлости, этих, преимущественно скотоводческих, племен и на знакомство их с земледелием и рыболовством.

Таким образом, граница распространения катакомбных памятников в лесостепном Волго-Донском междуречье на севере достигала верховьев рек Терешки и Медведицы, а на востоке — правобережья Волги. Следовательно данная территория была основным ареалом обитания катакомбных, а не полтавкинских

племен. При этом Волга не являлась рубежом, разделяющим оба массива населения.

Можно полагать, что в рассматриваемом регионе катакомбный элемент играл ведущую роль в процессе формирования археологических культур начального этапа эпохи поздней бронзы.

- Баллод, Ф.В. 1923. Привожские Помпеи. Москва-Петроград.
- Баринюв, Д.Г., И.И.Дремов. 1990. Новые материалы по эпохе средней бронзы Саратовского Поволжья // Тезисы докладов Всесоюзной конференции "Проблемы древней истории Северного Прикаспия": 60-62. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт.
- Дремов, И.И. 1989. Белгородский грунтовый могильник катакомбной культуры // Тезисы докладов Первой Кубанской археологической конференции: 45-47. Краснодар: Краснодарский государственный педагогический институт.
- Егоров, В.Г. 1970. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии: 156-164. Москва: Наука.
- Зайковский, Б.В. 1913. Археологические разведки в окрестностях села Даниловки, Камышинского уезда Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 30: 215-228.
- Качалова, Н.К. 1968. О связях полтавкинских племен с катакомбными // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 10: 10-13.
- Корневский, С.Н. 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // Советская археология 2: 33-48.
- Малов, Н.М. 1985. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции "Достижения советской археологии в XI пятилетке", часть 2: 225-226.
1990. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Тезисы доклада Всесоюзной конференции "Проблемы древней истории Северного Прикаспия": 29-30. Куйбышев: Куйбышевский Государственный педагогический институт.
- Мельник, В.И. 1985. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Мерперт, И.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. Москва: Наука.
- Монахов, С.Ю. 1984. Погребение культуры многовалковой керамики близ Саратова // Советская археология 1: 241-244.
- Нечипайло, А.Л. 1978. Верхнее Прикубанья в бронзовом веке. Киев: Наукова думка.
- Ситниченко, И.В., В.А.Фисенко. 1970. Раскопки на Утесе Степана Разина // Археологические открытия 1969 года: 154-155. Москва: Наука.
- Синюк, А.Т. 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Тарабанов, В.А. 1990. Раскопки курганов эпохи бронзы у пос. Черноморский Северского района // Древние памятники Кубани: 37-44. Краснодар: Краснодарский государственный педагогический институт.
- Фисенко, В.А. 1970. Погребения ямно-катакомбного типа и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // Советская археология 1: 58-66.
- Шендаков, Г.Н. 1968. Разведки в Волгоградской области // Археологические открытия 1967 года: 123-124. Москва: Наука.

CATACOMB CULTURE SITES IN THE NORTHERN RIGHT-BANK LOWER VOLGA BASIN

At present, the Catacomb Culture in the northern part of the right-bank Lower Volga area is represented by 20 settlements and 82 burials.

Most settlements are situated in the Volga floodlands, on high promontories defended by elements of natural relief. In basins of the smaller rivers they are located on low terraces and near the old river beds (fig.1). The depth of cultural deposits is considerable. They contain bones of domestic animals, potsherds (fig.2), stone (fig.3) and bronze artifacts (fig.4). Ceramics is usually decorated with parallel rolls stuck on it; there are also fragments of clay censers, stone axes, anvils, a fish hook, knives, and a sickle. The only settlement of a

characteristically Catacomb Culture type is Yelansky Ruchey. The nature of the settlements and the artifacts found there are indicative of a fully sedentary life based on animal-breeding and some agriculture.

So far, seven groups of burial mounds and two ground burial fields have been excavated. Most burials were made in rectangular pits (54%) and catacombs with side chambers. Simple side chambers are few (9%). Pits were sometimes covered by layers of logs, and entrances to burial chambers of catacombs were barred with wooden blocks. Graves usually contain inhumations. Most bodies were placed either on the left side, head

directed towards the north, or on the right side, head pointing towards the south (i.e. face directed towards the east). In ten cases, the crania were artificially deformed; three of the bodies were dismembered. There were six cenotaphs and eight collective graves. In 30% of the burials, mats made of organic substances were found; in 45% there was red ochre or, less often, chalk. Artifacts were present in 63% of the burials, the most common category being ceramics (43%). With respect to shape, vessels (fig.4) are subdivided into jars, vessels with "shoulders", and rounded ones with smooth profiles. Most are decorated with cord, comb, and other impressions, carved lines, pinches, and bosses. Ornamental patterns are arranged in zones and horizontal bands. The most common ones are herring-bone design and triangles.

Other artifacts include a fish hook and an awl (both made of bronze), a knife made on a quartzite flake, two pestles and an anvil (mortar?) made of sandstone, ornaments (stone and bone beads of various types, a horn pin, bone tubes of the spiral and flattened-oval type, bronze beads, belt-pieces and one-and-a-half-coil pendants), weapons (a

pick-axe and two knives made of bronze, and a flint arrowhead with a notched base)(fig.4).

Three successive stages are seen in the evolution of the Catacomb Culture in this region (fig.5).

The first, pre-Catacomb stage (fig.5A) is synchronous with Yamnaya (Pit-Grave) and Catacomb sites in Kalmykia and, to a lesser degree, with early Poltavka sites east of the Volga.

The second stage (fig.5B) is contemporaneous with early Catacomb Culture sites in Kalmykia, the Seversky Donets and the Middle Don basins, and the steppe zone east of the Volga.

The third, late stage (fig.5B) is marked by the appearance of new features in the burial rite and burial goods. These traits were later developed in early Srubnaya (Timber-Frame) and Pokrovsk cultures of the same territory.

The totality of the data suggest that during the Middle Bronze Age this area was inhabited by people of the Catacomb Culture, not by those of Poltavka Culture. This had important implications for the early period of the Late Bronze Age, since the principal role at that time was apparently played by descendants of the Catacomb population.

НОВОЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.А. АВАНЕСОВА*

Многие особенности раннегородской цивилизации Северной Бактрии восходят к сапаллинской культуре эпохи бронзы (Аскарлов 1973; 1977).^{**} Регулярные археологические раскопки на юге Узбекистана постоянно дают новую информацию об этой культуре. В последние годы кафедра археологии Самаркандского государственного университета им. А.Навои исследовала несколько могильников, датирующихся заключительным этапом сапаллинской культуры. Эти некрополи существенно отличаются от ранее известных кладбищ культуры Сапалли.

Раскопки могильника Бустон VI заслуживают особое внимание. Этот некрополь располагается на естественной останцевой возвышенности первой надпойменной террасы, находящейся на правом берегу высохшего ручья Бустонсай. На площади 986 кв. м исследовано более 90 погребений разной степени сохранности, три сырцовых сооружения (трапезиевидной и квадратной формы), три алтаря (квадратной и прямоугольной формы), множество кострищ.

Могильник функционировал длительное время, о чем свидетельствует его стратиграфия, которая зафиксировала соотношение 116 произведенных на кладбище погребальных актов (моладлинский и бустонский этапы). Умершие похоронены главным образом в подбоях, реже в катакомбах или в прямоугольных, овальных и округлых ямах. Прямоугольные ямы имеют закругленные углы. Все ямные могилы отмечены на поверхности каменными выкладками.

Подбойные могилы представлены двумя ва-

риантами. Для первого из них (9 захоронений) характерно расположение входного проема в погребальную камеру в длинной стороне могильной ямы. В этом случае подбойная ниша имеет округло-кольцевую форму. Для второго варианта характерно устройство входного проема в короткой торцевой стороне могильной ямы, при этом погребальная камера имеет подпрямоугольную форму. Зафиксированы случаи, когда вход и погребальная камера расположены на одном уровне. Между входом и камерой находится невысокий порог. Следует также отметить, что вход в камеру часто был закрыт рваным камнем или речным валуном хотя обычная практика требовала закладывать входной проем сырцовым кирпичом. Размеры могил варьируют в следующих пределах: 1,6 (2,1) x 1 (1,8) м. Глубина ям достигает 0,8-1,08 м.

Строгой закономерности в ориентировке погребальных камер, преимущественно вытянутых по оси восток-запад, и самих умерших не наблюдается. В захоронениях с труположениями преобладает западная ориентация скелетов. При типологической близости погребального инвентаря обнаруживаются существенные различия в похоронном обряде. Поза погребенных зафиксирована в 16 могилах. Усопшие лежали в скорченном положении на левом (женщины) или на правом (мужчины) боку. Степень скорченности костяков различна, причем чаще встречается слабая скорченность. Подавляющее большинство погребенных уложено в могилы с согнутыми в локтях руками, кисти которых располагались у головы или перед лицом.

* Узбекистан. 703007. Самарканд-7. Университетский бульвар, 15. Самаркандский государственный университет им. А.Навои. Исторический факультет. Кафедра археологии.

** Сапаллинская культура эпохи бронзы открыта на юге Узбекистана, в бассейне Аму-Дарьи. Во время раскопок сапаллинских поселений обнаружены и исследованы — крепость, монументальный храм, шатадель, здания "ворцового типа", жилища архитектура, обособленные строения производственного назначения, ирригационные сооружения. На поселениях и за их пределами раскопана серия некрополей, материалы которых позволили проследить генезис и эволюцию сапаллинской культуры. На основе этой культуры формировалась протогородская цивилизация Северной Бактрии. Раскопки могильников позволили также определить хронологические рамки культуры (XVII — Хв. до н. э.) и выделить в ней ряд этапов: сапаллинский, джаркутанский, кузалинский, моладлинский и бустонский.

Доминируют одиночные погребения, хотя встречаются и парные захоронения.

В погребальной практике бустонцев помимо ингумации известны частичное или полное расчленение усопших ("вторичные" погребения); кремация; кенотафы или фиктивные погребения (обычные могилы, в которых отсутствуют останки людей и инвентаря); погребения с "благодарственными" или искупительными жертвоприношениями человека (части тела умершего разрубены по костям). Важная составная часть погребального обряда — наличие большой группы символических могил (захоронения животных, "хукол", кистей рук, астралов и других символов). Вариативность погребального обряда, видимо, зависела от причин смерти, социального статуса покойного и особенностей религиозных верований населения с различными культурными традициями, столь характерными для сапаллинского общества конца II тыс. до н.э. Традиционной чертой погребального ритуала является помещение в могилы погребальной и поминальной мясной пищи (остатки тризны). Находки костей животных в погребениях позволяют считать, что бустонцы использовали в качестве заупокойной пищи строго определенные части жертвенных животных (задняя часть овечьей туши, грудка, лопатка).

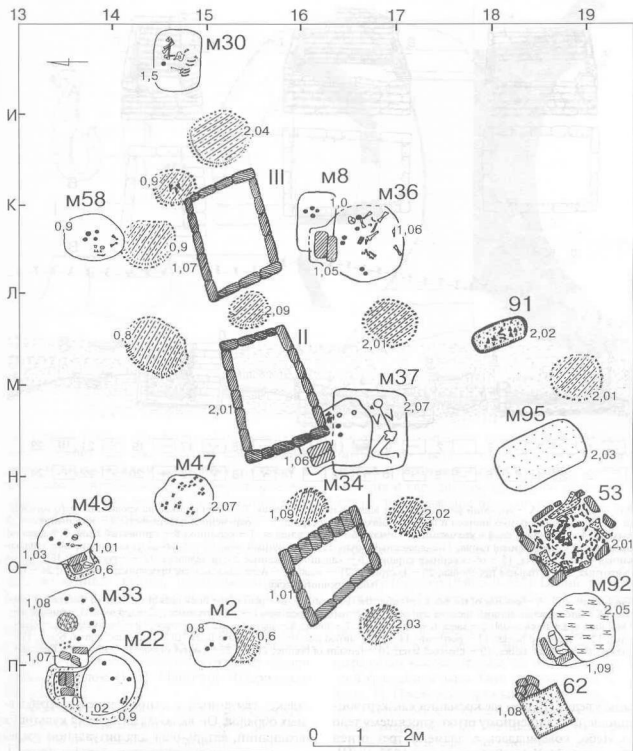
Неординарный характер данного могильника определяется поливариантностью его похоронного обряда, который во многом не соответствует сапаллинскому погребальному канону. Впервые на могильнике этой культуры обнаружен сакральный центр, трупосожжения и отдельные символические захоронения с глиняными поделками.

Перейдем к описанию расположенного в юго-западной части некрополя комплекса, который являлся церемониальным центром. В нём совершались различные мистериальные действия, характеризующие цикл погребальных обычаев и обрядов. Единство культурной принадлежности всего комплекса ("печи" для кремации трупов, алтари-очаги и жертвенники, кенотафы, кострища и др.) определяется общностью материальной культуры и обрядом поклонения огню. Последний зафиксирован в ритуальной практике бустонцев на 78 объектах. Почитание огня засвидетельствовано остатками кострищ и зольников; кремацией усопших; кальцинированными костями животных; наличием очага-алтаря и вотивных алтарей с угольками и золой; помещением угольков или охры в сосуды; наличием охры, как символа огня, на костях человека и ее использованием в качестве подсыпки дна могилы; кратковременным разведением огня на дне некоторых могил; добавлением золы и угольков в глину при изготовле-

нии кирпичей.

Следовательно, на заключительном этапе развития сапаллинской культуры огонь играл важную роль в погребальном обряде. Прежде всего на это указывают остатки трех сырцовых камер, которые видимо служили для кремации усопших (рис. 1: I, II, III; 2: А, Б). Вывод о функциональном назначении этих сооружений подтверждается находками в них кальцинированных костей человека и пережженных костей животных, степенью обожженности их стен, а также заполнением камер. Они являются материальным свидетельством погребального обряда, который требовал полного сжигания тела умершего. Камеры, предназначенные для кремации, представляют совершенно новое явление среди погребальных комплексов эпохи бронзы Евразии. Все три сооружения расположены по линии запад-восток. Их размеры и детали конструкций варьируют. Две камеры имеют трапециевидную форму, третья — квадратную. Ниже приведены размеры кремационных камер: I — 1,05 x 1,01 (90), сохранившаяся высота 1,03 м; II — 1,05 (1,02) x 2,03, высота 1,01 (0,7) м; III — 2,01 x 1,04, высота 1,01 (0,6) м. Эти наземные сооружения слегка углублены в землю (рис. 2: В). Внутренние стены и пол камер обмазаны гипсовой массой с добавлением измельченной соломы. Удалось проследить, что наземная часть камер снаружи укреплена блоками дерна. Все три сооружения несут следы воздействия сильного огня. Стратиграфические исследования ящиков позволили установить, что в каждой камере кремацию проводили не менее двух-трех раз. Кроме незначительного количества кальцинированных костей в ящиках были обнаружены фрагменты необожженного цилиндрического сосуда с конической крышечкой (рис. 3: 2), фрагмент бегазы-дандбайского сосуда с пастовой инкрустацией (рис. 3: 3), фрагмент ножки вазы, датирующейся молаллинским этапом культуры Сапалли (рис. 3: 4) и бронзовая подвеска с гвоздевидной шляпкой (рис. 3: 1), аналогичная находкам из позднеандоновских могильников Таджикистана (Исаков, Потемкина 1989: 156, рис. 8: 3; Виноградова, Пьянкова 1990: 102, рис. 3: 9, 10).

Каждое сожжение трупа сопровождалось разжиганием трех костров. Их следы зафиксированы на уровне погребенной почвы к югу, западу, и к востоку от ящиков для кремации (рис. 1; 2: В). Остатки кострищ имеют округлую форму диаметром 0,8-0,6 м. Сильная прокаленность грунта на месте костров и толщина плотно спрессованных угольно-зольных слоев (до 0,3 м) свидетельствуют о продолжительности и неоднократности горения огня в соответствии с требованиями похоронного ритуала. Близкие параллели этим явлениям опи-

1-2 3-4 5-6 7-8 9-10

11-12 13-14 15-16 17-18 19

Рис. 1. Бустон VI. Общий план сакрального комплекса. 1 – сосуды; 2 – сосуды с костями животных; 3 – кирпичная кладка; 4 – пепел; 5 – глиняные поделки; 6 – кальцинированные кости; 7 – галька; 8 – останки человека; 9 – кости животных; 10 – речной валун; 11 – золотая клипса; 12 – фрагменты керамики; 13 – скульптура; 14 – кострища; 15 – остатки шкуры; 16 – астрагалы; 17 – охра; 18 – меловая подсыпка; 19 – бронзовый предмет.

Fig. 1. Buzon VI. General plan of the sacral complex. 1 – vessels; 2 – vessels with animal bones; 3 – brickwork; 4 – ash and charcoal; 5 – clay artifacts; 6 – calcinated bones; 7 – pebbles; 8 – human bones; 9 – animal bones; 10 – river boulder; 11 – golden earring; 12 – potsherds; 13 – figurines; 14 – remains of bonfires; 15 – remains of an animal's skin; 16 – animal tali, 17 – ochre, 18 – layer of chalk underlying the burial; 19 – bronze artifact.

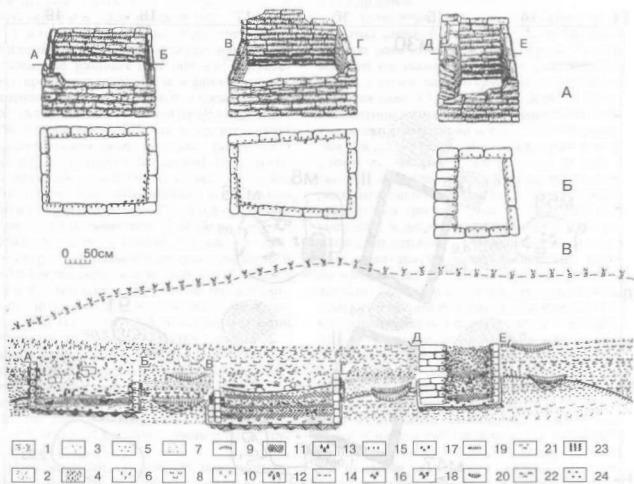

Рис. 2. Бустон VI. А – внешний вид кирпичных ящиков после раскопок. Б – план ящиков на уровне древнего горизонта. В – поперечный разрез ящиков и прилегающих к ним кострищ. 1 – современная поверхность; 2 – красный песок; 3 – гумус; 4 – гумусный слой с угольками; 5 – песок; 6 – глина илстая; 7 – суглинок; 8 – глинистый слой; 9 – древний горизонт; 10 – обожженная глина; 11 – древесный уголь; 12 – кирпичный лом; 13 – фрагменты керамики; 14 – ошлакованная часть кирпича; 15 – обожженный кирпич; 16 – кальцинированные кости человека; 17 – штукатурка; 18 – кости животных; 19 – угольная прослойка; 20 – кострище; 21 – зола; 22 – пепельно-золяная прослойка; 23 – дерн; 24 – обмазка речного песка.

Fig. 2. Buston VI. А – exterior of the brick cists after the excavations; В – plan of the brick cists at the level of the ancient surface; С – cross-section through the cists and adjoining remains of bonfires. 1 – modern surface; 2 – red sand; 3 – humus; 4 – humified soil with charcoal; 5 – sand; 6 – clay and silt; 7 – loam; 8 – clay; 9 – ancient surface; 10 – burnt clay; 11 – charcoal; 12 – shattered bricks; 13 – potsherds; 14 – brick turned into slag; 15 – burnt brick; 16 – calcinated human bones; 17 – plaster; 18 – animal bones; 19 – charcoal layer; 20 – remains of bonfire; 21 and 22 – layers of ash, 23 – turf; 24 – fine sand.

саны в ведах Индии, где кремация как жертвоприношение священному огню, уносящему тело на Небо, совершалась в пламени трех огней (Ригведа 1972: X, 16, 18; Атхарваведа 1977: XVIII, 2, 7; Сыркина 1990: Ашвалаяна-грихьясутра IV, 1, 2).

Таким образом, распространение обряда трупосожжения на заключительном этапе сапалинской культуры, видимо, вызвало необходимость сооружения вышеописанного культового комплекса, что, по всей вероятности, свидетельствует о важных изменениях в идеологии бустонцев.

Тщательное изучение площади вокруг "крематория" позволило выявить культовый ком-

плекс, связанный с отправлением погребальных обрядов. Он включал алтарь для культовых возлияний, алтарь-очаг для ритуальной трапезы, алтарь-жертвенник и кенотафы (рис. 1: №№53, 62, 91, 92, 95).

Важной частью исследуемого культового центра является алтарь для культовых возлияний (рис. 1: №62). Он обнаружен на глубине 1,09 м от поверхности. Над алтарем на площади 1,04 x 1,2 м лежали разрушенные кирпичи и речные валуны. Под ними в земле обнаружено квадратное в плане углубление (0,9 x 0,9 м), имеющее плоское дно и небольшой прокаленный огнем бортик. Стенки и дно углубления также прокалены огнем. Сооружение ориентировано по

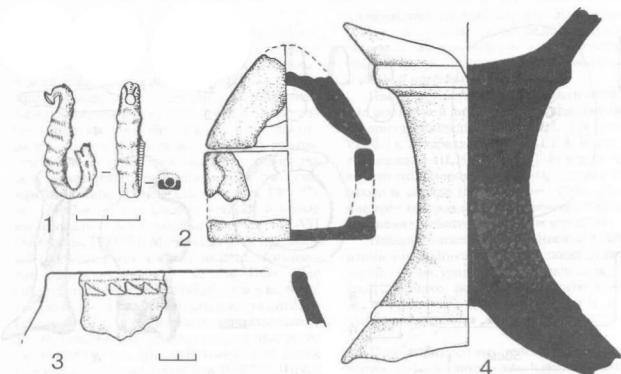

Рис. 3. Инвентарь из кремационных ящиков: 1 — ящик I; 2,3 — ящик III; 4 — ящик II.

Fig.3. Artifacts found in the "incinerators". 1 — incinerator I; 2,3 — incinerator III; 4 — incinerator II.

оси северо-запад — юго-восток. Заполнение алтаря состоит из светло-серой слежавшейся золы с вкраплениями древесных угольков и плотного углисто-сажистого слоя, которые чередуются с желто-зеленой слежавшейся прослойкой. Мощность заполнения достигает толщины 0,4 м. Стратиграфия заполнения и его структура свидетельствуют о длительном использовании алтаря как резервуара для культовых возлияний. Обряд, предусматривающий такие возлияния, является по существу частью религиозного мировоззрения, собственного широкому кругу древних народов почти всех континентов. Как на близкую аналогию можем указать на прямоугольные грунтовые алтари храма Тоголок-21 в Маргиане (Сарианиди 1989:154).

В двух метрах к югу от второй печи для кремации, на уровне древнего горизонта, на глубине 2,02 м от поверхности расчищен *альтарь-очаг для ритуальной трапезы* (рис. 1:№91). Алтарь представляет собой прямоугольное углубление в почве с закругленными углами и обожженным бортиком по краю. Он ориентирован по оси северо-запад — юго-восток. Его размеры составляют 1,01 x 0,6 м. Стенки алтаря сохранили следы интенсивного воздействия огня, его неровное, корытообразное дно, сильно обожжено. В заполнении алтаря на разных уровнях обнаружены угольно-золенные прослойки с обожженными или необожженными костями животных. На дне алтаря и по его краям зафик-

сированы скопление чистой золы белого и оранжевого цвета, а также фрагменты андроновской керамики. Кости животных со следами огня и керамика сохранили специфические следы, позволяющие предположить, что их заливали водой (?). Заполнение алтаря достигает толщины 0,45 м. Вокруг алтаря, в котором горел огонь, вероятно, происходила, ритуальная трапеза после заклания жертвенного животного (Фрэзер 1980:529-532). Огонь как передатчик жертвы богам использовался в ритуальной практике многих древних народов (Топоров 1987:35-36; Тайлор 1989:240,479).

С культом огня связано также скопление игральные кости-астрагалов со следами красной краски или охры. Они найдены в могиле 47 (рис. 1). Последняя примыкает непосредственно ко второму ящику для кремации. Грунтовая яма размером 0,9 x 0,7 м обнаружена на глубине 2,07 м. На ее дне расчищено скопление 23 астрагалов мелкого рогатого скота. Тщательная фиксация позволила выявить картину их расположения. Большинство астрагалов сконцентрировано по линии восток — северо-запад (четыре кучки, в каждой из которых находились по три астрагала). По определению Б.Х.Батырова астрагалы принадлежат 13 особям. Этнографические параллели показывают, что астрагалы использовали не только в детских играх, но и в магических обрядах (Тайлор 1989:67-73; Фрэзер 1980:578-588). Эти действия, требовавшие устройства алтарей возле погребений, свиде-

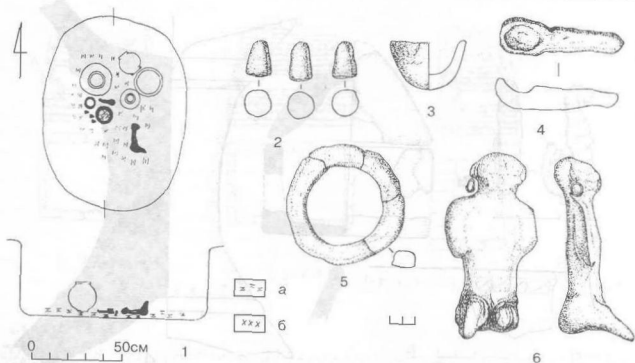

Рис. 4. Бустон VI. Могила 48. 1 — Общий план и разрез. 2-6 — глиняные поделки: 2 — конусовидные "фишки"; 3 — сосуд; 4 — ложка-черпак; 5 — алтарь; 6 — скульптура. а — охристая подсыпка; б — угольки из пеплом.
 Fig.4. Buston VI. Grave No.48. 1 — General plan and cross-section. 2-6 — clay artifacts: 2 — conic "playing pieces"; 3 — vessel; 4 — scoop; 5 — altar; 6 — figurine. а — ochre layer underlying the burial; б — charcoal.

тельствуют о тех же обрядах, которые известны по раскопкам памятников бегазы-ландыбайской культуры центрального Казахстана (Маргулан 1979:304).

Особого внимания заслуживает подквадратный, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток, алтарь-жертвенник (рис. 1:№53), имеющий размеры 1,06 x 2,01 м. Он сделан из кирпичей 0,5 x 0,2 x 0,1 м, изготовленных из красного речного песка. Алтарь обнаружен в трех метрах от кремационного ящика I на глубине 2,01 м. В процессе его расчистки было выяснено, что заполнение алтаря состоит из трех слоев. Верхний представлен черносерым глеом с остатками волос. Очевидно в алтарь была положена шкура животного. На всей площади второго слоя найдены раздробленные, измельченные кости человека. В третьем, нижнем слое, обнаружены фрагменты костей человека: лучевая, локтевая, левая берцовая в сочленении с левой частью таза и четыре поясничных позвонка. На уровне залегания костей в юго-западной части камеры расчищен сосуд и пять ребер барана. Между слоями заполнения алтаря находились речной песок с мелким белым гравием и древесными угольками, а также фрагменты "шкур" животного. Мощность всех слоев заполнения составляет 0,5 м. Размещение костей человека в алтаре, видимо, связано с культом человеческой жертвы,

распространенной в самых различных частях земного шара (Шуриц 1932:654; Тайлор 1989:473,478-479).

Возможно бустонская находка является икупительной и благодарственной жертвой. В пользу этой точки зрения свидетельствуют и два кенотафа (могила 92 и могила 95), расположенные справа и слева от алтаря-жертвенника (рис. 1:№№92,95). Кенотаф — могила 92 — имел охристую подсыпку дна, кенотаф — могила 95 — меловую (рис. 1). Оба кенотафа можно трактовать как вместилища для приема ответных "даров" в ответ на жертвоприношение. Археологи, этнографы и историки располагают многочисленными свидетельствами о принесении людей в жертву богам. Вероятно, отголоском такой обычной является древнегреческая легенда о Минотавре. Принося жертвы духам или богам, человек пытался смягчить прегрешения и надеялся получить от них что-то взамен — помощь или прощение (Фрэзер 1980:299-730; Тайлор 1989:478-479).

Планиграфия раскопанной части сакрального центра позволяет сделать следующие выводы: 1) сакральный комплекс является составной частью грунтового могильника; 2) сакральный центр совмещает погребальные и культовые функции; 3) материалы из сакрального центра позволяют судить об этнической принадлежности протобактрийского населения в

конце II тыс. до н.э.

Культ огня и обряд трупосожжения, зафиксированные в могильнике Бустон VI, находят убедительные параллели в ведической литературной традиции и в погребальных памятниках андроновских племен. Конечно, погребальный обряд бустонцев не является прямой иллюстрацией погребального обряда ариев, но нельзя отрицать и сходства, имеющегося между обеими похоронными ритуалами. Влияние андроновских племен на материальную и духовную культуру сапаллинцев очевидно (Аскарлов 1987:57-58, 1990:3-4), о чем свидетельствуют и новые исследования могильников Бустон VI-VII (Аванесова 1992:35). Материалы этих некрополей указывают на сложный процесс ассимиляции разнокультурных элементов. Некоторые наблюдения позволяют считать, что в конце II тыс. до н.э. на юге Узбекистана имел место процесс медленной инфильтрации пришлого населения, которое, постепенно заселяя этот регион, изменило его прежний этнический облик (Алексеев, Аскарлов, Ходжайов 1990:72). Чтобы обосновать этот тезис, необходимо выявить чуждые сапаллинскому комплексу культурные характеристики и определить источник их происхождения. При этом следует подчеркнуть, что своеобразие андроновского археологического комплекса (керамика, украшения, орудия, каменные выкладки, связанные с погребениями; трапезиевидные ящики, "курганная насыпь", трупосожжение, захоронение шкуры лошади и др.) позволяет легко распознавать андроновские культурные элементы в инокультурных комплексах любого региона, в том числе и в протобактрийских памятниках.

Таким образом, материалы раскопок раскрывают суть процесса культурогенеза на заключительном этапе существования сапаллинского общества и проливают свет на роль андроновских племен в формировании древнебактрийской ритуально-культурной идеологии.

Сооружение культового центра, связанного с обрядом сожжения и поклонения огню, по времени совпадает с продвижением индоариев. Гипотеза о том, что они попали в Индию через Бактрию в последние годы находит все большее число сторонников (Мандельштам 1968:140-141; Кузьмина 1972:116,121; Литвинский 1972, 1981:156-163; Пьянкова 1989:133-140). Наши

исследования дополняют эту аргументацию. Могильник Бустон VI дал редкий и яркий по разнобразию археологический материал, открывший новые возможности в изучении индоарийской проблемы.

При всей кажущейся условности привлечения ведической литературы (ведические гимны и формулы Ригведы — X, 14, 16, 18; Яджурведы — VI, 10-15; Атхарведы — XVIII, 1-4; Чхандогья-упанишада — III, 19; V, 10; V, 11-14 и др.) полагаем, что столь поразительные параллели в погребальном обряде (выставление трупа, разведение трех костров во время кремации трупа, захоронение животных и т.д.) не случайны.

Наборы погребального инвентаря захоронений могильника Бустон VI также включают атрибуты, фигурирующие в ведических источниках. Однако, источниковедческое изучение реальности этого взаимного схождения должно явиться предметом специального исследования.

Особые ритуальные действия связаны с обожженными глиняными поделками. Эти votивные изделия — статуэтки, алтари, посуда (сосуд и ковш-черпак), "фишки" (рис. 4) обнаружены в так называемых символических погребениях. Данные артефакты не имеют стандартных параметров, каждый набор дает различные варианты размеров. Поиски исходных типов в более ранних археологических комплексах южного Узбекистана и сопредельных регионах пока не дали положительных результатов. Возможно, эти новые культовые символы привнесены в сапаллинский культурный комплекс волной андроновского продвижения на юг. Однако, не исключено, что появление этих символов связано с переходом сапаллинцев к новым социальным отношениям и отражает религиозно-мифологические концепции сапаллинского общества в конце эпохи бронзы. Мы полагаем, что все глиняные поделки, найденные в символических погребениях, имеют культовую атрибутику независимо от того, в каком виде они выступали в системе ритуальных действий.

Дальнейшие раскопки и анализ материала могильника Бустон VI, по всей видимости, позволит детальнее исследовать вопрос о соответствии археологических комплексов данным ведической литературы.

Аванесова, Н.А. 1992. Новое о связях древних земледельцев с пастушескими племенами Средней Азии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова II: 33-35. Омск: Омский государственный университет.

1993. О группе глиняных поделок, связанных с культово-обрядовой практикой сапаллинской культуры // Бактрия-Тохаристан кадимда ва урта асрларда. Сурхондаре вилоят улкашунослик музейининг 60-й йиллигига бағишланган илмий анжуман матбуазалари бағи. Самарканд.

Аскарлов, А.А. 1973. Сапалитипа. Ташкент: Фан.

1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан.
1987. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов: 57-58. Алма-Ата.
1990. Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию Б.А.Латынина: 3-4. Ленинград.
- Алексеев, В. П., А.А. Аскаров, Т.К. Ходжайов. 1990. Историческая антропология Средней Азии. Ташкент: Фан.
- Атхаринаева. 1977. Избранное. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Виноградова, И., Л. Павлова. 1990. Могильник Курмай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень международной ассоциации изучения культуры Центральной Азии 17: 98-112. Москва: Наука.
- Исаков, А. И., Т. М. Потемкина. 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология 1: 145-169.
- Кузьмина, Е. А. 1972. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией (обзор работ итальянской археологической миссии в Пакистане) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 132: 116-121. Москва.
- Литвинский, Б. А. 1972. Археологические открытия в Таджикистане в 1962-1970 гг. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш.
1981. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: 154-166. Москва: Наука.
- Маргулан, А. Х. 1979. Бегазы-даньабайская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.
- Мандельштам, А. М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Материалы и исследование по археологии СССР 145. Ленинград: Наука.
- Пьянков, Л. Г. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе: Дониш.
- Ригведа. 1972. Избранные гимны. Москва: Наука.
- Сарваниди, В. И. 1989. Протозорострийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // Вестник древней истории 1: 154-169.
- Сыркин, А. Я. 1990. Чхалдогы-упанишад // История и культура Древней Индии. Тексты: 46-50. Москва: Издательство МГУ.
- Тойзор, Э. Б. 1989. Первобытная культура. Москва: Издательство политической литературы.
- Топоров, В. Н. 1987. Агнии // Мифы народов мира I. Москва: Советская энциклопедия.
- Фрезер, Дж. Дж. 1980. Золотая ветвь. Москва: Издательство политической литературы.
- Шури, Г. 1932. История первобытной культуры. Москва.

NEW EVIDENCE ON THE BURIAL RITE OF THE BRONZE AGE SAPALLI CULTURE, SOUTH UZBEKISTAN

One of the crucial phenomena in the origins of the early urban civilization in Bactria was the Bronze Age Sapalli Culture (Askarov 1973; 1977). Over the recent years, several new burial fields representing its final stage were excavated by the Samarkand University Department of Archaeology, and a number of highly important facts has emerged.

Special attention should be paid to Buston VI, a burial ground where over ninety variously preserved burials have been excavated along with three constructions (trapezoid and square in plan, made of cemented bricks), three ground altars, square and rectangular in plan, and many charcoal lenses remaining from bonfires.

The burial ground functioned for a long time, as evidenced by its complex stratigraphy. Altogether 116 burials were made during the Molala and Buston periods. Most of them were made in pits with side chambers; catacombs and simple pits (rectangular with rounded corners, oval or round) were less frequent. Round pits were surrounded by stone pavements.

In nine cases out of ten, the entrance to the side chamber was situated in the longer side of the grave

pit. The chamber was separated from the entrance by a low threshold. Sometimes the entrance was closed by a jagged piece of rock or a river boulder instead of being bricked up.

No strict regularity has been observed in the orientation of the chambers (mostly along the E-W axis) and that of the buried persons. The skulls of most skeletons, however, were directed towards the west. The bodies were placed in the graves in a flexed position, on the left (women) or right (men) side, usually with bent arms, hands being close to the head or the face. Most burials are single, but several double ones have also been registered.

Some of the burials were "secondary" in that the bodies were partly or completely dismembered. Cremated remains have also been found. Other categories are cenotaphs (the burial constructions of these are identical with usual graves except that there are no bones or burial goods), and burials with remains of thanksgiving or expiatory human sacrifices (bodies of the dead persons were dismembered and bones cleft). There was also a large group of symbolic burials (those of animals, "dolls", hands, tall, and other symbols). The burial rite apparently depended on the nature of death,

social status, and religious beliefs peculiar to various sections of Sapalli society in late 2nd millennium BC. The traditional element of the rite was the funerary feast with meat being eaten. As the animal bones suggest, only certain joints of meat were put in the grave (hind part of the sheep's carcass, brisket, and shoulder).

The unusual nature of this burial ground is evidenced by several facts, including the presence of a sacral centre (fig. 1), cremation burials, and several symbolic burials accompanied by clay artifacts.

In the southwestern, highest, part of the burial ground, a ceremonial centre was excavated around which, judging by the available evidence, funerary rites were performed (fig. 1). The uniformity of cultural remains and the fire-worship rite attest to the integrity of the entire complex, which included "incinerators", hearth-altars, cenotaphs, and remains of bonfires. Evidence of fire-worship (remains of bonfires; cremation of human and animal bodies; hearth-altars; charcoal in sacrificial altars and vessels, in some of which ochre was also found; human bones painted with, or lying on, ochre; traces of fire in the bottom parts of some graves; charcoal and ash added to mudbrick) was detected in 78 cases.

Thus fire seemed to have played a major role in the funerary rite on the final stage of Sapalli Culture. This is also evidenced by remains of three constructions which we believe to be incinerators (fig. 2:A, B). The walls of these constructions are sometimes charred, and calcinated human and animal bones were discovered inside. All three constructions are oriented along the east-west axis. Their details vary, two chambers being trapezoid and the third one square. Their walls were deeply sunk into the ground (fig. 2:B). No less than two cremations were made in each chamber. Apart from a small amount of calcinated bones, several potsherds were found in the chambers (those of an unbaked cylindrical vessel with a conical lid, a Begazy-Dandybay type ceramics with paste inlay, a stem of a Molaly stage vase), and a bronze pendant with a nail-shaped head similar to those from Late Andronovo burials in Tajikistan (fig. 3:1-4; cf. Isakov and Potemkina 1989:156, figs. 8-3; Vinogradova and Pyankova 1990:102, figs. 3-9, 10).

Three bonfires were made for each cremation act. Their traces were found at the level of buried soil south, west, and east of the incinerators (figs. 1; 2:B). These finds are closely paralleled by the Vedic texts, where cremation, described as an offering to the sacred fire carrying the body to heaven, is said to be made in three open fires (Rigveda X, 16, 18; Atharvaveda XVIII, 2, 7; Asvalayana-grihyasutra IV, 1, 2).

The survey of the area around the "crematorium" revealed a ritual complex including

a libation altar, a hearth-altar for funerary repasts, a sacrificial altar, and cenotaphs (figs. 1: №№ 53, 62, 91, 92, 95).

The libation altar (fig. 1: №62) is a square pit 0.9 m by 0.9 m, with a small rim and flat bottom, oriented along the NW-SE axis. Its walls, rim, and bottom bear traces of heavy fire.

The hearth-altar for ritual repasts (fig. 1: 91) is located 2 m south of incinerator No. 2. It is a rectangular pit with rounded corners, 1.01 m by 0.6 m, oriented along the NW-SE axis. Its walls bear traces of heavy fire, and its fill contained lenses of charred earth and ash with fragments of animal bones, some of them calcinated. On the bottom, near the edges, there were accumulations of pure white and orange ash and fragments of Andronovo-type vessels. It appears as though water was poured on burnt bones and pottery.

The sacrificial altar (fig. 1: №53), situated 3 m of the trapezoid brick cyst No. 1, is especially noteworthy. It is also a brick cyst, rectangular in plan, 1.06 m by 2.01 m, oriented NW to SE. It includes three layers. The upper one was represented by poorly preserved remains of an animal's hide (blackish-grey decay with some hair). The middle layer contained shattered human bones all along the surface. In the lower layer, there were fragments of human bones (a radius, an ulna, a left femur joined to a left innominate, and four lumbar vertebrae). At the same level, in the southwestern part of the chamber, a vessel and five ribs of a ram were found. The layers were separated by sand, gravel, charcoal, and decayed remains of an animal's skin.

These finds suggest that a human sacrifice (probably an expiatory or a thanksgiving offering) was made. This is also evidenced by two cenotaphs excavated to the right and to the left of the sacrificial altar (№92, with an ochrous layer on the bottom, and №95, where chalk was found instead of ochre). These cenotaphs might have been used as receptacles for reciprocal "donations" given in response to offerings.

Both the fire-worship and the cremation rite have close correspondences in the Vedic tradition and the ideology of Andronovo people. Of course this is not to say that the funerary rite practiced by the population of Buston was an exact copy of the Aryan one; however their apparent similarity should not be overlooked. The impact of Andronovo tradition on the material culture and ideology of Sapalli people is quite apparent (Askarov 1987: 57-58; 1990: 3-4), and excavations at Buston VI and VII have provided new evidence thereof (Avanesova 1992: 35). A number of finds made there illustrate a process of slow infiltration of new people who had gradually populated the area and had eventually changed its ethnic appearance (Aleksiev, Askarov, Khojayov 1990: 72). The

artifacts (pottery, ornaments, weapon) as well as the details of the burial rite (pavements, trapezoid cysts, "mounds", cremations, buried horse skins with legs, etc.) are highly indicative of the Andronovo tradition and are easily recognizable as such wherever they are met. What they document here is the important role played by the Andronovo people in the formation of the Old Bactrian ideology. The emergence of a local ritual centre based on fire-worship apparently coincided with the Indo-Aryan migration. While some of the Vedic parallels (hymns and formulae of Rigveda X, 14, 16, 18, Yajurveda VI, 10-15, Atharvaveda XVIII, 1-4, Chandoghya-upanishad III-19, V-10-14 etc.) may be questioned, others are too striking to be accidental.

Some information relevant for the reconstruction of the ritual practices is provided by a group of unbaked clay artifacts which were found in some "symbolic" burials and include figurines,

altars, a vessel, a scoop, and "playing pieces". Their manufacture was not subjected to fixed standards, since the artifacts found in various burials differ with respect to size (fig. 4). They were certainly not used in the same way their real counterparts were. Most likely, their function was ritual. Their prototypes among the earlier Bactrian assemblages and in adjacent regions have not been revealed so far. Possibly these symbolic artifacts were innovations triggered by the southward migration of the Andronovo people. Another possibility is that their manufacture mirrored some social changes which produced an impact on the ideology of the Sappali society in the final Bronze Age. Also, they might have reflected a higher social status of the people whose burials they accompanied. Perhaps their primary function was the modeling of the world through a materialization of images (Avanesova 1993:15-19).

ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА НА СЕВЕРНОМ ДОНЦЕ

Р.А.ЛИТВИНЕНКО*

Раскопки курганов, проведенные во второй половине 70-х годов в бассейне Северского Донца, позволили исследователям отнести к донской абашевской культуре (Балонов, Братченко и др. 1979; Братченко, Гершкович и др. 1979; Братченко 1980; Писларий 1980). Тогда же удалось установить, что эти погребения занимают в курганах промежуточное стратиграфическое положение между могилами культуры многоваликовой керамики и захоронениями срубной культуры (Гершкович 1982).

Поселения с «абашевской» керамикой были обнаружены на Северском Донце еще раньше, во второй половине 60-х годов (Чердиченко 1968). В 80-х годах на основании анализа материалов могильников и поселений был сделан вывод о распространении абашевской культуры на Украине вплоть до Днепра (Березанская 1987).

Однако, современный уровень изученности абашевской культуры и постабашевских комплексов приводит к выводу о некорректном использовании термина «абашевская культура» применительно к вышеупомянутым памятникам Украины и даже Среднего Дона (Кузьмина 1992:75). В настоящее время они известны под названием «памятники покровского типа» (рис. 1).

Решающую роль при выделении комплексов покровского типа на Северском Донце сыграла керамика. Размещение сосудов в могилах, раскопанных в разных частях ареала этой культурной группы (Мыськов 1991:157), отличается от правил, установленных для классически срубных погребений. В покровских захоронениях сосуды, главным образом горшки и банки, часто стояли за головой, спиной, у живота и у ног умершего. Немногочисленная острореберная посуда встречается в основном в позднепокровских комплексах. Характерными особенностями покровской

керамики являются колоколовидная форма сосудов, внутренний уступ на шейке, орнаментация внутренней стороны и среза венчика. Орнаментация сосудов довольно проста, сложные композиции, характерные для развитой срубной культуры, отсутствуют. Орнамент представлен горизонтальными желобками, зигзагами, резе треугольниками и вписанными ромбами, выполненными крупнозубчатым штам-

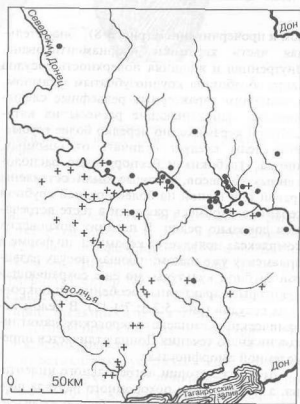

Рис. 1. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца: территориальное соотношение покровских (точки) и позднемноговаликовых (кресты) памятников.
Fig. 1. Pokrovsk sites in the Seversky Donets basin: distribution areas of Pokrovsk (dots) and late Mnogovalikoviya (crosses) sites.

* Украина. 340055. Донецк. Утинерситетская ул. 24. Донецкий государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков.

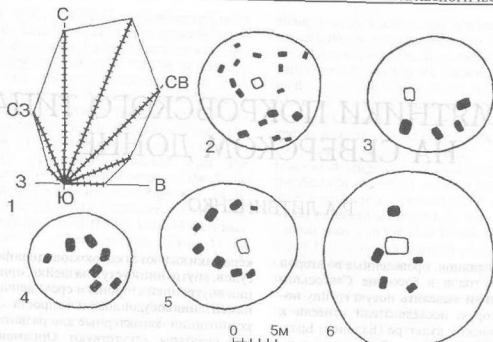

Рис. 2. Ориентация погребённых (1) и планировка погребений в курганах (2-6): 2 – Ивано-Дарьевка, курган 5; 3 – Тополевка, курган 4; 4 – Большой Суходол, курган 4/5; 5 – Затышнэ, курган 1; 6 – Бахмутовка, курган 4.

Fig. 2. Orientation of the buried persons (1) and arrangement of burials in mounds (2-6): 2 – Ivano-Daryevka, mound no. 5; 3 – Topolevka, mound no. 4; 4 – Bol'shoy Sukhodol mound no. 4/5; 5 – Zatyshne, mound no. 1; 6 – Bakhmutovka, mound no. 4.

пом и прочерчиванием (рис. 3-8).^{*} Значительная часть керамики неориентирована. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов часто обработана крупнозубчатым штампом, оставившим характерные рельефные следы борозды, напоминающие расчесы на катакомбной керамике, но нередко более грубые. Эти следы следует отличать от обычных, иногда глубоких и беспорядочно расположенных травой или щепой на более поздней срубной керамике. Примесь ракушки в тесте встречается довольно редко. В поздних покровских комплексах появляется керамика, по форме и орнаменту уже напоминающая посуду развитой срубной культуры, но еще сохраняющая некоторые характерные особенности покровских сосудов (рис. 5:2,3; 7:1,11). В целом керамический комплекс покровских памятников нижнего течения Дона отличается определенной аморфностью.

Другие категории погребального инвентаря, а также детали похоронного ритуала подтверждают покровскую атрибуцию выделенных захоронений в бассейне Северского Дона и, вместе с тем, подчеркивают локальные особенности этих комплексов. Например, крайне редко среди раскопанных здесь покровских памятников можно встретить курган, под насыпью которого была бы толь-

ко одна могила. Из 33 курганов могильника Приветное такая ситуация зафиксирована лишь в одном случае (курган 1).

Характерной чертой покровских могильников Северского Дона являются курганы с несколькими основными погребениями, включавшими от четырех до восьми, в одном случае 14 могил, всегда расположенных дугой или кольцом вокруг центрального захоронения (Плотина, курган 11; Тополевка, курган 4; Бахмутовка, курган 2; Затышнэ, курган 1; Ивано-Дарьевка, курган 5) (рис. 2:2,3,5). В этих курганах найдено 35% всех покровских погребений. Нередко под курганными насыпями расположены детские могильники. Часть курганов характеризуется наличием одного основного и группы впускных погребений. Однако чаще всего могилы покровского типа обнаружены в насыпях курганов ранней и средней бронзы (23 кургана, включавшие 50% всех погребений). Если в кургане впускные погребения составляли группу, то они также располагались по кругу (Смелое, курган 3; Большой Суходол, курган 4/5; Бахмутовка, курган 4) (рис. 2:4,6). Выявлена четкая тенденция в размещении впускных одиночных покровских погребений: в семи из девяти зафиксированных случаев могилы были впускны в юго-восточную полу древнего кургана в секторе 90°-180°, в одном – в юго-за-

* Автор статьи выражает глубокую признательность С.Н. Братченко и И.А. Писларико, любезно предоставившим материалы для этой публикации.

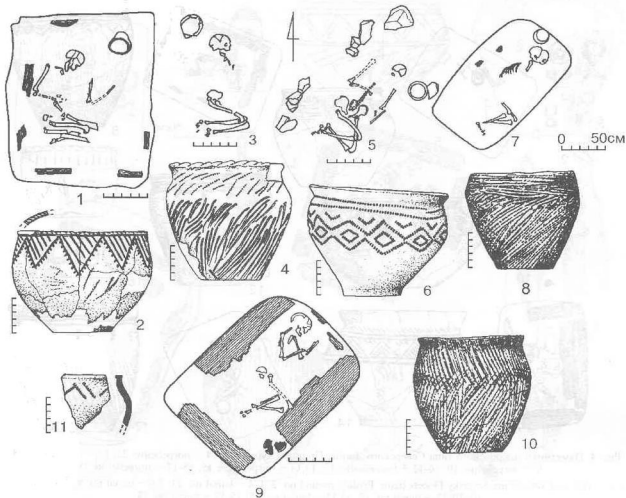

Рис. 3. Памятники покровского типа Северского Донца: 1, 2 — Смелое, курган 2, погребение 6; 3, 4 — Смелое, курган 2, погребение 5; 5, 6 — Смелое, курган 3, погребение 8; 7, 8 — Трехизбенка, курган 6, погребение 1; 9-11 — Трехизбенка, курган 6, погребение 5.

Fig. 3. Pokrovsk sites in the Seversky Donets basin: 1, 2 — Smeloye, mound no. 2, burial no. 6; 3, 4 — Smeloye, mound no. 2, burial no. 5; 5, 6 — Smeloye, mound no. 3, burial no. 8; 7, 8 — Trehizbenka, mound no. 6, burial no. 1; 9 — 11 — Trehizbenka, mound no. 6, burial no. 5.

падную полу и в одном — в центр кургана. В четырех случаях покровские могилы вырыты в промежутке между соседними, более ранними курганами и при помощи досыпок объединены с ними в единый комплекс.

Погребальные сооружения представлены, как правило, грунтовыми ямами, размеры которых зависели от возраста и социального положения умершего. 10% захоронений имели срубные конструкции. Могилы перекрыты, в основном, деревянными плахами, которые почти всегда уложены поперек ямы. Своеобразные конструкции из камня, напоминающие каменные ящики, обнаружены только в Бахмутовском могильнике (рис. 6:8). Однако они, как и изредка встречающиеся ямы с каменным перекрытием, относятся к позднепокровскому времени.

Положение умерших в могилах характеризуется следующими особенностями: кости лежат в центре ямы (изредка они смещены к ее западной стенке) в слабоскорчен-

ной позе на левом (как исключение на правом) боку. Руки обычно сложены в жесте адорации. В 22% могил зафиксированы иные положения скелетов. Доминирует северная ориентация умерших (сектор 335°-65°), очень редко представлены северо-западная и восточная ориентировки, как правило, связанным с размещением погребений в курганах по кругу (рис. 2:1). В позднепокровских погребениях степень скорченности скелета усиливается. Наряду с интунацией в двух случаях обнаружена кремация, кроме того, раскопано четыре кенотафа (рис. 5:6; 6:1; 7:10).

Кроме керамики, инвентарь погребений включал изделия из бронзы: ножи, височные подвески, иглы, накладки и скобы для деревянных предметов. Бронзовые предметы представлены в 19% покровских могил. Бронзовые ножи найдены в семи покровских захоронениях: Лесопитомник 2/4, Приветное 1/1, Тополевка 4/2, Шахтерск 9/1; Николаевка 1/14; Затышнэ 2/1, 3/2) (рис. 5:5, 9;

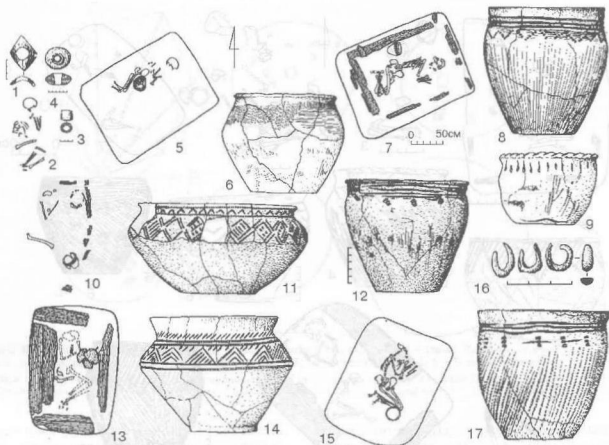

Рис. 4. Памятники покровского типа Северского Донца, Пришиб, курган 2: 1-4 — погребение 23; 5,6 — погребение 9; 7-9 — погребение 10; 10-12 — погребение 17; 13,14 — погребение 15; 15-17 — погребение 18.

Fig.4. Pokrovsk sites in the Severky Donets basin: Prishib, mound no. 2: 1-4 — burial no. 23; 5,6 — burial no. 9; 7-9 — burial no. 10; 10-12 — burial no. 17; 13,14 — burial no. 15; 15-17 — burial no. 18.

7:12;8:14,16,17).^{*} Еще два ножа покровского облика происходят из недостаточно документированных комплексов: Орехово, курган 451 (раскопки Н.Е.Бранденбурга), Ханженково — возможно, разрушенный курган, в котором якобы найдена «абашевская» керамика с грубыми расчесами на внешней поверхности (рис. 5:10). Ножи с неглубокими выемками, намечающимися перекрестье, типологически относятся к раннему времени. Экземпляры из Лесопитомника и Шахтерска снабжены ромбовидными окончаниями черенка. Отличающийся формой и маленькими размерами нож из Приветного также имеет намеченное перекрестье. Примечательно, что маленькие ножи не являются редкостью для покровских погребений. Типологически наиболее поздними являются ножи из Тополевки 4/2 и Николаевки 1/14. Они имеют глубокие выемки, почти полностью отделяющие перекрестье от клинка, и в целом относятся к развитым формам срубного времени. Следует отметить, что погребения, в которых

найлены ножи этого типа, характеризуются уже сочетанием покровских и срубных традиций (рис. 7:10-12; 8:15-23).

Височные подвески обнаружены в семи погребениях (рис. 4:16; 6:16; 8:5,6,9,10). В ранних погребальных комплексах представлены округлые желобчатые подвески в полтора оборота (Пришиб 2/18, Славяногорск 1/2). Одна из таких подвесок славяногорского погребения украшена насечками. В поздних комплексах найдены овальные подвески, полукруглые или желобчатые в сечении, близкие подвескам развитой срубной культуры (Миньковка 8/3, Большой Суходол 4-5/26, Ивано-Дарьевка 5/7, 5/19). Бронзовые иглы зафиксированы в двух погребениях (Петровка-II 1/2, Плотина 11/4).^{**}

В двух погребениях найдены бронзовые накладки, видимо, от деревянных чаш. В погребении 15 кургана 5 у села Нижняя Бараниковка обнаружен фрагмент пластины с отверстием для гвоздя (рис. 7:13). Из погребения 9 кургана 4 Бахмутовского могильника происходит фраг-

* Последние два комплекса не опубликованы.

** Оба комплекса не опубликованы.

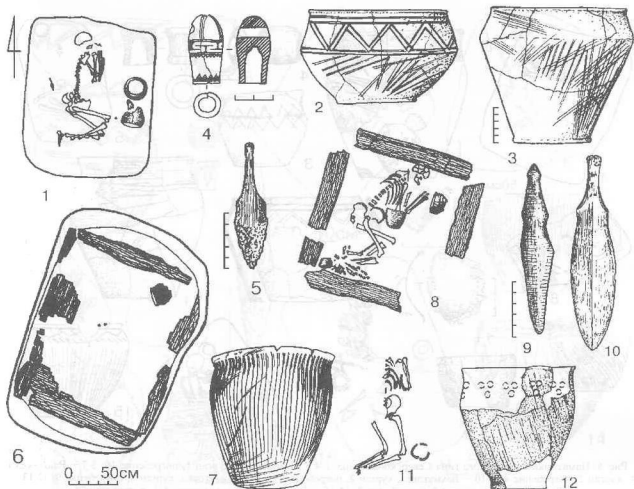

Рис. 5. Памятники покровского типа Северского Донца: 1-5 – Привольное, курган 1, погребение 1; 6,7 – Николаевка-71, курган 9, погребение 4; 8,9 – Лесопитомник, курган 2, погребение 4; 10 – Ханженково, разрушенный курган (?); 11,12 – Большой Суходол, курган 2/3, погребение 2.

Fig. 5. 1-5 – Privetnoye, mound no.1, burial no.1; 6,7 – Nikolayevka-71, mound no.9, burial no.4; 8-9 – Lesopitomnik, mound no.2, burial no.4; 10 – Khánzhenkovo, destrueted mound (?); 11,12 – Bol'shoy Sukhodol, mound no.2/3, burial no.2.

мент крупной пластины округлой формы с отверстиями для гвоздей по периметру (рис. 6:11). В двух комплексах найдены бронзовые скобы: в погребении 15 кургана 11 у города Приволье находилась прямоугольно изогнутая скоба из квадратной в сечении проволоки и фрагменты проволоки, скрепляющей деревянный предмет (рис. 7:3); в погребении 14 кургана 1 у села Николаевка обнаружены фрагмент аналогичной скобы и часть пластинки от крепления деревянной рукоятки ножа (рис. 8:22,23).

Изделия из кости представлены пряжкой и костяными «втулками». Пряжка найдена в погребении 23 кургана 2 у села Пришиб. Она имеет редкую для этого типа изделий ромбическую форму, изогнутое сечение и два разновеликих отверстия (рис. 4:1). Втульчатые изделия происходят из трех комплексов: Привольное 1/1, Приволье 11/15, Райгородок 2/4. Две последние втулки близки по форме и размерам, однако отличаются диаметром отверстий (рис.

6:7; 7:4). Особого внимания заслуживает втулка из Привольного. Она сделана в виде полого цилиндрического колпачка с округлой головкой и поперечным сквозным отверстием в верхней части. В средней части изделия нанесен резной узор в виде пояса из трех звеньев Т-образного меандра и двух поясов треугольников (рис. 5:4). Очевидно, этот предмет является навершием жезла (Отрошенко 1990:86). Еще одна костяная втулка и каменная булава уплощенной формы найдены в кургане 2 могильника у села Пришиб (рис. 4:3,4). Вероятно эта втулка относится к вышеупомянутому покровскому погребению 23 (Гершкович 1982:56), где была обнаружена костяная пряжка.

В семи могилах покровского типа обнаружены бусы: Николаевка-71 9/4, 9/5; Бахмутовка 3/5; Пришиб 2/10; Петровка-II 1/10; Миньковка 8/3; Николаевка-89 1/14). Крупные и мелкие фаянсовые, пастовые и сурьмяные бусины имеют биконическую, цилиндрическую и

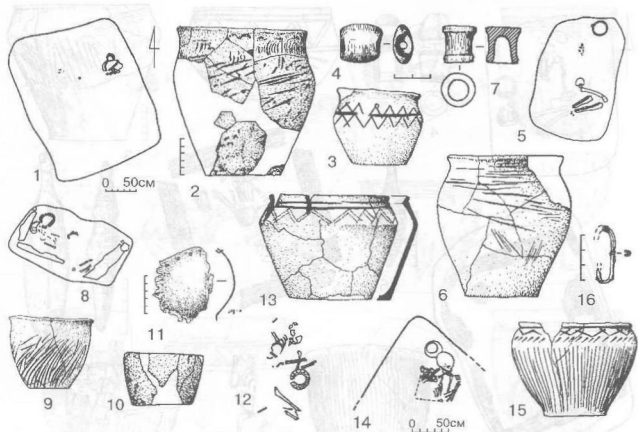

Рис. 6. Памятники покровского типа Северского Донца: 1-4 – Петровка-II, курган 1, погребение 10; 5-7 – Райгородка, курган 2, погребение 4; 8-10 – Бакмутовка, курган 2, погребение 3; 11 – Бакмутовка, курган 4, погребение 9; 12, 13 – Вишнёвый Дол, курган 2, погребение 7; 14-16 – Большой Суходол, курган 4/5, погребение 26.

Fig. 6. Pokrovsk sites in the Severky Donets basin: Pokrovsk sites in the Severky Donets basin: 1-4 – Petrovka II, mound no. 1, burial no. 10; 5-7 – Raygorodka, mound no. 2, burial no. 4; 8-10 – Bakhmutovka, mound no. 2, burial no. 3; 11 – Bakhmutovka, mound no. 4, burial no. 9; 12, 13 – Vishnev Dol, mound no. 2, burial no. 7; 14-16 – Bol'shoy Sukhdol, mound no. 4/5, burial no. 26.

дисковидную формы (рис. 6:4; 8:11,21). Ожерелье из погребения 14 кургана 1 у села Николаевка включало, кроме буса, нефритовую подвеску фаллической формы (рис. 8:20).

Таким образом, захоронения покровского типа в низовьях Донца имеют специфические особенности погребального обряда и инвентаря, отличающие их от классических погребений срубной культуры и объединяющие их с покровскими памятниками восточных регионов. Хронология памятников покровского типа на Украине ("абашевские" комплексы) построена на материалах полученных при раскопках трех поселений и кургана 2 у села Пришиб (Березанская 1990:98). В литературе утвердилось мнение о том, что эти памятники в хронологическом отношении следуют за памятниками культуры многоваликовой керамики. Иногда исследователи уточняют это положение, отмечая лишь частичное предшествование памятников культуры многоваликовой керамики "абашевским" (Братченко 1985:455; Березанская 1987:33). Это уточнение основано на анализе материалов поселений, где "абашевская"

керамика залежала совместно с многоваликовой. Учитывая лишь относительную "закрытость" поселенческих комплексов, считаю необходимым подчеркнуть, что наиболее достоверные данные о совместном нахождении покровской и многоваликовой керамики дают только Ильичевское поселение и, в какой-то степени, Капитановское, на которых исследованы достаточно "чистые" горизонты или котлованы жилищ (Чередниченко 1970; Шаповалов 1976).

Анализ стратиграфии курганов Северского Донца показал, что в 11 случаях (Пришиб, курган 2 – две колонки, Нижняя Бараниковка, курган 5; Приволье, курган 11; Смелое, курганы 1,3; Славянгорск, курган 1; Большой Суходол, курган 4/5; Затышнэ, курганы 2,3; Шахтерск, курган 9) погребальные комплексы раннего и среднего этапов культуры многоваликовой керамики (Писларий 1983) предшествуют захоронениям покровского типа. Достоверные случаи перекрытия могил позднего этапа культуры многоваликовой керамики покровскими погребениями неизвестны. В то же

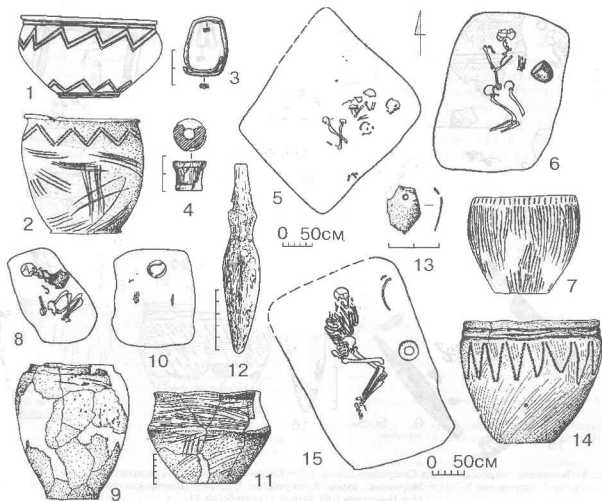

Рис. 7. Памятники покровского типа Северского Донца: 1-5 — Приволье, курган 11, погребение 15; 6, 7 — Приволье, курган 11, погребение 6; 8, 9 — Тополевка, курган 4, погребение 5; 10-12 — Тополевка, курган 4, погребение 2; 13-15 — Нижнебаранковка, курган 5, погребение 12.

Fig. 7. Pokrovsk sites in the Seversky Donets basin: 1-5 — Privolye, mound no. 11, burial no. 15; 6-7 — Privolye, mound no. 11, burial no. 6; 8, 9 — Topolevka, mound no. 4, burial no. 5; 10-12 — Topolevka, mound no. 4, burial no. 2; 13-15 — Nizhnebaranik-ovka, mound no. 5, burial no. 12.

время, покровские захоронения и могилы позднего этапа культуры многоваликовой керамики предшествуют в курганах срубным погребениям развитого этапа. Таким образом, и захоронения позднего этапа культуры многоваликовой керамики и покровские могилы размещаются на стратиграфической шкале погребений эпохи бронзы Украины между погребальными комплексами среднего этапа культуры многоваликовой керамики и развитого этапа срубной культуры. Следовательно, обе культурные группы (поздний этап культуры многоваликовой керамики и памятники покровского типа), локализуемые в бассейне Северского Донца, относятся к одному хронологическому горизонту, что соответствует и материалам поселений. Несмотря на относительную малочисленность покровских погребений, имеются случаи их взаимного стратиграфического перекрывания (Пришиб, курган 2; Приволье, курган 11). Примечательно, что в обоих случаях более

поздние погребения содержали керамику, уже имеющую срубный облик, хотя и сохраняющую еще некоторые покровские черты.

На сегодняшний день мною учтено около 110 погребальных комплексов покровского типа в бассейне Северского Донца. Если рассматривать эти материалы в системе срубной культуры, то они составляют почти 13% всех срубных погребений указанного региона. Анализ погребений покровского типа в Донецкой и Луганской областях Украины свидетельствует о том, что эти комплексы фиксируют не кратковременный хронологический срез, а занимают значительный промежуток времени. При этом более ранние погребения почти аналогичны классическим памятникам покровского типа, а поздние, к которым относится большинство обнаруженных здесь комплексов, характеризуются, при сохранении некоторых покровских черт, появлением срубных погребальных традиций.

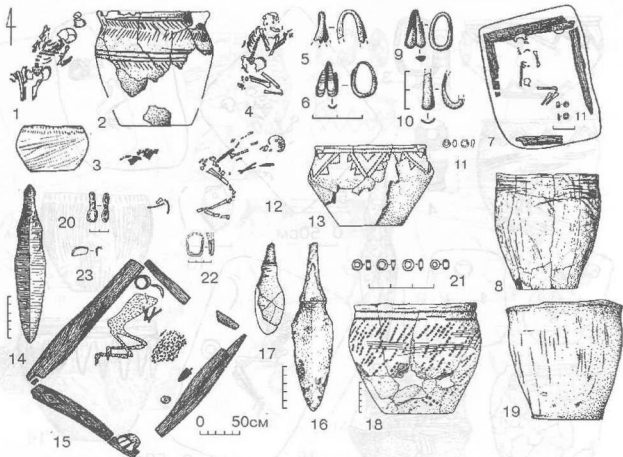

Рис. 8. Памятники покровского типа Северского Донца: 1-3 – Славяногорск, курган 1, погребение 1; 4-6 – Славяногорск, курган 1, погребение 2; 7-11 – Миньковка, курган 8, погребение 3; 12-14 – Шахтёрск, курган 9, погребение 1; 15-23 – Николаевка-89, курган 1, погребение 14.

Fig. 8. Pokrovsk sites in the Seversky Donets basin: 1-3 – Slavyanogorsk, mound no. 1, burial no. 1; 4-6 – Slavyanogorsk, mound no. 1, burial no. 2; 7-11 – Min'kovka, mound no. 8, burial no. 3; 12-14 – Shakhtersk, mound no. 9, burial no. 1; 15-23 – Nikolaevka-89, mound no. 1, burial no. 14.

Картографирование памятников покровского типа показало, что большая часть их сосредоточена на левобережье Северского Донца, на правобережье они удаляются от реки не более, чем на 30 км. Единичные комплексы покровского типа обнаружены южнее, на Донецком кряже (рис. 1). Далее к югу, в Приазовье, и к западу, в Поднепровье, покровские комплексы отсутствуют. В Донецком Приазовье выделено около десяти погребений со слабо выраженными покровскими чертами, что позволяет датировать их концом покровского – началом развитого этапа срубной культуры. Ареал распространения могильников и поселений совпадают. Таким образом, сейчас можно определить южную и уточнить предложенную ранее западную (Березанская 1987:35-36) границы распространения памятников покровского типа на Украине: далее правобережного бассейна Северского Донца в указанных направлениях она не уходит. Между Донцом и Днепром практически нет даже смешанных (абашевско-многоваликовых и абашевско-срубных по С.С.Березанской) покровских ком-

плексов. Наряду с этим, удалось установить, что ранние погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики распространены на всем левобережье Донца вплоть до верховой Айдара, поздние погребения культуры многоваликовой керамики на левобережье удалены от Донца не более чем на 20 км, хотя на правобережье и далее к югу, вплоть до Приазовской низменности, могилы позднего этапа культуры многоваликовой керамики представлены в массовом количестве (рис. 1).

Таким образом, создается впечатление, что сначала племена культуры многоваликовой керамики заселяли почти всё междуречье Дона и Донца. Позднее они отошли, возможно под напором с севера, на правобережье Донца, а левобережье заняли продвинувшиеся со Среднего Дона племена, оставившие памятники покровского типа. Бассейн Северского Донца являлся своеобразной контактной зоной. Именно здесь известны поселения со смешанными многоваликово-покровскими комплексами. Время проникновения племен оставивших памятники покровского типа в бассейн Донца, как уже го-

ворилось выше, фиксируется материалами могильников, где покровские комплексы следуют за погребениями среднего этапа культуры многоваликовой керамики. Учитывая чужеродность покровских памятников в Донецкой и Луганской областях Украины и определенную "размытость" этих комплексов, выражающаяся в малочисленности классической покровской керамики и в отсутствии воинских погребений, можно предположить более позднее хронологическое положение анализируемых памятников относительно комплексов Покровского могильника и других памятников Волго-Донского региона. В связи с этим следует отметить, что появление ранних комплексов покровского типа на Северском Донце хроно-

логически, видимо, маркируется находкой вставного костяного шипа от дисковидного псаля на дне "многоваликово-абашевского" жилища I Ильичевского поселения. Этот факт нельзя игнорировать при изучении относительной хронологии покровских памятников в различных регионах. Сегодня становится очевидным, что именно покровский импульс из лесостепного Подонья следует признать ключевым в процессе формирования в бассейне Северского Донца срубной культуры, сохранившей в течении двух первых этапов своего развития местные многоваликовые и пришлые покровские традиции (Чередниченко 1986:48, 77; Литвиненко 1992).

Балонов, Ф.Р., С.Н.Братченко, О.Р.Дубовская, В.Г.Самойленко, А.М.Смирнов, Р.В.Орел. 1979. Исследования курганов у с. Н.Бараниковка // Археологические открытия 1978: 295. Москва: Наука.

Березанская, С.С. 1987. Абашевская культура на территории Украины (миграция или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины: 26-37. Киев: Наукова думка.

1990. Усоево Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка.

Братченко, С.Н. 1980. Исследования курганов в Ворошиловградской области // Археологические открытия 1979: 255. Москва.

1985. Культура многоваликовой керамики // Археология УССР I: 451-458. Киев: Наукова думка.

Братченко, С.Н., Я.П.Гершкович, Т.Ю.Гонко, Л.Ф.Константишеску, В.Н.Левченко, А.М.Смирнов, М.Л.Швецова, А.С.Шкарбан. 1979. Исследования курганов на Северском Донце // Археологические открытия 1978: 307-308. Москва: Наука.

Гершкович, Я.П. 1982. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней — поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины: 71-80. Киев: Наукова думка.

Кузьмина, О.В. 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Урале. Самара.

Литвиненко, Р.А. 1992. О степени преемственности погребального обряда предсрубного горизонта и срубной культуры в бассейне Северского Донца // История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда: 145-147. Харьков.

Мыськов, Е.П. 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // Советская археология 4: 145-163.

Отрошенко, В.В. 1990. Погребения с жезлами у племен срубной общности // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов научно-практической конференции: 85-87. Луганск.

Писларий, И.А. 1980. Исследования в Ворошиловградской области // Археологические открытия 1979: 325. Москва: Наука.

1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Чередниченко, Н.И. 1968. Археологические исследования на Луганинне // Археологические исследования на Украине в 1967 г. II: 103-104. Киев: Наукова думка.

1970. Поселение срубной культуры на Луганинне // Советская археология I: 233-238.

1986. Срубная культура // Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.И., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины: 44-82. Киев: Наукова думка.

Шоповалов, Т.А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины: 150-175. Киев: Наукова думка.

SITES OF POKROVSK TYPE IN THE SEVERSKY DONETS BASIN

In the late 70s, a new group of burials was detected in the Seversky Donets area (Bratchenko, Gershovich 1979; Pislary 1980). Previously they

were attributed to Abashevo Culture. Finds made in the Donets basin and elsewhere suggested that the distribution area of Abashevo Culture in the

Ukraine reached as far west as the Dnieper (Berezanskaya 1987). At present it has become clear that so-called "Abashevo" sites in the Seversky Donets basin should be regarded as a separate category, now called Pokrovsk group.

About 100 Pokrovsk type burials are known in the Donets area. Their main distinctive features are related to ceramics. Vessels are bell-shaped, jar-like, or having an angular profile. Some are ornamented with horizontal furrows, triangles, diamonds, carved lines, and comb impressions. Sometimes the entire surface is covered with broad relief stripes made by a comb with large sparse teeth (fig.3-8). Pottery found in late Pokrovsk burials resembles that of Srubnaya (Timber-Frame) culture. Vessels were frequently put in places unusual for Srubnaya burials: behind the head, behind the back, near the abdomen or close to the feet.

Peculiarities of the funerary rite also attest to the specific nature of Pokrovsk group. Half of such burials were made in earlier mounds of the Early and Middle Bronze Age. Single graves were always made in the southeastern sector of the mound. Some mounds contain a group of main burials arranged in a circular or bow-like fashion around the central one (fig.2-3,6,4). Apart from inhumations, two cremations and four cenotaphs have been excavated. Graves are mainly ground pits whose size depended on the age and social status of the buried person. The skeletons were usually lying on the left side in a slightly flexed position. Burial goods other than ceramics include bronze artifacts (knives, fig. 5:5,9; 7:12; 8:14,16,17; head pendants,

fig. 4:16; 6:16; 8:5,6,9,10; needles, plates that were attached to wooden vessels, fig. 7:13; 6:11, and cramps used to fasten wooden objects, fig. 7:3; 8:22,23). Bone artifacts are represented by a buckle and bushes (fig. 4:1,3; 6:7; 7:4). One of the bushes is decorated with carved meanders and triangles (fig. 5:4). Possibly, this artifact was used as a top of a staff (Otroschenko 1990). In one of the burials, a stone mace head was found together with a bone bush (fig. 4:4). Some burials contained fayence, antimony, and paste beads; also, a phallic nephrite pendant was found (fig. 6:4; 8:11,20,21). The chronology of Pokrovsk burials in the Seversky Donets area is based on the stratigraphy of the mounds. Pokrovsk burials transect those of the middle period of Mnogovalikovaya (Ceramics with Multiple Rolls) Culture and predate those of the developed stage of Srubnaya (Timber Frame) Culture. Because Pokrovsk and late Mnogovalikovaya Culture burials have the same stratigraphic position, they are apparently synchronous. As seen on the map (fig.1), Pokrovsk sites are situated in the left-bank Seversky Donets area and the Don-Donets interfluvium (fig.1), whereas late Mnogovalikovaya sites are located in the right-bank Donets zone and further south and west. A narrow strip along both banks of the Donets is both a borderline and a contact zone where both groups meet. Pokrovsk people in the Seversky Donets basin had evidently migrated from the middle Don. It appears that the Pokrovsk phenomenon provides a key for understanding the origins of Srubnaya Culture in the Donets area.

SITES OF POKROVSK TYPE IN THE SEVERSKY DONETS BASIN

КУРГАНЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ЮРМАН I В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Д.Г.САВИНОВ, В.В.БОБРОВ*

Особое место в отечественной археологии занимают андроновские древности, история изучения которых насчитывает около семидесяти лет. Повышенное внимание к ним объясняется обширностью ареала расселения андроновских племен, охватывающего степную и лесостепную зоны Южного Урала, Средней Азии и Казахстана, Западной и Южной Сибири; историческими последствиями, которые вызвало появление андроновцев-скотоводов, особенно в восточных и северных районах их обитания; а также загадочностью происхождения, вопросами этнической и лингвистической принадлежности андроновцев и особенностями историко-культурных процессов в период их появления на исторической арене.

Выделяя среди этих проблем основополагающий вопрос о культурной атрибуции памятников, можно выявить следующую эволюцию представлений: от единой монолитной андроновской культуры (Теплоухов 1927, 1929) с локальными территориальными вариантами – западным и восточным (Грязнов 1929) – к культуре с внутренними хронологическими этапами развития (Сальников 1951, 1967; Грязнов 1956; Максименков 1978; Матюшенко 1973; подробная библиография приведена в следующих работах: Кузьмина 1988; Потемкина 1985; Зданович 1988), а от нее – к андроновской культурно-этнической общности, в составе которой выделяются самостоятельные культуры – алакульская и федоровская (Стоколос 1972; Федорова-Давыдова 1973; Потемкина 1985; Кузьмина 1975, 1982, 1985; Косарев 1965, 1981; Молодин 1985; Кирушин 1985). Изучение андроновских древностей восточных районов ареала (Средний Енисей, Обь-Чулымское междуречье, Верхняя Обь) проходило в рамках этой

общей историографической тенденции, но, тем не менее, имело особенности, которые определялись региональной спецификой памятников. В культурном и хронологическом отношении материалы восточных районов оставались и остаются более однородными (восточный вариант андроновской культуры, федоровский этап культуры, федоровская культура андроновской общности). В связи с этим один из авторов настоящей работы подверг сомнению правомерность выделения андроновской культурно-исторической общности и предположил возможность существования в ее ареале двух генетически разных культур – алакульской и андроновской (Бобров 1992:16).

На современном этапе исследования андроновской культуры восточных районов Западной Сибири выявляется ведущее направление, связанное с анализом локального своеобразия в погребальной практике и в характере орнамента керамики. В результате изучения имеющегося материала, с учетом новых методических подходов – социологическая интерпретация погребальных комплексов – сформировались две гипотезы: об относительно трансформированном облике андроновской культуры в равнинных лесостепных районах – Барабинская лесостепь, Томское Приобье (Бобров, Михайлов 1989:103) и о её однородности в межгорных котловинах (Бобров 1992: 35; Бобров, Михайлов 1989:101-103). Проверка этих гипотез требует накопления качественно новых комплексов и, прежде всего, материалов, происходящих из горных районов. При этом особо следует выделить изолированную таежными массивами и горными хребтами Кузнецкую котловину, которая была теснее связана с верховской лесостепью, чем Чулымско-Енисейская

* Д.Г.Савинов. Россия. Санкт-Петербург. 190034. Менделеевская линия, 7. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии.
В.В.Бобров. Россия. Кемерово. 650043. Красная ул., 6. Кемеровский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии.

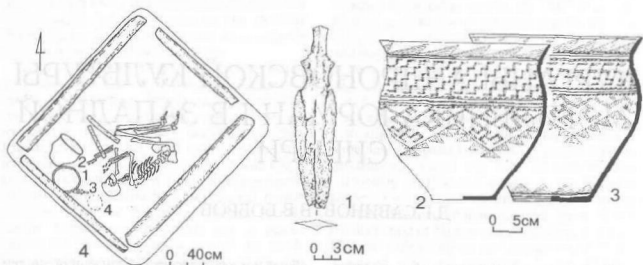

Рис.1 Могильник Юрман I, курган 2. 1 – бронзовый кинжал; 2-3 – керамика (2 – сосуд № 2, 3 – сосуд № 1); 4 – план погребения.

Fig.1 Yurman I, mound no.2. 1 – bronze dagger; 2,3 – ceramics (2 – vessel no.2; 3 – vessel no.1); 4 – plan of burial.

и Сыда-Ербинская котловины. Новые материалы из этих районов имеют важное значение даже в начальной стадии полевых исследований памятника. Одним из таких памятников является могильник Юрман I.

Могильник Юрман расположен на высоком ровном плато в 5 км к востоку от с. Каменка Промышленновского района Кемеровской области и состоит из двух частей: 1) группа больших курганов эпохи средневековья – всего 20 сооружений (Юрман II); 2) группа курганов андроновской культуры – всего 10-12 сооружений, часть из которых распахана (Юрман I). В 1993 году на могильнике Юрман I выборочно было раскопано три кургана, представляющих несомненный интерес для археологов, изучающих проблемы андроновской культуры.

До начала раскопок курганы представляли собой сильно уплотненные округлые земляные насыпи размером 14 x 12 м (курган 1), 12 x 10 м (курган 2), 10 x 10 м (курган 3) и высотой в среднем 0,5 - 0,6 м. На поверхности всех курганов не было видно следов ограбления; однако, попытки подобного рода действий предпринимались, так как во всех бровках, наряду с валунами выброса материкового грунта, зафиксированы грабительские шахты, сходящиеся на "клин" в средней части заполнения могильных ям. Сами же погребения, расположенные глубже, остались не потревоженными.

Могильные ямы по верху заложены материковым грунтом (светлоокрашенная песчанистая супесь) и четко выделялись на более темном фоне древней поверхности. Во всех случаях по-

гребения располагались несколько асимметрично относительно центра земляных насыпей, что, скорее всего, объясняется их ветровой эрозией. Под насыпью кургана I находились два погребения, расположенных рядом по оси северо-запад – юго-восток (могилы 1 и 2); под насыпями курганов 2 и 3 – по одному погребению. Могильные ямы имеют квадратную форму со слегка скругленными углами; их размеры варьируют от 2,4 x 2,4 м (курган 1, могила 1) до 2,8 x 2,8 м (курган 2). Ямы ориентированы углами по сторонам света. Их глубина колеблется от 1,6 до 1,95 м. В придонной части могил оставлены материковые приступки шириной 0,25-0,3 м, на которые опирались перекрытия погребальных камер.

Внутри могильные сооружения представляли собой деревянные камеры в виде прямоугольных или почти квадратных составных рам из мощных листовидных плах, размером в среднем 2,2 (2,1) x 2,2 (2,3) м. Эти камеры также ориентированы углами по сторонам света. В курганах 1 и 3 внутримогильные конструкции были собраны следующим образом: продольные стенки рам, сделанные из широких плах или обработанных брусев, толщиной до 40-50 см, снаружи имели скругленные торцы, внутренние стороны которых были снабжены специальными плоскими выемками, куда вставлены концы более тонких поперечных плах (рис.2; 4: 1). В кургане 2 рама имеет более простую конструкцию из четырех тонких бревен, положенных концами "впритык" друг к другу (рис.1: 4). Все камеры перекрыты такими же

Рис.2 Могильник Юрман I. Планы погребений. 1 – курган 1, могила 1; 2 – курган 1, могила 2.
Fig.2. Yurman I. Plans of burials: 1 – mound no.1, burial no.1; 2 – mound no.1, burial no.2.

плахами или обработанными досками, уложенными с интервалами в направлении юго-запад – северо-восток. Эти плахи покрыты сверху берестой. На некоторых из наиболее массивных плах, образующих раму, сделаны зарубы в виде 3-4 параллельных линий, вероятно, для разметки плах при доставке их к месту захоронения. Дно камер – грунтовое, с меловой подсыпкой.

В курганах 1 и 3 зафиксированы деревянные столбы, диаметром 15–20 см, опирающиеся нижним концом на перекрытие камер, а верхним, судя по сохранившимся остаткам, выходящие на уровень древней поверхности. В каждом из погребений в кургане 1 было установлено по два таких столба на расстоянии 0,20 и 0,55 м друг от друга, а в кургане 3 – один столб у северо-западной стенки могильной ямы (рис. 2; 4:1).

Раскопанные курганы отличаются друг от друга обрядом погребения. В двух из них (курганы 1 и 3) обнаружены трупосожжения, причем кремация совершена на стороне. В каждом из погребений кургана 1 находился прах двух кремированных людей, а в кургане 3 – прах одного. В момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размером 0,5 x 0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно, первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки (рис. 2:1; 4:1). Около всех трупосожжений в углах погребаль-

ных камер были поставлены глиняные сосуды, причем, на одном из них (курган 1, могила 1) сохранилась круглая деревянная крышка (рис. 2:1). В кургане 3, где обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками, найдено шесть сосудов – четыре и два соответственно в западном и северном углах погребальной камеры (рис.4: 1).

В кургане 2 зафиксирована ингумация. Умерший мужчина 35–40 лет – лежал в скорченном положении на левом боку, его ноги были сильно подогнуты, руки сложены перед “лицом”, голова ориентирована на юго-запад (рис. 1:4). Фаланги пальцев рук и ног, а также кости предплечья скелета окрашены охрой. За головой погребенного и в западном углу камеры находились два крупных глиняных сосуда. Под одним из них лежал бронзовый черешковый кинжал с листовидным клинком с продольной nervurой и слегка намеченным перекрестием. Здесь же, а также в северном углу камеры найдены ребра животного, костяные круглые бляшки и несколько мелких, практически не сохранившихся, деревянных предметов неизвестного назначения.

Основную часть погребального инвентаря из раскопанных курганов составляет керамика. Серия сосудов небольшая, но достаточно показательная, как с точки зрения общей культурной характеристики, так и специфики данного памятника. Керамический включает 12 сосудов, среди которых морфологически к типу “классических” андроновских горшков относятся – 4, к банкам открытого типа с прямыми

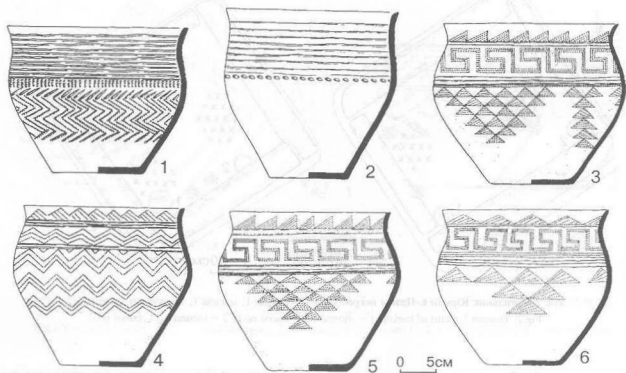

Рис.3 Могильник Юрман I. Керамика. 1,2 – курган 3 (1 – сосуд № 1, 2 – сосуд № 5); 3-6 – курган 1 (3- могила 2, сосуд № 2; 4 – могила 2, сосуд № 1; 5 – могила 1, сосуд № 2; 6 – могила 1, сосуд № 1).

Fig.3. Yurman I. Ceramics: 1,2 – mound no.3 (1 – vessel no.1; 2 – vessel no.5); 3-6 – mound no.1 (3- burial no.2, vessel no.2; 4 – burial no.2, vessel no.1; 5 – burial no.1, vessel no.2; 6 – burial no.1, vessel no.1).

стенками – 2; остальные сосуды по степени профилировки не отличаются четко выраженными признаками.

Горшки из кургана 2 выделяются крупными размерами и характером орнаментальных композиций, выполненных в “меандровом” стиле, (высота их равна диаметру устья; сосуд №1 – 31 см, сосуд №2 – 30 см). Венчики орнаментированы заштрихованными косыми треугольниками, поле плечиков, отделенное каннелюрами, на одном сосуде заполнено соединенными фигурами в виде неполной “свастики” (рис.1: 3), на другом – изображениями в виде “змейки” (рис.1: 2). Тулово декорировано сложным меандровым узором, обрамленным зигзагообразной лентой из заштрихованных треугольников. Придонная часть сосудов украшена каннелюрами, в одном случае, кроме каннелюр, имеется цепочка заштрихованных равнобедренных треугольников (рис.1: 3). Размеры и богатство декоративного убранства сосудов, наряду с другими признаками (наличие кинжала, обряд трупоположения) подчеркивают особый социальный статус погребенного в кургане 2.

В кургане 1 каждому погребенному было поставлено по одному сосуду одинакового размера, причем горшки в могиле 1 имели одно-

типный орнамент: заштрихованные треугольники по венчику, меандр по плечикам и гирлянды обращенных вершинами вверх треугольников по тулову (рис.3: 5,6). Эти узоры отличаются только формой треугольников в зоне венчика: на одном сосуде они – косые, а на другом – равнобедренные. Для последнего сосуда характерна более “небрежная” манера как в исполнении орнамента, так и выделке внутренней поверхности. Типологически близкий сосуд был обнаружен в могиле 2: косые треугольники на венчике, однотипный меандр на плечиках и пояс из гирлянд треугольников на тулове, причем, в последнем случае раппорт был явно нарушен (рис.3: 3). Другой сосуд из этой могилы украшен по венчику заштрихованными треугольниками, а по плечикам и тулову четырьмя зигзагами из трех линий, выполненных гребенчатым штампом (рис.3:4). Идентичность типолого-морфологических признаков и размеров сосудов в двух могилах кургана 1 не только определяют их общую культурно-хронологическую принадлежность, но и, вероятно, указывают на определенную социальную или кровно-родственную близость погребенных.

Сосуды из кургана 3 более разнообразны как по форме, так и по характеру орнамента-

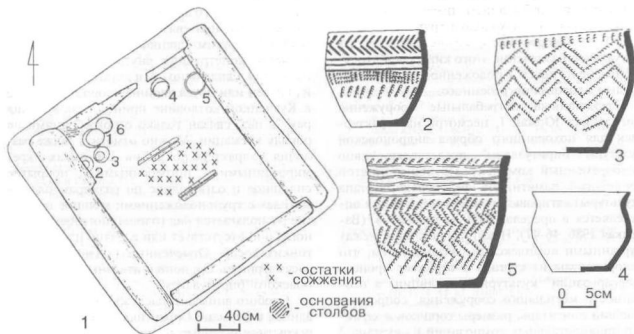

Рис.4. Могильник Юрман-1, курган 3. 1 — план погребения; 2-5 — керамика (2 — сосуд № 3, 3 — сосуд № 6, 4 — сосуд № 2, 5 — сосуд № 4).

Fig.4. Yurman I, mound no.3: 1 — plan of burial; 2-5 — ceramics (2 — vessel no.3; 3 — vessel no.6; 4 — vessel no.2; 5 — vessel no.4).

пии. По высоте они образуют три пары. У первой пары (сосуды №№1 и 5) этот показатель такой же, как и у сосудов из кургана 1 (рис.3; 1; 2). На обоих сосудах венчик украшен широким поясом каннелюр. На одном из них орнаментальная композиция этим ограничена, на другом она включает также пояс горизонтальной "елочки", выполненной гребенчатым и гладким штампами на тулове (рис.3: 1). Вторая пара сосудов (№№ 4 и 6) представлена банками. На одной из них по обрезу и верхней части венчика нанесены оттиски гребенчатого штампа, ниже располагается пояс каннелюр и заключает композицию покрывающая все тулово сосуда горизонтальная "елочка" (рис.4: 5). Второй сосуд украшен вертикальной "елочкой"; образованные ею треугольники в зоне венчика дополнены расположенными вертикально оттисками гребенчатого штампа (рис.4: 3). Третья пара представляет самые низкие сосуды из этой могилы — гладкий горшок с отогнутым венчиком - № 2 (рис.4: 4) и сосуд баночной формы со сложной орнаментальной композицией (№ 3). Она включает горизонтальную "елочку" в зоне венчика, бороздки, пояс из мотивов "паркетного" орнамента и ряд наклонных оттисков штампа (рис.4: 2). Для всех декорированных сосудов из

кургана 3 характерно использование крупнозубчатого штампа, что, наряду с другими признаками (некоторая "небрежность" исполнения, нарушение раппорта и границ поясов, орнаментированный срез венчика, введение в композицию "паркетного" мотива), придает этой серии сосудов черты своеобразия, что, возможно, связано с привнесением инкультурных традиций. В этом отношении интересно, что некоторые признаки рассматриваемых сосудов напоминают баночную керамику из могильника "Стрелка" на севере Хакасии, орнаментация которой рассматривалась как отражение андроновского влияния на окуневскую культурную традицию в северных районах ее распространения (Савинов 1981: 114-115). Не исключено, что особенности керамики могильника Юрман I вообще были характерны для части андроновских племен в смежных районах Минусинской и Кузнецкой котловин; однако, данное предположение требует специального обоснования.

Из других находок особое внимание следует обратить на бронзовый кинжал из кургана 2. Случай находки кинжала в погребении андроновской культуры на юге Западной Сибири — явление исключительное. Кинжал из Юрмана I

имеет плохую сохранность, металл хрупкий, сильно метаморфизированный, что возможно, объясняется пребыванием предмета в огне, хотя под курганом находилось труположение (рис. 1: 1). Скорее всего, можно предполагать ритуальное назначение этого кинжала, находящегося не на поясе, а положенного вместе с сосудами в головах погребенного.

Раскопанные погребальные сооружения могильника Юрман I, несмотря на характерный для похоронного обряда андроновской культуры "биритуализм", представляют явно одновременный комплекс. По общепринятой хронологии памятников фedorовского этапа (культуры) датировка их в Южной Сибири определяется в пределах XIII-XI вв. до н.э. (Вадецкая 1986: 46-47). Некоторые отличия между курганными комплексами связаны с тем, что декор посуды из кургана 3 отражает процесс "варваризации" культурной традиции, а особенности могильного сооружения, сопровождающий инвентарь, размеры горшков и характер орнаментальных композиций из кургана 2 определяют, по-видимому, социальный статус погребенного.

Анализ рассматриваемых материалов в системе известных андроновских погребальных комплексов Кузнецкой котловины позволяет отметить такие специфические черты курганов могильника Юрман I, как нахождение в углу погребальной камеры двух и более сосудов (курганы 2 и 3), помещение в могилу кинжала (курган 2), случаи трансформации декоративных композиций (курган 3). Вместе с тем, исследованные курганы характеризуются рядом признаков, свойственных и другим андроновским памятникам Кузнецкой котловины. Некоторые из них имеют распространение и в более широких пределах андроновского ареала, прежде всего — в лесостепных районах. Одним из таких признаков является заполнение могильных ям материковым грунтом, в результате чего они выделяются как на уровне погребенной почвы, так и на уровне материка белым прямоугольным пятном (установлено, что лесовый и супесчаный грунт в перекопанном виде в течении нескольких дней приобретает беловатый цвет и пылевидную структуру). Впе-

рвые на это обратил внимание В.В. Бобров при раскопках могильников андроновской культуры — Титовского и Танай I. Во всех случаях такие погребения связаны с обрядом трупосождения. Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильного сооружения в виде одно- или двухщелевой рамы из бревен или бруса хвойных пород. При этом в Кузнецкой котловине принцип сооружения рам "в паз" связан только с погребениями по обряду кремации. Можно отметить также различия в характере покрытия. В могилах с крематорными погребенными покрытие сплошное и однородное по размерам плах; в могилах с труположениями мощное покрытие располагается над головой погребенного, в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок. Отмеченные признаки можно рассматривать как дополнительные для андроновского "биритуализма".

Особого внимания заслуживает зафиксированная в Юрмане I практика установки на перекрытиях внутримогильных сооружений деревянных столбов, доходящих до уровня древней поверхности. Подобные столбы встречаются не только в погребениях Кузнецкой котловины (Бобров, Михайлов 1989), но и в захоронениях Среднего Енисея, где они известны наряду с каменными столбами (Рахионов 1968: 70-75; Максименков 1978: 42-44; Киселев 1935: 206-210). Столбы в андроновских погребальных сооружениях по своему значению сопоставимы с другими видами вертикально установленных "знаков", в частности, оленными камнями и стелами предшествующей и последующей эпох (Бобров 1992а). В каждом погребении со столбами отчетливо выявляется семантическая "связка" из трех компонентов: остаток сожжения — сосуд — вертикально установленный над ними столб или иной "знак" — "коммуникативная ось" для общения мертвых и живых?

Дальнейшие раскопки могильника Юрман I должны привести сделанные наблюдения в определенную логическую систему, но удивительная "аура" духовной культуры андроновцев-индоиранцев ощущается и на этом этапе исследования памятника.

Бобров, В.В. 1992. Кузнецко-Салаирская область в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.
1992а. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова: 54-57. Петербург.

Бобров, В.В., Ю.И. Михайлов. 1989. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье // Рукопись депонирована ИНИОН, № 38518 от 26.06.1989. Москва.
Вадецкая, Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград.
Грязнов, М.П. 1927. Погребения эпохи бронзы в Западной Казахстане // Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных Республик. Ленинград.

1956. Древняя история племен Верхней Оби // Материалы и исследования по археологии СССР 48: 14-25. Москва-Ленинград.
- Зданевич, Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Кирюшин, Ю.Ф. 1985. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири: 46-53. Новосибирск.
- Киселев, С.В. 1935. Андроновские памятники близ с.Усть-Ерба в Хакасии // Советская этнография 3-4: 206-210.
- Камарова, М.Н. 1962. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа: 50-75. Ленинград.
- Косарев, М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // Советская археология 2: 242-246. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. Москва.
- Кузьмина, Е.Е. 1975. О соотношении типов андроновских памятников (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии: 220-230. Москва.
1985. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Материалы ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 9: 23-33. Москва.
1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии в эпоху бронзы // Вестник древней истории 2: 35-59.
- Максименков, Г.А. 1978. Андроновская культура на Енисее. Ленинград.
- Матюшенко, В.И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. 11 Томск.
- Молодин, В.И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Потемкина, Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Приобья. Москва.
- Рахимов, С. 1968. Андроновская стоянка и могильник на р.Сыде (Красноярский край) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 114: 70-75.
- Савинов, Д.Г. 1981. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы: 111-117. Новосибирск.
- Сальников, К.В. 1951. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии СССР 21: 94-151. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. Москва.
- Стоколов, В.С. 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. Москва.
- Теплухова, С.А. 1927. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии III/2: 57-112. Ленинград.
1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии IV/2: 41-62. Ленинград.
- Федорова-Давыдова, Э.А. 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири: 133-152. Москва.

ANDRONOVO MOUNDS AT YURMAN I BURIAL GROUND, WEST SIBERIA

Andronovo Culture has become a focus of attention due to its vast distribution area spreading over the steppe and forest-steppe of southern Urals, Central Asia, Kazakhstan, West and South Siberia, as well as to the historical impact produced by the emergence of Andronovo cattle-breeders especially in the eastern and northern parts of their range, to their mysterious origins, and to unresolved issues related with their linguistic and cultural affinities.

The principal aspects of Andronovo studies in the eastern region of West Siberia are local peculiarities of funerary rites and ceramics ornamentation. The use of new approaches, taking into consideration sex dimorphism, social criteria etc., has resulted in two hypotheses, one focusing on cultural transformation in the lowland forest-steppe regions like Baraba and Tomsk area (Bobrov, Mikhailov 1989:103), another stressing cultural homogeneity in the hollows separated by mountain ranges (Bobrov 1992:35). However, more archaeological data, especially from the mountainous zone, are required to arrive at definite conclusions. The area of particular importance is the Kuznetsk Hollow, which, despite being

relatively isolated by taiga and mountain ranges, had stronger links with the Upper Ob forest-steppe than had the Chulym-Yenisey or Syda-Yerba hollows. One of the recently excavated burial grounds in this region is Yurman I, situated on an elevated smooth plateau, 5 km east of Kamenka village, Promyshlenny district, Kemerovo province. Apart from twenty large medieval mounds (Yurman II), those representing Andronovo Culture, ten to twelve in number, were discovered here (Yurman I).

In 1993, three mounds of Yurman I group were excavated. Mound No.1 contained two burials (Nos.1 and 2), while mounds Nos. 2 and 3 contained one burial each. The grave pits were square in plan, 2.4 m by 2.4 m, and 2.8 m by 2.8 m. They had slightly rounded corners which were directed towards the cardinal points. The graves were 1.6-1.95 m deep, and in their lower parts 0.25-0.3-metre-wide subsoil steps were left on which the roofs of the burial chambers rested (Fig.1:4; Fig.2:1,2; Fig.4:1).

The burial constructions were rectangular (or almost square) frames made of massive larch-wood

blocks 2.1 m by 2.2 m and 2.2 m by 2.3 m in size. The roofs in all chambers consisted of similar widely spaced blocks oriented SW-NE and covered with large sheets of birch-bark. In mounds Nos.1 and 3, there were wooden poles 15-20 cm in diameter. Their lower ends rested on the roofs of the chambers, while the upper ones, judging by the preserved remains, reached the ancient surface (Fig.2; 4:1).

Mounds Nos.1 and 3 contained remains of cremations made elsewhere. In each of the burials in mound No.1 there were remains of two cremations, and one in mound No.3. The ashes were initially placed in special wooden frames (Fig.2;4:1). Beside them, clay pots were placed in the corners of the burial chambers (Fig.2;4:1).

Mound No.2 contained an inhumation burial (a flexed skeleton of a male aged 35-40 lying on the side) (Fig.1:4). Phalanges of hands and feet, as well as the forearm bones were painted with ochre. Behind the skull there were two large clay vessels, and under one of them, a bronze tanged dagger (Fig.1:1). Here and in the northern corner of the chamber, ribs of an animal were found, as well as round bone plaques, and several small wooden objects of an unknown destination.

Altogether there were twelve vessels in the graves (Fig.1:2,3; 3; 4:2-5).

Pots from mound No.2 stand out by their large size and ornamental compositions made in the "meander" style. These two features as well as the presence of a dagger and the fact that the body was cremated attest to the buried person's special status.

Similarity of morphological traits and size of vessels from the two graves in mound no.1 not merely indicates that they belong to the same culture and period, but suggests that the buried persons had the same social status or were relatives.

Vessels from mound no.3 are decorated with

impressions of a comb with sparse teeth. This, together with other characteristics (careless manner of decoration, ornamented rim, parquet designs), makes the group rather peculiar and is possibly due to the influence of an alien tradition. Notably, in some of these features, vessels from mound no.3 resemble jar-like pottery from Strelka burial ground, northern Khakassia, which is believed to evidence Andronovo influence on Okunev tradition in the northern parts of the latter's distribution area (Savinov 1981:114-115).

The dagger in an Andronovo burial (fig.1:4) is a find highly unusual for southern West Siberia. Because it was lying together with the vessels near the skull, rather than being attached to the belt, its function was most likely ritual.

Burials at Yurman I are a synchronous association and should be dated to 1300-1000 BC (Vadetskaya 1986:46-47).

Features peculiar to Yurman I are these: (1) two and more vessels placed in the corner of the burial chamber (mounds nos.2 and 3), (2) dagger (mound no.2), and (3) transformation of decorative patterns (mound no.3). At the same time, there are several traits which are characteristic of other Andronovo sites in Kuznetsk Hollow. Some traits have an even wider distribution within the territory occupied by Andronovo people. These include the filling of grave pits with earth taken from the subsoil, burial constructions in the form of frames consisting of one or two rows of beams (round or squared) made of coniferous trees.

Especially noteworthy are wooden pillars vertically placed on the roofs of the burial constructions and reaching the ancient surface level. The stable association of these pillars with cremation burials and vessels suggests that they might have symbolized an "axis" for the communication of the dead with the living.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВТОРОГО КУРГАНА МОГИЛЬНИКА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АК-АЛАХА I

Н.В. ПОЛОСЬМАК*

Третий год Южноалтайский отряд Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН проводит исследование пазырыкских курганов на Алтае в высокогорном урочище Бертек, расположенном на границе с Китаем и Монголией. Погребальные камеры обнаруженных здесь курганов раннего железного века, как правило, располагаются в замерзшем грунте. При исследовании этих памятников обнаружены уникальные находки, обязанные своей сохранностью мерзлоте.

В 1990 году в могильнике Ак-Алаха I был раскопан курган 1, в котором похоронены знатные мужчина и женщина (Polosmak 1991; Полосьмак 1992). Ступа два года был исследован курган 2, насыпь которого примыкала к насыпи кургана 1. В нем было найдено богатое погребение мальчика 8 лет.

Насыпь кургана 2 (диаметр 11 м, высота 40 см от уровня современной дневной поверхности) была сложена из крупного галечника, который перекрывал землю, вынутую из могильной ямы. Овальная могила (2,4 x 3,6 м), вытянутая по линии северо-восток-юго-запад, занимала большую часть внутренней площадки кургана. Она была заполнена крупными и мелкими камнями, уложенными плотными рядами вперемежку с грунтом. Могила была окружена овальной оградкой, сложенной из крупных валунов.

На глубине около 1 м в могиле начался слой мерзлоты. На глубине 1,82 м от уровня древней дневной поверхности вдоль северной стенки могильной ямы был обнаружен скелет лошади, на животе, с подогнутыми ногами. В зубах коня были железные удила, лобная часть его черепа пробита ударом чекана.

Погребение ребенка находилось в деревянном срубе (95 x 200 см) на глубине 2,16 м от уровня древней дневной поверхности. Дно ямы под срубом плотно выложено мелкой зеленова-

той галькой. Сруб, сложенный из тонких бревен, полностью промерз и был сильно деформирован камнями, несмотря на то, что имел два перекрытия. Пространство между стенками могилы и срубом было плотно забутовано камнями. Под перекрытиями сруба лежал скелет ребенка в скорченном положении на правом боку.

Перед лицевой частью черепа лежали фрагменты раздавленного глиняного сосуда, вблизи черепа находился также крестец барана (деревянное блюдо, на котором он должен был находиться, вероятно, не сохранилось). Над черепом была найдена золотая фольга от головного убора. Ниже вдоль черепа лежали сделанные также из золотой фольги нашивки на головной убор с отверстиями для пришивания. Справа, под черепом, была найдена массивная золотая серьга (рис. 4). Шею умершего обвивала гривна в полтора оборота, сделанная из бронзовой трубочки, покрытой золотой фольгой (рис. 4). На костях грудной клетки погребенного найден фрагмент меховой одежды. Возле пояса находились бронзовые вещи: чекан с остатками деревянной рукоятки, кинжал в деревянных ножнах, крючок, обломки двух парных деревянных пряжек. Рядом со стопами, острыми вниз, лежали восемь костяных наконечников стрел. Благодаря мерзлоте сохранилась часть руки ребенка.

В детских погребениях пазырыкской культуры не находят ничего специфически "детского". Головной убор ребенка из могильника Ак-Алаха I аналогичен шлемам найденным в погребениях взрослых кургана 1 того же могильника. Сохраняющаяся часть навершия детского шлема, сделанная из золотой фольги, представляет собой стилизованное изображение головы птицы, к макушке которой, с помощью специальных дырочек, прикреплена фигурка рогатой лошади (рис. 1). Такой головной убор, форма

* Россия. Новосибирск. 630090. Проспект академика Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии. Сибирское отделение РАН.

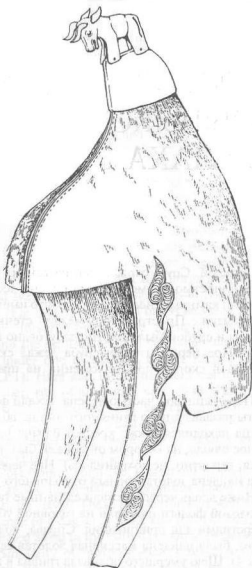

Рис.1. Реконструкция головного убора ребенка из погребения кургана 2 могильника Ак-Алаха I

Fig.1. Ak-Alakha 1 mound no.2: headdress of a child.

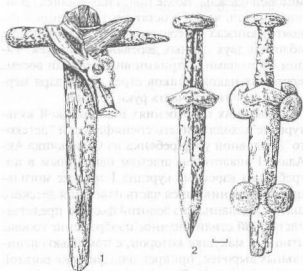

Рис.2. Вещи из детского погребения кургана 2 могильника Ак-Алаха I: 1 — чекан; 2 — кинжал (бронза) и ножны (дерево).

Fig.2 Ak-Alakha 1 mound no.2: 1 — pickaxe; 2 — bronze dagger and wooden sheath.

которого восстановлена по экземпляру сохранившемуся в первом Ак-Алахинском кургане, был показателем высокого социального ранга тех пазырыкцев, которые составляли наиболее почитаемую воинскую прослойку общества. Погребения мужчин в аналогичных шлемах известны в Уландрыкских, Юстыдских, Ташангинских и Сайлюгемских курганах (Кубарев 1987:98-100; 1991:106-108; 1991a:101).

Круглообушковый бронзовый проушной чекан длиной 12,5 см имеет круглый в сечении боек. Это изделие является уменьшенной копией "взрослого" чекана. Сохранившаяся часть его деревянной рукоятки, которая была оклеена тонкой кожей, закреплена во втулке с помощью деревянного клина. Чекан крепился к поясу при помощи кожаной петли, имевшей резной конец в виде стилизованной головки грифа. В петлю была продета застежка из клыка кабана (рис. 2:1). Такой способ крепления уже неоднократно фиксировался в пазырыкских погребениях (Могильников 1983:28,31-32, рис. 2:6; 5:8,6; Кубарев 1987:279, табл. XXVIII: 2). Способ ношения и крепления оружия — одна из важных характеристик культуры, которая очень редко фиксируется в археологическом материале. В рассматриваемом погребении обнаружен прекрасно сохранившийся экземпляр, позволяющий проследить все детали крепления ремней. Чекан, несмотря на его небольшую величину, возможно являлся боевым оружием. Об этом свидетельствуют качество его изготовления и тщательность крепления к поясу.

Бронзовый кинжал, длиной почти 17,5 см, также является уменьшенной копией настоящего оружия. Он имеет прямую рукоять с грибовидным навершием, сердцевидное перекрестие и широкий клинок ромбического сечения (рис. 2:2). Ножны кинжала состоят из двух частей — деревянной — внешней и кожаной — внутренней. Нижняя часть ножен не сохранилась. На верхней части ножен, у эфеса, вырезаны два выступа, такая же пара выступов имеется посередине ножен. Передняя часть ножен покрыта сверху кожаным чехлом, дублирующим их форму. Сверху на обе пары выступов, имитирующих концы охватывающих обойм, прикреплены круглые деревянные пуговицы (рис. 2:2). Внутри деревянная часть ножен имеет врезной паз, повторяющий форму клинка. Внутренняя часть ножен сделана из толстой кожи и повторяет форму деревянной части. И кинжал, и ножны из детского погребения в Ак-Алаха имеют широкий круг аналогий в захоронениях пазырыкской культуры юго-восточного Алтая, отличаясь, главным образом, лучшей сохранностью.

На умершем был кожаный пояс, шириной 2,5 см. Его лицевая часть украшена продерну-

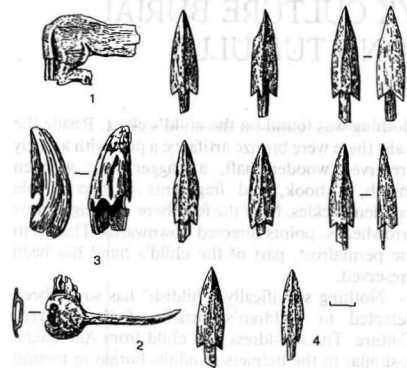

Рис. 3. Вещи из детского погребения кургана 2 могильника Ак-Алаха 1: 1 — обломок деревянной пряжки; 2 — бронзовый крючок; 3 — просверленный клык кабана; 4 — костяные наконечники стрел.

Fig.3. Ak-Alakha 1 mound no.2: 1 — fragment of wooden buckle; 2 — bronze hook; 3 — pierced canine of a boar; 4 — bone arrowheads.

тым крест на крест шнурком из замши. На поясе находились две парные, плохо сохранившиеся деревянные пряжки, в виде фигурок зверей (рис. 3:1). Следует отметить, что пряжки с изображениями зверей — большая редкость в пазырыкских погребениях, а в детских могилах они не были найдены ни разу. Пояс являлся важной частью костюма воина, показателем его социального статуса, а деревянные пряжки, особенно с резными изображениями, указывают на принадлежность умершего к воинской верхушке.

Бронзовый крючок, крепившийся к поясу, возможно был связан с несохранившимся колчаном (рис. 3:2). В погребении найдено восемь костяных черешковых трехгранных наконечников стрел, длиной от 4 до 5 см (рис. 3:4). Все они обнаружены в одном месте и, вероятно, лежали в колчане. Раздавленный небольшой кувшин, тулово которого покрыто налепными рассеченными валиками, также находился в захоронении ребенка.

Описанное детское погребение датируется V-III вв. до н.э. Наблюдения за взаиморасположением насыпей обоих Ак-Алахинских курганов

Рис. 4. Бронзовая покрытая золотой фольгой гривна и золотая серьга из детского погребения кургана 2 могильника Ак-Алаха 1.

Fig.4. Ak-Alakha 1 mound no.2: bronze spiral covered with golden foil and golden earring.

позволяют сделать вывод, что курган 2, под которым был похоронен ребенок, сооружен позже кургана 1.

Детские погребения пазырыкской культуры как и захоронения взрослых, отличаются значительным разнообразием похоронного обряда. Ребенок, погребенный во втором Ак-Алахинском кургане, происходил из семьи, вероятно, входившей в воинскую элиту кочевнического общества. Погребальная камера кургана 2 и насыпь над нею аналогичны сооружениям, предназначенным для похорон взрослого человека. Особенность детского погребального обряда могильника Ак-Алаха заключается в том, что каменная насыпь кургана 2 была вплотную пристроена к кургану 1, подчеркивая тем самым зависимость ребенка от похороненных в нем взрослых людей, и, возможно, указывая на их родственную связь. Соседство детских и взрослых погребений, прослежено во всех пазырыкских могильниках Восточного Алтая (Руденко 1953:15, рис.2 - курган 7, погребение ребенка; Кубарев 1987:28 и сл.). Погребения детей обычно были включены в общую цепочку курганов.

Кубарев, В.Д. 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск. 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск. 1991a. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.

Могильников, В.А. 1983. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая: 3-39. Горно-Алтайск.

Полосьмак, Н.В. 1992. Курган с "замершей" могилой в Горном Алтае // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР, серия история, филология и философия 1: 26-36.

Руденко, С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва-Ленинград.

Polosmak, N. 1991. Un nouveau kourgane à "tombe gellé" de l'Altai (rapport préliminaire) // Arts Asiatiques XLVI: 5-13.

AK-ALAKHA I, A PAZYRYK CULTURE BURIAL GROUND: THE SECOND TUMULUS

For the third consecutive year, the South Altai Expedition of the Novosibirsk Institute of Archaeology and Ethnography has been excavating Pazyryk Culture (Early Iron Age) tumuli at Bertek, highland Altai, in an area bordering on China and Mongolia. Burial chambers are normally situated in the frozen ground. Finds were made whose unique preservation is due to permafrost. In 1990, mound no. 1 was excavated at Ak-Alakha I group where two high-ranking persons, a man and a woman, were buried (Polosmak 1991, 1992). Two years later, mound no. 2, adjoining the first one and containing a rich burial of an eight-year-old boy, was excavated.

The second mound was 11 m in diameter, its height being 40 cm above the modern surface. It was constructed of large pebbles which covered the earth taken from the grave. The oval grave, 2.4 m by 3.6 m, was oriented NE to SW and occupied most of the inner area of the mound. It was filled with large and small pebbles densely placed in rows and interspersed with earth. The grave was enclosed by an oval line of large stone slabs.

At a depth of approximately 1 m, the permafrost layer began. At 1.82 m from the ancient surface, a skeleton of a horse was discovered lying along the northern wall of the grave pit. The animal was placed on its belly with legs bent. There were iron bits in its teeth, and in its frontal bone there was a hole made with a pick.

The body of the boy was placed in a wooden frame 95 cm by 200 cm at the depth of 2.16 m below the ancient surface. The bottom of the pit below the frame was densely paved with small greenish pebbles. The frame, made of thin logs, was frozen all through and badly deformed by stones, despite having a double roof. The space between the walls of the grave and the frame was densely packed with stones. Under the roofs of the frame, a child's skeleton was found lying in a flexed position on the right side.

Beside the facial part of the child's skull, there were fragments of a smashed clay pot. Also near the skull, a sacrum of a ram was found (a wooden dish on which it probably lay has not been preserved). Above the skull, golden foil from a headdress was discovered. Below it, along the skull, there were plaques (also made of golden foil) which had small holes and were apparently sewn on the headdress. To the right of the skull, below it, a massive golden earring was found (fig. 4). On the child's neck there was spiral of one a half coils, made of a bronze tube covered with golden foil (fig. 4). A fragment of fur

clothing was found on the child's chest. Beside the waist there were bronze artifacts: a pick with a partly preserved wooden haft, a dagger in a wooden sheath, a hook, and fragments of two double wooden buckles. Near the feet there were eight bone arrowheads, points directed downwards. Thanks to the permafrost, part of the child's hand has been preserved.

Nothing specifically "childish" has so far been detected in children's burials of the Pazyryk Culture. The headdress of a child from Ak-Alakha is similar to the helmets of adults buried in mound no. 1. The preserved part of top of the child's helmet, made of golden foil, is a stylized representation of a bird's head to whose top a figurine of a horned horse was attached by means of strings passed through special openings (fig. 1). This headdress, reconstructed on the basis of the specimen found in mound no. 1, was apparently an indicator of a high social status of the military caste. Burials of men in similar helmets have been excavated at Ulandryk, Yustyd, Tashangin, and Saylyugem (Kubarev 1987:98-100; 1991:106-108; 1991a:101).

The bronze socketed pick is round in section, and its length is 12.5 cm. This is a reduced replica of an "adult" pick. The preserved part of its wooden haft, covered with thin leather, was

fastened to the haft by means of a wooden wedge. The pick was attached to the belt with a leather loop which had a carved end shaped like a griffin's head. A clasp made of a boar's canine was passed through the loop (fig. 2:1). Such a way of fastening was more than once registered in Pazyryk burials (Mogilnikov 1983:28,31-32, fig.2:6; 5:8,6; Kubarev 1987:279, tab. XXVIII:2). The manner of attaching and carrying weapons belongs to the important characteristics of a culture, one which is very seldom evidenced by archaeological data. The specimen discovered at Ak-Alakha, excellently preserved, makes it possible to see all the details of fastening the belts. Despite its small size, the pick might have been a true weapon, as demonstrated by the quality of its manufacture and the care with which it was attached. The bronze dagger, 17.5 cm long, was also a reduced replica of a real prototype. It has a straight hilt with a mushroom-shaped top, a heart-shaped guard, and a broad blade, rhomboid in section (fig. 2:2). Its sheath consisted of two parts, an outer one, wooden, and an inner one, leather. The lower part of the sheath has not been preserved. On the upper part, near the hilt, two protrusions were carved, and a similar pair was made in the

middle. The front part of the sheath has a leather cover. Both pairs of protrusions, which imitate the ends of metal plaques fastening the sheath, have round wooden buttons attached to them (fig.2:2). The inside of the wooden part has a slot in which the blade was inserted. The inside of the sheath is made of thick leather and its shape is the same as that of the wooden part. Both the dagger and the sheath have numerous parallels among the burial assemblages of the Pazyryk type in southeast Altai. The Ak-Alakha specimens stand out as the best preserved ones.

The buried child had a leather belt, 2.5 cm wide. Its front part was ornamented by a suede string passed through the openings crosswise. Two poorly preserved wooden buckles, shaped like animal figurines, were attached to the belt (fig.3:1). Such buckles are quite rare in Pazyryk burials, and none have so far been met in children's graves. The belt was an important part of a warrior's costume, an indicator of his social position; wooden buckles, especially carved ones, apparently attest to the dead person's membership of a military elite.

The bronze hook fastened to the belt was probably related to the quiver, which has not been

preserved (fig.3:2). Eight bone tanged arrowheads, 4-5 cm long and triangular in section, were found in the grave, all in one place, so there probably was a quiver. Also found in the grave was a small smashed jug decorated with notched clay strips attached to its body.

The date of the burial should be estimated at 500-200 BC. Stratigraphic observations suggest that mound no.2 was constructed after mound no.1.

Pazyryk burials of children, like those of adults, are quite diverse. The child buried in Ak-Alakha mound no.2 evidently belonged to the family which was part of the military elite of the nomadic society. Both the burial chamber and the mound above it are similar to the constructions associated with burials of adults. The distinctive feature of the Ak-Alakha child's burial is that the stone mound constructed above it was closely adjacent to mound no.1, thus marking the child's dependence on the two adults and possibly attesting to their relationship. In all Pazyryk burial grounds in east Altai, burials of children adjoin those of adults (Rudenko 1953:15, fig.2: mound no.7, burial of a child; Kubarev 1987:28 ff.). Tumuli containing children's burials usually belong to the common chain of mounds.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГИЛ ПОЗДНЕТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХОВЬЯХ ЧУЛЫМА (РАСКОПКИ КУРГАНА 2 У ДЕРЕВНИ БЕРЕШ)

Э.Б. ВАДЕЦКАЯ*

Могилы тагарской культуры, являющиеся уникальными археологическими памятниками юга Красноярского края (Присяняне, Минусинские котловины), содержат десятки и сотни погребенных людей. Эти коллективные захоронения перекрыты, как правило, большими наземными сооружениями из дерева и земли. Тагарские курганы изучают уже более ста лет, но до сих пор неясно, как происходило заполнение усыпальниц покойниками. По мнению одних исследователей, тагарцы практиковали погребения в два этапа. Сначала умерших хоронили в одиночных могилах или где-то сохраняли тела, не зарывая их в землю. Спустя какое-то время трупы выкапывали или забирали из наземных хранилищ, чтобы перенести их в общую могилу. По мнению других исследователей, тагарские курганы являются родовыми склепами, куда в течение ста и более лет последовательно вносили покойников (Вадецкая 1983:53-55). Последняя версия наиболее популярна из-за простоты объяснения, почему в могилах оказалось так много скелетов. Между тем, именно ей противоречат порядок размещения вещей и покойников в усыпальницах, а также наиболее важные наблюдения. Во-первых, в склепах нет входов, через которые можно было бы периодически вносить мертвых. Во-вторых, в могилах захоранивали не только полные, но и неполные трупы (иногда части уже разложившихся мертвых тел) и даже кости скелетов с черепами. В-третьих, в центре могильных ям, поверх покойников, разводили костер и сжигали все останки в один прием. Однако известны

случаи, когда по какой-то причине, спустя много лет, уже заполненную погребальную камеру раскрывали и даже перестраивали, чтобы разместить в ней новую группу покойников. Вероятно, это не было связано с существовавшей традиционной практикой похорон и является косвенным аргументом в пользу версии о последовательности производимых захоронений.

В 70-80 гг. Сибирская археологическая экспедиция ИИМК РАН, работавшая под руководством автора этих строк на притоках Чулыма, в Шарыповском районе Красноярского края, исследовала более ста тагарских могил с коллективными захоронениями. Особое внимание при расчистке скелетов было обращено на их расположение. Наблюдения, сделанные в поле, привели меня к выводу о том, что тагарские склепы были изначально рассчитаны на одновременное захоронение нескольких покойников, а если камеру позднее вскрывали, то для того, чтобы уложить не одного-двух человек, а еще одну группу умерших людей (Вадецкая 1983:53-55). Предварительные результаты раскопок Сибирской экспедиции побудили и других археологов обратить внимание на степень сохранности останков людей к моменту их погребения. Такой подход позволил исследователям обнаружить случаи явных перезахоронений черепов и скелетов с черепами (Худяков, Хаславская, Тетерин 1988:47-50; Курочкин 1988:12-14, 1993:21). Но моделировать погребальный обряд тагарской культуры в целом преждевременно, так как он определяется не

* Россия, Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа.

только тем или иным культурнохронологическим периодом, но и зависит от социального статуса умершего.

Все коллективные могилы были ограблены. Скелеты, найденные в них, как правило, имели плохую сохранность. Кроме того, даже самые тщательные исследования не позволили установить первичную позу покойников, так как их размещали не только на полу камер, но и на специальных полах-лежанках, с которых они склывались. Поэтому для определения сроков, в течение которых в могилах производились захоронения, важны следующие компоненты погребального обряда: архитектура погребального сооружения, место для разведения костра, расположение в могилах керамики, наличие общих половов над покойниками и так далее.

Все эти детали погребального ритуала автору удалось изучить в 1982 г. при раскопках кургана 2 у деревни Береш, на правом берегу речки Береш (приток реки Урюп, впадающей в Чудым). В предварительных публикациях уже сообщалось, что в этом кургане впервые были найдены человеческие мумии и реконструирован способ их мумификации (Вадецкая 1986:86; Вадецкая, Гультов 1986:95-99). Кроме того, мумии были обнаружены при исследовании кургана 1, также расположенного у деревни Береш (Субботин 1983:64-66). В данной статье анализируются материалы, полученные при раскопках кургана 2. Комплекс кургана 1, ранее кратко опубликованный (Субботин 1983), привлекается в качестве аналогии.

Архитектура погребального сооружения кургана 2. Под курганом, параллельно друг другу, располагались две могильные ямы, выкопанные, видимо, одновременно, так как они разделены лишь узкой полосой земли шириной около 1,5 м и перекрыты общим настилом. Расположение выбросов материковой глины из ям, также свидетельствует о том, что они выкопаны одновременно. Меньшую южную яму копали с южной стороны, выбрасывая глину налево и направо от могилы. Большую северную яму копали с западной стороны, выкидывая землю к востоку и северу. В результате с трех сторон обеих ям образовались холмы из материковой глины высотой до 80-90 см, которые не перекрывали друг друга (рис. 1).

Южная яма (могила 2), площадь которой составляла 23 кв.м, имела почти квадратные размеры (5,5 x 4,5 м) и глубину около 2 м. Ее стены были обставлены небольшими, вертикально стоящими бревнами. На дне могилы стоял четырехвенцовый бревенчатый сруб. Дно сруба было выстлано берестой, поверх которой, в направлении с запада на восток, положены доски. Сруб не имел перекрытия, а могильная яма была закрыта двумя накатами бревен, при-

чем бревна нижнего наката ориентированы с севера на юг, а верхнего — с запада на восток. Для наката использованы бревна диаметром 40-60 см, а для сруба — диаметром 20-25 см. Высота сруба составляла 1 м. Размеры наката превышали размеры могильной ямы. Поверх наката, на площади 100 кв.м (10 x 10 м), была уложена береста, которая закрывала не только накат, но и значительную часть выброса материкового грунта, скопления которого в виде земляных бугров располагались вокруг ямы (рис. 2).

Северная, основная, яма (могила 1) площадь которой составляла 28 кв.м (6,5 x 4,6 м), имела глубину 2 м. Эта прямоугольная могила, ориентированная длинными стенками по линии север-юг, выстлана по дну берестой, поверх которой поперек уложены доски. Вдоль стен ямы вкопаны небольшие, стоящие вертикально бревна диаметром 20-25 см. Бревна, высота которых достигала 180 см, доходили почти до верхнего края могилы. Вплотную к ним поставлен срубленный в лапу четырехвенцовый бревенчатый сруб высотой 120 см. Между вторым и третьим венцами сруба вставлены края сколоченных полатей, сделанных в виде полок, ширину которых не удалось установить. Сруб имел перекрытие, сколоченное из поперечных плах шириной 25-35 см и толщиной до 10 см. Несгоревшая часть перекрытия (площадью 4 кв.м) вместе с находившейся на нем глиняной и деревянной посудой, рухнула на дно ямы (рис. 3). Яма была перекрыта тремя накатами бревен. Эта конструкция закрывала щели между бревнами накатов. Нижний накат сделан из коротких бревен, два верхних — из длинных (рис. 2). Бревна нижнего наката опирались на пять бревен верхнего наката южной ямы. Следовательно, сначала закрыли южную яму и сразу же велел за ней северную. На другие края северной ямы были специально уложены пять-шесть бревен, которые служили платформой для бревенчатых накатов. Следует отметить то обстоятельство, что каждый верхний накат был чуть меньше нижнего (на одно бревно с каждой стороны), что придало сооружению форму усеченной пирамиды. Первоначальная высота бревенчатых накатов над могилой составляла 160-200 см. Общая площадь бревенчатого сооружения над могилой составляла 114 кв.м. Сверху бревна были покрыты полотнищем бересты площадью не менее 120 кв.м, поэтому береста закрывала и значительную часть выброшенной из погребальной ямы земли. Полотнище сшито из кусков бересты различных размеров (от 30 x 30 до 60 x 70 см). Каждый кусок состоял из шести-восьми спрессованных слоев бересты. Ее заготавливали в конце мая или в июне и некоторое время держали под прессом.

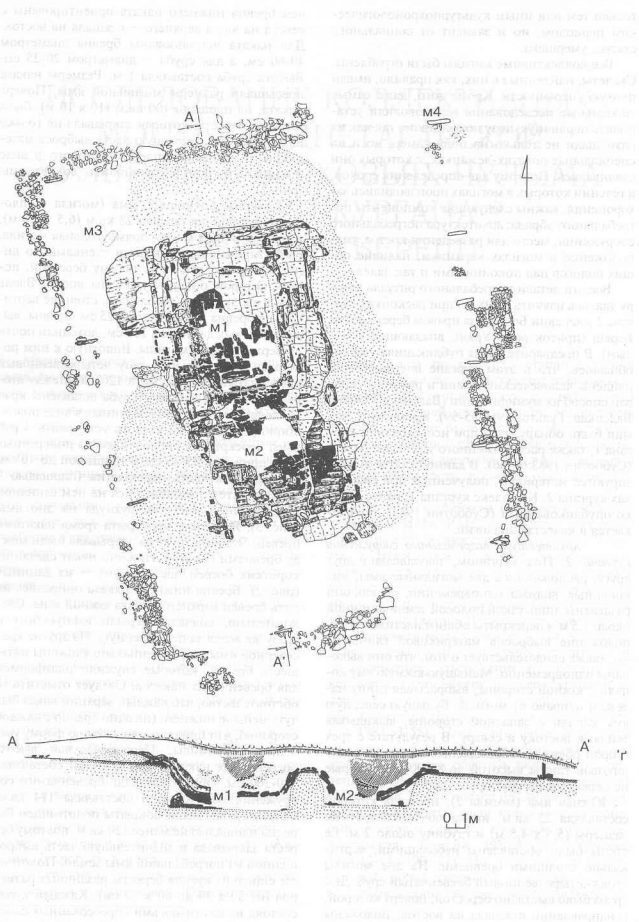

Рис. 1 Берешский курган 2. План ограды и надмогильных сооружений, разрезы могильных ям.

Fig.1. Beresh mound no.2. Plan of the stone wall and the mound; sections of graves.

Для строительства сооружения только над северной ямой потребовалось приблизительно 700-950 кв.м бересты, которую можно было получить, сняв кору с 700-900 берез (рис. 19: 1,2).

Проходы к ямам закрывались после внесения туда покойников. Проход к основной могиле, видимо, был оформлен в виде небольшого наземного коридора, сделанного из двух параллельных рядов вкопанных бревен, укрепленных мелкими каменными плитками. Сверху коридор был перекрыт короткими бревнами. Реконструкция этого прохода основана на находках двух сохранившихся вкопанными столбиках и нескольких коротких бревен, упавших сверху в свободное пространство коридора у западной стенки могильной ямы, а также на ее покрытии (рис. 2; 19:3).

В боковой части бревенчатого надмогильного сооружения грабители прорубили три наката, а бревна второго наката, очевидно, были прорублены изначально, образуя отверстие длиной в 1 м и шириной в толщину бревна, то есть 40-50 см (рис. 19:1). Это отверстие, соединяющее могилу с наземным проходом к ней, было слишком узко, чтобы через него пролезали, втаскивая внутрь покойников. Вероятно, оно обеспечивало тягу при сожжении погребальной камеры. Можно не сомневаться в том, что камеру сожгли, разведя костер внутри ее, поскольку бревна в могиле обуглены, тогда как над могилой они обожжены лишь снизу, а большинство верхних бревен наката и большая часть бересты вообще не тронута огнем. Камера могла гореть лишь при условии постоянного доступа в нее воздуха через прорубленное сверху отверстие и горела до тех пор, пока упавшие сверху бревна не закрыли его, прекратив доступ кислорода в склеп. Но одного отверстия в верхней части наката было мало для сожжения огромного бревенчатого сооружения. Второе узкое отверстие в боковой части наката помогало разгореться костру.

Крытый берестой верхний накат над могилой дополнительно закрыт кусками нарезанного дерна. Такие же брикеты дерна уложили и поверх огромных отвалов материкового грунта, вынутаго из земли во время рытья ямы. Толщина дерновой кладки была не менее 1 м. Общая высота "кургана" достигала 2,5-3 м, а диаметр — примерно 20 м. Почти вилотную к этой насыпи поставили каменную ограду, под нижними плитами которой местами прослеживалась материковая глина, выброшенная из ям. Прямоугольная ограда (28 x 20 м), ориентирована длинными стенами с севера на юг. По ее углам и вдоль стен вкопано 16 стел на одинаковом расстоянии друг от друга. Пространство между стелами заложено плоскими плитами песчаника размерами до 50-70 см. Ширина этой кладки

Рис. 2 Берешский курган 2. План бревенчатых покрытий могильных ям.

Fig. 2. Beresh mound no. 2. Plan of the roofs of the burial

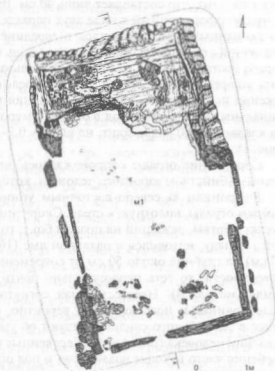

Рис. 3 Берешский курган 2. Перекрытие сруба 1 с деревянными блодами и керамикой.

Fig. 3. Beresh mound no. 2. Roof of frame no. 1 with wooden dishes and ceramics.

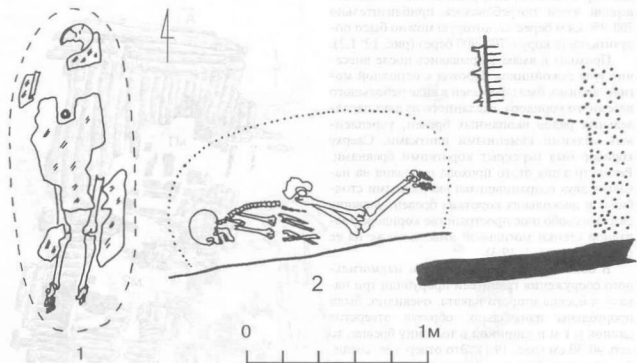

Рис. 4 Берешский курган 2. 1 — впускное погребение в насыпи; 2 — захоронение умерщвленного человека у углового камня ограды.

Fig.4. Beresh mound no.2. 1 — later burial made in the mound; 2 — burial of a sacrificed person near the corner stone of the wall.

достигала 1,7-2 м, высота — не менее 2 м. Ограда была разобрана и сохранилась на высоту пяти рядов плит, что составляет лишь 40 см. Вход в ограду, оформленный в виде двух параллельно вкопанных плит, находился в середине ее восточной стороны. Этим входом, площадь которого составляла 8 кв.м, очевидно, пользовались во время строительства ограды. После сожжения погребальных камер и окончания поминальных церемоний вход в ограду замуровали кладкой из 10 рядов плит, на высоту 0,7-1 м (рис. 1).

Сооружение ограды сопровождалось ритуальным убийством взрослого человека, которого похоронили за северо-восточным угловым камнем ограды, вплотную к стене. Скорченный скелет жертвы, лежащий на правом боку, головой к западу, находился в овальной яме (160 x 80 см) на глубине около 50 см от современной поверхности, то есть первоначально почти на земле (могила 4). Неестественная согнутость позвоночника и нож, который, вероятно, остался в теле убитого свидетельствуют об умерщвлении человека (рис. 1;4:2). Жертвенные погребения часто находят возле оград и под оградками, окружавшими тагарские могилы с коллективными захоронениями.

В юго-западной части расплывшейся насыпи кургана найдено еще одно погребение взрослого человека, скелет которого закрыт бе-

рестой. Дата этого захоронения не определена, так как на груди покойника лежало лишь плоское железное кольцо. Вероятно, эта могила (3) не относится ко времени сооружения насыпи (рис. 4:1).

Погребальный обряд. Южная могила (2) была сильно потревожена. Грабители перекопали северную половину погребальной ямы и перерезали траншеей перекрытие в южной половине могилы, выбросив наверх несколько костей человека, нож, шило, миниатюрный нож, и черепки сосудов, один из которых был украшен спиральным орнаментом. Вещи в срубе сохранились лишь в небольшом количестве и только вдоль его западной и южной стенок. Речь идет о двух разбитых сосудах, миниатюрном бронзовом ноже, стеклянных бусинках и золотых орнаментированных листочках со сквозными отверстиями. Бусы и золотые бляшки были, очевидно, нашиты на ткань, которая драпировала стенки сруба. В склепе сохранились четыре скопления отдельных частей скелетов. В северо-западном углу коллективной усыпальницы лежали череп и несколько костей. В юго-восточном углу сруба находились еще два скопления костей и черепов. В одном из них обнаружено четыре черепа, в другом — три. Последняя концентрация костей человека найдена у восточной стенки склепа. Первоначально была высказана версия, что кости сдви-

нули грабители. Эта точка зрения является одной из наиболее распространенных ошибок археологов, встречающихся в могилах только черепа и небольшое количество костей скелетов. В действительности нередко хоронили части скелетов и отдельные черепа (Ващецкая 1986:85). Аналогичная ситуация, видимо, имела место и в данном случае. В пользу такой интерпретации свидетельствует и расположение останков людей под провалившимися, но ненарушенными участками перекрытия погребальной ямы (рис. 2.5). Таким образом, в южной могиле были перезахоронены не только мумии давно умерших людей, но и части где-то сохранявшихся скелетов, связки которых полностью истлели.

Северная могила была разрушена в значительно меньшей степени, чем южная. Грабительская траншея попала прямо на крытый коридор, ведущий к погребальной яме. Из нее в коридор перебросили бронзовое зеркало, сосуд и покойника, часть костей которого (позвоночник, таз, бедра) еще находились в сочленении. Таким образом, между погребением и ограблением склепа прошло не так уж много времени. Поскольку во время пожара камеры рухнули ее перекрытие и полаты, то основная часть погребенных в срубе оказалась непо потревоженной. Обрушившаяся кровля усыпальницы сохранила не только кости, но и обуглившиеся деревянные и глиняные вещи, куски кожи и тканей, а также траву.

Исследование северной могилы позволило сделать так много наблюдений, что может сложиться впечатление о хорошей сохранности антропологических и археологических материалов. Поэтому следует подчеркнуть, что вся информация о погребальном обряде получена после тщательной расчистки останков людей очень плохой сохранности, что является обычным для могил, вмещающих десятки покойников, которые усажены, либо уложены тесными рядами, перекрывая друг друга.

В северном срубе покойники находились не только на полу, но и на полатах, поэтому нижние костяжки были придавлены упавшими досками полатей, а верхние — рухнувшим перекрытием могилы. Особенно плохо были различимы кости в северной половине усыпальницы, где обрушившееся перекрытие придавило трупы и глиняные украшения, до того, как они попали в огонь. В этой части погребальной камеры от костей остались лишь их следы в виде "мылообразной" массы, толщиной в 10-15 см. Тем не менее, при расчистке этих останков прослежены прутья, лежавшие вдоль позвоночника покойников, иногда около их ног; трава внутри черепов, а также слой органики, лежащей под некоторыми скелетами и состоя-

щей из травы, скрученной в колечки диаметром 2,5-3 см. Шейные позвонки двух скелетов обмотаны берестой и все найденные черепа моделированы глиной, которая либо обшита кожей, либо обмазана гипсом со следами красной росписи на лбу и щеках. Южная половина сруба сгорела вместе со всеми находившимися здесь деревянными предметами. Однако обнаруженные в этой части склепа обожженные, но не рассыпавшиеся глиняные блюда сохранили свою первоначальную форму и орнаментацию. В южной части усыпальницы расчищены обугленные скелеты и найдена обожженная глина поверх черепов. Самым удачным для археологов оказался средний участок восточной стенки сруба, возле которой кости обгорели, но не рассыпались, а органика под действием огня обуглилась, но не сгорела. Именно здесь сохранились все вещи, включая деревянные изделия, и полная мумия человека, позволяющая объяснить назначение встречающихся в разных местах сруба фрагментов глины, дерева, кожи и травы, оказавшихся, как выяснилось, тоже частями мумий, изготовленных оригинальным способом.

Чтобы установить последовательность заполнения северного сруба покойниками, была проведена послонная зачистка обнаруженных в нем скелетов. Расположение костяжков в северной усыпальнице зафиксировано на двух планах ее дна. На каждом плане скелеты, перекрытые другими костяжками, показаны заливкой. Покойники, похороненные в северном склепе, вероятно, изначально были размещены по определенной системе. Вдоль восточной стенки сруба лежали группы костяжков, состоящие из двух, уложенных вплотную друг к другу скелетов, между которыми втиснут еще один костяк. Все эти группы скелетов ориентированы черепами на север или на юг. В северной половине склепа костяжки уложены двумя рядами, каждый ряд имел противоположную ориентировку. В южной половине усыпальницы скелеты также лежали рядами, крестнакрест относительно друг друга. К сожалению, неясно насколько отличался первоначальный "порядок" размещения покойников от зафиксированного раскопками, так как часть мумий первоначально находилась на полатах, с которых они упали или вместе с которыми рухнули на дно могилы. Некоторые мумии видимо были размещены в сидячем положении вдоль стен сруба, поэтому головы многих из них находятся на груди других мумий. Восстановить первоначальный порядок размещения большинства мумий невозможно. Различное положение их рук, видимо, зависело от пола, возраста или общественного положения усопшего. У одних мумий руки вытянуты вдоль тела, у других согнуты в локтях, а кисти

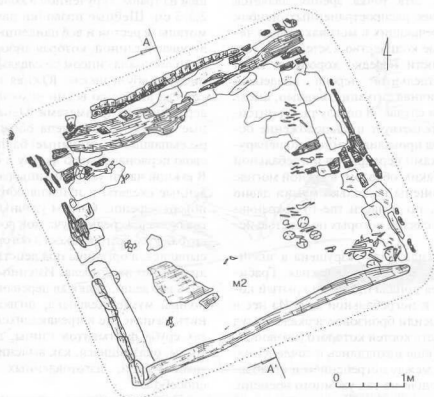

Рис. 5 Берешский курган 2, могила 2. План дна.

Fig.5. Beresh mound no. 2, grave no.2. Plan of bottom.

уложены на животе (рис. 6, 7).

В середине могилы полностью отсутствовали кости людей и вещи, за исключением тех, что упали с перекрытия сруба, а это не связано с деятельностью грабителей. Очевидно, именно посередине склепа был сложен громадный костер.

Мушифицирование трупов. В северной погребальной камере похоронено не менее 63 трупов. Большинство погребенных представлено полными скелетами, кости которых находились в анатомическом порядке. Следует отметить, что не все кости скелетов сохранились. За редким исключением умершие были мумифицированы. Ниже дано описание великолепно сохранившегося мужского скелета (№ 57), лежащего возле средней части восточной стенки склепа. На скелете обнаружено только одно повреждение, сделанное сусликом, который прогрыл несколько ходов в заполнении могильной камеры (рис. 6, 8).

Скелет закрыт, от головы до бедер, грубой тканью с наклепными глиняными бляшками (рис. 8:1), под тканью находились кожаная обшивка мумии и остатки ее одежды (рис. 8:2). У левого бедра костяка лежали нож и шило, справа от скелета — железный диск и круглая пряжка; между костями ног — деревянный футляр-пенал с ножом и железным шилом. Под скеле-

том и поверх него зафиксирована прослойка травы толщиной до 3 см. Грудная клетка скелета заполнена такой же травой. По обе стороны от позвоночника, поверх ребер, лежали неочищенные от коры прутики, диаметром 1-1,5 см, имеющие в нескольких местах сквозные отверстия диаметром 1-2 мм. Поскольку прутики были на 5-6 см длиннее позвоночника и выступали за шейные позвонки то, очевидно, на них крепилась голова мумии. Черепная коробка умершего была заполнена травой, смешанной с мелкими угольками и землей, а его глазницы и рот заполнены глиной. Глина также была вбита под нижнюю челюсть мумии. Именно в эту глину, видимо, и втыкали прутики, поддерживающие голову. Для удержания головы мумии на месте шеи покойного обматывали глиной, обворачивали травой и обвязывали кожными ремешками. Об этом свидетельствуют фрагменты глиняной обмазки шеи, имеющие снаружи отпечатки травы и ремешков. Голова трупа была обмазана тонким слоем глины. Поверх нее из той же глины вылеплено скульптурное изображение лица человека, видимо, передающее определенное сходство с оригиналом. Части этой скульптуры: лоб, виски, грубо моделированный нос, массивные наклепные брови хорошо сохранились к моменту раскопок (рис. 8:3). На голове, шее и части груди мумии можно

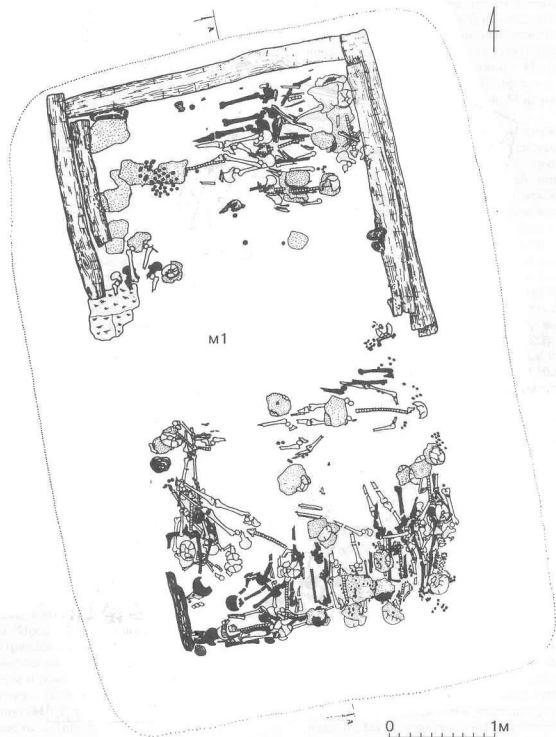

Рис. 6 Берешский курган 2, могила 1. Верхний слой скелетов.

Fig.6. Beresh mound no.2, grave no.1. Upper layer of skeletons.

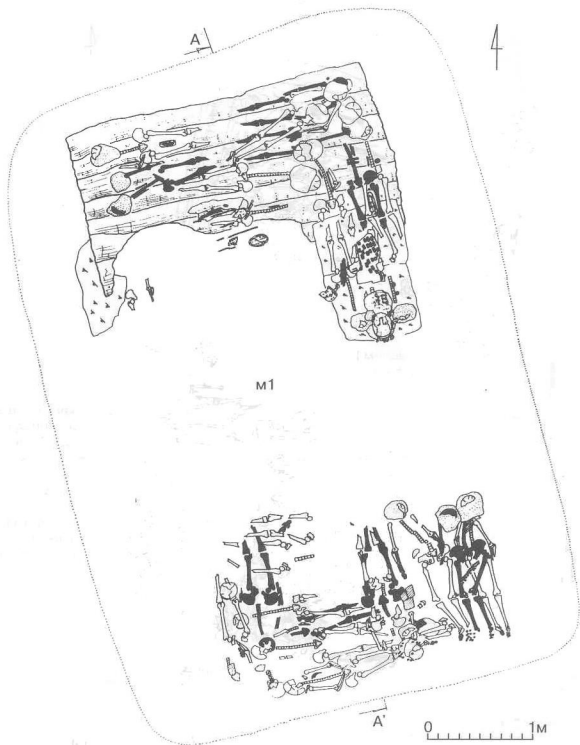

Рис. 7 Берешский курган 2, могила 1. Нижний слой скелетов.
 Fig. 7. Beresh mound no. 2, grave no. 1. Lower layer of skeletons.

увидеть кожаную обшивку (рис. 8:2). На лице она сохранилась почти полностью, на затылке и на темени лишь частично. Анализ крупных кусков кожи показал, что они сшиты из мелких кусочков через край. Швы на кожаной обшивке головы мумии идут от уха к подбородку и вдоль шеи. На месте глаз в коже сделаны прорезы, причем их края загнуты внутрь. Кожаный нос выкроен и пришит отдельно, на нем видны швы. Кожаная обшивка головы мумии обмазана слоем глины толщиной 0,5 см. Ее лицевая часть загрунтована гипсом, на котором сохранились следы красной росписи.

В целом способ мумифицирования трупов реконструируется следующим образом. Тело умершего человека вскрывали и вынимали его внутренности, вместо которых помещали различные травы. Вдоль позвоночника прокладывали прутья, верхние края которых выталкивали в глину, вбитую под нижнюю челюсть. Глазницы черепа заполняли глиной, а затем вставляли в них бусинки, которые имитировали зрачки. Такие же голубые и зеленые стеклянные бусинки вставлены в глазницы мумий, обнаруженных в кургане Новые Мочаги в 1983 г. (Кузьмин, Варламов 1988:149). Голову покойника заполняли специальной травянистой массой с угольками. Туловище и конечности мумии обматывали жгутами сухой жесткой травы, которую закрепляли на теле ремешками из кожи и бересты, затем мумию обшивали кожей. Голову умершего обмазывали глиной, на ее лицевой части моделировали "портрет" покойника, который также обшивали кожей, имитируя иногда ту или иную деталь лица: пришитый нос, прорезы глаз и тому подобное (рис. 8-10).

Обращание мумий. На мумию одевали полный комплект одежды, моделировали ее прическу, а лицо, как уже указывалось выше, покрывали тонким слоем гипса, на который наносили роспись. На берешских мумиях сохранились только следы красной краски, на мумиях из других курганов известны красные кружки, точки, трилистники и реже черные полосы (Иссык-Куль, Новые Мочаги).

Прическа мумии № 57 из кургана 2 у деревни Береш имитирует подстриженные до ушей волосы и прикрепленную к темени покойника косичку. Подобные прически и отдельные свернутые на темени косички были распространены в Присаянье в III-VI вв. и, возможно, появляются здесь с I-II вв. (Вадецкая 1985:10-12). Тонкая косичка, свернутая пополам, была спрятана в кожаный мешочек, прикрепленный на голове мумии № 57 между правой и левой глиняными пластинами. Эти глиняные пластины (рис. 11), прикрепленные по одной с каждой стороны головы, дают представление о мужской прическе тагарского времени. У мумии №

57 полностью сохранилась правая массивная пластина, треугольная в сечении. Она вылеплена по ребру животного и покрыта снаружи слюдой. В нижней широкой части пластины имеется отверстие, через которое, очевидно, продевали шнур или ремешок, привязывающий пластину к затылку мумии (рис. 8:2; 9:8). В 70-е годы точно такие же глиняные пластины находили возле голов мумий в коллективных погребениях Шестаковских курганов. Но функциональное назначение этих артефактов тогда не было установлено (Мартынов, Мартынова, Кулемзин 1971: 127).

Мумия № 57 одета в теплую зимнюю одежду, фрагменты которой в виде спрессованной массы из меха и кожи остались на груди и плечах умершего. Верхней одеждой покойника, видимо, являлась шуба, сшитая мехом внутрь. Под ней обнаружено еще два слоя меха, предположительно от нагрудника, сшитого мехом наружу, и от второй шубы, скроенной мехом внутрь (рис. 12). Под шубами находилась кожаная одежда с большим треугольным вырезом на груди. Край выреза обработаны полнотной плоской кожи. Вдоль выреза и поперек плеча кожаной одежды сохранились швы, выполненные стежками "через край" (рис. 8:2). Под кожаной одеждой обнаружена рубаха из грубой ткани, переплетенной "в елочку". Рубаха имела вырез, аналогичный вырезу на кожаном одеянии (рис. 8:3). Таким образом, полный комплект одежды состоял из шерстяной и кожаной рубах, двух меховых шуб и мехового нагрудника.

Специально для похоронной одежды изготавливали бутафорские украшения, обтянутые слюдой или листочками золота, что придавало им парадный вид. Эти украшения вырезали из коры и бересты, или лепили из глины. В северном срубе найдены сотни бутафорских глиняных бляшек и две глиняные бусины. Первоначально бляшек было значительно больше, но многие из них либо сгорели при пожаре погребальной камеры, либо, напротив, рассыпались, не будучи затронуты пламенем. Некоторые бляшки лежали у черепов и возле позвоночников мумий. Вероятно они украшали прически, головные уборы, а также верхние шубы. Другие бляшки располагались вдоль стен сруба, часто поверх стоп мумии. Эти упавшие украшения, видимо, были прикреплены к драпировке стен сруба. Наконец, найдено много бляшек, возможно, украшавших общий полог над покойниками или драпировку потолка сруба.

Часть бляшек обнаружена на грубой полотняной ткани, также вероятно упавшей сверху на мужскую мумию № 57. Эти прямоугольные и квадратные бляшки сделаны более грубо, чем бляшки, украшавшие одежды мумий. На тыль-

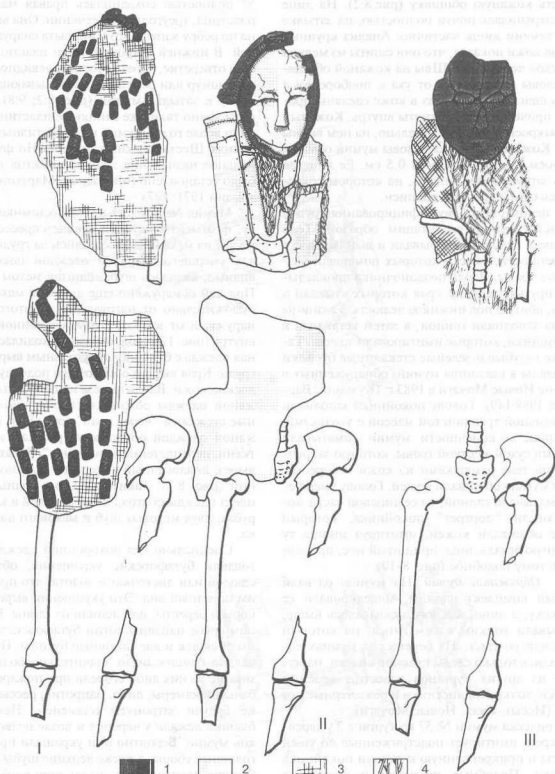

Рис. 8 Берешский курган 2, могила 1. I – мумия 57 под тканью с глиняными бляшками; II – мумия 57 под обшивкой кожи и в кожаной одежде; III – мумия 57 под глиняной обмазкой головы и в нижней рубахе. 1 – глина; 2 – кожа; 3 – ткань; 4 – трава.

Fig.8. Beresh mound no.2, grave no.1. I – mummy no.57 under the cloth with clay plaques; II – same mummy under the leather cover and in the leather clothing; III – same mummy under the clay plastering of the head and in the undershirt. 1 – clay; 2 – leather; 3 – coarse fabric; 4 – grass.

ной стороне бляшек остались отверстия от тонких заостренных палочек, с помощью которых бляшки были прикреплены к ткани.

Все бляшки, обнаруженные в срубе, делятся

на прямоугольные, квадратные и круглые. К сожалению, бляшки, украшавшие одежды мумий, не отличаются от бляшек, прикрепленных к драпировке стен сруба. Большинство найден-

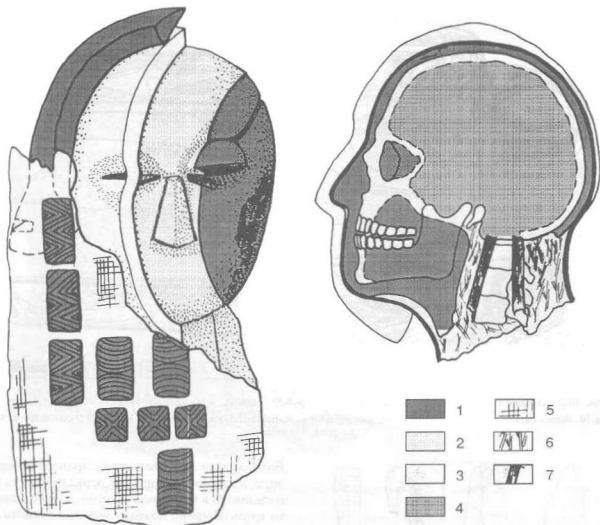

Рис. 9 Берешский курган 2, могила 1. Мумия 57. 1 — глина; 2 — кожа; 3 — гипс; 4 — травяная смесь; 5 — ткани; 6 — трава; 7 — прутья.

Fig.9. Beresh mound no.2, grave no.1. Mummy no.57: 1 — clay; 2 — leather; 3 — plaster; 4 — mix grass; 5 — coarse fabric; 6 — grass; 7 — twigs.

ных бляшек имеет прямоугольную форму с острыми или скругленными углами, размерами от 3,5 x 2 см до 5,5 x 3 см. Многие из них орнаментированы. Орнаменты, оттиснутые штампами нескольких видов, представлены вписанными заштрихованными треугольниками, полукругами, изображениями хищников, растительными узорами, изображениями ветвей дерева без листьев и с ивовыми листьями (рис. 14,15). Квадратные бляшки имеют размеры 2 x 2 см. На них нанесен геометрический орнамент в виде креста, образованного вписанными треугольниками (рис. 15). Круглые, конические и пирамидальные бляшки имеют диаметр от 1,5 до 3 см. На них расположены 6 или 12 выпуклостей по окружности бляшки и одна в ее центре. Многие круглые бляшки не покрыты слюдой и не имеют орнамента (рис. 16).

Подлинные украшения, найденные в северном склепе, немногочисленны: несколько одноцветных стеклянных бусин, глазчатая бусина, три бронзовые литые подвески пирамидальной формы, две овальные подвески, имитация клыка марала, золотая серьга с длинным подвесным овальным щитком.

Пряжки, застежки и пуговицы для похоронной одежды очевидно изготавливали из коры и дерева, так как настоящие изделия этих типов встречаются крайне редко. К ним относятся круглые железные пряжки со свободно вращающимся язычком и без язычка, костяные застежки в виде трубочек со сквозными отверстиями, застежки, напоминающие по форме крупные костяные булавки и бронзовая пуговица хуннского типа (рис. 17:2,4; 18:1,3,4).

После того как покойник был одет в погре-

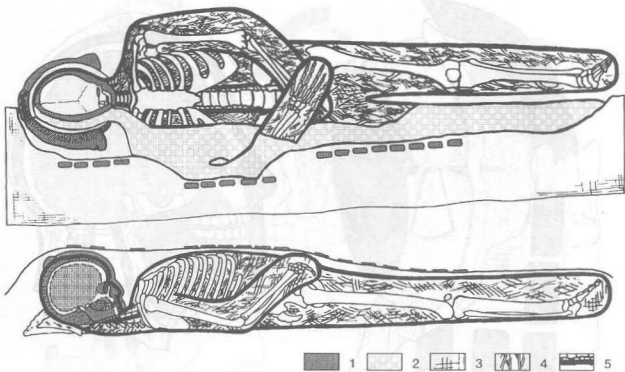

Рис. 10 Берешский курган 2, могила 1. Способ мумификации: 1 — глина; 2 — кожа; 3 — ткань; 4 — трава; 5 — прутья.
Fig. 10. Beresh mound no. 2, grave no. 1. Details showing mummification technique: 1 — clay, 2 — leather, 3 — coarse fabric; 4 — grass; 5 — twigs.

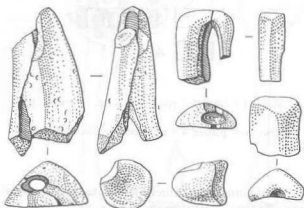

Рис. 11 Берешский курган 2, могила 1. Фрагменты глиняных пластин — деталей "прически" мумий.
Fig. 11. Beresh mound no. 2, grave no. 1. Fragments of clay plaques imitating hair.

бальную одежду, к его поясу подвешивали, спереди или слева, деревянный футляр-пенал с железным ножом и шилом. Иногда вместо железных инструментов в футляр клали аналогичные костяные изделия. В одном случае вместо ножа в пенал был вложен кинжал. С другой стороны к поясу умершего подвешивали мешочек с миниатюрным бронзовым зеркалом или фигурками-амулетами, от которых сохранились кусочки фольги. Одна, вырезанная из бересты фигурка человека, сохранилась полностью (рис. 13).

Возле мумии № 57 лежало не бронзовое зеркало, а железное. Бронзовые зеркала иногда использовали в качестве амулетов, подвесивая их на грудь. Именно поэтому изделия данного типа находят также возле плечей или у позвоночника мумий (рис. 17:1,5).

Похоронная утварь. В северном склепе найдены берестяные коробки, деревянные блюда и глиняные сосуды. Коробки, заполненные мелкими предметами, ставили непосредственно в срубе. Полностью сохранилась лишь низкая овальная коробка с крышкой, лежавшая под рухнувшим перекрытием в северозападном углу склепа. Она орнаментирована сквозными пунктирными линиями и косыми треугольниками. Возможно, что этот сквозной орнамент свидетельствует о нашитых на бересту полосках и треугольниках, не сохранившихся к моменту раскопок. В коробке находились остатки железных изделий непонятого назначения (рис. 17:3).

Глиняная и деревянная посуда находилась первоначально на перекрытии сруба. После сожжения погребальной камеры сохранилась лишь северная часть ее перекрытия, где размещалось не менее 11 деревянных блюд и столько же глиняных сосудов. Поскольку они стояли один на другом, можно утверждать, что все перекрытие было плотно уставлено посудой. В

Рис. 12 Берешский курган 2, могила 1. Фрагмент спрессованной одежды мумии 57: 1 – шерстяная ткань, 2 – мех; 3 – кусок прилипшей коры.

Fig.12. Beresh mound no.2, grave no.1. Fragment of compressed clothing of mummy no.57: 1 – wool; 2 – fur; 3 – piece of bark stuck to the clothing.

другой части склепа, где потолок полностью сторел, поверх его рухнувших вниз обуглившихся остатков, лежали битые горшки, остатки мисок и кости животных. Только три деревянных блюда и один небольшой глиняный сосуд найдены на дне погребальной камеры, но и они, возможно, упали сверху. В общей сложности на перекрытии сруба, видимо, было размещено не менее 50 глиняных сосудов и столько же деревянных блюд. Блюда не удалось реставрировать, но в момент расчистки удалось зафиксировать их форму и размеры, некоторые из них имели ручку. Размеры крупных подчетырёхугольных блюд с закругленными углами и приподнятыми резными краями варьируют: 40 x 30, 45 x 38, 65 x 35, 70 x 45 см. Толщина их стенок колеблется от 0,5 до 1 см. Овальные блюда имеют меньшие размеры: 18 x 10, 12 x 8 см. В срубе обнаружено также несколько маленьких мисок диаметром 14–15 см, одна из них имела ручку. На некоторых блюдах лежали кости животных. В одном случае это были две челюсти животного, завернутые первоначально

Рис. 13 Берешский курган 2, могила 1. Березовая фигурка человека – амулет.

Fig.13. Beresh mound no.2, grave no.1. Human figurine (amulet) made of birch bark.

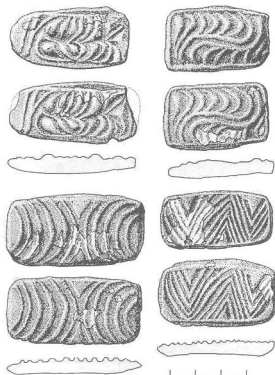

Рис. 14 Берешский курган 2, могила 1. Покрытые слюдой прямоугольные глиняные бляшки с геометрическим и растительным орнаментом.

Fig. 14. Beresh mound no.2, grave no.1. Rectangular clay plaques with geometric and vegetable designs (covered with mica).

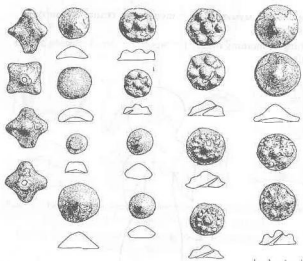

Рис. 16 Берешский курган 2, могила 1. Глиняные пуговицы и круглые бляшки, покрытые слюдой либо золотом.

Fig. 16. Beresh mound no.2, grave no.1. Clay buttons and round plaques covered with mica or gold.

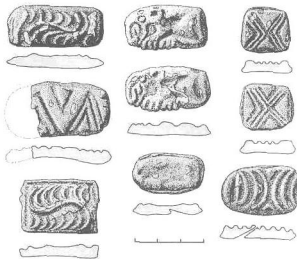

Рис. 15 Берешский курган 2, могила 1. Покрытые слюдой или золотом листовком прямоугольные и квадратные глиняные бляшки с геометрическим, растительным и зооморфным орнаментом.

Fig. 15. Beresh mound no.2, grave no.1. Rectangular and square clay plaques with geometric, vegetable, and zoomorphic designs (covered with mica or sheet gold).

в бересту, в другом — челюсть и лопатка барана, в третьем — череп и кости козленка, а также костяной псадий из рога косули (рис. 3; 17:4). Кроме того, на перекрытие сруба было положено не менее трех шкур лошадей. Судя по сохранившимся черепам и костям голеней, шкуры были сняты с животных вместе с их головами и ногами ниже колен. В центре ямы, поверх створешего перекрытия, разбросаны фаланги лошади, очевидно принадлежащие тем же особям, шкуры которых лежали наперекрестно склепа.

Разнообразные глиняные сосуды вылеплены из двух сортов глины — серой и красновато-коричневой. В склепе найдены как ранние, так и поздние типы керамики. Группа ранней керамики включает крупные горшки, банки и котловидные сосуды, а также овальную плошку и горшок со сливом. Для группы поздней керамики характерны крупные банки с вертикальными ручками, аналогичными ручкам котловидных сосудов, небольшие кубки, котелки и банки, а также изредка встречающиеся узкогорлые сферические и бомбовидные сосуды. Найденная посуда неорнаментирована, лишь на кубках встречается бордюр из вдавлений, сделанных плоской или заостренной палочкой. Поздние формы керамики появляются в первые века н.э. и существуют, видимо, в течение

* Термины "ранний" и "поздний" в данном случае используются для хронологического разделения керамического комплекса позднейшей стадии тагарской культуры.

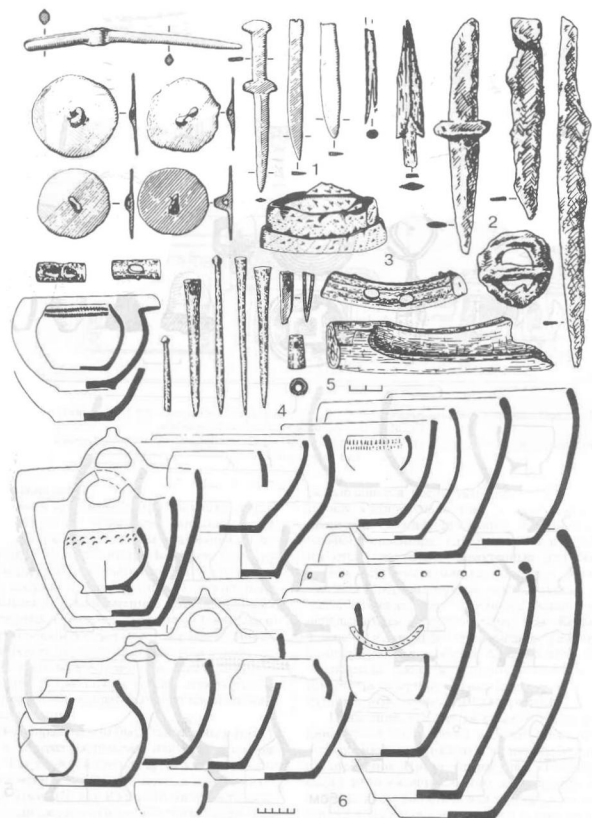

Рис. 17 Берешский курган 2. Инвентарь из могилы 1. 1 – бронзовые миниатюрные чекан, зеркала, кинжал, ножи; 2 – железные кинжал, ножи, пряжки; 3 – берестяная орнаментированная коробочка; 4 – костяные застёжки, булавки, псаллий, наконечник стрелы; 5 – деревянные футляры для ножей; 6 – керамика.

Fig.17. Beresh mound no.2, grave no.1. 1 – miniature bronze pick, mirrors, dagger, knives; 2 – iron dagger, knives, buckles; 3 – ornamented birch bark box; 4 – bone clasps, pins, cheek-piece, arrowhead; 5 – wooden cases for knives; 6 – pottery.

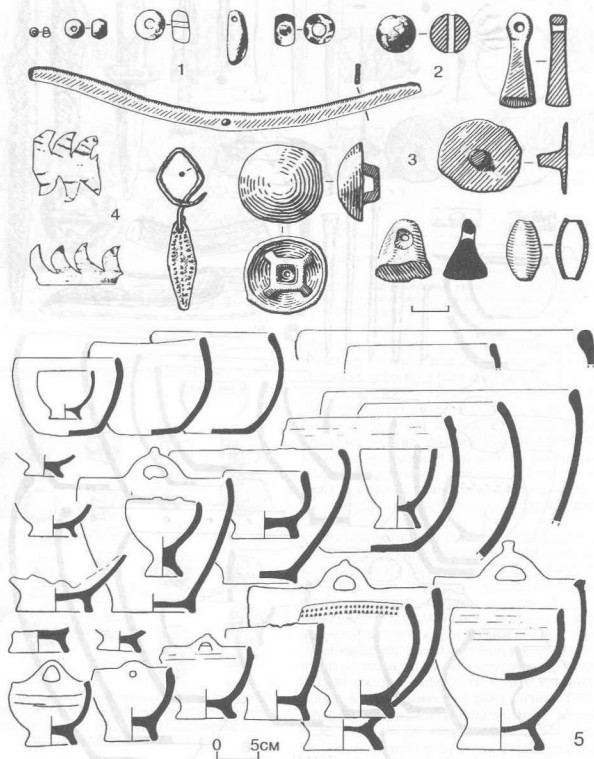

Рис. 18 Берешский курган 2. Инвентарь из могилы 1. 1 – стеклянные бусины; 2 – глиняная бляшка; 3 – бронзовые подвески, пуговицы; 4 – золотая серьга, кусочки листового золота; 5 – керамика.

Fig. 18. Beresh mound no. 2, grave no. 1. 1 – glass beads; 2 – clay plaque; 3 – bronze pendants, buttons; 4 – golden earring, pieces of sheet gold; 5 – ceramics.

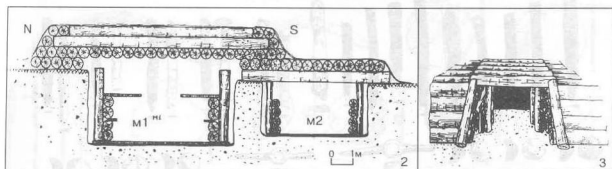
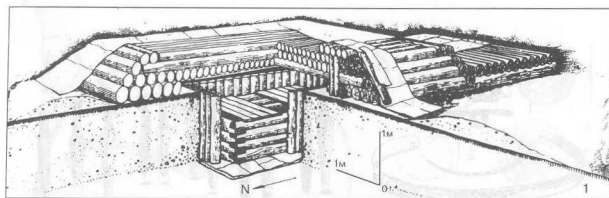

Рис. 19 Берешский курган 2. 1,2 — реконструкция погребальных камер, бревенчатых накатов и полотнищ бересты; 3 — реконструкция прохода к верхнему краю могилы 1.

Fig.19. Beresh mound no.2. 1,2 — reconstruction of burial chambers, roofs, and sheets of birch bark; 3 — reconstruction of passage to the top of grave no.1.

нескольких веков.

Сроки захоронений. При раскопках северного склепа не обнаружено никаких свидетельств о последовательном подхоронении покойников в усыпальницу. Напротив, то обстоятельство, что перекрытие сруба плотно заставлено посудой и заложено шкурами животных, указывает на одновременное захоронение всех найденных в склепе, умерших. Одновременность похорон подтверждается также наличием драпировки на потолке склепа или полога, закрывавшего всех покойников. Нет сомнений в том, что погребальная камера горела только один раз, о чем свидетельствуют следы пожара в усыпальнице.

Некоторые мумии были помещены в могилу уже в полуразложившемся или ветхом состоянии. Так у южной стенки сруба уложены части одной мумии: таз, бедра, череп, а поверх них — целая мумия (№ 36). В юго-западной части склепа находилось несколько скелетов без следов мумификации. Вдоль одной или обеих ног ветхих мумий проложены деревянные палки диаметром 1,5 см. Расстояние между бедром и палкой, составляющее не менее 10 см, заполнено травой и обрывками кожи. Очевидно, палки крепились к обмотанным травой и обшитым кожей ногам мумии. Возможно, что палки закрепляли уже

рассыпавшиеся ноги мумии при ее переносе в могилу, следовательно, они не были связаны с процессом мумифицирования. Среди погребального инвентаря, найденного возле мумий, имеются архаичные, характерные для более ранних тагарских комплексов изделия: бронзовые миниатюрные зеркала, чекан, кинжал, два маленьких ножа. Эти «старинные» вещи могли использоваться в качестве амулетов. Керамические изделия также представлены разнообразными типами сосудов. Совокупность всех наблюдений позволяет сделать заключение о том, что в северной могиле были похоронены мумии, изготовленные неодновременно.

Появление у тагарцев обычая мумификации трупов объясняется стремлением сохранить облик покойника до момента его будущего погребения. Иногда от завершения мумификации и до окончательного захоронения покойника проходил столь долгий срок, что приходилось реставрировать мумию и даже производить монтаж ее головы по сухому, то есть истлевшему черепу. Если бы трупы один за другим подхоронивали в могилы, то не было бы необходимости в обряде мумификации.

Различная степень сохранности мумий к моменту их общего захоронения и одновременные наборы погребальной посуды указыва-

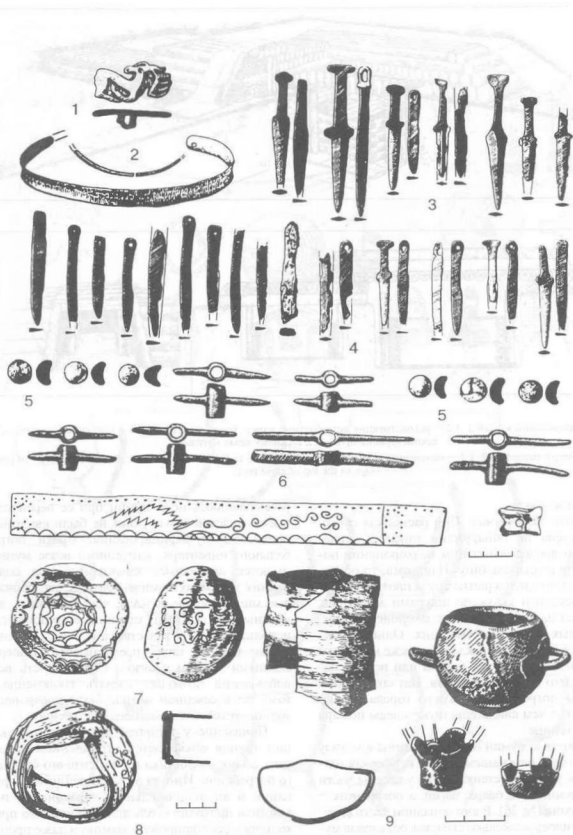

Рис. 20 Березовский курган 21. Инвентарь из могилы. 1 — бронзовый олень; 2 — диадема; 3 — миниатюрные книжалы; 4 — бронзовые миниатюрные ножи; 5 — глиняные бляшки; 6 — бронзовые миниатюрные чеканы; 7 — берестяная коробочка; 8 — берестяная обмотка шеи мумии; 9 — бронзовый маленький сосуд и обломки бронзовых факельниц.

Fig. 20. Berezovo, mound no. 21, grave 1. 1 — bronze figurine of reindeer; 2 — diadem; 3 — miniature daggers; 4 — miniature bronze knives; 5 — clay plaques covered with gold; 6 — miniature bronze picks; 7 — birch-bark box; 8 — birch bark wrapped around the mummy's neck; 9 — small bronze vessel and fragments of bronze torch holders.

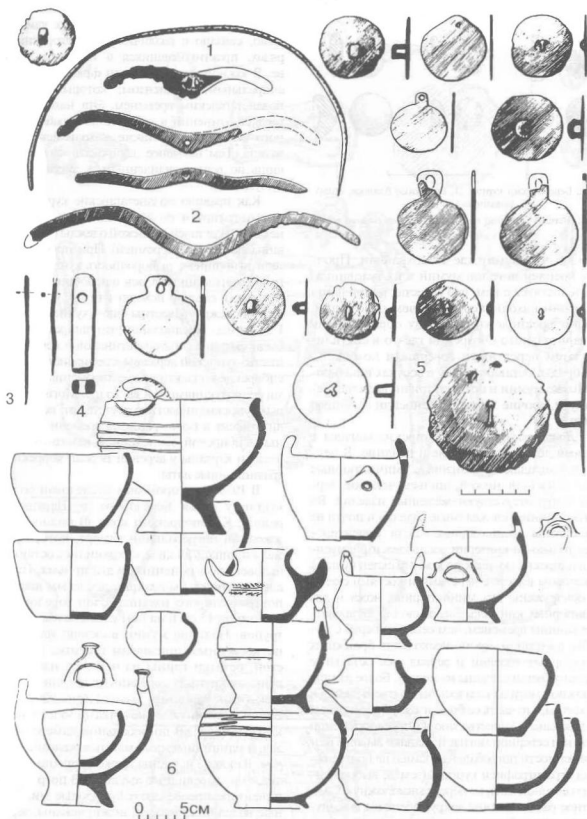

Рис. 21. Березовский курган 21. Инвентарь из могилы. 1, 3 – гривны и обломки гривны; 2 – змеевидные амулеты; 4 – каменный оселок; 5 – зеркала; 6 – керамика.

Fig. 21. Berezovo, mound no. 21, grave 1. 1 and 3 – bronze spiral decorating the neck and fragments of another; 2 – serpentine amulets; 4 – whetstone; 5 – mirrors; 6 – ceramics.

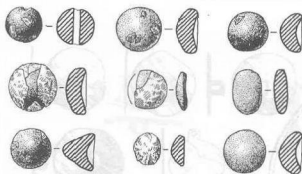

Рис. 22 Березовский курган 21. Глиняные бляшки, облицованные золотом.

Fig.22. Berezovo, mound no.21. Clay plaques covered with gold.

ют на то, что мумии где-то сохраняли. Прочность крепления голов мумий к их туловищам свидетельствует о том, что в местах накопления мумий они находились в сидячем положении. Логично предположить, что их обряжали для предварительного обзрения где-то в святилищах, затем перед ними совершали поминальные обряды, оставляя пищу в сосудах и на блюдах. Позже мумии и остатки тризн, включая керамику и прочие вещи, переносили в общую могилу.

Датировка кургана. Тагарские могилы с мумиями делятся на ранние и поздние. В первых преобладают бронзовые миниатюрные копии кинжалов, ножей, шилев, чеканов, зеркал и почти отсутствуют железные изделия. Во вторых доминируют железные изделия и почти не представлены миниатюрные. Если ориентироваться только на критерии распределения инвентаря в тагарских могилах, то южный склеп кургана 2, в котором вместе с черепами и костями скелетов, обнаружены два миниатюрных ножа и два миниатюрных кинжала, следовало бы датировать более ранним временем, чем северный сруб с мумиями, в котором, кроме нескольких бронзовых миниатюрных изделий и зеркал, все остальные найденные вещи сделаны из железа. Более ранняя дата южной могилы казалась бы подтверждалась и тем фактом, что часть ее бревенчатого перекрытия использована в качестве опоры при сооружении наката над северной могилкой. Однако вывод о разновременности погребальных камер не подтверждается стратиграфией кургана (земля, выброшенная из северной ямы, не перекрывает южную). Аккуратное расположение вокруг обеих ям выкинутой материковой глины также противоречит заключению о несинхронности обеих усыпальниц. Сооружение второй могилы, при отсутствии насыпи над первой, хорошая сохранность бревен над южной ямой к моменту перекрытия сруба в северной яме, близкое расположение ям, выкопанных

параллельно друг другу – все это не может быть случайностью. Все эти данные свидетельствуют о том, что обе могилы были выкопаны одновременно. Наличие двух погребальных камер, видимо, связано с различиями в похоронных обрядах, практиковавшихся в тагарском обществе. В южной могиле найден фрагмент сосуда со спиральным орнаментом, который датируется позднетагарским временем. Эта находка не составляет сомнений в том, что до ограбления южного склепа в нем также находились вещи из железа. Тем не менее датировать курган можно лишь по вещам, найденным в северном склепе с мумиями.

Как правило позднетагарские курганы с мумиями датируют по находящимся в них копиям некоторых деталей хуннской одежды (бляхи, пуговицы, наконечники ремней). При этом исследователи игнорируют выборочность хуннских аналогий, которая диктовалась исключительно модой. Археологи обычно исходят из того, что эти украшения одежды известны еще в хуннских могилах I в. до н.э. Предполагая, что тагарские изделия были скопированы с оригиналов в период могущества хуннской державы, специалисты датируют сибирские коллективные захоронения с хуннскими репродукциями II-I вв. до н.э. Могилы, в которых хуннские аналогии отсутствуют, исследователи относят к более раннему времени. Раскопанные Сибирской экспедицией памятники, в том числе и курганы у деревни Береш, корректируют традиционные даты.

В 1979 г. автором был исследован большой курган у ручья Березового, в Шарыповском районе Красноярского края. В полностью сохранившейся погребальной камере, которая занимала площадь 30 кв.м, сохранились останки 115 человек, похороненных в два приема. Нижний слой костяков был закрыт досчатым настилом, поверх которого насыпан слой горелой земли толщиной 15 см и на нем уложена новая группа трупов. Наличие мумий в склепе установлено по косвенным признакам (обертка шеи берестой, остатки глины на черепах, находки маленьких круглых деревянных и глиняных бляшек от похоронных одежд) (рис. 20:5,8; 22). Бляшки, обтянутые листочками золота, не имеют орнамента. В погребальной камере обнаружены единичные поломанные железные изделия. В склепе найдены также бронзовая гривна, диадема, эмеевидные амулеты. В погребальном инвентаре преобладают бронзовые миниатюрные изделия: кинжалы, ножи, чеканы, зеркала. Керамический комплекс характеризуется небольшими сосудами (банки, котловидные горшки). В могиле имеется посуда с налепными так называемыми ручками-рогами и с маленькими поддонами. Обнаружен также один маленький бронзовый сосуд с вертикальными

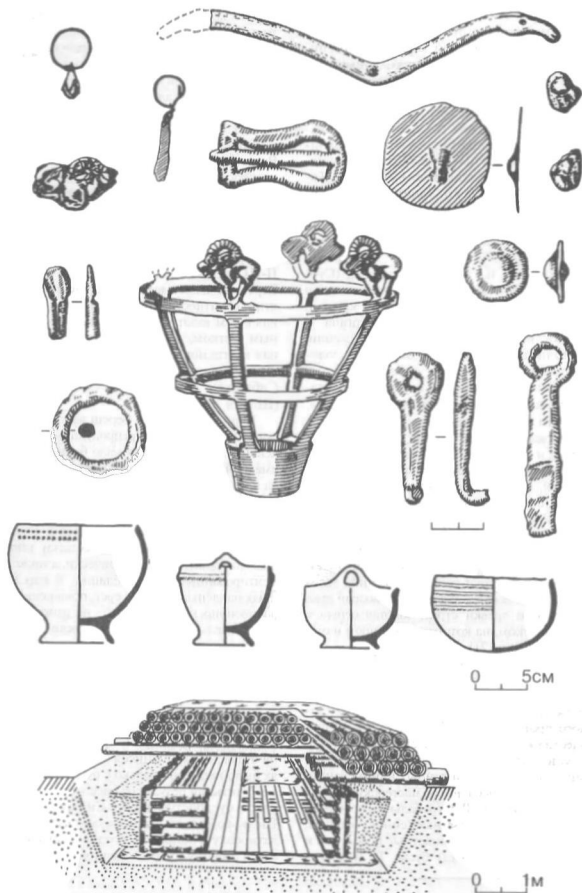

Рис. 23 Берешский курган 1, раскопки 1981 г. Инвентарь из могилы (по А.В.Субботину).

Fig.23. Beresh mound no.1, 1981 excavations. Artifacts from the grave (after A.V.Subbotin).

ручками и два обломка бронзовых предметов, условно именуемых "штандартами" или факельницами. Курган у ручья Березового датируют по берестяной круглой коробочке со спиральным орнаментом на стенках, доннышке и крышке. Узор на крышке копирует орнамент китайских зеркал, копии которых были широко распространены за пределами Китая со II-III вв. (рис. 20:7). Изделия со спиральным орнаментом появляются на Енисее в I-II вв. Бронзовая гривна из кургана у ручья Березового аналогична гривне, найденной в могильнике Комарова на Енисее (II в.). Таким образом, Березовский курган нельзя датировать ранее II в.

Как уже упоминалось, у деревни Береш было раскопано два кургана. Курган 1 исследован сотрудником Сибирской экспедиции А.В.Субботиним и кратко опубликован (Субботин 1983). Прослойки обожженной глины и фрагменты окрашенного красной краской гипса, найденные при раскопках кургана 1, указывают на наличие в погребении мумий. Немногочисленные бляшки, обтянутые золотом, видимо сохранились от погребальных одежд мумий и драпировки сруба. Среди бляшек кургана 1 встречаются аналоги бляшкам, найденным в южной могиле кургана 2.

Бронзовые вещи из кургана 1 представлены зеркалами и одним архаичным изделием — штанدارтом или курильницей. Большинство железных вещей, в том числе наконечники ремней и пуговицы, относятся к изделиям хуннского типа. В соответствии с традиционной точкой зрения автор раскопок датирует курган II-I вв. до н.э. (Субботин 1983:64-66). Между тем в погребении кургана 1 имеются и более поздние вещи: обломок железной фигурки коня, обложенной золотом, каменный оселок, деревянные модели лука и окрашенные древки стрел, золотая серьга с длинным щитком, на котором пунктиром нанесен орнамент (рис. 21).

Погребальный комплекс кургана 1 необходимо датировать по находкам бус, анализ которых автором раскопок не сделан. В могиле под насыпью кургана обнаружены украшения различного происхождения (бусы и бисер, общее количество которых превышает 400 штук). Химический анализ стекла сделан для семи бусин. Большинство бусин, найденных в погребении, изготовлено в ремесленных мастерских Среднего Востока (Иран). В погребальном комплексе представлены одноцветные (синие, зеленые, коричневые) и мелкие бесцветные (с золотой и серебряной прокладками) бусы. Те и другие

обесцвечены марганцем, который в этой технологической операции начинают использовать только со II в. н.э. (Галибин 1983:98-100). Кроме бус в могиле кургана 1 найден бисер фиолетового цвета, предположительно привезенный из Индии, где он был распространен во II в. до н.э.—II в. н.э. (Галибин 1993:67,68). Коллекция бус из кургана 1 включает несколько крупных бочонковидных бусин с золотой прокладкой и закраинами у отверстия. Они происходят из Восточного Средиземноморья и были широко распространены в Северном Причерноморье в I-IV вв. (Алексеева 1978). Наконец следует упомянуть о находке в кургане 1 двух золоченых "катушкообразных" бусин. Такие бусы известны в Индии, Средней Азии, Северном Причерноморье с I в., но чаще встречаются в комплексах II-III вв. Таким образом, курган 1 у деревни Береш не может датироваться ранее II в. Вероятно, он относится к III в., поскольку найденная в нем золотая серьга с пластичным длинным щитком, на котором имеется штампованная имитация зерни, относится к такому типу серег, который появляется на юге Западной Сибири не ранее III в. и существует до V в. (Ширин 1994:9).

Курган 2 у деревни Береш явно позднее кургана 1. В кургане 2 нет репродукций деталей хуннской одежды, найдено мало бронзовых вещей, имеются позднеатагарские бобовидные сосуды, на щитке золотой серьги, аналогичной серьге из кургана 1, изображение зерни выполнено гораздо отчетливее. Курган 2 синхронен курганам, раскопанным у села Шестаково. В шестаковских курганах на мумиях найдены остатки глиняных пластин, имитирующих прически, а также орнаментированные круглые бляшки. В этих же курганах найдены три тила серег, появившиеся в западносибирских памятниках не ранее III-IV вв. Следовательно, курган 2 у деревни Береш не может быть древнее IV в. н.э.

В кратком предварительном сообщении о раскопках я датировала курган 2 — I в. до н.э. (Вадецкая, Гультов 1986:99). В дальнейшем выяснилось, что в курганах, датируемых по репродукциям ранних хуннских украшений II-I вв. до н.э., находятся бусы, производство которых на отдаленных от Енисея и Чулыма территориях было налажено только с рубежа н.э. и даже с I в. Учитывая результаты исследования состава стекла бус, поступавших в Сибирь по Великому Шелковому пути, есть все основания уточнить датировку сибирских позднеатагарских курганов в сторону их омоложения.

* Эта информация любезно предоставлена мне д.и.н. Е.И. Лубо-Лесниченко, научным сотрудником отделом Востока Государственного Эрмитажа.

- Алексеева, Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Г 1-12. Москва: Наука.
- Вадецкая, Э.Б. 1983. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей: 47-56. Ленинград: Наука.
1985. Тагарицкие наконьники и прически // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 184: 7-14. Москва: Наука.
1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград: Наука.
- Вадецкая, Э.Б., С.Б. Гультов. 1986. Исследования в Красноярском крае в 1982-1984 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 188: 92-99. Москва: Наука.
- Галибин, В.А. 1983. Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н.э. - I в. н.э.) // Древние культуры евразийских степей: 98-100. Ленинград: Наука.
1993. Находки индийских стеклянных бус в погребениях Сибири и Средней Азии // Археологические Вестн 2: 66-71. Санкт-Петербург.
- Кузьмин, Н.Ю., О.Б. Варламов. 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже новой эры: опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.
- Курочкин, Г.И. 1988. Тагарские курганы в зоне новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: 5-22. Ленинград: Наука.
1993. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. Санкт-Петербург.
- Мартынов, А.И., Г.С. Мартынова, А.М. Кулемзин. 1971. Шестаковские курганы. Кемерово.
- Субботин, А.В. 1983. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей: 64-66. Ленинград: Наука.
- Худяков, Ю.С., Л.М. Хаславская, Ю.В. Тетерия. 1988. Раскопки могильника Долгий курган // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: 46-54. Ленинград: Наука.
- Ширин, Ю.В. 1994. Источники по погребально-поминальной обрядности позднечулышской общности на юге Западной Сибири. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово.

EXCAVATIONS OF TAGAR CULTURE COMMUNAL GRAVES IN THE UPPER CHULYLM BASIN: MOUND NO.2 AT BERESH

The only mounds still undisturbed by ploughing in the Chulylm Basin, southern Krasnoyarsk Region, are large tumuli representing the Tagar Culture and containing graves in which dozens and hundreds of people were buried. Although such graves have been excavated in Siberia for over a century now, it is not yet clear why should there be so many people buried in each. Some writers believe that burials were usually made in many stages and people who had originally been buried one by one, were later reburied in a common pit; however, some graves were initially communal and contained remains of the war dead or victims of the epidemics. Others suggest that corpses were first stored in some sanctuaries and then placed in a communal grave over which a mound was constructed.

According to the third view, a communal grave was the place where members of a certain clan were buried over a century or longer. This idea, however, is disproved by observations concerning the order in which the bodies and artifacts were arranged in the graves, and by some other facts. Specifically, no passages through which bodies might be carried into the burial chambers have been detected under the mounds. Second, not only intact bodies were put

into the graves, but dissociated ones as well, and even separate skulls and postcranial bones. Also, all remains within a chamber were burnt, and a common fire was made for that purpose. Nevertheless, there are cases where chambers which had been filled with corpses and burnt were later reconstructed to accommodate a new group of bodies. These observations indicate that successive burials were indeed made.

The Institute of the History of Material Culture Siberian Expedition has excavated over a hundred mounds with communal graves in the south Krasnoyarsk Region. However, only one of them, a Tagar mound near Beresh village, Sharypovo district, has yielded important new evidence regarding the burial rite. The mound was excavated by the present author in 1982.

Burial construction

Two graves were dug at a distance of 1.5 m from one another (fig.1). The northern one was a rectangular pit 6.5 m by 4.6 m, oriented along the north-to-south axis. The southern one is almost square in plan, 5.5m by 4.5 m. The bottom of each pit was covered with birch bark on which planks were laid. Along the walls, vertical logs, 20-25 cm

in diameter, were dug into the ground close to one another, their height above the ground being 1.8 m. They were supported by frames, 1-1.2 m high, made of four rows of logs each. The frame in the larger pit had a roof made of wooden blocks (fig.3), and there were shelves for the bodies inserted between the second and third rows of logs. The southern pit was covered by two layers of logs, the northern one, by three layers. The logs were 40-60 cm thick (fig.2). The underlying logs in the northern pit were partly supported by the overlying ones of the southern pit. The entire construction was covered with birch bark. On the western side of the larger pit, there was a corridor-like passage whose walls were made of vertical logs dug into the ground, whereas the roof was made of short transverse logs and covered with birch bark. On top of the construction, above the birch bark, rectangular pieces of turf were piled up to a height of at least 1 m. Because the roofs were as thick as 1.6-2.0 m, the entire mound looked like a truncated pyramid no less than 2.5-3 m high (fig.19). The tumulus was enclosed by a stone wall, 28 m by 20 m, made of sixteen vertical pillars which were dug into the ground at equal distances, four of them in the corners, and connected by sandstone slabs. Both the width and the height of the wall were up to 2 m. The entrance was marked by two massive slabs. Later the entrance was walled up with stone slabs laid to the height of 1 m.

Burial rite

Both graves were disturbed by looters. What remained in the southern grave were eight skulls and numerous postcranial bones from four individuals (fig 5). All of these were found under the collapsed logs. Most likely, separate skulls and postcranial bones had been buried in this case. In the northern grave, there were remains of 63 individuals, mostly mummified (figs. 6,7). They were arranged along all the walls of the pit, on the bottom, and on the shelves. It is impossible to say whether the bodies were laid or seated. Initially, the central part of the pit was apparently occupied by a large open fire, since no traces of bones, artifacts or organic matter were found here.

Mummification techniques

The following parts of the mummies had been preserved: skeletons, grass, twigs, clay stuck to the skulls, remains of painted plaster, pieces of leather and birch bark. The best preserved one was a male skeleton which lay near the middle of the eastern wall and was pressed to the ground by the shelf. Its bones had been charred but had not fallen apart; soft tissues had been carbonized. The skeleton was covered (from head to hips) with a coarse fabric with clay plaques stuck to it; below the shroud there were remains of skin and clothing. Near the left hip there were a knife and an awl, to the right, an iron disk (probably a mirror) and a large round buckle from the belt; between the legs there were fragments

of a wooden case with a knife and an iron awl.

Under and above the bones, a layer of twisted bunches of grass, up to 3 cm thick, was found. The chest, too, was filled with grass. On both sides of the spine, inside the chest, there were 1-1.5 cm thick twigs which still had bark on them and were pierced, the diameter of the holes being 1-2 mm. Because the ends of the twigs were situated 5-6 cm above the first cervical vertebrae, the head was probably fastened on them.

The skull was filled with a compound consisting of grass, charcoal, and earth. Eye sockets and mouth were filled with clay. The twigs were probably stuck into the clay, after which the neck was covered with clay and wrapped in grass, and leather straps were tied round it. Some fragments of clay bear impressions of grass and leather straps. The entire head was plastered with a thin layer of clay all over, and a mask was modeled, very crude but apparently bearing certain resemblance to the face of the dead person. All the clay head and the body were covered with leather whose pieces were sewn together. Slashes were made on the place of eyes, and a leather nose was sewn onto the face. The leather head was again plastered with a layer of clay 0.5 cm thick, and an additional layer of plaster was applied to the face and decorated with a design made in red paint (fig. 8, 9). Only traces of paint have remained on the Beresh mummies, but some of those from other burial grounds still retain a design consisting of red circles, dots, trefoils, and, less often, black stripes (Kuzmin, Varlamov 1988:149-152). After the face had been decorated, the head was again covered with leather (fig.10).

A longitudinal section was made through the body, and the internal organs were removed, after which the chest and the abdominal cavity were filled with a compound in which grass was present. Twigs were arranged along the spine, and their upper ends were thrust into the clay which was stuck under the lower jaw. The eye sockets were filled with clay in which a bead imitating the pupil was inserted. Arms, legs, neck, and trunk were wrapped in bunches of dry grass fastened with leather straps and covered with pieces of leather sewn together (fig.10).

Dressing the mummies

The straw-and-leather mummy was dressed in a full set of clothing. To imitate trimmed hair, massive clay plaques, triangular in section and widening toward the ends, were attached on each side of the head (fig.11). They were modelled on ribs of animals and their front sides were covered with mica. In their lower part they had holes through which straps attaching the plaques to the head were apparently passed (fig.9,10). Fragments of similar plaques have already been found in other burials, but their meaning was not understood (Martynov, Martynova, Kulemzin 1971:127). On top of the head of the Beresh mummy, between the carved

plaques, there is a thin coiled plait stuck in a leather pouch. This type of hairstyle was very common in the Yenisey area in 200-600 AD (Vadetskaya 1985:10-12).

The clothing of the mummy consisted of two shirts (one woolen, another leathern), two fur coats, and a fur bib (fig.12). There were also many ornaments made of bark and clay. Clay plaques which were attached to the headdress and to the flaps of the fur coats are especially numerous; similar ones decorated the walls and the ceiling of the frame. Plaques were ornamented with patterns of several types: inscribed triangles sometimes forming an oblique cross, concentric circles, representations of carnivores, and vegetable designs showing branches of trees with or without leaves. The usual pattern on round and pyramidal plaques consists of six or twelve bosses around the central one. All plaques were covered with sheets of mica or, less often, gold (fig.14-16). True ornaments are rare and include several glass beads (several monochrome and one with an "eye" pattern), two golden earrings, and five bronze pendants. There was also a human figurine made of birch bark (fig.13).

Iron and bone buckles and pins are few, implying that these items were usually manufactured of wood. A wooden case with a knife and an awl, and a bronze mirror in a pouch were attached to the belt of the mummy. True mirrors, knives, and daggers were replaced with wooden replicas (fig.17,18).

Vessels and sacrifices

Vessels were made of birch bark (boxes), wood (dishes), and clay. Only one of the boxes, an oval one with a high lid, has been fully preserved. It contained remains of iron artifacts (fig.17:3). Numerous vessels were placed on the roof of the chamber, of which a part, 4 sq m in area, has been preserved. At least eleven wooden dishes and about as many clay vessels were piled there. Including those vessels which fell down during the fire, no less than fifty vessels and the same number of dishes must have been placed on the roof. Some dishes contained bones of animals whose meat was eaten during the funerary repast (mostly heads of rams and an entire kid). Also put on the roof were at least three horse skins with heads and parts of legs above the knees.

Vessels made of clay (gray and reddish-brown) are represented by large pots and jars, some of them having vertical handles, small jars, and beakers. Unique specimens include globular and bomb-shaped vessels with narrow necks, a saucer, and a pot with a spout (fig.17:6; 18:5).

During the construction of the stone wall around the mound, human sacrifices were made. One of the victims, buried in a small pit behind the northeastern cornerstone of the wall, was an adult

who, judging by the skeleton, lay in an unnatural position, spine strongly bent, and was apparently killed with a knife thrust in his abdomen where it remained (fig.4).

Seasonality of burials

No evidence of repeated burials has been found. The roof of the chamber was tightly packed with vessels and covered with animal skins, suggesting that the funeral was a single event. Other proofs of that are remains of a canopy which was apparently attached to the ceiling and spread over all the bodies. Also, mummification was probably performed with a view of preserving the dead person's appearance up to the funeral. Mummies differ with respect of the degree to which the bodies had dissociated. Before carrying them into the grave from the place where they had been kept, the straw legs of some of them had to be fastened to twigs. Artifacts (especially vessels) date from different periods, yet they were put into the grave simultaneously, implying that some were brought from the place where the mummies were originally stored.

The upper entrance to the chamber was connected with the pit by an opening 1 m wide and 40-50 cm high cut through one of the logs of the second layer. However, it is too narrow for the bodies to be passed through. Perhaps its purpose, like that of the hole above the pit, was to secure the passage of air into the burning chamber. Clearly, the chamber was set on fire through some opening in the mound above the pit, and this was a single act.

Date of the tumulus

Both graves under the mound differ both in funerary rite and burial goods. In the southern chamber, miniature bronze replicas of two daggers and two knives were found. In contrast, virtually all weapons found in the northern grave were made of iron. However, stratigraphic observations, such as absence of earth taken from the northern grave and thrown onto the southern one, territorial proximity of both pits and the fact that they are parallel to each other, suggest that both were made simultaneously.

The absolute date of both graves may be provided by the golden spiral earring from the northern grave. It has a long plate decorated with small impressed bosses imitating granules of metal (fig.18:4). In West Siberia, the Upper Ob region, and the Novokuznetsk area, such earrings appeared no earlier than 200 AD and disappeared about 500 AD (Shirin 1994:9). Earrings belonging to three more types, that existed in West Siberia after 200 or even 300 AD, were found in tumuli near Shestakovo together with fragments of clay plaques (those from the mummies' headdress and round ones), similar to those from Beresh. That the Beresh mound cannot be earlier than 200 AD is also evidenced by one more grave in this mound, published by A.V.Subbotin (fig.23). Here, too, mummies were

placed on the bottom and on the shelves of the burial chamber, the walls and the ceiling were draped with cloth ornamented with clay plaques, and small beakers and pots were among the ceramics. But on the whole, the assemblage from this grave is earlier since it includes buckles shaped like 8, Hunnu type belt-points, and an unornamented earring; also, two archaic artifacts were present: a standard with figurines of goats, and a yoke-shaped amulet (both were quite common in the region before the turn of the Christian era, see Subbotin 1983:64-66). The date of the grave is established on the basis of imported Near Eastern beads with golden and silver inlays, decolourized with manganese (a technique used since 100 AD). There are also gilded reel-shaped beads which circulated in 0-300 AD and were especially popular in India, Central Asia, and the East Mediterranean in 100-300 AD (Alekseeva 1978), as well as small violet beads, most likely Indian, which were manufactured in 200 BC-200 AD (Galibin 1993: 67-68). Overall, according to the beads, the grave published by Subbotin should be dated to 150-250 AD. Consequently, the grave published in the present article was constructed no earlier than late 3d or early 4th century AD.

Siberian communal graves with mummies were traditionally dated to the last two centuries BC because they contain replicas of Hunnu ornaments (buckles, belt points, and buttons). Hunnu prototypes of these artifacts were manufactured in 100 BC - 200 AD. As early as 1983 I questioned the belief that these artifacts, which were used for a very long time, should be referred to as dating criteria. I tried to support my view with several radiocarbon dates falling in the range of 100-300 AD and with the fact that one of the graves with mummies contained a birch-bark box (Berezovo Mound: fig.20-22) which has an imitation of a 300-500 AD Chinese mirror on its lid (Vadetskaya 1983:53). Replicas of similar mirrors were very popular outside China since the 2nd or 3d centuries. The consideration of imported glass beads with due regard to their types, material, and chronology has again demonstrated that the graves in question are later than it was traditionally believed. Indeed, replicas of Hunnu artifacts co-occur with beads whose large-scale manufacture began only in the 1st century AD. So the proposed late date of the Beresh mound can hardly be disputed, although the date suggested in my preliminary publications was 1st century AD (Vadetskaya, Gultov 1986:99).

НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ "ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ" В ИСКУССТВЕ СЮННУ

С.С. МИНЯЕВ*

Изучение истории и культуры азиатских гуннов-сюнну — является одним из традиционных научных направлений в деятельности Института истории материальной культуры РАН (Сосновский 1934; 1935; 1946; Бернштам 1937; 1951; Давыдова, Шилов 1953). В последние годы Забайкальская экспедиция ИИМК РАН проводит систематические исследования одного из опорных археологических памятников сюнну — Дырестуйского могильника, расположенного на юге Западного Забайкалья в Джидинском районе Республики Бурятия. Раскопки этого памятника, где сейчас исследовано более 100 захоронений, дали важнейшую, во многом принципиально новую информацию о сюннском обществе (Minjaev 1989; 1994). Кроме того, исследование могильника сплошной площадью позволило выявить множество грунтовых могил, не имевших видимых признаков на дневной поверхности и поэтому непотревоженных грабителями. В разнообразном инвентаре таких захоронений *особо выделяются* предметы искусства, в первую очередь художественная бронза, которая составляла основу сюннских наборных поясов. Первые данные о таких посах уже изданы (Давыдова, Миняев 1988; 1993); в настоящей статье публикуются находки, сделанные Забайкальской экспедицией в последние годы (рис.1). Эти находки, еще раз продемонстрировали разнообразие художественного мира сюнну и подчеркнули необходимость детального анализа процессов формирования образов сюннского искусства. Несомненная художественная ценность сюннской бронзы, образцы которой встреча-

ются в памятниках сюнну на широкой территории (Забайкалье, Южная Сибирь, Монголия, Северный Китай) привлекала внимание многих исследователей, рассматривавших технику изготовления предметов, стилистические особенности и семантику сюжетов. В целом не вызывает сомнений, что большинство образов искусства сюнну, в том числе и сюжеты художественной бронзы, находит убедительные аналогии в так называемом "скифо-сибирском зверином стиле". Как правило это обстоятельство позволяет трактовать сюннское искусство как одну из стадий развития названного стиля.

Вместе с тем, наряду с зооморфными сюжетами в сюннской бронзе представлены и предметы, орнаментальную трактовку которых можно условно назвать "геометрической". Это "решетчатые" или "ажурные" пряжки верхнего пояса различной формы, ажурные пряжки ремней, а также орнамент на характерных типах мелкой бронзовой пластики: наконечниках, пуговицах и т.п. Истоки "геометрического" стиля в искусстве сюнну на первый взгляд не совсем ясны, так как названные изделия не имеют прямых аналогий в скифских культурах Сибири и Центральной Азии. Детальный анализ сюннской художественной бронзы, в том числе новейших находок на Дырестуйском могильнике, позволяет, на взгляд автора, проследить становление этого стиля как процесс переработки изначально зооморфных "скифо-сибирских" сюжетов, в большинстве из которых в свою очередь отчетливо прослеживается влияние переднеазиатского искусства. Рассмотрим это предположение на конкретных примерах.

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа.

Рис.1. Новые находки художественной бронзы на Дырестуйском могильнике.

Fig.1. New bronzes from Dyrestuy burial ground.

Пластины-пряжки верхнего пояса. Имеющийся в настоящее время материал позволяет наиболее подробно проследить формирование "решетчатых" пластин-пряжек. В качестве одной из исходных композиций в скифо-сибирском искусстве можно назвать сцену с изображением фантастических животных, стоящих по краям символического дерева (коллекция Петра I, Артамонов 1973:157). Данная композиция заключена в прямоугольную рамку, на которую в виде листьев дерева нанесены ячеи для инкрустаций. Дерево и фигуры животных, несмотря на их условность, проработаны отчетли-

во. Передние лапы животных почти неразличимо сливаются с ветвями дерева, головы животных изображены вполне реалистично (рис.2:3).

Пряжки такого типа, вероятно, послужили образцом для изготовления подобных изделий в бронзе, но при неоднократном копировании и доработке отливок многие детали были утрачены. На рамках некоторых бронзовых пластин, видимо, более ранних, чем остальные, сохраняются головы животных, выполненные в том же стиле, что и на пряжках из коллекции Петра I. Однако, вся композиция в целом получает уже геометрическую трактовку. Ветви

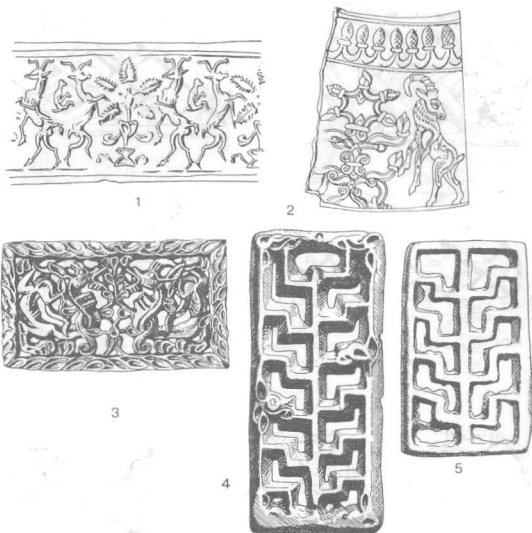

Рис. 2. Сцены с животными у священного дерева и возможные трансформации этого сюжета в хсиунну бронзе. 1 – оттиск цилиндрической печати из Суз, 2 – фрагмент пекторали из Зиويه, 3 – пластина из коллекции Петра I, 4, 5 – бронзовые пластины из Южной Сибири

Fig. 2. Scenes showing animals beside the sacred tree and possible transformations of this scene in Hsiung-nu bronzes. 1 – imprint of a cylindrical seal from Susa; 2 – fragment of a pectoral from Ziwiyeh; 3 – plaque from Peter I collection; 4, 5 – bronze plaques from South Siberia.

дерева исчезают, слившись с передними лапами животных и образуя тем самым ломаные зигзагообразные линии. Эти зигзаги соединяют рамку пряжки с прямой линией в центре, которая вероятно крайне условно изображает ствол символического дерева (рис.2: 4).

С течением времени в результате многократного воспроизводства стилизация исходного зооморфного сюжета окончательно завершается. Рамка пряжки становится гладкой, от голов животных поначалу остаются лишь несколько ячеек, затем исчезают и они. Таким образом, сцена с изображением животных у дерева превращается в чисто геометрическую композицию. Мастера, отливавшие пряжки, добавляли иногда к таким композициям детали "рас-

тительного" характера (листва на рамке пряжек с "зигзагами"), не осмысливая, вероятно, семантику и образы первоначального сюжета. Наиболее поздние пластины-пряжки отливаются иногда в виде трапеций с ломаными зигзагообразными краями, которые уже ничем не напоминают исходную композицию с животными (рис.2:5).

Сходный процесс упрощения первоначального сюжета с постепенным исчезновением зооморфных деталей можно проследить и на примере других прямоугольных пластин, хотя из-за недостатка данных не для всех из них можно выделить сейчас исходные композиции в "скифо-сибирском стиле". Так, еще один вариант "решетчатых" пластин, в центре которых

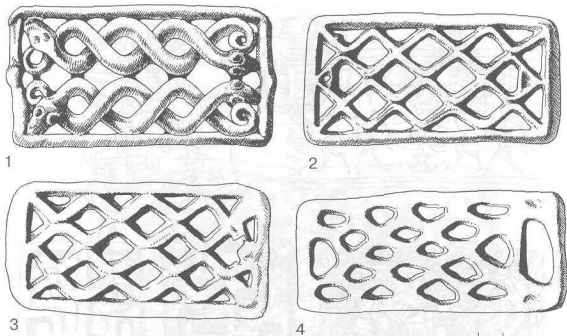

Рис.3. Возможные трансформации сюжета с четырьмя змеями на хсиунских пластинах-пряжках.
Fig.3. Possible transformations of the scene with four snakes on Hsiung-nu plaque-buckles.

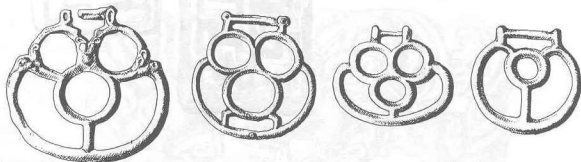

Рис.4. Возможные трансформации пояных пластин-пряжек с П-образным выступом.
Fig.4. Possible transformations of belt plaque-buckles with rectangular protrusions.

изображены не зигзагообразные линии, а решетка из мелких ромбических звеньев, образовался, видимо, в результате копирования пластин с двумя парами ползущих змей. Наиболее ранние образцы таких пряжек отличаются тщательностью изображения, детально проработаны даже глаза змей. С течением времени изображение становится менее четким, а затем превращается в решетку, очень отдаленно напоминающую первоначальный сюжет (рис.3).

Аналогичной переработке (постепенное упрощение зооморфных сюжетов и их стилизация) подверглось, очевидно, большинство (если не все) сюжетов на пластинах-пряжках. Основные стадии этого процесса можно видеть, например, на часто встречающихся в памятниках сиунну пряжках с изображением схватки ло-

шадей. На более ранних пряжках композиция вполне реалистична, копыта животных выделены небольшими ячейками; пространство над лошаадьми, иногда и под ними, заполнено такими же ячейками, которые часто встречаются и на рамке пряжки. В дальнейшем ячейки становятся менее четкими, либо исчезают совсем, фигуры животных изображаются менее детально, композиция становится более свободной. На самых поздних пряжках изображен тот же сюжет схватки коней, однако размер изделий заметно сокращается, а их вес уменьшается со 100–110 граммов до 18–20 граммов (ср. например Andersson 1932: pl.XXXI:1; Samolin, Drew 1965: pl.17:d). Такой же процесс упрощения первоначального сюжета с постепенным исчезновением дерева и частей тела животных отмечен на

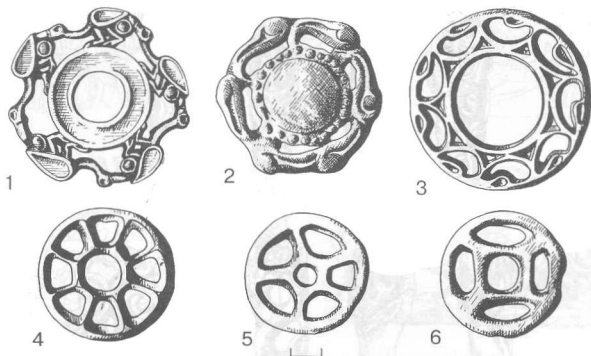

Рис.5. Предполагаемая трансформация композиции на круглых ажурных кольцах.

Fig.5. Assumed transformation of a composition on round openwork rings.

примере композиции с изображением трех горных козлов (Артамонов 1973:163).

Кроме прямоугольных пластин аналогичная тенденция прослеживается также и на поясных пряжках неправильной формы. Так, на паре пряжек с П-образным выступом из Иволгинского могильника в месте соединения кругов пряжки друг с другом и с краем пряжки имеются рельефные изображения голов животных (Davudova 1968: fig.19:1). На следующем этапе стилизации пряжки такого типа сохраняют свою форму и размеры, однако головы животных исчезают; с течением времени размеры пряжек уменьшаются, количество внутренних кругов, составляющих основу пряжки, сокращается с трех до одного, соединенного с рамкой тремя радиусами (рис.4).

Круглые ажурные пряжки верхнего пояса. Для изделий этого типа в качестве исходной "скифо-сибирской" композиции можно назвать кольцо с изображением идущих друг за другом птиц из коллекции Петра I (рис.5:1; Артамонов 1973:193). Реалистичное поначалу изображение птиц с течением времени постепенно схематизировалось: от птиц сначала остаются только изображения голов (как и в процессе трансформации пряжек с изображением животных у древа жизни), расположенные также по краю пластины (рис.5:2). На следующем этапе переработки эти головы превращаются в ячейки по краю кольца (рис.5:3), которые в дальнейшем также исчезают. Исходная композиция

с изображением птиц превращается в геометрическую, в виде двух кругов, внешнего и внутреннего, соединенных между собой несколькими радиусами, число которых также постепенно сокращалось (рис.5:4-6).

На примере прямоугольных пластин-пряжек и ажурных колец можно отметить некоторые закономерности в наблюдаемом процессе схематизации: от первоначальных зооморфных сюжетов сначала остаются изображения голов животных или птиц, затем они трансформируются в ячейки в виде запятых, а впоследствии рамка пряжек становится гладкой.

Пуговицы. В золотой коллекции Петра I имеется несколько пуговиц, на шитке которых нанесены различные зооморфные изображения, в том числе аналогичные сюжетам на сюннуских пуговицах из бронзы, но более реалистичные и детально проработанные. В сюннуском искусстве изображения на пуговицах, как и на других предметах, подвергаются переработке и трансформируются в геометрический орнамент. Некоторые этапы такой переработки можно проследить на примере пуговиц с изображением сидящего медведя. Начальный этап их трансформации уже рассмотрен в литературе (Давыдова 1971: 105), дальнейшая стилизация протекала также, как и в случае с пряжками: уши и морда животного изображались все более условно в виде круглых ячеек, пока не превратились в геометрическую композицию из центрального круга и расположенных вокруг него

Рис.6. Предполагаемые трансформации композиций на ложечковидных застёжках (1-6), пряжках ремней (7,8) и пуговицах (9-12).

Fig.6. Assumed transformations of compositions on spoon-shaped clasps (1-6), belt buckles (7,8), and buttons (9-12).

небольших кружков (рис.6:9-12).

Ложечковидные наконечники ремней. В сюн-нском искусстве на этих предметах часто встречается изображение головы копытного (возможно, сайги), реже — сцены терзания копытного кошачьим хищником. По мнению автора исходные зооморфные композиции этих сюжетов имеются на золотых наконечниках ремней (Артамонов 1973: 193; Руденко 1962: рис.1) в коллекциях Витзена (рис.6:1) и Петра I (рис.6:5), а также на роговом наконечнике из Саглы-Бажи (Грач 1980: рис.39:11). Процесс превращения головы копытного в геометрический орнамент прослеживается достаточно подробно (рис. 6): как и в предыдущих случаях реалистическое изображение головы животного постепенно утрачивает свою выразитель-

ность — его рога, глаза и морда распадаются на отдельные орнаментальные зоны из прямоугольников и треугольников, количество элементов в каждой зоне также постепенно уменьшается (рис.6:1-4). Трансформация сцены терзания, столь динамично представленной на наконечнике из коллекции Петра I не может быть восстановлена достаточно подробно ввиду недостатка материала. Возможно, одну из стадий этой трансформации отражают бронзовые наконечники из Южной Сибири — один из них найден в Косогольском кладе (Нашекин 1967), место находки другого точно неизвестно (Красноярский музей, № 122-669). От изображения копытного в данном случае остается только один стилизованный рог, размещенный по верхнему краю наконечника, от головы хищни-

1

2

3

Рис. 7. 1 – развертка композиции на кубке из Хафайн; 2 – деталь композиции (сцена терзания); 3 – аналогичная композиция на сюннуской бронзе.

Fig. 7. 1 – composition on the beaker from Khafajah; 2 – detail of the composition (clawing scene); 3 – and a similar composition on a Hsiung-nu bronze.

ка – только кружок в центре предмета (рис. 6:6).

Орнаментированные пряжки ремней. Этим предметам также имеются убедительные прототипы в коллекциях сибирского золота. Так, на пряжке из коллекции Петра I (рис. 6: 7) изображены четыре головки птиц, расположенных парно таким образом, что нижняя пара головок является зеркальным отражением головок верхней пары, соединенных между собой дугообразной перемычкой со шпеньком. Между головками нижней пары помещена фигурка ежа (Артамонов 1973:165). Сюннуские пряжки отличаются меньшей выразительностью, изображение ежа исчезает, но процесс трансформации в пряжки с геометрическим орнаментом аналогичен рассмотренным выше (рис. 6:8).

Анализ сюннуской художественной бронзы показывает, таким образом, что широко представленное в ней различные геометрические композиции являются результатом стилизации и переработки в процессе многократного копирования исходных зооморфных изображений. В свою очередь эти зооморфные изображения и композиции связаны с кругом скифо-сибирского искусства, прежде всего, с золотыми изделиями из курганов сибирской знати скифского времени, которые были собраны в коллекциях Петра I и Витзена, а в последнее время обнаружены и в неповрежденных археологических комплексах (Матюшенко, Яшин 1987: 192–195). Это обстоятельство на первый взгляд связывает, формирование важнейших компо-

нентов как духовной так и материальной культуры сюнну (сюжеты искусства и наиболее характерные типы предметного комплекса) с кругом скифских племен Саяно-Алтая и Южной Сибири, где рассматриваемые в качестве исходных предметы с зооморфными изображениями получили наибольшее распространение.

Однако, изображения, о которых идет речь, не являются, видимо, продуктом только собственно скифского художественного творчества – ряд из них находит убедительные аналогии в Передне-восточном искусстве, влияние которого на сложение искусства скифского времени неоднократно рассматривалось в литературе и подтверждается новыми публикациями (ср. например сцены охоты на кабана на халцедоновой печати из ахеменидского Ирана: Pittman, Aruz 1987:74 и близкую по сюжету, но более динамичную сцену на поясных пластинах из Сибирской коллекции: Артамонов 1973:136).

Рассмотрим композицию с изображением животных у символического дерева. Подобный сюжет известен в искусстве Переднего Востока с глубокой древности – его принято считать культовым, символизирующим силу и плодородие (Porada 1963:214). Одним из наиболее ранних является, видимо, изображение на цилиндрах-печатах из Суз, период С (Porada 1963:23). Подобная сцена, видоизменяясь в деталях, продолжает существовать в искусстве Переднего Востока, в частности в древнеиранском, длительное время. В XV–X в.в. до н.э. она

Рис.8. 1 – Деталь композиции на кубке из Хафайи; 2 – один из вариантов предполагаемой трансформации этого сюжета в сюннуской бронзе.

Fig.8. 1 – detail of composition on the beaker from Khafajah; 2 – a transformation of this scene in Hsiung-nu bronzes (one of the assumed versions).

встречается на цилиндрах-печатах и в бронзе (рис.2.1; Porada 1963:46,56), в более позднее время (IX в. до н.э.) эта композиция известна на обломке сосуда из Хасанлу (Porada 1963:111). Аналогичная сцена представлена и на золотой пекторали из Саккызского клада (Porada 1963:121), художественный стиль изделий которого является промежуточным звеном между скифским искусством и искусством Переднего Востока (Артамонов 1973). Дерево здесь изображено схематично, но фигура животного (козла) выражена довольно реалистично, с тщательной проработкой малейших деталей (рис.2:2). Вероятно, композиции такого типа были восприняты и переработаны скифскими мастерами: именно эти сильно стилизованные сюжеты можно видеть на рассмотренных выше пряжках из коллекции Петра I. Последние, в свою очередь, послужили основой для копирования и переработки их сюннускими ювелирами.

Композиция с изображением животных у символического дерева жизни наглядно показывает, что в сюннускую среду через посредство скифского мира проникают, а затем и перерабатываются сюжеты, формирование которых связано с передневносточным искусством глубокой древности. Поэтому можно сделать казалось бы маловероятное предположение, что и некоторые другие сюжеты (как зооморфные так и геометрические), представленные в искусстве сюнну, прошли аналогичный путь заимствования и трансформации, а некоторые, необъяснимые на первый взгляд, орнаментальные детали в реалистичных композициях сюннуского искусства являются рудиментами первоначальных образов и предметов, в измененном виде сохранившихся от первоначальных сюжетов. Конкретные этапы столь длительного пути переработки и стилизации исходных образов пока не могут быть восстановлены подробно ввиду очевидного недостатка материала. В настоящее

время можно лишь высказать ряд предположений, которые мы проиллюстрируем на конкретных примерах.

Рассмотрим вначале композиции, представленные на стегативном кубке I тыс. до н.э. (?), найденном в Хафайе (Иран) (Porada 1963:28). Условно развертку изображения можно разделить на три основные сцены, дополненные различными второстепенными деталями (рис.7:1). Первая сцена представляет собой терзание хищной птицей и львом поверженного навзничь быка (рис.7:2). Аналогичные по композиции и персонажам сцены терзания широко распространены как в скифском так и в сюннуском искусстве. Примером могут служить золотые пластины из коллекции Петра I (Артамонов 1973:166) а также бронзовые пластины-пряжки из Дзестуйского могильника, а также случайные находки в Ордосе (рис.7:3; Andersson 1932: pl.XX). Между ними и сюжетом на кубке из Хафайи наблюдаются определенные различия в стилистической трактовке образов животных: на иранском кубке изображение более реалистично, а тщательная проработка деталей не оставляет сомнений в определении конкретных животных. Изображение на золотых и бронзовых пластинах более мифологично, трактовка образов животных в целом соответствует канонам "скифо-сибирского" стиля, однако общее сходство между композициями несомненно: и в том и другом случае кошачий хищник и хищная птица (в скифо-сибирском искусстве – грифон) терзают поверженное копытное животное. Отметим, что в данном случае, как и в рассмотренных выше примерах связующим звеном между сюжетами сюннуского и передневносточного искусства являются золотые изделия скифского времени.

Другая сцена на кубке из Хафайи изображает двух львиц (или пантер), лежащих головами в разные стороны; между животными стоит че-

1

2

3

4

Рис. 9. Деталь композиции на кубке из Хафайи (1), сюннуская бронзовая пластина из Ордоса (2), детали композиций на кубке и на бронзовой пластине (3-4).

Fig. 9. Detail of composition on the beaker from Khafajah (1), Hsiung-nu bronze plaque from Ordos (2), details of compositions on the beaker and on the bronze plaque (3,4).

ловек (или антропоморфное божество), держащий в руках двух змей (рис.8:1). Прямых аналогий этому сюжету пока нет ни в скифском ни в сюннуском искусстве. На взгляд автора, возможный вариант переработки такой или близкой по композиции сцены представлен на бронзовой пряжке из Иволгинского могильника (Давыдова 1971:95). Поза животных, также кошачьих хищников, такая же как и на кубке из Хафайи (рис.8:2). Волнистые линии в верхней части пластины, необычные для сюннуского искусства и явно выпадающие из зооморфной композиции, возможно являются рудиментом изогнутых рук и мускулатуры антропоморфного божества, представленного на стеатитовом кубке. Добавим, что и кошачьи хищники с характерным поворотом головы назад, изображенные в этой сцене, стилистические и иконографически находят чрезвычайно близкие аналогии на бронзовых нашивках, широко распространенных в памятниках сюнну (Давыдова, Миняев 1988: рис.2).

Третья сцена на стеатитовом кубке изображает двух быков, стоящих головами в разные стороны. На крупе одного из них сидит человек (иконографически тождественный человеку или антропоморфному божеству из предыдущей сцены), который держит в своих руках пучки длинных волнистых линий, проходящих между рогами быков, и опускающихся до земли. Эти пучки линий заканчиваются символическим изображением дерева (рис.9:1). По мнению Е. Порады (Porada 1963:28), рассматриваемые линии изображают струи воды, а бо-

жество – повелителя природы. Прямые аналогии такому сюжету в скифском и сюннуском искусстве также отсутствуют. Тем не менее можно предполагать, что рудиментарные детали этой сцены, прошедшей длительный путь переработки, сохранились в сюннуском искусстве на пластинах с изображениями быков (рис.9:2), между рогами которых изображены такие же волнистые линии (практически необъяснимые из сюннуского чисто зооморфного сюжета), как и на кубке из Хафайи (сравни изображения 3 и 4 на рис.9).

Отметим и ряд других существенных деталей рассматриваемого кубка. Прежде всего подчеркнем, что здесь между сценой терзания и сценой с божеством, сидящим на быке, в миниатюре представлено то же изображение с двумя фантастическими существами по сторонам стилизованного дерева, которое, как мы видели выше, было существенно переработано в сюннуском искусстве. Добавим также, что иконографически эти существа весьма близки к некоторым персонажам, представленным на сюннуских многофигурных композициях с изображением людей и животных, в частности на пластинах из Ордоса и Маньчжурии (Salmony 1933:pl.XXI-4). На этих же пластинах, возможно, представлен и еще один персонаж, имеющий аналогии на кубке из Хафайи – это животное (возможно, кошачий хищник) лежащий в ветвях дерева над повозкой (сюннуская пластина из Ордоса, Salmony 1933, pl.XXI-4) и над одним из быков – на кубке из Хафайи. Следует отметить, что мускулатура этого живот-

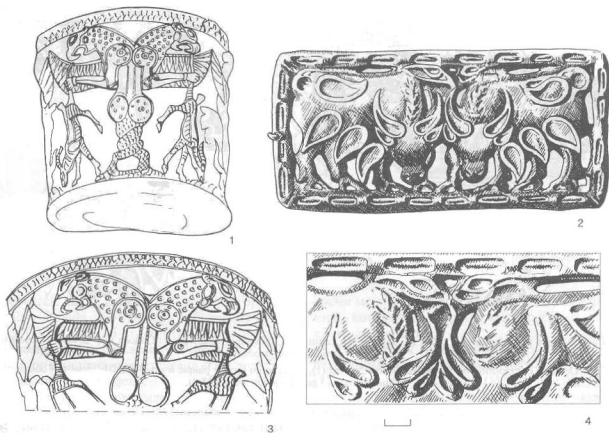

Рис.10. Электровый кубок из Ирана (1) и сюннская бронзовая пластина из Южной Сибири (2), детали композиций на кубке и на бронзовой пластине (3-4).

Fig.10. Electrum beaker from Iran (1), Hsiung-nu bronze plaque from South Siberia (2), details of compositions on the beaker and on the bronze plaque (3-4).

го подчеркнута той же характерной скобкой, что и в изображениях зверей в скифо-сибирском стиле (рис.7:1).

Весьма существенными представляются и иконографические особенности антропоморфных мужских персонажей, изображенных на стеатитовом кубке. Характерные антропологические признаки в виде прямого, далеко выступающего носа сближают их с человеческими фигурами как в скифском искусстве (золотое украшение седла из Юновки, Поднепровье — Курьер ЮНЕСКО 1976: рис.19) так и на сюннской бронзе, в частности на приведенных выше пластинах с многофигурными композициями.

Еще одна любопытная деталь, указывающая, с нашей точки зрения, на возможные истоки сюжетов сюннского искусства и подтверждающая сказанное выше, сохранилась на широко распространенных пряжках верхнего пояса с изображением пары быков. Упомянутые пряжки несколько отличаются по стилю от рассмотренных выше сюннских пластин. При описании этих изделий обычно обходят вниманием тот факт, что рога быков, головы которых

соприкасаются между собой, заканчиваются изображением головок птиц, клювом вонзившихся в спины животных (рис.10:2,4). Это обстоятельство, учитывая рассматриваемые процессы стилизации и упрощения, позволяет предполагать, что исходными для данной сцены могли быть какие-либо сюжеты, где кроме животных присутствует фантастическая двухголовая птица-демон или другое существо с двумя птичьими головами. В качестве возможных прототипов можно указать на композицию на электровом кубке (рис.10:1), найденном в Иране (Porada 1963:88) или на ритуальном топоре из Северного Афганистана (П тыс. до н.э.; Pittman, Aruz 1987:35). В обоих случаях показано фантастическое существо с ногами птицы, стилизованным туловом, двумя птичьими головами и человеческими руками. Существо, изображенное на кубке, держит в руках двух копытных (газелей?), существо, представленное на топоре, борется с другими животными. По композиции и стилю эта сцена в целом ничем не напоминает изображение на сюннских пластинах, но в контексте рассматриваемой трансформации исходных сюжетов можно

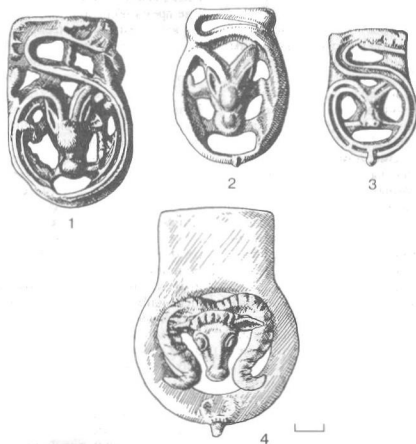

Рис. 11. Предполагаемые этапы трансформации сюннуских бронзовых пластин с П-образным выступом (1–3) и золотая пластина из могильника Эмес (4).

Fig. 11 Assumed stages of evolution of Hsiung-nu bronze plaques with rectangular protrusions (1–3), golden plaque from Emez burial ground (4).

предположить, что две птичьих головы, сохранившиеся над быками — это все, что в процессе переработки и упрощения осталось от фантастического птичьего демона, один из образов которого в передневносточном искусстве представлен на названных выше предметах.

Анализ образцов сюннуской художественной бронзы как с зооморфными так и с геометрическими орнаментами показывает, что как первые так и вторые (через посредство нескольких этапов трансформации) в конечном итоге восходят к зооморфным сюжетам, широко распространенным в "скифо-сибирском" искусстве. В свою очередь эти сюжеты формировались под очевидным влиянием передневносточных традиций, что неоднократно отмечалось в литературе (Rostovcev 1929; Артамонов 1973; Равевский 1985). Мастера скифской эпохи подвергли передневносточные сюжеты определенной стилистической и композиционной переработке, создав на их основе вполне оригинальное направление древнего искусства. Через посредство скифских культур (а возможно и культур более раннего времени) характерные передне-

восточные сюжеты проникают в различные регионы степного пояса, в том числе далеко в Сибирь и Центральную Азию, где получают широкое распространение. На рубеже III-II в.в. до н.э. с ними знакомятся сюнну, под властью которых оказалось население ряда сибирских и центральноазиатских провинций скифского мира. Благодаря этому композиции передневносточного искусства глубокой древности, сохранявшие свою основу на протяжении тысячелетий, распространяются и в сюннуской среде, подвергаясь при этом механическому копированию и переработке.

Быстрая трансформация исходных зооморфных сюжетов, за короткий срок утративших столь долго существовавшие сюжетные линии, потерявших многие характерные детали а порой и превратившихся в геометрические композиции, показывает, вероятно, что сюннуские ювелиры не осмысливали содержание таких сюжетов, упрощая и ликвидируя многие незнакомые для них детали и целые образы, сохраняя и обогащая реализмом только близкие и понятные им сцены с изображениями живот-

ных. Это наблюдение позволяет предположить, что эстетические критерии важнейшего феномена духовной культуры — изобразительного искусства, формировались у сюнну вне зоны скифо-сибирского мира, основные сюжеты искусства которого претерпевают в сюннуской среде столь быстрое изменение. Подчеркнем в связи с этим, что композиции, быстро трансформированные сюнну в Центральной Азии, в зоне своего формирования на Переднем Востоке во многом в неизменном виде доживают вплоть до средневековья — сравните сцены с изображением животных у священного дерева (Pogada 1963) или пряжки пояса с изображением головы барана, быстро стилизованные в сюннуской среде (рис.11:1-3), но сохраняющие все детали в регионах влияния передневносточного искусства (рис.11:4).

Вполне вероятно, что сюжеты "скифо-сибирского звериного стиля" не входили в изначальный набор реалий собственно сюннуского искусства. Не случайно в сцене борьбы коней, казалось бы столь типичной именно для искусства сюнну, исследователи видят иллюстрацию к сюжету мифологии ираноязычных народов, сюжету, формирование которого относится еще к эпохе индоиранского единства (Беленицкий 1978:37; Кузьмина 1978:108).

Возможно, для раннего этапа искусства сюнну было характерно иное техническое и стилистическое направление: гравированные изображения на органическом материале — кости, роге, минералах. Образцы такого искусства, существенно отличающиеся от "скифо-сибирских" канонов, встречаются в различных памятниках сюнну (Давыдова 1985:рис.X:1,2; Давыдова, Миняев 1975:198)

В данной статье намеренно не рассматривается семантика изображений — это тема другого

исследования. Отметим только, что в настоящее время общепринято трактовать эти сюжеты как сцены героического эпоса — к этому склоняется большинство исследователей, расходясь лишь в оценке этнической среды, сформировавшей такой эпос (Postovtzeff 1932; Грязнов 1961; Артамонов 1973; Беленицкий 1978; Кузьмина 1978). С этой точки зрения можно предполагать, что приведенные выше сюжеты передневносточного искусства (в первую очередь на кубке из Хафайи) являются реальным отражением каких-то древневносточных мифов или эпических сказаний. Длительное сохранение этих сцен в скифском (в том числе в "скифо-сибирском") искусстве в таком случае может объясняться как частное проявление неоднократно отмеченной в литературе этнокультурной и языковой близостью скифов и других ираноязычных народов, близостью, восходящей видимо к единой древнейшей основе (Бонгард-Левин, Грантовский 1983:177).

Быстрая трансформация рассматриваемых нами сюжетов, до завоеваний сюнну сохранявших свою основу на протяжении тысячелетий, показывает, очевидно, что в рамках сюннуского племенного союза передневносточные традиции сталкиваются с принципиально иной этнической, культурной и языковой средой (протомонгольской?), где бытовали иные мифологические и эпические сюжеты и образы. Часть передневносточных композиций могла сохраниться в этой среде благодаря тому, что нашла определенное соответствие в мировоззрении племен, занимавших доминирующее положение в сюннуском племенном союзе. Другая часть таких композиций была стилизована и переработана сюнну в соответствии с их эстетическими нормами.

- Артамонов, М.И. 1973. Сокровища саков. Москва: Искусство.
- Беленицкий, А.М. 1978. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и средневековье//Краткие сообщения Института археологии АН СССР 154:31-39.
- Бернштам, А.Н. 1937. Гуннский могильник Иони-Ула//Известия АН, отделение общественных наук 4: 947-968.
1951. Очерки истории гуннов. Москва-Ленинград.
- Бонгард-Левин, Г.М., Э.А. Грантовский 1983. От Скифии до Индии. Москва: Мысль.
- Греч, А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. Москва: Наука.
- Грязнов, М.П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири//Археологический сборник Государственного Эрмитажа 3: 7-31.
- Давыдова, А.В. 1971. К вопросу о хуннских художественных бронзах//Советская археология 1:93-105

1985. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Ленинград: Ленинградский государственный университет.
- Давыдова, А.В., С.С. Миняев 1975. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // Археологические открытия 1974 года :198. Москва.
1988. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника//Советская археология 1: 230-233.
1993. Новые находки наборных поясов сюнну в Забайкалье//Археологические вести 2: 55-65.
- Давыдова, А.В., В.П. Шилев 1953. К вопросу о земледелии у гуннов // Вестник древней истории 2:193-195.
- Кузьмина, Е.Е. 1978. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей//Краткие сообщения Института археологии АН СССР 154:103-108
- Матюченко, В.И., В.Б. Яшин 1987. Потребление вина из могильника у села Сидоровка Омской области и некоторые вопросы мировоззрения кочевников степей//Исторические чтения памяти М.П. Грязнова:192-195 Омск.
- Нащекин, И.В. 1967. Косогольский клад//Археологические открытия 1966 года Москва:163-165

- Раевский, Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. Москва: Наука.
- Руденко, С.И. 1962. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников Д 3-9. Москва: Наука.
- Сосновский, Г.П. 1934. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ 7-8: 110-112.
1935. Дзрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ 1-2: 165-169.
1946. Раскопки Ильмовой пади // Советская археология VIII :121-124.
- Andersson, J.G. 1932. Hunting magic in the animal style // BMFEA 4.Stockholm.
- Davydova, A. 1968. The Ivolga gorodishe//Acta archaeologica Hungaricae XX.
- Minjaev, S. 1989. Neues zur Archäologie der Xiongnu // Das Altertum 35/2: 118-125.
1994. Hsiung-nu: new discoveries in archaeology and art // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 64-66. St.-Petersburg.
- Pittman, H., J.Aruz. 1987. Ancient art in miniature. New York.
- Porada, E. 1965. The art of Ancient Iran. New-York.
- Rostovtzeff, M.I. 1930-1932. The Great hero of middle Asia and his exploits//Artibus Asia 2/3 (212). Leipzig.
- Rostovcev, M.I. 1929. Le centre de L'Asie, La Russie, La China et le style animal. Prague.
- Salmony, A. 1933. Sino-Siberian art in the collection of C.T.Loo. Paris.
- Samolin, W., I.Drew. Eurasian animal style plaques, 1. //Monumenta Serica XXIY.
- Seyrig H. Antiquites syriennes. 53. Antiquites de la necropol d'Emese//Syria XXIX. f.3-4.

RECENT FINDS OF HSIUNG-NU BRONZES AND THE ORIGINS OF THE "GEOMETRIC STYLE" IN HSIUNG-NU ART

Zoomorphic bronzes (plaques and buckles of various forms, buttons, etc.) belong to the most impressive examples of Hsiung-nu art (fig. 1). A number of other Hsiung-nu bronzes are treated in a way that may be described as geometric. They include "lattice", or "openwork", buckles of the belts and small artifacts such as points, buttons, etc. Their detailed analysis makes it possible to trace an evolutionary sequence beginning from originally zoomorphous "Scytho-Siberian" representations, most of which were strongly influenced by the Near Eastern art. In the following we shall exemplify this suggestion.

Plaque-buckles of the upper belt. Artifacts whose origins is best documented are "lattice" plaque-buckles. Perhaps one of the original compositions is a scene showing fantastic animals standing beside a symbolic tree (Peter I collection). It is encompassed by a rectangular frame on which there are pits for the inlay, shaped like tree leaves. The tree and the animals are well modelled, and the heads are quite realistic. Buckles of this type were prototypes for bronze plaques, but many details had been lost in the process of repeated copying and additional modelling of the casts. The frames of some bronze plaques still retain the heads of animals rendered in the same manner as those on the buckles from Peter I collection, but the entire composition becomes geometric. Later only several pits remain of the heads of the animals, and eventually they disappear as well. The original scene depicting animals beside a tree turns into a geometric composition. The latest plaque-buckles

look like trapeziums with zigzag edges and have little if anything in common with the original composition (figs.2:3,4).

Apparently most representations on plaque-buckles were subjected to a similar remodelling with a gradual simplification and stylization of zoomorphous scenes. This applies to representations of three mountain goats, two couples of snakes ultimately transformed into a lattice consisting of small diamond-shaped cells (fig.3), and a horse fight (here, the artifacts gradually diminished, their weight dropping from 100-110 g to 18-20 g).

Round openwork buckles of the upper belt. The original "Scytho-Siberian" composition is seen on a ring from Peter I collection showing birds walking in file. Being initially realistic, the representation was gradually becoming more and more schematic. First, only heads situated along the edge of the plaque remained of the birds. Next, the heads, too, turned into pits, which eventually disappeared as well, the composition turning into a geometric pattern: two concentric circles connected by several radii whose number also diminished with time (fig.5).

The evolution of rectangular plaque-buckles and openwork rings demonstrates certain regularities in the schematization process: at the first stage only heads of animals or birds are preserved of the zoomorphous scenes, then they turn into comma-like pits, and ultimately the buckle frame becomes smooth.

Small bronze artifacts (buttons, spoon-like clasps,

ornamented belt buckles, fig.6). Representations on these artifacts undergo a similar transformation ultimately turning into geometric patterns. Stages of this evolution can be traced in series of buttons representing a sitting bear, spoon-shaped clasps, and openwork belt buckles. These artifacts, too, have clear-cut prototypes among the collections of Siberian gold. Hsiung-nu buckles are less expressive, but the transformation process was similar to the one described above.

As our analysis demonstrates, "geometric" compositions in Hsiung-nu art were the outcome of the stylization process that occurred during the repeated copying of original Scytho-Siberian zoomorphous representations, primarily those on golden artifacts from mounds of the noblemen (many such artifacts belonged to Peter I and Witsen collections, and some have recently been found in undisturbed assemblages). However, these representations did not result from the evolution of Scythian art proper, since some of them have demonstrative parallels in the Near Eastern tradition, whose impact on Scythian art has been discussed more than once.

Let us turn back to the first composition showing animals beside a symbolic tree. The subject had been used in Near Eastern art from time immemorial, the earliest known examples being representations on the cylindrical seals dating from Period C in Susa. Minor modifications disregarded, this scene continued to be popular in the Near East throughout the period of 1500-900 BC, when it was depicted on cylindrical seals and bronzes, and even later, as evidenced by a fragment of a 9th century BC vessel from Hasanlu. A similar scene is represented on a golden pectoral from the Sakkyz hoard which in a way may be viewed as an intermediate link between the Scythian art and that of the Near East. Scenes of this type were adopted and modified by Scythian artisans, the outcome of the process being seen on buckles from Peter I collection. These, in turn, were copied and remodelled by Hsiung-nu jewellers (fig.2).

Another scene popular in Hsiung-nu art was that of a hoofed animal clawed by a griffin and a feline. While virtually the same scene is observed on a steatite beaker from Khafajah, the link connecting it to Hsiung-nu art are golden plaques from Peter I collection (fig.7-9).

Such examples (whose number may be enlarged) indicate that representations related to a very ancient Near Eastern tradition penetrated into, and were modified by, the Hsiung-nu milieu via the Scythian world. A rapid transformation of zoomorphous scenes, which over a short period turned into geometric compositions (fig. 10-11), implies that the Hsiung-nu jewellers failed to fully comprehend their contents, simplifying or eliminating many details and even images unfamiliar to them while retaining or realistically enriching only scenes which were easy for them to understand, namely those showing animals. And, because Scytho-Siberian traditions were so radically changed by the Hsiung-nu, it may be suggested that aesthetic criteria inherent in Hsiung-nu art formed outside the Scytho-Siberian area.

It is quite probable that originally the elements on which the Scytho-Siberian animal style was based were not part of the Hsiung-nu art, the characteristic features of the latter being engraved representations on organic materials like bone or antler and on minerals. Such representations, sharply differing from the "Scytho-Siberian" canon, have been found on many Hsiung-nu sites.

The rapid evolution of the prototypes which before the Hsiung-nu conquest were basically stable over several millennia demonstrates that the new ethnic, cultural, and linguistic (Proto-Mongolian?) milieu with its peculiar mythological and epic imagery was quite alien to the Near Eastern tradition. Some of the prototypical compositions had been retained possibly due to the fact that certain ideological similarities did exist; others were stylized and transformed by the Hsiung-nu in accordance with their own aesthetic norms.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАТУЭТКИ БУДДЫ ИЗ ХЕЛЬГО

В.А. ЗАВЬЯЛОВ*

Многолетние ширококомасштабные раскопки раннесредневекового поселения Хельго, расположенного примерно в 30 км. к западу от Стокгольма на одном из небольших островов озера Мзларен дали чрезвычайно интересные с археологической точки зрения результаты. Хорошо документированные материалы из Хельго давно опубликованы и постоянно находятся в поле зрения не только скандинавских исследователей, но и ученых других стран. Здесь нет необходимости касаться всего комплекса проблем, возникших в процессе изучения этого замечательного памятника, тем более, что большинство их нашло отражение в сборнике статей, посвященных древностям из Хельго (Thirteen Studies on Helgö. 1988). Целью данной работы является исследование вопросов, связанных лишь с одной поистине уникальной находкой – бронзовой статуэткой Будды (рис. 1,2).

Статуэтка была обнаружена уже в первые годы раскопок на поселении (Excavations at Helgö I. 1961: 88, 112, colour pl.A, fig. 18-20) близ западного края ямы No.124, в квадрате М-34, на глубине 12 см от современной дневной поверхности. Изначально статуэтка была отнесена к артефактам, обнаруженным в пределах сооружения I (foundation I). Дальнейшее исследование этого строительного комплекса показало, что в нём были две деревянные постройки (IA и IB), от которых сохранились лишь камни фундаментов, лежащие в основании сооружений (Excavations at Helgö III. 1970:126,127).

Статуэтка Будды, вероятно, находилась в постройке IB, где были обнаружены и другие импортные предметы, что дало основание интерпретировать весь этот вещевой комплекс как клад. То обстоятельство, что находки не образовывали компактной группы, как можно было бы ожидать в таком случае, объяснялось переротленностью грунта, вызванной тем, что позднее в этом месте проложили дорогу. Но

если культурный слой поселения на участке, где располагались постройки IA и IB был действительно потревожен, то все найденные здесь предметы в равной степени могли бы находиться и в сооружении IA (Excavation at Helgö III. 1970:135, fig 62, pl.49). В постройке IA, как показал анализ распределения находок, наряду с предметами местного производства были найдены и импортные вещи, преимущественно располагавшиеся в углах дома, причем большинство их было зафиксировано в северо-западном углу, наиболее близком сооружению IB. В числе находок в сооружении IA оказались два фрагмента арабских серебряных монет (Excavations at Helgö III. 1970:132,133). В целом в пределах сооружения I найдено семь арабских монет, отчеканенных в промежутке между 742-743 и 827-833 гг. (Excavations at Helgö I. 1961:240, 241, figs.79,80).

Отдельное исследование было посвящено и самой статуэтке Будды (Ahrens 1964:50-52, fig.1-3). Исходя из известных к тому времени данных, автор сопоставил статуэтку из Хельго с бронзовыми статуэтками из Восточного Туркестана (бассейн рек Тарим и Дунхуан). Стилистическое сравнение (манера изображения складок одежды), а также пропорции статуэтки и "одухотворенность" образа божества привели Д. Аренс к выводу о том, что Будда из Хельго возможно происходит из вышеупомянутого региона и датируется в пределах V в. по Р.Х. При этом была отмечена важность данной находки для датировки всего сооружения (IA, IB) и в особенности для начала его функционирования как святилища, которое дополняет археологическую стратиграфию. По заключению автора, опиравшегося на всю совокупность находок, дом был построен после 500 г. и существовал вплоть до 800 г., тогда как импортные ритуалы скорее всего могли попасть в дом в VII в. и сохраняться там до начала IX в. В конце статьи в предположительной форме был наме-

* Россия, Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

Рис. 1. Будда из Хельго (по материалам В. Холмквиста).
Fig. 1. Buddha from Helgö (after W. Holmqvist).

Рис. 2. Будда из Хельго. Вид сбоку и сзади. По материалам В. Холмквиста.

Fig. 2. Buddha from Helgö (side and back views, after W. Holmqvist).

чен возможный маршрут проникновения статуэтки на территорию Швеции: из Восточного Туркестана по шелковому пути в Сирию* чтобы затем с помощью арабов и викингов попасть в Швецию» (Ahrens 1964:52).

В процессе работы по сбору банка данных о буддийских памятниках Средней Азии, выполняемой в рамках совместного российско-норвежского проекта "Eastern connections 500-1000 AD" (руководитель профессор Е. Миккельсен из Осло),* удалось предложить иной вариант датировки и происхождения Будды из Хельго, нежели изложенный выше. Вполне вероятно, что происхождение этой статуэтки следует связывать с Кашмиром, куда в VII в. перемещается центр буддийской религии и где начинается массовое производство бронзовых статуэток (Pal 1975:47,48). Среди опубликованных кашмирских бронз прежде всего обращают на себя внимание две статуэтки, изображающие Гаутаму-Будду, датируемые VII в. и обнаруживающие весьма близкое иконографическое сходство с Буддой из Хельго (рис.3,4), причем наибольшая близость прослеживается между рассматриваемой статуэткой и статуэткой (рис.3) из Лос-Анджелесского музея искусств (Pal 1975:88, No.20). Сходство наблюдается: в изображении лотосовидного трона, на котором си-

дит Будда в позе йога, известной как *pariyankāsana*; в положении рук, когда правая кисть лежит на правом колене в жесте щедрости, левая придерживает край верхней одежды (*sanghātī*); в расположении складок одежды и, особенно ворота сангхати, оставляющего открытыми часть плеч и груди; в изображении прически. Тем не менее, при общем иконографическом сходстве, очевидно, что обе статуэтки отлиты в разных формах, о чем свидетельствует ряд различий. Так, нижняя часть цветка лотоса у статуэтки из Хельго состоит из трех рядов лепестков округлых очертаний, в то время как нижняя часть лотоса статуэтки из Лос-Анджелеса состоит из двух рядов лепестков, окончания которых приострены. Более того, в отличие от статуэтки из Хельго основание статуэтки из Лос-Анджелеса продолжается и ниже концов лепестков и отделено от них рельефной линией. Ниже ног Будды у статуэтки из Хельго изображена линия "перлов", прерывающаяся в месте подковообразных складок дхоти (*dhoti*). Эти детали отсутствуют у Лос-Анджелесской статуэтки. Также имеют различия положение ладоней правых рук, по разному изображены сангхати, верхние части ушей и теменная выпуклость-ушниша (*usnīṣa*). Более рельефно выражены у статуэтки из Лос-Анджелеса складки сангхати, наблю-

* Данная статья публикуется с согласия профессора Е. Миккельсена.

Рис. 3. Будда из Кашмира. Музей Искусств в Лос-Анджелесе. По материалам П.Пала.

Fig. 3. Buddha from Kashmir. Los Angeles Museum of Art (after P.Pal).

Рис. 4. Будда из Кашмира. Коллекция Форда в Балтиморе. По материалам П.Пала.

Fig. 4. Buddha from Kashmir. The Ford Collection, Baltimore (after P.Pal).

дающиеся также и на плечах. Отличия, кроме того, можно видеть в изображении бровей, глаз и рельефных ободков на шее. И все же вышеперечисленные различия не могут перечеркнуть ярко выраженного сходства обеих статуэток, представляющих два варианта одного иконографического типа. По ряду деталей к вышеупомянутому статуэткам из Хельго и Лос-Анджелеса приближается статуэтка из коллекции Форда в Балтиморе (рис.4), также относящаяся к этому иконографическому типу, но являющаяся собой еще один — третий его вариант.

В результате анализа П.Пал выделил некоторые стилистические и технологические признаки, характерные для кашмирских бронз. К числу стилистических относятся: стремление к изображению здоровых и сильных тел, проявляющееся в подчеркивании грудных и брюшных мышц; округлость лиц по сравнению с овальной формой лиц гандхарских и гуптских изображений; скорее широкий, чем "орлиный" нос; отсутствующее выражение глаз, в особенности когда они инкрустированы серебром, или, в иных случаях, их раскосость, свойственная монголоидам; листья лотоса-основания не имеют тычинок и более напоминают листья артишока, чем собственно лотоса. Среди технологических признаков кашмирских бронз выделяются: преобладающее использование латуни для литья статуэток; инкрустация серебром, медью и золотом губ, бровей, глаз, особой мет-

ки на лбу между бровями (urnā). Отмечено несколько случаев, когда медью было инкрустировано даже одеяние, чтобы передать богатство текстуры (Pal 1975:12,13,30). Нетрудно заметить, что практически все вышеперечисленные признаки характерны как для статуэтки из Хельго, так и для привлекаемых аналогий.

Кроме традиций гандхарского искусства, повлиявших на формирование кашмирских бронз, П.Пал отмечает также влияния с юга из области вокруг Матхуры и из близлежащей долины реки Сват (Pal 1975:22,36,37). Из долины Свата, где находился собственный центр производства буддийских бронз, происходят несколько статуэток, по некоторым признакам достаточно близких к вариантам иконографического типа, упоминавшимся выше. В частности значительное сходство прослеживается между кашмирскими бронзами (в том числе и Буддой из Хельго) и статуэткой, находящейся ныне в одной из коллекций Японии (Paul 1981: 426, fig. 23). В данном случае близость проявляется в изображении складок одеяния, ворота сангхаты, положение рук и ног, рельефных поясков на шее, в то время как детали оформления тронов демонстрируют существенные различия. Интересно, что бронзовая статуэтка из долины Свата привлечена П.Г.Полем для сравнения с терракотовой плиткой из Дамкота (название одного из городищ в долине Свата), которую автор склонен относить к VI в. и на ко-

той воспроизведен Будда, сидящий в позе йога. Следует отметить, что его одеяние, особенно ворот сангхати, изображено в манере, очень близкой всем вышеописанным изображениям (Paul 1981:423, fig.7). Важно подчеркнуть, что терракотовая плитка была обнаружена в процессе раскопок.

Как было показано выше, бронзовая статуэтка из Хельго находит весьма близкие стилистические параллели прежде всего с кашмирскими бронзами, а также с терракотовыми и бронзовыми изделиями из долины Свата. Это позволяет предполагать, что она была изготовлена в одном из центров Кашмира или, что менее вероятно, долины Свата. Принадлежность статуэтки из Хельго к кашмирским бронзам была бы еще более очевидной, если бы в процессе анализа подтвердилось, что она была отлита из латуни.

Очевидно, следует согласиться с предположением П.Пала о том, что обе статуэтки (из Лос-Анджелеса и коллекции Форда в Балтиморе) стилистически предвосхищают последующее развитие кашмирских бронз и, возможно, воспроизводят некогда существовавшую статуэтку (Pal 1975: 24). Не исключено, что к этому статуарному типу восходит и статуэтка из Хельго. Взаимозависимость и взаимовлияния между

глиняной и каменной скульптурой и их терракотовыми уменьшенными копиями, а также живописью являются закономерным результатом развития буддийского искусства. В этой связи представляет интерес, что особая метка на лбу между бровями (*umā*) у одной из глиняных статуэток буддизматты была оформлена в виде ямки, в которую помещено золотое украшение с припаянной петлей. Статуя была обнаружена в буддийском святилище кушано-сасанидского времени (IV в.) на городище Дальверзинтепе в Тохаристане (Тургунов 1989:88). Этот пример наглядно демонстрирует развитие приема инкрустации, столь характерного впоследствии для кашмирских бронз.

Проделанный мною сравнительный анализ раннесредневековых бронзовых изображений Будды показывает, что дата (VII в.), предложенная для кашмирских аналогий статуэтке из Хельго, в значительно большей мере соответствует археологическому контексту находок на поселении Хельго. Найденные здесь совместно с фигуркой Будды арабские монеты, позднейшая из которых отчеканена между 827 и 833 гг., не исключают возможности производства бронзовых статуэток этого иконографического типа и позднее в VIII в.

- Тургунов Б.А. 1989. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение). Античные и раннесредневековые древности южного Узбекистана:81-95. Ташкент: Фан.
 Ahrens D. 1964. Die Buddhastatuetten von Helgö // *Pantheon* 1:50-52. München: Bruckmann.
 Excavations at Helgö. 1961. Report for 1954-1956 // Excavations at Helgö I:7-241. Uppsala: Almqvist & Wiksell.

1970. Report for 1960-1964 // Excavations at Helgö III:129-146.
 Pal P. 1975. *Bronzes of Kashmir*. Graz.
 Paul P.G. 1981. Some terracotta plaques from the Swāt-Indus region // *South Asian Archaeology 1979*: 411-428. Berlin: Dietrich Reimer.
Thirteen Studies on Helgö. 1988. *Thirteen Studies on Helgö*. Stockholm.

ON THE ORIGINS OF THE BUDDHA FIGURINE FROM HELGÖ

Wide-scale excavations that were started several years ago at an early medieval settlement of Helgö, situated about 30 km west of Stockholm on one of the small islands on Lake Mälaren, have yielded highly important and well-documented findings which have long been published and have aroused considerable interest not only of Scandinavian scholars but also of those from other countries. We will not touch upon the entire problematics of this key site, many aspects of which were discussed in a monograph (*Thirteen Studies on Helgö*, 1988). The

present paper focuses on just one unique find, a bronze figurine of the Buddha (figs.1-2).

The figurine was found during one of the early field seasons (Excavations at Helgö I, 1961: 88,112, colour pl. A, figs.18-20) near the western edge of pit no.124, in square M-34, 12 cm below the modern surface. Initially it was thought to belong to the artifacts discovered within foundation I. The subsequent survey of this complex demonstrated that it included two wooden constructions (IA and IB) of which only stone slabs of the foundations

have remained (Excavation at Helgö III, 1970:126-127). The Buddha figurine was apparently located in construction IB together with other imported artifacts, suggesting that the entire assemblage was a hoard. However, contrary to what might be expected in this case, the finds were scattered, possibly due to the fact that the layer was disturbed by a road which was later built at that place. But if so, then all the artifacts found here might as well belong to construction IA (Excavation at Helgö III, 1970:135, fig.62, pl.49). As the analysis of the distribution of finds in construction IA demonstrated, some of them were imported artifacts most of which were located in the corners of the house, mainly in the northwestern corner, the closest to construction IB. Among the finds from construction IA there were two fragments of silver Arab coins (Excavation at Helgö III, 1970:132-133). Altogether seven Arab coins, minted between 742/743 and 827/833 AD, were found in construction I (Excavation at Helgö I, 1961:240-241, figs.79-80).

The Buddha figurine was examined in a separate publication (Ahrens 1964:50-52, figs.1-3). Using parallels available at that time, Ahrens found it to be close to bronze figurines from East Turkestan (the *Tarim and Dughuan* basins). Stylistical features (specifically, the way in which folds of clothing are rendered), the proportions of the figurine, and the "inspired" look of the deity, brought Ahrens to the conclusion that the Helgö Buddha was possibly made in that region in the 5th century AD. He also noted the relevance of this find (along with stratigraphic data) for the dating of the entire structure (IA, IB) and especially for the beginning of its functioning. According to his conclusion, based on the totality of the evidence, the house was built after 500 AD and existed until 800 AD, whereas the imported rarities could have got there in the 7th century and kept in the house until the early 9th century. Finally Ahrens traced the route by which the figurine could have been carried from East Turkestan along the Silk Route to Syria, from where the Arabs or the Vikings could have brought it to Sweden (Ahrens 1964:52).

In the course of work on a joint Russian-Norwegian project "Eastern Connections 500-1000 AD", which integrated data on Buddhist sites in Central Asia and was coordinated by Prof. Egil Mikkelsen of Oslo, by whose consent the present article is published, another interpretation was suggested, differing from the one outlined above. Specifically, it is highly likely that the figurine was manufactured in Kashmir, which in the 7th century AD became one of the centres of Buddhism and where bronze figurines were manufactured on a large scale (Pal 1975:47-48). Especially noteworthy among the published Kashmirian figurines are two, dating from the 7th

century and representing Gautama Buddha. Both are quite close to the Helgö specimen (figs.3,4). This is especially true of a figurine (fig.3) from the Los Angeles Museum of Art (Pal 1975:88, No.20). The similarity concerns several details, namely (1) the lotus-shaped throne on which the Buddha is sitting in a yogic posture known as *paryankāsana*, (2) the position of hands, the right one resting on the right knee in a gesture of munificence while the left holds the edge of the upper clothing (*sanghāti*), (3) the arrangement of the folds of clothing and especially the collar of *sanghāti* which leaves part of shoulders and chest uncovered, and (4) the way in which the hair is arranged.

Despite their similarity, both figurines were apparently not cast in one mould, as evidenced by a number of differences. The lower part of the lotus flower in the Helgö specimen consists of three rows of petals having round tips, while in the Los Angeles figurine there are only two rows, and the petal tips are sharp. The pedestal of the Los Angeles specimen, unlike its Helgö counterpart, is continued below the tips of petals and separated from them by a relief line. Below the feet of the Helgö Buddha there is a line of "pearls" interrupted by horseshoe-shaped folds of dhoti, a feature that is not seen in the Los Angeles Buddha. Also different are the position of palms of the right hands, the *sanghati*, the tips of the ears, and the parietal eminence (*uśnīṣa*). The folds of the *sanghāti* in the Los Angeles figurine are more convex, and they are also seen on the shoulders. The eyebrows, the eyes, and the relief lines on the neck, too, are different. All these details notwithstanding, the similarity is quite apparent. These are just two modifications of a single prototype. The third one is represented by the figurine from the Ford collection at Baltimore (fig.4).

Pal has established certain stylistical and technological features specific for Kashmirian figurines. The former ones include (1) the tendency of representing a healthy and vigorous body by stressing the muscles on the chest and abdomen, (2) the roundness of the face, contrasting with its elongated outline in Gandhāra and Gupta representations, (3) the nose that is wide rather than aquiline, (4) the blank expression of the eyes, especially when they are inlaid with silver, and, sometimes, their slant position peculiar to the Mongoloid race, and (5) the absence of stamens in the lotus flower which rather resembles that of the artichoke. The technological features are the following: (1) most figurines are cast of brass; (2) lips, eyebrows, and eyes are often inlaid with silver, copper, and gold, and there is a special mark (*umā*) on the forehead between the eyebrows. In certain cases even the clothing is inlaid with copper to accentuate the richness of texture (Pal 1975:12,13,30). It is easy to see that virtually all the

features listed above are present both in the Helgö specimen and in its parallels.

Apart from the Gandhāra art that had influenced the Kashmirian tradition, Pal has noted southern influences coming from the area around Mathura and the nearby Swat Valley (Pal 1975:22,36,37). The Swat Valley was another centre where Buddhist bronze figurines were manufactured, some of them being close to the modifications described here. Kashmirian Buddhas, including the one from Helgö, are very close to the figurine which now belongs to a Japanese collection (Paul 1984:426, fig.23). Here, the similarity is observed in the folds of clothing, the collar of sanghāti, the position of hands and feet, and the convex lines on the neck; the details of the throne, however, are different. Notably, the bronze figurine from the Swat Valley has been used by Pal as a parallel to a terracotta plaque from Damkot in the same valley, dating from the 6th century (according to Pal) and showing the Buddha sitting in a yogic posture. The details of his clothing, especially the collar of the sanghāti, are very close to those on all the representations described above (Paul 1981:423, fig.7). Importantly, the terracotta plaque was found in the course of excavations.

Thus, in terms of style, the Helgö figurine is quite similar first and foremost to its Kashmirian counterparts, and also to terracotta and bronze artifacts from the Swat Valley, implying that it might in fact have been manufactured either in one of the centres in Kashmir or, less likely, the Swat Valley. The Kashmir connection would become

even more striking if the analysis would demonstrate the Helgö specimen to be cast of brass. We should apparently agree with Pal's idea that both Buddhas (from Los Angeles and from the Ford collection at Baltimore) stylistically anticipate the subsequent development of Kashmirian bronzes and possibly reproduce some actual statue (Pal 1975:24). Perhaps the Helgö figurine, too, derives from this prototype. The interdependence of clay and stone sculptures, their reduced terracotta replicas, and painting, is an inherent feature of Buddhist art. Interestingly, the special sign (urnā) on the forehead of one of the bodhisattva's clay statues was marked by a pit in which a golden ornament with a lug welded to it was placed. The statue was discovered inside a Buddhist sanctuary of the Kushano-Sasanian period (4th century AD) at Dal'verzintepe, Tokharistan (Turgunov 1989:88). This is an illustrative example showing the development of the inlay technique which later became so characteristic of the Kashmirian bronzes.

Our analysis of the early medieval representations of the Buddha has demonstrated that the late date (7th century AD) suggested for the Helgö figurine on the basis of its Kashmirian parallels is in better agreement with the archaeological context of the site. Arab coins which were found together with the Buddha figurine and the latest of which was minted between 827 and 833 AD do not rule out the possibility that bronze figurines of that type were manufactured even later, in the 8th century AD.

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СЕЛА ПАЛАНКА

В.Д. ГУКИН, С.И. КУРЧАТОВ*

В результате исследования кургана эпохи бронзы близ села Паланка Дрокиевского района Молдовы в 1990 году было обнаружено детское средневековое захоронение. В процессе археологических работ выяснилась неординарность погребального комплекса не только для Карпато-Поднестровья, но и для всего причерноморского региона. Уникальность данного погребения предполагает необходимость скорейшего ввода материалов в научный оборот.

У села Паланка, в центре кургана № 1, под каменным закладом, было обнаружено позднекочевническое погребение № 26, являвшееся впускным при основном захоронении ямной культуры. Сооружение состояло из погребальной камеры с уступом прямоугольной в плане формы (рис. 1). Его северо-западный угол был разрушен опорой треугольного знака. Размеры сохранившегося уступа 0,6 x 1,36 м, глубина 0,12 м.

Костяк ребенка 2-3 лет был сильно поврежден грызунами. В неповрежденном состоянии сохранились только левая лопатка с фрагментом плечевой кости. Рядом находились части черепа и погребальный инвентарь. Остальные кости оказались растащенными по всей погребальной камере. Судя по сохранившимся в неповрежденном положении костям и инвентарю, можно достаточно уверенно говорить о восточной ориентировке захоронения. На дне камеры зафиксированы остатки растительной подстилки светло-фиолетового цвета с пепельным оттенком.

В области грудной клетки погребенного, в составе ожерелья, состоявшего из стеклянных бус, находился бронзовый литой амулет каплевидной формы с прорезным орнаментом и петелькой для подвешивания (рис. 2:2). На амулете сверху, справа и слева от центра имеются три сквозных отверстия в виде полумесяца, направленного рогами к внешним краям, а в ниж-

ней части в виде колокольчика. По периметру нанесен циркульный пунсонный орнамент из 14 кругов, отделенных друг от друга рисками. Обратная сторона амулета гладкая; в верхней, центральной и нижней его части вертикально располагались три вдавленных круга. Длина амулета 7,7 см, ширина от 1,1 до 5,1 см, диаметр петельки 0,5 см. Нижний край амулета отломан в древности. В состав ожерелья входило также девять стеклянных бусин: пять кольцевых из заглашенного зеленого стекла, одна из заглашенного синего стекла, одна округлая с закраиной и две многочастные из заглашенного бес-

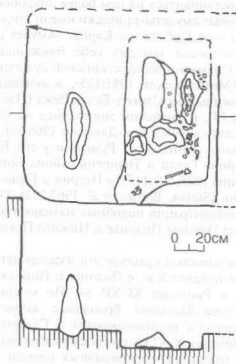

Рис. 1. Общий план и разрез погребения.
Fig. 1. General plan and section of the burial.

* Молдавия. Кишинев. 277012. ул. Митрополита Бэнулеску-Бодони, 35. Институт археологии и древней истории Молдавии. Отдел фракологии.

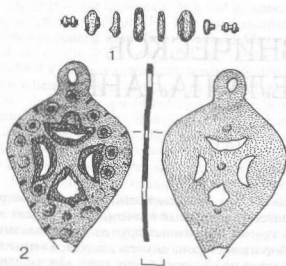

Рис. 2. 1 – стеклянные бусы, 2 – бронзовая подвеска-амулет.

Fig. 2. 1 – glass beads, 2 – bronze pendant (amulet).

цветного стекла (рис. 2:1). Подобный погребальный инвентарь довольно редок в кочевнических комплексах Причерноморья, поэтому имеет смысл остановиться на нем более подробно.

Бронзовые амулеты-привески имели широкий ареал – от Сибири до Карпат. Амулет из Пруто-Днестровья находит себе ближайшие аналогии в памятниках сrostкинской культуры Сибири (Могильников 1981:135), в кочевническом могильнике Саркел-Белая Вежа (Плетнева 1990:73), в Змейском могильнике на Северном Кавказе (Федоров-Давыдов 1966:68), в погребальных комплексах Румынии у сел Берешть района Галац и Тодирень района Ботошань (Spinei 1985:110-117), в Истрии и Гарвен-Диногетии (Stefan, Varma et al. 1967:282). Основная концентрация подобных находок приходится на Нижнее Подонье и Нижнее Поволжье.

В сrostкинской культуре эти изделия датируются не позднее X в., в Подонье и Поволжье XI в., а в Румынии XI-XII вв. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова бронзовые амулеты хронологически ограничиваются в Северном Причерноморье X-XI вв. и относятся к первому периоду миграции тюркоязычных племен на запад (Федоров-Давыдов 1966:115). Основываясь на материалах Поволжья и Подонья, где эти предметы имеют преимущественно лопаткообразные удлиненные окончания, часто обломанные, Г.А.Федоров-Давыдов и С.А.Плетнева объединили их в единый тип амулетов-копоушек,

предполагая полифункциональное назначение. Другими словами, копоушка после поломки играла новую роль амулета-оберега (Федоров-Давыдов 1966:68; Плетнева 1990:56). Следует отметить, что в сrostкинской культуре такие предметы действительно могли играть культовую роль. В иных же этно-географических районах они имели утилитарное назначение копоушек, приобретая, а затем утрачивая при продвижении на запад лопаткообразное окончание.

Бусам из погребения мы нашли некоторые аналогии в работе В.Б.Деопик. Это многочастные бусы (тип 3) широко распространенные на памятниках Крыма и Северного Кавказа в VIII-IX вв. (Деопик 1961:217). Продвижение nomadov на запад отмечено древними авторами с конца IX в., поэтому такие бусы могли попадать в кочевнические комплексы, хотя бронзовый амулет скорее несколько омолаживает дату данного комплекса.

Уникален и погребальный обряд захоронения у села Паланка. Представленная в кургане конструкция не имеет аналогий в Карпато-Днестровских землях в X-XIV вв. Обряд погребения также совмещает в себе признаки, относящиеся к разным типам могильных ям. Уступ, не известный у nomadov на этой территории в это время, располагался вокруг погребальной камеры, образуя площадку для каких-то несных целей. У северной стороны камеры находился поставленный на ребро камень. То ли это имитация стенки каменного ящика, то ли символ могущественного предка? Установка каменных стел и каменных закладов является одним из основных признаков половецкой культуры. Это косвенно подтверждается и восточной ориентировкой погребенного. Однако, инвентарь не дает оснований относить погребальный комплекс к более позднему времени и ограничивает его периодом X-XI вв. Нет оснований для определенной этнической атрибуции погребенного. Во-первых, это единственный комплекс чуть ли не во всей степи. Во-вторых, в X-XI вв. с Востока на Запад прокатывались разноэтничные волны тюркоязычных кочевников. В-третьих, свидетельства письменных источников для этого периода неточны и противоречивы. Погребальный обряд выходит за рамки традиционных историко-археологических реконструкций.

Погребение у села Паланка дает новые интересные материалы для анализа проблем nomadизма, а дальнейшие археологические исследования несомненно расширят наши знания по вопросам истории кочевой степи позднего средневековья.

- Деонис, В.Б.* 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // Советская археология 3: 202-232.
- Могильников, В.А.* 1981. Сибирские древности VI-X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.
- Плетнева, С.А.* 1990. Печенеги и тузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). Москва.

- Федоров-Давыдов, Г.А.* 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва: Государственный Московский университет.
- Spinei, V.* 1985. Realitati etnice si politice in Moldova meridionale in secolele X-XIII (romani si turanici).
- Stefan, Gh. I, Barnea, M, Coma, E. Coma.* 1967. Aezarea feudală timpurie de la Biserica-Garvan Dinogea I.

A LATE MEDIEVAL NOMADIC BURIAL AT PALANKA

A medieval burial discovered in 1990 near Palanka village, Moldavia, is described. Stratigraphic observations and details of the burial rite show it to be unique in the Pontic area. The artifacts found in the grave differ from those which were common in the region in 900-1400 AD, and have parallels among the earlier assemblages from other areas. The bronze amulet, which was part of a necklace, dates from the 10th century and evidences a westward migration of the Pechenegs. However, the burial rite (position of the buried

person, vertical stelae, stone cyst covered by a stone slab) is suggestive of the Kuman tradition typical of the later stages of the nomadic culture. Difficulties involved in the interpretation of this unique find are aggravated by the fact that so far we have no information concerning ethnic affinities of the nomads who inhabited the Dniester-Karpathian region in 900-1400 AD making it part of the population system which encompassed the entire Eurasian steppe.

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ V В. ДО Н.Э. ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

С.Г.КОЛТУХОВ, С.И.АНДРУХ*

В 1993 г., впервые после почти столетнего перерыва, на северной приморской оконечности Тарханкутской возвышенности были вновь обнаружены подкурганные захоронения, относящиеся ко времени скифской архаики (рис. 1). Погребения совершены в трех курганах эпохи бронзы, расположенных в 3-2 км к северо-западу от с.Рылеевка Раздольненского района Республики Крым. В 7 км к северу лежит Бокальское озеро, заканчивающееся песчаной косой, выдающейся в Черное море.

По мнению В.С.Ольховского (Ольховский 1991:92), в Крымской степи к V в. до н.э. уже существовали небольшие скифские курганные могильники, а их расположение цепочками от Перекопа в Восточный и Центральный Крым соответствовало маршрутам передвижения кочевников. Первая часть этого положения не вызывает сомнений. Возможно, верна и вторая. Теоретически и исторически сезонные перекочки по таким маршрутам выглядят весьма вероятными. Однако, на позднем этапе скифской архаики мы видим в Крыму не столько цепочки курганов, маркирующие маршруты перекочевков, сколько отдельные, локальные группы памятников (ср. Ольховский 1991: рис.1; Мурзин 1984: рис.1). Первая связана с Боспором и Фелосией, вторая с Предгорным Крымом, третья с районом античной Керкинитиды. Не исключено существование четвертой, тяготеющей к Бокальскому побережью.

Так, в 1885 г. у селения Кара-Меркит (ныне с.Каштановка Раздольненского р-на) было обнаружено богатое скифское воинское захоронение V в. до н.э. (Троицкая 1951:93; Мурзин 1984:36-37; Ольховский 1991: кат. № 290). Ошибку, вкравшуюся в локализацию памятника, заметил и исправил А.Н.Щеглов (Щеглов 1978:29); им же произведена достаточно точная привязка памятника к топооснове (Shcheglov, Katz 1991: fig.28). В могиле, вместе с костями человека, были обнаружены остатки панцыря и

железного меча, 250 бронзовых наконечников стрел, бронзовые и золотые изделия в зверином стиле, киаф и цецилка. Возможно, перечень погребального инвентаря не полон, ибо киаф, может указывать на присутствие в комплексе амфоры, или нескольких амфор. Заметим, что

Рис. 1. Схема расположения скифских погребений V в. до н.э. в курганах к югу от Бокальского суходорья (1 – Кара-Меркитский курган; 2 – Тавкель-Нейманские курганы; 3-5 – курганы, исследованные в 1993 г.; 6 – место находки антропоморфного изваяния; 7 – предположительно, курган, раскапывавшийся И.Нагльм).

Fig. 1. Map of the area south of the dry riverbed adjoining Lake Bokal, showing 5th century BC Scythian burials (1 – Kara-Merkit mound; 2 – Tavkel-Neyman mounds; 3-5 – mounds excavated in 1993; 6 – location of the anthropomorphic statue; 7 – probable location of the mound excavated by I. Nagly).

* С.Г. Колтухов. Крым. Симферополь. 333640. ул. Ялтинская 2. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии Наук Украины.

С.А. Андрух. Украина. Запорожье. 330055. ул. Жуковского 66. Запорожский государственный университет.

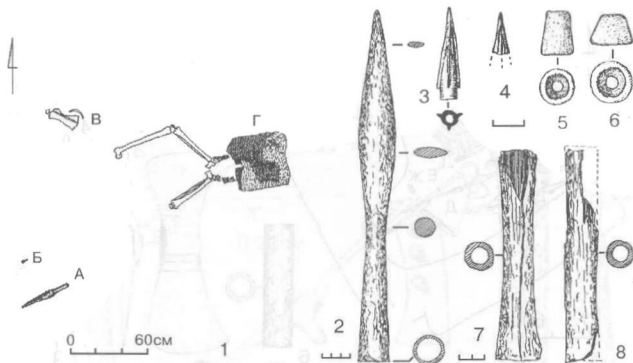

Рис. 2. 1 – план погребения в кургане № 1 (А – наконечник копья, Б – обломок железного предмета, В – кости животных, Г – панцирь); 2–8 – инвентарь погребения.

Fig. 2. 1 – burial in mound No.1 (А – spearhead, Б – fragment of iron artifact, В – animal bones, Г – armour); 2-8 – burial goods.

расстояние между курганами, раскопанными в 1993 г. у с.Рылеевка и Кара-Меркитским, или, как еще его называют, Ак-Мечетским курганом, не превышает 13-15 км.

Несколько позднее, в 1895 г., при деревне Тавкель-Нейман (ныне с.Березовка Раздольненского р-на) Ф.Ф. Лашков обнаружил в курганах две гробницы скифского времени (Лашков 1895). Одна была разграблена, захоронение в другой, сопровождалось мечом, стрелами и лошеним сосудом. Погребения отнесены В.С.Ольховским к группе могил VII-V и V-IV вв. до н.э. (Ольховский 1991: кат. № 294). Следует заметить, что расстояние между Ак-Мечетским и Тавкель-Нейманскими курганами вряд ли превышало 5 км (рис. 1).

Еще одна показательная находка сделана в 1976 г. А.А. Столбуновым между селами Котовское и Славное Раздольненского района. У кургана было обнаружено скифское антропоморфное изваяние, датируемое ныне второй половиной V в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов 1994: 30, кат. № 93). Расстояние от этого пункта до курганов, исследованных в 1993 г., вряд ли более 3-5 км.

Итак, достаточно определенно выявляется группа ранних скифских захоронений в курганах, расположенных вдоль северного края Тарханкутской возвышенности над Бокальским суходорьем (рис. 1). Курганы, раскопанные в 1993 г. тяготеют к северо-западной, примор-

ской оконечности этой гряды.

Первое из раскопанных захоронений было обнаружено в кургане № 1, крайнем западном из четырех исследованных нами (рис. 1; 2:1). Современная высота распаханной насыпи составляла 1,3 м, диаметр не превышал 40 м. В центре, на глубине 1,5 м были выявлены остатки скифского погребения, разрушенного при ограблении. Контур могилы не прослежен. От скелета взрослого человека сохранились кости ног. Судя по их положению, умершего положили на спине головой на запад, с подогнутыми ногами, которые, впоследствии распались ромбом (рис. 2:1). Уцелело несколько предметов погребального инвентаря. К северо-западу от костяка лежала лопатка и ребро овцы, к юго-западу найден железный наконечник копья длиной 40 см (рис. 2:2), рядом с ним обломок железного предмета. В ногах находился свернутый наборной панцирь из железных пластин, поврежденный при ограблении. В нем найдены две ворварки (рис. 2:7,8) и два втока копий, их длина 19 см (рис. 2:3,4). Реконструкция пластинчатого доспеха представляется весьма перспективной, однако эта тема специального исследования. Датирующей находкой служит бронзовый наконечник стрелы, найденный в заполнении могилы вместе с обломком такого же изделия (рис. 2:5,6). По форме и размерам он близок стрелам из кургана № 2 на землях Бобовича под Симферополем (Мелюкова 1964:

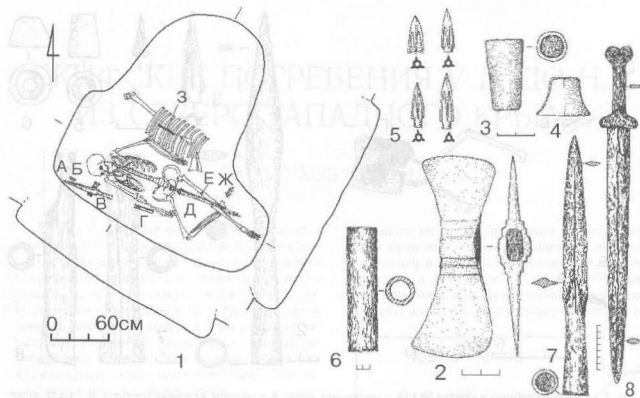

Рис. 3. 1 — план погребения в кургане № 2 (А — наконечник копья, Б-В — бронзовые части топора, Г — подток копья, Д — меч, Е — ворварка, Ж — наконечники стрел, З — кости коня и железный нож); 2-8 — инвентарь погребения.

Fig. 3. 1 — burial in mound No. 2 (А — spearhead, Б, В — bronze parts of axe; Г — butt-piece of spear; Д — sword; Е — bronze blade-piece; Ж — arrowheads; З — horse bones and iron knife); 2-8 — burial goods.

табл. 8, 3, 2), которые отнесены А.И. Мелюковой ко второй половине или концу V в. до н.э. (Мелюкова 1964:23). С учетом общего хронологического контекста ранне-скифских погребений этого района, рассматриваемое захоронение следует датировать V в. до н.э.

Следующее погребение обнаружено в кургане № 2, расположенном в 350 м к северу от кургана № 1 (рис. 1). Небольшая, распаханная овальная насыпь была сооружена над могилой эпохи поздней бронзы. Скифская катакомба была впущена в центр кургана (рис. 3:1). Она относится к типу III-Б по классификации В.С. Ольховского (Ольховский 1991: табл. II, 28). Прослежена нижняя часть подовальной погребальной камеры размером 2,1 x 1,0 м и дно небольшой круглой или овальной входной ямы, примыкающей к камере с северо-востока. Захоронение взрослого человека было совершено на спине головой на северо-запад. Правая рука выпрямлена, левая согнута в локте. Правая нога подогнута, левая выпрямлена. Слева от умершего была положена часть туши лошади и железный нож. В могиле обнаружены многочисленные предметы вооружения. На костях, от таза к левому колену, лежал железный меч с волнатообразным навершием и бабочковидным переключением (рис. 3:8), длина изделия 63 см. Подобный способ ношения оружия характерен

для V в. до н.э. (Ольховский 1991:88), само же изделие может быть отнесено ко второму типу мечей отдела 2 по А.И. Мелюковой, датируемому VI-первой половиной V в. до н.э. (Мелюкова 1964:55). Этой находке достаточно близки два меча. Один из погребения V в. у Новорозановки (Ольховский 1991: рис. 7), другой из собрания А.А. Бобринского (Мелюкова 1964: табл. 20:1). Меч из Нальчикского краеведческого музея с навершием в зверином стиле близок нашему по размерам и так же датируется VI-V вв. до н.э. (Махортых 1991:59). Справа от погребенного лежал железный наконечник копья (рис. 3:7) длиной 50 см, с двумя прокованными лопастями и железный вток длиной 20 см (рис. 2:6). Наиболее интересная находка — легкий бронзовый либрис с ограненной втулкой (рис. 3:2), размещался под наконечником копья. В 20 см от топорика находился бронзовый вток его рукоятки (рис. 3:3). Прямых аналогий этому изделию мы до сих пор не знаем. На бедренной кости левой ноги лежала колоколовидная ворварка (рис. 3:4), скорее всего, являвшаяся деталью истлевшего колчана. 85 бронзовых наконечников стрел обнаружены у колена левой ноги (рис. 3:5). Они могут быть отнесены к нескольким типам по А.И. Мелюковой: базисные трехлопастные типа 5, втульчатые трехлопастные типов 3,4, втульчатые с пирамидальной го-

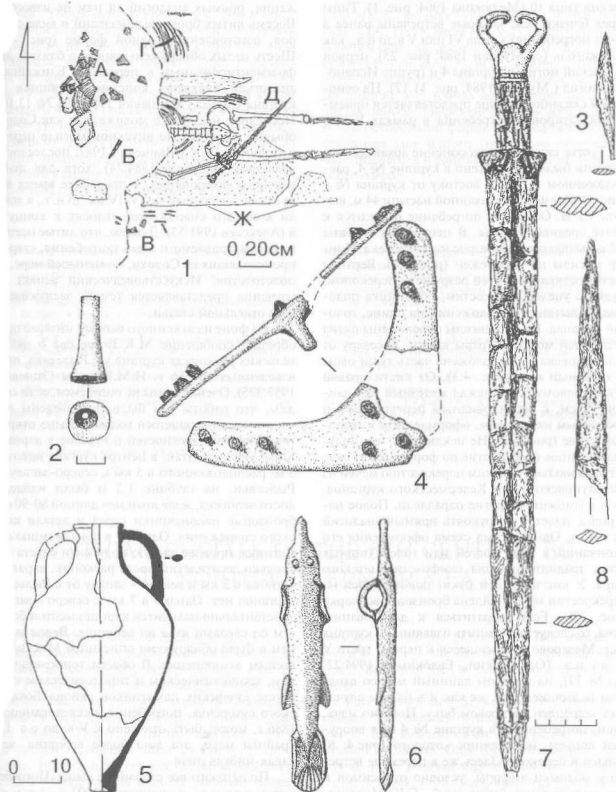

Рис. 4 1 – Погребение в кургане № 4 (А – фрагменты амфоры, Б – обломок копья, В – украшения конского снаряжения, Г – кости овцы и нож, Д – меч, Е – ворварка, Ж – кламка); 2-8 – инвентарь погребения.

Fig. 4 1 – Burial in mound No.4 (A – fragments of amphora; Б – fragment of spear; В – harness ornaments; Г – sheep bones and knife; Д – sword; Е – bridle-piece; Ж – damask cloth); 2-8 – burial goods.

ловкой типа 10 (Мелокова 1964: рис. 1). Типы стрел близки тем, которые встречены ранее в таких погребениях конца VI или V в. до н.э., как 1 Аджиголь (ср. Мурзин 1984: рис. 25), первой Завадской могилы, кургана 4 и группе Испановых могил (Мурзин 1984: рис. 11, 12). На основании сказанного выше представляется приемлемой датировка погребения в рамках V в. до н.э.

Третье скифское захоронение архаического времени было обнаружено в кургане № 4, расположенном в 1 км к востоку от кургана № 1 (рис. 1). Диаметр распаханной насыпи 44 м, высота 1,7 м. Основное погребение относится к эпохе средней бронзы. В центре, на глубине 1,7 м выявлен костяк взрослого человека. Контуры могилы не прослежены (рис. 4:1). Верхняя часть костяка до локтей разрушена перекопом. Судя по уцелевшим костям, покойника положили в вытянутом положении на спине, головой на запад. На дне могилы прослежены пятна истлевшей морской травы камки. К северу от тела человека была положена часть туши овцы и железный нож (рис. 4:3). От кисти правой руки к левому бедру лежал железный меч длиной 77 см, с бабчовидным перекрестием и бронзовым навершием, оформленном в зверином стиле (рис. 4:7). Не исключено, что полуразрушенное перекрестие по форме может оказаться довольно близким перекрестию мечей из Мельгуновского или Келермесского курганов, хотя возможны и другие параллели. Полное навершие, надетое на рукоять прямых аналогий не имеет. Однако сама схема оформления его окончаний в виде когтей или голов хищных птиц, традиционна для скифо-сарматского мира. У кисти правой руки, покоившейся на перекрестии меча, найдена бронзовая ворварка (рис. 4:2). Если обратиться к датированию меча, то следует вспомнить изваяние из кургана у ст. Медерово, относящееся к первой трети V в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов 1994:27, кат.№ 77), на котором длинный меч со сходным навершием, так же как и в нашем случае был закреплен на правом боку. Помимо меча, воин, погребенный в кургане № 4 был вооружен копьем, наконечник которого (рис. 4: 8) найден в перекопе. Здесь же в перекопе встречены обломки амфоры, условно относимой к так называемым "эгинским". С.Ю.Монахов, любезно согласившийся датировать сосуд, отнес его ко второй четверти - середине V в. до н.э. (рис. 4:5). Исключительный интерес представляют бронзовые изделия, найденные в 30 см к югу от левого локтя погребенного, на 5 см выше дна могилы и в перекопе. Треугольная бляха с заклепками на концах и ушком на оборотной стороне (рис. 4:4), очевидно представляет собой один из элементов конского снаря-

жения, прямых аналогий ей нам не известно. Восемь литых бронзовых изделий в виде осетров, изготовлены в одной форме (рис. 4:6). Шесть целых обнаружены рядом с бляхой, два фрагментированных в перекопе. Ближайшей аналогией являются конские налобники из кургана Солоха (Манцевич 1987: кат.№ 13,16). Последние несколько моложе, так как Солоху обычно датируют по впускной могиле первой половины IV в. (Манцевич 1987: послесловие редакции; Алексеев 1984:74), хотя для центрального захоронения, в последнее время допускают такую дату как V-IV вв. до н.э., а детали конского снаряжения относят к концу V в. (Алексеев 1991:53). Думаем, что литые осетры из рассматриваемого здесь погребения, старше происходящих из Солохи, по меньшей мере, на столетия. Искусствоведческий аспект их изучения представляется темой, заслуживающей отдельной статьи.

На фоне изложенного особый интерес приобретает сообщение М.К.Зиновьева о любительских раскопках кургана у с.Рылеевка, произведенных в 1886 г. И.М.Наглым (Зиновьев 1957:325). Очевидно мы не ошибемся, если скажем, что работы эти были произведены под влиянием случившегося годом раньше открытия скифских древностей в кургане у деревни Кара-Меркит. Итак, в центре кургана высотой 3 м, расположенного в 5 км к северо-западу от Рылеевки, на глубине 1,5 м были найдены кости человека, железный меч длиной 80-90 см, бронзовые наконечники стрел и детали конского снаряжения. Однако, в локализацию памятника, произведенную по памяти спустя несколько десятилетий после раскопок, вкралась ошибка в 5 км к северо - западу от с.Рылеевка курганов нет. Однако в 7 км к северо - западу действительно находится курган высотой более 3 м со следами ямы на вершине. Вероятно, в нем и было обнаружено описанное М.К.Зиновьевым захоронение. В общем топографическом, хронологическом и типологическом контексте скифских памятников района Бокальского суворовья, погребение, исследованное в 1886 г. может быть отнесено к V в. до н.э. По крайней мере, эта дата более вероятна, чем какая-нибудь иная.

Подытожим все сказанное выше. Погребения V в. до н.э., изученные в 1993 г., а так же исследованные ранее захоронения и случайные находки, позволяют поставить вопрос о существовании в Северо-Западном Крыму относительно небольшой, компактной, хотя и неоднородной группы погребений периода скифской архаики, тяготеющей к северной оконечности Тарханкутской возвышенности. На наш взгляд, появление раннескифского населения в этом районе может быть вызвано несколькими фак-

торами. Например, современное Бокальское сухоречье в скифское время могло представлять собой одну из небольших рек Северо-Западного Крыма, что вполне вероятно при лесостепной растительности древнего Тарханкута (Шеглов 1978:24). Такие природные условия могли оказаться весьма привлекательными для кочевников. Не менее вероятно тяготение номадов к античному городу или поселению. По одной из версий, принадлежащей В.В.Латышеву, на Бокальском участке побережья, в древности могла существовать гавань Тамирака. Последняя в

различных формах упоминается Страбонам (VII,3,19), Птолемеем (III,V,2), Аррианом (31), Анонимным автором, Стефаном Византийским (s.v. Ταμίρακι). Если же Тамирака находилась на материке, близ современного мыса Джарылгач, а подобная локализация представляется наиболее вероятной, мы можем в достаточной мере предположить существование еще одного греческого поселения, находившегося в районе современного Бокальского озера.

- Алексеев, А.Ю. 1984. О месте Чертомыльского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV-III вв. до н.э. // Археологический сборник 25: 65-75. Ленинград.
1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Археологический сборник 81: 43-56. Ленинград.
- Зиновьев, М.К. 1957. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // История и археология Древнего Крыма. Киев.
- Лашков, Ф. 1895. Раскопки курганов в деревне Тавкель-Нейман // Известия Таврической ученой архивной комиссии 22: 116-117. Симферополь.
- Манцевич, А.П. 1987. Курганы Солоха. Ленинград.
- Махортыч, С.В. 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
- Мелюкова, А.И. 1964. Вооружение скифов. Свод археологических источников. Д1-4. Москва.

- Мурзин В.Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
- Ольховский, В.С. 1991. Погребально-поминальные обряды населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). Москва.
- Ольховский, В.С., Г.Л.Евдокимов. 1994. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. Москва.
- Троцкий, Т.И. 1951. Скифские курганы в Крыму // Известия Крымского географического общества: 85-112. Симферополь.
- Шеглов, А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград.
- Shehgov, A.N., V.I. Katz. 1991. A Fourth-Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal 26: 97-122. New York.

SCYTHIAN BURIALS OF THE 5TH CENTURY BC IN NORTHWESTERN CRIMEA

In 1993, three burials belonging to the Archaic Scythian Culture were discovered by the Ukrainian Institute of Archaeology North Crimean Expedition. The burials were made in earlier (Bronze Age) mounds situated in the northern part of Tarkhankut eminence, near Ryleyevka village, Razdol'noye district, Crimea. This is not the first find representing the Archaic Scythian Culture in northern Tarkhankut. In 1885, a 5th century BC burial was found in Kara-Merkit mound near Kashtanovka village. In 1895, F.Lashkov excavated two burials, apparently of the same period, near Tavkel'-Neyman village (now Berezovka). In 1886, I.Nagly discovered a burial of a Scythian warrior in a mound near Ryleyevka village. In 1976, A.A.Stolbunov found a Scythian anthropomorphic statue beside a mound near Kotovskoye-Slavnoye highway. The latter find has been dated to late 5th century BC by V.S.Ol'khovski and G.L.Yevdokimov. So there are reasons to believe that a group of Scythian burials dating

back mainly to the 5th century BC, existed in mounds south of the dry riverbed adjoining Lake Bokal. Results of the 1993 excavations support this belief.

Burial in mound 1. Situated in the centre of the mound. The outlines of the grave have not been traced. The skeleton of an adult person was destroyed by looters. Only the leg bones were preserved. Their position suggests that the individual lay on the back, head facing west, legs flexed. After the soft tissues had dissociated, the leg bones fell apart forming a diamond-like configuration. The artifacts that had remained in the grave included a bronze armour with shoulders, an iron spearhead, and two bronze bridle-pieces. Iron butt-pieces of the two spears were wrapped in the armour. In the filling of the grave, two bronze arrowheads were found. The burial should be dated to the 5th century BC.

Burial in mound 2 was made in a small catacomb in the centre of the mound. An adult person was lying supine, head oriented towards NNW. To the left of the corpse, part of a horse's carcass and an iron knife were placed. Near the left knee, bronze arrowheads were found. To the right there was a small bronze hatchet, a large iron spearhead, and an iron butt-piece from this spear. Between the pelvic bones and the left knee, there was an iron sword with a butterfly-shaped guard and a double-spiral top of hilt. On the left femur, a bronze bell-shaped bridle-piece was lying. The finds suggest that the date of the burial is 5th century BC.

Burial in mound 4 was situated in the centre of the mound. The contour of the grave has not been traced. The western part of the grave was destroyed by recent excavations. Judging by the preserved bones, the burial was that of a low-statured person lying supine in an extended position, head directed towards the west. On the bottom of the grave, there were remains of decayed damask cloth. To the north of the skeleton, part of a sheep's carcass and an iron knife were placed. Between the right hand and the left hip, there was an iron sword with a butterfly-shaped guard and a bronze hilt designed in the animal style. Near the right hand, there was a bronze bridle-piece. To the right of the skeleton, a bronze plaque was found together with bronze harness ornaments shaped like sturgeons and cast in one

mould. In our view, these artifacts share certain stylistic features with later sturgeon-shaped frontlets from Solokha mound. Artifacts found in the area destroyed in recent times include a spearhead fragment, two fragmented bronze sturgeon-shaped ornaments, and fragments of a red amphora belonging to the so-called Aegina type. S.Yu. Monakhov, who has kindly agreed to date the amphora, believes that it was manufactured in the second quarter or in the middle of the 5th century BC.

So both earlier and recent finds demonstrate that in the 5th century BC, the territory adjoining Lake Bokal was already occupied by the Scythian nomads. This could be due to two factors. First, it is possible that the river flowing along the riverbed which is now dry was one of the permanent water sources in the northern part of Tarkhankut eminence, and the environment of that area was no less hospitable than in the foothills. The second, no less plausible explanation is that the nomads concentrated around the Greek town or settlement. According to one of the versions, the coastal area of northwestern Crimea around Lake Bokal was the place where Tamiraka, a town mentioned by Strabon, Ptolemeus, Arrian, an anonymous author, and Stephan of Byzanty, was located. Clearly, the vicinity of a Greek settlement situated on one of the most important coasting-trade routes would be highly advantageous for the Scythian nomads.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЖИЛОГО СТРОИТЕЛЬСТВА АНТИЧНОЙ БЕРЕЗАНИ

С.Л.СОЛОВЬЕВ*

Как это ни покажется странным, но домостроительство античной Березани — одного из ключевых памятников отечественного антиковедения — до сих пор не становилось предметом специального и углубленного изучения. Время от времени предпринимавшиеся попытки анализа строительной практики березанцев чаще всего ограничивались лишь констатацией присутствующих ей наиболее общих, типичных для всего Днепробугского региона, но порой не самых главных, не определявших ее своеобразия черт (Крыжицкий 1982:12 и др.; Лапин 1966:153-159; 1978:114 и др.). В некоторых случаях приводились достаточно подробные описания отдельных строительных комплексов, выбранных с целью подчеркнуть типологическую близость домостроительства Березанского поселения и других населенных пунктов Нижнего Побужья, прежде всего Ольвии (Копейкина 1981:192-208; Мазарати 1987:8-17). При этом за рамками работ, как правило, оставались вопросы, касающиеся жилого строительства на Березани в периоды, следующие за архаическим. Первые шаги делались и в изучении пространственной организации поселения (Копейкина 1975:188-198; 1981:208; Крыжицкий 1987:17-21; Крыжицкий 1989:34-41).

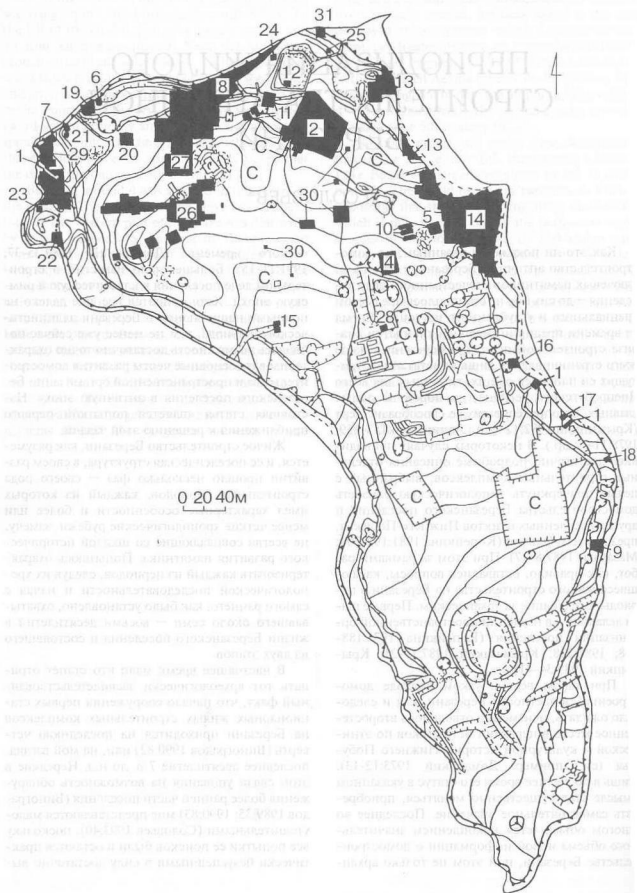
При таком весьма узком подходе домостроению, в частности Березани, как и следовало ожидать, неизменно отводилось второстепенное место в иерархии источников по этнической и культурной истории Нижнего Побужья (см. например: Доманский 1973:12-13). Лишь в последнее время его статус в указанном смысле стал существенно меняться, приобретать самостоятельное значение. Последнее во многом объясняется накоплением значительного объема новой информации о домостроительстве Березани, при этом не только арха-

ического времени (Доманский 1989:35-37; 1991:11-15). Больше стало известно о строительном деле поселения в классическую и римскую эпохи. Хотя остаются все еще далеко не полными наши знания о Березани эллинистического периода, тем не менее уже сейчас появилась возможность достаточно точно охарактеризовать основные черты развития домостроительства и пространственной организации Березанского поселения в античную эпоху. Настоящая статья является попыткой первого приближения к решению этой задачи.

Жилое строительство Березани, как разумеется, и ее поселенческая структура, в своем развитии прошло несколько фаз — своего рода строительных периодов, каждый из которых имел характерные особенности и более или менее четкие хронологические рубежи, замечу, не всегда совпадающие со шкалой исторического развития памятника. Попытаюсь охарактеризовать каждый из периодов, следуя их хронологической последовательности и начав с самого раннего, как было установлено, охватывавшего около семи — восьми десятилетий в жизни Березанского поселения и состоявшего из двух этапов.

В настоящее время мало кто станет отрицать тот археологически засвидетельствованный факт, что начало сооружения первых стационарных жилых строительных комплексов на Березани приходится на последнюю четверть (Виноградов 1990:82) или, на мой взгляд, последнее десятилетие 7 в. до н.э. Нередкие в этой связи упования на возможность обнаружения более ранней части поселения (Виноградов 1989:35; 1990:83) мне представляются малоутешительными (Соловьев 1993:40), поскольку все попытки ее поисков были и остаются практически безуспешными в силу достаточно вы-

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел истории древнего мира.

сокой степени изученности памятника (рис.1), а также особенностей тех природных процессов, которые сформировали современный облик острова Березань (Соловьев 1989:7).

Как стало уже очевидно, в начале рассматриваемого периода поселение не имело четко организованной, упорядоченной пространственной структуры. Жилая застройка велась стихийно и развивалась по дисперсному пути, очевидно в пределах прибрежных – восточной и западной – частей древнего полуострова. Пространство между ними, в центре последнего, уже на раннем этапе жизни поселения могло быть отведено под хозяйственную зону. Жилища представляли собой, как правило, крайне примитивные земляночные и полужемляночные структуры четырехугольной или овальной в плане формы, площадью 5–12 кв.м, с весьма скромным интерьером, а чаще всего без каких-либо следов одного. При сооружении землянок и полужемлянок применяли дерево и сирец, использование камня носило эпизодический характер. Хотелось бы особо отметить два строительных комплекса (в полевой документации они стоят под номерами XXXIX и LVI), отличавшиеся от остальных построек несколько большими размерами, тщательной отделкой дна и бортов котлована (применение глиняной обмазки), наличием печей и очагов оригинальной конструкции. Последние были сделаны из верхних частей амфор, перевернутых вниз горлом и обмазанных глиной. Как было установлено, очаги такого типа не использовались в типичных землянках и полужемлянках Березани. Лишь со второй половины 6

в. до н.э. они стали широко применяться в наземных сырцово-каменных домах.

За все годы раскопок на Березани было открыто не более двух десятков строительных комплексов, которые могут быть отнесены к первому этапу рассматриваемого периода, что, даже учитывая степень сохранности памятника, свидетельствует о крайне малом числе первых жителей поселения (рис.2).

Со второй четверти 6 в. до н.э., ставшей началом второго этапа периода земляночного строительства, в составе последнего появились заглубленные в землю жилища круглой в плане формы. С этого же времени постепенно начала расти плотность земляночной застройки, в основном за счет увеличения количества строительных комплексов, имевших четырехугольную и круглую форму плана. Как показывают материалы Северо-Западного и Основного участков поселения, на втором этапе число земляночных структур увеличивалось за каждое двадцатипятилетие почти в два раза и уже к концу третьей четверти 6 в. до н.э. достигло семи – восьми десятков. Можно предполагать, что подобные темпы строительства были характерны и для других районов поселения, кроме, разве что, центрального, который и в это время был отведен под хозяйственную зону. Последнее обстоятельство подтверждают результаты работ Э.Р. фон Штерна на раскопе А, где за многие годы были обнаружены несколько десятков хозяйственных ям, предшествовавших наземному домостроительству, и всего лишь два строительных комплекса типа землянки (Штерн 1912:87). Материалы раскопок Э.Р.

Рис.1 План острова Березань: 1 - раскопы (Р.А.Прендель 1884); 2 - раскоп А1 (Э.Р. фон Штерн 1904-1910,1913; М.Ф.Болтенко 1928); 3 - раскопы Б, Б1, Б2, Б3 (Э.Р. фон Штерн 1904), 4 - раскоп Б4 (Э.Р. фон Штерн 1904); 5 - раскоп Б5 (Э.Р. фон Штерн 1904); 6 - раскоп В1 (Э.Р. фон Штерн 1904); 7 - раскопы В3, В4, В5 (Э.Р. фон Штерн 1904); 8 - раскоп В8 (Э.Р. фон Штерн 1908-1910,1913; М.Ф.Болтенко 1927-1928); 9 - раскоп К3 (Э.Р. фон Штерн 1907); 10 - раскопы С1, С2, С3 (Э.Р. фон Штерн 1904); 11 - раскопы С4, С5, С6 (Э.Р. фон Штерн 1905,1907-1908); 12 - раскоп Ж (М.Ф.Болтенко 1929); 13 - раскоп Г (М.Ф.Болтенко 1928-1931,1946-1947; К.С.Горбунова 1962-1970); 14 - участок Основного (В.В.Лалин 1960-1980); 15 - раскоп 2 (В.В.Лалин 1960); 16 - раскоп 1 (В.В.Лалин 1960); 17 - шурф (К.С.Горбунова 1968); 18 - шурф (К.С.Горбунова 1970); 19 - участок Северный 1 (К.С.Горбунова 1962-1965); 20 - участок Северный 2 (К.С.Горбунова 1965-1966); 21 - шурф (К.С.Горбунова 1965); 22 - шурф (К.С.Горбунова 1967); 23 - раскоп Некрополь (К.С.Горбунова 1967); 24 - шурф (К.С.Горбунова 1968); 25 - шурф (К.С.Горбунова 1968); 26 - участки Северо-Западный и Западный раскоп А, шурф 1 (К.С.Горбунова 1970-1972; Л.В.Копейкина 1973-1979; Я.В.Доманский 1982-1991); 27 - участок Северо-Западный раскоп Б (Л.В.Копейкина 1976-1980; Я.В.Доманский 1982-1990); 28 - участок Восточный (С.Н.Мазарати 1982-1984; В.В.Назаров 1986-1991); 31 - участок Северо-Восточный (С.Л.Соловьев 1991); С - современные сооружения и нарушения культурного слоя.

Fig.1. Plan of Berезан Island: 1, excavation areas (R.A.Prendel, 1884); 2, excavation A1 (E.R. von Stern, 1904-10,1913; M.F.Boltenko, 1928); 3, excavation B, B1, B2, B3 (E.R. von Stern, 1904); 4, excavation B4 (E.R. von Stern, 1904); 5, excavation B5 (E.R. von Stern, 1904); 6, excavation V1 (E.R. von Stern, 1904); 7, excavations V3, V4, V5 (E.R. von Stern, 1904); 8, excavation V8 (E.R. von Stern, 1908-10,1913; M.F.Boltenko, 1927-28); 9, excavation K3 (E.R. von Stern, 1907); 10, excavations S1, S2, S3 (E.R. von Stern, 1904); 11, excavations S4, S5, S6 (E.R. von Stern, 1905,1907-08); excavation Zh (M.F.Boltenko, 1929); 13, excavation G (M.F.Boltenko, 1928-31,1946-47; K.S.Gorbuнова, 1962-70); 14, main area (V.V.Lapin, 1960-80); 15, excavation 2 (V.V.Lapin, 1960); 16, excavation 1 (V.V.Lapin, 1960); 17, test pit (K.S.Gorbuнова, 1968); 18, test pit (K.S.Gorbuнова, 1968); 19, northern area 1 (K.S.Gorbuнова, 1962-65); 20, northern area 2 (K.S.Gorbuнова, 1965-66); 21, test pit (K.S.Gorbuнова, 1968); 22, test pit (K.S.Gorbuнова, 1967); 23, Necropolis excavation (K.S.Gorbuнова, 1967); 24, test pit (K.S.Gorbuнова, 1968); 25, test pit (K.S.Gorbuнова, 1968); 26, northwestern and western areas, excavation A, test pit 1 (K.S.Gorbuнова, 1970-72; L.V.Kopeykina, 1973-79; Ya.V.Domansky, 1982-91); 27, northwestern area, excavation B (L.V.Kopeykina, 1976-80; Ya.V.Domansky, S.L.Solov'yev, 1982-91); 28, test pit (K.S.Gorbuнова, 1967); 29, Necropolis area (L.V.Kopeykina, 1976-80; Ya.V.Domansky, 1982-90); 30, eastern area (S.N.Mazarati, 1982-84; V.V.Nazarov, 1986-91); 31, northwestern area (S.L.Solov'yev, 1991); C, modern constructions and other intrusions into the archaeological sequence.

БЕРЕЗАНЬ

Северо-западный участок

Восточный участок

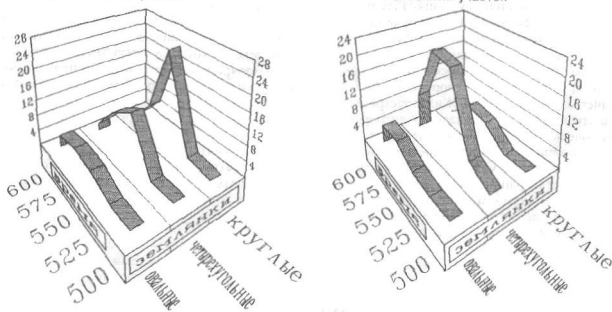

Рис.2. Динамика развития земляночного строительства Березанского поселения в архаическую эпоху.

Fig.2. Growth of the area occupied by underground dwellings during the Archaic Period.

фон Штерна, на мой взгляд, заслуживают полного доверия. Сомнения по этому поводу (Лапин 1978:65 и др.) мне представляются совершенно необоснованными.

Несмотря на то, что заглубленные жилища всех трех планировочных схем использовались на поселении повсеместно, удельный вес земляночных построек того или иного типа на разных участках Березани был неодинаковым, что в конечном итоге могло определять характер застройки последних.

Земляночные жилища второго этапа в основной своей массе внешне мало чем отличались от построек более раннего времени. Как и прежде, в составе строительных материалов, применявшихся при их сооружении, преобладали дерево и сырец. Камень по-прежнему использовался крайне редко. Между тем в течение второй и третьей четвертей 6 в. до н.э. заметно возросло число грунтовых сооружений с печами и очагами. Более того, ближе к концу рассматриваемого этапа в полуземлянках часто стали появляться новые, ранее неизвестные элементы интерьера. Среди них наибольший интерес представляют так называемые столики, сделанные из глины и нередко укрепленные по краям камнями. "Столики" обычно устраивались в южной части жилища, рядом с ними, как правило, можно обнаружить одну или две ямки для сосудов. Данная деталь интерьера березанского земляночного жилища третьей четверти 6 в. до н.э., впрочем, известна и на других памятниках Нижнего Побужья (Крижицкий 1978:8 и др.), однако, она нигде, кроме Березани, столь часто не встречается, что, думается, по-

зволяет отнести ее к разряду самобытных черт культуры березанцев.

Среди земляночных структур Березанского поселения этого времени необычностью своего устройства выделяется, пожалуй, лишь одна, в полевой документации условно обозначенная как полуземлянка ХLI (Доманский 1989:36). Она представляла собой сооружение четырехугольной в плане формы, общей площадью около 38 кв.м, заглубленное в землю на 1 м. Одной, но, пожалуй, самой примечательной из ее особенностей явилось устройство в ней по периметру котлована и на всю высоту его бортов каменных поколей стен, наземные части которых были сложены из сырцовых кирпичей. Вход в постройку был устроен в ее южной стене, от него внутрь жилища вела четырехступенчатая лестница, сложенная из каменных плит. Строение было однокамерным, однако, его внутреннее пространство, площадью около 28 кв.м, все же, вероятно, делилось в сознании его обитателей на две разнофункциональные "половины": жилую и кухонную. Последняя занимала главным образом северо-западный сектор жилища, где находились печи и очаги вышеописанной оригинальной конструкции. Здесь же использовались переносные жаровни. Рядом со всеми этими отопительно-нагревательными устройствами, в полу, были вырыты ямки для установки сосудов. По мере износа печей и очагов на их месте складывались такие же новые, а уровень пола соответственно повышался за счет очередного слоя глиняной обмазки. Так, думается, могло продолжаться в течение, как минимум, четверти столетия.

Кроме вышеописанной, еще одна заглубленная в землю постройка-полуземлянка XLVII — имела нетипичное для березанских землянок устройство. Помимо всех прочих особенностей, у нее наблюдалась и такая: одна из ее стен была сложена по постелистой системе из сырцовых кирпичей, близких по размерам тем, которые позднее применялись в наземном домостроительстве.

Подводя итоги первого периода домостроительства Березани, с полным основанием можно утверждать, что его развитие в течение первых трех четвертей 6 в. до н.э. определялось преимущественно местной традицией земляночного строительства (Соловьев 1989:12 и др.; 1992:47-51). На это указывают не только морфологические особенности березанских жилищ, но и пространственная структура самого поселения. Последняя, как мне представляется, сложилась стихийно и при полном отсутствии регламентации застройки, она определялась исключительно элементарными правилами совместного проживания и условиями хозяйственной деятельности. В силу этих, а также ряда других причин, как-то: технологическая отсталость земляночного строительства, узость его строительной базы, консервативность и пр., урбанизация Березанского поселения на этой стадии его развития, как мне кажется, не могла быть осуществлена в принципе (ср. Крыжицкий 1986:10-11; Виноградов 1989:66-68). По всем указанным выше признакам Березань сближается с другими населенными пунктами Нижнего Побужья, возникшими здесь около середины 6 в. до н.э., и в первую очередь с Ольвией (о характере ранней Ольвии подробнее см.: Крыжицкий 1985:57 и др.). Предпринятая недавно попытка противопоставления Березани и Ольвии как двух принципиально разных поселенческих структур (Крыжицкий 1989:40-41) в свете всего вышеуказанного представляется *неубедительной*.

Конец третьей четверти 6 в. до н.э. — начало второго периода домостроительства Березани, завершившегося в первой половине 4 в. до н.э. Этот период, как и предшествующий, делился на два этапа, границей между которыми служил конец первой трети 5 в. до н.э. Главной особенностью строительной практики березанцев в указанное время явилось сосуществование земляночной и наземной застройки. Динамика разного рода изменений такого сочетания и легла в основу двухэтапного развития домостроительства Березани второго периода. В организации поселенческой структуры в это время также произошли большие перемены. В конце третьей четверти 6 в. до н.э. на большей части территории поселения, прежде занятой земляночной застройкой, в кратчайшие сроки

были возведены наземные сырцово-каменные дома (рис.3). Как было установлено, этому предшествовали подготовительные работы по нивелировке поверхности, засыпке всевозможных углублений, в том числе и только что оставленных жителями полуземлянок. На все это, включая сооружение самих наземных домов, как показали материалы Северо-Западного участка поселения, было затрачено крайне мало времени, во всяком случае всего лишь несколько лет (Копейкина 1981:197; Доманский 1989:36; Соловьев 1989:9-10).

Вновь возведенные дома имели площадь от 100 до 260 кв.м, а, возможно, и более, и состояли из нескольких жилых и хозяйственных помещений, по-разному сгруппированных относительно внутреннего двора. В комнатах, в зависимости от их назначения, находились печи, очаги, переносные жаровни, отопительная система по типу камина, вымостки и водостоки. Во дворах, частично замощенных обломками керамики и мелкими камнями, располагались колодцы, яма-погреб, алтари и водостоки.

В объемном отношении дома скорее всего были одноэтажными, хотя нельзя исключать и возможность устройства второго этажа над отдельными помещениями. Этому, замечу, не противоречат известные характеристики ственных конструкций березанских построек: толщина каменных цоколей стен колебалась в пределах 0.4–0.6 м, они были сложены с использованием как иррегулярной, так и регулярных систем кладки. Последние — чаще всего двух-трехслойные постельистые, реже орфостатные. Кладка была преимущественно *однорядной*. Ближе к середине первого этапа стал применяться выделенный фундаментный ряд. Качество строительных работ было различным и, видимо, зависело от благосостояния хозяина дома.

Наземные дома обычно были безордерными, лишь в одном случае в планировочную схему здания был включен открывавшийся во двор четырехколонный портик. Колонны скорее всего были сделаны из дерева и опирались на каменные базы, три из которых, сохранившиеся *in situ*, были установлены с интервалом в 1.95 м (Соловьев 1992а:6).

Таким образом, березанские дома по типу были более всего близки греческим городским строениям. Лишь малая их часть имела некоторое сходство с античным сельским жилищем, в частности выразившееся в *относительно* большой площади внутреннего двора. Так или иначе, но все жилые дома Березанского поселения, независимо от их внешнего облика, были сгруппированы в блоки-кварталы, по всей видимости, включавшие до восьми и более домов. Площадь такого блока приближалась к 2000 кв.м.

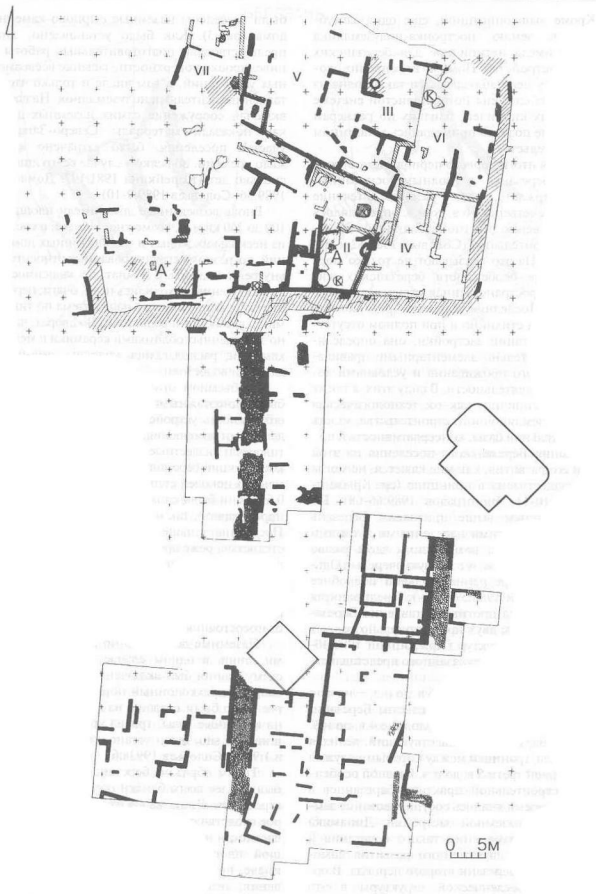

Рис.3. Наземное жилое строительство архайческой эпохи на Северо-Западном участке Березанского поселения.
 Fig.3. Growth of the area occupied by surface buildings in the northwestern part of Berezan settlement during the Archaic Period.

Величина и взаиморасположение кварталов были упорядочены развитой уличной сетью, вне всякого сомнения, организованной уже изначально и по более или менее регулярному плану, вероятно, с учетом топографических особенностей отдельных частей древнего полуострова. Регламентация территории поселения, занятой наземной застройкой, очевидно, не распространялась на ее окраины, где вплоть до начала 5 в. до н.э. продолжалось земляночное строительство, однако в значительно меньшем объеме, чем прежде.

К концу первого этапа, в первой трети 5 в. до н.э., площадь Березанского поселения достигла тех максимальных размеров, к которым, как известно, она не приближалась ни до, ни после этого. Создается впечатление, что большая часть территории поселения, отведенной под наземную застройку, была освоена практически сразу и уже с самого начала рассматриваемого периода. Согласно материалам раскопок на Северо-Западном участке, в конце 6 в. до н.э. внутренняя планировка кварталов и большей части входивших в них домов подверглась существенным изменениям, вероятно сходным образом и в это же время затронувших и другие районы поселения, однако, как представляется, не повлекших за собой кардинальной перепланировки поселения в целом. Хотелось бы отметить, что указанная перестройка проводилась в ряде случаев в спешном порядке и даже со снижением качества строительных работ, тем не менее, именно на нее приходится пик развития строительного производства Березани, несомненно, придавшего ей характерные черты античного города (о характере урбанизации Березанского поселения подробнее см.: Крыжицкий 1986:9 и др.; Доманский 1989:37; Соловьев 1989:9-10; 1993:41).

Последующие перемены, происшедшие в структуре домостроительства в конце первой трети 5 в. до н.э., отразились на облике Березани принципиально иным образом. Они привели к общему упадку строительного производства, резкому сокращению площади наземной застройки и, в свою очередь, росту удельного веса земляночной застройки. Как было установлено, жилые дома Северо-Западного участка были оставлены жителями фактически одновременно, по крайней мере в течение очень короткого времени. Такая же участь постигла жилые кварталы и в центральной части поселения. Лишь наземные дома его восточного и северо-восточного районов продолжали функционировать и в это время. Застройка последних, как и прежде проводившаяся по правилам античной строительной практики, не прекращалась здесь на протяжении всего второго этапа (Лапин 1978:94 и др.).

Постройки земляночного типа стали появляться на месте наземных домов вскоре после запуска последних. Причем разрыв во времени в некоторых случаях был столь невелик, что почти не улавливается по датировкам вещественных находок, а лишь прослеживается стратиграфически. В настоящее время данные о земляночном строительстве на Березани классической эпохи получены исключительно для Северо-Западного участка (Доманский 1991:12-13; Соловьев 1992а:6). Здесь в последние годы раскрыты четыре земляночных сооружения — XLVIII, LII, LXXII и LVII — и серия хозяйственных ям 5 — первой половины 4 вв. до н.э. Жилищами очевидно были лишь первые три из них, полужемлянка LVII скорее всего служила для хозяйственных нужд.

Среди жилых структур две (XLVIII и LXXII) имели четырехугольную в плане форму, одна (LII) — круглую. Полужемлянки LII и LXXII, площадью 12 и 14 кв.м, были построены во второй четверти 5 в. до н.э. буквально на развалинах прежде стоявших здесь наземных домов. Несмотря на различия формы плана этих жилищ, для обоих сооружений была характерна одна и та же особенность — выложенные из камня на всю высоту бортов котлована однолицевые цоколи стен, наземные части которых были сложены из сырцовых кирпичей. В отличие от них, полужемлянка XLVIII имела большую площадь (около 30 кв.м) и только наземные сырцовые торцовые стены, а борта ее котлована были тщательно обмазаны глиной. Более того, она была двухкамерной, делившейся плетневой перегородкой. Все три постройки сближала тщательность и основательность исполнения, конструкций и интерьера, в состав которого входили следующие элементы: печь, очаг, яма-погреб и каменная лестница. Важно отметить, что полужемлянка XLVIII строилась позднее двух других земляночных жилищ и закончила свое существование в первой четверти 4 в. до н.э.

Дату полного прекращения постоянного проживания на Северо-Западном участке поселения в классическую эпоху дают материалы хозяйственных ям, которые были засыпаны уже во второй четверти 4 в. до н.э., вероятно ближе к ее началу. Так или иначе, но с момента оставления жителями вышеописанных земляночных жилищ можно говорить о завершении второго периода домостроительства Березани, если, конечно, где-нибудь на острове не будут найдены заглубленные в землю постройки второй половины 4 в. до н.э. До тех пор, пока этого не произошло, остается только констатировать тот факт, что на протяжении третьего периода, завершившегося в 3 в. до н.э., возводились исключительно наземные дома.

Третий период домостроительства Березани наименее изученный. Информация о нем несопоставима со сведениями о более ранних, вышеописанных периодах. По сути дела, она может быть сведена к отдельным фактам обнаружения обрывков стен, в лучшем случае отдельных частей помещений и крайне редким находкам целых строительных объектов, таких как цистерна, колодец, хозяйственная яма, подвал или полуподвал (Горбунова 1969:18; Лапин 1978:140 и др.). Также мало известно и о пространственной организации поселения в это время. Отсюда представляются оправданными лишь самые общие суждения о характере домостроительства Березани указанного времени.

В первую очередь хотелось бы отметить, что жилая зона поселения была крайне мала по своим размерам и не выходила за пределы северо-восточного угла острова. Осуществлявшееся здесь наземное строительство по своему характеру очевидно приближалось к застройке известных аграрных поселений Ольвийской периферии второй половины 4 - первой трети 3 вв. до н.э. (подробную характеристику домостроительства сельских поселений Ольвийской округи 5 - 3 в. до н.э. см.: Крыжицкий 1989:103 и др.). Березанское поселение, как и большая часть этих населенных пунктов, скорее всего представляло собой урбанизированный поселок хоры Ольвии, который в конце первой трети 3 в. до н.э. постигла участь последней (в отношении времени гибели Ольвийской сельской округи я отдаю предпочтение дате, предложенной К.К.Марченко. См.: Марченко 1991:32; ср.: Рубан 1985:43; Крыжицкий 1989:100). Однако известно мнение, что жизнь на Березани все же теплилась вплоть до конца указанного столетия (Лапин 1978:72).

За многие годы раскопок строительные остатки позднеэллинистической эпохи на Березани так и не были обнаружены, хотя немногочисленные вещественные находки этого времени все же известны. Служит ли это указанием на отсутствие стационарного поселения на Березани в эпоху позднего эллинизма или же является следствием действия разрушительных сил природы, уничтоживших даже слабые следы этого поселения, — покажет будущее. В настоящее же время остается признать тот археологически засвидетельствованный факт, что возрождение оседлой жизни на острове произошло лишь около середины 2 в. н.э. Как известно, ее расцвет длился всю вторую половину этого столетия и первую половину следующего. На указанный отрезок времени и приходится четвертый период домостроительства Березани. Интересно отметить, что одной из основных особенностей последнего, замену, сбли-

зившей его со вторым периодом, явилось сочетание наземной и земляночной застроек. Однако, в отличие от более раннего времени, ни один из указанных типов домостроительства не уступал другому по объему строительных работ и площади застройки.

Основной массив информации о березанских наземных домах 2 - 3 вв. н.э., как известно, был получен при раскопках В.В.Лапина в восточном районе поселения. Работы по изучению римской Березани наиболее активно велись в последние годы его жизни и, к сожалению, во многом остались незавершенными. Раскрытые здесь здания представляли собой многокамерные безордерные дома малой площади, своим обликом не выделявшиеся на общем фоне хорошо известных сельских построек Ольвийской округи этого времени (о домостроительстве Ольвийского района в римскую эпоху см.: Крыжицкий 1989:162 и др.). Наземные строения римской Березани, видимо, образовывали нерегулярные и неупорядоченные скопления. Отсюда, а также из факта отсутствия непрерывного культурного слоя В.В.Лапин сделал вывод о "разбросанной" планировке Березанского поселения в римскую эпоху (Лапин 1968:155).

Если значительная часть данных о наземной застройке римского времени была получена на восточном побережье Березани, то сведения о землянках 2 - 3 вв. н.э. собраны исключительно в западной части острова. Здесь, на Северо-Западном участке, раскрыто уже около десятка заглубленных в землю жилищ четвертого периода (Доманский 1991:13; Соловьев 1992а:6). Площадь сооружений различалась незначительно — от 10 до 18 кв.м, а глубина их котлованов, как правило, превышала 1 м. Все землянки имели четырехугольную или приближающуюся к ней форму плана. Судя по частому отсутствию в полу ямок для опор и остатков сырцовых стен, нельзя исключать использование распорного варианта двускатной кровли с опорой ее на края котлована. В одном случае по периметру жилища были прослежены остатки стен в виде плетня, обмазанного глиной. Использование камня при строительстве землянок носило эпизодический характер и обычно было связано с укреплением отдельных участков бортов котлована.

Характерной чертой интерьера грунтовых жилищ Березани римского времени является двухчастная по вертикали печь, устроенная в борту котлована, основание и стенки которой выложены каменными плитками, свод обмазан толстым слоем глины, а под сделан глинобитным. Помимо этого, в землянках были обнаружены глинобитные же очаги открытого типа.

Как показали раскопки последних лет, жи-

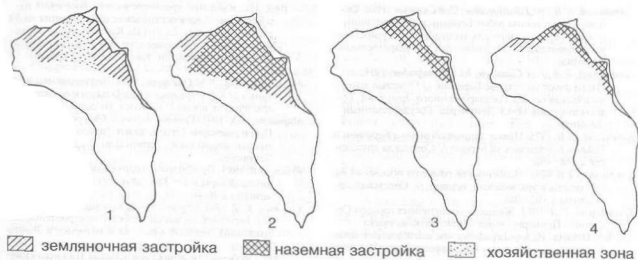

Рис. 4. Динамика изменений объема и характера жилого строительства Бerezанского поселения в античную эпоху.

Fig. 4. Temporal trends in scope and nature of constructive activities at Berezan during the Classic Period.

дое строительство на Бerezани в римскую эпоху велось преимущественно в прибрежных — северной и восточной — частях острова. Здесь же скорее всего находились и объекты хозяйственного назначения: ямы, цистерны и колодцы. Как сейчас представляется, на северном берегу острова доминировала земляночная застройка, на восточном — наземная. Однако, важно отметить, что четко выраженной пространственной обособленности этих двух типов домостроительства не наблюдается. Вместе с тем имеются веские основания говорить о сплошной застройке прибрежной части Бerezани во 2 — 3 вв. н.э., по-видимому, осуществившейся большей частью стихийным и неупорядоченным путем.

В заключение хотелось бы перечислить выделенные основные периоды домостроительства Бerezанского поселения античной эпохи и их главные особенности (рис. 4).

Первый период (последнее десятилетие 7 — третья четверть 6 в. до н.э.). Строительство исключительно заглубленных в землю жилищ. Двухэтапное формирование планировочной структуры земляночного строительства и усложнение пространственной организации Бerezани — выделение жилой и хозяйственной зон при сохранении нерегламентированного характера застройки в целом.

Второй период (конец третьей четверти 6 — первая половина 4 в. до н.э.). Начало наземного сырьево-каменного строительства домов типичных античных планировочных схем, вытеснение земляночной застройки на окраины поселения. Сложение регулярной уличной сети. Формирование поселенческой структуры городского типа. На втором этапе, начавшемся в конце первой трети 5 в. до н.э., резкое сокращение ею прежних принципов городской планировки. Возрождение земляночного строительства в новых, более передовых в технологическом отношении формах, тем не менее пространственно неупорядоченных.

Третий период (вторая четверть 4 — 3 в. до н.э.). Медленное угасание жизни на Бerezани, постепенный спад строительного производства, представленного исключительно наземными домами. Поселенческая структура Бerezани приближается по типу к пространственной организации аграрного выселка.

Четвертый период (вторая половина 2 — первая половина 3 в. н.э.). Последний всплеск строительства античной Бerezани, представленного как наземным, так и земляночным домостроительством. Сплошная неупорядоченная застройка северного и восточного побережий острова.

Виноградов, Ю. Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса 7 - 1 вв. до н.э. Москва: Наука.

Виноградов, Ю. Г., Я. В. Доманский, К. К. Марченко. 1990. Составительский анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в 7 - 5 вв. до н.э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани - 1987:75-98. Тбилиси: Мещинерба.

Горбунова, К. С. Древние греки на острове Бerezань. 1969. Ленинград: Советский художник.

Доманский, Я. В., Л. В. Копейкина, К. К. Марченко. 1973. Из истории Нижнего Побужья в 7 - 5 вв. до н.э. (Бerezань, Ольвия, Ольвийская округа) // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Тезисы докладов: 12-13. Ленинград.

- Доманский, Я.В., Ю.Г.Виноградов, С.Л.Соловьев. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа:35-37. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Доманский, Я.В., С.Л.Соловьев, Ю.Г.Виноградов. 1991. Итоги работ на острове Березань // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов:11-15. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Копейкина, Л.В. 1975. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // Советская археология 2:188-198.
- Копейкина, Л.В. 1981. Особенности развития поселения на о.Березань в архаический период // Советская археология 1:192-208.
- Крыжичский, С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
1985. Ольвия. Историко-географическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка.
1987. Памятники градостроительства и архитектуры // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время:17-21. Киев: Наукова думка.
- Крыжичский, С.Д., В.М.Отрешко. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа:3-17. Киев: Наукова думка.
- Крыжичский, С.Д., С.Б.Буйских, А.В.Бураков, В.М.Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев:Наукова думка.
- Крыжичский, С.Д., А.С.Русякова. 1978. Найдавніші жили Ольвії // Археологія 28:3-26. Киев: Наукова думка.
- Лалин, В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
1968. Исследования древнегреческого поселения на о.Березань // Археологические исследования на Украине в 1967 году 2:150-155. Киев: Наукова думка.
1978. Березань и проблемы генезиса Северопричерноморской цивилизации. Киев: НА ИА Украины: Ф.24.
- Мазарани, С.Н., В.М.Отрешко. 1987. Полуземлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время:8-17. Киев: Наукова думка.
- Марченко, К.К. 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья 7 - 1 в. до н.э. (проблемы, контакты, взаимодействия). Автореф.дис. ... докт. ист.наук. Ленинград.
- Рубан, В.В. 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в 4 - 3 вв. до н.э. // Вестник древней истории 1:26-46.
- Соловьев, С.Л. 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций). Автореф.дис. ... канд.истор.наук. Ленинград.
1992. Особенности домостроительства Нижнего Побужья 6 - начала 3 вв. до н.э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье // Античная цивилизация и варварский мир:44-52. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества.
- 1992а. Раскопки на о.Березань в 1991 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов:5-6. С.-Петербург: Государственный Эрмитаж.
1993. О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // Петербургский археологический вестник 3:39-43.
- Штерн фон, Э.Р. 1912. Раскопки на острове Березань // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1908 год:84-93. С.-Петербург.

PERIODIZATION OF HOUSE-BUILDING IN BEREZAN' DURING THE CLASSICAL PERIOD

The article deals with construction practices used by the inhabitants of Berezan' settlement, which is one of the key sites of the Classic Period in the northern Pontic area and is highly relevant for understanding processes related to the Greek colonization. Four constructive stages may be traced at Berezan', beginning from the appearance of the first dwellings in late 7th cent. BC to the ultimate abandonment of the island in late 3d cent. AD. These stages do not fully coincide with the historical periods which have been described for the site. The article is based on data obtained over the recent ten years of excavations.

The first stage covers the last decade of the 7th and the 3d quarter of the 6th cent. BC. Because the site has been excavated to a considerable extent (Fig. 1), and due to the natural processes responsible for the formation of the island's current appearance, it seems unlikely that earlier parts of the settlement, described in Greek written sources, would ever be

discovered. The article presents new support for a widely held view that during the first stage, all dwellings were of the underground or semi-underground type. Almost 200 complexes of that category have been excavated. Within the first stage of the settlement-planning, two consecutive periods are evident, the general tendency being towards greater complexity and the separation of residence and utility areas without a stringent regulation of the entire constructive process.

A brief description of underground and semi-underground dwellings is presented. They were quite primitive, rectangular or oval in plan. In the 2nd quarter of the 6th cent. BC, round dwellings appeared. The surface area of all the dwellings was in the range of 5-12 m. The interior was very poor, and sometimes there are no traces of it whatever. Usually, wood and clay were the principal materials, stone being used only occasionally.

The 2nd stage dates from the late 3d quarter of

the 6th to the 1st half of the 4th cent. BC. During that time, Greek residence buildings of the urban type, made of adobe and stone, first came into being. Also, the bases of a regular planning with a developed street grid were formed. This took quite a short time (only several years, according to the present author). Newly built houses had a surface area of 100-260 m and consisted of 5-8 residence and utility compartments. Inside the rooms, depending on their function, there were stoves, hearths, portable braziers, chimney-like constructions, pavements and drains. In the courtyards, paved with potsherds and pebbles, there were wells, pits used for storing food, drains and domestic altars. All houses were arranged in blocks, each comprising no less than eight houses. The size and the arrangement of blocks were defined by the street grid. The streets differed in width and probably importance and were originally organized according to a more or less regular, roughly orthogonal, layout. In the fringes of the surface construction zone, underground dwellings were still being built, but on a smaller scale.

In the 1st third of the 5th cent. BC, the zone occupied by surface dwellings sharply diminished in size; the former principles of its planning, however, remained the same. This marked the transition to a new period of the 2nd constructive stage at Berezan'. One of its principle features was the reappearance of underground constructions. Although the technological practices became more advanced, the general layout was still irregular. The new part of the settlement that emerged during this period broadly coincides, both in meaning and

basic function, with the Olbian trading quarter of the Classic Period.

The 3d constructive stage began in the 2nd quarter of the 4th cent. BC and continued throughout the 3d cent. BC. It was marked by a gradual decline of the settlement and the slowdown of the construction process. Only surface houses are known from that stage. The general structure approaches that of a village belonging to the Olbian polis. Constructive remains of the Late Hellenistic Period have not been discovered at Berezan', despite the presence of a few artifacts of that time.

According to the present author's view, a new sedentary population did not appear on the island until the mid-2nd cent. AD. Life flourished here throughout the 1st half of the 3d cent. This period probably coincided with the 4th constructive stage, its distinctive feature being the coexistence of surface and underground buildings. The surface houses of the Roman Period aggregated into irregular clusters entirely resembling rural dwellings of the Olbian khora. Unlike them, underground dwellings were rectangular in plan and their surface area was 10-18m. The characteristic feature of their interior were stoves which are usually found in the sides of the pits and consist of two chambers situated one above another. Houses and utility structures were built mainly in the coastal areas of the northern and eastern parts of the island. The construction process was largely chaotic. The complete standstill of this process was due to the general decline of the Olbian rural periphery in the late 3d cent. AD.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА РУДЬ В МОЛДОВЕ

Р.А.РАБИНОВИЧ, М.Е.ТКАЧУК*

Исследования памятников древнерусской культуры на территории Республики Молдова проводятся уже 4 десятка лет. Их массовое открытие происходило в рамках начавшегося с 50-х гг. планомерного поиска средневековых древностей в регионе. За прошедшие годы были обнаружены свыше 90 селищ и около 19 городищ, относимых некоторыми исследователями к древнерусской культуре (Федоров, Чеботаренко 1974:73,79). На многих из них были проведены масштабные раскопки. Эталонными памятниками стали почти полностью исследованные городища Екимашуцы и Алчедар. Богатейший набор блестящих находок поставил эти городища по своему значению в один ряд с древнейшими городами на основной территории Древней Руси. Однако уже в конце 60-х - начале 70-х гг. культурная принадлежность многих памятников, относимых Г.Б.Федоровым к древнерусской культуре, стали предметом острых дискуссий в молдавской историографии. Например, оспаривается древнерусская принадлежность комплексов памятников у сел Лукашевка и Бранешты (Хынку 1969:51-53; Чеботаренко 1982:76). В свете этих дискуссий особенно важным в последние годы стало исследование тех памятников древнерусской культуры, которые по характеру найденных древностей, приближаются к эталонным. К такому относится поселение Рудь в Дондюшанском районе Республики Молдова (рис. 1).

Поселение у с.Рудь было открыто Пруто-Днестровской экспедицией АН МССР в 1968 г. Оно расположено в долине Днестра, в 230 м к западу от реки, в живописнейшем месте, на стрелке мыса, образованного слиянием двух поросших лесом лощин. Поселение состоит из городища и окружающего посада (местное название городища "Farfuria turcului" "Турецкая тарелка"). Оно безусловно связано с формой городи-

ща. В плане городище овальное (диаметром 60 и 70 м) и окружено кольцевым валом перстенеобразной формы высотой от 4 до 6 м и рвом (Федоров, Чеботаренко 1974:74-76). Общая площадь поселения — примерно 4,5 гектаров.

Исследования на поселении Рудь проводились в три этапа. Первый этап связан с именем Г.Б.Федорова, который первым начал стационарные археологические исследования на памятнике в 1969-1970-х гг. На городище и на территории посада Г.Б.Федоров открыл остатки жилых построек и производственных сооружений, относящихся к IX-XII вв. (Федоров 1972:143-159; Рошаль, Федоров 1973:155-176). Новый этап исследований приходится на 1981-1983 гг., когда раскопки на территории посада с его восточной стороны продолжил В.С.Бейлекчи (Бейлекчи 1986:96-115). Сделанные им находки, обнаруженные остатки производственных, хозяйственных и жилых комплексов подтверждали принадлежность поселения Рудь к ареалу древнерусской культуры в Днестровско-Прутском междуречье.

В 1989 г. археологические изыскания на этом памятнике возобновила Древнерусская экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР. Итогом этих исследований посвящена статья.

Раскопки проводились на территории посада в 200 м к востоку от городища, где был разбит раскоп площадью 200 кв.м. Были исследованы три полуземлянки (рис. 2-4), горн для обжига керамики (рис. 5) и две ямы хозяйственного назначения. В культурном слое были найдены многочисленные фрагменты керамики, изделия из железа (рис.6: 2-6), фрагмент костяной проколки (рис. 6-1), точильные камни и каменная заготовка (рис. 6:7,8,10). Из исследований сооружений наибольший интерес представляют полуземлянки и гончарный горн.

* Р.А.Рабинович, М.Е.Ткачук. Молдова. Кишинев. 277014, ул.Бэнулеску-Бодони 35. Институт археологии и древней истории АН РМ. Научно-исследовательская группа "Культура и территория".

Полуземлянка 1 (рис. 2) интересна тем, что на ее полу найдена прослойка зеленой гончарной глины, замешанной с дробленными шамолтом. Находка глины видимо связана с тем, что в 1,5 м к востоку от полуземлянки 1 обнаружен двухъярусный гончарный горн. Полуземлянка 1 выявлена на склоне надпойменной террасы на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован в плане подпрямоугольный, 300 x 350 см, ориентирован стенами по сторонам света, углублен на 100-150 см от уровня современной дневной поверхности. Печь-каменка подпрямоугольной формы (130 x 140 см), располагалась в юго-западном углу котлована, устьем к северо-востоку. Под печью, его размеры 60-65 см. В полу выявлены три ямки — одна столбовая, а две, видимо, хозяйственного назначения.

В заполнении полуземлянки 1 найдены костяная проколка (рис. 6:4) и разнообразный керамический материал. Керамика представлена несколькими фрагментами лепной посуды IX в. типа Луки-Райковецкой и более многочисленными фрагментами гончарной керамики X-XI вв. Типы венчиков круговой посуды разнообразны (рис. 7:1-8): манжетовидные, фигурные, отогнутые, с косо срезанным краем, иногда чуть скругленным. В развале печи найден миниатюрный сосуд (рис. 6:10). Вся гончарная керамика, найденная в полуземлянке, широко представлена на поселениях древнерусского времени в северной и центральной части Днестровско-Прутского междуречья и дает основания датировать полуземлянку X-XI вв.

Полуземлянка 2 (рис. 3). Примечательно, что в ее полу выявлена яма хозяйственного назначения, возможно, выполнявшая роль тайника. Полуземлянка 2 выявлена в 3,5 м к югу от полуземлянки 1 на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован в плане имел форму трапеции размером 275 x 240 x 260 см, по сторонам света ориентирован стенами с небольшим отклонением, углублен на 110-125 см от уровня современной дневной поверхности. Развал печи-каменки, трапециевидной формы размером 130 x 110 x 110 x 92 см, располагался в юго-западном углу полуземлянки. Устьем печь была направлена к юго-востоку. В полу выявлены единственная столбовая ямка и уже упоминавшаяся яма-тайник(?). Последняя имела довольно значительный подбой, а на глубине 40 см от уровня пола полуземлянки — выступ или ступень шириной 35 см. К сожалению, "тайник" оказался пуст. В самой же полуземлянке, кроме нескольких кусочков железного шлака, были найдены фрагменты лепной, раннегончарной и гончарной керамики, аналогичные найденным в других древнерусских поселениях в Днестровско-Прутском

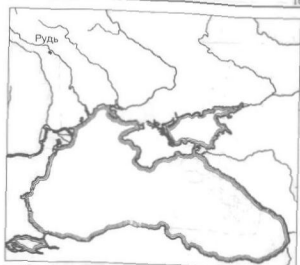

Рис. 1. Местоположение поселения у села Рудь.
Fig. 1. Location of settlement at Rud.

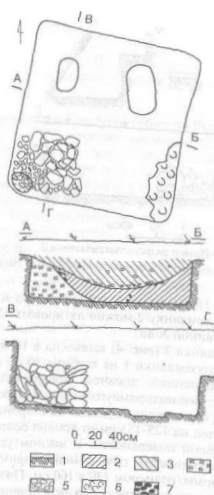

Рис. 2. План и разрезы полуземлянки 1. 1 — материк, 2 — камни, 3 — чернозем, 4 — суслинок, 5 — светлая глина, 6 — древесный уголь, 7 — зеленая гончарная глина.
Fig. 2. Plan and section of semi-underground dwelling No. 1. 1, subsoil, 2, stones, 3, black earth, 4, foam, 5, light clay, 6, charcoal, 7, green clay of which pottery was made.

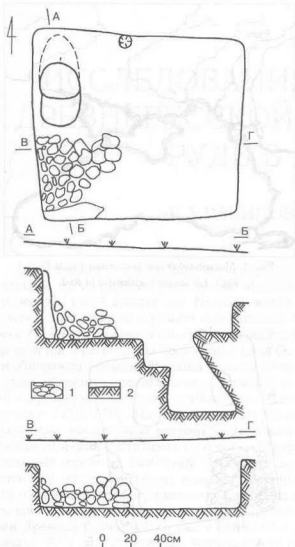

Рис. 3 План и разрезы полуземлянки 2.

Fig.3. Plan and sections of semi-undergrounds dwelling No.2.

междуречье. На основании керамического материала полуземлянку 2 можно датировать IX-первой половиной X вв.

Полуземлянка 3 (рис. 4) выявлена в 10 м к западу от полуземлянки 1 на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован в плане подпрямоугольный размером 420 x 460 см, ориентирован углами по сторонам света, углублен на 125-155 см от уровня современной дневной поверхности. В южном углу котлована размещалась печь-каменка прямоугольной формы, размером 130 x 160 см. Полуземлянка в древности сгорела. По этой причине по периметру стен котлована удалось проследить обгорелые деревянные плахи (деревянные конструкции на поселении Рудь, как правило, не сохраняются). Особый интерес представляет конструкция стены жилища, выявленная на небольшом участке у юго-восточной стены котлована, вблизи печи-каменки. Конструкция состоит из сбитой из плах колоды шириной 27-

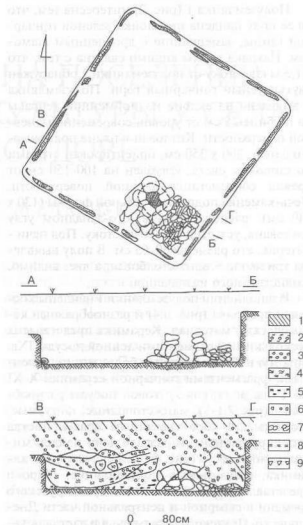

Рис. 4 План и разрезы полуземлянки 3.

Fig.4. Plan and sections of semi-undergrounds dwelling No.3.

30 см. Внутри нее плахи обмазаны глиной толщиной 2-4 см, а внутреннее пространство забутовано глиной. Пространство между земляной стеной котлована и внешней стороной колоды также заполнено глиной. Видимо, такую же конструкцию имели и другие стены полуземлянки. Следует отметить, что подобная конструкция стен на других средневековых поселениях Карпато-Поднестровья не известна.

В заполнении полуземлянки 3 найдены железные нож и стержень (рис. 6:2,6) а также, в основном, гончарная керамика. Венчики сосудов отличаются степенью отогнутости края, обработкой последнего, выделенностью шейки (рис. 7:9-12). На основании керамического материала полуземлянку 3 можно датировать X в.

Из всех исследованных в 1989 г. объектов наибольший интерес, безусловно, представляет гончарный горн (рис. 5). Он выявлен в непосредственной близости от полуземлянки 1 на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности. Горн двухкамерный, вертикаль-

ный, то есть двухъярусный. Он был впущен в материк на глубину 135 см от уровня современной дневной поверхности. Нижняя камера, топочная, имела овальную форму (размеры 110 x 95 см), высота варьирует от 32 до 50 см. Верхняя камера, обжигательная, в плане округлая, диаметром 90-95 см. Горизонтальная перегородка, разделяющая верхнюю и нижнюю камеры, имела 4 отверстия — продухи. Диаметр продухов от 12 до 18 см. Опорного срединного столба или опорной стены—"козла", поддерживающего горизонтальную перегородку, нет. Устьем топочная камера выходила в предгорновую яму. В заполнении горна никаких датирующих материалов не найдено. В предгорновой яме встречено несколько фрагментов гончарной керамики X-XI вв. Этим временем датируется весь комплекс в целом.

Исследованный на поселении Рудь горн является единственным двухъярусным горном для памятников древнерусской культуры типа Екимяуцы-Алчедар в Прутско-Днестровском междуречье. В настоящее время на поселениях интересующего нас периода в Пруто-Днестровье известно 13 двухъярусных горнов (здесь не учитываются не введенные в научный оборот данные о горнах, исследованных И.С.Тенюком в 1987 г. на поселении Вяля-Бабей под Кишиневом): Бранешть III-1 (Бырия 1969:91-102), Дурлешть Ла Вие-2 (Тентюк, Абызова 1992:226), Ханска-1 (Тельнов, Чеботаренко 1988:72-76), Молешт-8 (Чеботаренко 1983:183-193; Чеботаренко 1990: 229-239), Богатое-1 (Смиленко, Козловский 1987:98-121). Все перечисленные горны, за исключением горна с поселения Бранешть III, аналогичны по конструкции горну с поселения Рудь. Они также не имеют опорного срединного столба и топочного канала, различаются только размерами и количеством продухов.

Двухъярусные горны, исследованные на территории Древней Руси, как правило, имеют в центре топочной камеры опорный столб и топочный канал (Колчин 1985:273,297, таб.113). Горение в таких горнах происходило только в топочном канале, а в нижней камере накапливались горячие газы и равномерно распределялись по всей площади обжигательной камеры через продухи (Матвеева 1982:102-103). Из древнерусских горнов горну из Руди аналогичны по конструкции горн, найденный в летописном Васильеве (Тимошук 1982:141-143), и два горна, найденные во Вищже и на Райковецком городище (Рыбаков 1948:343-346,351).

К западу от Пруто-Днестровья горну из Руди аналогичны горн на поселении Епурень-Васлуй в запрутской Молдове (Teodor 1987:141-146), горн на поселении остров в Северной Добрудже (Baraschi, Papasima 1977:591-595). На

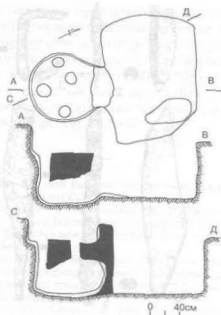

Рис. 5 План и разрезы горна I.
Fig.5. Plan and sections of kiln No.1.

территории Болгарии горну из Руди аналогичны по конструкции многочисленные горны, найденные на поселении Джелжови лозя у с.Пошино, Старца у г.Гарган, в окрестностях Преславы и Плиски (Димитров 1987: 240), у с.Топола (Бобчева 1981:198-201).

Также многочисленны аналогии горну из Руди среди горнов, открытых на среднем и нижнем Дону, Осколе, Среднем Донце, то есть в ареалах степного и лесостепного вариантов салтово-маяцкой культуры, на поселениях близ ст. Суворовской (Ляпушкин 1958:331-334), Левобережном Цимлянском поселении (Саркеле) (Ляпушкин 1958:128), Подгаевке (Красильников 1976:267-269), Ютановке, Столбище I и Столбище II (Афанасьев 1987:83-84), Маяцком (Плетнева 1980:60-69) и др. Во всем ареале салтово-маяцкой культуры найдено лишь несколько двухъярусных горнов с опорным столбом, причем в одном случае — у крепостной стены Саркела (Ляпушкин 1958:118). По мнению Г.Е.Афанасьева, упомянутые горны из Саркела «являются исключением» среди салтовских гончарных печей (Афанасьев 1987: 87).

Таким образом, горну из Руди практически нет аналогий на территории Древней Руси, но есть многочисленные аналогии в ареале салтово-маяцкой культуры и на территории Добруджи, Северо-Восточной Болгарии, Левобережья Нижнего Дуная. Как известно, эти районы являлись в VIII—X вв. территорией Первого Болгарского царства. Археологическая культура, распространенная на землях этого государст-

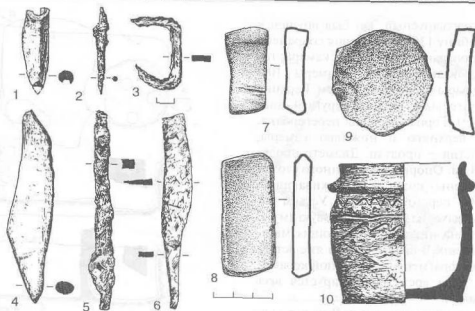

Рис. 6. Индивидуальные находки из культурного слоя и сооружений. 1, 4 – костяные проколки, 2, 3, 5, 6 – изделия из железа, 7, 8 – точильные камни, 9 – каменная заготовка, 10 – миниатюрный сосуд.

Fig. 6. Artifacts from the cultural layer and constructions. 1, 4 – bone perforators, 2, 3, 5, 6 – iron artifacts, 7, 8 – grindstone, 9 – stone preform, 10 – miniature vessel.

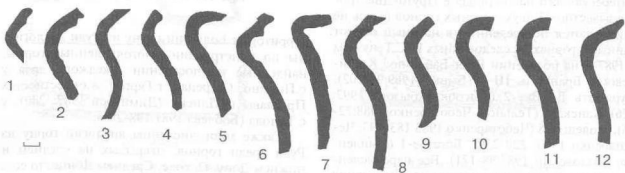

Рис. 7. Керамика из заполнения полуземлянок 1, 3. 1-3 – керамика со дна и из печи полуземлянки 1; 4-8 – керамика из заполнения полуземлянки 1; 9-12 – керамика из заполнения полуземлянки 3.

Fig. 7. Ceramics from the fill of semi-underground dwellings Nos. 1, 3. 1-3, ceramics from bottom and stove of semi-underground dwelling No. 1; 4-8, ceramics from the fill of semi-underground dwelling No. 1; 9-12, ceramics from the fill of semi-underground dwelling No. 3.

венного образования, представителями разных исследовательских направлений именуется по-разному – "Культура Первого Болгарского царства", "Балкано-Дунайская", "Дриду", "Салтово-славянская" и т.д. Этнически культурную принадлежность данных древностей выявить достаточно сложно. Тем не менее, практически все исследователи признают большую или меньшую роль тюрко-болгарского элемента в их сложении. Поэтому тот факт, что салтовский классический тип гончарных печей, восходящий генетически еще к северокавказскому гончарству (Афанасьев 1987: 86; Димитров 1987: 70-73, 163), получил распространение на территории Первого Болгарского царства, выглядит совершенно естественным, учитывая роль тюрко-болгар в создании его археологической культуры.

Двухъярусные горны из Днестровско-Прутского междуречья, о которых говорилось выше, найденные на поселениях у сел Ханска, Дурлешть и Молешть, группируются в центральной части междуречья, то есть севернее ареала культуры Первого Болгарского царства в Пруто-Днестровье. Как известно, культура Первого Болгарского царства или балкано-дунайская культура распространена в южной части Днестровско-Прутского междуречья – на нижнем Днестре (в районе Калфы) и в районе нижнедунайских озер. Тем не менее, наличие в центральной части Днестровско-Прутского междуречья салтовской традиции в конструкции гончарных горнов не вызывает удивления. Этот факт только подкрепляет наше мнение, что в формировании культуры центральной части Пруто-Днестровья в VIII-X вв. наряду с носи-

телям восточнославянской по своему этническому происхождению культуры приняли участие носители салтово-маяцкой культуры (Рабинович 1990:51-57).

Открытие гончарного горна, сооруженного в приемах салтовской традиции на поселении Рудь — эталонном памятнике древнерусской культуры типа Екимяуцы-Алчедар одновремен-

но и заостряет проблему происхождения ранне-средневековой культуры региона и участия в ее генезисе салтово-маяцкого культурного компонента и, в то же время, дает весомый аргумент в пользу его действительного участия. В этом свете дальнейшие исследования на поселении Рудь представляются крайне необходимыми и перспективными.

- Афанасьев, Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X вв. // Археологические открытия на новостройках. 2. Москва: Наука.
- Бейлиш, В.С. 1986. Раскопки славянского поселения Рудь в 1981-1982 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1982 г.: 96-114. Кишинев: Штинца.
- Бобчева, Л. 1981. Пращьларское селище при с. Топола Толбухинского окр. // Писка-Преслав 2: 198-201. София.
- Быря, П.Т. 1969. К вопросу о керамике таликовского типа на территории Молдавии // Далекое прошлое Молдавии: 91-102. Кишинев: Штинца.
- Димитров, Д. 1987. Пращьларгите по Севернотю и Западно-Черноморие. Варна.
- Квачин, Б.А. 1985. Ремесло // Археология СССР. Город. Замок. Село. Москва: Наука.
- Красильников, К.И. 1976. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // Советская археология 3: 267-269.
1980. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // Краткие сообщения Института археологии 160: 60-69.
- Ляпушкин, И.И. 1958. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // Материалы и исследования по археологии СССР 62: 331-334.
1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР 62: 110-131.
- Матеева, В.И. 1982. Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное // Краткие сообщения института археологии 171: 99-104.
- Плетнева, С.А. 1980. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // Археологические открытия 1979 года: 69-70.
- Рабинович, Р.А. 1990. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка // Археологические исследования молодых ученых Молдавии: 51-57. Кишинев: Штинца.
- Росаль, М.Г., Г.Б. Федоров 1973. Жилые и хозяйственные сооружения древнерусского поселения Рудь // Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг.: 155-156. Кишинев: Штинца.
- Рыбаков, Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. Москва: Издательство АН СССР.
- Смиленко, А.Т., А.А. Колзовский. 1987. Поселения у с. Шабо и Богатое одесской области // Днистровско-Дунайское междуречье в I-нач. II тыс. н.э.: 98-121. Киев: Наукова думка.
- Тельнов, Н.П., Г.Ф. Чеботаренко. 1988. Гончарная мастерская с поселения у с. Ганск // Средневековые памятники Днистровско-Прутского междуречья: 72-76. Кишинев: Штинца.
- Тенток, И.С., Е.Н. Абызова. 1992. Раскопки производственных комплексов на памятнике Ла Вие близ Дурлешты // Археологические исследования в Молдавии в 1986 г.: 223-237. Кишинев: Штинца.
- Тимоцук, Б.О. 1982. Давньоруьска Буковина (X-перша половина XIV ст.). Київ: Наукова думка.
- Федоров, Г.Б. 1972. Древнерусское поселение на севере Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг.: 143-159. Кишинев: Штинца.
- Федоров, Г.Б., Г.Ф. Чеботаренко. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.) // Археологическая карта Молдавской ССР 6: Кишинев: Штинца.
- Хинку, И.Г. 1969. Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев: Штинца.
- Чеботаренко, Г.Ф. 1982. Население центральной части Днистровско-Прутского междуречья в X-XII вв. Кишинев: Штинца.
1983. Раскопки на поселении у с. Молешты Кутузовского р-на // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг.: 183-193. Кишинев: Штинца.
1990. Исследование на ранне-средневековом поселении Молешты I // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г.: 229-239. Кишинев: Штинца.
- Baraschi, S., T. Papasima. 1977. Un cuptor de ars cald din secolele IX-X de pe dealul Bugeac // Studii si cercetari de istorie veche si arheologie 28(4): 591-595. Bucuresti.
- Teodor, Dan Gh. 1987. Asezarea feudala timpurie de la Epurieni-Vaslui // Arheologia Moldovei IX: 141-146. Iasi.

EXCAVATIONS OF THE OLD RUSSIAN SETTLEMENT AT RUD, MOLDAVIA

Since the early 1950s, a systematic survey of medieval sites has been under way in Moldavia. Over the recent years, more than ninety unfortified and nineteen fortified sites were discovered which some researchers attribute to the Old Russian culture. On many of them, large-scale excavations were

conducted. Especially abundant finds were made at Yekimausi and Alchedar. However, already in the late 60s and early 70s, the attribution of many sites traditionally believed to represent Old Russian culture became a highly controversial issue in Moldavian archaeology and medieval history. Specifically,

serious doubt was cast on allegedly Old Russian cultural affinities of sites like Lukashevka and Braneshy. This makes it especially important to survey those Old Russian sites in the Dniester-Prut interfluvium which, according to the finds made there, should be regarded as standard. One of them is a settlement near the village of Rud, Dondushen district, northern Moldavia (fig. 1).

The site was discovered in 1968. It consists of a fortified centre, called *Farfuria turkului* ("Turkish plate") and the residence quarters surrounding it. The site is oval in plan and is enclosed by a 4-6 m high ring-shaped rampart and a moat. Excavations, initiated by G.B.Fedorov in 1969-70, revealed residence and utility constructions dating back to 800-1200 AD. In 1981-83, the works were continued by V.S.Beilekchi.

In 1989, new excavations were conducted in the residence quarters, 200 m east of the fortified centre. The present article summarizes their results. The cultural layer was uncovered over a 200 m area. Three semi-underground dwellings were found, and a kiln for baking pottery.

Semi-underground dwelling 1 (fig.2) was traced on a slope of the river terrace, 25 cm below the modern surface. It is nearly rectangular in plan, 300 cm by 350 cm in size, its depth being 100-150 cm from the modern surface level. The rectangular stove made of stone slabs was in the southwestern corner, its orifice facing northwest. On the floor of the dwelling, a layer of green clay used for making pottery was found, probably associated with a two-tier pottery kiln discovered near the dwelling. The pottery found in the filling of the construction is represented by fragments of 9th century hand-made ceramics typical of Luka Raykovetskaya culture, and those of wheel-thrown ceramics dating from the 10th and 11th centuries. Mouth types of wheel-made pots are rather variable (fig.7:1-8). Overall, the pottery found in the dwelling is characteristic of 10th-11th century Old Russian sites in the Dniester-Prut interfluvium. The dwelling dates back to 900-1100 AD.

Semi-underground dwelling 2 (fig.3) was discovered 30 cm below the modern surface. It was trapezoid in plan, 275 cm by 240 cm by 250 cm by 260 cm in size, and its depth from the modern surface level is 110-125 cm. The stove, made of stone slabs, was in the southwestern corner, its mouth facing southeast. In the floor, there was a small depression, used either for everyday domestic purposes or as a cache. Small pieces of iron slag and fragments of hand-made, early wheel-made, and later wheel-made pottery were found in the dwelling. The dwelling dates back to the 9th or early 10th century.

Semi-underground dwelling 3 (Fig.4) was revealed 30 cm below the modern surface. It is almost rectangular, 420 cm by 460 cm, 125-155 cm below the modern surface. The stove, made of stone slabs, was in the southern corner. The dwelling was destroyed by

fire in the 10th century. Charred wooden planks were found all along the walls, which were constructed in the following way: along the outer earthen wall of the pit, boxes made of thick planks were placed. Each box was filled with loose clay. The space between the earthen wall of the pit and the wooden box was also filled with clay. Finds from dwelling 3 include iron artifacts (Fig.5:3-4) and fragments of hand-made and wheel-thrown pottery. As the ceramics suggests, the dwelling should be dated back to the 10th century.

Kiln 1 (fig.5) was revealed 30 cm below the modern surface. It is vertical and has two chambers, that is, belongs to the two-tier type. Its depth below the modern surface is 135 cm. The lower chamber (furnace) is oval, 110 cm by 95 cm, its height ranging from 32 cm to 50 cm. The upper chamber, where pottery was baked, is almost round, 90-95 cm in diameter. The horizontal wall separating the two chambers has four air-holes. There is no pole supporting this wall. The orifice of the furnace faces the pit which was dug beside the kiln. Several fragments of 10th-11th century wheel-thrown pottery were found in the pit, suggesting that the date of the entire complex should be the same.

The kiln unearthed at Rud is the only two-tier kiln known from Old Russian settlements of the Yekimautsi-Alchedar-type culture in the Dniester-Prut interfluvium. Its constructive features (especially the absence of a pole supporting the horizontal wall) are unparalleled on most of the Old Russian territory. There are many parallels, however, among the two-tier kilns known from the central part of the Dniester-Prut interfluvium, on the territory of the First Bulgarian Kingdom (northeastern Bulgaria, Dobrudja, left bank of the lower Danube), in the distribution area of the Balcan-Danube Culture, and in the east, where the steppe and forest-steppe variants of Saltovo-Mayatsk Culture were distributed.

The two-tier kiln without the supporting pole is the classical type of Saltovo kilns, one which can be traced back to North Caucasian traditions. Given the role of Turko-Bulgarians in the formation of Balcan-Danube Culture (and thus the genetical affinities between Saltovo-Mayatsk and Saltovo-Danube cultures), it is no wonder that kilns of that type were discovered in the lower Danube region.

However, their presence not only in the central part of the Dniester-Prut interfluvium (outside the principal distribution area of Balcan-Danube Culture) but, as the excavations at Rud have demonstrated, also in the north of the interfluvium, in settlements of Yekimautsi-Alchedar-type culture, again highlights the role of Saltovo-Mayatsk component in early medieval cultural history of that region. It is hoped that further excavations at Rud might elucidate this controversial issue.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЧЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ НОРВЕЖСКИХ МУЗЕЕВ)

А.Н.КИРПИЧНИКОВ, А.СТАЛЬСБЕРГ*

В комплексе вооружения средневековых воинов мечу принадлежало особое место. Он считался самым дорогим и престижным оружием. Рукояти мечей отделялись с поражающим ювелирным мастерством. При изготовлении лезвия, в котором сочеталась острота, твердость и упругость, кузнецы воплощали лучшие достижения железоделательного производства. По качеству клинков оценивали уровень развития кузнечного ремесла той или иной страны, а по их распространенности - боеготовность целого войска.

Мечи обычно изучают по их рукоятям, типологически весьма изменчивым. Лезвия мечей широкие, с долами, длиной около метра в пределах VIII-XI вв. почти не отличались друг от друга. И вот оказалось, что клинки столь инертные в отношении преобразования своей формы, содержат ценнейшую, но обычно скрытую от глаз, информацию в виде клейм. Назначение клейм, в первую очередь, производственное, они являлись "фирменной маркой", знаком мастерства и качества, нередко наделялись еще и магической функцией, чтобы обеспечить военное превосходство и неуязвимость владельцу оружия.

Истолкование клейм важно для определения мест изготовления мечей. Этот "вечный" вопрос более столетия обсуждается в науке, но до сих пор не решен. Изучение клейм дает ему новый импульс. Оговоримся, сами по себе знаки и надписи на клинках еще не устанавливают точного адреса их выработки, но позволяют продвинуться в этом направлении.

В немногих музеях Европы мечи VIII-XI вв. обследованы с целью выявления клейм. Дело это непростое и требует сноровки и опыта. Об-

наружение клейм на мечах эпохи викингов связано с техникой их исполнения. Почти волшебное свойство этих мет заключается в том, что в зависимости от сохранности и ухода они могут то исчезать, то появляться вновь. Эти меты вводились отрезками железной или дамаскированной проволоки, которые в горячем виде вковывались в верхнюю треть дола клинка. Затем дол полировался и протравливался. В результате начертания становились ясно различимыми. При лабораторном изучении на полосе, даже очищенной от коррозии, какие-либо фигуры почти неразличимы. Однако, с помощью быстро действующего реактива Гейна (медь, хлористый аммоний) они проступают через 20 секунд (кстати сказать, так, пользуясь своими травителями, поступали и в древности). После промывки водой действие реактива прекращается и мы отчетливо видим на обеих сторонах полосы те или иные инкрустированные выкладки. Таким образом были обработаны 66 мечей IX-XI вв., находящихся в музеях России и Украины (Кирпичников 1966:21 и сл.; 1992:61 и сл.). На 75 % всех обследованных клинков удалось выявить двусторонние, бывшие ранее неизвестными, знаки и надписи. Возникло убеждение, что последующие расчистки мечей в музеях Европы наверняка откроют много нового и неожиданного. Особые надежды связывались с Норвегией и Швецией, на территории которых обнаружено свыше 2500 находок мечей, но только их незначительную часть рассматривали как имеющую клейма.

Наши надежды стали сбываться в 1992 г. Тогда группой специалистов включая и пишущих эти строки, была осуществлена работа и музея Трондхейма, Осло и Бергена по научно-

* А.Н. Кирпичников. Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.
A. Stalsberg. Universitetet i Trondheim, Vitenskapsmuseet, Akkeologisk Avdeling. Erl. Skakkes g 47 N-7004, Trondheim, Norway.

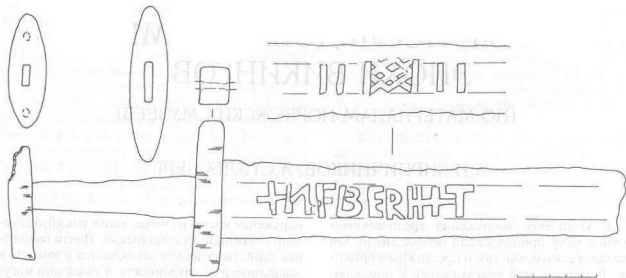

Рис. 1 Норвегия, точное место находки неизвестно. Музей наук. Тронхейм (Т 72). Этот и все последующие рисунки чертил А.Н.Кирпичников.

Fig.1. Norway, further information lacking. Trondheim Science Museum (T 72). All drawings were made by A.N.Kirpichnikov.

му проекту "Мечи эпохи викингов в Скандинавии и на Руси". В музейных хранилищах отобраны вещи разной степени сохранности. Некоторые достались в обломках, сломанном и изогнутом виде, сильно пострадавшими от коррозии. Почти все мечи происходили из погребений VIII-X вв. из областей Средней, Юго-Западной и Юго-Восточной Норвегии. Их обнаружили в разные годы, начиная с конца XVIII в.

Начало работы по проекту, казалось, не предвещало радужных перспектив. Пришлось отказаться от механической очистки поверхности клинков. Норвежская сторона, опасаясь за их сохранность (кстати сказать, совершенно напрасно), отказалась от очистки полос от коррозии и их протравки реактивом Гейна. Были разрешены более острые методы, но не всегда они были эффективными. Лишь в скромной мере помогла рентгенография клинков. Выяснилось, что рентген фиксирует клеймо у сильно испорченных экземпляров. Для мечей же, сохранившихся удовлетворительно, рентген необходимых результатов не принес. На пленках не воспроизводились инкрустиро-

ванные фигуры, хотя в натуре они существовали. Зачастую на рентгеновских снимках начертания на одной и другой сторонах меча настолько совмещались, что представить их порознь оказывалось невозможным (Kirpitsjnikov, Stalsberg 1992:31-44; 1993:36-37; Stalsberg 1994:183-189).

Одно обстоятельство помогло результативному поиску. Большинство музейных предметов, выборочно отобранных и происходящих из разных местностей, оказались уже ранее очищенными от коррозии до чистого металла. Во многом это было сделано еще в XIX в. Вглядываясь в структуру металла, удалось заметить сварочные швы выкладок, образовавшихся клеем. С помощью микроскопа, специальной разноцветной подсветки, обычной и стереосъемки едва различимые фигуры были зафиксированы. Создана картотека рисунков, описаний, диа- и фотофильмов мечей. В итоге удалось изучить 105 древненорвежских мечей, включая их клинки и рукояти и создать документированный каталог находок.

Прежде всего, отметим одно общее неочи-

* Проект финансировал Норвежский научный совет по гуманитарным исследованиям. В состав исследовательской группы также входили работники Музея наук в Тронхейме Л. Айрала, Р. Соетерхауг, кузнец-экспериментатор К. Андерсен, сотрудники Музея собрания древних вещей в Осло Ева Аструп, профессор Ирмелин Мартенс и сотрудники Исторического музея в Бергене Сигрид Каланд.

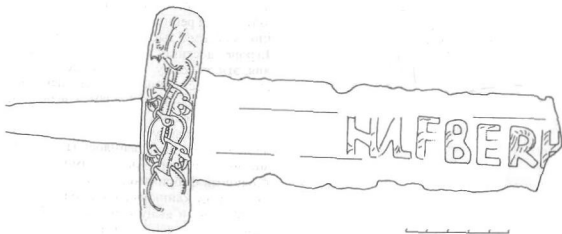

Рис. 2 Хутор Эстре Хен, коммуна Станге, область Хедмарк. Музей собрания древних вещей. Осло (С 3867).

Fig. 2. Østre Hen homestead, Stange, Hedmark. Oslo Museum of Antiquities (C 3867).

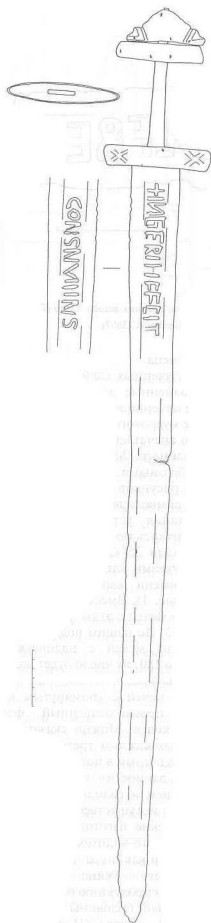
данное наблюдение. Оказалось, что все предметы, независимо от места их нахождения, имели те или иные надписи и знаки. Во избежание ошибки, мы проверили мечи, компактно происходящие из определенных районов Норвегии, и вновь убедились: все они были помечены. По мере работы все больше укреплялась уверенность, что мечи без клейм не изготавливали, меты являлись неперемнным признаком этого оружия, его отличительным знаком. Маркировка придавала мечам определенную товарную ценность. Ведь владелец оружия мог не только его захватить, получить как подарок или как трофей, но, главное, купить по своему выбору. Теперь можно утверждать, что те мечи из российских и украинских собраний, на которых не были выявлены клейма, скорее всего, их утратили в результате разрушения. Так сказать, чистые, неподписанные мечи, если и существовали, то были единичными.

Обнаруженные клейма мечей вполне определенно группируются по изобразительным и смысловым признакам. При анализе этих мет следует выделять главную часть, точнее, ту сторону полосы, которая содержит имена, или нечто им подражающее, а также основные знаки-символы. Правда, в некоторых случаях, при наличии геометрических фигур бывает затруднительно определить главную часть клейма. Знаки, сопутствующие именной стороне клинка, но расположенные на обороте полосы, имели подчиненное значение, они часто состояли из столбиков и перекрещенных полос. Такого рода изображения можно трактовать как вспомогательную мету мастера или партии одновременных изделий, еще одно указание на

мастерство кузнеца.

80% всех изученных клейм клинков имели клейма, выполненные дамаскированным металлом. Такие начертания выглядели очень эффектно в виде муарового узора. Это, несомненно, усиливало впечатление от оружия, как искусно выделанного. Марки мечей оказались очень разнообразными. Перед нами возникла целая галерея рисунков не только производственного, но и символического значения. Некоторые начертания устойчиво повторялись, словно выполнялись по одному стандарту. Такими предстали 35 клинков, подписанные латинскими буквами капитального шрифта с обозначением имени каролингского кузнеца ULFBERHT (рис. 1). Вместе с ранее установленными число мечей с этим именем в Норвегии достигает 53. По нашим подсчетам на территории Европы мечей с надписью ULFBERHT открыто 180, их число будет возрастать и в дальнейшем.

Массовость мечей с упомянутым именем своеобразный производственный феномен эпохи средневековья. Можно сказать, что из числа найденных каждый третий или четвертый клинок, созданный в последней четверти I тыс. н.э., имел данное именование. Речь идет о крупнейшем по размаху в истории Европы производстве могущественного клинкового оружия. Мастерские изготавливавшие это оружие, возникли, по-видимому, во времена Карла Великого, и как полагают, находились в области Среднего Рейна (Кирпичников 1966:38-39). Свою продукцию они выпускали в течении IX - первой половины XI вв. Для второй половины XI - начала XII вв. эти образцы

становятся все более пережиточными, видимо,ковка их постепенно прекратилась. В период активности рейнских мастерских их производство многими тысячами расходилось по всей Европе, достигая и азиатских областей. Изделия эти повсюду, несомненно, признавались высококачественными и очень ценились.

Мечи с данным именем, конечно, не были делом рук только одного человека. Первоначальное индивидуальное именованное клеймо с течением времени закрепилось за потомственными мечдельными мастерскими, ставшими настоящими фабриками, точнее, мануфактурами по выпуску клинкового оружия.

Массовый выпуск мечей был бы невозможен без разделения труда, сконцентрированных в одном месте мастеров и их помощников. Подтверждает это положение один среднеазиатский источник IX в., в котором сообщается, что "меч проходит через много рук и несколько разрядов ремесленников". Каждую операцию по заготовке металла, ковке и вытягиванию полосы, полировке, закалке, заточке, насадке рукояти, изготовлению ножен производил специальный человек (Мандельштам 1956:241). К этому добавим ювелирную отделку рукояти и наведение клейма.

Рукояти мечей ULFBERHT'a по своим очертаниям различались, однако, в большинстве орнаментировались в строгом, этнически нейтральном, геометрическом стиле. На поверхность навершия и перекрестья набивалось множество обычно чередующихся полосок красной меди и латуни, нередко дополненных включениями серебра. Эти полоски по цвету переливались, придавая оружию "мерцающий" драгоценный вид. Трудоемкость работы видна из того, что для украшения типичного меча с надписью ULFBERHT требовалось в общей сложности 10-15 м проволоки цветного металла, а плотность инкрустации измерялась 3 или 2 полосками на каждый миллиметр декорируемой поверхности.

Подавляющее большинство мечей выпускалось с уже смонтированными рукоятями, но встречались случаи, когда привозные клинки в Скандинавии монтировались рукоятями, украшенными с элементами Jellinge, Mammen и Ringerikestil. При опознании подобных рукоятей следует, однако, проявлять осторожность. Восемь мечей с надписями ULFBERHT из числа изученных в Норвегии, выделялись рукоятями, украшенными негеометрическим орна-

Рис. 3 Хутор Момрак, коммуна Фиресдаль, область Телемарк. Музей собрания древних вещей. Осло (С 28352).

Fig. 3. Momrak homestead, Fyresdal, Telemark. Oslo Museum of Antiquities (C 28352).

ментом. Эта особенность побудила проконсультироваться со специалистом по скандинавскому искусству эпохи викингов доктором С.Х. Фуглезанг. Из представленных ей образцов только рукоять одного меча, возможно, типа Т (по Я. Петерсену) из Музея собрания древних вещей в Осло (С 3867) Фуглезанг безоговорочно посчитала сделанным в Скандинавии между 925 и 1035 годами. На перекрестье (навершие утрачено) частично сохранилась гравировка черной по серебру в виде перекрещенных лентами зверей (четко видны лапы, рис. 2). Остальные мечи, по мнению эксперта, вряд ли имеют отношение к художественному ремеслу Скандинавии.^{*} Конечно, опознание мечей с рукоятями, украшенными в местном вкусе, следует производить и в дальнейшем. Складывается, однако, впечатление, что монтировка привозных клинков собственными рукоятями не носила массового характера. Речь, по-видимому, идет об ограниченной заказной работе, связанной с особой ювелирной отделкой оружия и индивидуальной подгонкой рукояти к кисти руки его владельца.

Примерно, до середины X в. клинки с именем ULFBERHT в ряде регионов, возможно, преобладали среди других образцов и вызвали местные подражания. Кузнецы европейских стран знали приемыковки белого оружия и могли их воспроизвести. Однако, как бы не были искусственны местные кузнецы, их подражания по сравнению с оригиналами, как правило, отличались большей схематичностью и огрубением в деталях. Еще предстоит работа по определению признаков, которые позволяют отличить копии от оригиналов (сравни Geibig 1991:116-123).

Что касается самих надписей, то они располагались в верхней трети дола меча, их обычная длина 14-16 см (редко больше). Высота букв, равновеликих ширине дола, составляла 1,9 - 2,7 см. Имя воспроизведенное на мече было заметно издано, явно, чтобы привлечь внимание покупателя или заказчика. По своему начертанию надписи несколько различались формой букв, иногда их последовательностью и сочетанием со знаком креста. Это можно объяснить "почерком" того или иного клинкового писца, а также разновременностью самих предметов. При всем том, общее сходство букв, принципиальная схема устройства оружия и общность оформления рукоятей определенное время со-

хранялись и имели устойчивые повторяющиеся черты.

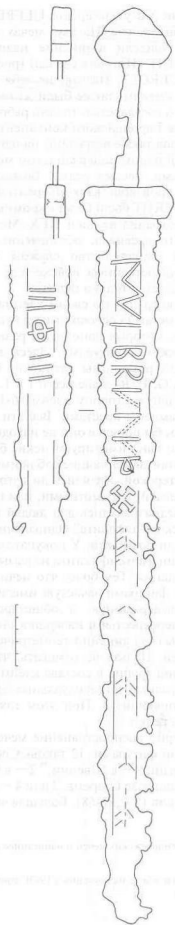
В течение X в. у мастеровских ULFBERHT появились конкуренты. На двух мечах этого периода мы увидели латинские надписи INGERIH FECIT (Ингерих сделал) (рис. 3), еще на одном CEROLT. Назвавшие себя кузнецы, судя по их именам, также были жителями Каролингского государства, то есть работали где-то на западе Европейского континента. Имена этих мастеров также встречены на одном древнерусском и одном нидерландском мечах, другими словами, весьма редки. Возможно, что масштабы производства конкурентов мастеровских ULFBERHT были более скромными. Еще один меч сохранил надпись REX. Мета ли это королевского арсенала, обозначение подарка вождя или свидетельство службы носителя меча в государственном войске или наемном отряде — остается только гадать.

В особую группу по своим клеймам входят 12 мечей с метами состоящими из буквообразных знаков, которые дополнены разного рода геометрическими фигурами. Здесь в разных комбинациях различимы латинские буквы В, С, Е, F, H, O, P, R, чаще всего I и L. Составляющие главную сторону клейма 6-11 знаков иногда обрамлены крестами. Все эти начертания, в каком бы порядке они не находились, не читаемы, но явно имитируют некие буквоподобные сочетания, заменяющие собой имя или названия мастерской. Являлись ли изготовители подобных мечей неграмотными, или их произведения предназначались для людей не знающих латинского алфавита? Однозначный ответ здесь вряд ли возможен. У покупателей мечей замена имени фальсификатом не вызывала, видимо, отрицания. Тем более что мечи с буквообразными фигурами зачастую имели отделку рукоятей выдержанную в общеевропейском стиле. Их перекрестья и навершия были украшены привычной линейно-геометрической орнаментацией. Нельзя не отметить, что в рассматриваемой группе в составе клейм встречаются, как разные индивидуальные элементы, так и повторяющиеся. При этом тождественные клейма редки.

Характерно распространение мечей с буквообразными фигурами. 12 таковых обнаружены в Норвегии, 9 — в Швеции, 2 — в Финляндии, 1 — на острове Саарема, 3 или 4 — в России (Кирпичников 1992:67-68). Большая часть этих

* Благодарны доктору Сигне Хорн Фуглезанг за экспертизу некоторых древноревских мечей и написанное ею по этому поводу заключение.

** В подсчет включены сведения о шведских мечах эпохи викингов, полученные в ходе их изучения в 1993г. совместно с доктором Л. Толлин-Бергман. Сообщение об этой работе находится в печати.

мечей уверенно соотносится с X столетием. География находок данных мечей позволяет искать места их выработки где-то на Севере Европы, в первую очередь, среди стран, прилегающих к Балтийскому морю. Вряд ли выпуском мечей с метами фальсифицированными "под имена" занимались известные каролингские мастерские. Речь, по-видимому, идет о достаточно квалифицированной работе местных мастеров, в определенной мере подражавших континентальным образцам. В этом отношении обратил внимание один меч, датированный IX в. На клейме меча кузнец воспроизвел буквы BR и какие-то знаки, отчасти напоминающие руны (рис. 4). Единственный известный меч с рунической надписью на кольце стержня рукояти "Асмунд меня сделал, Аслеик мной владел" отнесен к концу XI — началу XII вв. и хранится в Музее собрания древних вещей в Осло. Были у этого меча предшественники, пока сказать со всей определенностью нельзя, тем более, что его лезвие еще не расчищалось. Полагаем, однако, что клинок с буквами BR привлечет внимание рунологов.

На 30 клинках фигурируют различные геометрические знаки, обычно в виде вертикальных столбиков, ромбов, прямоугольников, композиции в форме песочных часов, столбиков, соединенных срединной перекладиной. Перечисленные фигуры могут комбинироваться из нескольких составляющих элементов или повторяться. Имели ли эти клейма некое смысловое значение, сказать трудно. Скорее всего, они декоративны и отражали обязательность маркировки того или иного изделия. В этих фигурах усматривается способность кузнеца создать клеймо необходимого размера, занять знаками обычную для них зону дола оружия. Начертания создавались в "вольном стиле", определенный канон здесь отсутствовал. Навыки кузнеца заключались в создании немногих фигур простого рисунка. Образцы с подобными линейно-геометрическими фигурами встречаются за пределами Скандинавии. Полагаем, что в этой группе, как и среди буквообразных, можно искать мечи местной выработки. Дальнейшие исследования, надеемся, прояснят этот вопрос.

Следующая группа клинков в составе 18 характерна своими знаками в виде креста, круга, полукруга (иногда, в форме омеги). Эти фигуры или одиночны на каждой стороне меча, или сгруппированы по три (редко больше). В триадах заметно стремление к симметрии. Напри-

Рис. 4 Хутор Борген, коммуна Вердаль, область Северный Трондслаг. Музей наук. Тронхейм (Т 15018).

Fig.4. Borgen homestead, Verdal, Nord-Trøndelag, Trondheim Science Museum (T 15018).

мер, в центре помещен крест, а по бокам круги или полумесяцы (рис. 5). Во всех данных случаях речь идет о знаках космической символики: кресте, солнце, полумесяце. Подобная маркировка была понятна воинам разных стран и они, вероятно, охотно приобретали оружие, считая, что оно наделено благоприятной для них магической силой. Где изготовлялись эти изделия со знаками-символами? Багдадский философ IX в. ал-Кинди, автор единственного в своем роде трактата о мечах всего мира, писал, что у франкских мечей в верхней части находятся кресты, круги и полумесяцы (Кирпичников 1966:46). Перечень знаков поразительно совпал с теми, которые открылись на клинках, найденных в древненорвежских могильниках. Франками называли европейцев, точнее жителей западной Европы. Таким образом, родиной этих вещей, так же, как и подписных, был франкский запад. Впрочем, и здесь нет правил без исключения.

Мотивы символической маркировки при их популярности могли воспроизводиться в разных местах Европы, включая Скандинавию. И вот осторожное этому подтверждение. В одном случае привлекло внимание многофигурное клеймо, включавшее кресты, полуovalы, вертикальные столбики и, неожиданно, человеческую голову. Разглядели даже один глаз. Сначала не поверили, но рентген это подтвердил. На зрителя смотрела одноглазая голова. Она входила в композицию, которую можно истолковать как раскинутые ноги и руки (рис. 6). Хотел ли кузнец изобразить заговоренного от смерти и поражения владельца оружия, антропоморфное божество – одноглазого Одина, или это "портрет" мастера, а может быть, распластанного врага, определить трудно. Параллель подобным изображениям на оружии оказалася на востоке. Сравнивая цену лучших индийских клинков с узорчатым рисунком со стоимостью лучшего слона, автор XI в. ал-Бируни добавляет "если же рисунок будет изображать человека, то ценность и стоимость меча еще выше" (Бируни 1963:63). Приведенные слова обнаруживают, насколько международными по распространению были некоторые сюжеты клеймения средневекового белого оружия, которые могли воспроизводиться не только в Азии, но и в Европе, в том числе, не исключено, и в Скандинавии. Нам известны еще образцы со схематизированным изображением человека, найденные в Норвегии и Швеции.

В заключении отметим, что среди изучен-

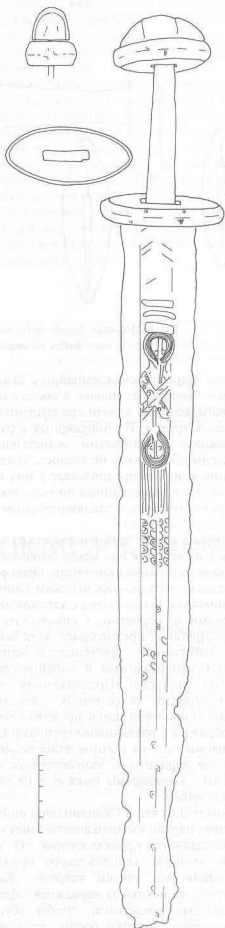

Рис. 5. Хутор Римстад, коммуна Хедрум, область Вестфолд. Музей собрания древних вещей. Осло (С 12009).

Fig.5. Rimstad homestead, Hedrum, Vestfold. Oslo Museum of Antiquities (С 12009).

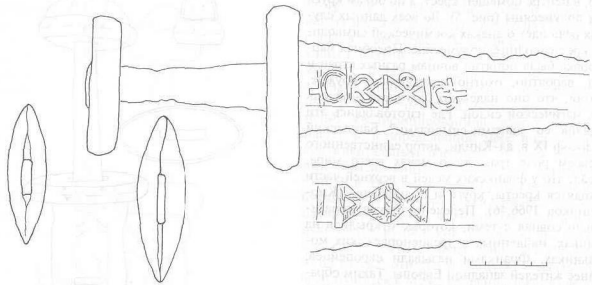

Рис. 6. Норвегия, точное место находки неизвестно. Музей наук. Тронхейм (Т 15897).

Fig.6. Norway, further information lacking. Trondheim Science Museum (T 15897).

ных мечей встретились экземпляры с дамаскированным лезвием без знаков, а также с остатками клейм, которые в связи с разрушенностью истолковать трудно. На популярных в раннем средневековье в Норвегии однолезвийных мечах клейм обнаружить не удалось. Традиция клеймения клинков предполагает у них наличие долов. На однолезвийных полосах таковых нет. Переходим здесь к заключительным итогам наших разысканий.

Изучение клейм древнорвежских мечей обнаружило две более или менее уравновешанные производственные тенденции. Одна отчетливо связана с западно-европейским импортом в Скандинавию. Таковы мечи с латиноязычными именами и, вероятно, с символическими знаками. Другая — предполагает, хотя бы частичное, собственное производство клинков, меченых буквообразными и линейно-геометрическими фигурами. Предложенная сортировка материала, естественно, схематична, цифровые показатели здесь преждевременны. Среди образцов с различными группами клейм в отношении мест их изготовления возможны смешанные варианты и взаимопроникающие прецеденты, которые мы пока еще не можем точно вычленивать.

Несомненно, что в Скандинавию привозили крупные партии высококачественных мечей континентального происхождения. О столь мощном импорте каролингского оружия в Скандинавию мы узнаем впервые. Жители полуострова, не исключая норвежцев, обладали необходимыми средствами, чтобы осуществлять массовые покупки боевых средств. Не случайно саги, умалчивая о местном производ-

стве мечей, с похвалой упоминают вооружение из привозной вальской — французской стали (Стурлуссон 1980:52,191,394). Получив западно-европейское оружие, скандинавы стали обладателями передовой военной техники своего времени. В раннесредневековой Европе с учетом местных особенностей и отклонений все большей популярностью стало пользоваться одинаковое по форме и устройству оружие, небольшая часть которого производилась немногими ремесленными центрами. Военно-тактическая и техническая интеграция затронула многие европейские страны. Викинги активно способствовали развитию этого процесса.

Что касалось вооружения, то в отношении сложения общеевропейского арсенала, лидерство принадлежало мечам. Глядя на их рукояти и клинки, поражаешься их, нередко, полному сходству, даже, если они найдены в местах, отдаленных друг от друга на тысячи километров. Вот почему, занимаясь норвежскими находками, мы одновременно лучше познаем и общеевропейские.

Одним лишь привозным с континента оружием вряд ли можно было удовлетворить потребности скандинавского, в том числе, и норвежского общества. Согласно принятым в давние времена законам, каждый свободный скандинав должен был иметь определенный набор орудий войны, включая и меч. Иначе на такого нарушителя налагался штраф и ему запрещалось приходить на тинг — народное собрание. Неудивительно поэтому, что в составе вооружения викингов и бондов обязательно был меч. Поголовное оснащение этим оружием самодельного мужского населения стимулировало

его массовое производство. На это указывают особые или нестандартные клейма. Порой воин стремился иметь домашнее оружие, ибо оно было дешевле привозного и лучше приспособлено к индивидуальным особенностям своего владельца. Имеем ввиду оформление рукояти, ее подгонку к размерам руки, вес клинка. Как много выпускалось таких образцов, сказать трудно. Отметим, что каких-либо кузнечных секретов, в том числе и связанных с ковкой сложноузорчатой стали, для северо-европейских кузнецов не существовало.

Клейма на мечех — фактически новый исторический источник. Их обнаружение и исследование приблизило нас к решению глобального вопроса о местах изготовления мечей и их распространении. Очевидно, что в создании

этого вида оружия приняли участие многие народы Европы, в том числе и скандинавы. Викинги обладали разными по качеству клинками и способствовали всеветной торговле этим средством борьбы.

Положительный результат выполнения научного проекта по изучению мечей принесло международное сотрудничество ученых. По материалам проведенной работы планируется написание и издание специального труда. Полная оценка сделанного впереди, но одно можно заключить определенно. Ныне, тысячу лет спустя мы с запинками и остановкам, но все более уверенно, начинаем читать "железные письма", адресованные тем, кто приобрел и использовал белое оружие, олицетворявшее целую эпоху европейской истории.

- Бурун, Абу Рейхан. 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей. Ленинград.
- Кирпитчиков А. И. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. Москва—Ленинград.
1992. Новобнаруженные клейма раннесредневековых мечей. Fasciculi Archaeologiae Historicae Fasc. V, Lodz.
- Мандельштам, А. М. 1956. Характеристика пюрок IX в. в послании Фатку б. лакану ал-Джахиза. Труды института истории, археологии и этнографии. И. Алма-Ата.
- Стурзуассон, Снорр. 1980. Круг земной. Москва.

- Geibig, A. 1991. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter // *Offa-Bücher*. Bd. 71, Nuemünster.
- Kirpitsnikov, A. N. og A. Stalsberg. 1992. Sverd fra vikingetiden — russisk-norske undersøkelser // *Norsk våpenhistorisk selskap. Årbok 1992*, Oslo.
1993. Vikingsverdene avslører sine hemmeligheter // *Spor*. 1, Trondheim.
- Stalsberg, A. 1994. The Russian-Norwegian Sword Project // *Birka Studies*. 3. Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. Stockholm.

NEW INVESTIGATIONS OF VIKING AGE SWORDS (finds in Norwegian museums)

In 1992 a group of specialists including the authors of this article carried out work in the archaeological museums in Trondheim, Bergen and Oslo in connection with the scientific project "Viking Age Swords in Scandinavia and Ancient Rus". The signs on the blades and the finishing of the handles were studied specially. One hundred and five swords were examined. They come from different cemeteries from the 8th–10th centuries in Middle, Western and Eastern Norway. The markings on the blades were made by threads of iron or damascened steel. While hot these threads were forged into the upper third of the sword blade and on both sides. The main part of the signs is names or something having the same meaning and symbolism. The remaining part contained different signs.

The investigated blades were in different degrees of conservation. They were partly bent, partly broken. Most of them were already cleansed and conserved by the museum laboratories. The signs on

them were barely visible and nobody had paid attention to them. Those signs were completely discerned by the help of microscope, a special lamp with different colors, usually also by stereo X-raying and always by normal X-raying. The surface was not mechanically treated. The process of investigation was documented by drawings, photographs and verbal descriptions.

The medieval swords were the only weapons which were given special signs. They were first and foremost connected with the production and were "company marks", marks of craftsmanship, quality, and they were not seldom given a magic function. It turned out that all the investigated swords had signs on them. It seems that double-edged swords without signs were not made. In any case, no such were found.

The signs on the blades are grouped according to their descriptive contents and idea.

35 swords had inscriptions in Latin letters,

Ulberht, the name of the Carolingian smith (fig. 1-2). Together with the earlier known swords of this type 55 swords are now known in Norway. The workshops making these swords seem to have developed during Charlemagne's time, and are supposed to have been located on the Middle Rhine. They produced weapons during the 9th first half of the 11th centuries. Swords with this name were of course not the work of one man alone. The original signature was gradually taken into use by hereditary smithies which turned into real factories of weapons, or rather, manufactures of cold weapons. Their production was spread all over Europe and even reached Asia. According to our informations 180 swords with the signature *Ulberht* have been found in Europe.

During the 10th century competitors to the *ULFBERHT-smithies* grew up. They marked their blades with their own names. On two swords we found the signature *INGERIH FECIT* (fig.3), on one *CEROLT*. It is hard to say anything about the productivity of these smithies. They were also located in Western Europe.

Twelve swords with letter-like signs constitute a special group. In different signs one could see the Latin letters B, C, E, F, H, O, P, R, and most frequently I and L. These signs are unreadable. The letters are made up by geometrical figures in an arbitrary order. The signs and crossbeams in some of the combinations obviously imitated some personal name or the name of a smithy. Such falsification obviously did not have any negative effect on a possible buyer. It is possible that they, at least to a certain degree, are fairly qualified locally made imitations of continental examples. The geography of the finds of such swords makes us look for their place of origin somewhere in Northern Europe, first and foremost in the countries around the Baltic. In this group one specially notes a sword with the letters BR and signs which partly remind of runes (fig.4).

On 30 blades there are different geometrical signs, usually in the shape of vertical lines, diamonds, rectangles, compositions shaped like hour glasses, by lines connected in the middle by cross-bars. These signs are most probably decorative signs

and reflected an obligation to mark this or that product alternatively by different figures. The figures are made in different configurations, and there was no standard as to their succession. We suppose that in this group, as well as in other groups, one may find examples of local production.

The following group of 18 blades is characterized by signs shaped like crosses, circles, semicircles, sometimes omega (fig.5). These are signs from cosmic symbolism, meaning the sun, crescent, the heavenly world. Based on the information by the Bagdad philosopher el-Kindi those swords may be regarded as Frankish weapons. Weapons with such signs were probably bought for protection by its magic powers. Here we will mention a sword of possible Scandinavian production with the picture of a one-eyed face (fig.6). It is possible that Odin was shown this way, or it was the owner of the weapon, or the maker, or even the enemy. Pictures of men on medieval swords are known in written and archaeological sources in Europe and Asia.

We found no signs on single-edged swords without sunken middle line, so popular in Norway.

As a result of the examination one may conclude that large parties of high quality swords of continental production were imported to Scandinavia. They were probably highly valued. The population had the means to buy them. However, the imported weapons were not sufficient. Every male of the free population in Norway and other Scandinavian countries had, as is well known, his own weapons. This fact may have stimulated the production of local weapons. The forging and signing of such objects, among them also those with complicated patterned steel, were no secret to Scandinavian smiths. It is hard to find out quantitative relations between local and imported blades. The tendency of these two factors is, however, clear. Future investigations will probably clear this military-technical situation.

A special publication of the materials from this international project concerned with the study of swords is planned. It is necessary to continue the investigation of blades in Scandinavian museums.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

АДАПТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА)

Х.А.АМИРХАНОВ*

Культурная адаптация, как целесообразное приспособление техники, технологии и морфологии хозяйственного инструментария к потребностям жизнеобеспечения является решающим фактором самого культурогенеза. Однако, вычленение и анализ именно этого рода адаптации является наиболее сложной задачей исследования. Общеизвестно, что приспособительный характер основной части материальной культуры бывает трудно и даже невозможно проследить на примере обычных палеолитических стоянок с неспециализированным хозяйством. Тем не менее, кажется слишком категоричным замечание о том, что "видовая специализация охоты верхнего палеолита не находит отражения в кремневом инвентаре памятников" (Гвоздовер 1974:48-52). Сторонники этой точки зрения исходят из того, что отличительные особенности различных индустрий целиком обязаны этнографическим или, если шире — социальным факторам. При этом забывается, что само выявление последних зависит от технико-типологических характеристик инвентарей. Социальные, этнографические факторы не порождают, а лишь консервируют уже выработанные культурные стереотипы. Возникновение же культурной специфики обусловлено приспособительной сущностью культуры. Однотипность гарпунов мадлена Франции, мезолита Кавказа и поздних этапов каменного века арктического региона объясняется именно

этим, а не социальными факторами. При всей вариабельности способов адаптации поле вариаций все же небеспредельно. Именно это и лежит в основе многочисленных примеров конвергенций культур.

Имеется несколько причин тому, почему исследователи приходят иногда к негативному выводу относительно наличия связи между технологической спецификой инструментария и хозяйственной деятельностью. Некоторые из этих причин зависят от исследовательского подхода к проблеме, другие — от особенностей самих памятников. К первым относится, например, стремление решать поставленную задачу путем оперирования чрезмерно большими категориями инвентаря. Или наоборот, — опорой на изделия нижних уровней классификации (например, разновидности какого-нибудь типа вкладышей), без учета того, что эти предметы могут быть не отдельными орудиями, а лишь элементами составных изделий. Возможны случаи и частичного рассмотрения материала, когда во внимание берется только кремневый или только костяной инвентарь. Отсутствие костяного инвентаря иногда воспринимается как реальность, а не возможность тафономических, планиграфических или иных особенностей памятников.

Типичная в этом ряду причина объективного характера сводится к следующему. Большинство палеолитических и мезолитических памят-

* Россия. Москва. 117036. Дм. Ульянова 19. Институт археологии РАН. Отдел археологии каменного века.

ников содержит широкое разнообразие остатков видового состава животных и почти такое же разнообразие орудий, которые можно квалифицировать как элементы охотничьего вооружения. При этом отсутствуют какие-либо данные о предназначении определенного типа изделий для применения в охоте на определенный вид животных.

Оптимальным является случай, когда мы имеем на стоянке остатки практически одного вида животных и одно или два типа изделий, которые по общим соображениям можно было бы считать пригодными для использования в охоте. В такой ситуации почти полностью снимаются все вышеуказанные причины, затрудняющие анализ проблемы. Примечательно, что при кажущейся исключительности, такие случаи все же имеют место. Примером служат три синхронных раннеголоценовых памятника Кавказа, являющиеся диагностическими для трех различных археологических культур: Чох, Сатанай и Квачара.

Чохское поселение (Котович 1964; Амирханов 1982) расположено на Северо-Восточном Кавказе, одном из платообразных возвышений центрального Дагестана. Абсолютная высота места расположения поселения — 1725 м.н.у.м. Чох относится к памятникам открытого типа, "прислоненным" к скальной стене. Отложения памятника включают три довольно мощных культурных слоя. Два нижних охватывают практически весь мезолитический этап. На разных уровнях этих слоев отмечается как минимум пять уровней обитания. Фактически таких уровней было, по-видимому, значительно больше. Верхний слой относится к раннему неолиту. По функциональному типу памятник является базовой стоянкой. Тут осуществлялся весь технологический цикл производства орудий труда и протекала домашне-хозяйственная жизнь мезолитических людей. Мезолитические слои раскопаны соответственно на 17 и 98 кв.м. Количество артефактов превышает 40 тысяч единиц. Стоянка является эпонимной для чохской археологической культуры. До новых исследований автора этих строк в 1980-1982 гг. эта культура рассматривалась как преимущественно верхнепалеолитическая.

Стоянка Сатанай (Амирханов 1978) расположена на Северо-Западном Кавказе в Борисовском ущелье, по которому протекает речка Губе, относящаяся к бассейну реки Кубань. В отличие от Чохского поселения, Сатанай расположен в предгорной зоне на значительной абсолютной высоте. Культурный слой довольно мощный и литологически единый. Стоянка является базовой. Раскопками вскрыто 45 кв. м. и получено более 15 тысяч кремневых и костяных изделий. По археологическим данным па-

мятник датируется переходным к мезолиту временем или ранним мезолитом. Стоянка является эпонимной для губской археологической культуры.

Стоянка Квачара (Церетели 1973), в отличие от двух предыдущих, расположена в Закавказье и является типично пещерной. Она приурочена к одному из ущелий, перерезающих Цебельдинское плато. Географически это низкотеря западной части Кавказского Причерноморья (Абхазия). Высота памятника над уровнем моря — 750 м. Отложения пещеры содержат три культурных слоя: один конца верхнего палеолита и два мезолитических. Наиболее полно исследованы и опубликованы материалы верхнего мезолитического слоя. Он раскопан на площади 150 кв. м. Полученная коллекция археологических находок включает 1443 изделия. Состав инвентаря позволяет определить стоянку как базовый лагерь. Пещера Квачара является основным памятником западно-кавказской причерноморской мезолитической культуры. Археологическая датировка памятника — ранний мезолит.

Ландшафтное окружение рассматриваемых стоянок в момент их функционирования было различным. Чохскую стоянку окружала среднегорная степь, Сатанай располагалась на границе степи и предгорных широколиственных лесов, а Квачара — в зоне низкогорных разреженных лесов. Различным был и животный мир регионов, с которыми связаны стоянки.

С точки зрения рассматриваемого в данной работе вопроса, эти три стоянки интересны тем, что все они демонстрируют высокоспециализированную охоту, практиковавшуюся оставшимся их населением. Говоря об этом приходится, однако, помнить, что не совсем определенным, применительно к археологическим материалам, является само понятие "видовая специализация охоты". Не существует общепринятых критериев, полагаясь на которые разные исследователи определяют грань, отделяющую специализированную охоту от неспециализированной. Но, видимо, не будет ошибкой если исходить из того, что принадлежность 75-80 процентов от всех фаунистических остатков промысловых животных какой-либо стоянке к одному виду является показателем специализированной охоты. Для такого заключения, кроме того, требуется соблюдение еще несколько условий: данный памятник должен быть базовой стоянкой, а не охотничьим лагерем, раскопки должны быть охвачены если не вся, то основная часть площади стоянки, количественное доминирование костных остатков определенного вида животного должно реально отражать преобладание суммарного объема калорий, представляемого именно этим видом объекта охоты.

Стоянки Чох, Сатанай и Квачара отвечают указанным выше условиям анализа. Наиболее четко это проявляется в количественных характеристиках, отражающих избирательность охоты. Так, около 80% фаунистических остатков пещеры Квачара приходится на пещерного медведя, 97% костей из навеса Сатанай — на дикую лошадь и 98% костей из культурных слоев Чохского поселения принадлежат к дикому козлу и муфлонообразному барану. Уже простая фиксация этих фактов достаточна для заключения о степени и характере взаимосвязи хозяйственной деятельности и природного окружения в конце верхнего палеолита — начале мезолита на Кавказе.

Состояние источников не позволяет получить ответ на вопрос о том, почему в конце верхнего палеолита на Кавказе происходит столь заметный перелом в сторону жесткой специализации охоты. Трудно говорить и о том, насколько этот процесс был здесь повсеместным. Основной состав фауны верхнего палеолита не подвергся к началу мезолита качественному видоизменению. К тому же имеющиеся раннемезолитические материалы Кавказа, не всегда демонстрируют столь четкую картину избирательности охоты, какая отмечается в Чохе, Сатанай и Квачара. И тем не менее, названные памятники вместе с теми, которые составляют с ними соответствующие археологические единства, делают закономерной постановку вопроса о каких-то существенных переменах в эксплуатации природных ресурсов на рубеже верхнего палеолита и мезолита. К этому времени, по крайней мере, в трех регионах Кавказа (Северо-Восток, Северо-Запад, Западное Закавказье), кроме региональной специфики фауны, возникает еще изменение количественного соотношения видов животных в пользу, в одном случае, диких баранов и козлов, во втором — диких лошадей и в третьем — пещерного медведя.

Специалисты, занимающиеся археозоологией, отмечали характерность близкой к вышеотмеченной ситуации и для некоторых других эпизодов палеолитического прошлого Кавказа. По их заключению «экологические группировки зверей (горно-луговые, горно-лесные, горно-степные) на разных хронологических уровнях имеют разный «удельный вес», фиксируя динамичность положения границ высотных поясов и климатической обстановки» (Барышников 1978:15). Так, в ашельских слоях пещеры Кударо 1 костные остатки пещерного медведя составляют 75-85% всех остатков промысловых видов животных (Любин, Барышников 1982:204), в мустьерских слоях пещеры Джрочула — до 98%, пещеры Сакажиа — 80% (Любин, Барышников 1985:5). Все указанные памятни-

ки входят в западнокавказский округ кавказской горной области средиземноморской фаунистической подобласти. Приведенные цифры, конечно, не характеризуют весь ашель и мустье этого региона. Для мустьерских слоев той же пещеры Кударо 1 отмечается понижение значения пещерного медведя до 30% при значительном преобладании в общем составе фауны благородного оленя и кавказского козла (Любин, Барышников 1982:204). На Северном Кавказе, в пределах предкавказской степной провинции, входящей уже не в средиземноморскую, а европейско-казахстанскую фаунистическую подобласть, также фиксируется избирательный промысел зверей на одном из отрезков мустье. Примером может служить Ильская стоянка, где остатки только одного вида — первобытного бизона занимают 88% от общего состава животных, имевших промысловое значение (Любин, Барышников 1985:5). Таким образом, специализация охоты в форме промысла предпочтительно одного или двух однородных видов животных отмечается на различных отрезках палеолита Кавказа и объясняется факторами биогеографического характера.

К началу мезолита обитатели разных областей Кавказа сталкиваются со специфической для каждой из групп зоогеографической ситуацией. Общим для всех является то, что в это время повсюду происходит заметная перестройка ландшафтов, требующая в каждом случае адекватного приспособления всей стратегии жизнеобеспечения к новым условиям. Последнее должно было реализовываться и в усовершенствовании охотничьего вооружения. Какими же предстают общие направления этой переориентации? На Чохском поселении новые потребности реализуются в том же материале, который является базовым для всего палеолита Кавказа, т. е. в кремне. В Квачара происходит комбинирование кремня с костью для изготовления вкладышевых наконечников, а в Сатанай возникает новый тип костяного наконечника, не требующего использования вкладышей. При этом в двух последних случаях достоверно, а в отношении Чоха вероятно, фиксируется момент типологической инновации, происходящей в форме изобретения. Значительность этой инновации определяется тем, что во-первых, именно эти типы являются одними из главных различителей археологических культур, представляемых Чохом, Сатанай и Квачара и, во-вторых, именно они каждый в своем случае являются или единственным для соответствующего инвентаря орудием пригодным для охоты вообще, или орудием наиболее приспособленным для охоты на тот вид животного, остатки которого составляют на стоянке абсолютное большинство.

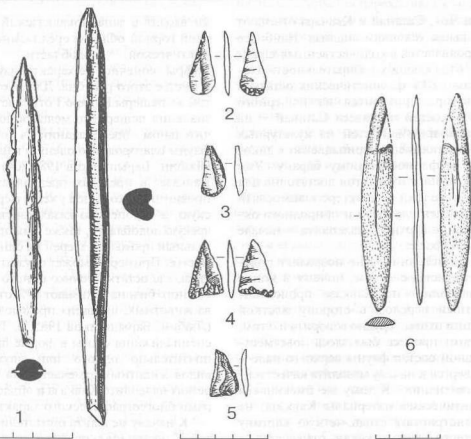

Рис. 1. Культуроопределяющие типы наконечников, найденных на раннеголоценовых стоянках Кавказа: 1 – пещера Квачара, 2 – 5 стоянка Чох, 6 – навес Ситанай.

Fig. 1. Culturally diagnostic types of points in early Holocene sites of the Caucasus: 1 – Kvachara cave; 2-5 – Chokh site, 6 – Satanay rock shelter.

Рассмотрим далее типологические характеристики орудий, о которых идет речь, и попытаемся обосновать их функциональное назначение. В слоях Чоха вся категория острий (наконечников стрел) представлена практически одним типом – так называемым, "острием чохского типа". Идеальный экземпляр этих орудий может быть охарактеризован как орудие на пластине или отщепе с утонченным основанием и диагонально усеченным краем. По размерам эти изделия невелики – длина их составляет в среднем 2,5-3 см. Полное или частичное косое ретушное усечение одного из краев является признаком постоянным. Что касается второго признака – утончения основания, то он варьирует. В соответствии с этой вариацией выделяется четыре разновидности острий чохского типа: а) с утончением основания с брюшка (рис. 1:2); б) с утончением основания со спинки (рис. 1:3); в) с утончением основания со спинки и с брюшка (рис. 1:4); г) с естественно утонченным основанием (рис. 1:5). Как в количественном выражении, так и по более интенсивному и целенаправленному характеру вторичной обработки, ведущим из них является первый вариант. Большинство описываемых

изделий имеют треугольные или подтреугольные очертания (особенно вариант "в"). Полные аналогии остриям чохского типа неизвестны ни на Кавказе, ни на смежных территориях. На этом основании они считаются наиболее выразительным типом, диагностичным для чохской археологической культуры.

В одном из нижних горизонтов чохского поселения встречены единичные экземпляры еще двух разновидностей острий – гравелтообразных и с боковой выемкой. Их единичность лишь подчеркивает значение основного типа острий и отражает направленность технического поиска на выработку наиболее оптимального для конкретной задачи элемента охотничьего снаряжения. Учитывая отмечавшийся выше состав фауны Чохского поселения, нетрудно придти к заключению, что этот тип изделий предназначался для охоты на диких баранов и козлов и представлял собой наконечник стрелы. Функциональным подтверждением определения этих острий как наконечников стрел, служит наличие на рабочих концах некоторых этих предметов продольных негативов от тонких "ниточных" отщепков. Как отмечают исследователи, изучавшие этот вопрос специаль-

но, такие негативы часто образуются на наконечниках стрел после их использования по назначению. Если это так, то можно отметить попутно, что для Чоха фиксируются случаи возвращения на стоянку вместе с тушами добытых на охоте животных и пораженных этих животных наконечников стрел.

Обратимся теперь к стоянке Сатанай. То место, которое занимают в Чохе острия чохско-го типа, в инвентаре данного памятника приходится на крупные двуконечные костяные наконечники. Изготавливались они из расколотых вдоль широких долей забугчатых костей дикой лошади. Исходная заготовка обработана так, чтобы придать наконечнику и в плане, и в профиле симметричные очертания. В результате получались уплощенные обоюдоострые и, чаще всего, линзовидные в сечении наконечники удлиненных очертаний (рис. 1:6). Длина их, в среднем, 14-17 см, ширина ~ 2,5 см и толщина - 0,5-0,7 см. Эта форма наконечника специфична для губской археологической культуры.

Если говорить о кремневых остриях навеса Сатанай, то их насчитывается здесь пять разновидностей. Два из них по своим морфологическим характеристикам могут быть отнесены к наконечникам. Это острия на пластинках со сплошной полукруглой ретушной обработкой краев и такие же острия с одним ретушированным краем и уплощающей подправкой вершины с брющка. Возможно, они являлись наконечниками стрел. Однако размеры изделий (длина, в среднем 4 см, ширина - 0,8 см) не позволяют говорить о том, что именно они являлись основным орудием охоты на дикую лошадь, как основной объект промысла. Эти изделия практически непригодны и для добычи зуба, кости которого также встречаются на стоянке. Для подтверждения высказываемого предположения можно вспомнить, что почти все известные из палеолита и мезолита факты обнаружения костей животных с застрявшими в них обломками охотничьих орудий или со следами поражения на охоте говорят об использовании для добычи крупных животных удлиненных крупных наконечников и, чаще всего, костяных (Абрамова 1979; Roberts 1936; Hallam et al. 1973).

Для стоянки Квачара специфичным является тоже костяной наконечник, но совершенно иного типа, чем в Сатанай. Это удлиненное (длина, в среднем, 20 см) орудие с округлым поперечным сечением (толщина - до 1,5 см) и заостренными концами. На наконечнике имеются две симметричные пазовые прорези для кремневых вкладышей. Пазы начинаются почти непосредственно от вершины наконечника и заканчиваются не достигая основания (рис. 1:1). Наиболее раннее появление подоб-

ных орудий на Кавказе отмечается в финально-палеолитическом горизонте пещеры Гварджилас-кде. С материалами последней обнаруживается сходство, возможно, имеющее генетическую подоснову, раннемезолитическая культура Причерноморья Грузии, представляемая, в частности, пещерой Квачара. Если в богатых коллекциях Гварджилас-кде имеется всего один экземпляр этих орудий, то в Квачара отмечается большая и выразительная серия их, включающая и практически целые экземпляры. Можно согласиться с исследователями, определяющими это изделие как наконечник дротика (Церетели 1973:131). Не меньше оснований для того, чтобы считать его и навершенным рогагана.

Что касается кремневых острий, то они представлены здесь примерно теми же разновидностями, что и в навесе Сатанай. Невозможность их использования в качестве наконечника-орудия охоты на пещерного медведя ясна априори. Очевидно, что из всех имеющихся разновидностей изделий для этой цели могли быть пригодны только описанные выше костяные наконечники. Таким образом, в пределах географически единой горной страны - Большого Кавказа фиксируются три более или менее синхронных археологических общности, культурная разнородность которых обусловлена различиями пищевых ресурсов и вызванными этим особенностями хозяйственной стратегии.

Приведенный выше анализ показывает, что вопреки распространенным декларациям о приоритете социального фактора в процессе культурогенеза, именно характер природного окружения способствует формированию наиболее выразительных черт специфики локальных археологических образований. Это отчетливо проявляется при рассмотрении даже таких явно неполных свидетельств жизнедеятельности древних людей, какими являются материальные остатки. Отличия между общинами, оставившими различные археологические массивы, разумеется, были более масштабными и не сводились лишь к специфике форм тех или иных орудий. Сами эти орудия, несомненно являясь этнодифференцирующими элементами культуры, позволяют отчасти раскрыть и те стороны древних культур, которые недоступны для непосредственного наблюдения. В данном конкретном случае они свидетельствуют, например, о принципиальных различиях в способах и приемах охоты, а следовательно, и о различных в такой основополагающей сфере, как культура жизнеобеспечения.

Другой аспект проблемы, который можно рассматривать уже на интерпретационном уровне, состоит в оценке различных стратегий

жизнеобеспечения с точки зрения их воздействия на динамику социального развития. В обществах охотников с луком и стрелой и индивидуальной формой охоты и обществах охотников с копьем и преимущественно коллективной формой охоты, по-разному реализуются общественные регламентации, например, в сфере дележа добычи. Неодинаково протекает у них формирование ценностей социального престижа и становление института семьи. Впрочем, это большой специальный вопрос, который не-

возможно рассматривать лишь в строгих рамках археологического анализа.

Из приведенного выше следует также и то, что культурная адаптация в условиях гор отнюдь не носит ведущего с однообразием универсального характера. Она более вариабельна, чем на обширных равнинах. Возможно, этим объясняется большая мозаичность культур, столь характерная для горных стран. И истоки этой мозаичности уходят, по-видимому, в древность каменного века.

Абрамова, З.А. 1979. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.

Амихашов, Х.А. 1978. Верхний палеолит Прикубаны. Москва.

1982. Чокское поселение. Москва.

Барышников, Г.Ф. 1987. Млекопитающие Кавказа в эпоху раннего палеолита // Плейстоценовые млекопитающие Северной Евразии: 3-20. Ленинград.

Гвоздовер, М.Д. 1974. Специализация охоты и характер кремневого инвентаря верхнего палеолита // Первообытный человек и природная Среда: 48-52. Москва.

Котова, В.Г. 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.

Любин, В.П., Г.Ф. Барышников. 1982. Охотничья деятельность древнейших (ашель, мустье) обитателей Кавказа // XI конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т. 3: 204. Москва.

1985. Охотничья деятельность древнейших (ашель-мустьерских) обитателей Кавказа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 181: 5-9.

Церетели, Л.Д. 1973. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси.

Hallam, J.S., B.J.N. Edwards, B. Barnes, A.J. Stuart. 1973. The Remains of a Late Glacial Elk associated with Barbed Points from High Furlong, near Blackpool, Lancashire // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol 39: 100-128. Cambridge.

Roberts, F.H.H. 1936. Additional Information on the Folsom Complex: Report of the Second Season's Investigations at the Lindenmeier Site in Northern Colorado // Smithsonian Mus. Coll. Washington.

ADAPTATION AND CULTURAL EVOLUTION: THE CASE OF EARLY HOLOCENE SITES IN THE CAUCASUS

The analysis of cultural adaptations which, in the present author's view, include purposeful functional and morphological adjustment of the tool kit to the food-extracting strategies, presents a highly complex task. Its complexity is due to both subjective (the approach taken by the researcher) and objective reasons. The primary one among the latter is the fact that most palaeolithic and mesolithic sites display considerable variation both in terms of animal species represented and in the tool kit which can be related to hunting. In this situation, it is almost impossible to associate specific tool types with specific animals hunted. Yet the claim that "hunting specialization in the Upper Palaeolithic is not reflected by the tool kits" (Gvozdover 1974: 48-52) is an apparent overstatement.

A situation which is optimal in this respect arises when virtually all animal remains found on the site represent one single species, while all tools which may be regarded as hunting weapons belong to one or two types. This is precisely the situation with

three synchronous early Holocene sites in the Caucasus which are diagnostic for three different archaeological cultures: Chokh, Satanay, and Kvachara.

Chokh site is situated on a plateau-like eminence in Central Daghestan. The site is of an open type and contains three cultural strata, the upper one dating from the early Neolithic, and the two lower ones, to the Mesolithic. The site is eponymous for the Chokh archaeological culture. The finds are abundant, over 40 thousand flint tools being discovered only in the mesolithic layers. As the animal remains suggest, hunting was highly specialized: 98% of bones are those of wild goats and mountain rams. Hunting tools are represented by peculiar arrowheads of the "Chokh type" (Fig. 1-2, 3, 4, 5). Points of this type are known only from sites of the Chokh Culture.

Satanay site is situated in the piedmont zone of northwestern Caucasus. The site is of an open type. There is only one cultural layer dating back to the Upper Palaeolithic - Mesolithic boundary and

representing Gubskaya Culture. Over 15 thousand flint and bone tools were found. Animal remains are also demonstrative of specialized hunting, but the object was different: wild horse (97% of the total number of bones). Instead of Chokh type points, the predominant type in Satanay is a large double-edged bone point, lense-shaped in section (Fig.1-6). It is characteristic of Gubskaya Culture. Projectiles supplied with such points were evidently the weapon used in hunting horses.

Kvachara site, unlike the two above sites, is situated in Transcaucasia (Abkhazia) and is a cave site. There are three cultural strata, the lower one dating from the late Upper Palaeolithic, and the two upper ones being mesolithic. The upper stratum is the best studied one (1,443 artifacts). Kvachara is the key site of the Western Caucasian Pontic Culture. About 80% of the faunistic remains are represented by bones of the cave bear, which was the principal object of hunting. The main tool, like in Satanay, was the bone point, but of an entirely different type. Points found in Kvachara are elongated, roundish in section, and have two symmetric longitudinal slots for flint inserts

(Fig.1-1). These points were attached to projectiles and spears, which were used in bear hunting.

The paleoenvironment of the three sites was different. Chokh was surrounded by middle-mountain steppe, Satanay was situated on the border between the steppe and the broad-leaved forest of the piedmont, whereas Kvachara was in the sparse low-mountain forest zone. The fauna of the three regions, too, was different. As the analysis presented above has demonstrated, environment was the principal factor responsible for the specifics of local archaeological cultures. In this case, tools, being the indicators of ethnicity, demonstrate that entirely different hunting techniques were used, implying that fundamental food-extracting strategies were different as well.

So the cultural adaptation in the highlands was far from being universal and did not result in cultural uniformity. It was more variable here than it was in the plains. This may provide an explanation for the cultural mosaicism which is so characteristic of the mountainous areas. The sources of this diversity may go back as far as the Stone Age.

МУСТЬЕРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В. А. АЛЁКШИН*

Антропологические исследования последних двадцати лет выявили на костях неандертальцев следы кремневых орудий, свидетельствующие о помертных манипуляциях с их трупами: расчленение и снятие мягких тканей с костей (Czarnetzki 1977; Le Mort 1988, 1989; Russel 1987; Ullrich 1986). По мнению Г. Ульриха, древнейший погребальный обряд эволюционировал от расчлененных захоронений раннего мустье к нерасчлененным погребениям, появившимся в конце среднего палеолита (Ullrich 1986). Таким образом, открытия антропологов подчеркнули своеобразие мустьерского погребального обряда.

Специфика такого археологического источника как погребальный обряд заключается в том, что он является сложной системой, предназначенной для ритуального обращения с умершими и состоящей из набора традиционных ритуалов и материальных элементов (могила, скелет, инвентарь, заупокойная пища, красная краска). Любой обряд, в том числе и погребальный, включает цикл неоднократно повторяющихся действий (Perlès 1982), которые становятся нормативными или стандартными (Алёкшин 1981; Alekshin 1983). Обряд формирует традиционные элементы культуры и стремится их сохранить, то есть он обладает определенной устойчивостью и консервативностью. Вместе с тем под воздействием внешних и внутренних культурных импульсов обряд постепенно трансформируется в иные формы, обнаруживая способность к развитию. В традиционных культурах обряды жестко не регламентируются, поэтому в каждом регионе они имеют локальные отличия.

Анализ мустьерских погребений юго-западной Азии (Алёкшин 1992, 1993, 1994) и Крыма (Алёкшин 1993а) позволил установить, наряду с локальными особенностями погребальных обрядов эпохи среднего палеолита и те их

черты, которые характерны для обоих регионов. Оказалось, что в этих ареалах все могилы мустьерского времени связаны с культурным слоем стоянок. В погребениях нет инвентаря, заупокойной пищи и красной краски.

Распределение комплектных и некомплектных костяков на стоянках среднего палеолита юго-западной Азии и Крыма обнаруживает общую для обоих регионов закономерность. В раннем мустье (90–50 тыс. В. П.) преобладают находки неполных скелетов, группа полных костяков немногочисленна. В позднем мустье (50–35 тыс. В. П.) наоборот — количество комплектных скелетов превышает количество некомплектных костяков.

В раннем мустье доминирует перпендикулярное расположение скелетов относительно входа в пещеру. В позднем мустье преобладает расположение костяков параллельно входу в пещеру.

Изучение мустьерских захоронений юго-западной Азии и Крыма показывает также, что важнейшим признаком погребений среднего палеолита являются устойчиво повторяющиеся позы погребенных, специфические для каждого региона (Алёкшин 1995, в печати).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, во-первых, установить, вписываются ли погребальные обряды среднего палеолита Западной Европы в приведенную выше схему эволюции мустьерской похоронной обрядности и, во-вторых, выявить их локальные особенности.

Анализ мустьерских погребений включает три операции: а) критика источников; б) определение хронологии захоронений; в) реконструкция погребального обряда.

Обзор захоронений среднего палеолита Западной Европы я начал с территории Бельгии, где в 1886 году на площади перед входом в грот Бэк-о-Рош (Breuil 1912), расположенном на ле-

* Россия, Санкт-Петербург, 191186. Дворцовая наб. 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

вом берегу р. Орно (провинция Намур), были обнаружены останки двух неандертальцев. Это открытие, известное в археологии как находка в Спи, получило название по имени коммуны, на территории которой находился грот. Скелеты лежали в основании отложения, на границе слоев D и F. Большинство исследователей классифицировало индустрию, сопровождавшую кости как шарпартское мустье типа Ля Кина (Rutot 1909:235, 237; Bordes 1959:155-157; Ope, Michel 1984:11, 12; Cordy 1984:71, 72). Предложение рассматривать индустрию, связанную со скелетами как мустье с ашельской традицией (Смирнов 1991:111), не получило поддержки.

Хотя М. де Пюи и М.Лоз, раскопавшие стоянку в Спи, полагали, что они нашли останки неандертальцев, погибших перед входом в грот (Fraipont, Lohest 1887:668), факты противоречат такой трактовке. Во-первых, скелет 1 лежал на боку, а его кисти находились у нижней челюсти (Fraipont, Lohest 1886:745). Эти данные указывают на то, что скелет находился в скорченном положении. Во-вторых, оба костяка были представлены костями всех отделов скелета. Не сохранились лишь кости правых голеней обоих индивидов, а также левое бедро и правая локтевая кость скелета 1 (Twisselmann 1971:12), который лежал в анатомическом порядке (Leguebe, Orban 1984:92). Эта информация позволяет заключить, что оба неандертальца не остались лежать на поверхности земли, где их застала смерть. Вероятнее всего, трупы были помещены в ямы, которые затем засыпали землей. Несовершенная методика раскопок прошлого века не позволила зафиксировать эти, очевидно неглубокие, могилы. Все упомянутые факты позволяют сделать вывод о преднамеренном захоронении в Спи двух взрослых неандертальцев, одного из которых (костяк 1) похоронили на боку, в скорченном положении. Скелет 2, обнаруженный в 2,5 м от индивида 1, не сохранил анатомический порядок костей (Leguebe, Orban 1984:92). Возможно, что второй труп был расчленен перед погребением.

Ж.Фрэнон и М.Лоз считали, что костяк 1 принадлежал женщине, костяк 2 — мужчине. Затем А.Валлюа определил оба скелета как мужские (Genovés 1954:134-142). Позднее А.Тома пришел к выводу, что первоначальные определения раскопщиков были верны, причем женщина была старше мужчины (Thoma 1975:387, 389). Обнаруженные среди костей неандертальцев два зуба ребенка (Thoma 1975:406) не дают оснований полагать, что одно из погребений в Спи было двойным (Смирнов 1991:111, 238, 239). Детские зубы могли попасть в могилу до или во время раскопок из культурного слоя. Опубликованные отчеты о раскол-

ках в Спи не содержат информации о третьем скелете. Сведения о находке в Спи еще одного (четвертого) костяка, впоследствии утраченного (Bouyssonie 1954:112; Смирнов 1991:72, 111) не могут быть приняты во внимание, так как неизвестно был ли это скелет неандертальца.

Однако находки в Спи, на которые в свое время почти никто не обратил внимания, не повлияли на господствующее тогда в науке представление о примитивном мышлении обитателей мустьерских пещер. Подлинный переворот во взглядах на духовную жизнь людей среднего палеолита произвели уникальные открытия неандертальских скелетов, сделанные в начале нынешнего столетия при раскопках некоторых мустьерских стоянок Франции.

Скелеты трех неандертальцев были найдены в нижнем скальном навесе Ле Мустье вблизи города Лезэйзи на берегу Везера (коммуна Пейзак, департамент Дордонь). В сентябре 1907 года этот памятник начал исследовать швейцарский антиквар О.Хаузер.

Согласно его отчету, 7 марта 1908 года старший рабочий экспедиции обнаружил в культурном слое стоянки кости нижних конечностей и левого предплечья человека. Это произошло в отсутствие О.Хаузера, в тот момент наблюдавшего за раскопками верхнего навеса в Ле Мустье. Получив известие о находке, О.Хаузер спустился на нижнюю стоянку и извлек кости из культурного слоя еще до расчистки всего скелета (Klaatsch, Hauser 1908:289).

Скорее всего первая из найденных костей была извлечена из земли натолкнувшимся на нее рабочим еще до прихода О.Хаузера, однако, как отметил Б.Герман, количество костей, снятое самим исследователем не могло случайно попасть на лопату землекопа (Herrmann 1977:130).

В отчете о раскопках О.Хаузер сообщает, что приказал засыпать участок слоя с находкой толстым слоем грунта (Klaatsch, Hauser 1908:287).

В апреле, июне и июле О.Хаузер последовательно демонстрирует останки местным властям, сотрудникам Веймарского музея, богатому американскому туристу. После каждой зачистки рабочие вновь засыпали костяк землей. Многократные зачистки скелета и засыпка его землей вредила костям, ломая и смещая их.

Французские археологи оставались в неведении об открытии О.Хаузера (Klaatsch, Hauser 1908:287, 288; Virchow 1939:264, 265; Schott 1989:548-550).

Группа немецких участников Франкфуртского археологического конгресса (семь археологов и два антрополога; Г.Клаач и Г.Вирхов) посетили экспедицию О.Хаузера в августе 1908 г. Исследователь не рассказывал гостям из Франк-

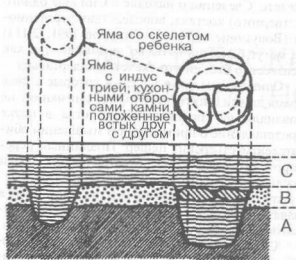

Рис. 1 Ле Мустье. План и разрез могилы ребенка (по Д.Пейрони 1930).

Fig. 1. Le Moustier. Plan and section of a child's grave (after Peyrony 1930).

фурта о предыдущих многократных расчистках скелета.

О.Хаузер и один из прибывших экспертов, антрополог Г.Клаач, подготовили соответствующий протокол осмотра места находки и настаивали, чтобы остальные консультанты подписали его еще до зачистки скелета. Впоследствии О.Хаузер опубликовал упомянутый документ как подлинный, хотя он был составлен задолго (Hauser 1920:108). Французские археологи отказались присутствовать при окончательной расчистке скелета и выемке костей неандертальца из слоя (Virchow 1939:261, 262).

Последнюю зачистку костяка и извлечение его из слоя проделал Г.Клаач. Его интересовали только череп и длинные кости скелета, консервации которых он уделил особое внимание (Klaatsch, Hauser 1908:289–293). К другим костям антрополог отнесся менее внимательно, что привело к разрушению некоторых из них. В отчете О.Хаузера и Г.Клаача сказано, что большинство костей скелета нельзя было извлечь из земли вследствие их плохой сохранности (Klaatsch, Hauser 1908:291–296), хотя Г.Вирхов считал, что при иной методике консервации останков неандертальца можно было бы извлечь из слоя весь его скелет (Virchow 1909:581). Перечень костей, которые Г.Клаач приводит в своих публикациях (Klaatsch, Hauser 1908:291–296; Klaatsch 1909:548, 1909a:11,12, 1909b:99, 1909c:448–452), а также довоенная фотография скелета, выставленного в экспозиции Берлинского музея (Herrmann 1977:132, 133) позволя-

ют утверждать, что в нижнем навесе Ле Мустье был обнаружен полный костяк неандертальца.

Однако плохая методика раскопок, отсутствие надежной полевой документации, неоднократные зачистки останков, попытки ввести в заблуждение коллег вызвали скептическое отношение французских археологов к находке О.Хаузера. Некоторые из них позднее стали считать его фальсификатором и отказались признать подлинность сделанного им открытия в Ле Мустье (Bordes 1959:155; Leroi-Gourhan 1964:55; Vandermeersch 1976:726).

О.Хаузер действительно неудачно раскопал стоянку. Он не смог установить ее стратиграфию, утверждая, что последовательность культурных напластований памятника проследить невозможно (Klaatsch, Hauser 1908:287). Тем не менее вся совокупность вышеприведенных фактов не оставляет сомнений в подлинности найденного О.Хаузером неандертальского скелета. Многие исследователи (Schott 1989:553, 554; Binant 1991; Смирнов 1991:115–119, 242, 244), в том числе французские антропологи (Vallois 1941; Piveteau 1957; Vandermeersch 1965), придерживаются именно такого мнения. Проблемы возникли лишь при попытках установить стратиграфическое положение костяка и доказать наличие в Ле Мустье преднамеренного захоронения (Weinert 1925:48, 49; Virchow 1939:271; Hesse 1965:158; May 1986:6, 14, 15).

Стратиграфическая позиция скелета была определена после новых раскопок стоянки, которые провел Д.Пейрони в 1914 г. Оказалось, что останки неандертальца располагались в слое J (Vandermeersch 1965:74). Современные типологи выделяют в нем три различные индустрии, причем одна из них — мустье с ашельской традицией (Bordes 1981:78,79), другая — типичное мустье (Valladas et al. 1987:214, 1988:121; Mellars 1989:55, fig 1).

Наличие в Ле Мустье полного скелета — серьезный аргумент в пользу преднамеренного захоронения трупа неандертальца. К сожалению во время последней расчистки скелета и выемки его костей из слоя он не был детально зарисован. В распоряжении современных исследователей имеется лишь фотография черепа неандертальца, сделанная после первой зачистки останков.

Судя по описанию О.Хаузера и Г.Клаача, скелет располагался на правом боку в скорченном положении (поза спящего), правая рука была согнута в локте, ее кисть находилась за затылком, левая рука была вытянута вдоль тела (Klaatsch, Hauser 1908:290; Hauser 1909:5; Klaatsch 1909b:105, 1909c:456,457).

Грудная клетка костяка была повернута вверх (Klaatsch, Hauser 1908:290). Однако из этого не следует, как полагает Ю.А.Смирнов

(Смирнов 1991:119), что корпус покойного лежал на животе. Во многих случаях у лежащего на боку трупа после разложения мягких тканей происходит оседание верхней части костей грудной клетки. Они смещаются и оказываются повернутыми кверху. Смещение костей корпуса умершего, кроме того, свидетельствует о наличии свободного пространства — могилы, в которую опустили тело. Еще один вывод Ю.А.Смирнова о том, что кисть левой руки неандертальца находилась у левого тазобедренного сустава (Смирнов 1991:119), не подтверждается опубликованными источниками.

Из отчета О.Хаузера следует, что правая нога умершего была вытянута, левая подтянута, то есть согнута (Virchow 1909:582). Однако, эти данные нельзя абсолютизировать, так как часть костей нижних конечностей в момент их открытия была потревожена рабочим. Если же вспомнить о том, что О.Хаузер вынул кости ног из слоя еще до первой расчистки останков, то непонятно как он смог впоследствии установить их точное положение относительно скелета. В любом случае вытянутое положение правой ноги лежащего на боку трупа сомнительно, тогда как согнутая позиция левой ноги вполне естественна.

Постройки XIX—XX веков повредили культурный слой стоянки над скелетом, но сам скелет, судя по имеющимся описаниям, не был потревожен. Утверждение Г.Вирхова о вторичном залегании останков неандертальца (Virchow 1939:263) ошибочно.

Итак, открытие в Ле Мустье полного скелета неандертальца, лежащего на боку в скорченном положении, позволяет согласиться с мнением тех исследователей (Schott 1989; Binant 1991; Смирнов 1991), которые интерпретируют эту находку как преднамеренное захоронение человека мустьерской эпохи.

В первых отчетах о находке в Ле Мустье нет данных ни о могиле, которую О.Хаузер не смог зафиксировать, ни об ориентации тела неандертальца. Только в книге, посвященной первобытной археологии, которую швейцарский антиквар опубликовал 17 лет спустя, он упомянул о том, что скелет лежал головой на юг (Hauser 1925:119; Смирнов 1991:109,119,243). Однако, при отсутствии надежной полевой документации, этот вывод, несомненно сделанный по памяти, нельзя считать достоверным.

О.Хаузер и Г.Клаач пришли к выводу о том, что голова умершего лежала на подушке из кремневых изделий (Klaatsch, Hauser 1908:290,

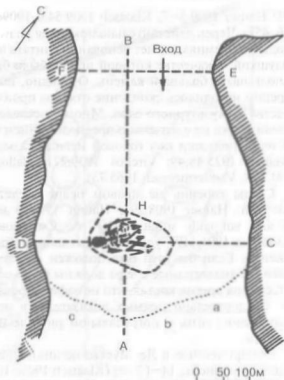

Рис. 2. Ла Шапель-о-Сен. План грота (по А. et J. Bouyssonie, Bardon 1908).

Fig. 2. La-Chapelle-aux-Saints. Plan of the grotto (after A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908).

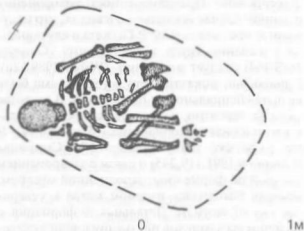

Рис. 3. Ла Шапель-о-Сен. Погребение мужчины (А. et J. Bouyssonie, Bardon 1913).

Fig. 3. La-Chapelle-aux-Saints. Burial of a man (after A. et J. Bouyssonie, Bardon 1913).

* Следует иметь в виду, что в литературе можно встретить описание находки в Ле Мустье, содержащее грубые фактические ошибки (Rehlen 1909:29).

291; Hauser 1909:5-7; Klaatsch 1909:543, 1909c:456, 457). Череп действительно покоился на нескольких кремнях, но нет оснований считать их подушкой, в качестве которой проще было бы использовать большой камень. Очевидно, под черепом находилось скопление отходов производства из культурного слоя. Многие исследователи также не согласны с предположением о наличии подушки под головой неандертальца (Weinert 1925:48,49; Virchow 1939:271; Vallois 1941:778; Vandermeersch 1965:73).

Следы горения на правом бедре скелета (Klaatsch, Hauser 1908:291; Hauser 1909:7) не имеют, вопреки мнению Ю. А. Смирнова (Смирнов 1991:119), удовлетворительного объяснения. Если бы труп был положен на слой углей, то аналогичные следы должны были остаться и на других костях, что не зафиксировано. Следовательно прямых доказательств использования огня в погребальном ритуале не имеется.

Обнаруженные в Ле Мустье останки принадлежали юноше 14-17 лет (Klaatsch 1909a:10, 1909b:100, 1909c:449; Klaatsch, Hauser 1908:293; Weinert 1925:17; Piveteau 1957:463; Mac-Gregor 1964:151; Vandermeersch 1965:73; Herrmann 1977:145).

Позднее стоянку раскапывал Д.Пейрони, который в 1914 г., в слое J, на дне небольшой ямы (рис.1) обнаружил останки скелета маленького ребенка или новорожденного (череп, мандибула, посткраниальный скелет) (Peugny 1930:159,160; Vandermeersch 1965:74, 1971:150; Heim 1976:582). Положение костяка не было зафиксировано. Преднамеренность захоронения в данном случае настолько очевидна, что надуманное предположение Р.Гаджета о случайности попадания трупа в пустую яму (Gargette 1989:164) следует отвергнуть (Weber 1989:326). Однако, нет доказательств того, что яма была вырыта специально для погребения. В качестве могилы, вероятно, использована предварительной очищенная мусорная яма (Mau 1986:14). Я не разделяю точку зрения Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:119,245) о связи с захоронением сходной по форме ямы, заполненной мусором, которая находилась в одном метре к северо-востоку от могилы. Детальная информация о наличии всех отделов посткраниального скелета ребенка не представлена.

Задолго до работ О.Хаузера нижний навес Ле Мустье раскапывал Э.Ривьер. Часть территории памятника принадлежала семье Бурже, которая решила оградить свои владения каменной стеной. При ее сооружении 29 августа 1896 года в культурном слое стоянки был найден полный скелет женщины, лежащей на спине, в вытянутом положении, почти параллельно задней стене навеса. Костяк был расчищен и из-

влечен из земли в отсутствие Э.Ривьера.

Подробно обследовав участок стоянки, на котором были обнаружены останки женщины, Э.Ривьер установил, что культурный слой в этом месте не поврежден. Поэтому он пришел к выводу, о том что скелет женщины относится к мустьерской эпохе. Однако все попытки Э.Ривьера доказать среднепалеолитический возраст этой находки не нашли поддержки коллег.

Впоследствии Э.Ривьер утверждал, что женский костяк был найден в шести метрах от того места, где О.Хаузер открыл погребение юноши (Riviere 1906:488, 1907:787, 1909:143, 144, 1911:119).

К настоящему времени от скелета сохранилась лишь черепная коробка, которая, как установлено в 1979 году, принадлежала женщине классического неандертальского типа. Ее возраст близок возрасту мужчин из Ля Феррасси и Ля Шапель-о-Сен (Moll 1979:95-121). Таким образом, установлен среднепалеолитический возраст останков, обнаруженных в слое мустье с ашельской традицией. Вероятность намеренного захоронения умершей женщины нельзя исключить. Однако описание позы, в которой лежал ее скелет, не имеет научной ценности, так как его расчистка и выемка была сделана не археологами.

В августе 1908 г. вблизи деревни Ля Шапель-о-Сен (департамент Коррез), в маленьком гроте Бонневаль (рис. 2) братьями А. и Ж. Буиссонни и Л. Бардоном был найден скелет неандертальца (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:513). Индустрия слоя, в котором лежали его останки относится к мустье типа Ла Кина (Vandermeersch 1965:113,114,116).

Костяк покоился в яме (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:516). Авторы раскопок установили, что она была преднамеренно вырыта. Еще при их жизни этот вывод подверг сомнению Э.Мартель (Martel 1909:303). Недавно его аргументацию повторил Р.Гаджет (Gargette 1989:162). Оба исследователя убеждены в том, что скелет неандертальца находился в углублении, которое было вырыто ручьем, протекавшим через грот в мустьерское время. Однако такому объяснению противоречат два наблюдения. Во-первых, в гроте нет других выемок, которые неизбежно образовывались бы в русле потока. Во-вторых, культурный слой стоянки никогда не был размыт водой (A. et J. Bouyssonie 1909:11,12). Ни Э.Мартель, ни Р.Гаджет не придали значения конфигурации ямы, имеющей правильную подчетырехугольную форму и отвесные стенки. Но именно эти факты и доказывают ее искусственное происхождение. Даже если предположить, что изначально углубление имело природное происхождение, то затем оно несомнен-

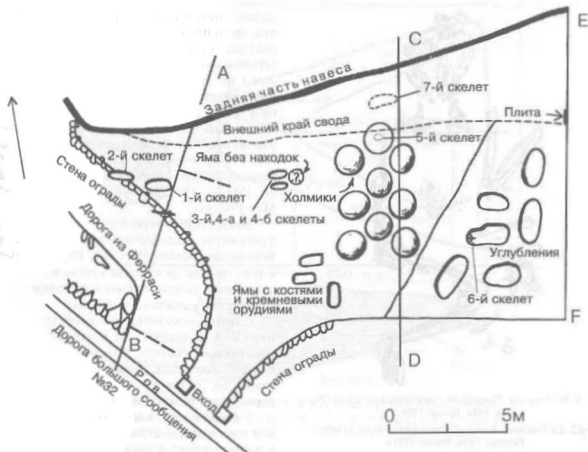

Рис. 4 Ля Феррасси. План раскопанной части навеса (Peyrony 1934).

Fig.4 La Ferrassie. Plan of the excavated part of the shelter (after Peyrony 1934).

но было углублено и расширено рукой человека, чтобы разместить в нем труп неандертальца.

Скелет лежал на спине, его ноги были согнуты в коленях и уложены с правой стороны от туловища, одна рука 'вытянута вдоль тела, другая — согнута в локте (рис. 3). Аналогичное расположение костяков в могилах хорошо известно по погребениям других археологических эпох.

Наличие могилы и ритуальной позы умершего позволили братьям Буиссон и Л. Бардону прийти к выводу о том, что они обнаружили захоронение мустьерского времени (A. et J. Bouyssonie, Vardon 1908, 1908a, 1913). К этому следует добавить, что извлеченный из могилы скелет представлен всеми отделами за исключением правой ключицы, лопаток и левой малой берцовой кости, которые очевидно не сохранились. Костяк лежал в анатомическом порядке (Boule 1911:123,124, 1912:102,154,155). Следовательно речь идет о захоронении целого трупа неандертальца (Смирнов 1979, 1991:241).

Вывод о преднамеренном погребении в Ля Шапель-о-Сен оспаривали только Э. Мартель (Martel 1909:303) и Р. Гаджет (Gargett 1989:162, 163, 1989a:186,187, 1989b:328,329). Э. Мартель был сторонником общепринятой в начале ны-

нешнего века концепции Г. де Мортилье, который считал, что неандертальцы, в силу их низкого интеллекта, не могли хоронить своих умерших (Mortillet 1900:390—476). Открытие в Ля Шапель-о-Сен показало несостоятельность этой точки зрения. На общем фоне развития современной науки очень странным выглядят аргументы Р. Гаджета, реанимирующего старые взгляды начала века. По его мнению, в гроте Бонневаль найдены останки неандертальца, пытавшегося спрятаться от холода в яме и умершего в ней во время сна. Позднее лежащее на дне углубления тело было быстро перекрыто отложениями, а наполнение верхней части ямы происходило постоянно. Абсолютно надуманные выводы Р. Гаджета уже были подвергнуты справедливой критике его оппонентами (Frayer, Montet-White 1989:180,181; Villa 1989:325).

Авторы раскопок, обнаружившие лишь один культурный слой в гроте, были убеждены, что его использовали только для погребения усопшего. По их мнению все прочие находки возле могилы свидетельствуют о посмертной тризне над захоронением (A. et J. Bouyssonie, Vardon 1908:517,518, 1908a:1415, 1913:632). Однако структура культурного напластования, его

Рис. 5 Ля Феррасси. Погребение мужчины (скелет 1) (Peyrony 1934; Binant 1991).

Fig.5. La Ferrassie. Burial of a man (skeleton no.1) (after Peyrony 1934; Binant 1991).

толщина (30–40 см) и протяженность внутри грота и на площадке перед ним, наличие в слое очага указывают на то, что здесь находилась обычная мустьерская стоянка (Martel 1909:303; Vandermeersch 1976:725). Накопившиеся в низком гроте отложения препятствовали его дальнейшему использованию и поэтому он был довольно быстро покинут его обитателями.

Во всех публикациях авторы открытия указывали, что скелет ориентирован головой на запад, хотя фактически он имеет юго-западную ориентировку, на что впервые обратил внимание Ю.А.Смирнов (1979:165, 1991:111,241).

Над головой неандертальца были найдены фрагменты длинных костей животных, а над ними — передняя конечность быка и часть позвоночника оленя. Нога быка и часть позвоночника оленя лежали в анатомическом порядке (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:517, 1908a:1414, 1913:630,631). Братья Буиссонни и Л.Бардон предположили, что эти кости являются частью заупокойной пищи (куски дичи) (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:517, 1913:630, 631). Во всех публикациях указано, что кости, о которых идет речь, находились над скелетом в заполнении ямы.

Итак, кости животных, найденные над могилкой и над скелетом в ее заполнении, интерпретировали как свидетельства о погребальной тризне и как доказательство наличия в могиле

заупокойной пищи. С моей точки зрения оба эти предположения ошибочны. Кости, лежащие над останками неандертальца, не были остатками мясных частей туш животных и в силу этого не являются заупокойной пищей. Они происходят из культурного слоя и попали в могилу при ее засыпке. Кости, найденные над погребальной ямой, не отличаются от других обнаруженных в слое костей и не имеют отношения к погребальному ритуалу. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи (Martel 1909:303; Vandermeersch 1976:725; May 1986:11).

Возле тела умершего найдено несколько фрагментов железистого песчаника (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:517, 1913:632). Вопрос о том, попала ли красная краска в могилу случайно из культурного слоя или положена преднамеренно, остается открытым.

Следует отметить, что вопреки утверждению Ю.А.Смирнова, ни в одном из первоисточников не указано, что фрагменты длинных костей животных, найденные над головой усопшего, являются остатками специального перекрытия (Смирнов 1979:167, 1991:240).

У входа в грот, в маленькой ямке, перекрытой плитами известняка, лежали кости черепа и позвоночника, а также рог бизона. Под ними находился кремневый остроконечник (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:516, 1913:633). Поскольку могила находилась далеко от этой ямы (на расстоянии не менее 3 метров), доказать ее связь с погребением, как считают многие исследователи, невозможно (Roche 1976:16; Vandermeersch 1976:725). Не имеют связи с захоронением и два очага, обнаруженные над могилкой (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1908:517), не ясно даже относятся они к мустьерскому времени или нет.

В Ля Шапельль-о-Сен похоронен мужчина (Boule 1911:124). Антропологи по-разному оценивают его возраст: 50–55 лет (Boule 1911:19), 40–50 лет (Straus, Cave 1957:352), 40–45 лет (Trinkaus 1985:21).

Серия неандертальских скелетов была открыта в большом навесе Ля Феррасси (рис. 4) (коммуна Савиньяк де Миремон, департамент Дордонь). Они находились в основании слоя С, в котором представлена индустрия шарантского мустье типа Ля Феррасси (Delporte 1984:17).

Костяк 1 (рис. 5) найден 17 или 19 сентября 1909 года в стерильной прослойке В, подстилающей вышележащий слой С (Peyrony 1934:24; Delporte 1976:19).

Л.Капитан и Д.Пейרון не зафиксировали погребальную яму и полагали, что труп неандертальца был уложен на поверхность земли, а затем перекрыт ветвями, шкурой и землей (Capitan, Peyrony 1909:409). Однако великолеп-

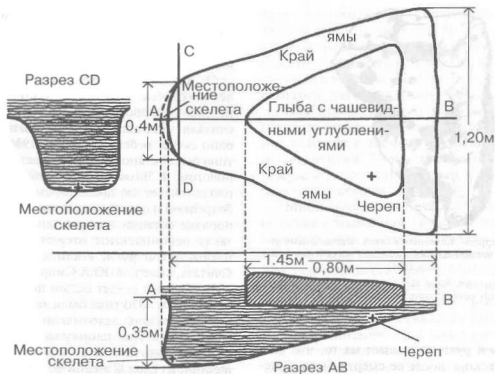

Рис. 6 Ля Феррасси. План и разрез могилы ребенка (скелет 6) (Peugony 1934).

Fig.6. La Ferrassie. Plan and section of the child's grave (skeleton no.6) (after Peugony 1934).

ную сохранность обнаруженных останков человека можно объяснить только наличием могилы, в которую труп положили на спину, с согнутыми в коленях ногами. Скелет, лежащий в анатомическом порядке, представлен всеми своими отделами (Heim, 1976a:32–34). Смешены только кости правой стопы и правой кисти, причем некоторые из них отсутствуют. Авторы раскопок считали, что они были утащены грызунами (Capitan, Peugony 1909:408). Перечень костей позволяет говорить о захоронении целого трупа мужчины 45 (Vandermeersch 1976a:582; Heim 1974:83) или 40–45 (Heim 1976a:56) лет. Могила, в которой он лежал, была впущена из основания слоя С в стерильную прослойку В и на отдельных участках достигала слоя А.

Вывод о намеренности захоронения мужчины-неандертальца в Ля Феррасси недавно попытался опровергнуть Р.Гаджет. По его мнению, в данном случае мы имеем дело с непогребенными останками человека, которые очень быстро оказались перекрыты отложениями навеса (Gargett 1989:166, 1989a:187, 1989b:329). Аргументация Р.Гаджета, игнорирующая очевидные факты, уже вызвала возражения специалистов (Ossa 1989:183; Weber 1989:326).

Над скелетом обнаружены три плоские камня, имеющие длину до 20 см. Один располагался в районе черепа, два других — возле рук (Capitan, Peugony 1909:406; Peugony 1934:24;

Maу 1986:14). Вероятно, они связаны с погребением, хотя их нельзя рассматривать в качестве погребального инвентаря (Delporte 1976:10). Поскольку камни не лежат непосредственно на костях, можно полагать, что их уложили поверх засыпанной землей могилы. Рядом с погребением зафиксирована коричнево-красная прослойка (Capitan, Peugony 1909:408; Peugony 1934:34), которая, однако, не является свидетельством использования красной краски в погребальном обряде, как это предполагают Ж.Эйм (Heim 1976a:47) и Ю.А.Смирнов (Смирнов 1991:120,221,248), так как слой А, в который частично углублена могила, имел красный цвет (Capitan, Peugony 1912a:77; Peugony 1934:4,8).

Скелет 2 (рис. 4) был открыт в сентябре 1910 года (Capitan, Peugony 1911:148; Peugony 1934:26). Останки женщины 25–30 лет (Heim 1974:83, 1976a:19) сохранились гораздо хуже, чем костяк мужчины. Л.Капитан и Д.Пейрони считали, что скелет был поврежден либо в результате обвала скального козырька навеса, либо гниения, разрывшими могилу (Capitan, Peugony 1911:148–150; Peugony 1934:26–28). Однако авторы раскопок не смогли привести аргументы в пользу второго предположения. При расчистке костяка погребальную яму не смогли зафиксировать, хотя комплектность скелета, у которого не сохранились только кости пред-

Рис. 7 Ля Феррасси. Каменная плита с чашевидными углублениями, частично перекрывающая погребение 6 (Binaut 1991).

Fig. 7. La Ferrassie. Stone slab with cup-like depressions which partly covered grave no.6 (after Binaut 1991).

плеча левой руки, указывает на то, что тело женщины вскоре после ее смерти было помещено в могилу. Могильная яма, вероятно была связана со слоем С и прорезала нижележащие отложения А и В.

Как и в случае с мужским скелетом, Р.Гаджет объясняет сохранность останков женщины особыми условиями, в которых накапливались отложения навеса (Gargett 1989:166, 1989a:167, 1989b:329). Но его интерпретация не получила поддержки исследователей (Ossa 1989:183; Villa 1989:325). Дополнительными аргументами в пользу предположения захоронения женщины является скорченное положение скелета на правом боку.

Находящееся под костями кострище, вопреки мнению Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:222,249), не было связано с погребальным ритуалом так как кости скелета не обуглены.

В 1912 году на стоянке были обнаружены две ямы (рис. 4), впускные из слоя С в слой А, при этом они прорезали очаг слоя С. Заполнение ям включало часть гравия слоя А, стерильный песок из слоя В и золу очага слоя С. На дне первой ямы найдены отдельные кости скелета 3, принадлежавшие ребенку 10 лет. Они лежали не в анатомическом порядке, причем внизу располагались локтевые и лучевые кости, выше их — кисти, а над ними — кости, которые авторы раскопок считали бедренными. Позднее было установлено, что бедренных костей в яме не было. К сожалению, антропологам так и не удалось выяснить, какие именно кости Л.Капитан и Д.Пейрони приняли за бедренные. Еще выше лежал неполный череп. Нижние конечности представлены одним астрагалом (Саритан, Реутоны 1912:439,440; Реутоны 1934:28–30; Heim 1968:578, 1974:83, 1976:582,

1976a:36). Нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают этот скелет полным (Смирнов 1991:250), так как отсутствует большое количество его костей.

В другой яме находились кости двух маленьких детей: восьмимесячного плода и двухнедельного новорожденного. Авторы раскопок считали, что в данном случае они нашли только один скелет ребенка (Реутоны 1934:28–30). Истина была установлена много лет спустя антропологом Ж.Эймом (Heim 1968:578). Останки плода (скелет 4а) представлены только правой бедренной и плечевой костями. Лежащие в беспорядке останки новорожденного (костяк 4б) также некомплектны: отсутствуют кости предплечья левой руки, кости кистей и ступней. Считать, вслед за Ю.А.Смирновым (Смирнов 1991:251) этот скелет целым нет оснований.

В марте 1920 года были начаты исследования небольших вхождений в центральной части навеса. Под одним из них удалось расчистить придонную часть небольшой ямы, впускной из слоя С в слой В. На ее дне найдено несколько костей скелета 5 (вероятно семимесячный выкидыш), лишенных естественной анатомической связи (рис. 4). В отчете нет подробного описания расположения костей. Д.Пейрони лаконично сообщает, что костяк 5 находился в согнутом положении (Реутоны 1934:32). У скелета отсутствуют кости ступней и кистей, кости предплечья правой руки, левая лучевая кость, таз, позвонки, ребра, малые берцовые кости (Heim 1968:578, 1974:83, 1976:582, 1976a:38). Некомплектность костяка исследователи объясняют разрушением верхней части ямы (Саритан, Реутоны 1921:540,541; Реутоны 1934:31–33). Эта версия противоречит двум наблюдениям (возле ямы не найдены фрагменты костей ребенка; культурный слой на этом участке стоянки не потревожен и перекрыт высокой насыпью) и не может быть принята.

В 1921 году в яме с отвесными стенами найден скелет 6 (рис. 4, 6) (ребенок 3 лет). Судя по комплектности костяка, в яму был помещен полный труп ребенка. Не сохранилась лишь малая берцовая кость скелета (Реутоны 1934:33–36; Heim 1968:578, 1974:84, 1976:582, 1976a:38, 39).

По мнению Р.Гаджета, кости детей случайно попали в ямы естественного происхождения. Он также считает, что отложения постепенно накапливались в этих, изначально пустых, ямах, причем их придонные части заполнялись стерильной щебенкой, а верхние части — культурным слоем. Этот процесс, длившийся очень долго, способствовал попаданию в ямы различных отложений, в том числе и детских костей (Gargett 1989:166,167, 1989a:185). Однако, опубликованные отчеты о раскопках в Ля

Ферраси не содержат фактов, подтверждающих такую интерпретацию. Более того, Л.Капитан и Д.Пейрони отмечают, что стерильный грунт и культурный слой, заполнявшие ямы, были перемешаны (Capitan, Peutyony 1912:439; Peutyony 1934:28; Bricker 1989:177,178). Кости детей лежали на дне ям. Оба наблюдения позволяют прийти к выводу, отличающемуся от заключения Р.Гаржета: во всех случаях останки детей были сначала уложены на дно ям, а затем засыпаны землей. Эти регулярно повторявшиеся действия несомненно указывают на существование практики посмертного обращения с телами, которая, видимо, стала культурной нормой. Именно это обстоятельство позволяет сопоставить с традиционной точкой зрения о преднамеренном захоронении детей в Ля Ферраси.

Ни одна из ям с останками детей не была повреждена. Таким образом, фрагментарность четырех из пяти детских скелетов не вызвана разрушением могил. Обычно погребальные ямы предохраняют от повреждений даже хрупкие детские косточки. Например, скелет 6 (ребенок 3 лет) сохранился практически полностью. Поэтому некомплектность четырех детских костяков, в том числе и скелета ребенка 10 лет, скорее всего свидетельствует о захоронении в Ля Ферраси неполных, расчлененных детских трупов. Мнение о том, что отсутствие некоторых отделов скелета в мустьерских погребениях Ля Ферраси не является простой случайностью, высказала также П.Вилла (Villa 1989:325).

В трех случаях ямы, в которых лежали кости детей (3, 4а, 4б, 5), не отличались по форме и размерам от хозяйственных или мусорных ям, найденных в культурном слое стоянки. Изначально все ямы, видимо, имели бытовое назначение. Позднее в трех из них похоронили детей, видимо предварительно очистив ямы от их содержимого. Могилу, в которой обнаружены части скелетов двух младенцев, могли дважды использовать для захоронения трупов. В этом случае не исключена вероятность частичного повреждения останков плода (4а) во время похорон младенца (4б). Ямы, о которых идет речь, могли быть как естественного, так и искусственного происхождения.

Имевшая отвесные стены могила ребенка 3 лет (скелет 6) была либо полностью вырыта неандертальцами, либо они расширили для погребения яму естественного происхождения.

В трех метрах южнее двух детских могил с останками индивидов 3, 4а, 4б располагались три аналогичные ямы, также вписанные из слоя С в нижележащие отложения (рис. 4). Ямы были заполнены сломанными костями животных, костяными и кремневыми орудиями. Д.Пейрони был уверен, что они являлись час-

тью погребального комплекса (Peutyony 1934:30,31). Его уверенность в значительной степени разделяет Ю.А.Смирнов (1991:222). Однако не существует никаких доказательств связи ям и могил, поскольку ямы, заполненные отходами, находились далеко от захоронений.

Над двумя рассматриваемыми могилами находился очаг, стратиграфическое соотношение которого с захоронениями так и осталось невыясненным. Таким образом, нет оснований утверждать, что погребальный ритуал требовал разведения огня над могилами.

Многие исследователи полагали, что небольшие всхолмления, расположенные рядом с насыпью, под которой находилась могила 5 (рис. 4), были сооружены во время погребальной церемонии (Peutyony 1934:31,32; Смирнов 1991:126,222). Но они не могли привести этому доказательств. С моей точки зрения, насыпь над могилой не была связана с погребением и появилась позднее. При такой интерпретации становится понятным отсутствие могил под остальными всхолмлениями и отсутствие насыпей над другими могилами. Подобные всхолмления встречаются в зонах вечной мерзлоты, но природа их образования не ясна (Gargett 1989:167).

Череп ребенка 3 лет (скелет 6), хотя и предполагался на дне могильной ямы, но лежал в стороне от скелета. Д.Пейрони ошибочно указал, что череп находился в 125 см к югу от костяка (Peutyony 1934:35). В действительности череп лежал восточнее останков ребенка, так как могила ориентирована по линии восток-запад. Он не мог скатиться в восточную часть могилы, даже если бы труп был захоронен в сидячем положении (May 1986:13,14), так как уровень дна могилы повышался с запада на восток. Поэтому можно предполагать, что голову ребенка отделили от тела еще до похорон и разместили обе части трупа в противоположные концы могилы (Delporte 1976:10). На шейных позвонках ребенка не установлены следы отделения головы от туловища, но этот отдел позвоночника очень плохо сохранился (May 1986:13,14). Лицевая часть черепа, нижняя челюсть и зубы отсутствуют (Peutyony 1934:33-36). Не исключено намеренное повреждение головы перед погребением.

Р.Гаджетт предположил, что отделение головы ребенка от его тела было вызвано естественным процессом разложения трупа в открытой яме, куда он случайно попал (Gargett 1989:167, 1989a:186). Почти полностью сохранившийся скелет ребенка, кости которого лежали в анатомическом порядке, противоречит этому объяснению.

Д.Пейрони связывал с погребением трехлетнего ребенка пять ям неправильной формы,

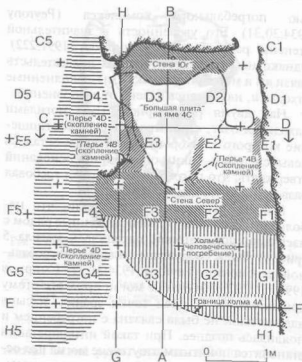

Рис. 8 Регурду. План грота (Bonifay 1962).

Fig. 8. Regourdou. Plan of the grotto (after Bonifay 1962).

которые были заполнены мустьерскими отложениями (Reuillon 1934:33). Они окружали могилу ребенка. Хотя Ю.А.Смирнов допускает вероятность такой интерпретации (Смирнов 1991:126,222), связь ям с погребением осталась недоказанной.

В трех случаях (3; 4а, 4б; 6) дно могил, частично коснувшись нижележащего слоя А, отложения которого имели красно-коричневый цвет, приобрело красноватый оттенок (Reuillon 1934:4,28,34,35). Некоторые исследователи неверно истолковывают этот факт как наличие в захоронениях охристой подсыпки (Смирнов 1991:250,251,253).

В 1971 году во время новых раскопок большого навеса Ля Ферраси был обнаружен скелет 8, принадлежащий ребенку двух лет. Его кости залегали на площади 80 х 35 см. После расчистки из слоя извлекли фрагменты черепа, позвоночного столба, ребер, кистей, ступней (Delporte 1976:10; Neim 1976:582, 1976a:8,39,40, 1981:195). Анатомический порядок костей, которые могли сохраниться только в могиле, не зафиксирован. Количество найденных костей позволяет, по аналогии с другими детскими захоронениями Ля Ферраси, считать эту находку погребением верхней части расчлененного трупа ребенка. В могилу были помещены и его стопы. Как и в других могилах, раскопанных на этой стоянке, кости скелета 8 были ориентированы по линии запад-восток.

Против интерпретации этой находки как

погребения возражает только Ф.Мэ (May 1986:12,13), но она не приводит аргументы в поддержку своей точки зрения.

В 1911 году останки неандертальца были обнаружены А.Мартэном на стоянке Ля Кина, расположенной в 25 км южнее города Ангулем, на левом берегу реки Вульфон, в окрестностях Виллебуа-Ляваллет (коммуна Гар, департамент Шаранта). Скелет лежал в третьем слое траншеи В, в той части стоянки, где слой 3 (шарантское мустье типа Ла Кина) достигал максимальной толщины 70 см (Martin 1911:615-620, 1911a:728-730; Vandermeersch 1965:94-99; Григорьев 1968:94-96; Смирнов 1991:127-129).

Чтобы предохранить кости от разрушения, блок культурного слоя с останками человека был извлечен из земли и доставлен в лабораторию, где и произошла расчистка скелета.

Л.Мартэн полагал, что слой 3 образован донными отложениями реки, и не сомневался в том, что орудия, найденные в них, случайно попали туда с высоких береговых террас. По мнению исследователя, найденный им неандерталец был либо сброшен с высокой террасы и его труп попал на дно реки таким же образом, как и орудия труда, либо утонул во время паводка, а затем его тело было выброшено на отмель и быстро покрыто илстыми отложениями, что спасло труп от уничтожения дикими зверями (Martin 1923:6-25). Эта точка зрения и сейчас имеет сторонников (Gargett 1989:185).

В 50-ые годы удалось установить, что глинисто-песчаный слой 3 не являлся донным отложением реки. Он нарастал лишь в период паводков, когда подтапливался рекой. Летом, когда уровень воды был низок, люди жили возле реки, у подножья берегового утеса. Весной, когда она разливалась, они перебирались выше, на террасу. Паводок частично смывал культурный слой и оставлял свои отложения. Поэтому находки в слое 3 немногочисленны и не окатаны водой из-за непродолжительности весенних разливов (Henri-Martin 1957:135, 1958:656-658, 1961:383,384, 1964:3533-3535). Если бы труп был принесен паводком, то после падения уровня воды утопленник оказался бы на отмели и стал бы добычей хищников или объектом разрушительного воздействия природных факторов. Возражения против интерпретации А.Мартэна возникают еще и потому, что обнаруженные останки имели хорошую сохранность. Кроме того, скелет, у которого полностью отсутствовали кости ног ниже колен, лежал в анатомическом порядке (Vandermeersch 1987:13).

В одной из последних работ, где анализируется находка в Ла Кина, автор не смог сделать окончательный выбор между двумя гипотезами: захоронение или жертва несчастного случая

Рис. 9 Регурду. Разрез погребения и соседних с ним сооружений (Bonifay 1962).

Fig. 9. Regourdou. Section of the burial and adjacent constructions (after Bonifay 1962).

(May 1986:16), хотя в отчетах А. Мартэна имеется необходимая для решения этой дилеммы информация.

При расчистке скелета было установлено, что он лежал в горизонтальной плоскости, на правом боку, спиной к береговому утесу. Череп находился выше уровня расположения других костей, как это обычно бывает в погребениях (Martin 1911:615–620, Pl. I, 1913:538). Таким образом, и поза найденного в Ля Кина скелета, и его сохранность таковы, что логичнее говорить о намеренном захоронении неполного трупа неандертальца, чем видеть в нем жертву несчастного случая. Б. Вандермерш (Vandermeersch 1987:13) и Ю. А. Смирнов (Смирнов 1991:127) также пришли к выводу, что А. Мартэн раскопал в Ля Кина погребение. Найденные останки принадлежали женщине. В одной публикации сказано, что она была не старше 25 лет, в другой — что она моложе 30 лет (Martin 1912:390–392, 417, 1913:538, 1923:44–50, 216–218, 226, 239, 240).

Возле скелета обнаружен красновато-коричневый слой тонких частиц, идущий от черепа в направлении других отделов костяка. По мнению А. Мартэна, это были превратившиеся в труху кости грудной клетки женщины (Martin 1911:619, 1923:30). Очевидно, структура данного образования дала исследователю основание для такой интерпретации. Ю. А. Смирнов считает этот слой охристой подсыпкой, на которой лежало туловище покойной (Смирнов 1991:127, 256). Однако охристая подсыпка окрасила бы и другие отделы скелета. Отсутствие малейших следов красной краски на костях женщины из Ля Кина свидетельствуют против предпо-

ложения Ю. А. Смирнова о наличии охры в могиле.

После открытий в Ле Мустье, Ля Шапель-о-Сен, Ля Ферраси и Ля Кина большинство исследователей согласилось с выводом о существовании погребальных обрядов в мустьерскую эпоху.

В последующие годы во Франции были раскопаны еще два погребения среднего палеолита.

В 1957 году скелет неандертальца (рис. 8, 9) найден в местечке Регурду близ деревни Мартиньяк (коммуна Мартиньяк сюр Везер, департамент Дордонь). Кости человека обнаружил землевладелец Р. Костан во время любительских раскопок грота, который находился на территории его владения. После открытия Р. Констаном останков неандертальца работы продолжили археологи Э. Бонифэ и Г. Лаплас-Жоретти под руководством Ф. Борла.

Костяк находился в гроте, свод которого рухнул еще в палеолите и перекрыл все находившиеся в нем отложения (Vandermeersch 1965: 90, 91; Bonifay 1964:50, 1965:136–157). Останки человека лежали в слое 4, индустрия которого относится к шарантекому мустье типа Ла Кина. Уже в мустьерское время вход в грот, расположенный в его северной части, был завален камнями. Неандертальцы могли попасть внутрь него только через два узких колодца в потолке грота (Bonifay 1964:58, 1965:137, 138; Григорьев 1968:96, 97). Неудобные вертикальные входы помешали мустьерцам использовать грот как долговременную стоянку. Можно говорить лишь о эпизодических посещениях убежища неандертальцами. Части скелета челове-

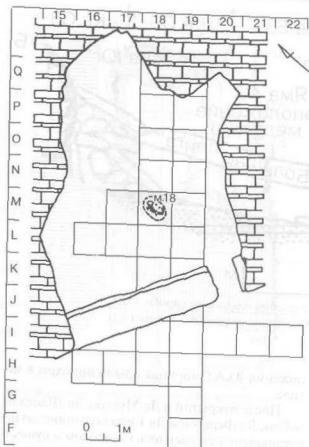

Рис. 10 Рок дю Марсаль. План грота (Defleur Tanoux 1982).

Fig.10. Roc de Marsal. Plan of the grotto (after Defleur-Tanoux 1982).

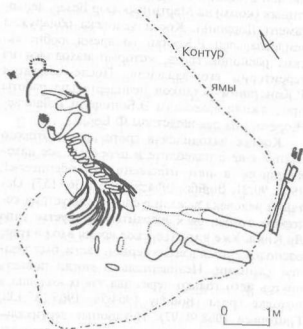

Рис. 11 Рок дю Марсаль. Погребение ребенка (Defleur Tanoux 1982).

Fig.11. Roc de Marsal. Burial of a child (after Defleur-Tanoux 1982).

ка найдены на каменной выкладке, расположенной под грудой камней смешанных с песком и золой (Bonifay 1965:139; Vandermeersch 1965:91). Полное описание структуры, перекрывавшей кости неандертальца, еще не опубликовано.

В одном из первых сообщений о Регурду приведена неточная информация о том, что вышеупомянутая каменная выкладка углублена в землю (Piveteau 1963:288). После опубликования полевой документации стало ясно, что каменная выкладка покрывала дно вырытой в песке ямы глубиной около 50 см (рис. 9) (Bonifay 1965; Vandermeersch 1965:91). Ж.Пивто утверждал, что нельзя установить позу, в которой лежал скелет (Piveteau 1963:288). Недавно Ю.А.Смирнов опубликовал информацию о положении костяка, которую предоставил ему Э.Бонифэ (Смирнов 1991:258). Корпус умершего покоился на левом боку, в горизонтальном положении, руки сильно согнуты в локтевых суставах, кисти, возможно, находились у нижней челюсти, ноги сильно согнуты в коленях.

Хотя слой, в котором залежали останки, не был потревожен, извлеченный скелет оказался неполным. Ж.Пивто предположил, что отдельные части скелета похитили грабители (Piveteau 1963:290), но никаких признаков посещения ими раскопа не обнаружено. Судя по найденным костям (Piveteau 1963:290, 1966:172; Vandermeersch 1965:91), в Регурду под каменной насыпью находилась верхняя часть скелета человека, нижняя челюсть и кости ступней. Череп, атлант и длинные кости ног отсутствуют. Последнее обстоятельство позволяет усомниться в достоверности информации Э.Бонифэ о сильно скорченных ногах покойного. Б.Вандермерш предположил, что кости нижних конечностей были полностью разрушены камнями насыпи (Vandermeersch 1965:91). Однако во всех описаниях находки в Регурду нет никаких упоминаний о костной трухе, в которую должны были превратиться раздавленные кости ног или череп. Поэтому вышеприведенное объяснение Б.Вандермерша представляется мне маловероятным.

Другое объяснение фрагментарности скелета в Регурду дает Р.Гаджет. По его мнению, вода, попадавшая внутрь грота через вертикальные колодцы, вымыла в отложениях убежища яму, дно которой вскоре покрыли камни, отколовшиеся от свода грота. Затем, очевидно также через верхний колодец, в яму попал труп неандертальца. Постепенно его тело оказалось перекрыто камнями, продолжающими падать с потолка убежища. Именно они и повредили останки человека (Gargett 1989:169-174, 1989b:327). Эту надуманную аргументацию от-

вергают даже те исследователи, которые сомневаются в правильности интерпретации находки в Регурду как погребения (Villa 1989:325).

С моей точки зрения, наличие специального сооружения (яма, дно которой выложено камнем; каменная насыпь, перекрывающая яму), в котором покоились останки неандертальца, а также расположение верхней части скелета на левом боку, с согнутыми руками свидетельствуют о намеренном захоронении человека в Регурду.

Следует также признать, что в могиле находился неподвижный труп. К сожалению, в опубликованных отчетах нет исчерпывающей информации о расположении отдельных костей скелета в захоронении. О способе погребения в Регурду можно судить лишь по косвенным данным. Отсутствие в могиле черепа и длинных костей ног указывают на расчленение трупа.

Между смертью и началом манипуляций с телом, вероятно, прошло какое-то время, поскольку отделение головы от трупа привело к утрате естественной связи нижней челюсти и черепа. Вместе с тем, этот промежуток времени не мог быть слишком длительным, так как отсутствующий в могиле атлант, видимо, еще находившийся в сочленении с черепом, был вместе с ним извлечен из могилы. К тому же верхняя часть трупа сохранила, судя по информации Э.Бонифэ, анатомический порядок костей. Все манипуляции с телом происходили видимо в гроте, где покойник был надежно защищен от хищников. Резюмируя все сказанное, я прихожу к заключению, что в Регурду обнаружено расчлененное захоронение неандертальца, причем кости некоторых отделов скелета находились в естественных сочленениях. По мнению А.Валлоа скелет принадлежал молодому мужчине (Vallois 1965:274).

В заключение следует отметить, что связь кострища, расположенного на вершине погребальной насыпи (Смирнов 1991:258), с могилкой проблематична, поскольку нет прямых доказательств, что два события: сооружение насыпи и разведение огня на ней — одновременны.

В 1961 году останки неандертальского ребенка 2,5–3,5 лет найдены в гроте Рок дю Марсаль (рис. 10), расположенном на берегу реки Везер (коммуна Шампань дю Бюг, департамент Дордонь). Одни исследователи определяют индустрию слоя V, в котором обнаружен скелет ребенка, как типичное мустье, другие — как шарантское мустье типа Ла Кина (Bordes, Lafille 1962:714,715; Vandermeersch 1965:92; Guichard 1976:1061; Tillier 1983:137, 138; Madre-Dupoly 1985:93,94).

Кости ребенка найдены в небольшой яме (рис. 11). Исследователям не удалось установить была ли она вырыта для захоронения или

для этой цели использовали имеющуюся мусорную или хозяйственную яму. Из могилы был извлечен неполный скелет ребенка. Отсутствовали все кости левой ноги ниже колена (голень и стопа), а также кости левого предплечья (Bordes, Lafille 1962:715; Van Campo, Bouchud 1962:899; Vandermeersch 1965:93, 1971:168). Существует мнение, что недостающие кости были похищены грабителями, которые воспользовались отсутствием археологов на раскопе (Bordes, Lafille 1962:715). Это объяснение не выдерживает критики. Визит посторонних людей на раскоп привел бы к нарушению целостности культурного слоя и к серьезным повреждениям многих костей хрупкого детского скелета, что не могло бы ускользнуть от внимания исследователей. Между тем, они ничего не сообщают о каких-либо серьезных разрушениях слоя и скелета. Поэтому гипотезу о визите грабителей следует отвергнуть.

По мнению Р.Гаджета, отсутствие некоторых костей ребенка, неестественное положение костей его ног, присутствие в могиле нижней челюсти гиены свидетельствуют о том, что в Рок дю Марсаль был обнаружен оставшийся без погребения и поврежденный хищниками детский труп (Gargett 1989:185,186). Однако и эта гипотеза не может быть принята. Во-первых, на костях ребенка не обнаружены следы зубов диких зверей. Во-вторых, скелет лежал в скорченном положении, на правом боку, причем сохранился анатомический порядок его костей. Что касается нижней челюсти гиены, то она вероятно попала в могилу из культурного слоя.

С моей точки зрения, скорченность костей, анатомический порядок его костей, наличие ямы, в которой он находился, не оставляют сомнений в преднамеренном погребении ребенка в гроте Рок дю Марсаль. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи (Frauget, Montet-White 1989:180). Некомплектность скелета вероятно указывает на то, что перед похоронами тело ребенка было расчленено: отсутствует часть левой ноги ниже бедра.

Ноги умершего ребенка действительно находились в неестественном положении: бедра отведены назад, составляя с позвоночником угол в 135°, кости голени правой ноги, составляющие с бедрами прямой угол, также отогнуты назад. Поскольку могила имела довольно значительные размеры (70 x 90 см), надо полагать, что неандертальцы намеренно похоронили ребенка в такой своеобразной позе. Ю.А.Смирнов, видимо не без оснований, считает, что уложить труп таким образом можно только после рассечения связок в области тазобедренных суставов или поясничных позво-

ков (Смирнов 1991:134).

А.М.Тилье упоминает, ссылаясь на Ф.Борда и Ж.Лафайа, о подушке из костей млекопитающих, якобы находившейся под головой ребенка (Tillier 1982:22). Как справедливо отмечал Ю.А.Смирнов, такой информации нет в отчете о раскопках грота (Смирнов 1991:132,134).

В 1886 году при раскопках стоянки Ля Маск (коммуна Антрашо, департамент Вокулез) обнаружены кости скелета юноши-неандертальца: фрагменты черепа, позвонки, полный набор костей одной руки, коленная чашечка, кости стопы (Vandermeersch 1971:141). Количество извлеченных из слоя костей так велико, что находка попадает в группу комплекстных разрозненных останков по классификации Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:50), который впервые и предложил рассматривать части скелета из Ла Маск как захоронение (Смирнов 1991:192). Теоретически нельзя исключить вероятность того, что этот набор костей можно рассматривать как погребение неполного трупа юноши. Однако, обстоятельства открытия останков неизвестны и сама находка не была опубликована.

Среди специалистов широко распространена точка зрения о том, что в некоторых мус-тэрьских могилах был положен погребальный инвентарь (Обермайер 1913; Bergougnoux 1958; Binford 1968; Harrold 1980; Смирнов 1991). Поскольку все захоронения среднего палеолита расположены на стоянках, культурный слой которых насыщен артефактами, необходимо решить вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно определять наличие или отсутствие вещей в погребальном комплексе.

Сами по себе находки каких-либо изделий в могиле не доказывают, что они преднамеренно положены в нее. Роя в культурных напластованиях стоянки могилу для захоронения или подготавливая для этой цели хозяйственную яму, неандертальцы постоянно наталкивались на артефакты, ранее отложившиеся в слое. Полностью очистить от них погребальную яму было просто невозможно, поэтому какая-то их часть оставалась лежать на ее дне. Вещи из культурного слоя попадали в могилу также при ее засыпке. Кроме того, с течением времени артефакты из слоя, под тяжестью вышележащих отложений, постепенно вдавливались в более мягкое заполнение могилы. Таким образом, орудия и кости животных, найденные под скелетом, возле него, на нем или над ним, могли вообще не иметь связи с погребением.

К погребальным приношениям относятся те артефакты, которые находятся в контакте с руками усопшего: зажаты в его ладони или, располагаясь на его теле, перекрыты костями предплечья и кистей. Таким образом, первым

критерием, указывающим на присутствие инвентаря в могиле, является прямое касание его руками покойника.

Компоновка набора инвентаря, а также место его расположения в могиле, как и любая другая деталь погребального обряда, зависит от принятых норм и стандартов, которые, в свою очередь, определялись сложившимися культурными традициями. Таким образом, вторым критерием, свидетельствующим о наличии инвентаря в погребении, является стандартизация набора и стремление разместить его в определенных местах могилы относительно трупа.

Рассмотрим, соответствуют ли этим критериям артефакты, найденные при раскопках неандертальских захоронений и интерпретируемые некоторыми исследователями как погребальный инвентарь.

В Спи два остроконечника, пластина, отщеп и обломок кости животного обнаружены в слое со скелетами и возле них (Grapont, Lohest 1887:665).

В Ле Мустье О.Хаузер собрал под костями скелета юноши, на нем и рядом с ним 74 кремневые изделия. Большинство этих находок представлены невыразительными кремневыми отщепами. Кроме них идентифицировано 10 орудий (четыре скребка, два остроконечника, два ножа, отжимник, ручное рубило) (Hauser 1909:8,9; Klaatsch; Hauser 1908:291,292). Никакой системы в расположении отщепов и орудий О.Хаузер не обнаружил. Исследователь полагал, что ручное рубило было преднамеренно положено в могилу неандертальца (Hauser 1909:7; Klaatsch, Hauser 1908:290). Сейчас трудно понять, каким образом О.Хаузер пришел к этому выводу, так как ручное рубило было извлечено из слоя еще до того как был найден скелет юноши (Klaatsch, Hauser 1908:290).

При описании погребения маленького ребенка из Ле Мустье Д.Пейрони ограничился кратким и, с точки зрения современного ученого, абсолютно неинформативным замечанием о том, что рядом со скелетом лежали различные изделия мустэрьского времени (Peutony 1930:160).

Во время раскопок стоянки в Ля Шапель-о-Сен, еще до открытия скелета, рабочий нашел поблизости от погребения великолепные экземпляры кремневых орудий, которые, по мнению братьев Буиссоны и Л.Бардона, были преднамеренно положены в могилу (A. et J. Bouyssonie, Bardon 1913:630). Этот вывод кочевал из работы в работу, пока Ж.Рош не установил, что упомянутые орудия были похищены рабочим без ведома раскопщиков и их положение относительно скелета неизвестно (Roche 1976:15,22).

Что же касается отщепов из кварцита и других кремневых изделий, обнаруженных возле

скелета неандертальца (A. et J. Bouyssonie, Vardon 1908:517, 1913:630), то авторы раскопок пришли к выводу о том, что они не были связаны с погребением (A. et J. Bouyssonie, Vardon 1913:631).

В Ля Ферраси лежащие без определенного порядка кости животных и кремневые изделия найдены возле мужского скелета и непосредственно на нем (Capitan, Peugony 1909:406; Peugony 1934:24,25). Авторы раскопок считали, что кости животных являются остатками заупокойной пищи (Capitan, Peugony 1909:408). Однако, многие исследователи отмечают насыщенность археологического слоя в Ля Ферраси кухонными отбросами — костями животных (Delporte 1976). Поэтому, вряд ли стоит сомневаться в том, что хаотично лежащие возле мужского костяка орудия и кости животных, попали в могилу из культурного слоя. Остроконечники и скребки лежали над могилами детей 3; 4а, 4б (Capitan, Peugony 1912:440; Peugony 1934:29,30). Противоречивая информация имеется о расположении в могиле 5 двух скребков и остроконечника. В предварительной публикации сообщается, что орудия лежали на костях ребенка (Capitan, Peugony 1921:540), в обобщающей монографии — что они располагались выше скелета (Peugony 1934:31,32). Точное местонахождение этих изделий в могиле очевидно не было зафиксировано. Нет никаких сведений и о размещении двух скребков и остроконечника, обнаруженных на костях скелета 6 (Peugony 1934:33). Кремневые изделия, собранные возле останков ребенка 8, не имеют отношения к этому захоронению (Delporte 1976:10). В работе Ю.А. Смирнова приведены данные о том, что с погребением женщины были связаны три скребка, три резца, три проколки, четыре зубчатых орудия, четыре нуклеуса, нож, 50 отщепов, костяной ретушер, кости животных (Смирнов 1991:125). Ни в одном из первоисточников (Capitan, Peugony 1911; Peugony 1934:26—28) ничего подобного не сообщается. Женское захоронение в Ля Ферраси не имело погребального инвентаря.

В Ля Кина кости животных, скребки, остроконечники и шар из известняка, диаметром 12 см найдены возле останков женщины и в слое над ее скелетом (Martin 1911:619).

В гроте Регурду могила с останками неандертальца перекрыта насыпью из камней, песка и золы. Две длинные кости бурого медведя лежали на одном уровне со скелетом, возле его

стоп; кости медведя и кремни (скребок, нуклеус и два отщепа) — на плите, частично перекрывающей корпус погребенного; рог оленя — в верхней трети насыпи (Смирнов 1991:258). Наличие золы в погребальной насыпи указывает на то, что при ее сооружении была частично или полностью разрушена одна из нескольких тонких культурных прослоек, которые отложились в гроте, свидетельствуя о непродолжительных визитах неандертальцев в убежище. Вместе с золой в погребальный комплекс вероятно попали из культурного слоя и все те артефакты, которые найдены в насыпи и под нею.

В Рок дю Марсаль в могильной яме найдены орудия и кости животных (Bordes, Lafille 1962:715).

Все данные о находках орудий и костей животных вблизи неандертальских скелетов свидетельствуют о бессистемном размещении этих артефактов в погребениях и об отсутствии в могилах стандартных орудийных наборов. Это означает, что, в соответствии с предложенными мною критериями выявления погребального инвентаря, мустьерские захоронения, раскопанные во Франции и Бельгии, — безинвентарны.

Проделанный анализ позволяет мне согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые утверждают, что в неандертальских погребениях не было инвентаря (May 1986; Chase, Dibble 1987; Gargett 1989).

Мустьерские погребения занимают огромный временной интервал (примерно 55—60 тысяч лет), длительная протяженность которого предполагает эволюцию погребальных обрядов среднего палеолита. Чтобы установить их возможное развитие, необходимо определить хронологию стоянок с неандертальскими захоронениями.

Погребения в Спи размещались на тонкой углистой прослойке, лежащей в основании слоя D, который был перекрыт неповрежденной брекчией (горизонт C). Новейшее исследование мустьерских индустрий Бельгии показало, что в Спи представлены комплексы шарантского мустье типа Ла Кина и мустье с ашельской традицией. Погребения связаны с мустье типа Ла Кина (Otte 1983:306; Otte, Michel 1984:11,12; Cordy 1984:71,72). Отложения со скелетами датируются в промежуток 40000—35000 В.Р. (Cordy 1988:59,60).

Д.Пейрони считал, что скелет юноши из Ле Мустье лежал в мустьерских слоях с ашельской

* Значимость находки двух одинаковых орудийных наборов (погребения Ферраси 5 и 6) обесценена, во-первых, отсутствием достоверной информации о местонахождении орудий в могилах, во-вторых, возможным залеганием орудий из могилы 5 над скелетом.

традицией (F, G, H) (Vandermeersch 1965:74), поскольку вблизи останков найдены орудия ашельского облика. По данным Г.Вирхова умерший был обнаружен почти на уровне фундаментов сараев, построенных на стоянке в XVIII веке. Слои F и G располагались гораздо глубже построек. Очевидно погребение юноши не могло быть связано с этими отложениями (Peugny 1930:53,54; Vandermeersch 1965:74). По мнению Ф.Борда, захоронение находилось в одном из верхних слоев H, I, J. Слои I поврежден температурной эрозией, которая наверняка разрушила бы скелет. Поэтому окончательный вывод Ф.Борда заключался в том, что могила была впущена из слоя J (типичное мустье) в слой H (мустье с ашельской традицией (Bordes 1959:155; Vandermeersch 1965:74). Не оспаривая точку зрения Ф.Борда, Г.П.Григорьев не исключает вероятность того, что могила относилась к слою H и не была в нем впускной (Григорьев 1968:94).

Определить точное стратиграфическое положение скелета юноши можно, только сравнив глубины уровней залегания его костей и слоя J. Например, череп юноши имеет отметку 69,5 м, что соответствует отметке слоя J, тогда как уровень верхних отложений слоя H находится на 1 м глубже (Vandermeersch 1965:74).

Позднее Ф.Борд установил, что слой J содержит по меньшей мере три различные индустрии, одна из которых — мустье с ашельской традицией (Bordes 1981:78, 79). Это открытие объясняет, почему вблизи скелета лежали орудия ашельского облика.

Изложенные факты позволяют прийти к выводу о том, что погребение связано со слоем J.

Немецкие исследователи датировали скелет в интервале 60000–40000 В.Р. (Nettmann 1977:146). Позднее эта датировка была уточнена. Возраст мустьерских слоев стоянки определен термолуминесцентным методом в диапазоне 48000–40000 В.Р., причем слой J имеет дату 40400 ± 2600 В.Р. Слой J не относится к концу эпохи Вюрм II, так как слой финального Вюрма II в Ле Мустье уничтожен эрозией (Vallois et al 1987, 1988; Geneste et al 1989:26,27).

Погребение ребенка в Ле Мустье впущено из слоя J в слой H (Vandermeersch 1965:74). Следовательно археологически оно одновременно захоронению юноши.

Точное стратиграфическое положение скелета, найденного Э.Ривьером, не установлено. Костяк был обнаружен на глубине 55 см от поверхности (Moll 1979:96), что видимо также позволяет датировать его временем отложения слоя J.

Могила грота в Ля Шапель-о-Сен находилась в нижнем культурном горизонте А. Слой А

отложился в конце эпохи мустье, фауна стоянки также указывает на финальную стадию среднего палеолита (Bourgon 1957:25; Vandermeersch 1965:113,114,116; Roche 1976:15). Против этого вывода возражает только Г.П.Григорьев, по мнению которого не следует расматривать рубила из Ля Шапель-о-Сен как поздний хронологический признак шарантского мустье (Григорьев 1968:93).

Погребения стоянки Ля Ферраси связаны со слоем С — типичное мустье по Д.Пейрони (Peugny 1934:11). Публикуя первое сообщение о находке скелета 1, авторы раскопок отметили, что останки мужчины находились между мустьерским и ашельскими слоями (Capitan, Peugny 1909:404–406). Вначале стерильная прослойка В, находившаяся под слоем С, не была выделена в отдельный горизонт. Поэтому Л.Капитан и Д.Пейрони считали, что нижняя часть ашельского слоя А (позднее исследователи определили его индустрию как мустье с ашельской традицией) имела красноватый цвет, а его верхняя часть — желтовато-серый (Capitan, Peugny 1909:408, 1912a:77). В 1976 году эта неточность, допущенная авторами раскопок в начале века, была повторена Ж.Эймом, а в 1984 году — А.Лавилем и А.Тюффро (Heim 1976a:13,14; Laville, Tuffreau 1984:26), несмотря на то, что еще в 1934 году Д.Пейрони издал обобщающую монографию о раскопках стоянки, в которой отделил красновато-коричневый слой А от желтовато-серого стерильного песка В (Peugny 1934:4, 8).

После уточнения стратиграфии стоянки Д.Пейрони пришел к выводу, что скелет 1 лежал в основании слоя С, частично пронезая стерильную прослойку В и красноватую глину нижележащего слоя А (Peugny 1934:24). Яма, в которых лежали скелеты 2, 3, 4, 4б, 6 также впущены из слоя С в слой А (Capitan, Peugny 1911:148; Peugny 1934:26,28–30,33–36). Могила 5 впущена из слоя С в слой В (Peugny 1934:31–33). Скелет 8 найден в поврежденных слоях стоянки и его стратиграфическое положение не установлено (Delporte 1976:10). Однако, нет сомнений в том, что он одновременно другим захоронениям. Археологически все погребения Ля Ферраси одновременны.

В 1957 году М.Бургон выделил индустрию слоев С и D в особый вариант шарантского мустье (тип Ля Ферраси) (Bourgon 1957:40,80). Ф.Борд установил, что верхняя часть слоя А содержит индустрию зубчатого мустье, нижняя — мустье с ашельской традицией (Laville, Tuffreau 1984:26).

После новых раскопок в Ля Ферраси, проведенных А.Дельпортом в 1968–77 годах, А.Тюффро пришел к выводу, что индустрия типичного мустье в Ля Ферраси имеет более позд-

нее происхождение, чем комплекс шарантского мутье типа Ля Феррасси. К сожалению, эти работы не прояснили вопрос о соотношении стратиграфии Д.Пейрони с комплексами типа Ля Феррасси (M^{24} , M^{26}), выделенными А.Тюффро (Tuffreau 1984:139; Delporte 1984a:275).

Слой С отложился на поздней стадии эпохи среднего палеолита (Vandermeersch 1965:82-84; Delporte 1984:13-20, 275; Григорьев 1968:88-93). Комплекс мутье типа Ля Феррасси (M^{24}) имеет радиоуглеродную дату 35000 В.Р. (Delbras 1984:107). Такой же возраст установлен и для мутьерского комплекса (M^{25}) (Delbras et al 1987:209).

Слой 3 траншеи В, в нижней трети которого на стоянке Ля Кина находилось погребение, не относится к позднему мутьерскому времени. И слой 3 и два вышележащих напластования (2, 1) дали индустрию типа Ля Кина. Свита мутьерских отложений стоянки была перекрыта обвалом, над которым зафиксирован горизонт с индустрией финального мутье. Он имел радиоуглеродную дату: 35250 ± 530 В.Р. (Martin 1911:625-627, 1923:6-25; Henri-Martin 1957:135, 1958:656-658, 1961:383,384, 1964: 3533-3535).

Грот Регурду был изолирован от внешнего мира в конце рискового или начале юрмского оледенения. Слой 4, в котором было обнаружено погребение, датируется раннемутьерским временем (Bonifay, Vandermeersch 1962:1635; Bonifay 1964:50-53, 58; 1965:136-138; Vandermeersch 1965:90,91; Григорьев 1968:96,97). Каменная индустрия грота бедна, что и характерно для долины Везера, где все стоянки дают богатый и разнообразный инвентарь. Ю.А.Смирнов приводит в своей монографии радиоуглеродную дату слоя 4: 45500 ± 1800 В.Р. (Смирнов 1991:257). Мне не известен источник, из которого взята эта дата, слишком поздняя для слоя, который отложился в эпоху Вюрм I.

Погребение грота Рок дю Марсаль вшито из слоя V (типичное мутье или мутье типа Ля Кина) в слой I (зубчатое мутье). Слой V отложился в раннемутьерскую эпоху (Vandermeersch 1965:13).

Стоянка Ля Маск, где были обнаружены комплекты разрозненные останки юноши-неандертальца, также видимо относится к раннемутьерскому времени (Vandermeersch 1971:141).

Большинство современных исследователей палеолита Франции придерживается гипотезы о сосуществовании различных вариантов мутье, которая обоснована изучением стратиграфии ряда стоянок (Lavill 1976; Guichaud 1976).

В течение длительного времени исследователи синхронизировали все мутьерские погребения Западной Европы с четырьмя различными

периодами вюрмского оледенения: Вюрм I (Регурду, Ля Маск?), интерстадиал Вюрм I/II (Ля Кина), интерстадиал Вюрм I/II - начало Вюрма II (Рок дю Марсаль), Вюрм II (Ле Мутье, Ля Феррасси, Ля Шапель-о-Сен, Спи) (Vandermeersch 1965).

Начало стадиала Вюрм I обычно датировали в интервале от 75000 до 70000 В.Р. Начало стадиала Вюрм II относили к рубежу 50000 В.Р. Позднее эта хронологическая схема была пересмотрена и теперь стадиал Вюрм I начинается примерно 120000 В.Р., а стадиал Вюрм II - 75000 В.Р. (Dennell 1983:199). Принимая во внимание эту корректировку, а также имеющиеся радиоуглеродные и термолуминисцентные даты, о которых уже упоминалось выше, мутьерские погребения можно синхронизировать с различными этапами стадиала Вюрм II: а) начало Вюрм II - 75000-70000 В.Р. (Регурду, Ля Маск?), б) середина Вюрма II - 60000-50000 В.Р. (Ля Кина, Рок дю Марсаль), в) конец Вюрма II - 45000-35000 В.Р. (Ле Мутье, Ля Феррасси, Ля Шапель-о-Сен, Спи).

Информация о погребальных обрядах сведена в таблицы 1-5.

Анализируя таблицы, можно сделать несколько выводов. Во всех погребениях найдены останки классических неандертальцев. Могилы обнаружены в культурных слоях, содержащих различные индустрии: шарантское мутье типа Ля Кина (Спи, Ля Шапель-о-Сен, Ля Кина, Регурду), шарантское мутье типа Ля Феррасси (Ля Феррасси), мутье с ашельской традицией (Ле Мутье), типичное мутье или шарантское мутье типа Ля Кина (Рок дю Марсаль).

Умерших хоронили на стоянках. Даже в гроте Регурду, который, по мнению некоторых исследователей, являлся святилищем (Bonifay, Vandermeersch 1962; Bonifay 1965; Смирнов 1991), структура отложений, указывающая на эпизодические посещения неандертальцами этого, предположительно культового, места, говорит о том, что каждый раз, приходя в грот, люди оставались в нем какое-то, пусть и непродолжительное, время, достаточное для того, чтобы в убежище образовались тонкие культурные прослойки.

В 11 случаях могилы находились в гротах или под кровлей навесов (Регурду, Рок дю Марсаль, Ля Феррасси 1,2, 3,4а, 4б, 5, 6, 8, Ля Шапель-о-Сен, Ле Мутье: юноша). В четырех случаях погребения расположены на площадках перед навесом или гротом (Ля Кина, Спи 1, 2, Ле Мутье: женщина). В двух случаях точное местонахождение захоронений на стоянке не установлено (Ля Маск, Ле Мутье: ребенок).

Чтобы похоронить взрослого человека, рыли неглубокие ямы или расширяли углубления естественного происхождения (Регурду, Ля

Стойнка	Пол. Возраст	Положение скелета относительно входа на стойнку	Ориентация	Позиция скелета	Комплектность скелета	Анатомический порядок костей	Особенности обряда
Регурау	Молодой мужчина		Кости лежат по линии запад-восток; верхняя часть туловища ориентирована на запад	На левом боку, руки согнуты в локтях	Нет черепа, атланта, длинных костей ног	Кости некоторых отделов скелета находятся в анатомическом порядке	Могила у западной стены грота, ее глубина — 50 см, каменная выкладка на дне могилы; каменная насыпь высотой более 50 см над могилкой
Ля Маск	Юноша				Нет длинных костей ног и костей одной руки		

Таблица 1. Мустьерские погребальные обряды. Начало стадия Вюрм II.

Tab.1. Mousterian burial rites. Early Wurm II.

Стойнка	Пол. Возраст	Положение скелета относительно входа на стойнку	Ориентация	Позиция скелета	Комплектность скелета	Анатомический порядок костей	Особенности обряда
Ля Кина	Женщина 25–30 лет	Параллельно входу	Северо-восток	На правом боку	Нет костей ног ниже колен	+	Могила (?) на площадке перед навесом
Рок дю Марсаль	Ребенок 2,5–3,5 года	Перпендикулярно входу	Север	Скорченная, на правом боку	Нет костей левой ноги ниже колена	+	Могила (90x70 см) в гроте

Таблица 2. Мустьерские погребальные обряды. Середина стадия Вюрм II.

Tab.2. Mousterian burial rites. Middle Wurm II.

Стойнка	Пол. Возраст	Положение скелета относительно входа на стойнку	Ориентация	Позиция скелета	Комплектность скелета	Анатомический порядок костей	Особенности обряда
Спи 2	Мужчина				+	-	Могила (?) на площадке перед входом в грот
Ле Мустье 1	Юноша 14–17 лет			Скорченная, на правом боку	+	+	Могила (?) под краем кровли навеса
Ля Феррасси 1	Мужчина 40–45 лет	Параллельно входу	Запад	На спине, ноги согнуты в коленях	+	+	Могила (?) под кровлей навеса. Три камня над скелетом
Ля Шапель-о-Сен	Мужчина 40–50 лет	Параллельно входу	Юго-запад	На спине, ноги согнуты в коленях	+	+	Могила (145-100x85-30 см) в гроте. Фрагменты красной краски. Череп обложен камнями

Таблица 3. Мустьерские погребальные обряды. Конец стадия Вюрм II (мужчины).

Tab.3. Mousterian burial rites. Late Wurm II (men).

Стойка	Пол. Возраст	Положение скелета относительно входа на стоянку	Ориентация	Позиция скелета	Комплектность скелета	Анатомический порядок костей	Особенности обряда
Спи 1	Женщина	Параллельно входу	Восток	Скорченная, на боку, кисть у нижней челюсти	+	+	Могила (?) на площадке перед входом в грот
Ле Мустье 3	Женщина 40–50 лет						Могила (?) на площадке перед входом в грот
Ля Ферриси 2	Женщина 25–30 лет	Параллельно входу	Восток	Скорченная, на правом боку	+	+	Могила (?) под кровлей напеса.

Таблица 4. Мустьерские погребальные обряды. Конец стаднала Вюрм II (женщины).

Tab.4. Mousterian burial rites. Late Wurm II (women).

Ферриси 6, Ля Шапель-о-Сен). Для детских захоронений использовали предварительно очищенные хозяйственные или мусорные ямы (рис. 1) (Ле Мустье, Ля Ферриси, возможно, Рок дю Марсаль).

Локализация останков людей относительно входа на стоянку варьирует. В ранних захоронениях (табл. 2) трупы находились либо перпендикулярно входу (Рок дю Марсаль) (рис. 10), либо параллельно ему (Ля Кина). В поздних погребениях (табл. 3–5) умершие лежали параллельно входу (Ля Ферриси 1, 2, 3, 4а, 4б, 5, 6, 8, Ля Шапель-о-Сен, Спи 1) (рис. 2, 4).

В ранних могилах (табл. 1–2) обнаружены только некомплектные, очевидно расчлененные трупы. В этих погребениях отсутствуют череп и длинные кости ног (Регурду), кости ног, полностью или частично (Ля Кина, Рок дю Марсаль) (рис. 11), кости ног и рук (Ля Маск). Посмертные манипуляции производились с трупами взрослых и детей. Позднее, в конце Вюрма II (табл. 3–5), преобладают погребения полных трупов в анатомическом (Спи 1; Ле Мустье: юноша; Ля Ферриси 1, 2, 6; Ля Шапель-о-Сен) (рис. 3, 5) и не в анатомическом порядке (Спи 2), хотя традиция хоронить расчлененные трупы еще сохраняется (Ля Ферриси 3, 4а, 4б, 5, 8). В могилах, где лежали неполные скелеты, отсутствуют кости ног и рук. Таким образом, можно говорить об эволюции погребального обряда, когда неполные захоронения постепенно заменяются погребениями полных трупов.

В могилах среднего палеолита Западной Европы нет погребального инвентаря, заупокойной пищи и красной краски, не имеется также никаких свидетельств о ритуалах после похорон.

В погребальных обрядах отражаются различия, связанные с полом и возрастом умерших. Женщины (Ля Кина, Ля Ферриси 2), юноша

(Ле Мустье), ребенок (Рок дю Марсаль) похоронены на правом боку (рис. 11). Правая рука согнута в локте, ее кисть находится у лица (Ля Ферриси 2, Ле Мустье: юноша), левая вытянута вдоль тела (Ле Мустье: юноша), либо согнутая в локте, касается кистью колена (Ля Ферриси 2). Кисть одной руки ребенка (Рок дю Марсаль) лежит у лица. Ноги сильно полтянуты к груди (Ля Ферриси 2). В одном случае (Рок дю Марсаль) бедра, отведенные назад, составляют с позвоночником угол в 135°. Берцовые кости, также отведенные назад, образовывали прямой угол с бедрами (рис. 11). Еще одна женщина (Спи 1) и ребенок (Ля Ферриси 6) похоронены на боку, в скорченном положении, причем кисть одной руки женщины располагалась у челюсти. Скелеты женщин ориентированы головой на восток (Спи 1, Ля Ферриси 2) и северо-восток (Ля Кина). Дети лежат головой на восток (Ля Ферриси 6) и север (Рок дю Марсаль).

Мужчины (Ля Ферриси 1, Ля Шапель-о-Сен) лежат на спине, ноги согнуты в коленях и уложены направо от туловища. Правая рука согнута в локте, кости предплечья лежат параллельно плечевой кости, кисть — возле головы. Левая рука вытянута вдоль тела (рис. 3, 5). В раннем погребении (Регурду) верхняя часть скелета мужчины лежит на левом боку. Мужские скелеты ориентированы на запад (Регурду, Ля Ферриси 1) или юго-запад (Ля Шапель-о-Сен).

Для раннего мустье характерны захоронения расчлененных трупов взрослых и детей (табл. 1–2). В позднем мустье известны только детские расчлененные погребения (Ля Ферриси 3, 4а, 4б, 5, 8) (табл. 5). Полный труп ребенка был похоронен лишь в одной могиле (Ля Ферриси 6), но и в этом случае голову покойника перед похоронами отделили от тела и уложили в другом конце могилы.

Могила женщин, мужчин и юношей распо-

Стаянка	Пол. Возраст	Положение скелета относительно входа на стаянку	Ориентация	Позиция скелета	Комплектность скелета	Анатомический порядок костей	Особенности обряда
Ле Мустье 2	Маленький ребенок						Могила (диаметр — 50 см, глубина — 50 см)
Ля Феррасси 3	10 лет	Параллельно входу			Нет плечевых костей и длинных костей нижних конечностей	—	Могила (70x30x40 см) под кровлей навеса
Ля Феррасси 4а	Плод	Параллельно входу			Представлены лишь правые бедренная и плечевая кости	—	Могила (70x30x40 см) под кровлей навеса
Ля Феррасси 4б	Новорожденный (2 недели)		Нет костей предплечья левой руки, кистей и стоп	—			
Ля Феррасси 5	Плод (семь месяцев)	Параллельно входу			Нет ступней и кистей, правого предплечья, таза, позвонков, ребер, малых берцовых и левой лучевой кости	—	Могила (40x32x5 см) под кровлей навеса
Ля Феррасси 6	3 года	Параллельно входу	Восток	Скорченная, на боку	+	+	Могила (145-120x40-35 см) под кровлей навеса, она частично перекрыта каменной плитой с чашевидными углублениями
Ля Феррасси 8	2 года	Параллельно входу			Нет длинных костей рук и ног	—	Могила (?) (80x35 см) под кровлей навеса

Таблица 5. Мустьерские погребальные обряды. Конец стадии Ля Мур II (дети).

Tab.5. Mousterian burial rites. Late Wurm II (children).

лагались в гротах, под кровлей скальных навесов или на площадках перед ними. Детские погребения сконцентрированы только в гротах или под кровлей навесов.

Почти все мужские захоронения отличаются своеобразием деталей погребального ритуала (табл. 1, 3): яма с каменной выкладкой дна и каменная насыпь над могилой (Регурду) (рис. 9), камни в перекрытии могилы (Ля Феррасси 1), обкладка головы камнями (Ля Шапель-о-Сен). Могила ребенка 3 лет (Ля Феррасси 6), как и могила мужчины, имеет конструктивную особенность: она перекрыта каменной плитой с чашевидными углублениями (рис. 6, 7). Учтывая, что все нестандартные детали погребаль-

ных обрядов характерны только для мужских могил, детское захоронение Ля Феррасси 6 очевидно является погребением мальчика.

Разнообразные детали похоронного ритуала, связанные с различиями пола и возраста умерших, свидетельствуют о том, что система поло-возрастных классов у неандертальцев сформировалась уже к концу среднего палеолита. Все отмеченные особенности погребальных обрядов, связанные с устройством мужских могил, вероятно подчеркивают особое, видимо лидирующее, положение взрослых мужчин в иерархии поло-возрастной структуры неандертальских коллективов.

Как указывалось выше, в конце стадии

Вюрм II складывается обычай захоронения *похоронных трупов взрослых людей*. Но в детском погребальном обряде еще сохраняется, видимо уже архаическая для позднемустьерского времени, практика расчленения трупов. Возможно этот факт указывает на низкий социальный статус детей.

В мустьерских погребениях Западной Европы дважды зафиксированы обрядовые действия, приведшие к отделению головы умершего от его тела. В первом случае голову только переместили в другую часть могилы (Ля Ферраси 6), во втором — *изъяли из нее (Регурду)*. Поскольку в Регурду нижняя челюсть осталась лежать в могиле, можно предположить, что погребальную яму либо вскрывали после похорон, либо, что более вероятно, какое-то время не засыпали землей и после разрушения мягких тканей и связок трупа забрали его череп, а также длинные кости ног. Аналогичная ситуация известна в Кебаре (Алэкшин 1994). Погребение в Регурду свидетельствует о том, что уже в раннемустьерское время существовали обряды, в которых использовалась магическая сила черепа или головы взрослого мужчины.

Изъятие черепа и ног из могилы мужчины в Регурду не привело к нарушению естественной связи костей туловища и верхних конечностей покойника. Этот важный факт, во-первых, еще раз говорит о том, что вплоть до момента извлечения частей трупа из могилы она оставалась открытой, а во-вторых, указывает на то, что между смертью мужчины и манипуляциями с его трупом прошло не слишком много времени.

Ситуация, обнаруженная в Регурду, свидетельствует о том, что кроме расчленения неразложившихся трупов с помощью кремневых орудий, оставляющих на костях покойников соответствующие следы (Le Mort 1988; 1989; Ullrich 1986), в мустье существовал и другой способ посмертных манипуляций с усопшими, который не оставлял следов на костях мертвецов. В этом случае расчленение покойника имело место после разрушения в могиле связок и мягких тканей тела. Судя по количеству (семь из пятнадцати) обнаруженных в Западной Европе погребений с некомплектными скелетами, на костях которых нет следов орудий, второй способ обращения с телами умерших был широко распространен в среднем палеолите.

Анализ археологических источников показывает, что неандертальцы Западной Европы совершали регулярно повторяющиеся ритуальные действия с телами умерших, которые можно интерпретировать только как погребальные обряды. Важнейшим признаком мустьерских захоронений европейского региона являются устойчиво повторяющиеся позы по-

гребенных. Сходство этих поз, иногда доходящее до тождества (Ля Ферраси 1, Ля Шапель-о-Сен) (рис. 3, 5), вне всякого сомнения указывает на то, что относящиеся к различным хронологическим этапам стадия Ля Ферраси и стоянки Дордони (Рок дю Марсаль, Ле Мустье, Ля Ферраси и, возможно, Регурду), Шаранты (Ля Кина) и Корреза (Ля Шапель-о-Сен) были населены охотничьими коллективами, имеющими очень близкие традиции духовной культуры, которые они сохраняют в течение многих тысяч лет без изменений.

Большой частью названные стоянки, расположенные в удобных для проживания местах, являлись долговременными охотничьими стоянками. Именно поэтому на них (Спи, Ле Мустье, Ля Ферраси) найдено от двух до семи могил. В эту же группу памятников, очевидно, следует включить и стоянку Ля Кина, в культурных напластованиях которой обнаружены отдельные фрагментированные кости неандертальцев, что может свидетельствовать о наличии здесь других, практически полностью разрушенных, мустьерских погребений.

В труднодоступных убежищах (Регурду) и в маленьких гротах, которые быстро заполнялись отложениями (Ля Шапель-о-Сен), найдено только по одному захоронению.

Несмотря на специфику погребальных обрядов среднего палеолита Западной Европы (позы умерших), они характеризуются теми же особенностями (локализация могил в культурном слое стоянок, отсутствие инвентаря, заупокойной пищи, красной краски, ритуалов после похорон) и демонстрируют те же тенденции развития (изменение расположения умерших относительно входа на стоянку, смена некомплектных захоронений погребениями полных трупов), что и погребальные обряды эпохи мустье в юго-западной Азии (Алэкшин 1993, 1994) и Крыму (Алэкшин 1993а). Следовательно, мустьерский погребальный обряд является специфической системой ритуального поведения, которая в эпоху среднего палеолита была распространена по всей Евразии.

Обряды погребения расчлененных останков умершего человека аналогичны широко распространенным в традиционных обществах охотников и рыболовов ритуальным захоронениям костей, черепов, шкур, ребрихи и челюсти, оставшихся после поедания промысловых зверей птиц и рыб, которых таким образом старались вернуть к жизни. Символические охотничьи обряды, возвращая убитых животных к жизни, восстанавливали нарушенное их смертью природное равновесие.

Расчлененные захоронения людей эпохи среднего палеолита указывают на то, что мустьерские охотники пытались вернуть к жизни

человека тем же способом, что и убитого зверя. Возрождение человека, которое вероятно мыслится в новой телесной оболочке, также должно было восстанавливать нарушенное его смертью равновесие в обществе.

Погребальный обряд возник как магическое средство защиты среднепалеолитических охотников от вымирания. Следовательно погребальный обряд был необходимым элемен-

том культуры человека, с помощью которого он старался противостоять смерти и тем самым сохранить стабильность внутри охотничьего коллектива. Отсутствие в мустьерских погребениях Западной Европы погребальной пищи, инвентаря и красной краски свидетельствует о том, что у неандертальцев не было сложившихся представлений о потустороннем мире.

- Алехин, В.А. 1981. Погребальный обряд как археологический источник // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР 167: 3–9.
1992. Погребение неандертальского ребенка в гроте Тешик-Таш. Северная Евразия от древности до средневековья // Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Археологические изыскания 2: 33–35. Санкт-Петербург.
1993. Мустьерские погребения Передней и Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии Российской Академии Наук 209: 3–9.
- 1993a. Особенности погребального обряда эпохи мустья (по материалам захоронений Крыма) // Археологические вести 2: 157–168. Санкт-Петербург.
1994. Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // Археологические вести 3: 136–143. Санкт-Петербург.
- 1995 (в печати). Дискуссионные проблемы изучения мустьерских погребений // Сборник музея истории религии. Санкт-Петербург.
- Григорьев, Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Ленинград: Наука.
- Обермайер, Г. 1913. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз–Ефрон.
- Смирнов, Ю.А. 1979. Погребение в Ля Шапель-о-Сен и проблема “информационного” шума в археологии // Вопросы антропологии 61: 164–170. Москва.
1991. Мустьерские погребения Евразии. Москва: Наука.
- Alekshin, V.A. 1983. Burial customs as an archaeological source // Current Anthropology 24 (2): 137–145.
- Bergounioux, F.M. 1958. “Spiritualité” de l’homme de Néandertal // Hundert Jahre Neanderthaler. Neanderthal Centenary. 1856–1956. Herausgeben von G.H.R. von Koenigswald. Beihefte der Bonner Jahrbücher 7: 151–166. Köln-Graz, Bhlau.
- Binnet, P. 1991. La préhistoire de la mort. Les premières sépultures en Europe. Paris: Editions France.
- Binford, S.R. 1968. A structural comparison of disposal of the Dead in the mustertian and the upper paleolithic // Southwestern Journal of Anthropology 24 (2): 139–151.
- Bonifay, E. 1964. La grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne). Stratigraphie et industrie lithique moustérienne // L'Anthropologie 68 (1–2): 49–64.
1965. Un ensemble rituel moustérien à la grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne) // Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche. Roma 29 agosto–3 settembre 1962. II Comunicazioni. Sezioni I–IV: 136–140. Tivoli: G.C.Sansoni Editore.
- Bonifay, E., B.Vandermeersch. 1962. Dépôts rituels d'ours dans le gisement moustérien du Régourdou (Montignac, Dordogne) // Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences 255 (14): 1635–1636. Paris.
- Bordes, F. 1959. Le contexte archéologique des hommes du Moustier et de Spy // L'Anthropologie 63 (1–2): 154–157.
1981. Vingt-cinq ans après: le complexe moustérien revisité // Bulletin de la Société Préhistorique Française 78 (3): 77–87.
- Bordes, F., J.Lafille. 1962. Découverte d'un squelette d'enfant moustérien dans le gisement du Roc du Marsal, commune de Campagne du Bugue (Dordogne) // Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences 254 (4): 714–715. Paris.
- Boule, M. 1911. L'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints // Annales de Paléontologie VI: 109–172.
- Bourgon, M. 1957. Les industries moustériennes et pré-moustériennes du Périgord // Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Mémoire 27. Paris: Masson et Cie Editeurs.
- Bouyssonie, A. et J. 1909. La sépulture moustérienne de la Chapelle-aux-Saints // Cosmos. Revue des Sciences et de leurs Applications. 58e Année. Nouvelle Serie 61 (1275): 10–14.
- Bouyssonie, J. 1954. Les sépultures moustériennes // Quaternaria I: 107–115.
- Bouyssonie, A. et J., L.Bardon. 1908. Découverte d'un squelette humain moustérien à la Bouffia de la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // L'Anthropologie 19 (5–6): 513–518.
- 1908a. Découverte d'un squelette humain moustérien à la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences 147: 1414–1415. Paris.
1913. La station moustérienne à la “Bouffia” Bonneval à la Chapelle-aux-Saints // L'Anthropologie 24 (6): 609–634.
- Breuil, H. 1912. Remarques sur les divers niveaux archéologiques du gisement de Spy (Belgique) // Revue Anthropologique 22: 126–129.
- Bricker, H.V. 1989. Comment to Gargett, R. H. // Current Anthropology 30 (2): 177–178.
- Captlan, L., D.Peyrony. 1909. Deux squelettes humains au milieu de foyers de l'époque moustérienne // Revue de l'École d'Anthropologie 19 Année: 402–409.
1911. Un nouveau squelette humain fossile // Revue Anthropologique 21 (4): 148–150.
1912. Trois nouveaux squelettes humains fossiles // Revue Anthropologique 22 (11): 439–442.
- 1912a. Station préhistorique de la Ferrassie. Commune de Savignac-du-Bugue (Dordogne) // Revue Anthropologique 22 (2): 76–99.
1921. Nouvelles fouilles de Ferrassie (Dordogne) // Association Française pour l'Avancement des Sciences. Compte Rendu de la 44e Session. Strasbourg 1920: 540–542. Paris: Au Secrétariat de l'Association Et chez MM.Masson et Cie. Libraires de l'Académie de Médecine.
- Chase, Ph.L., H.Z.Dibble. 1987. Middle paleolithic symbolism: a review of current evidence and interpretation // Journal of Anthropological Archaeology 6 (3): 263–296.
- Cordy, J.M. 1984. Evolution des faunes quaternaires en Belgique // Cahen, D., P.Haesaerts, coordination Watteyne, D. Peuples Chasseurs de la Belgique Préhistorique dans leur Cadre Naturel: 67–77. Bruxelles: Patrimoine de l'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique.
1988. Apport de la paléozoologie à la paléocécologie et à la chronostratigraphie en Europe du nord-occidental // L'Homme de Néandertal. Actes du Colloque International de Liège (4–7 décembre 1986) v. 2. L'Environnement. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 29: 55–64. Liège.
- Czarnetzki, A. 1977. Artifizielle Veränderungen an den Skeletresten aus dem Neandertal? // Festschrift 75 Jahre Anthropologische Staatssammlung 1902–1977: 215–219. München.
- Deleux-Tanoux, A. 1982. Nouvel inventaire des sépultures néandertaliennes françaises // Travaux du Laboratoire d'Anthropologie et Préhistoire des Pays de la Méditerranée Occidentale. Université de Provence. Etude 1. Aix-en-Provence.

- Delibrias, G.* 1984. La datation par le carbone 14 des ossements de la Ferrassie // Delporte, H. (ed.) *Le Grand Abri de la Ferrassie. Fouilles 1968-1973 // Etudes Quaternaires* 7: 105-107. Paris: Editions du Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire.
- Delibrias, G., M.-T. Guiller, J. Evén, J. Chevallier.* 1987. Sommaire des datations ^{14}C concernant la préhistoire en France. III. Dates effectuées de 1979 à fin 1984 // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 84 (7): 207-223.
- Delporte, H.* 1976. Les sépultures moustériennes de la Ferrassie // *Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. IXe Congrès. Colloque XII. Les Sépultures néandertaliennes. Pretrage. Direction B. Vandermeersch. 13-18 Septembre 1976: 8-11. Nice.*
1984. Situation et historiques // Delporte, H. (ed.) *Le Grand Abri de la Ferrassie. Fouilles 1968-1973. Etudes Quaternaires* 7: 13-21. Paris: Editions du Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire.
- 1984a. Conclusions générales // Delporte, H. (ed.) *Le Grand Abri de la Ferrassie. Fouilles 1968-1973. Etudes Quaternaires* 7: 273-277. Paris: Editions du Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire.
- Demell, R.* 1983. A new chronology for the mousterian // *Nature* 301 (5897): 199-200.
- Fraipont, J., M. Lohest.* 1886. La race humaine de Néandertal ou de Canstadt en Belgique. Recherches ethnographiques sur des ossements humains, découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // *Bulletins de l'Académie Royale des Sciences des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique. 56me Année, 3me serie. L. XII* (12): 741-784.
1887. La race humaine de Néandertal ou de Canstadt en Belgique. Recherches ethnographiques sur des ossements humains, découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // *Archives de Biologie VII*: 587-757. Gand, Leipzig, Paris.
- Frazer, D.W., A. Montet-White.* 1989. Comment to Gargett, R. H. // *Current Anthropology* 30 (2): 180-181.
- Gargett, R.H.* 1989. Grave shortcomings: the evidence for Neandertal burial // *Current Anthropology* 30 (2): 157-177.
- 1989a. Reply to comments // *Current Anthropology* 30 (2): 184-188.
- 1989b. Reply to comments // *Current Anthropology* 30 (3): 326-329.
- Genest, J.M., J.P. Chudelle, J.L. Joron, H. Valladas.* 1989. Datation de l'abri sous-roche du Moustier (Dordogne, France) par la thermoluminescence // *Raynal, J. P., D. Miallier (eds). Datation et Caractérisation des Milieux Pléistocène. Cahiers du Quaternaire* 16: 25-30. Paris.
- Genovés, S.* 1954. The problem of the sex of certain fossil hominids with special reference to the neandertal skeletons from Spy // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 84 (1-II): 131-144.
- Guichard, G.* 1976. Les civilisations du paléolithique moyen en Périgord // *La Préhistoire Française I* (2) *Les Civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France: 1053-1069.* Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.
- Harrold, E.B.* 1980. A comparative analysis of Eurasian palaeolithic burials // *World Archaeology* 12 (2): 195-211.
- Hauser, O.* 1909. Découverte d'un squelette du type du Neandertal sous l'abri inférieur du Moustier, station 44. Commune de Saint-Léon (Dordogne) // *L'Homme Préhistorique* 7e année (1): 1-9.
1920. *Ins Paradies des Urmenschen. Hamburg.* Berlin: Hoffmann und Campe Verlag.
1925. *Urgeschichte. Jena:* Tübinger Verlags Anstalt u. Druck.
- Heim, J.L.* 1968. Les restes néandertaliens de la Ferrassie. Nouvelles données sur la stratigraphie et inventaire des squelettes // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences. Serie D.* 266 (5): 576-578. Paris.
1974. Les hommes fossiles de la Ferrassie (Dordogne) et le problème de la définition des néandertaliens classiques // *L'Anthropologie* 78 (1): 81-112.
1976. Les néandertaliens en Périgord // *La Préhistoire Française I* (1) *Les Civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France: 578-583.* Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.
- 1976a. *Les hommes fossiles de la Ferrassie. Tome 1. Le gisement. Les squelettes adultes (crâne et squelette du tronc)* // *Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine Mémoire* 35. Paris: Masson et Cie Editeurs.
1981. Les caractères ontogénétiques et biométriques de l'occipitale néandertalienne juvénile de la Ferrassie 8 (Dordogne) // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences. Serie II.* 293 (21): 195-198. Paris.
- Henri-Martin, G.* 1957. Les gisements de la Quina // *Congrès Préhistorique de France. Compte Rendu de la XVe Session. Poitiers-Angoulême 15-22 juillet 1956: 135-137.* Paris: Bureaux de la Société Préhistorique de France.
1958. Relevé altimétrique de la Quina et nouvelles observations // *Bulletins de la Société Préhistorique Française* 55 (10): 656-660.
1961. Datation par C14 de l'Aurignacien de la Quina, Charente // *Bericht über den V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Hamburg von 24 bis 30 august 1958: 383-384.* Berlin: Verlag Gehr. Mann.
1964. La dernière occupation moustérienne de la Quina (Charente). Datation par le radiocarbon // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences.* 258 (13): 3533-3535. Paris.
- Herrmann, B.* 1977. Über die Reste des postcranialen Skelettes des Neandertales von Le Moustier // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie* 68 (2): 129-149.
- Hesse, H.* 1966. Schädel des "Homo mousteriensis" Hauseri wiedergefunden // *Biologische Rundschau* 4 (3): 158-160.
- Klaatsch, H.* 1909. Die neuesten Ergebnisse der Paläontologie des Menschen und ihre Bedeutung für das Abstammungsproblem // *Zeitschrift für Ethnologie* 41 (3/4): 537-580.
- 1909a. Preuves que l'homo mousteriens Hauseri appartient au type du Neandertal // *L'Homme Préhistorique* 7e Année (1): 10-16.
- 1909b. Der primitive Mensch der Vergangenheit und der Gegenwart // *Verhandlungen der Gesellschaft deutscher Naturforscher und Ärzte. 80. Versammlung zu Köln. 20-28 September 1908. Ersten Teil: 95-108.* Berlin.
- 1909c. *Die Fortschritte der Lehre von der Neandertal-Rasse (1903-1908)* // *Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte* 17 (1907): 431-462. Wiesbaden.
- Klaatsch, H., O. Hauser.* 1908. Homo Mousteriensis Hauseri. Ein altlivulischer Skelettfund im Département Dordogne und seine Zugehörigkeit zum Neandertaltypus // *Archiv für Anthropologie. Neue Folge* 7 (3): 287-297.
- Laville, H.* 1976. Les remplissages de grottes et abris sous roche dans le sud-ouest // *La Préhistoire Française I* (1) *Les Civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France: 250-270.* Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.
- Laville, H., A. Tuffreau.* 1984. Les dépôts du grand abri de la Ferrassie: stratigraphie, signification climatique et chronologique // *Delporte, H. (ed.) Le Grand Abri de la Ferrassie. Fouilles 1968-1973 // Etudes Quaternaires* 7: 25-50. Paris: Edition du Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire.
- Leguebe, A., R. Orban.* 1984. Paléontologie humaine // *Cahen, D., P. Huesarot, coordination Watteyne, D. Peuples Chasseurs de la Belgique préhistorique dans leur Cadre Naturel: 87-100.* Bruxelles: Patrimoine de l'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique.
- Le Mort, F.* 1988. Cannibalisme ou rite funéraire // *Dossiers Histoire et Archéologie* 124: 46-49.
1989. Traces de décharnement sur les ossements néandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 86 (3): 79-87.
- Leroi-Gourhan, A.* 1964. *Les religions de la préhistoire (paléolithique).* Paris: Presses Université de France.
- Mac-Gregor, A.B.* 1964. The Le Moustier mandible: an exploration for the deformation of the bone and failure of eruption of a permanent canine tooth // *Man* 64 (176-211): 151-152.
- Madre-Dupuy, M.* 1985. Les dents déciduales de l'enfant néandertalien du Roc de Marsal, Dordogne, France. Etude anatomique et comparative. Deuxième part. étude de la dentition inférieure // *L'Anthropologie* 89 (1): 93-109.
- Martel, E.A.* 1909. L'homme fossil de la Chapelle-aux-Saints // *La Nature, Revue des Sciences et de leurs Applications aux Arts et à l'Industrie.* 37e année (1872), Premier Semester: 302-304.

- Martin, H. 1911. Présentation d'un crâne humain trouvé avec le squelette à la base du moustérien de la Quina (Charente) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 8 (10): 615-627.
- 1911a. Sur un squelette humaine de l'époque moustérienne trouvé en Charente // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences* 153 (16): 728-730. Paris.
1912. L'homme fossile de la Quina (deuxième note) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 9 (6): 389-424.
1913. La crâne de l'homme fossile moustérien de la Quina // *Association Française pour l'Avancement des Sciences. Compte Rendu de la 41me Session. Nîmes. 1912: 538-539. Paris: Au Secrétariat de l'Association et chez MM. Masson et Cie, Libraires de l'Académie de Médecine.*
1923. Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina (Charente). I. 3. L'homme fossile. Paris: Librairie Octave Doin. Gustav Doin Editeur.
- May, F. 1986. Les sépultures préhistoriques: étude critique. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.
- Mellars, P. A. 1989. Chronologie du moustérien du sud-ouest de la France: actualisation du débat // *L'Anthropologie* 93 (1): 53-71.
- Moll, H. F. 1979. L'abri sous roche Bourgeois au Moustier de Peyzac (Dordogne) // *Société d'Etudes et de Recherches Préhistoriques. Les Eyzies. Bulletin* N28: 95-121. Périgueux.
- Mortillet, G. 1900. Le préhistorique: origine et antiquité de l'homme. 3e ed. Paris: Schleicher.
- Ossa, P. 1989. Comment to Gargett, R. H. // *Current Anthropology* 30 (2): 183.
- Otte, M. 1983. La paléolithique de Belgique. Essai de synthèse // *L'Anthropologie* 87 (3): 291-321.
- Otte, M., J. Michel. 1984. Recherches sur la préhistoire en Belgique: aperçu historique // Cahen, D., P. Haesaerts, coordination Watteyne, D. Peuples Chasseurs de la Belgique Préhistorique dans leur Cadre Naturel: 9-15. Bruxelles: Patrimoine de l'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique.
- Perles, C. 1982. Les rites funéraires du paléolithique. Mythe ou réalité? // *Dossiers Histoire et Archéologie* 66: 8-9. Paris.
- Peyrony, D. 1930. Le Moustier; ses gisements, ses industries, ses couches géologiques // *Revue Anthropologique* 40 années (4-6): 155-176.
1934. La Ferrassie // *Préhistoire III* (fascicule unique): 1-92. Paris.
- Piveteau, J. 1957. Vers la forme humaine. Le problème biologique de l'homme. Les époques de l'intelligence // *Traité de Paléontologie VII* Paris: Masson et Cie, Editeurs, Libraires de l'Académie de Médecine.
1963. La grotte de Régourdou (Dordogne). Paléontologie humaine // *Annales de Paléontologie* 49: 285-304. Paris.
- Rehlen, W. 1909. Mitteilungen aus den Lokalvereinen Württembergischer Anthropologischer Verein. Bericht über die erste Hälfte des Winterhalbjahrs 1908/1909 // *Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 40 (4): 28-31. Braunschweig.
- Rivière, E. 1906. Le squelette humain du Moustier (Dordogne) // *Congrès Préhistorique de France. Compte Rendu de la première Session, Périgueux 1905: 488-489. Paris: Schleicher Frères, Editeurs.*
1907. Trente-sept années de fouilles préhistoriques et archéologiques en France et en Italie // *Association Française pour l'Avancement des Sciences. Compte Rendu de la 35me Session. Lyon 1906. pt. 2: 773-798. Paris: Au Secrétariat de l'Association et chez MM. Masson et Cie, Libraires de l'Académie de Médecine.*
1909. De l'antiquité paléolithique du squelette humain du Moustier de Peyzac (Dordogne) // *Bulletin de la Société Préhistorique de France* 6 (3): 142-143.
1911. La mandibule du squelette chelléo-moustérien de la femme du Moustier (Dordogne) // *Congrès Préhistorique de France. Compte Rendu de la Sixième Session, Tours 1910: 116-124. Paris: Bureaux de la Société Préhistorique de France.*
- Roche, J. 1976. La découverte de la Chapelle-aux-Saints et son influence dans l'évolution des idées concernant le psychisme des néandertaliens // *Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. IXe Congrès. Colloque XII. Les Sépultures Néandertaliennes. Pretrage. Direction B. Vandermeersch. 13-18 Septembre 1976: 13-25. Nice.*
- Russel, M. D. 1987. Mortuary practices at the Krapiina neanderthal site // *American Journal of Physical Anthropology* 72 (3): 373-379.
- Rutot, A. 1909. Coup d'œil synthétique sur l'époque des cavernes // *Bulletin de la Société Belge de Géologie, de Paléontologie et d'Hydrologie. Mémoires* 23 (3): 225-292.
- Schott, L. 1889. Bergung und Rekonstruktion des "Junglings" von Le Moustier // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 30 (3): 548-554.
- Straus, W. L., Jr. and A. J. E. Cave. 1957. Pathology and the posture of neanderthal man // *The Quarterly Review of Biology* 32 (4): 348-363.
- Thoma, A. 1975. Were the Spy fossils evolutionary intermediates between classic neanderthal and modern man? // *Journal of Human Evolution* 4 (5): 387-410.
- Tilley, A.-M. 1982. Les inhumations d'enfants en paléolithique ancien et moyen // *Dossiers Histoire et Archéologie* 66: 19-22. Paris.
1983. L'enfant néandertalien du Roc de Marsal (campagne du Bugue, Dordogne). Le squelette facial // *Annales de Paléontologie* 69 (2): 137-149. Paris.
- Trinkaus, E. 1985. Pathology and the posture of the La Chapelle-aux-Saints neanderthal // *American Journal of Physical Anthropology* 67 (1): 19-41.
- Tuffreau, A. 1984. Les industries moustériennes et castelperoniennes de la Ferrassie // Delporte, H. (ed.) *Le Grand Abri de la Ferrassie. Fouilles 1968-1973 // Etudes Quaternaires* 7: 111-144. Paris: Editions du Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire.
- Twisselmann, F. 1971. Belgium // Oakley, K. P., B. G. Campbell, Th. I. Molleson (Eds.). *Catalogue of Fossil Hominids 2: Europe: 6-13. London: British Museum (Natural History).*
- Ullrich, H. 1986. Manipulation on human corpses, mortuary practice and burial in palaeolithic times. Fossil man - new facts - new ideas // *Anthropos* 23: 227-236. Brno.
- Valladas, H., J. P. Chaudelle, J. M. Geneste, J. Joron, L. Meignen, P. J. Texier. 1987. Datations par la thermoluminescence de gisements moustériens du sud de la France // *L'Anthropologie* 91 (1): 211-226.
- Valladas, H., J. M. Geneste, L. Meignen, P. J. Texier. 1988. Datations par la thermoluminescence de gisements moustériens du sud de la France // *L'Homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986)*, v. 1. La Chronologie. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 28: 121-124. Liège.
- Vallois, H. V. 1941. La découverte du squelette du Moustier // *L'Anthropologie* 49 (6): 776-778.
1965. Le sternum néandertalien du Régourdou // *Anthropologischer Anzeiger* 29: 273-289. Stuttgart.
- Van Campo, M., J. Bouchud. 1962. Flore accompagnant le squelette d'enfant moustérien découvert au Roc du Marsal, commune du Bugue (Dordogne) et première étude de la faune du gisement // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences* 254 (5): 897-899. Paris.
- Vandermeersch, B. 1965. Position stratigraphique et chronologie relative des restes humains du paléolithique moyen du sud-ouest de la France // *Annales de Paléontologie. Vertébrés* 51 (1): 69-126. Paris.
1971. France (middle palaeolithic) // Oakley, K. P., B. G. Campbell, Th. I. Molleson (Eds.). *Catalogue of Fossil Hominids 2: Europe: 71-187. London: British Museum (Natural History).*
1976. Les sépultures néandertaliennes // *La Préhistoire Française I (2) Les Civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France: 725-727. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.*
- 1976a. Les néandertaliens en Charente // *La Préhistoire Française I (1) Les Civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France: 584-587. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.*
1987. Le peuplement du Poitou - Charentes au paléolithique inférieur et moyen. Préhistoire de Poitou - Charentes. Problèmes actuels // *Actes du IIIe Congrès National des Sociétés Savantes Poitiers, 1986, Commission de Pré-et Protohistoire: 7-15. Paris: Editions du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques.*
- Virchow, H. 1909. Diskussion // *Zeitschrift für Ethnologie* 41 (3/4): 580-584.
1939. Skelett von Le Moustier // *Anatomischer Anzeiger* 88 (11/15): 261-274.
- Villa, P. 1989. Comment to Gargett, R. H. // *Current Anthropology* 30 (3): 324-326.

Weber, Th. 1989. Comment to Gargett, R. H. // *Current Anthropology* 30(3): 326.

Weinert, H. 1925. Der Schädel des Eisenzeitlichen Menschen von Le Moustier in neuer Zusammensetzung. Berlin: Verlag von Julius Springer.

MOUSTERIAN BURIALS IN WESTERN EUROPE

Burials of Western European Neandertals have been discovered in Belgium and France.

Review of sources. Our analysis of all the available information regarding Mousterian burials has made it possible to establish most details of the *Middle Paleolithic funerary rite*. The results, summarized in Tables 1-5, are outlined below.

Belgium. Spy. In 1886, remains of two Neandertals were discovered near the entrance to the grotto. They belonged to a female (skeleton no.1) and a male (skeleton no.2). Because both skeletons were well preserved, and the woman was placed on her side in a flexed position, the hand being close to the mandible, both burials were probably intentional, although it was not possible to trace the graves. Here, complete bodies were buried. The woman, whose bones were situated in anatomical order, was placed parallel to the entrance to the grotto. Bones of the man were intermixed, so the body might have been dismembered after death.

France. Le Moustier. Remains of an adolescent male Neandertal were found in March 1908 by O.Hauser, who took the bones of the lower extremities and of the left forearm out before the skeleton had been cleared from earth. The inadequate excavation technique used by Hauser (incomplete cleaning of the remains), lack of reliable documentation, and allegedly misleading reports, aroused considerable skepticism in a number of archaeologists (Bordes 1959; Leroi-Gourhan 1964; Vandermeersch 1976). However, an unbiased reanalysis of the evidence suggests that Hauser's information should be considered to be basically trustworthy (Schott 1989; Binaut 1991; Smirnov 1991). A complete skeleton of a male adolescent (layer J) was lying in a flexed position on the right side. The grave was situated under the edge of the roof of the rock shelter. The position of the skeleton indicates that the burial was intentional. In 1914, remains of an infant were discovered by D.Peyrony at the same site (layer J) in a small pit 50 cm wide and 50 cm deep (fig. 1). The position of the skeleton was impossible to establish. Long before Hauser's excavations, the lower cave of Le Moustier was excavated by E.Riviere. In August 1896, when he was away from the site, a woman's skeleton was discovered in the

cultural layer and taken out. At present, only the brain case has remained of it. According to Moll (1979), it belonged to a woman with characteristically Neandertal features. The possibility of an intentional burial cannot be not ruled out in this case. However, the available archaeological description of the skeleton is unreliable since the excavations were done by nonspecialists.

La-Chapelle-aux-Saints. In August 1908, a grave, 145 cm by 100-85 cm by 30 cm was found in the shelter. A complete body of a man was laid into the grave on his back with flexed legs. The burial was situated parallel to the entrance to the shelter (figs.2,3). The cranium was surrounded with stones. Near the skeleton, pieces of ferriferous sandstone were found. It is not clear whether the presence of red paint in the grave is accidental (it could have got there from the cultural layer) or whether it was placed there intentionally.

La Ferrassie. Several Neandertal burials were excavated in level C, under the roof of the rock shelter (fig.4) in 1909-21 and 1973. All were situated parallel to the entrance to the cave. No.1 was a male (fig.5) and no.2 a woman. Apart from these, there were four skeletons of children (nos.3,4a,4b,5,6,8). The woman was buried in a flexed position on her right side, and the man was placed supine with bent legs. Above the man's skeleton, there were three stones, which were apparently laid upon the roof of the grave. The grave itself, however, has not been traced. Both the male and the female skeletons were complete. The children were buried in refuse or utility pits. The size of their graves was as follows: 70 cm by 30 cm by 40 cm (graves nos.3,4a,4b), 40 cm by 32 cm by 5 cm (grave no.5), 145 cm by 120-40 cm by 35 cm (grave no.6). All the children's skeletons, except that from grave no.6, were incomplete. In most of them the arm and leg bones were missing. Possibly, bodies of children were dismembered before being buried. In grave no.6 (fig.6), which was partly covered by a stone slab with cup-like depressions (fig.7), a complete skeleton of a child was found. Its skull, which lacked the facial part and the mandible, lay 125 cm east of the postcranial bones, in a more elevated part of the grave, where it could not have rolled down. Evidently the child's head was displaced post

mortem, long after the funeral. The bottom parts of graves nos. 1, 3, 4a, 4b, and 6 were reddish probably because they overlaid level A whose colour was the same. There are no indications that ochre was strewn into the grave.

La Quina. An incomplete skeleton of a Neandertal woman, with ankle and foot bones missing, was found in 1911 in an area before the entrance to the rock shelter. H. Martin (1923) believed that the individual had drowned. The skeleton was situated parallel to the entrance, on the right side, in a horizontal plane. The skull was above the level of the postcranial bones, which is a characteristic feature of intentional burials. The position of the skeleton and its preservation also do not support the claim that the skeleton belonged to an unburied person who had fallen victim to an accident. The body was probably incomplete (Vandermeersch 1987; Smirnov 1991).

Regourdou. In 1937, remains of a young adult male Neandertal were discovered inside a rock shelter in a 50-cm-deep grave. The bottom of the grave was paved with pebbles, and above the grave there was a 50-cm-thick layer of stones (figs. 8, 9). Apart from the presence of a grave, some other facts also indicate that the burial was intentional. Specifically, the upper part of the body was laid on the right side with arms bent. The skeleton was incomplete: the skull, the atlas, and the ankle and foot bones were missing. The mandible, however, was present, indicating that the body was dismembered after the soft tissues had dissociated. Yet the time gap between death and dismemberment could not be too large, since the first cervical vertebra was apparently still connected with the skull and was severed from the body with it. Also, according to E. Bonifay, the upper postcranial bones retained their anatomical order.

Roc de Marsal. A burial of a child aged 2.5-3.5 (fig. 10, 11) was found in level V, in a grave 90 cm by 70 cm. The grave, in which the child's body lay in a flexed position on the right side, was situated at a right angle to the entrance to the site. The skeleton is incomplete: left ankle and foot bones are missing. Perhaps a dismembered body was buried.

La Masque. In 1886, remains of a male adolescent Neandertal were discovered, including fragments of the skull, vertebrae, a complete set of hand bones, a patella, and foot bones. The total number of bones is so large that the find should be classified with remains of complete dismembered bodies, according to A. Smirnov (1991), who was the first to assert that the La Masque individual was intentionally buried. However, no information concerning the excavations is available. The find has not been published.

It is widely held that some Neandertal skeletons were accompanied by grave goods (Obermayr 1913; Bergounioux 1958; Binford 1968; Harrold 1980;

Binaut 1991; Smirnov 1991). Because all Middle Paleolithic burials are situated at sites which are very rich in artifacts, it should be specified, which criteria are used to decide whether the artifacts were associated with the burial or with the cultural layer containing it. Before this is done, the mere fact that artifacts were present in the grave is not sufficient to claim that they were placed there by people.

At present, only those artifacts should be viewed as burial goods, which were found on, under, or adjacent to, the dead person's hand or forearm bones, or on the chest. The nature of the artifacts, their location in the grave, like any other details of the funerary rite, depend on the social standards, which are defined by cultural tradition. So the second criterium is whether the co-occurrence of artifacts and their position relative to the grave and to the body provides any evidence of standardization.

All available data regarding artifacts and animal bones found in the vicinity of Neandertal remains attest to the absence of any regularity in their arrangement and to the lack of standard sets of artifacts, implying that objects found together with Mousterian burials excavated in France and Belgium should not be viewed as burial goods. The significance of two similar artifact assemblages from La Ferrassie 5 and 6 is diminished, first, by the lack of reliable information concerning the position of artifacts in the graves, and second, by the possibility that tools from grave no. 5 were situated above the skeleton. Overall, we concur with those writers who maintain that Neandertal graves contained no burial goods (May 1986; Chase, Dibble 1987; Gargett 1989).

Chronology

Mousterian burials in Western Europe were traditionally associated with several successive stages of the Wurm glaciation: Wurm I (Regourdou, possibly La Masque), Wurm I/II (La Quina), Wurm I/II - early Wurm II (Roc de Marsal), Wurm II (Le Moustier, La Ferrassie, La-Chapelle-aux-Saints, Spy) (Vandermeersch 1965). The beginning of Wurm I was usually dated to 75,000-70,000 BP, and Wurm II was thought to begin 50,000 years BP. Later this chronological framework was revised. The beginning of Wurm I was dated to 120,000 BP, and the beginning of Wurm II, to 75,000 BP (Dennell 1983:199). Taking this, as well as a number of new radiocarbon and thermoluminescence dates, into consideration, all Mousterian burials should be associated with Wurm II, specifically with its beginning, 75,000-70,000 BP (Regourdou and possibly La Masque), middle, 60,000-50,000 BP (La Quina, Roc de Marsal), and end, 45,000-35,000 BP (Le Moustier, La Ferrassie, La-Chapelle-aux-Saints).

Interpretation of burial rite

The position of the human remains with respect

to the entrance to the site is different. In early burials (tab.2), bodies were positioned either at a right angle to the entrance (Roc de Marsal, fig.10) or parallel to it (La Quina). In late burials (tab.3-5), the position was always parallel to the entrance (La Ferrassie 1, 2, 3, 4a, 4b, 5, 6, 8, La-Chapelle-aux-Saints, Spy 1, see fig.2,4). This regularity is supported by data from Qafzeh, Skhul, Shanidar, and the Crimea (Aleksihin 1993, 1993a).

In early burials (tab.1-2), only incomplete, possibly dismembered, remains were found. These skeletons lack either both the skull and bones of legs and feet (Regourdou) or only leg and foot bones (La Quina, Roc de Marsal, see fig.11), or bones of both lower and upper extremities (La Masque). The skeletons of adults as well as those of children were subjected to postmortem manipulations. Later, in the end of Wurm II (tab.3-5), mostly complete bodies were buried, either in anatomical order (Spy 1, Le Moustier adolescent, La Ferrassie 1,2,6, La Chapelle-aux-Saints, fig.3,5) or in disarray (Spy 2), although the tradition of burying dismembered corpses was still practiced (La Ferrassie 3,4a,4b, 5, 8), the missing bones being mainly those of upper and lower extremities. So it may be suggested that incomplete burials were gradually replaced by complete ones. The same tendency is seen in the Mousterian of the Palestine, Iraq, and the Crimea (Aleksihin 1993, 1993a, 1994).

Middle Paleolithic graves of Western Europe provide no evidence of burial goods, red paint being intentionally put in the graves, or ritual food.

Certain differences related to sex and age of the persons buried should be noted. Women (La Quina, La Ferrassie 2), an adolescent (Le Moustier), and a child (Roc de Marsal) were buried on their right side (fig.11), the right arm being flexed in the elbow joint, the right hand being near the face (La Ferrassie 2, Le Moustier adolescent), while the left arm was extended along the body (Le Moustier adolescent) or flexed, the left hand touching the knee (La Ferrassie 2). One hand of the child from Roc de Marsal was near the face. The legs were pulled close to the chest (La Ferrassie 2). In one instance (Roc de Marsal), the hips were strongly bent backwards so that their angle with the spine was 135 degrees. The ankles were also pulled back so that the ankle bones formed a straight angle with the femora (fig.11). One more woman (Spy 1) and a child (La Ferrassie 6) were placed on the side in a flexed position, the woman's hand being near the mandible. The heads of women were directed towards the east (Spy 1, La Ferrassie 2) or northeast (La Quina), while those of children were oriented towards the east (La Ferrassie 6) or north (Roc de Marsal).

The bodies of men (La Ferrassie 1, La-Chapelle-aux-Saints) were buried in a supine position, with their legs flexed and placed to the

right of the trunk. The right arm was strongly bent, the forearm bones being nearly parallel to the humeri, while the hand was close to the head. The left arm was extended along the trunk (fig.3,5). In an early burial (Regourdou), the men's trunk was laid on the left side. Male skeletons were oriented to the west (Regourdou, La Ferrassie 1) or southwest (La-Chapelle-aux-Saints).

The characteristic feature of the Early Mousterian are burials of dismembered corpses of adults and children (tab.1,2). Among the Late Mousterian burials, only those of children had been dismembered (La Ferrassie 3,4a,4b,5,8, see tab.5). A complete skeleton of a child was found in one grave only (La Ferrassie 6), but even here, the head was severed from the body and buried in a separate place of the grave.

Graves of adult men and women as well as those of adolescent men were arranged in grottoes, under the roofs of the rock shelters, or outside, near the entrance to the cave. Burials of children are found inside the grottoes or rock shelters.

Nearly all male burials are distinguished by special features of the burial rite (tab.1,3). Thus, in Regourdou, the grave pit was paved with stones and there was a layer of stones above the grave (fig.9); some stones were present above the burial at La Ferrassie 1, and the head of the La-Chapelle-aux-Saints man was surrounded with stones. The grave of a 3-year-old child at La Ferrassie 6, like those of adult men, was covered with a stone slab having cup-like pits on it (fig.6,7). Given that all the unusual details of the rite are characteristic of male burials, it may be speculated that La Ferrassie 6 child was a boy.

All available data pertaining to sex and age differences in the burial rite indicate that some sort of a system of sex-and-age classes existed already in the final Middle Paleolithic. The fact that unusual features of the rite are related with male burials only probably points towards the higher status of adult men in the Mousterian society.

While at the end of Wurm II it became usual to bury complete bodies of adults, the archaic practice of dismembering corpses was still being applied to children, possibly attesting to their lower social status.

The custom of severing the head from the body was registered in two burials. In one instance (La Ferrassie 6), the head was put in a separate place of the grave, in another (Regourdou) it was removed. Because in the latter case the mandible was found with the rest of the bones, it may be suggested that either the grave was reopened after funeral or, which is more likely, that it remained open, so that after the soft tissues had dissociated, the skull and the leg bones were taken away. A similar situation was registered at Kebara (Aleksihin 1994). The Regourdou burial indicates that some kind of skull

or head cult existed already in the early Mousterian.

Taking the skull and the leg bones out of the grave at Regourdou had not resulted in the disruption of the anatomical order of other parts of the skeleton, implying, firstly, that the grave remained open after the funeral, and, secondly, that death and postmortem manipulations with the remains were not separated by a long period of time. The Regourdou burial also indicates that apart from dismembering bodies with flint tools which left traces on the bones (Le Mort 1988, 1989; Ullrich 1986), the Mousterians practiced another technique, one which left no traces. In the latter case, manipulations were apparently performed after the dissociation of soft tissues. Judging by the high proportion of Western European Mousterian burials where the skeletons were incomplete but no traces of manipulations were found on the bones (seven cases out of fifteen), the second technique was rather common.

So the analysis of data indicates that the Neandertals of Western Europe performed specific actions which can only be interpreted as elements of the burial rite. The most important feature of Mousterian burials is the stability of posture. Sometimes the position of the skeletons is virtually identical (La Ferrassie 1, La-Chapelle-aux-Saints, see fig.3,5), clearly indicating that burials associated with different stages of Wurm II in Dordogne (Roc de Marsal, Le Moustier, La Ferrassie, and possibly Regourdou), Charente (La Quina), and Correze (La-Chapelle-aux-Saints) represented hunting populations whose beliefs were very similar and remained the same over many millennia.

Most of these sites were hunting camps which were situated in the most convenient places and were used for a long time. This explains why two to

seven graves were found on some of them (Spy, Le Moustier, La Ferrassie). Perhaps La Quina also belongs to this group, since isolated fragments of human bones were found in its cultural horizons, apparently being the remains of completely destructed Mousterian burials.

In remote shelters (Regourdou) and small grottoes which were rapidly filled with deposits (La-Chapelle-aux-Saints), only single burials were found.

Despite several specific features (position of the skeletons), burials of the Western European Mousterians have many points of resemblance with those of the Near Eastern Mousterians (graves made in cultural horizons, absence of burial goods, ritual food, red paint, or remains of funerary repasts) and demonstrate the same temporal trend (change of position of the skeletons relative to the entrance to the site, and gradual disappearance of the custom of dismembering bodies) (Aleksin 1993, 1994) and the Crimea (Aleksin 1993a). So the burial rite attests to a developed system of ritual behaviour which characterized Mousterian populations all over Eurasia.

Burying dismembered corpses has much in common with burying bones, skulls, skins, viscerals, and scales left after eating the prey. This custom was widely practiced by hunter-gatherers with a view of reviving the killed animals and thus restoring the natural balance disturbed by their death. Perhaps the Mousterian hunters tried to revive the dead tribesmen in the same way, hoping to restore social balance and protect the population from extinction. So burials were a means of opposing death. However, the absence of burial goods, remains of food, or red paint, attests to the lack of systematic beliefs regarding the other world.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСКУССТВА КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А.Д.СТОЛЯР*

“Каждая вновь открытая форма находит свое естественное место, фактически в данных рамках ни одна из них не является абсолютно “новой”. Что еще нужно для убеждения, что все это родилось, что все это *выросло*?”.

Тейяр де Шарден

Возникновение интеллекта, способности к творчеству составляет коренную сущность феномена человека. В этом отношении совершенно особую, пока, пожалуй, только интуитивно угадываемую роль выполняло становление образно-художественного отражения бытия — того, что на нынешнем уровне дифференциации духовной активности мы привычно называем искусством.

Изначально проблема происхождения искусства была поставлена в числе других “вечных” вопросов познания мира удивительной по культуре мысли философией античности. В дальнейшем она заняла одну из ведущих позиций в философской эстетике. Но только с середины XIX в. начали складываться — с немалыми трудностями, порой мучительно — предпосылки для перевода этой темы на ступень историко-документального исследования “грубых фактов”. Объективно они создавались совершенно неожиданными для молодой науки о древнекаменном веке открытиями образных произведений человека верхнего палеолита (примерно 40 000 — 12 000 лет назад).

Глубоко поучительна летопись этих открытий (Окладников 1967: 7-19) — и не столько ее насыщенностью драматическими эпизодами, сколько свидетельствами исключительной зависимости всего восприятия фактов от господствующих общеисторических установок, в ряде позиций серьезно уступавших прозорливости

титанов античной мысли.

Начало второй половины прошлого века в культурном мире Европы ознаменовалось определенной мировоззренческой революцией. Ее имя — эволюционизм. Сокрушившая библейский миф теория антропогенеза, утверждавшая животное происхождение человека, была его исключительным достижением. Однако биологизаторский крен в методологии и игнорирование собственно социальных факторов выделения человека из мира природы привели к тому, что весь хронологически необозримый (но тогда, понятно, еще не *определенный* абсолютными цифрами) “век” древнего камня был начисто исключен из истории (поэтому и назван “доисторией”) и объявлен эпохой чисто биологического развития. Здесь виделся неизменный двуногий хищник — троглодит, которому ни творчество, ни вообще формы духовной жизни еще якобы не были даны. Таким был один из опорных аксиоматических постулатов эволюционизма.

На подобном фоне нетрудно представить, насколько неожиданными, по-существу вступающими в противоречие с эволюционистской панорамой ледниковой “доистории” были находки первых произведений “малых форм” (небольшие скульптуры и гравировки) при раскопках пещер во Франции (Масса, Ла Мадлен и др.). Лидер этих изысканий Э.Ларте и его коллеги никак не предполагали особой историчес-

* Россия. Санкт-Петербург. 190034. Менделеевская лин., 5. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии.

кой цены открытых в слоях позднепалеолитических стоянок изображений зверей. А вскоре наиболее впечатляющие монументальные ансамбли в пещерах, включающие и полихромные анималистические фигуры (условно — “фрески”), были объявлены злонамеренной фальсификацией (априорное осуждение испанской Альтамыры Международным антрополого-археологическим конгрессом в Лиссабоне, 1880 г.).

Подобную тенденциозность, граничащую с буквальной слепотой, испытали новые, также неожиданные открытия “картинных галерей” в пещерах Дордони (гравировки в Комбарель, “фрески” в Фон де Гом) осенью 1901 г. Следствием этих, казалось бы, частных событий сразу же явилось состояние своеобразного пароксизма всей эволюционистской философии “доистории”.

Вместе с первоначально вынужденным признанием искусства “эпохи северного оледенения” все отчетливее проступала необходимость объяснения происхождения поразительно раннего творчества. Тема волновала и увлекала многих исследователей. Но если оставить в стороне фантастические версии (в том числе объявление прародителями творчества космических пришельцев или же гениев неуловимой Атлантиды), то окажется, что до недавнего времени археология исчерпывала свои активы всего тремя гипотезами.

В это научное наследие входят гипотезы “макарон” и “меандров” (Breuil 1911:207), “руки” (Luquet 1926:147-151) и, наконец, “просто го этапа” или естественных “каменной-фигур” (Boucher de Perthes 1847/49:454-458, suiv, pl. L-LXXV, LXXVIII-LXXX). Первая из них предписывала исходное генетическое значение обнаруженным в некоторых пещерах Франко-Кантабрии (Альтамыра, Хорнос де ла Пенья, Гаргас) хаотическим скоплениям многолинейных полос (то есть “макарон”, прочерченным по глине пальцами неантропа. Вторая гипотеза усматривала родоначальную изобразительную форму в отпечатках (“кальках”) на стенах пещер того же региона (Гаргас, Кастильо, Тибيران, Пеш-Мерль, Мальтравезо и др.) кистей рук, выполненных в двух разных техниках — позитивной и, чаще, негативной. Последняя гипотеза “подсказок природы”, выдвинутая еще до научной атрибуции первых художественных подлинников палеолита, была рождена поэтической фантазией героического первооткрывателя “долопотного периода”. Подкупающе достоверная для здравого смысла почти в течение полутора веков в силу обманчивой очевидности, она связывала истоки изобразительного творчества с длительным собиранием троглодитом “фигурных камней”, которые им

якобы сразу же воспринимались образно-символически.

Итоговый анализ этих предположений (Столяр 1985:42-95) приводит к следующему заключению. Во-первых, при всех внешних отличиях их объединяет общий подход к пониманию исторического развития, унаследованный от философии французского Просвещения (метафизический феномен “разумного сознания”, изначально данного “естественному человеку” и составляющего движитель развития). Во-вторых, содержание проблемы они ограничивают задачей объяснения лишь технической стороны возникающего искусства (то есть средств и способов воплощения). Они сопрягают начало изобразительного творчества с зеркально случайной, мгновенной находкой тех физических форм, которые сразу же могли стать внешним выражением отвлеченных идей и уже законченных образов, издревле таящихся в сознании индивидуума.

Решающим показателем иллюзорности этих гипотез является их “свобода” даже от минимальной, но достоверной аргументации. Выдвинутые первоначально в виде предварительных заявок на грядущее открытие, они не получили состоятельных фактических подтверждений во всей массе сделанных открытий.

Научная практика ряда десятилетий слишком зримо показала полную несостоятельность всего репертуара “археологических” гипотез, не открывших плодотворных путей познания. Но признание их органической недееспособности (Graziosi 1956:5,22; Ucko, Rosenfeld 1966:49,78,79) еще не сформулировано в западной литературе с должной определенностью, и эти версии в обезличенном и стертом виде, как сюжеты научного фольклора, порой по инерции упоминаются в отдельных изданиях. Действительное же положение определяется тем, что фактическое падение гипотез, не замещенных новыми перспективными поисками, привело к монопольному утверждению оценок искусства верхнего палеолита как “экстраординарного изолированного феномена” (Laming-Emperaire 1962:34) исторически противоестественного “золотого века” Запада (Grand 1967:18) — вечной загадки таинственных сил и воли человеческого духа, явления, данного счастливым случаем или же непознаваемым внешним стимулом (Graziosi 1956:5).

Психологические корни пронизанной агностицизмом догмы ледникового художественного чуда, “рожденного искрой немногих гениев” Франко-Кантабрии (А.Брейль), можно различить в теоретическом эклектизме “доистории” XIX в. и, особенно, в атмосфере кризиса эволюционистской палеоэтнологии на рубеже XX в. А на первый взгляд исчерпывающе убе-

длительное доказательство сказочно внезапного появления "готовых" изображений заключалось в прочном убеждении археологии относительно отсутствия каких бы то ни было следов анималистической изобразительной деятельности, которая бы предшествовала многочисленным рисункам зверя в самом начале верхнего палеолита.

Лишь преодоление этого "мнимого абсурда" (П. Грациози) — то есть выяснение обманчивости спонтанного появления изобразительных символов неантропа "из ничего" и определение их закономерно-наследственной детерминированности как звеньев в цепи конкретно-исторического развития — могло рассеять романтическую, но явно противостоящую самой познавательной природе науки доктрину о франко-кантабрийском чуде. Действительно фатально это бессилие науки или же такая отрицательная ("дурная") иллюзия создана длительно накапливавшимися огрехами методологии, дефектами применяемых методов, да и отсутствием строгой историографической традиции объективных оценок исследовательских подходов к теме и их результативности?

Ответ на этот вопрос по существу уже давно дал крупнейший знаток древнерусской живописи Д. В. Айналов. Не археологи-палеолитики, а именно он, лишь единожды обратившись к волнующей теме начального искусства в Европе, с исключительной пронизательностью поставил диагноз состояния науки в данной области: "... здесь не все обстоит благополучно. Мы встречаемся здесь со множеством неверных, часто парадоксальных мнений и объяснений ... и с прямыми заблуждениями теоретического характера... Анализ... не имеет научной базы и точек отправления, ясно поставленных и осознанных" (Айналов 1929:419). Эта мудрая подсказка побуждала к критическому анализу накопленного опыта, практически, увы, ограниченного тремя упоминавшимися гипотезами, а затем к попытке постановки проблемы в виде научной задачи как необходимой "точки отправления" дальнейшего поиска.

При разборе существующей литературы, помимо установления справедливой цены "археологическим" гипотез и вывода об их принадлежности лишь к прошлой историографии вопроса, пришлось отметить два обычно незамечаемых, но сугубо негативных момента.

Во-первых, это стихийно происшедшее устойчивое переосмысление самого содержания проблемы, крайне ущербное по своим последствиям. Таится оно в том, что обычно рассматривается уже сформировавшееся творчество верхнего палеолита в полном отрыве от аспекта его коренного генезиса — как нечто полученное внезапно, сразу же и отчетливо сложившемся,

уже канонизированном виде. Не выявилось ни одной публикации, где специально и развернуто, с привлечением весомых доказательств анализировалось бы становление творчества как глубинный исторический процесс социального наследования развивающегося опыта особых материальных действий. Таким игнорированием генетических корней проблема зарождения искусства в конечном счете исключается из сферы активного исследования и перспективного обсуждения.

Во-вторых, широко бытующее в публикациях на неизменном, как бы законсервированном на столетие виде найновозволюционистское понимание синтеза археологических и этнографических источников, исчерпывающееся субъективно-выборочным подбором примеров ("аналогов") и не отвечающее требованиям научной процедуры. Этот прием в подобной форме не дал ощутимых достижений, одновременно отглоттив исследовательское поле целой серией механических сопоставлений, а то и произвольных, порой даже анекдотических отождествлений. Навеваемое им впечатление широты и комплексности анализа чаще всего ложно и лишь маскирует актуальную задачу методологического совершенствования археолого-этнографических обобщений.

Уроки из сказанного выразились в принятии двух исходных для дальнейшего исследования установок.

В первую очередь, его необходимо предельно жестко фокусировать и строгаише ограничить анализом именно происхождения искусства как самостоятельной, исторически фундаментальной проблемы. Его цель определяется попыткой документального выяснения зарождения и становления творчества в ходе естественно-исторического процесса.

Далее, надо отказаться от аморфной стихийности исканий и, преднамеренно сужая мнимую широту охвата, начать изучение этого многопланового явления с углубленного историко-этнографического анализа, который образует отправную позицию будущей действительно комплексной программы. На текущее начальное положение обоснованно претендует историко-археологический аспект, направленный на формирование достоверной базы первосвидетельств по данной теме. Эту ограниченность и, вместе с тем, генетическую целенаправленность предлагаемого опыта на воссоздание эволюционного ряда исходных символическо-изобразительных действий, предшествующих анализу верхнего палеолита, нелишне еще раз подчеркнуть. Далее, для придания опыту определенного профиля и, что не менее важно, возможности контроля достоверности его конечных данных необходима постановка проблемы

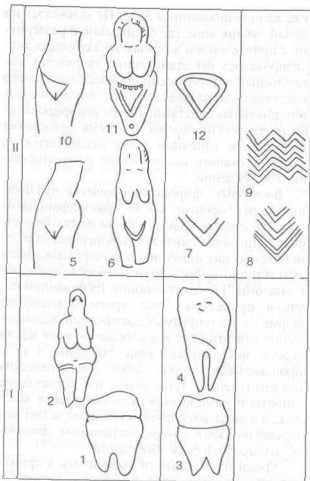

Рис. 1. Сюжетная (1,2,5,6,10,11), знаковая (3,4,7,12) и орнаментальная (8,9) передача женского образа в начале (I) и во второй половине (II) верхнего палеолита. 1,2 – скульптура Долнины Вестониче; 3,4 – гравировки Ла Феррасси; 5,10 – барельефы Англи-сюр-Англен; 6,11 – скульптура Мальты; 7,12 – знаки Мезина; 8,9 – орнаменты Мезина.

Fig.1. Naturalistic (1,2,5,6,10,11), ideographic (3,4,7,12), and ornamental (8,9) female representations of the early (I) and late (II) Upper Paleolithic. 1,2 – figurines, Dolni Vestonice; 3,4 – engravings, La Ferrassie; 5,10 – bas-reliefs, Angles-sur-Anglen; 6,11 – figurines, Malta; 7,12 – ideograms, Mezin; 8,9 – ornamental designs, Mezin.

со всей предельной ясностью ее условий (“что дано”) и точной цели (“что требуется доказать” – то есть выяснить).

Перевод проблемы в конкретную форму предметно-генетической задачи (см. Столяр 1985:96-122) включает установление качественной сложности явления и его составляющих (не только технико-исполнительский, но и историко-психологический фактор, определяемый всей интеллектуальной основой творчества). Существующими классификациями памятников древней изобразительной деятельности (более емкий и точный термин, чем “палеолитическое искусство”) учитывается дуализм монументального (изображения на стенах пещер) и малого (находки на стоянках) творчества, а также представленность в его тематике анима-

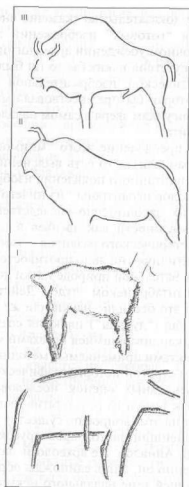

Рис. 2. Типолого-хронологические ступени эволюции профильного контура зверя в начале верхнепалеолитического анимализма: I – схематический контур (1 – Хорнос дела Пенья; 2 – Белькер); II – обобщенный контур (Пернон-Пер); III – детализированный контур (Ла Грез).

Fig.2. Stages in the typological evolution of the profile contour of the animal in the early Upper Paleolithic animatism: I – schematic outline (1 – Hornos de la Peña; 2 – Belcayre); II – generalized contour (Pair-non-Pair); III – elaborated contour (La Grèze).

листического цикла как основного и антропоморфного как дополнительного. Такие группировки пришлось дополнить принципиально важной, по существу проходящей через всю историю человеческого творчества развивкой комплексов – как анималистических, так и антропоморфных (рис. 1) – в соответствии с их психологической природой на три формы – сюжетную (обычно вольно именуемую реалистической или же натуралистической), знаковую и ритмично-орнаментальную. Из них ведущей с самого начала верхнего палеолита была анималистическая сюжетная линия, воплощавшая основные объекты коллективной охоты – решающего вида труда ледниковой эпохи.

Завершается вся постановочная процедура

выяснением того прочно утвердившегося в начале верхнего палеолита изобразительного решения, которое выполнило роль отправного звена всей последующей эволюции четвертичного анимализма. Происхождение именно такой искомой фигуры при полном генетическом объяснении всей ее специфичности должно сооставить основное ядро раскрытия проблемы.

Самые ранние изображения зверя неантропом, имевшие устойчиво канонический характер, удастся проследить в их закономерно-наследственном развитии. Такую возможность открывает серия стратиграфически датированных рисунков зверя в пещерах Франции — Абри Белькэр (ранний ориньяк), Пэр-нон-Пэр (ориньяк или перигор) и Ла Грез (пресольюте).

Анализ упомянутых выше рисунков подтверждает тезис первой периодизации изображений А. Брейля 1905-1906 гг. (в дальнейшем им же бесосновательно отвергнутой) о специфическом, так называемом раннеориньякском рисунке как генетическом основании плоскостного анимализма верхнего палеолита. Следовательно, прежде всего необходимо истиннонаучное объяснение всего пути становления самого элементарного исполнения подобного рисунка на заре ориньяка — схематичного профильного контура "двуногого" зверя, прочерченного пальцем по глине. Его эталонными образцами служат изображения из испанской пещеры Хорнос де ля Пенья.

Выделенная хронологическая-изобразительная цепочка (рис. 2), в которой первое звено (Хорнос де ля Пенья — Абри Белькэр) отделено от последнего (Ла Грез) примерно восемью тысячами лет (!), попутно открывает нам удивительную по подлинности и красочности характеристику творческого процесса в начале верхнего палеолита. Невообразимо долгая жизнь канона, обогащавшего лишь в ходе многовековой исполнительской деятельности и постепенно подымавшегося от понятийной схемы к первично художественному образу; исключительно коллективное авторство символической идеограммы, аккумулировавшей в себе умножающиеся усилия многих поколений, — таковы основные показатели этой своеобразной масштабной линейки вызревания способности к творчеству у *Homo sapiens*, разоблачающие несостоятельность умозрительной модернизации и спекулятивных рассуждений по принципу "pourquoi pas?".

Возвращаясь к ныне известному древнейшему рисунку человечества — составленной из семи штрихов лаконичной схеме быка Хорнос де ля Пенья (рис. 2, I, 1) — надо отметить, наряду с его технической простотой, несомненную архаическую зрелость, отвечающую уровню пиктографического знака и фиксирующую поня-

тийную емкость образного обобщения. Все это наделяет правомочностью лишь одно предположение — подобный рисунок имел исключительно солидную предысторию, и такой период "доискусства" в изобразительной активности должен был захватить, по крайней мере, последнюю в нижнем палеолите мустьерскую эпоху (около 90 000 — 40 000 лет назад), а, может быть, и финал предшествующей ей ашельской эпохи.

Однако поиск истоков эмбрионального символизма в культурах палеоантропа того же европейского региона, который так выразительно представляет верхнепалеолитическое творчество, нередко сразу же наталкивается на категорическое возражение. Такому прямолинейно автохтонному построению (согласно ему монополия создания искусства следует приписать прямым потомкам классических неандертальцев Европы) противоречит антропологическая гипотеза переднеазиатско-африканской прародины *Homo sapiens*'а. Приобретая все большую убедительность, она попутно, наверное, приводит к противоположному, исключительно миграционному крену в освещении сапиентации Европы. Такая односторонность вступает в противоречие с рядом фактов несомненного переживания неандертальских традиций (в том числе, и по разряду неутилитарной активности) в комплексах начала верхнего палеолита. Да и антропологически отдельные особи европейских неантропов (например, мужское погребение на стоянке Сунгирь, около 25 000 лет назад) достаточно долго сохраняли неандертальские особенности.

Поэтому наиболее вероятно на этом переломе истории представить многовековой всепроникающий процесс антрополого-культурной метисации, многообразного сплава, в котором интеллектуальный потенциал "южан" был совмещен с неандертальским опытом выживания в суровых условиях приледниковой провинции. Можно полагать, что такая взаимная адаптация послужила могучим толчком социального прогресса (возможно оказалась и одним из катализаторов окончательного утверждения экзогамии?) и, в частности, возгонки "натуральной" символической активности палеоантропа на собственно творческую, сапиентную ступень.

Всматриваясь под таким углом зрения в археологическое наследие европейского палеоантропа, кажется, удастся различить одну из наиболее значительных вех духовного антропогенеза — раздвоение характера материальной деятельности в позднем ашеле и, затем, в мустье. В виду имеется формирование в виде бокового побега от основного ствола жизненно необходимо "полезного" (преимущественно охотни-

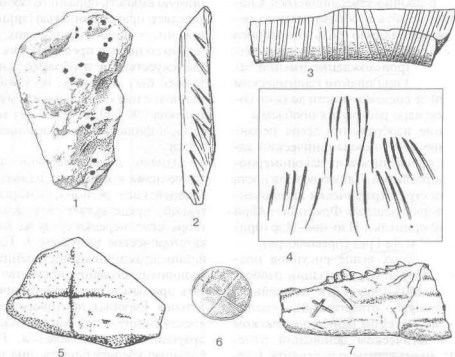

Рис. 3. Образцы знаково-иконографической системы палеоантропа: 1 — «чашечные углубления» на известняковой плите (длина около 75 см) из Ла Феррасси; 2 — гравированные углы на фрагменте кости (9 x 1,4 см) из пещеры Эрмитаж (Франция); 3 — гравированные группы параллельных линий на кости (длина 11,2 см) из Ла Феррасси; 4 — группы гриффада пещерного медведя на скале в пещере Кастильо; 5 — гравированный крест на известняковой плитке (длина 13 см) из Цонской пещеры (Грузия); 6 — прочерченная крестовидная фигура на нуммулите (диаметр 2,1 см) из Таты (Венгрия); 7 — гравированный крест на фрагменте нижней челюсти оленя (длина 11,8 см) из Вилена (ФРГ).

Fig. 3. Semantic and iconic system of the Neandertals: 1 — cup-like depressions on a limestone plate (length, about 75 cm) from La Ferrassie; 2 — engraved angles on a bone fragment (9 cm by 1.4 cm) from Hermitage Cave; 3 — groups of parallel lines engraved on a piece of bone 11.2 cm long from La Ferrassie; 4 — groups of cave bear griffades on a rock in Castillo Cave; 5 — engraved cross on a limestone plate (length 13 cm) from Tsona Cave, Republic of Georgia; 6 — engraved cross-like figure on nummulite (diameter, 2.1 cm) from Tata, Hungary; 7 — engraved cross on a fragment of a deer's mandible (length 11.8 cm) from Wyhlen, Germany.

чьего) труда начальных ростков неутилитарной (иначе — элементарно символической или зачаточной теоретической) активности.

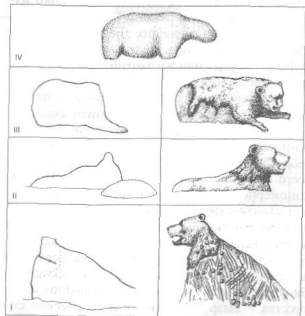
В культуре мустье прежде всего естественно обратить внимание на совершенно бесспорные знаковые символы, оставленные неандертальцем. Приблизиться к их исторически вероятной дешифровке можно лишь с помощью генетического объяснения каждого такого образца. Несмотря на единичность дошедших до нас изобразительных формул, в своей совокупности они составляют древнейшую знаково-иконографическую систему, прочно связанную единством социально-производственной семантики (Столяр 1985:124-138). С наибольшими основаниями они сопрягаются с кульминацией охоты на крупного зверя и передают уже в абстрагированно-типизированном изображении такие ее решающие приметы, как нанесенные зверю раны (два типа — округлые ямки и острые углы: рис. 3:1-2), увечье от когтей медведя (группы параллельных нарезок, производных от гриффада на стенах пещер; сравни рис. 3:3 и рис. 3:4), кровь (бесформенные пятна красной охры),

идеальная модель естественного метательного камня (так называемые сфероиды) и, возможно, знак окончания охоты и обрядовой разделки добычи («кресты»: рис. 3:5-7).

Этот разнообразный по исполнению знаковый репертуар знаменательно говорит о том, что культура неандертальцев уже обладала всеми основными средствами элементарной изобразительной техники — объемной обработкой, резными линиями и краской. Итак, одно из двух условий искусства — технический арсенал — было налицо. Но столь же очевидно, что в центре внимания был не сам зверь, а фиксация результатов, направленных на него решающих действий добытчиков. Подобные следы, как бы мысленно снятые с опять же воображаемого, но никак не обозначаемого тела, обобщенные и условно типизированные длительным ходом первичного абстрагирования, образовали почву для предметно-семантических знаков в древнейшей изобразительной деятельности. Во всем этом цикле не представлен второй (интеллектуальный) аспект рождения сюжетного анимализма — по строгим законам

Рис. 4. Генетические ступени (I-III) развития "натурального макета" на рубеже нижнего и верхнего палеолита (слева — сохранившиеся основы, справа — реконструкция): I — крепление головы зверя на естественном фигурном объеме (сталагмит Базау); II — соединение головы зверя и грубой лепной основы со столбообразной "шейей" ("холмики" пещеры Пеш-Мерль); III — фигурная лепка тела зверя, завершаемая его головой и накрываемая куском шкуры (монтепанский "медведь"); IV — завершающая весь цикл монументальная лепная анималистическая скульптура.

Fig. 4. Stages (I-III) of development of the "natural model" on the boundary between the Lower and Upper Paleolithic (left, preserved bases; right, reconstructions): I — animal's head attached to a natural three-dimensional object (Basau stalagmite); II — animal's head attached to a crudely sculptured basis by means of a pillar-like "neck" ("pillars" at Pech-Merle); III — sculptured representation of an animal's body with head on top, covered by a piece of skin (Montespan "bear"); IV — last stage: monumental animalistic sculpture.

культурной наследственности раннеориньякский рисунок никак не выводится из, конечно, охотничьей же по общему духу знаковой системы палеоантропа.

Зачаточные предпосылки генезиса целостного образа зверя складывались на совершенно ином направлении зарождающейся у неандертальцев специфической материальной деятельности, которая не подчинялась прямым жизненным потребностям и знаменовала собой, как и рассмотренные знаки, возникновение принципиально новой, неутилитарной, можно сказать, начально-теоретической активности. При такой ориентировке поисков корней анимализма самого пристального внимания в качестве "лабораторного образца" заслуживают давно известные, но до недавнего времени не оцененные по существу особые "медвежьи пещеры" неандертальца (среди хрестоматийных памятников наиболее известен Драхенлох в Швейцарии).

Их анализ выявляет предельно элементарную, естественную по применяемым средствам форму анималистического символизма. Суть этого "натурального творчества" заключалась в том, что неандертальцы обозначали особь добытого ими зверя характерными частями его туши — обычно головой и конечностями. Такие атрибуты практически становились изображительными знаками и сосредотачивались в специальных пещерных "хранилищах", образовав в них в течение веков целые "оссуарии" (Столяр 1985:118-179).

Вопрос о происхождении особых "медвежьих пещер", длительное время бывший предметом острых дискуссий, сейчас окончательно решен в пользу их символической функции

благодаря тщательным раскопкам пещеры Регурду (Франция). Одновременно выясняется широкое распространение аналогичных памятников (от Испании до Кавказа включительно), а также и то, что подобная практика распространялась не только на пещерного медведя, но и почти на весь состав охотничьей фауны мустье в пределах наиболее изученного ареала палеоантропа. Именно в этом обрядовом явлении "охотничьей пантомимы" обычно незамеченной оставалась ее изобразительная сторона, заключающаяся в простейшем способе обозначения отдельного зверя.

Натуральная изобразительная деятельность наблюдается в мустье уже в сложившемся и развитом состоянии (вплоть до помещения "натуральных" композиций в особые каменные конструкции). Разбор более древних комплексов позволяет наметить отдельные вехи ее генезиса в среднем и позднем ашеле (стойбища Торральба и Амброн в Испании, пещеры Азы и Кударо I на Кавказе, грот Лазаре во Франции). В мустьерском же виде "натуральное творчество" прослеживается и в самом начале верхнего палеолита (пещеры Югославии и Венгрии). Это указывает на его прямое продолжение неолитом и тем открывает возможности исторического объяснения некоторых якобы непознаваемых феноменов его "духовного производства" (например, расположение "картинных галерей" в крошечной мгле пещерных глубин) как инерционно-стойкого (на многие тысячелетия!) переживания мустьерских традиций.

"Натуральное творчество" не только бытовало на протяжении всего верхнего палеолита, сосуществуя с начальной художественной деятельностью, оно держалось в культуре всех последующих ступеней археологической и палео-

этнографической первобытности (широко известный “медвежий праздник” и его аналогии), реликтивно дожив до наших дней. В этой связи достаточно вспомнить интерьеры охотничьих залов во дворцах или же охотничьи трофеи, украшавшие кабинет Хемингуэя.

Натуральная охотничья пантомима палеоантропа, порожденная усложнением социального бытия и отмеченная емкой эмоционально-производственной семантикой, заключала в себе одно из высших исторических достижений всего антропогенеза – фундаментальное и закономерно обусловленное явление, глубоко подготовлявшее появление Homo sapiens. В этой многовековой активности, содержавшей эмбриональное единство будущего изобразительного и сценического творчества, все яснее видится исключительная по исторической глубине и территориальному размаху подпочва искусства – вызревание могучей творческой ситуации, в конечном счете чреватой рождением художественного анимализма.

Но при всей родоначальной значимости ашело-мустьерского натурального изобразительного труда протяженностью примерно в 200 000 лет (250 000 – 40 000 лет назад) вполне очевидна невозможность прямого перехода от его, скажем так, буквально натурализма к искусству неолитов. Этот перевал преодолевался качественной трансформацией изобразительных действий в единстве с подъемом уровня образного содержания творчества. Значение решающего переходного звена в этом процессе выполнила особая форма “натурального макета”, составившего вторую, динамичную, занявшую “всею” несколько тысячелетий фазу становления анимализма на рубеже мустье и верхнего палеолита (Столяр 1985:180-210).

Принцип этой формы заключался в соединении натурального атрибута (головы зверя вместе с куском шкуры) с подсобным объемом – сначала природным, а затем уже преднамеренно создаваемым и получавшим все большую выразительность. В эволюции такого решения, сначала развивавшего приемы “натурального творчества”, а в конечном счете отрицающего их, прослеживается система из трех последовательных звеньев (рис. 4): а) увенчание звериной головой природного фигурного камня (реконструкция мустьерского комплекса в итальянской пещере Бауза); б) сооружение “холмиков” из глины, на которых как на объемном основании размещалась голова зверя (комплекс “Осуария” во французской пещере Пеш-Мерль; наиболее вероятная датировка – начало верхнего палеолита); в) примитивная, в натуральную величину лепка всего тела зверя, завершавшегося его головой и накрывавшегося шкурой (хрестоматийно известный “медведь” из пеще-

ры Монтеспан во Франции; наиболее достоверна его принадлежность к предориньякской поро).

Весь ансамбль трех названных памятников, выделяющихся уникальной сохранностью, свидетельствует о том, что эти “макеты” служили важнейшим целевым компонентом (проще говоря, изобразительной мишенью) коллективной охотничьей пантомимы, уже выполнявшей специализированную роль (связь с инициационными испытаниями) в усложнявшейся программе социального наследования.

Что же касается единичных дошедших до нас первосвидетельств “макетной” фазы эволюции, то этот момент компенсируется обилием косвенных (то есть наследственно-пережиточных) показателей сущности данной ступени генезиса. К ним относятся: продолжение этой формы в материальной культуре неолитов (имеются в виду не только собственно макеты, но и традиция зооморфного завершения крыши жилища), отдельные изображения макетов и, особенно, специфические изобразительные решения, отражающие многообразные психологические рефлексы макетной практики в сознании. К последним принадлежат: отчленение в фигуре животного резной линией головы от туловища, отдельные изображения голов и туловища зверя как семантически самостоятельных образов и, еще чаще, обозначение на теле зверя “попоны” (изначально – наброшенной шкуры), сводящейся потом к орнаменту из шевронов. В свете глубокого и могучего воздействия опыта исполнения и коллективно-образного восприятия составных макетов на движение и кристаллизацию первобытной мысли все эти пестрые “реплики” восходят к единой первопричине. Они генетически объясняются как по разному развивавшиеся ветви образно-семантической фантазии, отпочковавшиеся от общего для них символического ядра – двухчастной символизации зверя.

Переломным моментом в развитии особого класса древних изобразительных решений оказалось создание искусственного объема из глины. Освоенная на заре верхнего палеолита лепка мощно и органично стимулировала обобщенно-образное видение, навыки ассоциирования и освоение изобразительной условности. При этом на заключительной фазе изготовления макетов с лепной основой (“медведь” Монтеспана) объективно создавалась полная, но только “безголовая” анималистическая фигура, постепенно приобретающая самостоятельное символическое значение. Освобождение таких моделей от натуральной оболочки и их завершение также лепной головой знаменовало отрицание старой формы новым содержанием (то есть собирательно-условным образом). Так

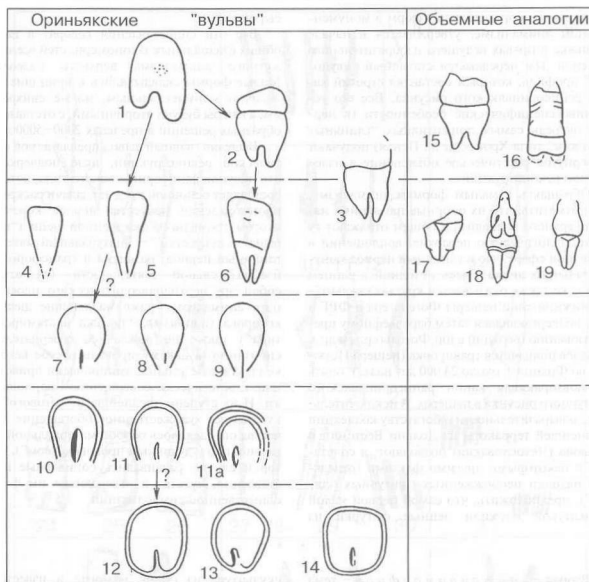

Рис. 5. Ориньякские знаковые "вульвы" (1,7 – Абри Селье; 2-6,11,12 – Ла Феррасси; 8,9,14 – Бланшар; 10 – Фонгал; 11а – Кастане; 13 – Горж д'Анфер) и их семантические объемные аналогии (15,16,18,19 – Долни Вестониче; 17 – Линзенберг).

Fig.5. Aurignacian signs of "vulva" (1,7 – Abri Cellier; 2-6,11,12 – La Ferrassie; 8,9,14 – Blanchard; 10 – Fongal; 11a, Castanet; 13 – Gorge d'Enfer) and their semantic two-dimensional parallels (15,16,18,19 – Dolni Vestonice; 17 – Linsenbergl).

в итоге макетного цикла появляется примитивно-монументальная глиняная скульптура (рис. 4, IV) – начальная искусственная форма во всей перспективе становления верхнепалеолитического анимализма.

Подобной скульптурой открывается третий, заключительный этап генезиса элементарных изобразительных форм, который также можно назвать, имея в виду основное сырье творчества, *глиняным периодом* (Столяр 1985:211-226). Его ключевые, генетико-типологические вехи выявляются прежде всего на основе анализа остатков объемных произведений из глины галереи Кастере Годена в пещере Монтеспан. Здесь "перезревший" макет медведя находит продолжение в массивных, очень грубо сформованных фигурах, от которых сохранились лишь отдель-

ные фрагменты. Переход к следующему звену начинается с исполнения модели, "прислоненной" одним боком к скальной стене и опирающейся на нее. Этот прием не только позволил до этого распластанную на полу фигуру поставить на ноги, но и создал технические и интеллектуальные предпосылки постепенного уплощения лепки. Таким путем возник барельефный профиль, воспроизводящий одну сторону звериного тела с двумя ее ногами. Но образованием барельефа эта тенденция не была исчерпана – конечное уплощение односторонне выпуклых фигур наделяло основной изобразительной функцией линию внешнего контура, пророченного пальцем по глиняному "полотну".

Контур, завершающий собой генезис эле-

ментарных изобразительных форм в монументальном анимализме, утверждается в начале ориньяка в правах ведущего изобразительного решения. Им передавался статичный “двуногий” профиль, который составлял строгий канон раннеориньякского рисунка. Все его устойчиво-специфические особенности (в первую очередь самых примитивных “глиняных чертешей” типа Хронос де ла Пенья) получают развернутое генетическое объяснение в изложенной реконструкции.

Обращаясь к малым формам анимализма, надо отметить, что их опорные памятники начала верхнего палеолита в общем отражают ту же хронологическую иерархию воплощений в сюжетной сфере, что и глиняный период монументального цикла. Здесь исходной в раннем ориньяке также оказывается круглая скульптура (нижний слой пещеры Фогельгерд в ФРГ и др.), подвергаясь затем барельефному преобразованию (верхний слой Фогельгерда и др.). Позднее появляется гравировка (пещера Истюрц во Франции, около 24 000 лет назад), опять же повторяющая канон раннеориньякского контурного рисунка в пещерах. А исключительные по выразительности и богатству коллекции древнейшей терракоты из Дольни Вестониц и Павлово (Чехословакия) позволяют, в сочетании с некоторыми другими фактами (отдельные находки необожженных “фигурных плиток”), предположить, что самой первой малой скульптурой служили лепные фигурки из

сырой глины.

Все эти сопоставления говорят в пользу общих стадийальных закономерностей всего сюжетного анимализма верхнего палеолита. Малые формы складывались в принципе аналогично монументальным, но не синхронно им, а как бы будучи вторичными, с отставанием образных решений в пределах 2000–5000 лет.

Выделяя главный вывод предлагаемой генетической реконструкции, надо подчеркнуть, что рисунок раннеориньякского типа, который составляет основной предмет задачи раскрытия происхождения искусства явился конечным итогом громадной трехчленной цепи (“натуральное искусство” — “натуральный макет” — глиняный период) развития и трансформации изобразительной деятельности. Он открыл собой эру верхнепалеолитического плоскостного анимализма, даже малленские шедевры которого (например, “фреска альтамирского типа”) также не рождались созерцательно-спонтанно, а аккумулировали в себе вековые коллективные усилия, эмпирически приводившие к эстетически совершенным воплощениям. И на ступени древнейшего “готового” искусства все художественное обогащение творчества определялось особой материальной деятельностью (“духовным производством”), в которой слитно развивались социальные представления, чувства и отвечающие им формы общественной символизации.

* * *

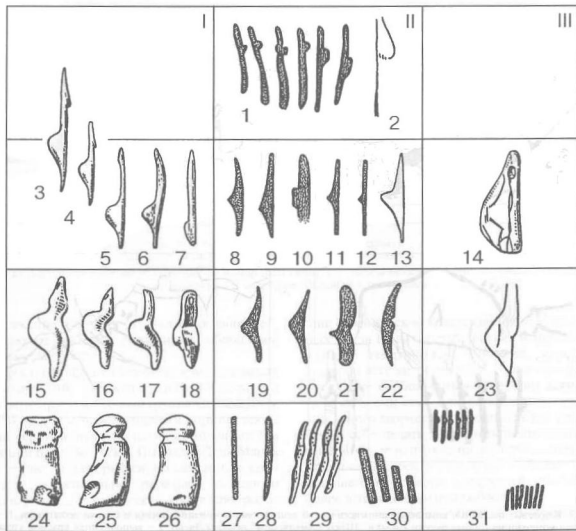
Вторая — *антропоморфная* — тема верхнепалеолитического репертуара преимущественно олицетворялась образом женщины (Абрамова 1966). Сейчас ее доориньякские предпосылки можно наметить только предположительно (возникающая у неандертальцев погребальная практика и др.). Поэтому начинать историю этой темы приходится со ступени образования элементарных изобразительных форм.

Первичной в сюжетной реализации собираемого образа человека оказывается малая

скульптура из бивня мамонта и известняка (развитый ориньяк и поздний перигор). Ретроспективные же свидетельства (опять же терракота Дольни Вестониц, Павлово в Словакии, Майны в Сибири и др.) позволяют допустить, что самые ранние фигурки изготавливались из сырой глины, которая, по-видимому, вообще составляла исходный материал для объемного творчества человечества. Круглая скульптура, господствующая здесь вплоть до конца мадлена, в процессе изобразительного развития дополняется сначала отдельными каменными (в

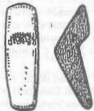
Fig. 6. Знаковые воплощения женского образа в финале верхнего палеолита: I — “знаковая” скульптура; II — плоскостной знак; III — семантические аналогии. 1, 27, 34 — Пиндаль; 2 — Тюк д’Аудубер; 3-5 — Небра; 6-7 — Гённердорф; 8-10, 19, 20 — Ла Пасега; 11-13, 22, 36-39, 41 — Альтамира; 14 — Сот-до-Перрон; 15-18 — Петерефелье; 21 — Байоль; 23 — Ла Кроз-а-Гонтран; 24, 25 — Пршедмости; 26 — Ню; 28 — Монтеспан; 29, 32, 33 — Межиричи; 30 — Куллавера; 31 — Красный Яр; 35 — Елкниц; 40 — Пеш-Мерль; 42 — Кенигзеэ Гарзит; 43, 44, 46 — Плакар; 45 — Лурд; 47 — Машцкая; 48 — Ляско; 49, 50 — Фонтарно. Изображения показаны как примерно равновеликие и одинаково ориентированы (слева направо повернуты фигуры 13, 21, 37 и 39).

Fig. 6. Female ideograms of the final Upper Paleolithic: I — “ideographic” sculpture; II — two-dimensional sign; III — semantic parallels. 1, 27, 34 — Pindal; 2 — Tuc d'Audoubert; 3-5 — Nebra; 6-7, Gönnerdorf; 8-10, 19, 20 — La Pasiega; 11-13, 22, 36-39, 41 — Altamira; 14 — Saut-du-Perron; 15-18 — Petersfels; 21 — Bayol; 23 — La Croze-à-Gondran; 24, 25 — Przedmostki; 26 — Niaux; 28 — Montespan; 29, 32, 33 — Mezirichy; 30 — La Cullavera; 31 — Krasny Yar; 35 — Elknitz; 40 — Pech Merle; 42 — Königsee-Garsitz; 43, 44, 46 — Placard; 45 — Lourdes; 47 — Maszycka; 48 — Lascaux; 49, 50 — Fontarnaud. Representation are shown as if they were of equal size and oriented likewise (figures Nos. 13, 21, 37, and 39 are turned from left to right).

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

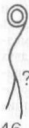
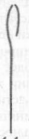
44

45

46

47

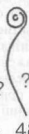
48

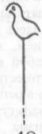
?

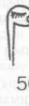
?

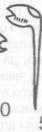
?

49

50

51

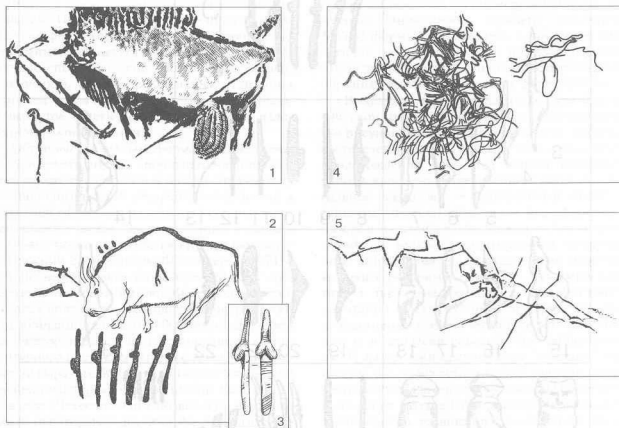

Рис. 7. Ключевые пещерные комплексы анимистической дешифровки концепции жизни и смерти неолита. 1 – на- скальная композиция (общая высота 1,4 м) в “Шахте с мертвецом” пещеры Ляско; 2 – выполненная красной краской и гравировкой композиция (длина 90 см) из пещеры Пиндаль (повернута справа налево); 3 – стилизованная женская скульптура (высота 9 см; Долни Вестониче) – объемнознаковая “клавиформа”; 4 – правая часть (в левой – изображе- ния зверей) рисунков на глине Потолка иероглифов в пещере Пеш-Мерль (высота нижней женской фигуры с птицеоб- разным лицом и “крылышками” – около 90 см); 5 – выполненная красной краской композиция на потолке Галереи жи- вописи пещеры Пеш-Мерль; пронзенная восемью копьями мужская фигура (высота 55 см) с птицеобразным лицом, над ней – знаки птицы (“авиаформы”).

Fig. 7. Key Upper Paleolithic cave compositions showing the animistic interpretation of life and death. 1 – rock composition (total height, 1.4 m) in “The Dead Man’s Mine” at Lascaux Cave; 2 – composition at Pindal Cave (red paint and engraving; length, 90 cm, turned right to left); 3 – stylized female figurine (height, 9 cm) from Dolni Vestonice (three-dimensional ideographic “claviform”); 4 – right part of drawings on clay (in the left part, animals are represented), Ceiling of Hieroglyphs at Pech-Merle (the height of the bottom female figure with bird-like face and “winglets” is about 90 cm); 5 – composition in red on the ceiling of the Painting Gallery at Pech-Merle; man with bird-like face, pierced with eight spears (height, 55 cm); above it, ideograms of bird (“aviforms”).

том числе монументальными, исполненными в пещерах) барельефами (финальный ориньяк), а затем уже эпизодически редко малыми гравировками (со среднего солютре).

Итак, в целом эта эволюция характеризуется той же последовательностью форм, что и анимализм. Только здесь развитие отличалось особым запаздыванием, значительной замедленностью, да и слабой выраженностью двух последних звеньев (то есть барельефа и гравировки), а его начало в раннем ориньяке, вероятно, покоилось на заимствовании лепки у глиняной фазы анимализма.

Зато знаковая форма получила в антропо-

морфом цикле значительно большее выраже- ние, чем в анимализме. Контекст антропо- морфных знаков прослеживается уже в раннем ориньяке (рис. 5) и особенно обогащается к мадлену (рис. 6). В плане “теоретической”, а не сексуально-чувственной ориентировки семантики показательны также разнообразные “комбинированные” изображения, для которых наиболее типично соединение в одном произведе- нии женских и мужских атрибутов. Такими “пластическими каламбурами” (определение, принятое в западной литературе) в действи- тельности, вероятно, с помощью суммирова- ния символов материализованно утверждалось

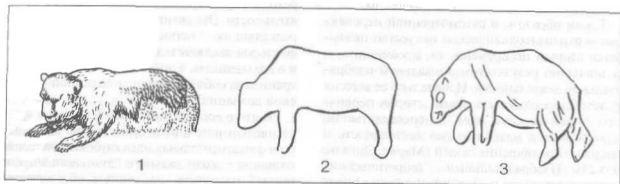

Рис. 8. Узловые формы генезиса палеолитического анимализма (по теме медведя): 1 – “натуральный макет”; 2 – раннеориньякский профильно-контурный рисунок; 3 – верхнепалеолитическое художественное изображение.

Fig.8. Key stages in the evolution of Paleolithic animalism (bear motif): 1 – “natural model”; 2 – early Aurignacian contour drawing in profile; 3 – later Upper Paleolithic representation.

комплексное понятие о “человеке вообще”, передающее высшее социальное обобщение эпохи неолитического анимализма.

Проступающий в подобных криптограммах семантический стержень подтверждается и конкретизируется другими группами изображений. В их числе особое значение принадлежит целой серии монументальных композиций (во Франции пещеры Ляско, Пиндаль, Пеш-Мерль и др. – рис. 7), которые своим связанным контекстом выразительно передают основную идею верхнепалеолитической концепции родового бытия (Столяр 1985:248–257).

Всем этим выявляется гносеологическая направленность и анимистическая основа отвлеченного образа “женщины вообще”. Именно он дал исторически доступный, обусловленный ходом развития мысли (специфика первичного абстрагирования) способ осмысления и фантастического объяснения социальной действительности – ее главнейших устоев и динамики (вечное единство коллектива, постоянно возобновляемого в нескончаемом круговороте жизни и смерти), а также важнейших активных связей с внешним миром (доминанта овладения зверем как источником существования). Та же преимущественно смысловая, отвлеченно логическая функция женского образа, уступающего по эмоциональному заряду основному руслу анимализма, оказалась коренной причиной известной ограниченности эстетических достижений всего антропоморфного цикла в целом.

Резюмируя общую оценку изобразительной деятельности как фактора развития сознания, подчеркнем ведущую тенденцию многоступенчатой эволюции анималистических символов от ашеля и до ориньяка.

Первые, нижнепалеолитические звенья этого восхождения, особо зримо показываю-

щие органическое влечение мышления в процессе труда и слитность действия и мысли в начальном генетическом единстве, маркируют великую веку антропогенеза – выделение и закрепление особой (символической) активности. А за всеми ступенями становления изобразительного творчества, до ориньяка не несущими на себе печать эстетической аранжировки, таится общее направление прогресса сознания, поднимающегося “от эмпирии к общему” и создающего на каждой следующей отметке все более высокие образные обобщения.

Такой вектор первотворчества особенно явно обнаруживается при сопоставлении крайних отрезков цепи диалектической трансформации анималистической символики, отталкиваясь от материалов “медвежьих пещер” (рис. 8) и их аналогов. Здесь непосредственное отражение эмоционального накала коллективной охоты реализуется в начальном опыте “естественных” изобразительных действий, достигающих своего апогея в развитых “натуральных макетах” монтепанского типа. Перезревая и наполняясь новым, более обобщенным и условным содержанием, они сбрасывают первично природную оболочку. В конечном счете в цепи эволюции это звено отрицается его абсолютной противоположностью – дематериализованным абстрактно-схематичным контурно-профильным рисунком на глинке, представляющим логическую формулу понятийного уровня и емкости. На подобной основе постепенно, начиная со среднего ориньяка, формируется первичный художественный образ и новое восприятие, насыщаемое эстетической оценкой, сменяет предшествующее имитационно-охотничье отношение (“натуральная пантомима”) к древнейшим анималистическим символам. С этой отметки начинается эстафета исторически своеобразного искусства ледникового периода,

знаменующего особенно прогрессивный сдвиг в культуре седой древности человечества.

Таким образом, в рассмотренной перспективе верхнепалеолитическое искусство оказывается вторым по времени, да, несомненно, и по значению результатом эпохальной изобразительной деятельности. Изначально ее миссия представляла одну из ведущих сторон первичного "производства идей", непосредственно включенного в материальную деятельность и материальное общение людей (Маркс, Энгельс 1955:24). Изобразительный, "теоретический" по направленности и содержанию труд в эпоху палеолита выполнял роль важнейшего катализатора всего подъема синкретичного "образно-

абстрактного" мышления как исторически переходного к современному типу умственной деятельности. Эта активность входила в число определяющих, непосредственно социальных факторов заключительной фазы антропогенеза и в дальнейшем, в эпоху неоантропа, также сохранила за собой значение подлинной "мастерской сознания".

В итоге всеми этими свидетельствами археологических источников существенно подкрепляется фундаментальная идея глубокого историзма сознания — колоссального "духовного антропогенеза" палеолита, во многом обусловившего осуществление феномена человека.

- Абрамова, З.А. 1966. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. Москва Ленинград.
 Айналов, Д.В. 1929. Первоначальные шаги европейского искусства // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры II. Ленинград.
 Маркс, К., Ф.Энгельс. 1955. Немецкая идеология. Сочинения. Т. 3. Москва.
 Окладников, А.П. 1967. Утро искусства. Ленинград.
 Столяр, А.Д. 1985. Происхождение изобразительного искусства. Москва.
 Фрезер, Дж. 1985. Фольклор в Ветхом Завете. Москва.
 Bahn, P.G., I. Veriut. 1988. Images of the Ice Age. New York, Oxford.
 Breuil, H. 1911. Les Cavernes de la Région Cantabrique (Espagne). Monaco.

- Boucher de Perthes. 1847 (1849). Antiquités Celtiques et Antédiluviennes. I. Paris.
 Grand, P.M. 1967. Prehistoric Art. Palaeolithic Painting and Sculpture. Greenwich, Connecticut.
 Graziosi, P. 1956. Die Kunst des Altsteinzeit. Florenz.
 Laming-Emperaire, A. 1962. La signification de l'art rupestre paléolithique. Méthod et applications. Paris.
 Luquet, G.-H. 1926. L'art et la religion des Hommes fossiles. Paris.
 Molleson, T.J., K.P. Oakley, J.G. Vogel. 1972. The Antiquity of Human Footprints of Tana della Basura // Journal of Human Evolution 1.
 Oakley, K.P., B.G. Campbell, T.J. Molleson. 1971. Catalogue of Fossil Hominids. Part II (Europe). London.
 Ucko, P.J., A. Rosenfeld. 1966. L'Art paléolithique. Paris.

ORIGINS OF ART AS AN ARCHAEOLOGICAL REALITY

The submarine gallery at Cosquer, the black panels of Chauvet... Every discovery of a new cave "museum" is met with enthusiasm and becomes a sensation of modern cultural life. However, cheerful reaction to each separate find is eclectically combined with an almost complete lack of scholarly interest in the origins of the entire phenomenon of human creative activities in the Pleistocene, an event of immense significance for all future cultural history. The extraordinary nature of this early artistic insight and the apparent futility of almost century-long attempts at its interpretation have turned the origins of art into an eternal mystery of the universe, one which is insoluble in principle.

Upper Paleolithic art has thus become something of a miracle, an extra-historical

phenomenon. This view, however, stands in sharp contradiction with the current tendency in mankind's self-cognition: to emphasize the evolutionary nature of creative mind (Teilhard de Chardin, Le Roy, Vernadsky).

This makes it especially important to integrate the rich experience in reconstructing the origins of human intellect. The methodological foundations of our work, which is largely hypothetical, are shared by a number of writers, W. Davis (1986) being an example. Our principal postulate is that art was rooted in the Lower Paleolithic, and that it concluded a long process of accumulation and transformation of specific nonutilitarian activities, ultimately culminating in the use of images.

Three traditional archaeological hypotheses trying to explain the origins of art, namely those of

"macaronis", or "meanders" (H. Breuil, 1911), "hands" (G.-H. Luquet, 1926), and "natural forms",

or "lusus naturae" (J. Boucher de Perthes, 1847-49), have all become entirely obsolete. None of them has been supported by a single piece of new evidence (P. Graziosi, 1956; P.J. Ucko, A. Rosenfeld, 1966, a.o.). Their theoretical basis is highly deficient; in fact, they can be described as worst examples of commonsense thinking. What they basically tried to claim was that the very first artistic acts of Paleolithic man, which allegedly resulted in perfect works of art, were motivated by a spontaneous and momentary inspiration of separate individuals.

But has the rejection of these speculations made the matter hopeless? Should Pleistocene art really be conceived of as an eternal play of mysterious forces? Or, on the contrary, more effort should be made to understand why the explanation attempts have failed and to find new approaches based on archaeological data alone?

The first step in this direction would be to formulate the problem in more rigid terms. Because the art phenomenon is highly complex, one cannot expect to understand it considering only the performance techniques but leaving out of account the psychological evolution, the intellectual essence of these activities. For that reason, the existing classifications of the earliest works of art should be supplemented by one more important psychological criterion, according to which three groups of representations can be established: (1) those usually described as realistic, or naturalistic, (2) signs, and (3) representations of a rhythmic or ornamental nature (fig.1). The principal one since the earliest Upper Paleolithic was the first group, which includes representations of animals, the objects of collective hunting, the principal activity of Paleolithic man.

The preliminary stage of the study is completed with the definition of the nature of the earliest representations of animals in the Upper Paleolithic. The development of this stable artistic canon over a period of 8,000 years or so makes it possible to establish a series of stratigraphically datable standards (fig.2): engravings at La Grèze (pre-Solutrean), Pair-non-Pair (Aurignacian or Perigordian), and representations made by percussion technique at Abri Belcayre (early Aurignacian). According to typological and technical criteria, the Belcayre quasi-engraving should be preceded by a very similar, although technically simpler, contour at Hornos de la Peña (a "two-legged" bull drawn with a finger on clay). This tentative chronological series supports Breuil's first periodization of 1905-06, later rejected by himself, based on the assumption that the early Aurignacian drawing was the prototype for all the Upper Paleolithic two-dimensional animalism.

The same approach, it appears, can be used to solve the entire problem. That is, one can reconstruct successive stages which would

ultimately and necessarily (provided that our assumptions regarding the "natural" course of artistic evolution are true) result in a certain type of representations, whose main feature is a rigidly two-dimensional ("two-legged") static profile completely devoid of details.

Viewed in the perspective of a "normal" development of culture, this earliest, but already mature, although archaic, drawing made by the Upper Paleolithic man must have concluded a very considerable prehistory of art: a period of unknown duration, marked by nonutilitarian activities of the final Lower Paleolithic, those which should be described as pre-art.

However, one who is searching for any sorts of rudimentary symbolism in the Mousterian of Europe, a region which later became the core area of Upper Paleolithic art, is faced with one crucial difficulty. If, in fact, the development was autochthonous, implying that art was created solely, or largely, by the descendants of European Neandertals, then what about the African homeland theory which, using a number of irrefutable facts, speaks in favour of population replacement, especially in Western Europe? Given that a number of demonstrably Middle Paleolithic traditions, including those related to nonutilitarian activities, are observed in early Upper Paleolithic assemblages, the rigidly migrationist view should probably be regarded as biased. Also, some Upper Paleolithic populations, like the Sungir people who lived only 25,000 years ago, seem to have retained certain biological characteristics of the Neandertals.

These facts indicate that extensive mixture, both biological and cultural, was the crucial factor in the interaction process that involved the high intellectual potential of migrants who had arrived from the south and the adaptive skills of the aborigines who had accumulated a rich experience of coping with harsh conditions of the periglacial zone. Such coadaptation could provide a powerful stimulus for social progress (maybe including a final shift to exogamy) and, possibly, for the transition from the "natural" symbolic activities of the Neandertals to art proper, an inherent characteristic of modern Homo sapiens.

Viewing the Middle Paleolithic legacy in this perspective, one apparently begins to discern one of the most important phenomena of mental evolution: the duality of material activities in the late Acheulean and, later, in the Mousterian. Specifically, the principal stem of "utilitarian" practices (mainly hunting) gives an offshoot in the form of early nonutilitarian (rudimentary symbolic or prototheoretical) manifestations.

First and foremost, one should consider the indisputably semantic Mousterian representations (fig.3). They can be tentatively interpreted as a semantic unity, the earliest iconic system focusing

on big game hunting. Carving, percussion and painting with red ochre indicate that the Neandertals had mastered the principal artistic techniques. This alone, however, does not appear to be a sufficient basis for the "early Aurignacian" drawing. First, the image of the animal should have crystallized.

The second source of the "realistic" animal style was provided by elementary symbolic actions. Their beginning is evidenced by the famous bear caves whose ritual nature has been firmly established by excavations at Regourdou, France. These sites represent the first stage, which might be described as the simplest NATURAL ART using real bodily parts (head or extremities) of the animal as natural "signs" denoting the animal itself. Natural art concluded the evolution of the hunting pantomime, which was the syncretic source of future expressive and graphic acts. The earliest assemblages of that type date from the Acheulean and include parts of elephants' carcasses at Torralba and Ambrona, Spain, and heads of carnivores at Lazaret, France (wolf), Azykh and Kudaro I, Caucasus (bears). The same Middle Paleolithic tradition continued into the Upper Paleolithic (caves in Hungary, Yugoslavia, and elsewhere) and, moreover, survived virtually up to the present in the form of the famous bear festival.

The characteristic features of the second stage, coinciding with the boundary between the Middle and the Upper Paleolithic, were a greater dynamics of intellectual transformation and, ultimately, the rejection of the initial literal naturalism by the use of images resulting in a primary generalization. The principal artistic form of that stage was THE NATURAL MODEL (fig.4). Representing the objective of the hunting act within the program of the initiation pantomime, such a model combined the real head of an animal with a conventional idea of its body mass. The latter was at first substituted by some natural object like the stalagmite integrated into a Mousterian association at Basua, Italy. Later, after the artistic practices had been radically enriched, the animal's body was rendered by clay "hills" in the ossuary at Pech-Merle, and later, by the famous "bear" in the Casteret-Godin gallery at Montespan.*

Because the development of animalistic sculpture was accompanied by the enrichment of

perception based on images, it eventually became unnecessary to supplement the body model with a real head and skin of the beast. Thus the evolution of the model resulted in a crude and monumental life-size clay sculpture. This primary artificial form of animalism marked the transition to the third, final stage of art formation. Its essence was the evolution of elementary artistic forms. With regard to the principal material used, this epoch might be called THE CLAY PERIOD.

Because unbaked clay is so ephemeral, the Clay Period is yet a missing link. Its principal feature must have been a large figure of an animal (a direct derivative of the natural model) leant against the cave wall and thus opening a way to the flattening of the body and ultimately to a bas-relief side-view representing a static "two-legged" figure. This evolutionary sequence can be tentatively reconstructed on the basis of pieces of modelled clay at Casteret-Godin gallery of Montespan and some later replicas like clay bas-reliefs at Tuc d'Audoubert and Bédouillac which are already developed and worked out in detail. Partial dematerialization (gradual flattening of the body) ultimately resulting in a static profile bas-relief, and the concomitant enrichment of perception by the introduction of conventional imagery placed maximal emphasis on the contour line drawn with the finger on clay.

So the final outcome of the tripartite evolutionary sequence (Natural Art - Natural Model - Clay Period) culminating in the upsurge of symbolic thinking in the earliest Upper Paleolithic was a clay "draft" of Hornos de la Peña type. All its inherent features (see above) can be easily interpreted when viewed in that perspective. Conceptual in the semantic sense (the main aim being evidently to depict a generalized representative of an animal species) and schematic in manner, these drawings had prepared a basis for the aesthetic "germination" of the naturalistic symbol of the animal. While Pair-non-Pair engravings mark the beginning of this sublimation process, its more mature stage, one that had reached the level of an artistic image, is seen in the elaborately stylized bison at La Grèze.

Origins of the Upper Paleolithic naturalistic animalism were examined here using mainly monumental art. Small works, as we have

* Several writers, including K.P. Oakley, and T.J. Molleson (1971), T.J. Molleson, K.P. Oakley, and J.G. Vogel (1972), denied the Mousterian age of Basua and insisted that the site was actually younger. Yet the published absolute dates do not disprove the suggestion that the cave was used in the Middle Paleolithic, as evidenced by footprints, clay "balls", etc. They do conflict, however, with other absolute dates (some suggesting final Upper Paleolithic or even Holocene age) given by the same authors. Some writers, including H. Delpont (1986), P.G. Bahn and J. Vertut (1988) have expressed disagreement with our view (based on the supposed evolutionary sequence of natural models) that the Montespan "bear" must be dated to the early Upper Paleolithic. However, the traditional late Magdalenian attribution of this unique site is not supported by a single piece of evidence and should be regarded as an example of scholarly folklore.

demonstrated, were secondary, in that their roots do not reach deeper than the elementary forms of art itself. A number of small works can be shown to derive from monumental prototypes, with which they share certain stage-specific features, evidencing a tremendous psychological impact of cave art.

The same applies to the second category of Upper Paleolithic representations, those which are anthropomorphic and focus on a generalized image of woman. They, too, are much less deeply rooted in Middle Paleolithic practices than are monumental representations of animals (leaving aside the Neandertal funerary rites which, in very broad terms, might be viewed as a prerequisite for the human theme in art). The most ancient human representations, contemporary with the Clay Period of animalism, are the earliest Venuses (some of which were apparently made of clay) and the earliest signs. While the sequence of artistic forms was roughly the same as with animal representations (sculpture-bas-relief-drawing), figurines of women exist throughout the Upper Paleolithic, and the rate of their evolution was apparently slower. This may be due to the fact that, unlike animal images, the generalized image of woman, showing exaggerated bodily features, was associated not so much with the emotional sphere as with that of cognition, providing man with a possibility to create the first conceptual explanation of the world. The abstract and spiritual nature of this theme is also evidenced by a very wide distribution of "female" ideograms (fig.5), which were especially popular in the late Magdalenian (fig.6).

The semantics of these signs becomes more

apparent if we consider unique cave compositions like Lascaux, Pindaf, Pech-Merle, etc., which have never been analyzed in this respect. The final conclusion concerning the animistic nature of this image of the Great Foremother is upheld by a new interpretation of a peculiar group of small drawings (especially noteworthy is the relation between the female symbol and the bird, an allegory of the soul). This image, polysemantic like social life itself, was boundless in its theoretical functions. It cemented the eternal unity of generations in a human group and contained the first philosophical interpretation of the inevitable interchange of life and death not merely by providing a fantastic explanation of man's relationship with nature, but also by arranging this relationship in the best possible way.

The general, and unexpected, conclusion of our study is that at the time-depth of 200-250 thousand years one can already see the emergence and, subsequently, the development of artistic activity, which was the crucial element in the evolution of human mind, a unique "workshop of consciousness" that largely determined the human phenomenon. In this system (fig.8), the aesthetic arrangement of abstract symbols and the birth of the artistic image of the animal are not the first, but the second (both in time and importance) outcome of man's mental evolution, one that met the increased needs of social intellect. However, by maintaining that art is secondary by origin, we are in no way trying to disparage its role. On the contrary, art is now seen to be the peak event in the evolution of Homo. In the entire perspective of man's spiritual development, it was beauty that made man truly human.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

REVIEW ARTICLES AND BOOK

REVIEWS

ДО ЛЯСКО

Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Palaeolithic.
H.Knecht, A.Pike-Tay, R.White (Eds.). X+304 pages, illustrations. 1993.
Roca Raton, FL: CRC Press.

Совершившийся в последние десятилетия отход от традиционных представлений о синхронности и жесткой взаимообусловленности таких событий, как появление культур верхнего палеолита и возникновения людей современного физического типа, неизбежно должен был повлечь за собой попытки переосмыслить привычные для археологов схемы культурного развития в преистории. Так и случилось. К многочисленным дискуссиям, ведущимся в палеолитоведении, добавилась еще одна: дискуссия о сравнительной значимости рубежей, отделяющих средний палеолит от верхнего, с одной стороны, и раннюю пору верхнепалеолитической эпохи от поздней ее поры, с другой. Особенно решительно на переоценке относительного значения поведенческих изменений, происходивших в названные периоды, настаивает группа американских археологов, лидерами которой являются Лауренс Страус и Джеффри Кларк. Суть их воззрений выражена в одной из недавних работ Кларка предельно четко. "В культурной эволюции, — пишет он, — граница между ранним верхним палеолитом и поздним верхним палеолитом около 20 тысяч лет назад начинает казаться более важным поведенческим "Рубиконом", чем традиционная граница между средним и верхним палеолитом около 40 тысяч лет назад (Clark 1991:107-108). Археологические данные, по мнению Кларка и его сторонников, свидетельствуют о том, что лишь с переходом этого "Рубикона" человеческое поведение приобретает "полностью современный" характер, что проявляется в усложнении способов и средств жизнеобеспечения (в частности, в нарастании "плановости" хозяйства, в развитии трудовых технологий, ориентированных на перспективу, на длительное поддер-

жание особо ценных предметов в рабочем состоянии, в переходе от "немедленного" потребления к "отложенному" и, как следствие этого, к хранению припасов), широком использовании разного рода символики, возникновении искусства и так далее.

Естественно, что столь явный вызов устоявшимся представлениям не мог остаться без ответа. Появились работы, имеющие целью доказать, что культура и, следовательно, поведение людей начала верхнего палеолита характеризуются, если сравнивать со второй половиной этой эпохи, ничуть не меньшей степенью сложности и тоже могут рассматриваться, как "полностью современные" по своей внутренней природе. Одной из наиболее значительных попыток аргументировать данную точку зрения как раз и является рецензируемый сборник, задуманный, по словам его соредакторов, именно в противовес "ведущей в ложном направлении тенденции" рассматривать ранний верхний палеолит (до максимума последнего гляциала около 18 тысяч лет назад) как нечто более простое и зачаточное по отношению к позднему верхнему палеолиту. Книга названа "До Ляско" и все 16 входящих в нее статей посвящены культурам начала и середины верхнепалеолитической эпохи (ахмариан, селет, богунизиан, шательперрон, ориньяк, граветт, солиотре) и не затрагивают более поздних материалов.

По мнению соредакторов сборника, введенному во введение, изданная ими книга демонстрирует, что уже по меньшей мере за 20 тысяч лет до того, как на стенах пещеры Ляско появились живописные произведения, "возникли культурные системы, которые следует, вероятно, считать столь же сложными в организационном, технологическом и интеллекту-

альном отношении, как таковые позднего верхнего палеолита". Правда, при ознакомлении со сборником возникает впечатление, что на самом деле авторы вошедших в него статей весьма расходятся во мнениях на этот счет, и некоторым из них, как кажется, ближе альтернативная точка зрения, нежели та, что декларируется во введении.

Первые четыре статьи посвящены ранним верхнепалеолитическим индустриям Ближнего Востока (Э. Маркс), Центральной Европы (И. Свобода, М. Олива) и Кантабрийской Испании (Ф. Берналдо де Кирос и В. Кабрера Вальдес). Работы М. Оливы и испанских археологов носят в основном описательный характер, хотя в первой из них представлен также ряд соображений в пользу полицентрического происхождения ориньяка (на Балканах, на Украине, в Центральной Европе и в Испании), а возможность распространения этого "технокомплекса" из какого-то одного центра (в частности, с Ближнего Востока) ставится под сомнение. В статье Э. Маркса, где в очередной раз излагаются его широко известные выводы о характере технологических изменений при переходе от среднего к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке, проводится также идея о том, что изменения в иных сферах деятельности, вероятно, не были прямо связаны с описанными сдвигами в технологии обработки камня. Те черты материальной культуры, которые интерпретируются обычно как признаки "полностью современного" поведения (орудия из кости и рога, украшения, искусство и т. п.), отсутствуют в комплексах ахмарьян — древнейшей верхнепалеолитической индустрии Ближнего Востока, технологически и типологически связанной с местным мустье; они появляются лишь в ламьяниках левантинского ориньяка, которые следует относить уже к средней поре верхнего палеолита в данном регионе. Это событие примерно совпадает хронологически с появлением подобных же черт в верхнепалеолитических культурах Западной Европы, что может, по мнению Э. Маркса, свидетельствовать об их восточноевропейском происхождении (вне прямой связи с возникновением людей современного физического типа или "истинно" верхнепалеолитической технологии получения пластин), с последующим распространением в западном и южном направлениях (непонятно только, подразумевается ли в данном случае под Восточной Европой Русская равнина или Дунайско-Карпатский регион). И. Свобода, рассмотрев основные центральноевропейские группы памятников конца среднего — начала верхнего палеолита (микок, мустье, селет, богунциан, ориньяк), также приходит к выводу об отсутствии четкой границы между двумя эпоха-

ми. Заметные изменения в сферах, не связанных непосредственно с производством каменных орудий, происходят лишь в среднюю пору верхнего палеолита в павловьевне (30 тысяч лет назад и позже), когда появляются крупные долговременные поселения, сложные жилые сооружения, специализированная охота, искусство и т. д. В заключительной части статьи И. Свобода замечает, что наиболее сложные верхнепалеолитические культуры возникали не в тех районах, с которыми связано происхождение людей современного физического типа, а в контактных зонах, где неантропы сосуществовали с неандертальцами. Территория Чехии и Словакии была как раз такой зоной, и становление верхнего палеолита здесь можно рассматривать как сложный процесс, в котором участвовали различные популяции, характеризовавшиеся, вместе с тем, общими тенденциями развития поведения.

Следующие три статьи связаны с изучением фаунистических остатков. Ф. Делпеш, анализируя материалы из Аквитании (юго-западная Франция), пытается выявить изменения в фауне крупных млекопитающих для периода от начала верхнего палеолита до максимума последнего оледенения. Выделено 9 биозон, высказаны предположения об их хронологии и соотношении с некоторыми климатическими событиями. В работах А. Пайк-Тэй и Ж. Энлоу фаунистические материалы ряда граветтийских памятников юго-запада Франции рассматриваются в связи с вопросом о характере охоты их обитателей. Оба автора приходят к выводу об отсутствии признаков специализированной охоты в изученных ими комплексах, а Ж. Энлоу полагает даже, что система жизнеобеспечения обитателей Абри ду Флажолле в рассматриваемую эпоху была ближе к моделям, постулируемым для конца мустье, чем к поздневерхнепалеолитическим.

Большая группа работ посвящена различным аспектам изучения палеолитических технологий. Ж.-М. Женест и А. Плиссон, излагая результаты экспериментального и трасологического исследования материалов 4-го (солютрейского) слоя пещеры Комб Соньер, реконструируют способы изготовления и использования каменных наконечников, служивших, как показано в статье, главным образом, для оснужения метательного оружия. В интереснейшей статье Х. Кнехт анализируются техники и технология производства ориньякских роговых и костяных наконечников с расщепленным основанием. Описаны основные стадии процесса их получения, убедительно установлены функции некоторых вспомогательных орудий, использовавшихся при этом (прежде всего, так называемых *tongued pieces* или *pieces*

a languette, служивших клиньями). Работа может служить образцом умелого сочетания археологических наблюдений с экспериментом. С. де Бен представляет обзор некремневых каменных изделий начала верхнего палеолита (наковальни, отбойники, абразивы, терочники, лампы и др.); А. Шир описывает организацию эксплуатации каменного сырья на граветтских памятниках Германии. В совместной статье О.Соффер, П.Вандивер, Б.Климы и И.Свободы реконструируется технология керамического производства в Долиньх Вестонницах и Павлове, высказываются предположения о культурном значении глиняных статуэток, фрагменты которых найдены в большом числе на этих памятниках. По мнению авторов, для обитателей Долиньх Вестонниц и Павлова важен был, скорее, сам процесс лепки и обжига фигурок, чем его конечный результат, то есть значение (ритуальное?) имели не статуэтки, а действия связанные с их изготовлением и, возможно, последующей намеренной фрагментацией.

Неутилитарной деятельности людей начала верхнего палеолита посвящены, кроме последней работы, еще четыре статьи, вошедшие в книгу. И.Таборэн сравнивает характер использования раковин в ориньяке и граветте, приходя в итоге к заключению, что хотя для граветтских памятников украшения из раковин — обычное явление, в ориньяке роль последних была все же гораздо заметней. Й. Хан дает обзор мелкой скульптуры ориньяка Центральной Европы (юго-западная Германия и Австрия). Отмечается, что в этом регионе, как и во Франции, изобразительное искусство не известно для самого начала верхнего палеолита, появляясь лишь в ориньяке I. В работе А.Дельпорта проводится сопоставление женских статуэток, происходящих из граветтоидных памятников Евразии (от Западной Европы до Сибири). Автор обращает внимание на ряд контекстуальных, планиграфических и морфологических (стилистических) различий, которые, по его

мнению, заставляют осторожно относиться к распространению представлению о “единстве значения и функции женских изображений, которые мы называем “граветтскими”. Наконец, в статье Р.Уайта, закрывающей сборник, представлен обзор древнейших известных украшений, причем особое внимание уделено технологическому анализу и описанию бус и подвесок из Костенок 17 и Сунгири. Появление столь сложных наборов персональных украшений в ориньякское время, задолго до максимума последнего оледенения, свидетельствует, как полагает автор, о существовании уже тогда и весьма сложных социальных систем.

Возвращаясь к завершению рецензии к исходному вопросу о масштабе и сравнительной значимости поведенческих и культурных изменений на рубеже среднего и верхнего палеолита, с одной стороны, и в середине верхнего палеолита, с другой, можно констатировать, что проблема эта и после выхода сборника “До Ляско” остается открытой. Думаю, что в пересмотре нуждается сама ее формулировка. Выражения типа “современное культурное поведение” или “полностью современное поведение” скорее запутывают, чем проясняют суть дела, поскольку они лишены определенности и воспринимаются всеми по-разному. Кроме того, отсутствие свидетельств того или иного рода деятельности в материалах того или иного периода еще не означает отсутствия у людей данного времени соответствующих способностей. Это, кстати, замечено и в одной из упомянутых выше статей (Ж.Энлоу), где говорится, что уровень сложности культуры раннего верхнего палеолита, подобно таковому современных тропических охотников-собираателей, отражает в большей мере потребности, чем возможности человека. На мой взгляд, лишь с таких позиций и можно проводить сопоставление культурных достижений разных эпох каменного века, равно как и интерпретировать результаты подобного сопоставления.

Clark, G.A. 1991. A paradigm is like an onion: Reflections on my biases // Perspectives on the Past: 79-108. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.

Л. Б. Вишняцкий
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита

ЗАРОЖДЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПЕРВЫЕ ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА

J. Cauvin. Naissances des divinités naissances de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. 304 pages, 8 plates, 67 figures. 1994. Paris: CNRS Editions.

Археологическая школа Лиона известна своими достижениями в области археологии Древнего Востока. Последние два десятилетия здесь активно развивается изучение древнейших земледельческих культур Восточного Средиземноморья, проблемам которых был посвящен целый ряд коллоквиумов и симпозиумов, организованных Ж.Ковеном и О.Ораншем. Эти симпозиумы рассматривали как конкретно археологические вопросы, так и более широкую проблематику, включая концепцию неолитизации. Определенные итоги этому направлению подводит книга Ж.Ковена. Целый ряд вопросов и проблем, поднимаемых в ней, был затронут в различных публикациях автора как в специальной, так и в более общей литературе, но в данной книге эти отдельные наблюдения и эссе выступают уже в итоговой форме единой концепции.

Новая книга Ж.Ковена состоит из трех частей. Часть первая озаглавлена "Происхождение земледелия" (с.23-102). Здесь рассматриваются общие вопросы природной Среды и культурного фона в эпоху неолита, а также первые доземледельческие поселения (к числу которых автор относит натуфийские памятники), назревающие идеологические перемены, которые в книге именуются "революцией символов". Формирование первых земледельческих общин отнесено к периоду определяемому как время докерамического неолита Иерихона А. Рассматривая основные аспекты этого перехода к новым формам экономики, Ж.Ковен ввел за Г.Чайлдом именуемую им неолитическую революцией. Вторая часть носит название "Начало неолитической диффузии" (с.105-179). В центре этой части находится анализ комплексов типа докерамического неолит Иерихона Б, который согласно корректировке радиоуглеродовой хронологии он датирует временем 8700-7000 гг. до н.э. Известно, что со времени открытия древнейших слоев Иерихона и сама К.Кеньон и ряд авторов ввел за ней считали, что между периодами А и Б произошла смена населения.

Ж.Ковен напротив решительно говорит о преемственности этих комплексов, что с точки зрения автора рецензии имеет все основания (ср. Массон 1964:77-79). По мнению Ж.Ковена докерамический неолит Иерихона Б, как определенный археологический комплекс, распространяется на значительной территории, в том числе в Восточную Анатолию и на юг Леванта. При этом придается особое значение различным видам диффузии, но в первую очередь расселению самих раннеземледельческих общин. При этом признается, что, например, на среднем Евфрате местные элементы сыграли определенную роль в формировании здесь нового археологического комплекса. Освоение Восточной Анатолией земледельческой культурой автор рассматривает как вторичную (с.163) или экономическую неолитизацию (с.124), но за счет передвижения общин из района среднего Евфрата (с.125). При этом, правда, допускается, что могло быть ассимилировано редкое население местных охотников-собираателей (с.163). Иное дело распространение этих комплексов в районы, которые автор называет Южным Левантом, где после натуфийского освоения, видимо, имел место определенный перерыв. Это видно, например, по стратиграфии Бейды, где над натуфийским поселком располагаются дома с комплексом типа докерамический неолит Иерихона Б. Сюда идет прямое расселение раннеземледельческих общин в запустевшие районы.

Таким образом, вырабатывается некая значительная культурная общность создателей которой в одной из глав даже предложено назвать "народом быка" (с.165).

Естественно, что на этой обширной территории наблюдаются местные различия как в формах и типах изделий, так и в используемом сырье, как, например, обсидиана в Анатолии. Ж.Ковен применяет для характеристики этого местного своеобразия различные определения: "анатолийская версия культа черепов" (с.120), "специфическая версия" (с.143), "палестин-

ская фракция", имея в виду особенности кремневой индустрии (с.133). В свое время П.Мортенсен предложил для раннеземледельческих памятников с керамикой области Загроса понятие "Загросское единство" (Zegrosunity — Mortensen 1964). Возможно, для Восточного Средиземноморья следует говорить о леванто-анатолийской общности или единстве. Правда, при этом необходимо иметь в виду, что, видимо, уже в этом периоде начинается интенсивное развитие именно анатолийских областей с их святилищами, культовыми центрами типа открытого на Чейюню-тепеси "дома мертвых" и каменной скульптурой. Все это как бы предвещает всплеск культуры и искусства Чатал-Хююка. Можно отметить, что именно материалы Чейюню свидетельствуют о формировании особого канона женских статуэток в сидящей позе с пышными бедрами, который становится популярным не только в самой Анатолии (с.122, рис.34,2) и представлен, например, в таком памятнике высокогорного Загроса, как Тепе Сораб (Mellaart 1975:88, fig.39). Женские фигурки, как правило, повсюду сопровождают комплексы докерамического неолита Иерихона В и Ж. Ковен справедливо это подчеркивает, но данная статuarная модель, отличная от стоящих статуэток Мунхатта или статуй Айн Газала, сформировалась именно в Восточной Анатолии. Третья часть книги носит название "Великий исход" (с.183-271). Наряду с интересными общетеоретическими построениями здесь рассматриваются и конкретные археологические аспекты — распространение производящей экономики (или неолитизации) прибрежных районов Леванта и Кипра, а также Верхней Месопотамии, где, как предлагает Ж.Ковен, земледелие появляется около 7500 г. до н.э. и где в идеологии и технике он усматривает влияние докерамического неолита Иерихона Б, хотя и в трансформированном виде (с.228). Достаточно убедительно поставлен вопрос о наличии в аридной зоне Южного Ливана уже с 7500 г. до н.э. своего рода подвижных неолитических пастухов, оставших после себя полуразвеянные стойбища, резко отличающиеся от поселков с прочными глинобитными и каменными домами оседлых земледельцев (с.247-271). Безусловно более подвижные общины пастухов сыграли заметную роль в распространении экономики производства пищи. Например, в основании Дех-Лурана в юго-западном Иране пастух коз с самого начала знали культивируемые злаки, но их широкое возделывание начинается лишь на фазе Bus Mordach (ср. Массон 1976:371). Как было видно книга Ж.Ковена носит двойной заголовок. И это не случайно — автор придает огромное значение переменам в идеологии, сопровождающим неолитическую революцию и

сам процесс неолитизации. Ж.Ковен выделяет в археологии Восточного Средиземноморья особую фазу Хиама, которую он относит к 10000-9500 гг. до н.э. и рассматривает как переходную от Натуфа к докерамическому неолиту Иерихона А (с.41). В Мюрайбите к этой фазе им относятся слои Мюрайбит IV и Мюрайбит II. В этом памятнике появляются женские статуэтки, сделанные из камня и обожженной глины, а в основаниях стен зарываются рога быков. Экстраполируя эти материалы на святилища Чатал-Хююка с крупными фигурами женского божества в домашних святилищах и с фресками тафромахии, Ж. Ковен делает вывод о появлении новой символики и зарождении новой неолитической религии (с.48 сл.). Разумеется женские фигурки не были чем-то абсолютно новым в истории культуры — хорошо известны серии верхнепалеолитических статуэток костенковско-виллендорфского круга и особая скульптурная группа находок с верхнепалеолитических стойбищ Сибири. И статуэтки были не столь уж редки — только в Костенках I их найдено около 40. Правда, появившиеся в условиях интеллектуального всплеска приледниковой Европы эти скульптуры не получили художественного или семантического продолжения, а в условиях Ближнего Востока вообще отсутствовали. Но неолитическая пластика была не только инновацией своей эпохи, она имеет по меньшей мере два существенных отличия по сравнению с верхнепалеолитической скульптурой. Последняя характеризуется отсутствием прорисовки деталей лица, подавляющее число фигурок лишены глаз и рта. Статуэтки Ближнего Востока уже с самого начала изображаются, как правило, с проработанным лицом, на некоторых со временем особенно подчеркиваются глаза как функция всевидящего персонажа. Видимо, совершенно прав Ж. Ковен, говорящий о происходящей гуманизации искусства (с.101). Другая отличительная черта первых женских фигурок Ближнего Востока — эта поза; руки у ряда статуэток сложены под грудью и как бы подчеркивают этот символ женственности и материнства, жест, повторенный затем в десятках вариаций скульпторами и художниками древних цивилизаций. В Мюрайбите этот жест придан фигуркам как из камня, так и из обожженной глины, то есть лицу формирующийся устойчивый статуарный тип. Поэтому заключение Ж. Ковена, который следует выводам Р.А.Ако и других исследователей, что перед нами наиболее вероятно образ божества (пусть в его начальной версии) (с.144). В построении Ж.Ковена имеется вместе с тем существенный для всей его концепции аспект. Поскольку, пишет он, в слоях комплексов Хиама нет еще зерен злаков с морфологическими признаками

доместикации, то делается вывод о начале идеологических перемен до перемен экономических и, в более широком плане, что в данном случае не идеи следуют за практикой, как писал К. Маркс, а идеи опережают практику (с. 277). Не говоря о немногочисленности находок артефактов, связанных со сферой идеологии, эта проблема имеет еще один аспект. Исследования трасологов Петербурга привели к обнаружению в натурфийском орудийном комплексе (то есть до Хиамы) определенного процента (до 21% в Кебаре) вкладышей, связанных с уборкой окультуренных злаков. По Ж. Ковену земледелие появляется в пору докерамического Иерихона А, в котором он выделяет три культуры (лучше говорить о локальных вариантах) – Султанен (по имени руин Иерихона – Тельзе Султан), Асвадиен в районе Дамаска и Мюррабитен на севере. Важно отметить, что в двух из трех названных областей в зоне Султанен (Бейда, Нахал, Орен, Кебара) и Мюррабитен (Мюррабит, Абу Хурейра) в уже натурфийском контексте отмечены серпы для культивируемых злаков. Скорее всего, речь может идти о начальных этапах культивации при доминанте собирательства, когда еще не сформировались качественно новые морфологические показатели растений (Коробкова 1994). Видимо, изменения в экономике, идеологии, других сферах общественной жизни носили характер непрерывного взаимодействия и взаимовлияния. Смуцающий Ж. Ковена примитивный экономический детерминизм является детищем жесткого догматизма и его практически уже давно не разделяют русские археологи, работающие с конкретным материалом.

В дальнейшем изложении Ж. Ковен последовательно проследживает развитие идеологических представлений, ставит вопрос о замене зооморфного образа мужского персонажа на антропоморфный. В целом это одна из наиболее сильных сторон книги и концепции Ж. Ковена. Он приводит целый ряд соответствующих теоретических заключений и положений в ряде специальных глав. Хотя не все из них пока могут быть подкреплены археологическими реалиями (а многие их никогда и не получат), общее направление о кардинальной смене мышления и менталитета в эпоху неолитической революции, о чем писал еще Леви Стросс, не вызывает сомнений. Можно добавить, что это был важный этап и в накоплении положительных знаний, образующих эмпирический фундамент преднауки (Массон 1989:59; Технологический и культурный прогресс 1987). Практика обжаривания зерен с твердой мякиной неизбежно требовала развития теплотехники. В домах неолитического Джейтуна в теплом Туркменистане массивные очаги занимают

почти четверть полезной площади. Обугленные зерна раннеземледельческих общин составляют благодатную сферу исследования этноботаников. Скорее всего, развитие теплотехники составило благоприятную среду и для обжига глиняных изделий и плавки металла, которая была технологическим открытием, опередившим время, и в пору неолитизации не востребованным обществом. Может быть не стоило бы говорить специально о “революции символов”, но кардинальный скачок в интеллектуальном развитии был неотъемлемой составной частью неолитической революции как многофакторного процесса. Посев зерна, дающего всходы, и утилитарный результат через значительный промежуток времени был не только началом агрономии и ботаники, но и способствовал развитию абстрактного мышления и научного предвидения.

Археологические и историко-культурные характеристики, предлагаемые Ж. Ковеном, как правило, хорошо обоснованы и в целом убедительны. Однако, к ним может быть предъявлена, по крайней мере, одна серьезная претензия, связанная с таким значительным центром древнего культурогенеза как Месопотамия. Основные свои выводы и заключения Ж. Ковен строит на материалах Восточного Средиземноморья, что вполне оправданно интенсивностью и результативностью проводимых здесь археологических изысканий в течение последних двух десятилетий. В это же самое время политическая ситуация в Иране и Ираке особенно, в горных районах Загроса, где намечается один из ранних центров развития производящей экономики, не способствовала полевым изысканиям. По отношению к Месопотамии Ж. Ковен вообще занимает особую позицию, которая просматривается по всему циклу его работ, формулировок и понятий. В соответствии с определенной традицией страноведения Ж. Ковен под Ближним Востоком понимает Сирию, Ливан, Израиль, Иорданию и анатолийский полуостров, соответствующий современной Турции (с. 9). Все более восточные районы, начиная с Ирака, он относит к Среднему Востоку, тогда как в англоязычной и русскоязычной традиции они включаются (хотя и без четкой границы на востоке) в Ближний Восток. Соответственным образом все события, связанные с неолитической революцией, в книге Ж. Ковена рассматриваются как происходящие на Ближнем Востоке в узком понимании. Он неоднократно подчеркивает, что широко масштабная формулировка Р. Брейвуда о “священном полумесяце” как об обширной зоне древнейших земледельческих культур нуждается в корректировке с переносом основного внимания именно на Восточное Средиземноморье. Показательно, что в книге

по неолитизации, подготовленной в Ливне, имеются разделы, посвященные Ближнему Востоку в таком лимитированном понимании, Ирану, Кавказу, многим другим районам Старого и Нового Света, но не Месопотамии.

Разумеется, Месопотамия, в первую очередь, ее северные районы, связанные с пустыней Джезира и подгорным Синджаром, занимает определенное место в его концепции. Взгляды его в данном случае сводятся к следующему. Он отмечает, что в памятниках, относимых во времени к 9500-7600 гг. до н.э., таких как Кермес Дерэ и Немрик, представлена местная эпипалеолитическая традиция развивавшаяся параллельно Натуфу (с.226). Но он не упоминает в материалах этого времени в Северной Месопотамии никакие свидетельства зарождения экономики производства пищи. Лишь в исследованной отечественными археологами Магзалии налицо и земледелие и скотоводство, что позволяет говорить о неолитизации Синджара около 7500 гг. до н.э. Археологический комплекс Магзалии Ж.Ковен связывает с культурной общностью докерамического неолита Иерихона Б, но в его анатолійской фазии и, в первую очередь, с такими памятниками как Кафер Хююк и Чайюню Тепеси (с.228-229). Естественно в таком случае здесь следует видеть конкретное проявление процессов диффузии или "великого исхода", которому посвящена третья часть рассматриваемой книги. Лишь позднее, как пишет Ж.Ковен, в таких ярких комплексах с расписной керамикой как Умм-Дабагия, генетически связанных с Магзалией, но отличающихся богатством материальной культуры и, в первую очередь, орнаментированной керамикой, "анатолійские" черты Магзалии уже стерты (с.230). С нашей точки зрения Умм Дабагия и Чатал Хююк представляют два центра блестящего расцвета раннеземледельческих обществ той поры, когда в зоне бывлой иерихонской метрополии наступает явное замедление темпов развития, провинциализация и, в известной мере, стагнация. Экологическая ситуация способствовала взлету в этой области раннеземледельческой культуры на первых этапах ее развития, сменившемуся затем замедленной эволюцией с использованием в культурогенезе моделей и эталонов соседних областей, в первую очередь, Месопотамии, начиная с Халафа, и Египта, со времени его первых династий (Массон 1989:101 и сл.).

Месопотамия в широком смысле (включая и Загросский массив в целом), представляется в эпоху становления производящей экономики более сложным явлением, чем это выглядит в рассматриваемой книге, автор которой в конечном итоге склоняется к моноцентрической концепции с диффузионистскими механизмами в

форме прямых переселений и миграций, или того, что он называет "экономической диффузией". Правда, сам Ж.Ковен пишет, что в докерамическую эпоху в Загросе налицо разделение домашних коз (с.261). Следует добавить, что для Зави-Чемі-Шандар, стадильно да и хронологически одновременно Натуфу, есть основание говорить о начале доместикации мелкого рогатого скота и, возможно, так же о зарождении земледелия. Обращает на себя внимание глубокое своеобразие всего культурного комплекса или, как любит говорить сам Ж.Ковен, археологического контекста. Кремневая индустрия Джармо, как и всей загросской общности П.Мортенсена, земледельческо-скотоводческий характер экономики которой бесспорен, принципиально отличная от традиций Восточного Средиземноморья. Если в зоне контакта этих двух зон в Северной Месопотамии наблюдались некоторые связи, отмечавшиеся еще по Хассуне с ее кремневыми наконечниками, то далее на Восток вплоть до туркменистанского Джейтена наконечники стрел и дротиков, на которых, кстати, Ж.Ковен строит многие заключения по археологической систематике, полностью отсутствуют. Микролитогидная индустрия с большим числом трапеций от Джармо до Мергара совершенно иной технологической традиции, чем памятники Восточного Средиземноморья. Использование западных стандартов и эталонов, как например, оформление интерьера домов крашенными известковыми полами, не вызывает сомнений. Но в целом это, начиная с Загроса, иная культурная Среда и, видимо, иные народы. В сборнике по неолитизации Р.Трой, рассматривая проблему неолитизации Балкан пишет, что видимо еще предстоит сделать выбор между диффузионизмом и полицентризмом (Treur 1989: 139). Возможно между тем эти концепции вообще не следует рассматривать как некую бинарную оппозицию. Судя по всему переход к новым формам получения продуктов питания на Ближнем Востоке в XI-IV тыс. до н.э. был знаменем эпохи. Повсюду, и в Восточном Средиземноморье, и в Загросе, а возможно, еще в каких-то иных центрах первые общины методом проб и ошибок двигались по этому пути. Кое-где эти первые опыты, возможно, не дали живительных результатов. В других случаях, как в Восточном Средиземноморье, это блестяще показано в книге Ж.Ковена, удалось достичь впечатляющих успехов в обнесенном каменными стенами Иерихоне или в святилищах с каменными статуями, не говоря уже о "неолитическом Эрмитаже" Чатал Хююка. Но пожалуй нет оснований заменять известную формулу "свет с Востока" на более локализованную "свет из Восточного Средиземноморья".

рья”.

Два выдающихся открытия в археологии Ближнего Востока были знаменами выхода исторической науки на изучение коренного рубежа в истории человечества, связанного с переходом к производству пищи, и к новому витку интеллектуального и социального прогресса. Это выделение натуфийской культуры Дороти Гаррод, прозорливо усмотревшей на кремневых вкладышах зеркальный блеск от уборки урожая зерновых культур, и обнаружение докерамического неолита Иерихона Каталиной Кеньон, хотя сам автор этого открытия, оперируя понятийной сеткой своей эпохи, не пошел дальше модернистского толкования поселка первых земледельцев как некоего “города”. Затем наступил этап широкого осмысления экономической сущности и последовательности кардинальных перемен в получении и

присвоении продуктов питания. Здесь к работам Р.Брейвуда (Braidwood 1973, 1992) примыкают и разработки Р.Фланнери, обратившего внимание на экологические аспекты происходящих перемен. Иное направление в интерпретации раннеземледельческой эпохи на Ближнем Востоке представлено обобщающей книгой Дж.Мелларта, давшей систематическую характеристику всего компендиума полученных материалов (Mellaart 1975). Можно сказать, что книга Ж.Ковена знаменует третье направление – историческую интерпретацию происходящих перемен, причем в ней удачно сочетаются реконструкции некоторых конкретных событий и глубокие историко-философские объяснения. Это делает ее своего рода маяком в бескрайнем море отдельных статей, предварительных и полных отчетов и тематических сборников.

- Коробкова, Г.Ф.* 1994. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические Вести 3: 166-180.
- Массон, В.М.* 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Москва-Ленинград.
1989. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.
1989. Первые цивилизации. Ленинград.
- Технологический и культурный прогресс.* 1987. Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тезисы докладов. Ашхабад.

- Braidwood, R.J.* 1952. The Near East and foundations for civilization origin. Oregon.
1973. The early village in Southwestern Asia // *Journal of Near Eastern Studies* 32/1. ...:
- Mellaart, J.* 1975. The neolithic of Near East. London.
- Mortesen, P.* 1964. Additional remarks on the chronology of early village-farmers communities in the Zagros area // *Sumer* XX: 28-36
- Treuil, R.* 1989. La neolithisation dans les Balkans: quelques reflexions prematurees. Neolithisation // *BAR International series* 516.

В.М. Массон
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

КОМУ НУЖНА ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ ?

Ethnoarchéologie. Justification, Problèmes, Limites. XIIe Rencontre Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. 452 pages. 1992. Ville d'Antibes: Éditions APDCA, Juan-les-Pins. Centre de Recherchs Archéologiques.

Во времена, когда административные препятствия для научных контактов еще существовали, легко казалось, что в мире без жестких границ ученые разных стран составляют единое сообщество. Рецензируемый сборник — пример того, насколько мало отвечает действительность ожиданиям подобного рода.

Профессиональные интересы автора этих

строк достаточно широки и лежат как в Южной и Центральной Америке (до Колумба), так и на Ближнем и Среднем Востоке (ранее II тыс. до н.э.). И тем не менее в сборнике, заведомо претендующем на глобальный охват, почти не оказалось знакомых имен. Если среди "азиатских" статей по крайней мере нашлась работа О.Оранша ("Жилище на Ближнем Востоке"

древности и сейчас: преемственность или конвергенция?), а затем и статья М.Видале, Дж.Кенойера и К.Бхана, связанная с раскопками Хараппской цивилизации, а Мексика хотя бы представлена исследованиями голландцев и англичан среди гончаров Мичоакана, то основные культурные ареалы Южной Америки не охвачены вовсе. Лакуны особенно заметны, если учесть, что исследования, скажем, Дж.Бенкса (Великобритания) среди испаноязычных потомков индейских гончаров северного побережья Перу (Banks 1985; 1988), Дж.Шейлдера среди эквадорских хиваро (Zeidler 1983) и особенно П.Роу, У.Дебура и др. в перуанской Амазонии (DeBoer, Moore 1983; Roe 1976; Siegel, Roe 1986) - классика этноархеологии. Да и вообще индейские культуры Южной Америки с такой очевидностью продолжают доколумбовые традиции, что археологи, работавшие в регионе, стали искать в анализе современных материалов ключ к пониманию прошлого еще прежде возникновения самого данного термина. Что же до Ближнего Востока, то и здесь, как известно, американцы были лидерами направления. Достаточно упомянуть их работы в деревнях Сирии (Kamp 1987) и Иранского Загроста (Horte 1991; Kramer 1982; Watson 1978; 1979).

Одна из причин того, что едва ли не половина ведущих "этноархеологов-практиков" с настоящим изданием оказалась никак не связана - языковой барьер. Работавшие в Южной Америке ученые США не любят участвовать в европейских франкоязычных симпозиумах, плодом одного из которых является данная публикация. Но дело не только в разнообразии языков. Французские и бельгийские перуанисты, например, также не имеют отношения к рецензируемому изданию. Единственная статья по Южной Америке (Д.Легупиль) основана на материалах чилийской Патагонии, и ясно почему. Французские исследования в Патагонии были начаты в 50-х годах учениками А.Леруа-Гурана, и представляют собой продукт деятельности европейской археологической школы. Раскопки в Перу, кто бы ни проводил их, так или иначе вписываются в рамки школы американской. С другой стороны, в сборнике участвуют исследователи из Аризонского университета, однако лишь те, кто занимается культурами Южной и Юго-Восточной Азии, но не Америки и не Ближнего Востока.

Существуют серьезные различия в подходах представителей американской и французской (назовем их так условно для простоты) школ. Американские этноархеологические исследования нацелены на разрешение конкретных проблем, с которыми сталкиваются изучающие определенный ареал археологи. Не имеющая прямого отношения к делу теоретическая часть

чаще всего бывает сведена к минимуму. В этом отношении упомянутая уже статья О.Оранша (как и его предыдущие широко известные публикации по древневосточной архитектуре) соответствует скорее американскому подходу; от большинства остальных статей сборника ее отличает отсутствие обширного методического раздела. На нескольких страницах Ораншу удалось показать, что в неолите и энеолите региона, протянувшегося от Синай и Восточной Анатолии до Южного Туркменистана, в домостроительстве господствовали те самые закономерности, которые определяют там структуру сельского жилища сейчас. Это (1) сырцовый кирпич как преобладающий материал, (2) круглая полуземлянка как начальная форма оселлого жилища в отсутствие предшествующей традиции такового, (3) прямоугольный дом под плоской глинино-земляной крышей как обычная норма, (4) двор (частью перекрытый навесом) как неотъемлемая часть домохозяйства, существенно увеличивающая его площадь, (5) хранилище припасов, жилье для людей и место содержания скота в одном и том же помещении в однокомнатных домах, (6) хранилища и стойла на первом этаже, жилье во втором в двухэтажных домах.

Статья М.Видале и др. об исследованиях в Пакистане для сборника гораздо типичнее. Авторы проанализировали отложения на полу современной мастерской по производству сердоликовых бус. В самых верхних прослойках оказались лишь незначительные отходы, тогда как в слое, синхронном времени обретения независимости Индии и Пакистаном и войны между этими странами, попадались заготовки, пригодные для дальнейшей обработки. По мнению авторов, в тот период, отличавшийся социальной неустойчивостью, в мастерской работало много случайных людей, халатно относившихся к хозяйскому добру. Эти факты сопоставляются с находками в Чанху-Даро на участке расположения древних ремесленных мастерских. Здесь были обнаружены многочисленные заготовки тех же сердоликовых бус, готовые изделия, орудия из меди и пр. Вывод таков: нестабильность осложняла жизнь обитателей хараппского города на протяжении длительного времени.

М.Видале, Дж.Кенойер и К.Бхан затронули проблему, с которой знакомы многие археологи, изучающие древневосточные памятники типа теллей: что заставляло людей оставлять в земле сотни и тысячи достаточно трудоемких в изготовлении орудий или куски сырья? Причина, названная М.Видале и его коллегами, по крайней мере не единственная из возможных; могли, например, существовать и определенные правила ритуального поведения. Но речь

сейчас о другом. Во-первых, мощное теоретическое вступление, в котором доказывается, что "преemptивность важнее перерывов в преemptивности", достаточно слабо связано с содержательной частью статьи. Во-вторых, у продвинутого рядового читателя готово сложиться впечатление, будто авторам не составило бы труда доказать и обратное: перерывы в преemptивности важнее ее самой.

Подобное убеждение крепнет, если обратиться к итогам дискуссии, подытоженным в послесловии А.Галле. Одни участники полагают, что культура как знаковая система охватывает и материальную сферу, а поскольку система эта в каждом случае неповторима, то все транскультурные обобщения от лукавого. Другие считают наоборот: есть черты, объединяющие многие общества, а значит, транскультурные параллели допустимы. И т.д. Нетрудно представить себе, что любой социальный антрополог в состоянии, если захочет, аргументировать в общем виде и ту и другую позицию. Ведь их истинность или ложность выявляются не глобально, а лишь по конкретным и частным поводам.

Перегружен сборник или нет выражениями вроде "транскультурные закономерности", "этнографический компаративизм", "различение топологии и партономии", - ответ на подобный вопрос зависит целиком от того, что нас больше интересует: реконструируемая картина прошлого или рефлексия по поводу самого процесса такой реконструкции. Несколько десятилетий назад этноархеология возникла в помощь археологии как сугубо прикладная дисциплина. Теперь она превратилась в дисциплину самостоятельную, а значит, и в особую организационную структуру. Профессионально вовлеченные в такую структуру исследователи уже не столько стремятся помочь истолкованию конкретных археологических данных, сколько ставят для обсуждения все более замысловатые методологические и теоретические проблемы. Что ж, подобная эволюция закономерна для каждого научного направления, так что различия в американском и французском подходах могут на самом деле указывать на арханизм первого и прогрессивность второго.

Прикладное значение отраженных в сборнике этноархеологических программ различно. Одна из самых известных - делящаяся уже более 20 лет изучение кухонной посуды калинга - горного народа Филлиппин. За это время специалистам из Аризонского университета удалось доказать правдивость местных жителей, у-

тверждавших, что рис лучше варить в металлической посуде, а овощи - в глиняной и что керамика, сделанная в одной из деревень, прочнее той, которую лепят и обжигают соседи. Ценность программы все же не только в этом. Созданная база данных (1000 сосудов с документацией, переданных в Национальный Музей в Маниле) - задел на будущее, эта коллекция ожидает появления других ей подобных, тогда будет материал для сравнения.

Вообще керамика - излюбленный объект этноархеологических штудий, с ней так или иначе связаны 7 статей из 30, т.е. столько же, сколько с изучением жилищ и закономерностей формирования культурного слоя на поселениях. Десяток статей посвящен чисто теоретическим аспектам этноархеологии или же сравнительной культурологии на разнообразных, преимущественно этнографических материалах. Среди последних интересна статья Ж.Фелло-Огюстен и К.Перлэ, касающаяся дальнего обмена в различных догосударственных обществах. Некоторые наблюдения тривиальны (предметы, имеющие более высокую стоимость и длительно функционирующие перемещаются на большие расстояния, чем, скажем, продукты питания), но есть и более любопытные факты. Так оказалось, что случаи, когда обмен выполняет чисто социальные функции и никакого утилитарного значения не несет (обмениваемые предметы одинаковы по стоимости и назначению, т.е. лук на лук, стрела на стрелу), более распространены, нежели это предполагалось.

Ареально в сборнике преобладают материалы по Африке, Южной Азии, Новой Гвинее и Арктике, иногда сравнимые с материалами доисторической Европы. Так Г.Венигер сопоставляет с эскимосскими образцами мадденские костяные наконечники и полагает, что палеолитические острья с двумя рядами зубцов служили гарпунами, а с одним рядом являлись наконечниками дротиков и даже стрел. В статье Л.Шо и Х.Сиди Маммара современные европейские данные выступают как реферативные при сравнении их с африканскими: речь идет о разделке туш животных и сравнительной роли в этом деле приемов, определяемых технологией и культурной традицией.

В целом сборник интересен прежде всего специалистам, занимающимся теоретическими аспектами гуманитарного знания, тогда как информацию об исследовании конкретных культур проще искать в других изданиях.

- Banks, George.* 1985. The manufacture and circulation of paddle and anvil pottery on the North Coast of Peru // *World Archaeology* 17(2):269-277.
- Banks, George.* 1988. Paddle and anvil potters of the North Coast of Peru // *Recent Studies in Pre-Columbian Archaeology*. B.A.R. International Series 421(2):545-563.
- DeBoer, Warren R. and James A. Moore.* 1983. The measurement and meaning of stylistic diversity // *Nawpa Pacha* 20 (1982):147-162.
- Home, Lee.* 1991. Reading village plans. Architecture and social change in Northeastern Iran // *Expedition* 33(1):44-52.
- Kamp, Katlyn A.* 1987. Affluence and image: ethnoarchaeology in a Syrian village // *Journal of Field Archaeology* 14(3):283-296.
- Kramer, Carol.* 1982. Village Ethnoarchaeology. Rural Iran in Archaeological Perspective. New York et al.: Academic Press.
- Roe, Peter G.* 1976. Archaism, form and decoration: an ethnographic and archaeological case study from the Peruvian Montaña // *Nawpa Pacha* 14: 73-94.
- Siegel, Peter E. and Peter G. Roe.* 1986. Shipibo archaeo-ethnography: site formation processes and archaeological interpretation // *World Archaeology* 18(1):96-115.
- Watson, Patty J.* 1978. Architectural differentiation in some Near Eastern communities, prehistoric and contemporary // *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating*. New York, San Francisco, London: Academic Press. Pp.131-158.
1979. Archaeological Ethnography in Western Iran. Viking Fund Publications in Anthropology, no.57. Tucson: The University of Arizona Press.
- Zeidler, James A.* 1983. La etnoarqueología de una vivienda Achuar y sus implicaciones arqueológicas // *Miscelánea Antropológica Ecuatoriana* 3: 155-193.

Ю.Е. Березкин
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

НОВОЕ СЕРИЙНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Harappan studies. Vol.I. Editors Gregory L.Possehl, Maurizio Tosi. 71 pages. 1993. Oxford and IBN Publishing Co. Pvt. Ltd. New Delhi, Bombay, Calcutta.

Вышел из печати первый том "Harappan studies". В кратком введении редакторы декларируют основные задачи издания, которое адресовано широкому кругу исследователей, интересующихся проблемами древнеиндийской цивилизации, ее связями с культурами Персидского залива, Месопотамии, Ирана и Средней Азии. Особенно приветствуются статьи по дешифровке харап্পской письменности и различным областям искусства.

В редакционную коллегию вошли видные ученые: англичанин Ф.Р.Олчин, американцы У.А.Фейрсервис, Дж.Шаффер, индийцы Б.Б.Лал, Б.К.Тхапар, В.Н.Мисра, пакистанец М.Р.Мугхал, немец М.Янсен. Интернациональный состав редколлегии отражает неугасимый интерес исследователей различных стран к культурному наследию харап্পских городов и свидетельствует о новом этапе международного научного сотрудничества в изучении древнеиндийской цивилизации.

Основная часть тома (с.17-56) отдана публикации отчета Л.Вулли о работе Археологической службы Индии (Wolley 1939) и развернутого комментария к нему Г.Л.Посела "Сэр Леонард Вулли дает оценку индийской археологии" (с.1-15). Визит Л.Вулли (по приглашению индийской стороны) был вызван тяжелым положением Археологической службы, связанным с мировым экономическим кризисом и с уходом в 1928 г. Дж.Маршалла с поста Генерального директора службы. Английский эксперт прибыл в Индию 6 ноября 1938 г. и пробыл там до 11 февраля 1939 г. За 100 дней он посетил 45 объектов, включая все музеи Археологической службы Индии и основные памятники: Мехенджо-Даро, Хараппу, Таксилу, Сарнатх, Наланду, Нагарджунаконду и Пахарпур. Его маршруты пролегли от долины Инда до северо-западного приграничья, границ Тибета, Восточной Бенгалии и Южной Индии.

Г.Л.Посел анализирует отчет Л.Вулли, сле-

дую его разделам: I. Раскопки: 1) оценка работ; 2) выбор памятников; 3) подготовка и квалификация персонала; 4) раскопки неправительственными организациями; II. Консервация; III. Музеи.

Оценки Л.Вулли весьма определены: методика археологических раскопок в Индии плохая, квалифицированное наблюдение за работами отсутствует, результаты исследований неполные и неадекватные (Wolley 1939:3). Г.Л.Посел считает эти оценки неверными (с.5), так как в 1938–39 гг. от Археологической службы в поле работали сотрудники разной квалификации. К тому же сам Л.Вулли проявил некомпетентность при интерпретации объектов, открытых в Хараппе. Так он утверждает, что обожженный кирпич применялся только для фундаментов зданий, тогда как их верхние части строились из сырцовых кирпичей. Кирпичные фундаменты большого зернохранилища Л.Вулли ошибочно считал “уступчатыми конфорсами”.

Принципы выбора памятников для раскопок Археологической службой были определены стратегией Дж.Маршалла, который строил ее исходя из двух основных критериев: 1) идти от известного к неизвестному (отсюда интерес к буддийским монастырям, известным по китайским хроникам) и 2) добывать яркие находки, которые могли бы привлечь внимание и финансовую поддержку общественности (Marshall 1939:25). Поэтому он осуществил раскопки во многих регионах Индостана, не отдавая предпочтения какому-либо памятнику. Эта “мозаика” раскопок определялась и сугубо индийскими условиями — проявлениями национализма в политическом обществе. Л.Вулли отверг раскопчную стратегию Маршалла, упрекая Археологическую службу, что у нее нет перспективного плана исследований. Он предложил сосредоточить все финансовые усилия и все кадры специалистов на раскопках единственного памятника, стратиграфическую колонку которого можно было бы использовать как эталон для корреляции с другими уже известными археологическими культурами (Wolley 1939:6). Эта рекомендация была осуществлена при раскопках в Ахичхатре в 1941–44 гг. (Ghosh 1946). Два других его пожелания о составлении полного перечня археологических памятников и об исследовании стоянок каменного века впоследствии были также выполнены.

Положительную оценку комментатора заслуживают рекомендации Л.Вулли о поиске и о подготовке высокопрофессиональных кадров для археологии, о привлечении к работам в поле студентов и добровольцев. Л.Вулли был сторонником привлечения к раскопкам в Ин-

дии неправительственных организаций, включая иностранные миссии. Это было смелым решением, так как между различными национальными департаментами археологии и иностранцами существовали напряженные отношения, вызванные борьбой за право проведения раскопок. И это несмотря на успешные раскопки Чанху-Даро, предпринятых в 1935–36 гг. американскими исследователями. Сейчас вопрос о международном сотрудничестве успешно решен. Уже много лет в Индии и Пакистане, по согласованию с правительствами этих стран, работают иностранные ученые и археологические миссии из Англии, Германии, Италии, Польши, США, Франции и Японии.

Вполне однозначно высказался Л.Вулли о консервации археологических памятников: “Практика Департамента радикально неверна” (Wolley 1939:24). Он считал, что реставрация и консервация памятников дело убыточное и бесполезное, поскольку эта практика не может быть постоянной. Г.Л.Посел стал на сторону Генерального директора К.Н.Дикшита, который не соглашался с концепцией Л.Вулли, полагая, что консервация служит сохранению культурного наследия древней Индии.

Рассматривая работу музеев, английский эксперт также отмечает ряд общих недостатков (неквалифицированный штат сотрудников, бедные экспозиции, отсутствие документации, этикеток) и дает рекомендации по улучшению музейной работы. Концепция полевых музеев вызывает у него резкое неприятие. Причины — дороговизна их содержания, удаленность от современных культурных центров, трудности по охране экспозиций. Этот вопрос до сих пор дискутируется, но показательно, что рекомендации Л.Вулли о закрытии музеев в Хараппе и Мохенджо-Даро остались на бумаге. Сейчас в Индии существует 30 таких музеев и около 10 — в Пакистане.

Л.Вулли советовал утвердить при Археологической службе Индии пост советника по археологии. Некоторые связывают с этой рекомендацией назначение М.Уиллера на высокий пост в Археологической службе. Но, как справедливо замечает Г.Л.Посел, от предполагаемой рекомендации (нигде не зафиксированной) до назначения М.Уиллера (1944 г.) прошел довольно большой срок, и к тому же получил он должность не советника, а Генерального Директора Археологической службы. В этот момент, по моему мнению, можно говорить о завершении определенного этапа в развитии индийской археологии колониального периода (Щетенко 1979:20–21). Новый период, качественно отличный от предыдущего, начинается с провозглашения независимости Индии и всецело связан с именем М.Уиллера.

В статье У.А.Ферсервиса (младшего) "Археология Северного Белуджистана: крушения, провал и перспективы" (с.57-61) обсуждаются различные подходы к изучению артефактов, их интерпретации и теоретическое осмысление некоторых схем классификации на материалах региона, одним из пионеров которого является автор (Fairservis 1956, 1959).

В соответствии с примененной У.А.Ферсервисом техникой отбора керамики, все найденные им черепки были разбиты на типы, сосчитаны и размещены в хронологическом порядке, основанном на стратиграфии поселений. В результате около 500 000 черепков были размещены в хронологической последовательности и составили основу керамического корпуса (свода) всей долины Кветты (с.59).

Следующим этапом явилось сопоставление материалов Кветто-Пишинского и Зхоб-Лоралайского районов. У.А.Ферсервис применил методологию, в основе которой лежит концепция керамических типов. Последние рассматриваются им не как реальная номенклатура древних гончаров, а скорее как классифицированная схема, накладываемая на керамический материал. Таким образом, форма, венчик, дно, состав теста, характер обжига и обработки поверхности — все это систематизировано в таксономической схеме, которая затем может быть определена количественно и размещена в шкале относительной стратиграфии, полученной при шурфовке различных памятников. Так, в Сур-Джангале (I-III) ученый выделил 22 типа из 2967 черепков, которые могли быть количественно и качественно интерпретированы (с.59). Эту схему эволюции керамического производства У.А.Ферсервис распространил на все Индо-Иранское пограничье. Используя концепцию керамических типов, он установил динамику их изменения во времени и предпринял попытку выработать универсальные критерии для определенных видов посуды. Таковы емкости (сосуды для хранения припасов, кухонные горшки и противни, флаконы и др.), которые изменяются незначительно от одного периода к следующему, так как они имеют утилитарную ценность. Керамика специального назначения чутко реагирует на любую эволюцию данного культурного стиля.

У.А.Ферсервис полагает, что периоды, выделенные по комплексам отобранных артефактов или художественных стилей, являются не культурными блоками в вертикальной временной шкале, но просто таксономической систематизацией, существующей для целостной методологической интерпретации. По его мнению, культура есть комплекс сущности, требующей исследования экономики, технологии, политики, социальной организации, идеоло-

гии. Все эти компоненты связаны как традицией, эстетическими ценностями, языком, географической средой, так и дополнительными системами всех категорий (с.60). Поскольку У.А.Ферсервис рассматривает понятие "культура" как абстрактное, то его критерии применимы лишь к периодам, освещенным письменными источниками. Политика, экономика, социальная организация и связанные с ними проблемы, не могут быть решены чисто археологическими методами, даже для хараппской цивилизации, письменность которой не расшифрована.

Основная задача У.А.Ферсервиса заключалась в разработке относительной периодизации древних культур Белуджистана. Следующий этап исследований он видел в проведении раскопок поселений широкими площадями. Но противники такой методики отказали ему в лицензиях на раскопки и даже отвергли возможность использования всего керамического корпуса источников для создания временной типологической шкалы (с.60). Отсюда и название статьи, и ее пессимистический тон, и отсутствие, к сожалению, перспектив.

Статья Б.Б.Лала "Некоторые представления о социальной стратификации и политической системе Индской цивилизации" (с.63-71) посвящена одной из сложнейших проблем хараппской культуры. Индийский ученый, анализируя архитектурные остатки Калибангана, Мохенджо-Даро, Хараппы и Лотхала, отмечает их общие черты: 1) двучленное деление на "цитадель" и "нижний город"; 2) обводные стены и платформы для "цитаделей"; 3) резервуары для воды и зернохранилища; 4) стандартная планировка пересекающихся улиц; 5) дома разных размеров и назначения (зал заседаний элиты, бараки работников); 6) мастерские, горны, производственные помещения; 7) ритуальные комплексы (бассейн для омовений, "алтари"); 8) постройки вне обводных стен.

Опираясь на эти данные Б.Б.Лал предлагает следующую социальную стратификацию хараппского общества: 1) элита — светский правитель или главный жрец и коллегия жрецов, занимающие "цитадель", 2) средний класс — земледельцы-торговцы, живущие в "нижнем городе", 3) низший слой — люди физического труда и работники, обслуживающие два первых класса, и обитающие в бараках или "кроличьих норах" вне городских стен. Сам Б.Б.Лал считает рискованным попытки связывать намеченные классы с индийским институтом каст (в ведической традиции — варны): жрецы-брахманы, земледельцы-торговцы — вайши, работники — шудры. Из второй категории затем выделяются кшатрии (воины). По моему мнению, возникновение системы варн связано с заво-

ванием древней Индии ариями, культура которых кардинально отличалась от культуры хараппской цивилизации, в основе своей дравидозычной (Кнорозов 1981; Fairervis 1992:23), поэтому даже гипотетически вряд ли уместно сравнение социальной структуры хараппского общества с общественным устройством древней Индии в I тыс. до н.э.

Однако, этим умозраительным построениям могут быть противопоставлены следующие наблюдения. 1. Двучленное деление городов известно не на всех памятниках. Существует аргументированная точка зрения, что этот феномен объясняется одновременным (или последовательным — добавлю я) расселением людей на противоположных берегах водоема (например, канала) (Dani, Thapar 1992:190). 2. Обводные стены и платформы отсутствуют на большинстве хараппских поселений (сейчас их более 700). Из 60, учтенных мною памятников, лишь Хараппа, Мохенджо-Даро и Калибанган имеют сложную конфигурацию, руины остальных представлены одним всхолмлением (Щетенко 1979:191). Показательны раскопки Аллахдино, где на площади в 0,5 га вскрыта планировка единого строительного периода, но обводные стены и платформа не обнаружены (Fairervis 1976:6-7). 3. Стены и платформы могут быть интерпретированы как защитные сооружения от наводнений. Так, в Хараппе выявлены остатки ступенчатой террасы (Wheeler 1947:58), а за сто лет до раскопок этого города существовали еще целые лестничные марши "на восточном и западном фасах высокого холма" (Cunningham 1875:106), то есть лестницы, ведущие извне на цитадель. 4. Планировка взаимно пересекающихся улиц прослежена не на всех поселениях. Некоторые исследователи отрицают ее наличие и связывают ориентацию магистралей с климатическим фактором (Dani, Thapar 1992:190). 5. Поселения значительно разнятся по площадям: от 1-1,5 га до 9-12 га (Щетенко 1979:118-119, 190-191), Мохенджо-Даро — 83 га, Хараппа — 76 га, Ганверивала — 81,5 га, Котада — 40 га (Mughal 1990:156-157). Но есть и другие данные: Мохенджо-Даро — "нижний город" — 51,1 га, "цитадель" — 6,2 га, Хараппа — 58,1 га и 8,2 га (Fairervis 1971:443, app.L). Вероятно, неопределенность в цифрах объясняется методикой определения границ поселений, которая пока не отработана. Кроме того, возможно длительное существование поселений на одном месте, вызванное благоприятными экологическими условиями и постепенным освоением соседних территорий (горизонтальная стратиграфия), что было, например, зафиксировано раскопками в Мергархе. 6. При раскопках хараппских памятников не найдены могилы знати, жрецов и правителей.

7. В хараппских комплексах отсутствует вооружение. 8. Яркое выражение религиозно-культурный характер хараппской цивилизации. Из 2469 печатей и их отгисков (Щетенко 1979:190) более 400, имеющих надписи, посвящены божествам (Волчок 1972:246). Следовательно, единственный вывод, который можно сделать основываясь на анализе археологических источников, заключается в том, что хараппское общество было стратифицированным, состоящим из ряда слоев (страт) отличным как от современных ему ближневосточных обществ (Утченко, Дьяконов 1973:144-145), так и от последующих социальных структур, оставленных его наследниками — создателями Ригведы.

Проблема политического устройства древнеиндийской цивилизации по-прежнему дискутируется. Полагают, что хараппское общество было: 1) рабовладельческим, политическая организация которого была близка политическому строю Шумера; 2) раннеклассовым государством; 3) империй; 4) демократией религиозного толка; 5) торговой олигархией (Щетенко 1979:183,187). Мною было высказано предположение, на основе сопоставления археологических данных по всем древним культурам Индостана, о предклассовом характере древнеиндийского общества (Щетенко 1979:202).

Б.Б.Лал рассматривает эту проблему с иных позиций. Доказав местное происхождение хараппской культуры, он приходит к выводу, что в прехараппских комплексах существовали материальные предпосылки для развития цивилизации. Это — укрепленные "цитадели", платформы, регулярная застройка, развитые медно-бронзовая металлургия и гончарство, стандартизация в изготовлении керамики и в строительстве (планы домов, размеры кирпича). Первые "городки" (Калибанган, Кот-Диджи, Рахан-Дхери, Кохтраш Бухти) управляли своими районами и являлись, по мнению Лала, вожествами (chiefdoms), в которых появились первые ростки индийской государственности (с.68).

Главным двигателем данного процесса была торговля. Наличие письменности, печатей, их отгисков, системы весов и мер — вот те качественные отличия развитой хараппской цивилизации от предшествующих культур. Торговля вела к эволюции системы письма (для составления отчетов), к изготовлению печатей (для маркировки экспорта), к возникновению системы мер и весов (для измерения и взвешивания предметов экспорта и импорта). Все эти культурные новшества, в свою очередь, создавали благоприятные возможности для развития торговли и коммерции, и для роста экономического потенциала. Последний вызвал изменения в социо-политической ситуации: шло расслое-

ние общества, появлялись новые профессии и сословия. Усиливался контроль за добычей ресурсов, их транспортировкой и распределением. Во главе иерархической пирамиды, вероятно, стояли вожди, окруженные жречеством. Следовательно, в эпоху развитой хараппы происходила трансформация небольших чифдомов в организованные государства. Их, полагает Б.Б.Лал, было не менее семи с центрами в Мохенджо-Даро, Хараппе, Ганверивале, Калибангане, Ракхигархе, Банавале, Дхоловири (то есть в Котаде – А.Ш.), а Лотхал представлял региональный пункт судовой корпорации (с.69). Не исключает он возможности и единой “империи”, но сам же приводит доводы против такого положения. В хараппской культуре отсутствуют дворцы, где мог бы жить “император” и нет царских могил, столь характерных для древних цивилизаций Египта и Месопотамии. Напомнив о существовании в Северной Индии в середине I тыс. до н.э. “16 великих государств”, среди которых было и несколько олигархий, Б.Б.Лал не отрицает такую возможность и для хараппской цивилизации (с.70).

Б.Б.Лал впервые предлагает концепцию чифдомов, которая является одной из форм трансформации предклассовых обществ на пути к ранним этапам государственности (История первобытного общества 1988:235-236). Такая трансформация предполагает наличие ряда этапов (военно-демократического, военно-иерархического – предшественников вождеств), наблюдаемых этнографами в “архаических” и “примитивных обществах (Servis 1971: 140). На каком этапе находилась хараппская цивилизация, сказать пока трудно. Только после дешифровки древнеиндийской письменности, которая, вероятно, прольет свет на характер собственности в хараппском обществе, можно будет уверенно говорить о его социальной стратификации и политической организации. В настоящее время основой социологических реконструкций остаются археологические источники, и от разработки методов их систематизации и интерпретации зависит решение многих сложных вопросов древнеиндийской истории.

Возлок, Б.Я. 1972. Протоиндийские божества // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов II: 246-304. Москва: Наука.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. 1988. Москва: Наука.

Курозов Ю.В. 1981. Протоиндийские надписи // Советская этнография 5: 47-71.

Утченко, С.Л., И.М.Дыконов. 1973. Социальная стратификация древнего общества // Доклады конгресса I(3): 129-149. Москва.

Шетенко, А.Я. 1979. Первобытный Индостан. Ленинград: Наука.

Cunningham, Sir Alexander. 1875. Archaeological survey of India: report for the years 1872-1873. V. Calcutta: Government of India.

Dani, A.H., B.K.Thapar. 1992. The Indus civilization // Dani, A.H., V.M.Masson (eds.). History of civilizations of Central Asia I: 283-318. Paris: UNESCO publishing.

Fairservis, W.A. 1956. Excavations in the Quetta valley, West Pakistan // Anthropological papers of the American museum of natural history 45(2): 165-402. New York.

1959. Archaeological studies in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan // Anthropological papers of the American museum of natural history 47(2): 273-448. New York.

1967. The origin, character, and decline of an early civilization // American museum novitates N 2302 (20 October): 1-48. New York.

1971. The roots of ancient India. New York: The Macmillan Company.

1976. Excavations at the harappan civilization and its writing. Leiden, New York, Kobenhavn, Köln: E.J.Brill.

Ghosh, A. 1946. Introduction: the pottery of Ahichchhatra, district Barcilly, U.P. // Ancient India I: 37-40. Delhi: Government of India.

Marshall, Sir John. 1939. The story of the archaeological department in India // Revealing India's past: 1-33. London: The Indus Society.

Mughal, M.R. 1990. The harappan "twin capitals" and reality // Journal of Central Asia XIII(1): 155-162.

Servis, E.R. 1971. Primitive social organisation. An evolutionary perspective. New York.

Wheller, Sir Mortimer. 1947. Harappa 1946: the defences and cemetery R-27 // Ancient India 3: 58-130. Delhi: Government of India.

Woolley, Sir Leonard. 1939. A report on the work of the Archaeological survey of India. Delhi: Government of India.

А.Я.Шетенко

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

РАЗВИТИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПЕРУ

Izumi Shimada. *Pampa Grande and the Mochica Culture*. 323 pages. 175 figures. 1994. Austin: University of Texas Press.

Северное побережье Перу - один из немногих районов мира, в которых осуществился не стимулированный внешним воздействием переход от догосударственного политического устройства к первичному государству. Давно предполагалось, что процесс этот развивался в контексте культуры мочика, вызывавшей поэтому оправданный интерес социальных антропологов. Однако написанное на эту тему обычно касалось либо локальных аспектов проблемы на материалах периферийных долин, либо давалось в упрощенно-тезисной форме (в статьях и т.п.), либо основывалось не на археологических фактах, а на анализе содержания мочикских росписей.

Книга И. Шимады - первая обобщающая работа по мочика, написанная с позиций археолога. Ее появление особенно актуально после ошеломляющих открытий, сделанных на севере Перу в последние годы. Раскопки богатых захоронений в Сипане не только продемонстрировали всю глубину общественного неравенства на побережье уже в первых веках нашей эры, но и заставили изменить представления об ареале мочикской культуры на разных этапах развития. Тем самым изменился и взгляд на соответствующее ей возможное политическое устройство.

Среди десятков ученых США, Перу и Европы, специализирующихся на изучении мочикской цивилизации, И. Шимада давно выглядел наиболее вероятным и желательным кандидатом в качестве автора обобщающей монографии. Выросший в Принстоне японец, человек редкостной научной добросовестности и работоспособности, он первым рискнул вплотную заняться изучением колоссальных по масштабам и структурно сложных памятников долины Ламбайеке - самой крупной по сельскохозяйственному потенциалу на побережье Перу. Благодаря ему, позднемочикская культура в Пампа-Гранде (VII в. н.э.) и сменяющая ее культура

сикан (VIII-XII в. н.э.) заняли подобающее им место в ряду доколумбовых цивилизаций.

Термины цивилизация, город и государство не являются синонимами. Цивилизация обозначает относительно сложный, но четко неопределимый уровень развития культуры. Подобный уровень возможен лишь в сложном, но не обязательно в государственном обществе. Понятие города получает свой смысл лишь в рамках той или иной конкретной традиции. Единственным универсальным признаком является "относительно крупное и важное поселение", но вряд ли такое определение эвристически ценно. В отличие от цивилизации и города, понятие государства вполне однозначно и относительно к централизованным властным структурам, имеющим специализированный аппарат управления, а не основанным лишь на возникающих ad hoc чисто личных контактах.

Высокие культуры доколумбовой Америки во многих отношениях мало напоминают лучше знакомые русскому читателю цивилизации Египта, Месопотамии и долины Инда. Так большинство американских цивилизаций первого поколения имели резко выраженную пирамидальную структуру. В каждый данный момент у них был только один, непропорционально мощный центр, влияние которого расходилось на далекие расстояния. В Мезоамерике это Сан-Лоренсо, а затем Ла-Вента ольмеков, Теотиуакан в долине Мехико и Монте-Альбан в Оахаке, на Миссиссипи Кахокия, в горных районах Анд Уари и Тиуанакко, на побережье Перу Моче, а затем Пампа-Гранде в культуре мочика, Батан-Гранде в сикан. В данном отношении индейские культуры напоминают не Шумер, а иньский Китай.

Для Мезоамерики и Централных Анд характерны экологическое разнообразие, пересеченный рельеф, из-за чего в древности эти области отличались невероятной этнической дробностью и пестротой. Поэтому (опять-таки

в отличие от Египта, Месопотамии и Харатпы) в ряде случаев даже примерно не можем определить языковую принадлежность создателей ранних индейских цивилизаций. Понятно, что это усложняет использование в реконструкциях материалов постколумбового периода. Здесь И.Шимада, начинавший карьеру перуаниста сразу в качестве археолога-полевика, имеет преимущество перед теми, кто "слишком много" знает о культуре инков и этнографии кечуа. В то же время И.Шимада не вполне уверенно себя чувствует там, где ему приходится привлекать к анализу иконографические материалы.

В книге подробно рассматриваются история изучения мочика, генезис культуры и этапы ее развития, экономическая база прибрежной цивилизации северного Перу. Не станем останавливаться на всех вопросах подробно. Относительно хозяйства, отметим лишь поистине революционный вывод о развитом скотоводстве у мочика по крайней мере на позднем этапе культуры, а скорее всего и раньше. Традиционно считалось, что лам перуанцы разводили только в горах, а на побережье они попадали на короткое время в составе караванов. На огромном археологическом и палеозоологическом материале И.Шимада доказывает, что обитатели Пампа-Гранде не только разводили лам сами, но и что мясо этих животных являлось более важным источником белковой пищи, нежели морские продукты. Мясо лам, по-видимому, входило в состав повседневного рациона и во всяком случае было в равной мере доступно как элите, так и социальным низам. Это еще раз свидетельствует о том, что между двумя главными центрами цивилизий Нового Света - Мезоамерикой и Центральными Андами - различий не меньше, чем сходства. В перспективе Древнее Перу обладало более мощным потенциалом развития, чем Мексика-Гватемала. В Мезоамерике, где домашних животных не знали, структурное голодание являлось обычным явлением, а доступ к мясной пище нередко оказывался привилегией знати, о чем свидетельствует анализ костей погребенных (Lentz 1991:281; Pires-Ferreira, Flannery 1976: 292; Webster, Freter 1990:82). То же, кстати, касается и миссисипской культуры (Hatch 1987:12).

В центре проблематики рецензируемой книги - вопрос о времени образования у мочика государства и реконструкция социально-политических отношений в Пампа-Гранде.

Культура мочика делится на пять периодов (фактически четыре, ибо этапы I и II плохо различимы). Большинство исследователей (среди них автор рецензии) думают, что государство образовалось в период III (IV-V вв.), когда в низовьях реки Моче началось возведение ог-

ромных монументальных сооружений, а правители Моче силой оружия подчинили обитателей нескольких более южных долин. Один только Р.Шедель полагает, что мочикской культуре эпохи расцвета соответствовало вожество, а не государство (Schaedel 1972; 1985).

Сильнейший аргумент против мнения Шеделя привел Р.Карнейро (Carneiro 1987:762-763). Даже по минимальным оценкам, население подчиненных центру в Моче долин составляло 100 000 человек. Политических объединений подобной численности, управляемых без помощи административного аппарата, мы не знаем. По-видимому, их и не может быть. Соответственно для управления завоеванными территориями мочика также должны были созданы специализированный аппарат. Добавим, что у мочика представлена и считающаяся типичной для государств четырех- (если не пяти-) ранговая система поселений, причем это не та в сущности незначительная градация поселений по площади, которая обнаружена в древней Сузиане, а недвусмысленная сеть разбросанных по долинам монументальных платформ-крепостей.

Не оспаривая эти положения, И.Шимада, однако, показывает, что аргументы Шеделя все же нуждаются во внимательном рассмотрении. Как бы ни классифицировать политическую организацию периода IV, она была иной, чем в период V, когда центр в Моче оказался заброшен, а в более северной долине Ламбайеке был построен город Пампа-Гранде. Главных различий два.

На сырцовых кирпичах, из которых сложены монументальные платформы как в Моче, так и в Пампа-Гранде, нанесены знаки. В Моче они коррелируют с формой кирпичей, составом глины и с расположением в пределах отдельных вертикальных секций, из которых состоит массив кладки. Практически нет сомнений в том, что каждая участвовавшая в строительстве крестьянская община самостоятельно производила все операции, начиная от изготовления кирпичей и кончая возведением своего участка платформы. В Пампа-Гранде ситуация иная. Секций здесь нет вообще, а массив пирамиды сложен из сырцовых камер, наполненных строительным мусором. В стенах же камер кирпичи разной формы с разными знаками перемешаны бессистемно. Это значит, что строители подчинялись здесь уже не своим местным лидерам, а какой-то центральной власти.

Второе различие, точнее целая совокупность признаков, наличествующих в Пампа-Гранде и отсутствующих в Моче, отражает функционирование в позднемочикский период редистрибутивной системы, охватывавшей все

население города численностью 10-15 тыс. человек. В Пампа-Гранде обнаружена сложная система архитектурных комплексов и отдельных помещений, связанных с централизованно регулируемой организацией ремесленного производства. Имеются общественные кухни и обширные склады. Производством высококачественной продукции (обработка импортных раковин), по-видимому, занимались люди, непосредственно подчиненные властям. Гончарство, обработка меди, ткачество и т.п. были делом переселенных в город общинников. Каждая небольшая группа занималась немногими операциями, после чего полуфабрикаты поступали в другую мастерскую. Изучение городской застройки позволяет выделить среди обитателей Пампа-Гранде четыре социальных слоя: высшее руководство (скорее всего наделенное сакральными функциями; его представители обитали в дворцовом комплексе на вершине 40-метровой платформы); главные администраторы, связанные с двумя менее крупными монументальными сооружениями; низший управленческий аппарат; рядовое население.

В целом общественная система Пампа-Гранде ни в чем существенно не отличается от инкской системы, также основанной на государственной redistribuции и подавлении свободного торгового обмена. Данный вывод не сделан, однако, Шимадой по аналогии, а опирается на конкретные археологические доказательства.

Как было организовано мочикское общество в периоды III-IV, остается пока лишь гадать. Шимада обращает внимание на то, что в богатых могилах этого и более раннего времени встречаются предметы довольно низкого качества, а в более бедных могилах бывают представлены отдельные вещи исключительно высокого уровня исполнения. Подобная картина несовместима с политикой строгого разделения сфер циркулирования престижных и утилитарных ценностей, проводившейся как инками так и, по-видимому, властями Пампа-Гранде.

Анализ керамики позволил отличить представителей элитной элиты от общинных лидеров, вынужденных переселиться в Пампа-Гранде вместе со своими людьми. Подобная довольно тонкая исследовательская процедура оказалась возможной благодаря тому, что население Ламбайеке этнически принадлежало не к мочика, а к носителям культуры гальинасо. То, что в различных долинах северного побережья (протянувшегося в меридиональном направлении почти на 1000 км) в I тыс. н.э. бок о бок жили создатели по крайней мере двух неродственных культур - мочика и гальинасо - предполагали и другие исследователи. Шимада, однако, первым сумел обобщить эти факты и про-

демонстрировать их значение для реконструкции социальной системы. Поселения гальинасо повсюду тяготеют к берегу моря, близ которого мочикские памятников в ряде долин нет вообще. Я склонен согласиться с предположением Шимады о том, что мочикская знать вела свой род от создателей культуры салинар, имеющей, видимо, горное происхождение и распространяющейся на северном побережье в конце I тыс. до н.э. В первых веках нашей эры от Моче до Пьюры существовали небольшие вожества, в которых правящие группы принадлежали к мочика, а население к гальинасо или близким к гальинасо культурам (викус). Южнее Моче располагались вожества гальинасо, которые правители Моче подчинили в период мочика III.

Мочикское государство в Пампа-Гранде представляло собой кратковременный (50-100 лет) и в каком-то смысле случайный эпизод в развитии цивилизации северного побережья. Строительство огромного по тем временам города на новом месте, в 50 км от моря, но зато близ головных сооружений магистральных каналов явилось попыткой преодоления социально-экономического кризиса, вызванного предполагаемой климатологами тридцатилетней засухой. Впрочем город как таковой стал скорее всего лишь побочным результатом осуществления совсем иного проекта - строительства пирамиды Уака-Форталеса, долженствующей превзойти по размерам монументальные сооружения всех более ранних эпох. На возведении платформы объемом 1,5 млн м³ должны были быть в течение многих лет непрерывно заняты несколько тысяч человек, так что окружающие кварталы представляли собой в сущности лишь огромную мастерскую по обслуживанию строительства. Уака-Форталеса была закончена как раз ко времени, когда климатическая ситуация вернулась к норме. В глазах населения Ламбайеке лидерство мочикской элиты и осуществляемое ею экономическое давление, очевидно, утратили оправдание. В ходе восстания все административные здания Пампа-Гранде и прежде всего дворцовый комплекс были сожжены, после чего город опустел. Мочикская знать была скорее всего физически истреблена, а элитарные элементы мочикской культуры, в том числе и в изобразительном искусстве и религии, навсегда исчезли. Шимада рассматривает и другие сценарии гибели Пампа-Гранде, но ни один из них не соответствует столь хорошо обнаруженным фактам, как гипотеза социального взрыва.

Характеризуя Пампа-Гранде, Шимада употребляет непривычный для перуанистов термин "город-государство". Он указывает в частности на то, что власть правителей Пампа-

Гранде вряд ли простиралась на весь мочикский ареал, оставшийся после отпадения в конце периода IV южных долин. Долины Хекетепеке и Моче (в последней находился другой крупный центр периода V, Галиндо), скорее всего были независимы. Если основываться на демографических и пространственных характеристиках, на соотношении городского центра и сельской округи, то Пампа-Гранде действительно сходна с городами-государствами постклассической Мезоамерики и древней Месопотамии. Если же говорить о социальной организации, то перед нами явления все же разные. В Пампа-Гранде, как и в тех более поздних перуанских обществах, которые нам сравнительно хорошо известны (царство Чимор, инки), город не являл собой особый организм, внутренне организованную общину, а был не более чем продуктом социальной инженерии. Общество членилось не на связанные с определенными поселениями территориальные общины, а на территориально-родовые подразделения, построенные обычно (если не всегда) на дуально-иерархическом принципе. Временная концентрация жителей в крупных центрах происходила по приказу властей, а не в силу стихийных экономических процессов. Подобные города неизменно опустевали сразу же после исчезновения тех политических образований, в рамках которых они функционировали.

И. Шимада - один из тех немногих американских исследователей, для которых "империя Уари" (государство с центром в горах близ современного Аякучо, якобы подчинившее в VII-VIII вв. большую часть перуанской ойкумены) не является фактом. Никаких доказательств гибели мочикской цивилизации из-за прямого или косвенного давления Уари он не видит. В то же время Шимада приводит много новых свидетельств взаимодействия различных перуанских культур, которое резко усилилось в VII в. после эпохи весьма изолированного развития отдельных ареалов. По-видимому, в это время действительно были заложены основы грядущего политического объединения Центральных Анд, но не в смысле "генеральной репетиции" этого события, а через создание общего идеологического пространства. Нет сомнения, что позднемочикская иконография заимствует многие элементы иконографии уари и тиауанак как на формально-композиционном, так и, по-видимому, на содержательном уровне (одушевленные палицы-щиты обретают птичьи хвосты и крылья и явно уподобляются тиауанакским "ангелам"). Усиливаются связи Центральных Анд с побережьем Эквадора и на-

чинают употребляться привозимые оттуда большие красные раковины *Spondylus*, без которых отныне ритуальная активность как на побережье, так и в горах Перу делается просто немислимой. На центральном и на северном побережье вытянутые на спине погребения постепенно уступают место сидящим скорченным мумиям, которые ранее были характерны лишь для более южного ареала (культуры паракас и наска). Складывается тип обширного прямоугольного, огороженного глухими высокими стенами комплекса, служащего резиденцией администраторов и властей. Таким образом, инкский "блицкриг" во второй половине XV в. лишь оформил интеграционный процесс, начавшийся восемью веками раньше.

Причина активного поиска внешних контактов перуанскими политическими образованиями VII в. н.э. может заключаться в том, что становление в это время более развитых государственных институтов и усиление централизации закономерно повысили расходы на управление. Традиционно мобилизуемые внутренние ресурсы стало не хватать, что заставило обратиться к поиску материальных и духовных престижных ценностей за рубежами. Подобная модель, разработанная первоначально для Оахаки (одного из первичных центров государственности в Мезоамерики) сейчас в успехе применена для объяснения динамики демографических и политических процессов на американском Юго-западе (Neitzel 1994).

По историческим меркам, единство Центральных Анд складывается поздно. Ранее II тыс. до н.э. между двумя главными центрами будущей древнеперуанской цивилизации (северным побережьем, с одной стороны, и бассейном озера Титикака в горах, с другой) нет почти никаких общих черт, что и естественно, учитывая несходство природной среды обоих районов. Цивилизация северного побережья Перу - совершенно оригинальное и самостоятельное явление. Недостаточное осознание этой самостоятельности частью исследователей вызвано тем, что в результате полной ассимиляции местных индейцев в XIX в. североперуанская цивилизация осталась без наследников. Объединять традицию северного побережья с культурами индейцев Боливии и горного Перу есть то же самое, что путать Элам (еще один пасынок университетских учебников) и Шумер. Исследования И. Шимады и в частности его новая книга способствуют тому, чтобы культурная традиция северного побережья Перу смогла занять подобающее ей место в ряду других древних цивилизаций.

- Carneiro, R.L.* 1987. Cross-currents in the theory of state formation // *American Ethnologist* 14(4):756-770.
- Hatch, J.* 1987. Mortuary indicators of organizational variability among late prehistoric chiefdoms in the Southeastern U.S. interior // *Chiefdoms in the Americas*. Lanham, New York, London: University Press of America. Pp.9-17.
- Lentz, D.L.* 1991. Maya diet of the rich and poor: paleoethnobotanical evidence from Copan // *Latin American Antiquity* 2(3): 269-287.
- Neitzel, J.E.* 1994. Boundary dynamics in the Chacoan regional system // *The American Southwestern Community*. Albuquerque: University of New Mexico Press. Pp.209-240.
- Pires-Ferreira, J.W., Flannery, K.V.* 1976. Ethnographic models for Formative exchange // *The Early Mesoamerican Village*. New York et al.: Academic Press. Pp.286-292.
- Schaeffel, R.P.* 1972. The city and the origin of state in America // *Actas y Memorias del 39 Congreso Internacional de Americanistas* 2: 15-33.
1985. The transition from chiefdom to state in Northern Peru // *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadlen, Mass.: Bergin and Garvey. Pp.156-170.
- Webster, David, Freter, A.C.* 1990. Settlement history and the Classic collapse at Copan: a redefined chronological perspective // *Latin American Antiquity* 1(1):66-83.

Ю.Е. Березкин
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

ЗОЛОТО ПЕРУАНСКИХ ВОЖДЕЙ

El Mundo Ceremonial Andino. Luis Millones and Yoshio Onuki (eds). 306 pages. 1994. Osaka: National Museum of Ethnology. (Senry Ethnological Studies, no.37).

Walter Alva and Christopher B. Donnan. *Royal Tombs of Sipán*. 228 pages, 249 figures. 1993. Los Angeles: Fowler Museum of Cultural History, University of California.

Среди признаков, по которым мы судим о сложной организации древних обществ, двум отведена особая роль. Речь идет о выделяющихся своими размерами неутилитарных сооружениях и постройках и о богатых захоронениях. Когда-то монументальные храмы и "царские" могилы упоминались главным образом в связи с возникновением ранних государств, затем оба признака начали связываться со становлением вожеств. Так К.Ренфрю, выявляя по археологическим данным коллективы надобщинного уровня, относил их к категории вожеств во всех случаях, когда обнаруживал богатые захоронения или следы значительных общественных работ. Отсюда следовало, что на Британских островах, например, вожества появляются еще в неолите.

Понятно, что вожествами здесь именуются общества, в которых существование облеченных значительной властью личностей никак в сущности не доказывается. Вместе с тем, называя так все сложные общества доисторической

Европы, Ренфрю отмечает, что со II тыс. до н.э. они меняют свою природу. Если раньше организационные усилия бывали направлены на строительство неутилитарных монументальных объектов (Стоунхендж, мальтийские храмы), то позже - на создание предметов прикладного искусства и прочих мобильных ценностей, которые сосредотачивались в руках знати (Renfrew 1973: 267; 1974: 74-76).

Не споря о терминологии, обратим поэтому внимание на те обстоятельства, которые именно Ренфрю раньше других осознал. Во-первых, социально слабо стратифицированные, но сопоставимые по числу членов с вожествами (тысячи человек) сплоченные коллективы (об их интеграции свидетельствуют следы упомянутых общественных работ) необходимо отличать от на один-два порядка менее крупных коллективов типа общин. Во-вторых, надобщинные социальные единицы, ориентированные на удовлетворение групповых интересов ("group-oriented chiefdoms", по Ренфрю), появ-

ляются раньше обществ с оформившейся элитой ("individualizing chiefdoms"). Таким образом, два признака -- общественная архитектура, с одной стороны, и сокровища в погребениях, с другой -- свидетельствуют о разных процессах.

Сходную классификацию догосударственных сложных обществ предложил Дж.Рик (Стенфордский университет). В обществах с целевой интеграцией элита устанавливает контроль над ресурсами, информацией и людьми, что приводит к сосредоточению в ее руках власти и ценностей (богатые захоронения). В обществах с функциональной интеграцией нет групп, резко выделяющихся среди других уровнем престижного потребления, однако координация действий членов коллектива здесь тоже высока и отражена в создании трудоемких объектов -- как утилитарных (ирригационные сооружения, например), так и неутилитарных, таких как храмы или используемые в ритуалах изделия квалифицированных ремесленников (Rick 1990: 480). Примером функционально интегрированных обществ служат некоторые культуры американского Юго-Запада.

Если вождества (иерархически организованные коллективы с властными лидерами, но без специализированного аппарата управления) изучены ныне достаточно, то само существование интегрированных сообществ, лишенных явного властного центра, лишь начинает осознаться социальными антропологами. О вероятной принадлежности к этому типу многих догосударственных обществ Ближнего и Среднего Востока и о возможно уникальном этнографическом примере такого общества (апатани Восточных Гималаев) я недавно писал (Березкин 1994а; 1994б; 1995). Новый свет на проблему проливают раскопки в Перу.

За истекшие десятилетия представления о путях развития древнеперуанской цивилизации менялись. Вплоть до 20-х годов был известен лишь ее поздний слой, хотя некоторые сведения о доинских цивилизациях появились еще в XIX в. На протяжении 20-60-х годов оформилась новая схема: первые цивилизации и государства возникают в Центральных Андах в начале или середине I тыс. н.э., им предшествует культурная общность чавин I тыс. до н.э., которой политически соответствует вождество. Ее центр (городок и храм Чавин-де-Уантар) находился на севере горного Перу, откуда его влияние распространялось на побережье.

Представления подверглись ревизии в 70-80-х годах. Оказалось, что часть сооружений перуанского побережья, объемом кладки соперничающих с крупнейшими постройками поздних эпох, древнее не только классических цивилизаций I тыс. н.э. (мочика, уари, тиауана-

ко), но и чавина. Эти монументальные центры возникли по крайней мере в середине II тыс. до н.э., а сама практика возведения массивных террас и стилобатов уходит в III тысячелетие. Небольшие неутилитарные насыпи и каменные кладки известны даже для IV-VI тысячелетий.

Эти открытия были истолкованы как свидетельство появления вождеств в III-II тыс. до н.э., а некоторые археологи пошли в выводах еще дальше. Сопоставляя крупнейшие постройки побережья II тыс. до н.э. и I тыс. н.э., супруги Т.и Ш.Позорски пришли к заключению: коль скоро мы определяем как государство политическое образование, которому соответствует развитая культура мочика IV-VI веков н.э., то надо признать создателями не менее крупного государства и людей, построивших в середине II тыс. до н.э. монументальные сооружения долины Касма (S.Pozorski 1987; S.Pozorski, T.Pozorski 1986; 1988; 97).

Если сравнивать только размеры пирамид (в обоих случаях объемом 1-2 млн.м³), совершенство монументальной живописи и скульптуры, различия в величине "столичных" и периферийных центров, то такой вывод неизбежен. Однако большинство перуанистов к возможности появления в Центральных Андах государств за две тысячи лет до мочика отнеслось, по понятным причинам, скептически. "Провокационное" утверждение Позорски стимулировало поиск альтернативных решений, наиболее убедительное из которых предложили супруги Р.и Л.Бёргер (Burger, Salazar-Burger 1991).

Раскапывая лишь немногим менее монументальные, чем Позорски, храмовые центры побережья, Бёргеры обращают внимание на особенности, которые не согласуются с теорией вождества/государства. Остатки жилых помещений и следы ремесленной деятельности встречаются в самых неподходящих местах, т.е. на парадных платформах храмов. Необычные личные украшения (ожерелье из кльков морского льва и ушные вставки из костей дельфина у одного из мужчин, например) свидетельствуют об особом статусе некоторых погребенных, но ни в одной могиле нет предметов, имеющих существенную материальную ценность. Храмы II тыс. до н.э. строились на протяжении сотен лет и поэтому могли быть возведены усилиями относительно небольших коллективов. И, наконец, наличие двойных алтарей, парных платформ и т.п., наряду со всем, что мы знаем о традиционной организации в Андах в целом, позволяет предполагать, что эти коллективы представляли собой иерархически соподчиненные дуально организованные объединения на основе реального или фиктивного родства (каждое подразделение более высокого уровня состояло из двух сходных по величине, но не

вполне равных по статусу подразделений более низкого уровня). *Этнографические примеры* показывают, что подобная система способна координировать усилия сотен людей. Участники общественных работ следуют здесь не приказам администраторов, а общезвестному ритуалу, предписываемому в определенной очередности членам каждого подразделения выполнять те или иные задания (например (Tello, Miranda 1923: 530-549)).

При подобной системе существуют руководящие должностные позиции, однако конкретные лица занимают их лишь на время. Соперничество между половинками подразделения стимулирует стремление каждой из них превзойти другую в создании престижных объектов. Таким образом, появление на побережье Перу монументальной архитектуры, профессионального искусства и ремесла в III-II тыс. до н.э. скорее всего свидетельствует об интеграции мелких общин в крупные объединения с дуально-иерархической структурой, но нет нужды предполагать, что во главе коллективов стояли единовластные вожди.

Эти и им подобные аргументы повлияли и на позицию супругов Позорски, признающих теперь, что в сложных древних обществах могли быть представлены иные, нежели вождество или государство, типы организации (S. Pozorski, T. Pozorski 1992: 862).

В горном Перу ранее I тыс. до н.э. храмы, судя по их размеру, являлись фокусами церемониальной активности меньшего, чем на побережье, масштаба, а в архитектурном отношении следовали иным канонам, но сами принципы, на которых базировалась структура коллективов, были, очевидно, теми же, поскольку способствовали регулярному вовлечению людей в строительство и отделку общественных сооружений.

Затронутым выше вопросам посвящен сборник статей "El Mundo Ceremonial Andino". В нем рассматриваются как сложные общества региона III-I тыс. до н.э., так и засвидетельствованные этнографами и историками формы ритуального поведения, на которых подобные общества были, по всей видимости, основаны. Центральное место занимают статья Онуки, посвященная Религиозной Традиции Мито (Котош и другие храмовые центры в горном Перу в конце III - начале I тыс. до н.э.) и статья супругов Бёргер "Место дуальной организации в ранней церемониальной активности в Андах".

Однако наибольшее внимание привлекают в сборнике не древнейшие храмы и не материалы этнографии и истории, а впервые публикуемые в широкодоступном журнале данные о работах японской экспедиции на севере горного Перу в верхних р.Хекетепеке и в соседнем

районе Кахамарки. О наиболее сенсационных находках пишет Я.Като.

Открытия в верхних Хекетепеке, а точнее в храмовом центре Кунтур-Уаси I тыс. до н.э., как нельзя вовремя предоставили в наше распоряжение звено в цепи развития, связывающее сложные, но еще не имевшие, вероятно, наследственной знати, общества II тыс. до н.э. с крупными богатыми вождствами I тыс. н.э., о которых пойдет речь чуть дальше.

Культура Кунтур-Уаси имеет много общего с одновременной ей культурой чавин. Обе во многом наследуют достижения обитателей побережья Перу II тыс. до н.э. При ряде отличий в архитектурно-художественном каноне и в формах керамики, все это проявления единой традиции, для которой были среди прочего характерны монументальные изображения ягуароподобных мифических существ, террасированные прямоугольные платформы с широкими лестницами по центральной оси, замкнутые с трех сторон площадки, углубленные круглые в плане площадки с лестницами, ведущими вниз с двух противоположных концов. Типичные преимущественно для горных центров каменные барельефы тоже, как выясняется, еще во II тыс. до н.э. создавались на побережье (знаменитые монолиты Серро-Сецина и плиты из Пампа-де-лас-Льямас - Мохеке (Burger 1989b; T. Pozorski, S. Pozorski 1988)).

Однако напоминая более древние центры побережья внешним видом и размерами сооружений, Кунтур-Уаси отличается от них в важном отношении. Именно здесь впервые в Перу появляются богатые захоронения, а профессионалы-ремесленники начинают трудиться над украшением не только храмовых комплексов, но и парадного облачения тех людей, которые деятельностью храмов руководили.

Первые постройки в Кунтур-Уаси датируются началом I тыс. до н.э. (фаза илоло). Ближе к середине этого тысячелетия (фаза кунтур-уаси) прежнюю керамику вытесняют сосуды тех типов, которые ранее были характерны для побережья. В это время само побережье переживает кризис, может быть, вызванный особо крупным эль-ниньо или цунами (Bird 1987). Часть населения скорее всего уходит в горы, где наступает кратковременный расцвет таких центров, как Чавин-де-Уантар и Кунтур-Уаси (Burger 1981; 1988; 1989). Подобные события вполне могли способствовать подвижкам в общественной структуре и превращению "носителей должности" в настоящих вождей-жрецов.

На одной из монументальных платформ Кунтур-Уаси под полом относящегося к фазе кунтур-уаси сооружения японские археологи обнаружили четыре шахтовые с подбоем могилы глубиной от 1,7 до 2,5 м и диаметром около

1,5 м. Покойники были помещены сидя на коротких лицом на север (мужчины) или на юг (женщина), черепа искусственно деформированы, вокруг голов найдены следы красной киновари. Инвентарь таков.

Погр.1 (мужчина 50-60 лет): золотая (15% Ag) корона с подвесками в виде человеческого лица, небольшая золотая (9% Ag) пластинка, три керамических сосуда (фигурный, орнаментированный и гладкостенный), три горна из импортных морских раковин белого цвета, подвеска и две пронизки из них же, вставки в уши из синего камня.

Погр.2 (мужчина старше 60 лет): золотая (37% Ag) корона со сложным орнаментом из стилизованных ягуарьих голов, две золотые (27% Ag) пластины (18 x 9,5 см) с изображениями ягуарьих голов и котей, две золотые (24% и 21% Ag) пекторали (17,5 x 16 и 16,5 x 11 см) с изображениями клыков, змей и т.п., расписной кермический сосуд, орнаментированные фрагменты керамики, три пронизки синего камня.

Погр.3 (мужчина 30-40 лет): пара золотых (35-37% Ag) ушных вставок диаметром 7 см и толщиной 3,5 см и составляющие с ними комплект пронизки синего и белого камня, также для вставок в уши, два керамических сосуда (орнаментированный и гладкостенный).

Погр.4 (женщина старше 60 лет): две небольшие золотые (10-11% Ag) и серебряная (30% Au) подвески, миниатюрный мраморный сосудик в форме человеческой головы, три керамических сосуда (орнаментированные и гладкостенный), крупная бирюзовая бусина с изображением головы животного, более 6,5 тысяч мелких бус и пронизок из красных импортных раковин и зеленого и синего камня общим весом 2,5 кг.

На расстоянии 5 м от этих могил в прямоугольной яме находился скелет мужчины 40-50 лет без признаков черепной деформации, робустного телосложения, с более бедным инвентарем (два ожерелья из костяных пронизок, две подвески из меди и одна костяная, костяная ложка, пять бусин из камня и раковин). Мужчина погиб от удара по голове, о чем свидетельствует отверстие в черепе.

Большинство описываемых Я. Като золотых предметов опубликованы в прорисовках и фотографиях. Более детально все находки представлены на цветных фотографиях и перечислены с указанием размеров в японоязычном издании (El Oro, 1992).

Наличие богатых захоронений в Кунтур-Уаси и отсутствие таковых в более ранних комплексах нельзя отнести на счет случая. Североперуанские золотые предметы того же стиля, что и обнаруженные теперь, давно известны исследователям (Goddard 1921; Lothrop 1941),

но датировка вещей, приобретенных на рынке древностей, была неясна. Сейчас мало сомнений в том, что все прежние находки относятся к середине I тыс. до н.э. и происходят либо из самого Кунтур-Уаси, либо из других храмовых центров того же района на севере Перу. Напротив, драгоценности с изображениями в стиле типичном для прибрежных храмов II тыс. до н.э. в коллекциях совершенно отсутствуют. Авторы раскопок в Кунтур-Уаси допускают, правда, что инвентарь погребений был перенесен с побережья вместе с мумифицированными остатками знатных усопших и датируется не серединой, а началом I тыс. до н.э. (Opuki 1995:212-213). Это не оспаривает, однако, вывода об отсутствии золота во II тыс.

Открытия в Кунтур-Уаси заставляют отвергнуть предположение Позорски о том, что на побережье Перу практика сооружения роскошных гробниц для элиты могла по каким-то причинам не получить распространения (S. Pozorski, T. Pozorski 1992: 863). Напротив, она развивалась здесь больше, чем где-либо, однако лишь в обществах с действительно оформившимися властными центрами.

За год до начала работ японской экспедиции в Кунтур-Уаси в 75 км северо-западнее были обнаружены еще более богатые погребения, на сей раз относящиеся к ранним этапам культуры мочика. После предварительных публикаций в популярных изданиях, специалисты получили довольно полное представление об этих находках. Книга В.Альвы, который руководил работами, и К.Донна, изучавшего иконографию найденных предметов искусства, выходит за рамки иллюстрированного каталога выставки, в качестве которого была задумана. Зрелищность и доступность это издание совмещает с точностью описаний. Выход чисто научной публикации обещан в обозримое время.

Сложенные из сырьевого кирпича ступенчатые платформы и пирамиды близ деревни Сипан расположены в долине Ламбайеке в 25 км от моря. В феврале 1987 г. местные жители нашли в кладке одной из платформ погребальную камеру. Похищенные оттуда предметы из золота, серебра и позолоченной меди заполнили несколько мешков из-под риса. Это был не первый случай такого рода. В начале 60-х годов похожие драгоценности, созданные ювелирами культуры мочика в III в. н.э., поступили на рынок древностей из Лома-Негра (долина Пьюры). Уже после открытия Сипана, в 1988 г., грабители наткнулись на такие же сокровища в Ла-Мина (долина Хекетепеке к югу от Ламбайеке). Самый южный "клад", от которого сохранилось несколько раннемочикских металлических масок, был найден в начале века в долине Моче, где в дальнейшем располагался

главный центр этой культуры.

О деятельности грабителей в Сипане стало известно. Часть предметов удалось вернуть, раскопками занялись археологи. В ходе них были изучены три неповрежденные гробницы, две из которых примерно синхронны сокровищам Лома-Негры, Ла-Мины и разграбленной могилы Сипана, а третья на один-два века древнее. Более позднее (VI в. н.э.) богатое женское захоронение было в 1991 г. обнаружено в Сан-Хосе-де-Моро в долине Хекетепеке.

Здесь нет возможности перечислить сделанные в Сипане находки: их многие тысячи. Особенно роскошным было убранство мужчины 35-45 лет, погребенного в первой гробнице. На изготовление одного лишь трапециевидного предмета, предназначавшегося для подвешивания к поясу, пошел 1 кг чистого золота. Изделия из драгоценных металлов не только массивны и обильны. Многие из них пополнили коллекцию величайших шедевров искусства, когда либо созданных в древнем мире. Обряд погребения отличается исключительной сложностью. Наряду со знатными покойниками, найдены останки людей, принесенных в жертву, а также скопление отрубленных рук и ног. Скорее всего это военные трофеи, о существовании которых свидетельствуют вазовые росписи мочика. Интерпретация некоторых сопроводительных захоронений неоднозначна. Например, три женщины, чьи скелеты были обнаружены при раскопках гробницы 1, скончались задолго до смерти главного погребенного и были позже перезахоронены поближе к нему.

Отдельная тема - семантика изображений и комплексов в целом. В середине 70-х годов К.Доннан выделил в качестве ведущей темы мочикских росписей "сцену представительства", на которой воин с птичьими признаками, женское божество и другие существа направляются к клякостому воину в лучистом ореоле. Рядом люди-пленники, приносимые в жертву. Позже удалось доказать, что кубки в руках реальных прототипов персонажей почти наверняка наполнялись человеческой кровью с добавлением антикоагулянта. Одежда и украшения погребенных в Сипане позволяют думать, что человек из могилы 1 ассоциировался с главной персоной данного действия, человек из могилы 2 - с богом-птицей (его наряд победнее, на голове убор с изображением совы), а женщина из упомянутого погребения в Сан-Хосе-де-Моро - с мочикской богиней. Человек из гробницы 3 ("Старый правитель Сипана") - это скорее всего тоже главный участник, подобный покойнику из гробницы 1, но он не обнаруживает столь явных параллелей на росписях. К.Доннан предполагает, что ритуал в той

форме, как он известен по изображениям V-VI веков, в I-II веках еще не сложился.

Тема большинства изображений на металлических изделиях Сипана - мифические существа устрашающего вида, обезглавливающие людей. Аналогичные сцены преобладают и на предметах из разграбленных богатых захоронений в Пьюре и в Хекетепеке, в то время как на расписных и скульптурных мочикских сосудах, найденных в большинстве своем в Чикаме, Моче, Виру и Санте, доля сцен подобного содержания не столь велика. Пока не ясно, вызвано это отбором тем, подходящих лишь для определенной категории убогих и для воплощения в металле, или различиями в культуре долин севернее Чикамы и южнее ее.

Символика вещей и изображений Сипана основана на дуальных противопоставлениях, отражая основополагающий принцип организации древнеперуанских обществ. Есть масса парных предметов, выполненных один в золоте, а другой в серебре, изделия из двух половин - золотой и серебряной. Уникальны для искусства индейцев парные ожерелья из крупных позолоченных бусин в виде ухмыляющихся и плачущих головок (гробница 2).

Хотя авторы публикации именуют могилы царскими (royal), они сознают, что речь идет о местах упокоения не правителей государства, а представителей династий, под началом каждой из которых находилась в лучшем случае одна небольшая долина. Об этом свидетельствуют разбросанность "золотых" могил от Пьюры до Хекетепеке или Моче, их связь с крупными, но далеко не с крупнейшими мочикскими пирамидами и, наконец, хронология находок. Государство со столицей в низовьях Моче вряд ли образовалось ранее IV в. н.э., а долины севернее Чикамы, возможно, вообще в него не входила. Лишь часть их была наверное объединена в VII веке позднемочикскими правителями Пампа-Гранде (долина Ламбайеке). Таким образом, перед нами гробницы владетелей, масштабы деятельности которых не должны были существенно превышать масштабы деятельности лиц, захороненных в Кунтур-Уаси.

Как раннемочикские политические образования, так и объединения середины I тыс. до н.э. (Кунтур-Уаси), очевидно, можно именовать вождествами, хотя социальная структура претерпела изменения за разделяющие их пятьдесят веков. Большое число драгоценностей, найденных в более поздних захоронениях, скорее всего отражает укрепление власти элиты. Что же касается объединений II тыс. до н.э. (вокруг храмов типа Пампа-де-лас-Льямас - Мохеке), то несмотря на то, что высотой и объемом древние пирамиды долины Касма превосходят монументальные постройки как середи-

ны I тыс. до н.э., так и первых веков нашей эры, общественная стратификация во II тыс. до н.э. была, вероятно, еще слабо выражена, а единство коллективов основывалась не столько на вертикальных, сколько на горизонтальных связях.

Рубеж между акефальными объединениями и настоящими вождествами, пролегающий на севере Перу в середине I тыс. до н.э. (КунтурУаси), связан, видимо, с установлением наследственного лидерства в коллективах надобщинного уровня. Это открыло путь к возникновению культуры аристократии с ее немислимо сложным ритуалом. Характерно, что мочикские церемонии, которые удается в какой-то мере реконструировать, не обнаруживают прямых аналогий в инкское время. Видимо, культура мочикской знати сложилась и погубила вместе с ней самой. Не исключено также, что династии североперуанских вождей начала нашей эры прямо восходят к династиям середины I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют сход-

ные элементы в иконографии и традиция ювелирного дела. В других районах Америки в это время обрабатывать драгоценные металлы еще почти или совсем не умели.

Судя по этноисторическим данным, в перуанских вождествах отсутствовал товарообмен, а концентрация богатств в руках элиты осуществлялась через систему редиистрибуции, которая в основе своей должна была возникнуть еще во II-III тыс. до н.э. Однако если в то время собранные общинниками продукты потребления шли на "финансирование" строительства и украшения пирамид, то позднее прежде всего на содержание ремесленников, обдуживавших аристократию. Идеологические клише (клыки, когти, отрубленные головы и конечности как символы власти) уходят и вовсе в глубокую древность, к наркотическим видениям шаманов, получавших свою силу благодаря воображаемому встречам с ягуарами, анакондами и орлами.

Березкин, Ю.Е. 1994а. "Город мастеров" на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-дэпе в III тыс. до н.э. // Вестник Древней Истории 3: 14-37.

1994б. Алатани и древнейший восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера. Этнографические тетради 4: 5-19.

1995. Акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации. СПб. Сс.

Burger, R. 1988. Unity and heterogeneity within the Chavin horizon // Peruvian Prehistory. Cambridge etc.: 99-144.

1989а. El Horizonte Chavin: Quimera estilística o metamorfosis socioeconómica? // Revista Andina 7(2): 543-573.

1989b. The pre-Chavin stone sculpture of Casma and Pacopampa // Journal of Field Archaeology 16(4): 478-485.

Burger, R. and L. Salazar-Burger. 1991. The second season of investigations at the Initial Period center of Cardal, Peru // Journal of Field Archaeology 18(3): 275-296.

El Oro y Templo de Kuntur Wasi. Tokyo, 1992 (текст на японском с частичным испанским переводом).

Goddard, P.E. 1921. Peruvian gold of the Chimú kingdom // Natural History 21(5): 447-452.

Lothrop, S.K. 1941. Gold ornaments of Chavin style from Chongoyape, Peru // American Antiquity 6(3): 250-262.

Pozorski, S. 1987. Theocracy vs. militarism: the significance of the Casma valley in understanding early state formation // The Origin and Development of the Andean State. Cambridge University Press: 15-30.

Pozorski, S. and T. Pozorski. 1986. Recent excavations at Pampa de las Llamas - Moxeke, a complex Initial Period site in Peru // Journal of Field Archaeology 13(4): 381-401.

1988. Late Preceramic through Early Horizon subsistence in the Casma valley // Economic Prehistory of the Central Andes. B.A.R. 427: 95-98.

1992. Early civilization in the Casma Valley, Peru // Antiquity 66(253): 845-870.

Pozorski, T. and S. Pozorski. 1988. An early stone carving from Pampa de las Llamas - Moxeke, Casma valley, Peru // Journal of Field Archaeology 15(1): 114-119.

Renfrew, C. 1973. Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. A Pelican Book.

1974. Beyond a subsistence economy. The evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. An Archaeological Colloquium. American School of Oriental Research, Supplement to Bull. 20: 69-85.

Tello, J.C., and P. Miranda. 1923. Wallalo. Cereceronias gentificas realizadas en la región cizandina del Perú Central // Inca 1(2): 475-549.

Ю.Е. Березкин
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Средней Азии и Кавказа

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ШВЕЦИИ

The cultural landscape during 6 000 years in southern Sweden – the Istad Projekt.
Berlund, B.E. (ed.). Ecological Bulltins 41 – 495 pages. 1991. Copenhagen.

Tesch, S. Houses, farmsteads, and longterm Change. A regional study of
prehistoric settlements in the Kåpinge area, in Scania, Southern Sweden.
132 pages. 1993. Lund.

В последние годы взаимоотношение человека и окружающей Среды все больше привлекает внимание отечественных исследователей различных специальностей (*Проблемы взаимодействия* 1984; *Человек и окружающая среда* 1985), однако, работы, посвященные этой проблеме носят, как правило, разрозненный, некомпетентный характер. С этой точки зрения, для нас безусловный интерес представляет сорок первый том “Экологического бюллетеня” выходящего в Копенгагене, посвященный результатам междисциплинарных исследований ученых Университета в Лунде (Швеция) в рамках проекта “Культурный ландшафт в Южной Швеции за 6 000 лет. Истадский проект”. Для отечественного читателя данная коллективная монография интересна как содержащаяся в ней данными и результатами, так и, в особенности, хорошо продуманными и осуществленными принципами организации исследований. Проект был выполнен в 1982-1990 гг. Характерно, что первый год был целиком посвящен разработке детального плана работ.

Ареал проекта – небольшой город Истад на южном побережье Швеции и его округа размером 25 x 20 км. Цель проекта – комплексное исследование взаимодействия общества и его природного окружения в течение всего периода этого взаимодействия от появления человека на данной территории и до современности, выполненное на региональном уровне. Авторы проекта поставили перед собой задачи: описать изменения общества и ландшафта в репрезентативном ареале Южной Швеции; проанализировать связи между этими изменениями и, особенно, возникновение связей между использо-

ванием земли, растительностью, первичным производством и потреблением с одной стороны и плотностью населения, социальной структурой, экономикой и технологией – с другой стороны; сравнить исследованный ареал с другими ареалами в Швеции и Европе; содействовать сближению дисциплин, сосредотачивая внимание на подходах, методах и терминологии; содействовать охране естественной среды, культурного ландшафта и памятников древности (с. 13). К работе были привлечены ученые 6 дисциплин: четвертичной геологии, экологии растений, доисторической археологии, средневековой археологии, истории и гуманитарной географии. Проект был разделен на 15 субпроектов, которые образуют две группы. В группу “А” вошли 6 субпроектов, основная задача которых – изучение палеоэкологии и экологии региона: региональные и локальные изменения растительности, палеогидрология, эрозия почв, реконструкция древней растительности и землепользования, биопродукция доступная людям в различные периоды. В группу “Б” вошли 9 субпроектов (дисциплины: археология, история, гуманитарная география): изменения в ландшафте при возникновении земледелия, рост сельскохозяйственного производства и населения в среднеолитический период, изменения в расселении в бронзовом и железном веке, формирование деревень в позднем железном веке, развитие поселений, производства и социальной организации в Средние века, управление поместьями и расселение с середины XVI в., сельскохозяйственный ландшафт с XVII в. до огораживания, аграрное развитие в XIX в., от производящего общества

к обществу потребления (XX в.). Организационно руководители субпроектов образовали Совет, который координировал все исследования. В рамках каждой из дисциплин исследования первоначально проводились независимо, в традиционной методике. Затем происходила корреляция и суммирование полученных данных. В проекте принимали участие 32 исследователя, за время их работы было сделано несколько десятков публикаций, в том числе вышли три археологические монографии.

При выборе ареала проекта авторы исходили из того, что он к этому времени уже был хорошо изучен по всем шести дисциплинам, ареал контрастен — включает три различных ландшафтных зоны и хорошо характеризуют природу Скандинавии (с. 18). В основу проекта положено картографирование полученных данных в едином масштабе. Используются карты географические, геологические, почвенные, археологические (по периодам), исторических (упоминаемых в письменных источниках) деревень, а также весь набор сохранившихся карт XVII–XX вв.

Глава 1 книги посвящена целям и организации Истадского проекта. В главе 2 “Материалы и методы исследования” охарактеризовано состояние источников и поставлены задачи в области каждой из привлеченных дисциплин. В палеоэкологии основой реконструкций являются пыльцевые анализы колонок озерных и болотных отложений с радиокарбонowymi датами. Эти колонки являются стержнем всего проекта. Декларируется главная цель — изучение изменений ландшафта (растительности) на субрегиональном уровне — в ареалах радиусом 1–5 км. Однако, фактически основой проекта являются датированные анализы из 7 пунктов (приложение Б, с. 490–491), что в сочетании со знанием топографии, почв, гидрологии дает достаточно данных для реконструкции растительности прошлого всех трех природных зон, но не субрегионов. Кроме того, при сравнении пыльцевой стратиграфии с археологическими и историческими источниками возникает проблема различных временнопространственных масштабов. Таким образом, культурный ландшафт на субрегиональном уровне — это результат более или менее смелых построений историка на базе археологической карты и общих представлений о хозяйственной деятельности человека соответствующего исторического периода. В области экологии растений главная цель — установление роли использования человеком экологических ресурсов в развитии и изменении ландшафта — решается в ходе выполнения нескольких частей работы: моделирование агроэкосистем, ландшафтноэкологические реконструкции, картографирование раститель-

ности в современном ландшафте, экспериментальное изучение продуктивности простейшего трехлоля. Используются находки семян растений, а также данные палеоэкологии, археологии и истории. Для реконструкции взаимовлияния человеческой деятельности и окружающей Среды в проекте используется как базисная модель Б. Берлунда, основанная на пыльцевых диаграммах. Он выделил 4 периода влияния человека на природу в доисторический период. Главную задачу в области доисторической археологии (до 1050 г. по шведской периодизации) авторы проекта видели в том, чтобы найти археологические соотнесения этим четырем периодам. Первоначально ареал был обследован неравномерно, поэтому в ходе осуществления проекта был учтен и картографирован весь археологический материал (из раскопок и отдельные находки), проведена детальная разведка и выявлены следы поселений (с применением фосфатного картирования, опроса населения, сбора находок). В области средневековой археологии (1050–1500 гг.) исследователи сосредоточили внимание на ключевых категориях объектов: деревня (хронология, использование ресурсов) поместья (хронология, характер, локализация в ландшафте), церкви (источник в изучении динамики расширения культурного ландшафта, изменений в экономике и демографии). В рамках проекта были целиком раскопаны несколько разновременных деревень и поместий находившихся в различных ландшафтных зонах, что дало представление о характере и конкретных структурах поселений. Был использован опыт датских археологов (К. Бекера и других) с начала 60-х гг. раскопавших серию поселений с использованием механизмов (Becker et al. 1980). Исторические источники (понимаемые как письменные источники ранее 1800 г.) обрабатывались по традиционным методикам, после этого полученные результаты сопоставлялись с результатами смежных дисциплин. Внимание при этом концентрировалось на характере расселения, типах поселений, их связях с определенными ландшафтами. Исследование письменных источников тесно связано со средневековой археологией (раскопки деревень) и гуманитарной географией (ретроспективный анализ карт). Источниками по гуманитарной географии являются географические карты (с конца XVII в.), статистические данные (с середины XVIII в.), аэрофотосъемка производящаяся начиная с 1938 г. с интервалами в 5–10 лет. На этой базе исследование землевладения и землепользования как важнейших факторов изменений ландшафта доводится в проекте до уровня отдельных деревень и конкретных владельцев, при учете общих экономических и социальных про-

цессов. Как самостоятельные методы исследования выделены картографирование системы расселения и ландшафтно-экологическое картографирование, которые базируются на данных перечисленных дисциплин (с.49-53). Особо оговариваются все используемые термины (хронологическая периодизация, типы ландшафтов и землепользования, характер поселений и т.д.), что совершенно необходимо в междисциплинарном исследовании, также оговаривается перевод шведских терминов на английский язык и приводится соответствующий словарь.

В главе 3 "Общество и окружающая среда во времени" дается описание ареала по 10 хронологическим периодам от позднего мезолита до конца XX в. по единому плану, который включает описания физической географии, растительности, поселений, использования земли и ресурсов, социальной структуры характерных для каждого периода.

В следующей главе по этой же схеме хронологических срезов характеризуются избранные 4 субрегиона размера около 5 x 5 км находящиеся в разных ландшафтных зонах. Анализ базируется на картах в масштабе 1:50000, при этом взаимодействие человека с окружающей средой прослеживается не только субрегиональным уровнем, но иногда и на уровне отдельных поселений. Так, например, на с.117-119 предлагается реконструкция агро-экосистемы неолитических земледельцев поселения Кабюса (Kabusa) построенная на протеиновой модели. Исходя из того, что население раскопанного поселения могло состоять из 5 взрослых пар и 5 детей и количества необходимого для их жизни животного и растительного протеина, а также из того, что эта группа вела комплексное хозяйство (земледелие, скотоводство, рыбная ловля) и из реконструкции существовавшей экосистемы, высчитан необходимый ареал хозяйственной деятельности данного поселения — радиусом около 1 км. Аналогичные реконструкции сделаны для некоторых поселений и более поздних эпох. На субрегиональном уровне решается и проблема преемственности различных временных памятников, например, поселений эпохи викингов и средневековых деревень.

Глава 5 посвящена уже не хронологическим срезам в общей истории взаимоотношений человека и окружающей среды, а отдельным аспектам изменений культурного ландшафта в долговременной перспективе. Эти сквозные темы: палеогеология, эрозия почв и землепользование, агро-экосистемы от неолита до современности, возникновение и становление сельского хозяйства, процесс формирования деревень. В форме графиков и корреляционных таблиц представлены соотношение форм зем-

лепользования и эрозии почв, соотношение площади пашни и пастбищ на разных почвах и в разные исторические периоды и др. В заключение предлагается общая периодизация долговременных изменений в ландшафте и ее синхронизация с исторической периодизацией, определенными типами поселений и структурой расселения (с.429). В эпилоге перечисляются несколько направлений в палеоэкологических исследованиях, на которые в рамках проекта не хватило времени и средств и по которым авторский коллектив хотел бы продолжить работу.

Но и полученный уже обширный материал требует дополнительных осмысления и интерпретации, выходящих за рамки тома и проекта. Воздействие человека на окружающую среду задается базовыми схемами проекта схематично, как один из факторов формирования культурного ландшафта. Его расширение однозначно интерпретируется как прогрессивное развитие общества, а стабилизация или сокращение, как стагнация и регресс. Накопленный археологический материал вступил в противоречие с этой схемой, породив полемiku внутри авторского коллектива (с.331). Действительно, прекращение расширения культурного ландшафта или его сокращение могут говорить не о регрессе, а об интенсификации сельского хозяйства. Расширение безлесного ландшафта может быть связано с расширением пастбищ, а не ростом запашки и т.д. Четырехступенчатую схему связывающую тип поселения с агросистемой предложенную Ю.Кальмером было бы интересно сопоставить с русскими материалами. Благодаря разнообразным природным, демографическим и историческим условиям в различных частях России вплоть до конца XIX в. сосуществовали залежная, переложная и паровая системы, при этом не в чистом виде, а в форме разнообразных комбинированных систем, применявшихся в зависимости от конкретных условий (Н.А.Кирьянова 1992). Этот хорошо описанный этнографический материал отражающий все многообразие исторически существовавших форм земледелия мог бы значительно конкретизировать реконструкции агросистем базирующиеся на площади окультуренного ландшафта и плотности населения. Почти не учитывается влияние на структуру древнего расселения факторов выходящих за рамки непосредственного взаимодействия окружающей среды и человека. Одно из немногих исключений — упоминание о запустении прибрежных поселений в начале X в. в результате пиратства (с.346). Между тем влияние внеэкономических факторов значительно усложняет механизм сложения системы расселения. Чуть намечена интереснейшая тема соотношения протогородского

центра и города на примере Чёпинге и Истада (в данном случае возникновение и рост города не приводят к затуханию протогородского центра, а, видимо, к изменению его функции уже в рамках городской округи). Истадский проект рождает новые вопросы и будет стимулировать новые исследования по ряду дисциплин. Книга одного из участников Истадского проекта Стена Теша "Дом, двор и долговременные изменения. Региональное исследование доисторических поселений в районе Чёпинге в Скани, Южная Швеция" подводит итоги многолетних полевых исследований автора на территории к востоку от Истада, в основном в приходе Стура Чёпинге (Stora Kyrpinge). С.Теш в 1975-1986 гг. проводил спасательные раскопки, работая в отделе археологии Центрального совета национальных древностей Швеции (РАД), а затем в рамках Истадского проекта. Источниковедческая база исследования — материалы раскопок 58 селищ (хронологически — от неолита до раннего средневековья) сосредоточенных на очень небольшой площади. Для нас интересны прежде всего методики разведок и раскопок применяемые сейчас в Швеции. Список охраняемых памятников археологии Швеции составленный к 1971 г. в основном состоял из могильников, селища были скрыты под распушкой и почти не исследовались. Расширение территории городов и новые методы глубокой распушки грозили полным уничтожением следа поселений. В следующие 10 лет картина радикально изменилась. Работа С.Теша хорошо иллюстрирует мероприятия РАД на всей территории страны. В 1973-1975 гг. С.Теш провел фосфатное картирование в приходе Стура Чёпинге (сбор проб с интервалом 25 м, площадь сплошного картирования 13 кв.км). На выявленных пятнах гумуса по методике применяющейся датскими археологами с использованием механизма были сделаны разведочные траншеи шириной 2 м с интервалом 10 м. Найдя границы селища, траншеи соединяли в единый раскоп. Механически (ковшом с горизонтальной режущей плоскостью) снимался распахиваемый слой, после чего вручную зачищался материк и разбирались очаги, столбовые ямы, следы углубленных построек и т.д. Эта методика позволила в короткое время раскопать 15 га площади поселений, всего, включая пространство между траншеями, таким образом было обследовано 45 га площади поселений. Очередность работ определялась прежде всего охраняемыми целями исследований (рас-

копки на месте прокладки дорог, путепроводов, строительства зданий).

Такая методика сопряжена с определенными издержками. Как можно понять из описания работы датских археологов (Becker et al. 1980:93-94) снимаемый распаханный слой не перебирается (С.Теш об этом не упоминает). Между тем, на основе собственного опыта могу сказать, что на подобных селищах распахиваемый слой наиболее насыщен находками, даже и в перестроженном виде они дают информацию о топографии поселения. Иногда углубленных в материк следов не остается и тогда представление о поселении дает только пахотный слой. Впрочем, нельзя забывать что, если раскопки в Дании носили планомерный характер, то С.Теш проводил исследования в достаточно сложной ситуации, на частных землях, ограниченный во времени и средствах.

В результате в небольшом ареале были раскопаны около 100 "длинных домов", выяснено, что они были основным типом жилой постройки земледельческого населения от неолита до эпохи викингов включительно. С помощью радиоуглеродных дат выстроена региональная хронологическая шкала изменений домов и поселений, выработана типология поселений (круглогодичные, сезонные, кратковременные лагеря). Детальное региональное исследование позволило выделить "зоны обитания" площадью около 1 кв.км, которые постоянно были заселены, хотя между разновременными поселениями не было хронологической и топографической преемственности (в одном из микрорегионов на площади в 1 кв.км "блуждающая деревня" оставила в течение 1 тыс. н.э. 8 разновременных селищ). На основе ювелирно препарированного археологического материала С.Теш пришел к выводу, что базовая гипотеза Истадского проекта о связи расширения пространства культурного ландшафта с ростом сельскохозяйственной продукции и плотности населения упрощают историческую картину. Изменения в культурном ландшафте надо рассматривать в связи с изменениями планировки дворов и поселений, системы расселения в целом. Особенно важен процесс перехода от дисперсного расселения в деревнях-однодворках к расселению в стабильных деревнях-агломерациях. Опыт шведских коллег достоин внимательного изучения и применения в более сложных и контрастных природных и исторических условиях Восточно-Европейской равнины.

Проблемы взаимодействия общества и природы в советской философской, исторической, этнографической, антропологической и археологической литературе. 1984.

Библиографический указатель (1960–1981) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ: 231–261. Ленинград: Наука.

Человек и окружающая среда в древности и средневековье. 1985. Москва: Наука.

Becker, C.J., L.B.Jørgensen, S.Hvass, L.C.Nielsen, T.Skov, I.Stor-mann. 1980. Viking-age settlements in western and central jut-land recent excavations // Acta archaeologica. Vol. 50 (1979).

В.А. Лапшин

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел славяно-финской археологии

КОНТАКТЫ МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИМИ ЗЕМЛЯМИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im fruhen Mittelalter.
Internationale konferenz 23-25 Oktober 1990, Riga. Herausgegeben von Aleksander
Loit, Evalds Mugurevics und Andris Caune. Acta Universitatis Stockholmiensis.
Studia Baltica Stockholmiensia 9. 184 pages, 95 figures. 1992. Uppsala.

В октябре 1990 года в Риге Институтом истории Академии наук Латвии и Центром Балтийских исследований Стокгольмского Университета был проведен совместный симпозиум, посвященный проблемам контактов между населением Восточной Балтии и Скандинавией в раннем средневековье. Труды симпозиума опубликованы в Упсале в 1992 году в серии "Studia Baltica Stockholmiensia 9".

Вопросы взаимоотношения скандинавов с народами, жившими к востоку от Балтийского моря: балтами, финнами и славянами - обсуждаются в археологической литературе более ста лет с момента выхода в свет труда Ф.Крузе. За это время были высказаны самые противоречивые мнения по данному вопросу: от полного отрицания существования каких-либо контактов с одной стороны, до излишнего преувеличения их влияния на историю отдельных племен региона, с другой стороны. Зачастую поднимаемый вопрос вызывал острую полемику, как правило, отражающую политическую ситуацию в Европе. В частности особенно негативное отношение к скандинавскому влиянию в восточно-балтийской историографии просле-

живается в работах второй половины 40-50-ых годов. В дальнейшем, по мере накопления новых фактов и смягчения идеологических установок, изучение данной проблемы все более стало возвращаться в нормальное научное русло. В рамках этой тенденции и был проведен симпозиум в Риге, в какой-то степени продолживший традицию современного научного подхода к важной проблеме контактов, впервые поднятой на шведско-эстонской конференции в 1982 году в Таллине, материалы которой были изданы в той же серии сборников Стокгольмского Университета (Die Verbindungen 1985).

На симпозиуме в Риге было прочитано 18 докладов (7 - шведскими исследователями и 11 - учеными из Риги, Таллина, Вильнюса и Москвы), 16 из этих докладов опубликованы в реферируемой книге. В целом представленные работы на английском и немецком языках основаны на новейших археологических материалах. Цель исследований - рассмотреть природу контактов между Скандинавией и Восточной Балтикой в раннем средневековье, а так же их влияние на культурное развитие отдельных на-

родов региона.

Доклады касались, как общих проблем, так и частных вопросов. Особый интерес представляла группа докладов, посвященная анализу различных типов фибул, поскольку среди элементов костюма именно фибулы часто выступают одним из наиболее ярких индикаторов материальной культуры. На них я и остановлюсь подробнее. Так, в докладе М.Атгазиса детально были рассмотрены находки трилистных фибул, впервые обнаруженных в 1989 г. в грунтовом могильнике Дренгери-Чункини, расположенном в 70 км южнее Риги на правом берегу р.Мемели. В могильнике исследовано 589 могил и в настоящее время это наиболее изученный погребальный памятник железного века на территории Земгалии. Две трилистные фибулы были встречены в могиле № 324, в которой находилось захоронение 5-6 летней девочки. Данные фибулы пока являются единственными находками подобного рода на территории Прибалтики, а поэтому автор статьи подробно описывает их, сравнивая с фибулами из Скандинавии. Латвийские трилистные фибулы, согласно классификации Я.Петерсена относятся к типу 90. М.Атгазис приводит карту распространения фибул этого типа, из которой следует, что основная группа этих находок концентрируется в Швеции. Фибулы данного типа делятся на 3 варианта. Латвийские находки относятся к варианту 2, который отличался сильной стилизацией спирального орнамента. Такие фибулы помимо Латвии известны в Швеции (4 экз.) и на территории России - в Приладожье (2 экз.) и в Гнездове под Смоленском (1 экз.). Еще одна трилистная фибула, но уже варианта 3, встречена во Владимирских курганах. М.Атгазис связывает появление этих редких фибул в латвийском могильнике не столько с деятельностью викингов, сколько с активной торговлей местных култов, а также важностью самого района р.Мемели, лежащего на пересечении сухопутных путей.

В работе И. Янссона впервые был представлен детальный каталог скандинавских овальных фибул, найденных на территории Латвии. Здесь встречено значительное количество скандинавских украшений, среди которых имеется 49 овальных фибул из 32 пунктов. По территории Латвии они распределяются следующим образом: 3 найдены в Гробине, 7 - в северной Курземе, а остальные концентрируются в районе нижней Даугавы. Примечательно, что все фибулы происходят из погребений (имеющиеся случайные находки также следует связывать с разрушенными захоронениями). В каталоге приведены основные характеристики фибул, включая указания на места их хранения и публикации. Из приведенного И.Янссоном

анализа следует, что одна из латвийских находок относится к фибулам вендельского времени, 7 - могут быть датированы ранним периодом викингов (типы Р 37:12 и Р 37:3), а большинство средним периодом викингов (наиболее многочисленный тип Р 51, а также типы Р 52/55 и Р 48). При тщательном анализе выяснилось, что в 4 случаях нижние раковины латвийских фибул по своему типу не соответствовали верхним раковинам. Это могло произойти лишь при ремонте украшений, когда использовались детали разных изделий.

Материалы из раскопок в бассейне Даугавы датированы более поздним временем, чем находки из района северной Курземе. На территории Руси и, в частности, в Приладожье, в основном, также представлены овальные фибулы более поздних типов. Фибулы, обнаруженные за пределами Скандинавии, по способу изготовления ничем не отличались от собственно скандинавских. Поскольку на Руси встречаются испорченные отливки (Старая Ладога, Городище) и даже фрагменты глиняных форм, нет сомнений, что часть фибул делалась местными мастерами работавшими в традициях скандинавского ремесла. В свою очередь, свидетельств деятельности подобных мастеров в Латвии и Финляндии нет.

И.Янссон коснулся вопроса о местных подражаниях скандинавским фибулам. Подобные подражания встречены также на территориях занятых финскими племенами. В Юго-Западной Финляндии в X-XI вв. местные мастера имитировали равноплечные фибулы, а в Карелии, Юго-Восточном Приладожье и в бассейнах Даугавы и Гауи — овальные фибулы. Автор выделил ряд признаков, по которым местные финские фибулы можно отличить от собственно скандинавских изделий. Эти отличия прослеживаются в размерах фибул, в характере устройства крепления иглы и в качестве отливки. То что подобные подражания появляются именно в среде финского населения связано с тем, что покроя финской женской одежды близок скандинавскому костюму в парности застегивающих элементов.

Завершая работу, И.Янссон дает краткий историографический обзор проблемы появления скандинавских древностей на территории Латвии. Суммируя все данные, он полагает, что значительное количество скандинавских находок, в том числе и местных подражаний, в бассейнах Гауи и Даугавы показывает, что заимствования не были случайными. Он также подчеркивает, что находки скандинавских фибул концентрируются в районах близлежащих к Даугмальскому городищу — предшественнику Риги. По мнению И.Янссона присутствие скандинавских фибул в этом районе Восточной Бал-

тики нельзя объяснить просто результатами торговли или брачными связями. Здесь, видимо, проявился более сложный социальный механизм взаимодействий. Хронология имеет в этом немаловажное значение. Дело в том, что фибулы, которые на территории Скандинавии датируются IX-X вв., в латвийских могильниках относятся к XI-XII вв. С одной стороны, вполне вероятно, несоответствие двух хронологических систем, с другой стороны, имеется ряд признаков (согласно скандинавской хронологии), по которым латвийские фибулы можно отнести к более позднему времени, чем находки из скандинавских и русских могильников. Если это так, то появление фибул в Латвии нельзя рассматривать, как это обычно делается, в качестве свидетельств поездок скандинавов на Русь и далее на восток в период до 1000 г.

На анализе подковообразных фибул и пряжек строятся выводы работы Л.Тунмарк-Нюлен об острове Готланде, как центре между Западом и Востоком. Многие исследователи обращали внимание на своеобразие материальной культуры Готланда в викингский период и в раннее средневековье. В 1920-е годы Б.Нерман, изучая связи между Готландом и Швецией, полагал, что Готланд, являясь восточной провинцией Швеции, был проводником культурных импульсов на восток, в Прибалтику. Л.Тунмарк-Нюлен считает, что характер связей Швеции и Восточной Балтии был более сложным и не столь односторонним. Опираясь на материалы готландских подковообразных фибул и поясных пряжек, она показала, что происхождение вещей могло быть различно, поскольку на Готланде сходились влияния как запада, так и востока.

В частности, подковообразные фибулы с концами в виде стилизованных звериных мордочек с выступающими плоскими ушками и с валликами в середине дуги, представляющие собой характерный местный тип фибул, который ни разу не был встречен вне Готланда. С другой стороны, подковообразные фибулы с витой или ложновитой дугой, завершающиеся различными типами головок (гранеными, в виде стилизованных звериных морд "с разинутой пастью") крайне редки на Готланде. Районом их производства являлась Восточная Прибалтика, а на Готланд они привозились. Особое внимание заслуживают местные подковообразные фибулы с уплощенными и соединенными концами, представляющие собой профили двух головок фантастических животных. Данные изделия достаточно редки, как на Готланде, так и в Восточной Прибалтике, причем готландская серия (ок. 24 экз.) отличается от группы фибул (ок. 12 экз.), найденных в Литве и Латвии, в деталях оформления концов и орнаментации. По

мнению Л.Тунмарк-Нюлен эти два подтипа развивались одновременно и независимо на разных территориях, но в тесной связи друг с другом. Поясные пряжки имели интернациональный характер и в равной степени были представлены, как на Готланде, так и в Восточнобалтийском регионе.

Суммируя результаты своего исследования, Л.Тунмарк-Нюлен полагает, что Готланд следует рассматривать не как провинцию шведского государства, а как равноправного соседа Швеции, с одной стороны, и Восточной Прибалтики, с другой. Именно поэтому в материальной культуре острова в единстве сосуществовали местные, западные и восточные элементы.

Подводя краткий обзор остальным опубликованным докладам симпозиума, отметим, что материалам различных поселений были посвящены сообщения З.Апала и Я. Апалса, А.Цауне, Дж.Энгстрема, В.В.Седова, а также А.Радиньша и Г.Земитиса. З.Апала и Я.Апалс коснулись вопросов отношений латгалов района р.Гауи со скандинавами. На территорию бассейна Гауи, издревле заселенную финнами, латгалы пришли в VI-VII вв., заняв верховья реки. Сама Гауя, ведущая от Рижского залива вглубь материка, играла исключительно важную роль в торговле со Скандинавией. Авторы рассмотрели различные археологические находки связанные со скандинавской культурой, обнаруженные на древних поселениях и в погребениях гауявских латгалов. Среди них особенно выделяются материалы из жилого дома № 19 на поселении Арайши, который, по всей видимости, принадлежал купцу. В целом, анализ и датировка этих находок позволяют сделать вывод о том, что первые контакты гауявских латгалов со Скандинавией начались в IX в. и продолжались в X-XI вв., причем наибольшая их интенсивность прослеживается во второй половине X в. По мнению З.Апала и Я.Апалса на территории гауявских латгалов не было скандинавских поселений подобных Гробине и основной формой контактов со скандинавами была торговля.

В докладе А.Цауне проанализированы поселения X-XII вв. в низовьях Даугавы (в зоне затопления Рижской ГЭС), являющиеся предшественниками Риги, и показана их роль в торговле со Скандинавией. Работа сопровождается различными картами и топографическими схемами. В свою очередь, Дж.Энгстрем рассмотрел доисторические и средневековые города на территории Готланда. По его данным на острове насчитывается до 100 укрепленных поселений. Анализируя их материалы, Дж.Энгстрем приводит широкий исторический обзор становления городов на Готланде, от ранних торговых пунктов до поздних средневековых зам-

ков. В.В.Седов суммировал сведения о скандинавских находках из многолетних раскопок Пскова, в том числе, древнейшего псковского некрополя, открытого под культурным слоем городского посада. А.Радиньш и Г.Земитис исследовали связи между Даугмальским городищем и Скандинавией.

Часть докладов симпозиума касалась конкретных сюжетов, связанных с изучением культурных связей Восточной Балтики и Скандинавии. Т.Берга проанализировала щасечки весов. К.Джонсон рассмотрел монетные клады и отдельные находки монет 1050-1150 гг. из средней и северной части Балтийского региона. Скандинавским монетам в составе двух кладов из Северо-Восточной части Латвии и из Калужской области России был посвящен доклад Б.Мальмер. Детали литовского и прусского оружия рассмотрены В.Казакиявичюсом и В.И.Кулаковым.

А.Зарина подробно проанализировала скандинавские находки из ливского могильника Лаукскола, которые подтверждают контакты даугавских ливов со скандинавами. Особенно ярко элементы скандинавской культуры высту-

пают в характере женских украшений могильника, но отдельные черты североευропейской культуры прослеживаются и в мужских погребениях (например, в могиле № 353 конца X в.). Некоторые общие вопросы культурных контактов скандинавов с народами Восточной Балтии затронуты в работах Э.Мугуревича и Э.Тыниссона. Э.Мугуревич, в частности, сопоставил данные письменных источников о скандинавах в Восточной Прибалтике с археологическими находками на территории Латвии, а Э.Тыниссон дал общую характеристику финских культур районов, прилегающих к Балтийскому морю, прежде всего, к Финскому заливу, а также к Ладожскому озеру в свете их контактов со Скандинавией.

В целом, опубликованный сборник знаменует новый этап в изучении контактов народов Восточной Прибалтики и Скандинавии. Можно надеяться, что в нынешней политической ситуации, научные проблемы и дискуссии о древнейшем прошлом народов региона будут свободны от идеологических и националистических установок.

Die Verbindungen 1985. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archaologischen Quellenmaterialien. I. Symposium der sowjetestnischen und schwedischen Archaelogen. Tallinn 12.-15. Oktober 1982. Herausgegeben von Aleksander Loit und Juri Selirand. Uppsala.

Н.В.Хвоцинская
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии

ТРУДЫ ДВЕНАДЦАТОГО ВИКИНГСКОГО КОНГРЕССА

Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age (Ed. B.Ambrosiani and H.Clarke) // The Twelfth Viking Congress. Birka Studies (3). 320 pages, 48 figures, 1994. Stockholm.

В третьем томе "Исследований Бирки" ("Birka Studies") под редакцией Б.Амброзиани и Х.Кларк опубликованы труды двенадцатого викингского конгресса, имеющие общее назва-

ние "Развитие вокруг Балтики и Северной Европы в эпоху викингов". Изданная достаточно оперативно (прошло чуть более года после самого конгресса, состоявшегося осенью 1993

г. в замке Хессельбю под Стокгольмом) книга представляет собой несомненный интерес для всех исследователей истории северной части Европейского континента.

Материалы составившие сборник не равнозначны. Они содержат как обобщающие проблемные исследования, так и заметки и статьи описательного плана. Не равнозначны по объему и части книги, соответствующие трем основным рассмотренным на конгрессе темам. Первый раздел "Урбанизм и поселения на Западе и на Востоке" содержит 15 статей, второй - "Средневековые средства платежа на Западе и на Востоке" - 4, третий - "Северные языки в процессе взаимодействия в эпоху викингов и в раннем средневековье" - 11.

Том открывается предисловием Х.Кларк и вступлением Б.Амброзиани с рассказом о работе прошедшего конгресса. Доклад К.Хелле был посвящен анализу сообщений о северных городах и поселениях городского типа в древнейших письменных источниках. Р.Халл предпринял суммарный обзор новейших данных об археологическом изучении эпохи викингов в Британии и Ирландии. Он подчеркнул, что особое значение имеют комплексные исследования сельских районов викингской Британии и последующее их сопоставление между собой и с фактами политической истории. Подобная задача была поставлена еще в 1982 г. К.Д.Моррисом в его работе о поселениях и экономике викингов в Британии, но в ее решении за прошедшее десятилетие, констатировал Р.Халл, хотя и намечился определенный прогресс, но он явно невелик.

Одна из наиболее значительных статей сборника "Урбанизация в Скандинавии и Балтийском регионе в 700-1100 гг. н.э.: торговые места, центры и ранние городские поселения" написана И.Кальмером. Одно из несомненных достоинств работы состоит в том, что она мобилизует и сводит воедино широкий пласт данных о новых типах поселений на Балтике. За этим нарастающим валом новейшей информации, появляющейся в многочисленных, зачастую локальных изданиях на скандинавских языках, исследователям вне Скандинавии практически невозможно уследить.

И.Кальмер начинает статью, делая упор на то, что археологи должны выработать свои критерии урбанизации, исходя из вещественных источников. Лишь затем следует обращаться к историческим свидетельствам. По его мнению, "протогородские и городские поселения отличаются от сельских специализированной продукцией (количественно и качественно), свидетельствами внешних контактов, плотной застройкой (в случаях постоянного поселения)." Как дополнения могут рассматриваться и иные черты. И.Кальмер справедливо отмечает, что город-

ские общины в Северной Европе являлись продуктом двух различных линий развития в догосударственный и раннегосударственный период, которые идут от поселений, как центров социальных и поселений, как мест торговли. Отсюда и многоплановость конкретных черт ранних центров и сложность унификации признаков урбанизации.

Урбанизм в Балтийском регионе, полагает И.Кальмер, является результатом сложного соединения местных черт и внешних влияний и моделей. Начало процесса урбанизации на Балтике в VIII в. было подготовлено всем ходом предшествующего исторического развития. К началу этого столетия общество в южной Скандинавии было в значительной степени социально дифференцировано, на западе Балтики существовали политические объединения с центральными пунктами, выполнявшими политические и религиозные функции и в небольшой степени участвовавшие в торговле и обмене, наконец, аграрные общества региона были в высокой степени продуктивны.

Политические и экономические изменения в конце VII в. в северо-западной части европейского континента и на Британских островах, отмечает И.Кальмер, вскоре дали о себе знать в Скандинавии и в Балтийском регионе. Имеются четкие свидетельства появления в начале VIII в. нескольких новых сезонных торговых пунктов, хотя элементы дальней торговли зародились ранее. Эти новые торговые места лучше всего известны на юго-западном побережье Дании и в южной части Балтики. Среди них первое место несомненно принадлежало Рибе. Импульс к экономической активности пришел с запада и вероятно большую роль в этом сыграли фризы. Сейчас нет достаточных данных для рассмотрения вопроса о роли фризмов на Балтике. Ясно то, что очень скоро в прибрежной торговле стали доминировать носители скандинавской культурной традиции. В нескольких случаях ранние временные торговые места основывались поблизости от политических центров, хотя строгой закономерности в этом нет.

Во второй половине VIII в., по мнению И.Кальмера, произошли заметные сдвиги в общей картине размещения поселений нового типа, а именно, появились постоянные торговые пункты. Это отражало большую стабильность экономических структур. Поселения были плотно застроены, на них работали ремесленники различной специализации. Постоянное население торгового пункта площадью около 12 га, считает автор, могло достигать нескольких сотен человек, а во время торгового сезона - до тысячи человек. Для сравнения важно помнить, что население политических центров никогда не имело такой численности, а в средних размеров

деревне в южной Скандинавии было около ста жителей. Характерной чертой этого исторического периода стало установление контактов балтийских центров с торговыми системами связанными с аббасидским Халифатом. Таким образом, во второй половине VIII в. сформировалась система более или менее постоянных торговых поселений, образовав основу торговой структуры на Балтике, просуществовавшей до середины второй половины X в. В конце VIII - начале IX вв. в регионе было по крайней мере 10 городов.

Рассматривая развитие балтийских центров на протяжении IX-X вв., И. Кальмер приходит к выводу, что в первой половине X в. торговля становится более регулируемой и поддающейся контролю со стороны местных элит. Во второй половине X в. прежняя система балтийских центров стала сменяться новыми городами, совмещавшими роль центрального пункта и места торговли. В качестве примера И. Кальмер, в частности, приводит города Лунд и Роскильде, основанные королевской властью поблизости от более ранних торговых поселений. Как пишет автор, эти города появились не как "реплики" более ранних торговых пунктов, а как города "по западноевропейской модели, возможно, английской." Они соединяли политическую власть, церковь и административные функции. И. Кальмер использует в работе даже такое определение, как "города нового датского типа". Для XI в. автор отмечает дальнейший рост новых городов и некоторые изменения в их характере. В заключении к работе он подчеркивает, что ранняя урбанизация в Скандинавии и в Балтийском регионе была связана с экономическим развитием в Западной Европе, но должна рассматриваться как отдельный и уникальный процесс, опирающийся на местные особенности. В самом начале урбанизация в регионе была тесно связана с развитием городов на Северо-Западе Руси, но со временем появились различия. Процесс становления городов на славянских землях Центральной Европы имел сходство с урбанизацией на Балтике, но принадлежит к иной ветви европейского развития.

Оценивая концепцию И. Кальмера в целом, следует отметить, что она находится в русле построений, выдвинутых в последние годы, согласно которым на Балтике и на прилегающих территориях в VIII-XI вв. существовали две системы городов, сменивших одна другую в конце X-начале XI вв. Появление "новых" городов связывается со стабилизацией государственных структур, распространением христианства и формированием новых экономических районов, основанных на прогрессе внутренней экономики государств, а не на дальних торговых связях (Andren 1989: 173-177; Носов 1993: 66-76; Nosov 1994: 184-196). Можно соглашаться или не согла-

шаться с детализацией процесса урбанизации, предлагаемой И. Кальмером, многие вопросы требуют дополнительной разработки и дополнительных фактических материалов (к примеру, предполагаемый исключительно сезонный характер большинства торговых мест в VIII в.), однако, вызывает удивление умалчение автора о принципиальном для разработки рассматриваемой темы исследовании - упомянутой статьи А. Андрена 1989 г. о двух системах городов в Скандинавии, которая концептуально и по-существу превращает работу И. Кальмера.

Статья Э. Роездаль представляет собой обзор важнейших дендрохронологических дат по археологии эпохи викингов в Дании, в связи с чем она касается и вопроса о времени начала самой эпохи. Э. Роездаль приводит важнейшие даты по поселениям, курганам, кораблям, датскому валу на юге Ютландии. Она подчеркивает, что дендрохронологические датировки стали активно использоваться в Дании последние 20 лет и всегда подтверждали (естественно с конкретными уточнениями) хронологию определяемую традиционными археологическими методами. Получение точных дат, в частности, позволило связать возведение различных сооружений (крепость Треллеборг, мост через Раннинг энде и др.) с деятельностью конкретных исторических фигур.

По мнению Э. Роездаль эпоха викингов начинается с грабительских набегов скандинавов (Линдисфарн 793 г.; возможно, несколько ранее, Портленд) и появления в западных источниках первых письменных свидетельств о Скандинавии. Это соответствует традиционному толкованию самого термина "Viking". На том основании полагает автор, что первый датский город Риббе возник около 700 г., что в начале VIII в. устанавливается система торговых центров, нет оснований удивлять начало эпохи викингов. Перечисленные факты, считает автор, лишь показывают, что периоду походов (собственно "эпоха викингов" по Э. Роездаль) предшествовали серьезные социально-политические и экономические изменения происшедшие в VIII в. Равным образом, полагает Э. Роездаль, сказанное касается и определения конца эпохи викингов - "викинговое искусство" было живо и в начале XII в., но никто не будет отождествлять с викингами тех, кто урал предметы в стиле урнес.

Э. Роездаль затронула принципиальную проблему периодизации скандинавской истории. Строго говоря она права в том, что термин "эпоха викингов", возникший во второй половине XIX в. в Скандинавии на волне романтического национализма, изначально относился лишь к "периоду походов". Однако, походы викингов, какое бы значение им не придавать, исторически являлись лишь внешним проявлением структурных изменений в обществе. Скандина-

вия вступила в новую фазу социально-политической и экономической истории не в конце VIII в., а гораздо раньше. Начало новой эпохи знаменовало не разграбление английских монастырей и первые записи о нападении из-за моря, а как раз возникновение городов, развитие ремесел, дальние торговые связи, широкое распространение скандинавской культуры и т.д. Как именовать этот период? Сейчас его чаще называют "эпохой викингов", не вспоминая о романтических корнях появления термина, а указывая на новые явления в жизни Скандинавии. И чем раньше они фиксируются, тем шире раздвигаются рамки периода. По- существу дела, это правильно. Другой вопрос, как относиться к уже вошедшим в обиход определениям.

К.Февайе сжато суммировал археологические знания о древнейшем городе Скандинавии - Рибе и остановился на результатах раскопок 1993 г. Рибе был основан около 700 г., как место торговли (market place). Он был спланирован и организован с самого начала - занимаемая территория, перед тем как сюда пришли первые ремесленники и торговцы, была перекрыта слоем песка толщиной 80 см. В 721/722 гг. торговое место было реорганизовано, по сторонам улицы появились ряды участков, огороженные низкими плетневыми заборами. Возможно, тогда же в Рибе стали чеканить первые монеты. Это торговое место, вероятно, сезонное, существовало до середины IX в., когда характер поселения изменился. Несколько в стороне от него, на незначительном участке были открыты части постоянного поселения датируемого серединой VIII-IX вв. Поселок состоял из нескольких строений с углубленными основаниями и больших, прямоугольных столбовых домов, подобных найденным в Форбассе (VIII в.).

В первой половине или, самое позднее, около середины IX в. Рибе был окружен городским рвом шириной 2 м и глубиной 1 м, фиксировавшим символическую городскую границу и не имевшим серьезного оборонительного значения. Это древнейшее сооружение такого типа найденное в Скандинавии. Со рвом связан и обнаруженный земляной вал, дата которого пока не ясна. По мнению К.Февайе, строительство рва и вала свидетельствует об активности королевской власти. Внутри укрепленной король гарантировал существование торгового поселения, а торговцы, в свою очередь, платили налоги. Как и другие датские города (Хедebu, Орхус) Рибе впервые был укреплен в X в. Тогда был вырыт сухой ров шириной 7-8 м и глубиной 1 м. Было также раскопано 14 погребений по обряду ингумации. Наиболее ранние из них имели ориентировку СВ-ЮЗ, более поздние - В-З. Положение костяков и отсутст-

вие погребального инвентаря позволило авторам раскопок предположить, что это древнейшие из известных в Дании христианских погребений. В XI в. территория города расширилась и укрепления совершенствовались.

Сезон раскопок 1993 г. принес новые неожиданные результаты. Было установлено, что участок подготовленный для устройства самого первого поселения, перекрытый толстым слоем песка, был в три раза обширнее, чем предполагалось и составлял 50x250 м, то есть не менее 10 тыс.кв.м. Для этого потребовалось 3000 куб.м. песка. По мнению К.Февайе, данный факт показывает, что Рибе изначально было гораздо крупнее, чем считалось ранее, а подобный значительный объем работ требовал строгой организации и контроля и был по силам только королевской власти.

В 1993 г. удалось открыть одну из ям, откуда брали песок для подсыпки. Ее глубина 2 м, а площадь 300 кв.м. Яма была заполнена отбросами и дала богатейшую коллекцию археологических находок (монеты, бусы, обломки стеклянных сосудов, янтарь, около 500 фрагментов формочек для отливки равноплечных фибул, керамика и др.).

Удалось детализировать характер индивидуальных участков на которые было разбито поселение после 721/722 гг. Они имели ширину 6-8 м и простились на длину по крайней мере 150 м (всего 40-50 участков). На юго-восточной окраине поселения в 1993 г. обнаружен ранее не известный ров шириной 6 м и глубиной 2 м. Он окружал подпрямоугольный участок размерами 105x125 м. Ров был сооружен не ранее начала IX в. и раньше последней четверти XII в. Судя по всему ров имел оборонительный характер. К.Февайе подчеркивает, что Рибе уже было укреплено в X в. и таким образом если вновь открытые защитные конструкции были синхронны известным в X-XI вв., то они выполняли роль внутренних укреплений.

В Скандинавии нет параллелей новой оборонительной конструкции обнаруженной в Рибе - в плане прямоугольной с закругленными углами. Определенные аналогии имеются лишь в Старом Любеке в укреплениях 819 г. В 817 г. датчане и ободриты заключили союз против франков и в Рибе могли быть возведены укрепления подобные любекским. Вопрос заключается в том, считал ли датский король укрепления датского вала в Ютландии достаточно надежными или для особо важных торговых мест на западном побережье, каким было Рибе, требовалось дополнительная защита.

Новые материалы раскопок Рибе несомненно интересны и ставят новые и новые вопросы. Время становления первых городских поселений в Скандинавии убедительно отоди-

гается к началу VIII в. Характерной чертой в общих построениях К.Февай является убеждение в активном участии центральной власти, как в основании Риббе, так и в последующих этапах его истории. Подобный подход к рассмотрению процесса урбанизации встречается в работах некоторых современных скандинавских исследователей, но не является единственным и, может быть, даже наиболее распространенным. Пример этому, хотя бы взгляды И.Кальмера представленные в статье рецензируемого сборника. Дело в том, что формирование городов и становление государственных структур и власти процесс во-многом параллельный и взаимосвязанный. Признавая первичность одной из сторон, в данном случае, центральной власти датского короля, необходимы дополнительные обоснования общих причин подобного смещения акцентов.

А.-С.Граслунд обратилась к хронологии рунических камней, исходя из их орнаментации. Хронология камней была предложена в 1913 г. Отто фон Фризенем на основании изучения камней из Уппланда. Анализ орнамента основывался им на лингвистических исследованиях и информации имеющейся в так называемых "исторических надписях." Эта хронология принята, хотя в последние годы многие ученые считают, что давать для камней дату более узкую, чем просто XI в. невозможно. А.-С.Граслунд предприняла хронологическое деление отталкиваясь от стилистического анализа. Она показала, что камни можно расчленить по их относительной хронологии. Привлекая дендрохронологические и археологические даты, автор предложила и абсолютные датировки различных стилистических групп орнаментации в пределах, в основном, XI в.

Интересные материалы приводятся в статье группы авторов (П.С.Букланд, Т.Н.Мк.Говерн, Д.П.Садлер, П.Скидморе) о новых палеоботанических исследованиях на Западном поселении в Гренландии. К.Д.Моррис, Д.Х.Варрет и К.Е.Батей изложили результаты работ над проектом по изучению поселений эпохи викингов на Оркнейских островах. Обнаруженному захоронению в ладье на Оркнейских островах посвящена статья О.Овена и М.Далланда. Общая длина ладьи, реконструированной с помощью компьютерной графики, составляла 7,15 м. В ней из камней была устроена погребальная камера длиной 3,5 м. В камере были совершены захоронения мужчины, женщины и ребенка, умерших приблизительно в одно время. Найдены богатый погребальный инвентарь - меч, щит, 8 наконечников стрел, серп, фибула, пряслица, костяной гребень и др. Погребение датируется временем около середины XI в.

Взаимоотношения саамов и скандинавов

в центральных и северных районах Скандинавии посвящена статья И.Захриссон. В работе И.Мартенс рассмотрены вопросы производства и распространения оружия в Норвегии в эпоху викингов, а А.Стальсберг изложила первые результаты совместного норвежско-русского проекта по изучению (расчистке) норвежских мечей (со стороны России в проекте участвует А.Н.Кирпичников). Статья Б.Вебер посвящена анализу сырья для изготовления гробней железного века.

Несомненный интерес для русских исследователей представляет большая статья американского нумизмата Т.С.Нунана "Викинги на Востоке: монеты и торговля". В начале статьи автор подчеркивает значение куфических монет, известных в количестве сотен тысяч экземпляров на просторах Восточной и Северной Европы, для изучения активности викингов на Востоке. Монеты, подчеркивает Т.Нунан, прежде всего, попадали на Балтику в результате торговли и лишь в очень незначительной части, как добыча во время набегов или как плата за службу при дворе русских князей. По мнению Т.Нунана существовало несколько взаимосвязанных и пересекающихся торговых сетей, по которым монеты попадали с юга на север. Одна из систем обеспечивала массовый вывоз дирхемов с Ближнего Востока и из Центральной Азии в Европейскую Россию. Вторая система поддерживала торговлю между степной, лесостепной и лесной зонами и, наконец, третья, служила для транспортировки серебра в Балтийский регион. На разных участках в торговле серебром участвовали исламские и хазарские купцы, русы, викинги, славяне, финны, волжские булгары и другие народы.

Т.Нунан анализирует число кладов и количество монет найденных на берегах Балтики, их хронологию, высказывает различные суждения о значении отдельных территорий и народов в торговле в тот или иной период времени. Наблюдения Т.Нунана над монетными находками и составом кладов несомненно продуктивны, однако, между его конкретными суждениями и общими историческими выводами остается определенный пробел, остается размытой конкретная историческая канва в лице Русского государства, его характера, структуры, социального и этнического состава. Несомненно Т.Нунан исходит из определенной концепции, но она остается за кадром. Один пример. Автор называет, в числе купцов викингов, русов и славян, но кого он считает русами? Об этом вообще речь не идет, а ведь тот или иной ответ, естественно меняет оценку многих принципиальных позиций русской истории. Эта недоговоренность - главный упрек который можно адресовать автору очень интересной работы.

Помимо названных, в трудах конгресса опубликован еще целый ряд не упомянутых мной статей, в первую очередь, лингвистических, весьма актуальных для разработки древней скандинавской истории. В целом, рецензируе-

мый том представляет собой достойную страницу в летописи скандинавских конгрессов, очередной из которых намечено провести в Ноттингеме в 1997 г.

Andren, A. 1989. The early Town in Scandinavia // The Birth of Europe: archaeology and social development in the first Millennium A.D. (ed. by K.Randsborg). *Analecta Romana Instituti Danici, Supplementum XVI*. Roma: 173-177.

Nosov, E.N. 1994. The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // *Archeologia Polona* 32 / Special Theme: Origins of Medieval Towns in Temperate Europe.

Nosov, E.N. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 59-78. С.-Петербург.

Е.Н.Носов
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ ВИКИНГОВ В ЮЖНОЙ СКАНДИНАВИИ

Grøn O., Krag A.H. og Bennike P. Vikingetidsgravpladser på Langeland. 197 pages, 153 figures. 1994. Rudkøbing.

В 1994 г. в датском городе Рудкебинге вышла в свет коллективная монография под названием "Могильники викингов на Лангеланде". Книга является подробной публикацией провинциальных, сельских некрополей IX-X вв. с острова Лангеланд, расположенном в южной части Датского архипелага, рядом с островом Фюн.

Первые материалы из раскопок могильников на Лангеланде были получены датским исследователем Й.Винтером в конце XIX-начале XX вв. К сожалению, публикация результатов работ Й.Винтера появилась только в 1936 г. В этом году Й.Брондстед издал 13 погребений по обряду трупоположения IX-X вв. из 7 могильников острова (Bogshvej, Hesselbjergmarken, Kaagerden, Kappelbjerg) (Brøndsted 1936:147-180; Ramskou 1950:135-182; Skaarup 1976; Myller-Wille 1976: 113-132). В следующую за работой Й.Бронстеда сводку Т.Рамскова, посвященную трупопожжениям эпохи викингов в Дании, могильники острова включены не были (Ramskou 1950:135-182). Сле-

дующей крупной работой по этой теме явилась публикация могильника Стенгад-II осуществленная Й.Скаарупом (Skaarup 1976). Последний затронул материалы лангеландских могильников М.Мюллер-Вилле, который в двух сводных исследованиях собрал все известные датские захоронения в камерах и захоронения воинов-всадников эпохи викингов, среди них приводится и ряд лангеландских погребений с конем и оружием (Myller-Wille 1976:113-132; Myller-Wille 1991).

В 1982-1989 гг. Лангеландским музеем были произведены новые систематические исследования ряда островных могильников, некоторые из которых уже частично были исследованы и опубликованы. В отличие от предыдущих работ, на этот раз четыре некрополя были изучены полностью (Bogshvej, Hesselbjergmarken, Kaagerden, Kappelbjerg).

Большую часть рецензируемой книги занимает каталог упомянутых четырех некрополей.

Всего опубликовано 160 погребений. Среди них есть как труположения, так и сожжения, не опубликованные ранее. В самом крупном — 95. Более 40 захоронений оказались погребениями в деревянных камерах, 22 погребения были совершены по обряду кремации, а остальные труположения были обычными захоронениями в грунтовых ямах. Исследователи установили, что в некоторых случаях сожжения умерших происходили прямо на берегу моря, так как в могилах были найдены ракушки морских моллюсков. Как особо примечательные исследователи отметили захоронение юноши 18–20 лет в кузове телеги, от которой сохранилось несколько заклепок, и погребение девушки 16–18 лет в деревянной погребальной камере с боевым топором восточноевропейского типа. За несколькими исключениями, описания погребений, снабжены планами и немногочисленными фотографиями (следует обратить внимание на некоторое неудобство, вызванное тем, что у ряда погребений отсутствуют как профили, так и сами планы). Не совсем удобно и вынесение рисунков и описание погребальной инвентаря в отдельный раздел вне каталога.

В главе, посвященной вещам из захоронений, подробно рассматривается каждая категория находок со всеми основными аналогиями. Надо особо отметить тот факт, что инвентаря при таком достаточно значительном количестве погребений довольно немного, также мало ярких и датированных вещей. Так, было обнаружено всего две целые скорлупообразные фибулы и одна во фрагментах. Все они принадлежат к 51 типу (по Я. Петерсену). Этот тип являлся самым массовым в первой половине середины X в. Вместе с двумя фибулами типа ЯП51 найдена и одна трилистная. Также в разных погребениях были сделаны находки нескольких железных пряжек, бронзовых подковообразных фибул, ножей, бляшек, ключей, обломков костяных односторонних гребней, фрагменты бронзовых и железных изделий. В одной из погребальных камер с захоронением женщины, исследователи обнаружили остатки деревянного сундучка с железными оковками, в другой камере рядом умершей лежал боевой топор. До этой находки топоры в датских ранне-средневековых могильниках встречались только в мужских погребениях. В некоторых могилах были найдены арабские дирхемы 903/913, 908/932, 945 гг. фрагмент византийской монеты 945–959 гг. (Константина VIII и Романа II). Единственной достаточно многочисленной категорией находок были бусы, в большинстве стеклянные. К сожалению, они почти не представлены на фотографиях и рисунках.

Две главы книги посвящены анализу погребальной обрядности, организации могильников и реконструкции социальной структуры местно-

го общества. Исследователи отметили присутствие в лангеландских могильниках всех основных типов погребений эпохи викингов: сожжений и труположений в камерах, в гробах, в кузове телеги и просто в ямах. Они также проследили присутствие следов огня или углей в ряде захоронений в камерах и в гробах. Этот материал, в свою очередь, переключается с обрядностью скандинавских погребений в ряде древнерусских могильников. Такие обожженные или сожженные деревянные конструкции известны в кургане № 11 могильника Плакун, в кургане № 100 Тимиревского некрополя и в ряде аналогичных по обрядности камер Гнездова. Подробно авторами рассматриваются погребения в камерах еще и потому, что они считаются скандинавскими представителями высших слоев скандинавского общества. Сооружение камер некоторые датские исследователи относили к шведскому влиянию на датский погребальный обряд эпохи викингов. Авторы книги склоняются в этом вопросе к преобладающей роли населения франкской империи с его сильным христианским влиянием. Эта точка зрения получила распространение после работ Т. Арне, а в настоящее время ее придерживается М. Мюллер-Вилле и ряд шведских археологов. Однако в этой связи следует отметить, что вместе с христианизацией самой Дании при Харальде Гормоне исчезают и погребения в камерах. Последние из них датируются 970–ми годами.

Авторы выделяют на Лангеланде две группы камерных захоронений. Первая — богатые мужские захоронения на вершинах холмов, вторая — женские на склонах тех же холмов. Вокруг богатых камер на вершинах холмов группируются все остальные погребения, среди которых преобладают обычные труположения в грунтовых ямах. Подобная картина наблюдается в Ладбю и в ряде других датских некрополей второй половины X в. Так, например, много общего обнаруживается у лангеландских могильников с некрополем Треллеборга, где, видимо, по христианскому обряду были похоронены незнатные воины и рабы, а погребения социальных верхов располагались на высоких местах вокруг крепости. Вероятно, планировка и состав погребений могильника Лангеланда отразили какие-то общие тенденции в развитии южноскандинавского общества эпохи викингов. Большое количество мало и безынвентарных погребений и противостоящие им несколько “богатых” захоронений в камерах, исследованных, в основном, в начале века, рисуют картину достаточно стратифицированного социума. Эта стратифицированность в погребальной обрядности продолжает долго противостоять мощному христианскому влиянию, которое к концу X–началу XI вв. нивели-

рует почти все различия в инвентаре и типах погребений.

Монография завершается статьями, посвященными реконструкциям некоторых предметов из погребений и антропологическим исследованием П. Беннике скелетных остатков жителей Лангеланда. В последней статье приводится перечень основных антропологических работ по эпохе викингов. Лангеландский материал разбирается на фоне аналогичных материалов Бирки, Хедлебу, Треллеборга. Приведены половозрастные характеристики умерших и их количественное соотношение в некрополях. Так же как в Хедлебу и Треллеборге, здесь преобладают мужские захоронения. Средний возраст погребенных мужчин — 42 года, а женщин — 37 лет. Средний рост у мужчин варьировал от 170 до 174 см, у женщин — около 159 см. Большинство умерших страдали кариесом. Автор статьи дает различные цифры обмеренных черепов лангеландцев и приводит фотографии ряда этих черепов. В целом, это исследование позволяет более подробно рассмотреть состав погребенных, дает данные для дальнейших сопоставлений и сравнений с другими могильниками этой эпохи.

В заключение хочется отметить то значение, которое может иметь данная книга для отечественных исследователей, занимающихся древнерусской археологией IX–XI вв. Лангеландские могильники дают возможность для сравнения малоинвентарных скандинавских погребений совершенных по обряду ингумации и аналогичных захоронений древнерусских “дружинных” некрополей. Отечественные исследователи привыкли выделять как скандинавские только захоронения с определенными типами оружия, с характерными женскими украшениями, вещами, выполненными в стиле Борре или Маммен. Малоинвентарные погребения Гнездова, Шестовиц, Тимерева, Плесненска, Киева не привлекают их внимания. Теперь же, после заново открытого антропологами раннесредневекового скандинавского мо-

гильника у церкви Климента в Старой Ладоге и публикации материалов Лангеланда, появляется возможность для новой оценки уже известных отечественных могильников (Санкина, Козинцев 1994:57–60). Эти материалы, вместе с материалами других скандинавских могильников эпохи викингов дают возможность сравнивать западные и восточные погребальные памятники, опираясь не только на Бирку и Хедлебу. И что особенно важно, публикация лангеландских некрополей позволяет рассматривать и сравнивать самые рядовые и, на первый взгляд, малоинтересные захоронения, которые в южной Скандинавии являются массовыми.

Книга также, несомненно, является, несмотря на некоторые недочеты, примером хорошей, добросовестной публикации погребальных памятников. В свою очередь, славяно-русская археология примерами таких публикаций похвалиться не может. Помимо изданной с массой неточностей книги Д.И. Блительда, посвященной Шестовицкому могильнику, малоинформативных статей Д.А. Авдусина по Гнездову, небольших по объему работ Е.В. Каменецкой по тому же памятнику, а также отнюдь не исчерпывающих статей В.А. Назаренко и Е.Н. Носова о плауновском могильнике в Старой Ладоге и некоторых других работ в отечественной археологической литературе по существу нет примеров ни одной хорошей и полной публикации так называемых “дружинных” некрополей. Почти не опубликованы или опубликованы не на должном уровне могильники Гнездова, Тимерева, Шестовиц, Чернигова и другие подобные памятники. В имеющихся отечественных публикациях часто отсутствуют иллюстрации, описание, анализ инвентаря и погребального обряда. О присутствии в них анализа антропологического материала часто и говорить не приходится. На этом фоне книга датских археологов дает пример определенного научного стандарта, которого следует придерживаться и ниже которого опускаться не следует.

Санкина, С.Л., А.Г. Козинцев. 1994. Антропологические материалы эпохи средневековья из Приладожья // Международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов: 57–60. СПб.

Brødsted, J. 1936. Danish Inhumation Graves in Viking Age // Acta Archaeologica. Vol. VII: 81–228. Fasc. 2–3 København.

Müller-Wille, M. 1976. Das Bootkammergrab von Häithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Häithabu. B.8 Neumünster. 1991. Wikingerzeitliche Kammergräber // Jysk Arkeologisk Selskabs Skrifter. t. XXVIII. 181–187. Århus.

Ranskov, T. 1950. Viking Age Cremation graves in Denmark // Acta Archaeologica. Vol. XXI. 135–185. København.

Skarup, J. 1976. Stengode II. Kudløbing.

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ НОВОГО ЦЕНТРА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРИОДА ВИКИНГОВ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ОСЛО

Three Studies on Vikings and Christianization. M. Kindal (Ed.). KULTs skriftserie No 28/Religiøs skiftet No 1. 73 pages, 12 plates, 10 figures. 1994. Oslo.

В 1993 г. на факультете искусств Университета Осло образован Центр по исследованию периода викингов и средневековья (The Centre for Viking and Medieval Studies), директором которого стал Магнус Риндаль. Этим центром в августе 1993 г. была начата работа над трехлетним междисциплинарным проектом "Смена религий в Скандинавии" ("Religious Change in Scandinavia"). Наряду с факультетом искусств, основную часть проекта финансирует Исследовательский Совет Норвежской программы изучения культуры и традиций (The Research Council of Norway's Research Programme for Culture and Tradition - KULT). Проект нацелен на исследование культурного развития северных стран Европы при переходе от язычества к христианству.

На открытие упомянутого центра в Университете Осло были приглашены три зарубежных исследователя, выступившие с докладами связанными с изучением смены религий - Т.Н.Джаксон (Институт Семейной истории РАН, Москва), проф. М.Мюллер-Вилле (Кильский университет, Германия) и проф. Д.О'Коррайн (Коркский университет, Ирландия). По замыслу организаторов эти доклады охватывали как бы весь викингский мир: его окраины - Ирландию и Древнюю Русь и центр, представленный территорией Дании и районами прилегающими с юго-запада к Балтийскому морю. Прочитанные три доклада, сопровождаемые подготовленными проф. С.Х.Фюглесангом 12 таблицами и комментариями к ним, и составили первый выпуск серии Religionsskriftet (редактор М.Риндаль), которая будет отражать работу над проектом "Смена религии в Скандинавии". Выпуски, в свою очередь, входят в более общую серию изданий KULT.

Рецензируемый первый выпуск открывает статью Т.Н.Джаксон "Роль Олава Трюггвасона в крещении России". В действительности

статья шире своего названия - сквозь призму известий об Олаве и его пребывании на Руси анализируется ряд общих вопросов принятия Русью христианства и роль варягов в этом процессе.

Т.Н.Джаксон отмечает, что хотя Олав Трюгвассон сыграл выдающуюся роль в норвежской истории и был чрезвычайно популярной фигурой в средневековой литературе, ранние исторические источники сообщают о нем очень мало, а многие факты сомнительны. Автор дает краткий обзор этих источников и приводит канву жизни Олава - от его рождения в 968 (969) г., до последнего сражения и смерти в 999 (1000) г. Т.Н.Джаксон справедливо подчеркивает, что в истории Олава много легендарного и нет оснований доверять всему, но она склоняется к достоверности сообщений о пребывании Олава в Гардарике. В варианте саги об Олаве присутствует рассказ об его участии в крещении князя Владимира и населения Руси. На рассмотрении этого рассказа Т.Н.Джаксон останавливается подробно, задавая вопросом есть ли во всем этом доля исторической правды?

Именно в этой связи она обращается к характеристике общей ситуации принятия христианства на Руси, отмечая, что многие русские историки, начиная со Шлецера и Карамзина, верили, что христианство было принесено на Русь скандинавами. Склоняясь к этой же мысли, Т.Н.Джаксон подчеркивает, что варяги-христиане были на Руси задолго до крещения Владимира, что сами первые русские князья имели скандинавское происхождение, что влияние на русское общество оказывали скандинавские купцы и воины, путешествовавшие через Русь в Константинополь и обратно. Скандинавы могли принять крещение в Византии, а на Руси, входя в ее высшие военные и торговые круги, они способствовали распро-

странению христианства. Попутно Т.Н.Джаксон замечает, что в действительности перед русскими князьями был выбор не из нескольких религий, как обычно сообщают письменные источники, а из двух версий христианства - византийского и римского типа. Поскольку же в Византии государство и церковь были тесно связаны, а иерархическая организация церкви не была так строга, как римской, то восточный вариант и был принят, как более соответствующий раннему русскому государству.

Подход Т.Н.Джаксон к проблеме принятия Русью христианства базируется также на той посылке, что христианизация была не одномоментным событием, а длительным процессом, обусловленным целым рядом политических, социальных и экономических факторов становления централизованного государства в котором варяги играли заметную роль. Именно на подобном общесторическом фоне, полагает автор, следует рассматривать сагу об Олаве Трюггвасоне.

Т.Н.Джаксон решительно не соглашается с А.Стендер-Петерсеном в том, что все построение об участии короля Олава в крещении Руси представляет собой не более чем "ученую" конструкцию, основанную на ложно интерпретированной традиции. Она не сомневается, что *Олав не участвовал в крещении Владимира*, но солидарна с Е.А.Рыдзевской в том, что рассказ *саги о крещении Руси был создан для прославления Олава*, который уже был известен обращением в христианство Норвегии, Исландии, Оркнейских, Шетландских и Фарерских островов. Для этого были использованы реальные знания о контактах скандинавов с Русью и Византией, а также известная на Севере легенда о христианизации Руси из Византии, связанная с именем Владимира. Таким образом, греко-варяжская схема, представленная в Саге об Олаве, имеет те же исторические корни, что и рассказ Начальной русской летописи.

Т.Н.Джаксон завершает статью выводом крупного историка русской церкви Е.Е.Голубинского о том, что даже если сага об Олаве полностью не соответствует действительности это не меняет сути дела, равным образом, если она полностью права, то и в таком случае она лишь подтверждает известные факты. Думаю, что рассмотренная статья всецело находится в рамках подобного подхода и взвешенных выводов, концентрируя внимание на общем фоне событий, а не на конкретных деталях. Она несомненно будет способствовать знакомству западных исследователей с представленным в русской историографии одним из подходов к вопросу о распространении христианства и на Руси и в Скандинавии в канве греко-варяго-русских отношений.

Статья Д.О'Коррайна "Вторая эпоха викингов в Ирландии" переносит нас к анализу событий на самом северо-западе Европы. Она представляет собой краткое рассмотрение взаимодействия культуры викингов и культуры населения Ирландии и, особенно, роли монастырей в жизни страны и ассимиляции пришельцев-язычников.

К началу X в. значительная территория побережья северной части Ирландского моря контролировалась викингами. Это явилось результатом их интенсивного и широкого расселения в процессе колонизационного движения. Вторая эпоха викингов началась в 914 г. с прибытия большой морской флотилии язычников в бухту Ватерфорд. В 917 г. два лидера дублинской династии - Рагналь, которого называли королем датчан, возможно, потому, что он правил датской Нортумбрий и его родственник Ситрик Каех объединились для нового нападения. Их появление разожгло значительный конфликт с ирландскими королями, но увенчалось победой пришельцев. Ситрик снова овладел Дублином, а Рагналь увел войско в северную Англию для участия в компаниях, которые сделали его королем Йорка и правителем Нортумбрии. Тот факт, что Хенкефорд, Дублин и Йорк управлялись одной династией, по мнению Д.О'Коррайна, привело к драматическим изменениям в Ирландии (в торговле, урбанизации и т.д.).

Дублинское королевство занимало обширную территорию. Внутри него находился целый ряд богатых монастырей (Swords, Lusk, Lambay, Finglas, Glasnevin, Clondalkin, Kilmainham, Tallaght, Shankill). Эти давно основанные и процветавшие монастырские центры ("монастырские города") играли в землях управляемых викингами ту же экономическую и политическую роль, что принадлежала им и в Ирландских королевствах. Д.О'Коррайн справедливо подчеркивает значение данного обстоятельства для понимания процесса культурной ассимиляции и интеграции церкви в структуру власти внутри районов, контролируемых викингами. Монастыри и их владения сосуществовали с поселениями викингов и местной ирландской аристократии.

Д.О'Коррайн суммировал данные о северных заимствованиях в ирландском языке. Большая их часть относится к областям в которых викинги преуспевали — морскому и военному делу, морскому рыболовству, коммерции и товарам. Ряд терминов связан с сельским хозяйством, подтверждая наличие некоторого числа фермеров, преимущественно на восточном побережье в округе Дублина, говоривших на северном языке. Некоторые заимствованные слова связаны с социальными отношениями,

пищей и т.д. В целом, северные заимствования в ирландском языке немногочисленны и составляют не более 0,2 % всего словаря.

Литературные источники также подтверждают тесные культурные связи викингов и населения Ирландии. Общие выводы Д.О'Коррайна сводятся к нескольким главным положениям. Согласно его взглядам, аккумуляция и христианизация викингов в Ирландии произошла *очень быстро после того, как в IX в. появились их первые постоянные поселения*. Тоже самое случилось с язычниками-пришельцами второй волны расселения во второй трети X в. Поселенцы викинги в начале X в. были двуязычными. В X в. правители Дублина превратились в христианскую аристократию, связанную взаимными браками с местной ирландской аристократией. Монастыри в районах, контролируемых викингами, сохранялись и процветали, что привлекало к ним поселенцев и оказывало на последних значительное влияние. В начале XI в. правители Дублина совершили паломничество в Рим. Так, заключает Д.О'Коррайн, морские грабители и воины-короли стали христианами бюргерами и купеческими предводителями, сторонниками епископской революции в ирландской церкви.

“От язычества и христианству: региональное исследование - Юго-Западная Балтика”, так сформулировано название третьего раздела рецензируемой книги, написанного М.Мюллер-Вилле. Автор убедительно проиллюстрировал успех каролингской миссии в Саксонии около 800 г., распространение христианства к северу от Эльбы, связанное с деятельностью Ансгара. В Гамбурге была основана миссионерская церковь, которая позже была преобразована в собор. Миссионерские церкви располагались также в Хедебю и Риббе. В 831/834 гг. Гамбург стал епископством. Возможно, именно Риббе и Хедебю были избраны для последующего основания епископств, но набеги норманов в 845 г. развеяли эти планы. Они были воплощены в жизнь только около середины и второй половины X в. Частью процесса укрепления и распространения христианства стало основание епископств в Хедебю/Шлезвике, Риббе и Орхусе в 948 г., несколько десятилетий спустя в Оденсе (988 г.) и в Старигарде/Ольденбурге (ок.970 г.).

М.Мюллер-Вилле иллюстрирует известия письменных источников археологическими наблюдениями. Он указывает на открытие в Гамбурге под собором, внутри Хаммарбурга основания деревянной церкви, возможно, Св.Марии, которую упоминает Римберт в своем описании жизни Ансгара. Утверждение христианства в сельской местности сопровождалось возведением приходских церквей. На

протяжении IX и X вв. в Нижней Саксонии церковные кладбища сменили богатые сопроводжающим инвентарем могильники языческого и языческо-христианского характера фризов и саксов. К северу от Эльбы, на Ютландском полуострове эта смена происходила в конце X и XI вв.

Процесс христианизации к востоку от Восточного Гольштейна на славянских землях ободритов (вагры, полабы) М.Мюллер-Вилле рассматривает, прежде всего, на примере Старигарды, история которого хорошо известна и по письменным источникам и по результатам масштабных археологических раскопок. Здесь, внутри валов, начиная с VII-VIII вв. и до X в. существовало языческое святилище. Первая церковь, возможно, была построена в тридцатые годы X в. В 934 г. король ободритов был крещен в Старигарде и в 972 г. здесь был основан центр епископства. В 983 г. во время славянского восстания церковь была уничтожена и заменена языческим святилищем. Борьба с саксами сопровождалась возрождением прежней религии. Церковь была возведена вновь и вновь разрушена язычниками. Языческое капище в Старигарде существовало до 1156 г. Христианство возобладало в Восточном Гольштейне только после того как в середине XII в. район попал под власть саксов.

Археологические материалы из Старигарды свидетельствуют как о языческих, так и о христианских верованиях населения. Найдены различные крестики, реликварии, миниатюрная деревянная фигурка идола и т.д. Интересные данные для изучения проблемы распространения христианства получены при раскопках Старого Любека. Окончательная христианизация Южной Балтики с ее ранними центрами Волином и Щецином на Одере произошла в XII в. В 1140 г. была основана первая епархия в Померании.

В заключение М.Мюллер-Вилле подчеркивает, что утверждение христианства на юге Балтики происходило в течение длительного периода при активном противодействии язычества. Статья *убедительно показывает ценность археологических источников при рассмотрении вопросов распространения христианства.*

Вместе с тем, не могу не отметить, что М.Мюллер-Вилле анализирует вопросы смены язычества христианством как бы вне процесса становления централизованных государств в рассматриваемом районе. В тоже время несомненно тесная взаимосвязь этих процессов и социально-политический контекст принятия новой религии имел первостепенное значение. Выпал из рассмотрения также и этнический вопрос. На данной территории он играл немаловажную роль. Дело в том, что борьба славян-

ского населения с саксами за свою культурную самобытность в религиозном плане при усиливающемся давлении германских племен принимала форму борьбы с христианством под знаменами языческой религии, способствуя длительной консервации “национальных” языческих верований. Церковная служба велась на латыни, а сами епископы представляли отнюдь не славянский мир.

Первый выпуск серии нового Центра по исследованию периода викингов и средневековья, составленный из трех как бы не связанных прямым образом друг с другом очерков демонстрирует необходимость комплексного изучения взаимодействия язычества и христианства, процессов формирования государств и новых социальных структур на всей территории Евро-

пы. Возникает вопрос и о различной роли скандинавов в процессе христианизации. Если в одних случаях, как в Ютландии, христианство, продвигаясь со стороны германских племен, медленно охватывало все большие территории заселенные скандинавским (датским) населением, то в Ирландии пришельцы-викинги оказались в стране давнего христианства и экономически развитых монастырских центров и были быстро христианизированы. На Руси варяги, входя в состав правящей элиты славянского государства, сами оказались проводниками христианства в среде славянского языческого мира. Можно надеяться, что последующие выпуски рассмотренной серии будут способствовать дальнейшей плодотворной научной разработке поднятых вопросов.

Е.Н.Носов

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел славяно-финской археологии

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ THE ORGANIZATION OF SCIENCE

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ФИНЛЯНДИИ

ПАУЛА ПУРХОНЕН*

Организацию охраны древних памятников Финляндии определяют закон об охране памятников (295/63), закон о защите строений (60/85), закон, регулирующий ограничения по вывозу из страны предметов, имеющих культурную ценность (445/78), а также закон (31-72) и положение о Музейном ведомстве (119/92). В системе организации охраны древних памятников центральное место занимает Музейное ведомство, которое отвечает за охрану древних остатков по всей стране. Ответственность за охрану строений распределена между Музейным ведомством, губернским правлением и коммунами. В последующем мы будем рассматривать организацию охраны памятников в части, которая касается археологических памятников и отдельных древних вещей.

Организация Музейного ведомства

Музейное ведомство основали в 1972 г., реорганизовав созданный в 1884 г. археологический комитет. Структура Музейного ведомства была изменена 1 марта 1992 г. Оно состоит из четырех отделов — управленческого, культурно-исторического, археологии, архитектурно-исторического и Национального музея Финляндии. Музейным ведомством руководит генеральный директор. Наиболее важные планы, связанные с деятельностью и развитием ведомства, рассматривает назначаемое министерством просвещения правление. Специальное собрание, состоящее из генерального директора и руководителей отделов, собирается по мере необходимости для обсуждения, как правило, вопросов, касающихся двух или нескольких отделов и имеющих принципиальное значение.

Организация Музейного ведомства отража-

ет его задачи, осуществляемые на трех направлениях, которые включают антикварную охранную деятельность, научную деятельность в области археологии, этнографии, истории материальной культуры, морской истории и истории архитектуры, а также музейную деятельность. Охрана и исследование древних остатков в части, которая касается памятников доистории, относятся к отделу археологии, объекты исторического времени входят в компетенцию архитектурно-исторического отдела, а находки судов рассматриваются в подразделении морской истории, входящем в культурно-исторический отдел.

Задачи отдела археологии Музейного ведомства

Функции отдела археологии Музейного ведомства — исследование древних остатков, их охрана, сбережение, ответственность за центральный археологический архив и коллекции доисторических вещей, планирование выставок, а также образовательная и просветительная деятельность. Формы деятельности разделены между исследовательским и охранным отделами, архивным и коллекционным отделами и отделом хранения древних остатков. Временные исследовательские, выставочные, публикационные проекты и проекты развития ведутся под кураторством руководителей отделов.

Исследовательское и охранные подразделения отвечают за задачи охраны древностей, следя за планированием использования земли, организуя и контролируя охранные археологические разведки и раскопки, а также осуществляя срочные работы с помощью разведочных групп на землях частных владельцев. Деятель-

* Museo Virasta Nervanderinkatu 13, Box 913-SF. 00101 Helsinki 10, Finland.

ность подразделения основана на географическом разделении территории, при котором сотрудники подразделения, старший интендант и пять исследователей, отвечают каждый за закрепленными за ними районами. Двое исследователей, руководящие группой разведочных работ, также находятся на бюджетных ставках. Прочие, охранные полевые работы осуществляются за счет внешнего финансирования (финансирование в соответствии с законом об охране памятников, средства по трудоустройству, жертвования). Исследовательская деятельность, выходящая за рамки охранных работ, проводится по временным проектам. В настоящее время имеется три таких проекта. В Вариконниemi в г.Хямеинлина исследуются торговый и ремесленный центр поздней фазы доисторического периода, в Хииттинен Кюркзундетице — торговое место железного века и в Лайтила — могильник с сожжениями эпохи мезовингов.

Подразделение, ведающее коллекциями и архивом, отвечает за их сохранность, за развитие регистра памятников древности и содержание его на уровне времени, и за обслуживание посетителей. Постоянный штат подразделения включает старшего интенданта, исследователя, отвечающего за архив, чертежника, а также лаборанта, следящего за нумерацией находок. Кроме того, из внешних средств оплачиваются временные сотрудники. В архиве хранятся сведения о всех известных в Финляндии доисторических памятниках и местах находок вещей. Коллекции включают в себя, главным образом, предметы доисторического времени в Финляндии (примерно до 1150/1300 г. н.э.). Значительные коллекции доисторических вещей, кроме того, имеются только в университете Турку и музее Сатакунта в г.Пори.

Подразделение охраны памятников отвечает за мероприятия по трудоустройству возложенные на Музейное ведомство. Они осуществляются в местах приведения в порядок памятников доисторического и исторического времени. Попечением за памятниками археологии занимается и координирует мероприятия по уходу за ними работающий в Хельсинки генеральный планировщик. За это же отвечают региональные планировщики в Хельсинки, Турку, Тампере, Миккели и Коувала. Деятельность подразделения финансируется полностью из средств по трудоустройству. Ежегодно приводятся в порядок около 100 древних памятников.

Помимо Музейного ведомства в решении задач, связанных с охраной памятников древности, участвуют провинциальный музей Турку, музей Северной Похьянмаа (г.Оулу), музей Савонлинна, провинциальный музей

Лапландии (г.Рованиemi) и провинциальный музей Кайну (г.Кааяни), а также эпизодически другие музеи и кафедры археологии университетов. Исследовательские археологические работы сосредоточены, помимо Музейного ведомства, в вышеупомянутых музеях, а также в университетах Турку, Хельсинки и Оулу.

Музейное ведомство является центральным исследовательским учреждением в антикварной области страны. Особенно это касается археологических исследований, которые лишь в последние годы стали проводиться местными музейными центрами. Находясь в ведении и под ответственностью отдела археологии центральный архив и коллекции находок, образуют основной исследовательский фонд по доисторическому периоду Финляндии.

Закон о древних памятниках и охрана памятников древности

В Швеции и Финляндии впервые в 1666 г. памятники древности были взяты под государственную охрану. В 1680-х годах постановления по охране памятников расширили и они стали касаться также вещей, изготовленных из драгоценных металлов, найденных в земле, которые нужно было представлять королевской власти для выкупа. В Дании, согласно аналогичному, восходящему уже ко времени средневековья, закону, вещи из драгоценных металлов, найденные в земле, принадлежали государству. Эти касающиеся кладов постановления по-прежнему остаются в силе в Швеции и в Дании и на них основывается также финское постановление, согласно которому вещи, которым больше 100 лет, если они найдены в земле, следует отправлять в Музейное ведомство, которое принимает решение об их выкупе в государственные коллекции.

В XVIII веке постановления об охране памятников дополнялись много раз и уже тогда была сформирована основа для представления, согласно которому древние остатки, как память о деятельности предков, образуют общее культурное достояние. Современный закон Финляндии, принятый в 1963 г., основывается, главным образом, на постановлении 1883 г., по которому памятники древних времен объявлялись заповедными и ставились под охрану. Для координации этой деятельности, в 1884 г. была основана археологическая комиссия, название которой, после реорганизации 1972 г., изменили на Музейное ведомство.

В Северных странах, охрана древних памятников, и связанные с нею исследования, имеют более чем трехсотлетнюю традицию. Северные страны в этой области были во многих смыслах первопроходцами. Хотя содержащиеся в их законодательствах положения несколько различаются, принцип охраны памятников одина-

ков. Недвижимые памятники истории культуры охраняются законом без каких-либо дополнительных оговорок. Основанием для постановки объекта на охрану достаточно его наличие. В Финляндии положения закона об охране памятников археологии защищают их значительно эффективнее, чем, например, закон об охране природы или закон об охране архитектурных сооружений, по которым в каждом конкретном случае необходимо принятие специального решения о постановке объекта на охрану.

Закон об охране памятников автоматически ставит на охрану археологические объекты и запрещает на них любые земляные работы без предварительных научных раскопок. В настоящее время зафиксировано около 11 000 памятников археологии, но их количество растет по мере проведения разведочных работ и поступающих сообщений.

За охрану, исследование и сбережение памятников археологии отвечает Музейное ведомство. Оно отвечает за обследование, инвентаризацию, раскопки памятников, их музеефикацию и проч., а также публикационную деятельность. Только у Музейного ведомства есть право исследовать древние объекты и давать разрешение на такие действия другим учреждениям или обществам.

Некоторые задачи по сохранению древних памятников выполняют губернские правления. Последние могут утверждать статус древнего памятника, охранную зону и выдавать разрешения на проведение каких-либо работ на памятнике. Однако, местные управленческие органы должны строго придерживаться позиции Музейного ведомства и, если решение губернского правления противоречит заключению Музейного ведомства, то заключение по этому вопросу передается на утверждение министерства просвещения.

Закон о древних памятниках устанавливает существенные ограничения в землепользовании уже на стадии планирования. В нем, в том числе, предусмотрено, что при проектировании различных строительных работ, соответствующие организации обязаны обращаться за разрешением в Музейное ведомство. Музейное ведомство проводит разведочные раскопки и работы для выяснения настолько планируемое строительство может повредить памятнику.

Если строительство действительно нарушит памятник, то тогда проводятся переговоры между Музейным ведомством и проектирующей организацией, при которых либо оговаривается вопрос об изменении проекта, либо рассматривается возможность исследовательских раскопок, с тем чтобы снять с охраны памятник археологии, давая возможность иного исполь-

зования земли.

В этом случае затраты на раскопки или специальные мероприятия, направленные на сохранение памятника, возмещаются за счет производителя работ по проекту. Помимо общих проектов, это касается также более крупных частных рабочих проектов. Ранее основная доля археологических работ, проводимых Музейным ведомством, приходилась на спасательные раскопки, ведущиеся за счет различных строительных проектов. В последние годы все же растет доля средств, выделяемых на исследование из фонда борьбы с безработицей. Так, в 1991 г. на исследовательскую археологическую деятельность по доисторическим памятникам было использовано средств в общей сложности 6,1 млн. марок, из которых лишь 3,2 млн. марок составляют деньги, полученные согласно закона о памятниках. Ежегодно проводится 50-60 археологических раскопок, и около 10 разведочных экспедиций.

Некоторые памятники археологии, в связи с их особой научной ценностью, даже после научных исследований, не могут быть сняты с государственной охраны. В этом случае, между Музейным ведомством и проектировщиками согласие не достижимо и, в соответствии с законом, дело направляется на рассмотрение Государственного совета.

Если при строительных работах случайно откроются ранее неизвестные древние памятники или отдельные находки, работы немедленно прекращаются, а о находке сообщается в Музейное ведомство. После проверки принимается решение о возможности проведения на данной территории строительных работ.

Закон о древних памятниках, как правило, не препятствует занятиям земледелием или мероприятиям по обычному уходу за лесом в местах расположения памятников археологии. Но поскольку всякие земляные работы на территории памятника запрещены, это причиняет владельцу земли некоторый ущерб, в связи с тем, что хозяин не может в полной мере использовать принадлежащий ему земельный участок. Музейное ведомство проводит силами своих так называемых разведочных групп ежегодно около 20 исследований на объектах небольшой площади.

Однако, Музейное ведомство не всегда имеет возможность провести исследования на территории, предназначенной для масштабных строительных работ. В то же время владелец земли, считая эти работы необходимыми, может обратиться за разрешением в губернное правление. Последнее, в свою очередь, может предоставить такое разрешение, определив при этом Музейному ведомству время на проведение исследовательских работ.

Наличие памятника археологии на земельном участке обязательно принимается во внимание на всех уровнях планирования землепользования — окружном, в рамках одной коммуны или одного участка.

При окружном планировании памятники археологии отмечаются по месту нахождения. В пояснениях к схематическим знакам и в текстовой части даются указания о том, что следует учитывать при общем планировании землепользования и при конкретном использовании данного участка, на котором расположен памятник. В общих схемах памятники помечены обычными знаками, реже очерченной территорией.

При детальном, архитектурном и местном планировании участков, памятники археологии помечаются либо отведением территории (памятники государственного значения), либо временными пометками (объекты, которые можно снять из под охраны после проведения исследований). В первом случае к схеме дается пояснение: «Памятник, охраняемый законом о древних памятниках (295/63). Раскопки, засыпка, изменение и другого рода работы запрещены»; во втором случае — «Памятник, охраняемый законом о древних памятниках (295/63). Все касающиеся данной территории планы по землепользованию необходимо на-

правлять для согласования в Музейное ведомство».

Хотя закон о древних памятниках прямо не обязывает Музейное ведомство сообщать о наличии древнего памятника владельцу земли или чиновникам, о них все же пытаются информировать всех.

Те же правила, что и памятников археологии, касаются находок судов и остовов судов старше 100 лет. Разница в том, что найденные среди остовов затонувших судов вещи, принадлежат государству без выкупа.

Хотя закон гарантирует хорошую защиту памятникам древности, его можно еще совершенствовать и развивать. В частности, центральным проектом на ближайшие годы является проект об учете древних памятников на всей территории страны и создании общего списка древностей на основе автоматической обработки информации, которая будет включена в так называемую местную систему информации Министерства окружающей среды и межевого управления. Охране древних памятников и археологическим исследованиям способствуют новые геофизические и химические методы, делающие возможным выяснение размеров и структуры древнего объекта с помощью минимальных раскопок.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД THE EAST-WEST COOPERATION

ДАТИРОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Ф.ОЛСВОРС-ДЖОНС*

Три взаимосвязанных проекта, касающихся перехода от среднего палеолита к верхнему на территории европейской России, Украины и Молдавии находятся сейчас в процессе осуществления. Многочисленные вопросы, относящиеся к данному региону и данному периоду, остаются нерешёнными, как, например вопрос о том, был ли восток Европы частью так называемого “исходного ареала” (core area) первоначального появления верхнепалеолитических индустрий (что утверждается для бронзенской культуры в Молдавии, и может оказаться справедливым даже для Костенок, если древность нижней гумусовой толщи удастся доказать), или о том, мог ли в отдельных районах, таких, как Крым, средний палеолит продолжаться дольше, чем везде, и с каким типом гоминид он мог быть связан. Кроме того, этот период особенно интересен и сложен с методической точки зрения, поскольку он находится у предела или за пределом радиоуглеродного метода, а надёжность и сопоставимость более новых методов всё ещё проверяется.

1. Радиоуглеродный анализ с использованием техники ускорительной масс-спектрометрии производится в Оксфорде (Research Laboratory for Archaeology and the History of Art, 6 Keble Road, Oxford OX1 3QJ). Образцы были собраны д-ром Ф.Олсворс-Джонсом в 1992 и 1993 гг. в ходе двух визитов в СНГ, финансировавшихся Макдональдским Институтом Археологических Исследований (62 Sidney Street, Cambridge CB2 3JW), Британской Академией и Би-Би-Си. Пока получено 23 даты с семи памятников, находящихся в трёх названных выше странах.

2. Датирование термолюминисцентным методом и методом электроннопарамагнитного

резонанса осуществляется д-ром У.Дж.Ринком (Department of Geology, McMaster University, 1280 Main Street, Ontario, Canada L8S 4M1) в рамках проекта, финансируемого фондом Л.Лики. Лаборатория электронно-парамагнитного датирования в Макмастерском университете возглавляется проф. Х.П.Шварцем (он вместе с д-ром К.В.Стрингером и д-ром Ф.Олсворс-Джонсом также участвует в проекте) и финансируется за счёт гранта от Национального научного фонда Соединённых Штатов. Помимо памятников СНГ, д-р Ринк исследовал ещё 6 памятников Центральной и Западной Европы, что стало возможным благодаря нынешнему, а также более раннему проекту, тоже поддерживаемому фондом Лики.

3. Проект “Средний палеолит Крыма” (грант Национального научного фонда США) выполняется проф. Э.Марксом (Department of Anthropology, Southern Methodist University, Dallas, Texas 75275, USA) в соответствии с условиями соглашения между ним и Институтом Археологии АН Украины (ул. Выдубецкая 40, Киев, 252014, Украина). Украинской группой руководит к.и.н. В.П.Чабай, глава Сектора палеолита Крымского филиала Института археологии АН Украины (ул. Ялтинская, Симферополь, 333640, Украина). Соглашение включает не только датирование, но и все другие аспекты изучения соответствующих памятников. В ходе реализации данного проекта будут опубликованы радиоуглеродные, термолюминисцентные и ЭПР - даты, полученные благодаря двум первым из названных программ, постольку поскольку они касаются крымских памятников.

Ниже названы основные местонахождения, исследованные пока в трёх странах.

* The McDonald Institute for Archaeological Research 62 Sidney Street, Cambridge CB2 3JW Great Britain.

Молдавия. Брынзены, Чунту и Буздужаны, три пещеры или навеса на северо-западе страны, ранее раскапывавшиеся к.и.н. Н.А.Кетрару (Музей истории Молдавии, ул. 31 Августа 121а, Кишинёв, 277012, Молдавия) и к.и.н. И.А.Борзняка (Музей археологии и этнографии, ул. Банулешку-Бодони 35, Кишенёв, 277012, Молдавия). Благодаря содействию молдавского института археологии (ул. 31 Августа 82, Кишенёв, 277012, Молдавия) и его директора д.и.н. В.А.Дергачёва, в 1993 г. группой под руководством И.А.Борзняка на всех трёх памятниках были подготовлены новые разрезы. Были взяты образцы для датирования, а также для микро-морфологического анализа отложений, который выполняется д-ром Френчем (Department of Archaeology, University of Cambridge, Cambridge, Cambridge CB2 3DZ).

Украина. В 1993 г. совместной палеолитической экспедицией исследовались следующие памятники: Кабази-2 (к.и.н. В.П.Чабай), Кабази-5 (к.и.н. А.Евтушенко), Староселье (проф. Э.Маркс и к.и.н. Ю.Э.Демиденко и В.И.Усик), ГАБО (к.и.н. В. Н. Степанчук), Скалистый

(к.и.н. В. Ю. Коэн) и Заскальная-5 (д.и.н. Ю.Г.Колосов). Кроме института археологии и его Крымского филиала полезное содействие экспедиции оказал кооператив "Археолог" и его директор В.И.Билзиля (ул.Героев Триполья 9, Киев, 252070, Украина. В 1992 г. образцы для радиоуглеродного датирования были взяты также из Заскальной-6 и из Буран-Каи-3, которая раскапывается к.и.н. А.А.Яневичем (Институт археологии АН Украины).

Россия. В 1992 г., благодаря содействию к.и.н. Н.Д.Праслова и А.А.Синицына (ИИМК РАН) образцы для радиоуглеродного анализа были взяты из Костенок-14 (Маркина Гора).

Работа над различными аспектами названных программ продолжается. По существующему соглашению совместный проект, касающийся среднего палеолита Крыма, должен продолжаться ещё три года, а д-ру Ринку остаётся ещё работа в связи с термolumинисцентным и ЭПР-датированием, но дальнейший сбор для радиоуглеродного анализа сейчас не планируется.

DATING THE PALAEOOLITHIC IN EASTERN EUROPE

Three related projects are currently under way concerning the transition from middle to upper Palaeolithic in European Russia, the Ukraine and Moldavia. Numerous questions relating to this region and time period remain unresolved, for example, whether it formed part of the so-called "core area" where upper Palaeolithic industries first appeared, as has been claimed in Moldavia for the "Brynzeni culture" and might even be true for Kostenki if the antiquity of the lower humic bed could be demonstrated, whether the middle Palaeolithic might have lasted longer than elsewhere in some locations such as the Crimea, and with what type of hominid it may be associated. This is also a time period which is particularly interesting and difficult from a methodological point of view, since it is near or beyond the limit of the radiocarbon dating technique, and the reliability and comparability of other newer techniques is still being put to the test.

1. ^{14}C dates using the accelerator mass spectrometry (AMS) technique are being obtained in Oxford (Research Laboratory for Archaeology and the History of Art, 6 Keble Road, Oxford OX1 3QJ). The samples were collected by Dr P.Allsworth-Jones during two visits to the C.I.S. in

1992 and 1993 which were sponsored by the McDonald Institute for Archaeological Research (62 Sidney Street, Cambridge CB2 3JW), the British Academy and the B.B.C. (which awarded him a Seton-Watson bursary to help with the second visit). They are being processed as part of the S.E.R.C. financed science-based archaeological dating programme run by the laboratory with the approval of its Advisory Panel. so far 23 dates have been obtained from 7 sites in the three countries concerned.

2. Electron spin resonance (ESR) and thermoluminescence (TL) dates are being obtained by Dr W.J.Rink (Department of Geology, McMaster University, 1280 Main Street, Hamilton, Ontario, Canada L8S 4M1) under a project funded by the Leakey Foundation of which he is Principal Investigator. The ESR dating laboratory at McMaster is directed by Professor H.P.Schwarz (who together with Dr C.B. Stringer and Dr P.Allsworth-Jones is a co-investigator of the project) and it is financed by a grant from the US National Science Foundation. Apart from sites in the C.I.S. Dr. Rink has also investigated 6 others in Central and Western Europe under the terms of this project, and an earlier project also funded by the Leakey

Foundation.

3. "The Middle Palaeolithic of the Crimea" is being investigated by Professor A. E. Marks (Department of Anthropology, Southern Methodist University, Dallas, Texas 75275, USA) under the terms of an Agreement between himself and the Ukrainian Institute of Archaeology from which he has received a grant from the US National Science Foundation. The Ukrainian team is headed by Dr. V.P.Chabai, Head of the Palaeolithic Section of the Crimean Branch of the Institute (Krymskii Filial, Institut Arkheologii ANU). This Agreement embraces not only dating but also all other aspects relating to the sites involved, and the ^{14}C , ESR and TL dates obtained by virtue of the first two projects mentioned will be published as part of this project in so far as they relate to those sites.

The principal sites investigated in the three countries so far as follows.

Moldavia: Brnzene, Ciuntu, and Buzdujeni, three caves or rockshelters in the north-west of the country, previously excavated by Dr N.A. Chetaru (Muzeul National de Istorie a Moldovei) and Dr I.A. Borzic (Muzeul de Arheologie si Etnografie). Thanks to the cooperation of the Moldavian Institute of Archaeology and its Director Dr V.A. Dergaciov (Institut de Arheologie si Istorie Veche al Academiei de Stiinte a Republicii Moldova) new sections were prepared at all three sites in 1993 by a team under the leadership of Dr I.A. Borzic. Samples were taken for dating purposes and also for

micromorphological analysis of the deposits, which is being carried out by Dr C.A. I. French (Department of Archaeology, University of Cambridge, Cambridge CB2 3DZ).

Ukraine: In 1993 the following sites were investigated by the joint Palaeolithic expedition: Kabazi II (Dr V.P. Chabai), Kabazi V (Dr A.Yevtushenko), Starosel'e (Professor A.E. Marks, Drs Yu.E. Demidenko and V.I. Usik), GABO (Dr V.N. Stepanchuk), Skalisty (Dr V.Yu. Cohen), and Zaskal'naya V (Professor Yu.G. Kolosov). Apart from the Institute and its Crimean Branch, the expedition benefited from the assistance of the cooperative "Arkheolog" and its Director Dr. V.I. Bidzilya. In 1992 samples for ^{14}C dating were also taken from Zaskal'naya VI, and from Buran-Kaya III which is being excavated by Dr A.A. Yanevich (Ukrainian Institute of Archaeology).

Russia: In 1992 samples were collected for ^{14}C dating from Kostenki XIV-Markina Gora, thanks to the cooperation of Drs N.D.Praslov and A.A. Sinitsin (The Institute of the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences).

Work on various aspects of these projects is continuing. Under current arrangements the joint project concerning "the Middle Palaeolithic of the Crimea" is due to carry on for three years, and Dr Rink still has more to do in connection with the ESR and TL dating, but no further collection of ^{14}C samples is presently envisaged.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 150-ЛЕТИЮ со дня рождения А.А.ИНОСТРАНЦЕВА

А.Д.СТОЛЯР*, И.Л.ТИХОНОВ**

10-12 февраля 1994 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошел Международный симпозиум, посвященный 150-летию выдающегося естествоиспытателя, члена-корреспондента Академии наук профессора Александра Александровича Иностранцева

(1843-1919), основоположника геологической школы Санкт-Петербургского университета.

Его кандидатская диссертация "Петрографический очерк острова Валаам", защищенная в 1867 г. по окончании Санкт-Петербургского

* Россия. Санкт-Петербург. 199034. Менделеевская линия, 5. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра археологии.

** Россия. Санкт-Петербург. 199034. Университетская наб., 2. Санкт-Петербургский государственный университет. Музей истории университета.

университета, положила начало отечественной петрографии, так как в ней начинающий исследователь впервые использовал поляризационный микроскоп для изучения горных пород. После защиты докторской диссертации в 1873 г. А.А.Иностранцев становится профессором кафедры геологии Санкт-Петербургского университета и приступает к созданию геологического кабинета-музея. За полвека своей преподавательской деятельности, он создал самостоятельную научную школу, из которой вышли академики Ф.Ю.Левинсон-Лессинг, А.А.Полканов и многие известные геологи и палеонтологи. А.А.Иностранцев многократно представлял Россию на Международных Геологических конгрессах и под его руководством были сформулированы принципы мировой стратиграфической шкалы, которой сейчас пользуется весь мир. А.А.Иностранцев был одним из создателей Российского Геологического Комитета и внес значительный вклад в изучение топливно-энергетической и сырьевой базы нашей страны.

В его фундаментальном влиянии на развитие целого спектра наук очень весомой оказалась и новаторская инициатива становления "доистории" на русской почве. Начав в 1870-е годы со сбора каменных орудий в ходе своих геологических экспедиций, А.А.Иностранцев в 1878-82 гг. проводит широкое комплексное исследование неолитических стоянок, завершившееся публикацией в 1882 г. фундаментальной монографии "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера", сразу же выдвинувшей его в число наиболее авторитетных исследователей первобытной древности России.

Симпозиум 1994 г. был подготовлен и организован совместными усилиями геологического факультета, кафедры археологии и Музея истории СПбГУ и в нем приняли участие геологи и археологи из Санкт-Петербурга, Москвы, Чернигова, Воронежа и других городов Российской Федерации и Украины, а также коллеги из Эстонии, Финляндии, Канады, Дании и Норвегии.

Работа симпозиума открылась пленарным заседанием в Актовом зале СПбГУ. С приветствием участникам выступил проректор по научной работе Санкт-Петербургского университета, профессор В.Н.Троян. Совместный доклад В.А.Прозоровского и И.Л.Тихонова был посвящен биографии, научной и общественной деятельности профессора А.А.Иностранцева. Далее на пленарном заседании были заслушаны доклады от каждой из четырех организованных секций. От археологической секции был представлен доклад А.Д.Столяра (СПбГУ) "Вклад А.А.Иностранцева в развитие перво-

бытной археологии в России", в котором прослеживались все сложные предпосылки археологической эпопеи, оторвавшей именитого петрографа в 1878-1882 гг. от его основного труда. Результатом явилось не только обогащение науки уникальными археологическими коллекциями "доисторического человека" Южного Приладожья, но и в целом активное содействие рождению первобытной археологии России и утверждение комплексного принципа источниковедческой реконструкции прошлого (монография 1882 г.), который и в наши дни сохраняет свое эталонное значение.

Далее работа симпозиума проходила по четырем секциям: "Общая стратиграфическая шкала. Создание, современное состояние, пути совершенствования", "Эндеогенные процессы в геологической истории Балтийского щита", "Функционирование естественно-исторических музеев в рамках высших учебных заведений", "Теория и практика изучения памятников первобытной археологии". Последняя, археологическая секция работала в Музее истории СПбГУ. Открылась она докладом И.Л.Тихонова (СПбГУ) "К вопросу о роли А.А.Иностранцева в становлении палеоэтнологической школы Санкт-Петербургского университета". Доклад был посвящен значению участия А.А.Иностранцева в развитии молодой науки "палеоэтнологии" в университете. Именно его стараниями были собраны первые коллекции по первобытной археологии, по его инициативе проведены первые исследования университетскими учеными (В.В.Докучаев, К.С.Мережковский). Он же стоял у истоков создания Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете и кафедры географии и этнографии, которые в скором времени стали ведущими научными центрами в этой области. В итоге докладчик пришел к выводу, что роль А.А.Иностранцева в истории отечественной археологии не ограничивается его известной монографией, так как он фактически являлся родоначальником палеоэтнологической школы в СПбГУ и оказал заметное влияние на ее развитие и в последующие годы.

В.И.Тимофеев (ИИМК РАН) в докладе "О культурно-хозяйственной атрибуции находок каменного века из приладожской коллекции А.А.Иностранцева" по-существу реализовал мнение И.С.Полякова (1880 г.) о смешанности находок на отрезке Сясьского канала, опираясь на современную систему интерпретации древностей Северо-Запада. В итоге им выделены три группы находок, ранняя из которых относится к мезолитической культуре Кунда, а другие к ранне-неолитической нарвской культуре и культуре ямочно-гребенчатой керамики.

Два основанных на архивных материалах

сообщения — Г.С.Лебедева (СПбГУ) о выполненных А.А.Иностранцевым раскопках средневекового грунтового могильника в Старой Ладоге, и Н.Н.Жервэ (СПбГУ) о курировании им же работ новгородского археолога-краеведа В.С.Передольского на Коломцах в 1892 г. — наглядно подтверждают устойчивость и широту археологических интересов А.А.Иностранцева, как и его содействие местным историко-археологическим изысканиям.

Подтожил первый день заседаний проблемный доклад Д.Г.Савинова (СПбГУ) «О теоретическом обосновании археолого-этнографических сопоставлений в области социальной и духовной культуры». Наиболее перспективным автору представляется не прямое связывание археологических и этнографических источников (как это чаще всего делается в исторических реконструкциях), а опосредственный путь синхронизации, включающий моделирование всей системы отношений на «археологическом» уровне, затем выбор соответствующей модели на этнографическом материале; и уже в этих обоснованных пределах — поиски конкретных аналогий и реконструкция явления в целом. При обсуждении доклада прозвучала мысль о том, что во многих работах по истории первобытного общества этнографические аналогии экстраполируются в глубокую древность без достаточных на то оснований и необходимо системное обоснование подобных реконструкций.

Второй день секционных заседаний открылся докладом А.Д.Столяра «Традиции А.А.Иностранцева в исследовании первобытного Севера кафедрой археологии Санкт-Петербургского университета». Заложившая А.А.Иностранцевым источниковедческая база изучения каменного века нашего Северо-Запада, а также его традиции комплексного анализа ископаемых материалов спустя полвека, с середины 30-ых годов XX в. были качественно обогащены работами кафедры археологии под руководством В.И.Равдоникаса при органическом участии естественников (геолог-четвертичник Б.Ф.Земляков, антрополог Е.В.Жиров и др.). В науку были введены такие уникальные исключительного значения памятники как Оленеостровский могильник и петроглифические ансамбли Онежского озера и Белого моря. Сопутствовавшее этому теоретическое обогащение концепции привело к тому, что сейчас продолжение исследовательских традиций А.А.Иностранцева и В.И.Равдоникаса в синтезе с концепцией духовной сущности человеческого феномена (В.И.Вернадский, Тейяр де Шарден) позволяют совершенно в новом свете представить значительность историко-культурных достижений древнего Севера.

Е.Ю.Гирия (ИИМК РАН) посвятил свой доклад «Комплексный анализ и возможности исторического эксперимента» критическому разбору работ представителей так называемого «нового» направления в исследовании археологических памятников — «памятниковедения», провозгласившего исторический эксперимент одним из основных методов исследования и предлагающих экспериментивно воспроизвести открытие Америки, Куликовскую битву и другие исторические ситуации. Не говоря уже о принципиальной несостоятельности подобных «опытов», следует признать, что возможности эксперимента в археологии строго ограничены рамками изучения древнего материального производства и никак не распространяются на моделирование конкретно-исторических событий и феноменов древней духовной практики.

Если же обратиться к прямым продолжениям «приладожского» комплексного метода А.А.Иностранцева, охватившего весь цикл формирования научного источника, то в этой части рельефно выделяется совместный «интернациональный» доклад М.Саарнисто (Геологическая служба Финляндии), А.И.Сакса (ИИМК РАН) и Ю.-П.Таавитсайнена (Музейное ведомство Финляндии) «Древние жители Куупалы — свидетели этапов истории Ладogi». Исследователи показали высокую эффективность развития методик А.А.Иностранцева на современной основе системного анализа комплексных данных. Знаменательно и то, что эти результаты — уже очень весомые и доказательные в полученной форме (определение максимума Ладожской трансгрессии в период 3 050-3 100 лет тому назад и др.), и еще более многообещающие в ближайшей перспективе совместной полевой и кабинетной работы естественников и археологов Финляндии и России — концентрируются на поставленных А.А.Иностранцевым основных вопросах естественной и культурной истории региона самого большого озера Европы.

О.М.Тихомирова (Тихвинский музей) в сообщении «Памятники эпохи неолита юго-востока Ленинградской области» представила первую полную сводку о 42 пунктах неолитических находок, выявленных к настоящему времени в этом регионе, начало широкого археологического исследования которого было положено книгой В.И.Равдоникаса «Доисторическое прошлое Тихвинского края» (Тихвин, 1924).

М.Г.Жилин (ИА РАН) в представленном докладе «Оленеостровский могильник и синхронные поселения Верхнего Поволжья» сравнил некоторые категории инвентаря из гробов Онежского могильника с находками в культурных слоях многослойных торфянико-

вых поселений на Верхней Волге, раскопанных в последние годы, и пришел к выводу о сходстве, но не идентичности этих материалов, свидетельствующих о формировании населения, оставившего эти памятники на единой пост-видерской основе и наличии постоянных связей между ними в начале атлантического периода.

В докладе Г.В.Синицыной (ИИМК РАН) «Влияние культур балтийского региона на рубеже плейстоцена-голоцена на заселение территории Верхневолжских Озер», опираясь на материалы стоянки Подол III в истоках Волги, акцентировалась типологическое сходство инвентаря данного памятника с материалом культуры Бромме-Лингби. Это позволило датировать Подол III временем младшего Дриаса и допустить предположение о передвижении на Восток носителей культурной традиции Бромме-Лингби.

Совместное сообщение А.П.Деревянко, М.В.Шуныкова (ИАЭ СО РАН) и Г.М.Левковской (ИИМК РАН) было представлено последней. Оно посвящено результатам комплексных исследований, проведенных на многослойном памятнике Денисова пещера на Алтае. Использование целого ряда методов естественных наук (по разделам палеозологии, палеоботаники, радиоуглерода и др.) позволило провести детальное расчленение культурных напластований пещеры и реконструировать динамику природных изменений на протяжении длительного времени.

По разным причинам не состоялись представленные в Тезисах доклады А.Н.Решетова, В.В.Питулько, В.Я.Шумкина, А.В.Шадрухина, а также доклады Вяйно Пойколайнена и Эн Эрнита (Эстонское общество первобытного

искусства) с представляющими большой интерес абсолютными датировками памятников первобытного искусства России (Тезисы 1994:74-75).

Доклады на секции вызвали значительный интерес аудитории и активное обсуждение. В принятой резолюции отмечались высокий научный уровень заслушанных сообщений, отражающий многие актуальные проблемы современной науки и уровень изучения первобытных памятников Северо-Западного региона.

Еще раз было подчеркнуто важнейшее значение комплексного подхода к археологическим памятникам, одним из пионеров которого был А.А.Иностранцев, и в связи с этим необходимость усиления внимания к историографическим проблемам нашей науки. Конференция приняла резолюцию к опубликованию полного текста прочитанных докладов; решено также продолжать историографические работы, провести в декабре 1994 г. научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения В.И.Равдоникаса — продолжателя традиций А.А.Иностранцева в Санкт-Петербургском университете.

Завершился симпозиум экскурсией в Старую Ладугу, в ходе которой участники смогли не только познакомиться с музеем и архитектурно-археологическими памятниками, но и согласовать возможности совместных работ (в том числе и международных) археологов и геологов в этом районе.

Сотрудниками научной библиотека им. М.Горького и Музея истории СПбГУ к симпозиуму были подготовлены выставки научных трудов А.А.Иностранцева, фотоматериалы и документы о его жизни и деятельности.

Тезисы 1994. Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов Международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения А.А.Иностранцева. Санкт-Петербург.

РОССИЙСКО-ДАТСКИЕ РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ И НЕКРОПОЛЕ ПАНСКОЕ I

(СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.Н.ЩЕГЛОВ, Л.ХАННЕСТАД, С.В.КАШАЕВ, Л.Б.КИРЧО,
Й.СЕРЕНСЕН, В.Ф.СТОЛБА, Х.ХАСТРУП*

В 1994 г. Тарханкутская экспедиция ИИМК РАН и Института классической археологии университета г. Орхус провела первые совместные раскопки поселения и некрополя Панское I по программе INTAS. Систематическое изучение этого крупного и не имеющего аналогов в средиземноморско-черноморском ареале расселения греков археологического комплекса IV-начала III в.до н.э., расположенного на берегу озера Панское (Сасык), возле врезанной в северное побережье Тарханкутского полуострова Ярылгачской бухты, Тарханкутская экспедиция начала четверть столетия назад, в 1969 г. Инициатива в организации российско-датского научного сотрудничества принадлежит К.Рандсборгу, который высказал эту мысль в 1991 г. на международной конференции "Культурные взаимодействия и трансформации в Восточной Европе сквозь века" в Ньюкасле, и она была поддержана В.М.Массоном. Совместная российско-датская программа исследований предполагает продолжение раскопок поселения, а также изучение и публикацию огромного массива материалов и наблюдений, полученных в предшествующие десятилетия.

Полевые исследования 1994 г., согласованные с Госкомитетом Крыма по охране и использованию памятников культурного наследия, преследовали две цели. Первая была подчинена необходимости продолжить и расширить ранее начатое изучение периферийных районов поселения. Эта задача диктовалась с одной стороны научной программой приори-

тетного исследования окраин поселения для выяснения их стратиграфии, хронологии и пространственно-планировочной структуры. С другой стороны она преследовала чисто спасательные цели, так как северо-восточная сторона поселения разрушается на протяжении многих десятилетий постоянно расширяющейся распашкой совхозного поля. Ежегодно при весенней и осенней пахоте уничтожается узкой, но постоянно наступающей полосой маломощный культурный слой и содержащиеся в нем строительные остатки на глубину до 0,3-0,5 м и площадью до 100-200 кв.м. Скорейшее изучение этого участка дает единственную возможность получить о нем более или менее достоверную информацию. Вторая задача полевого сезона заключалась в проведении спасательных работ на ранее законсервированном для раскопок некрополе поселения Панское I. Последний исследовался с 1969 по 1985 г. Затем работы на нем были остановлены для научной обработки добытых материалов, их осмысления и публикации полученных результатов раскопок. Но с 1991 г. некрополь впервые за все время его существования стал (как и другие могильники Крыма) объектом тотального разграбления современными кладоискателями, хорошо оснащенными техническими средствами поиска, и в настоящее время он практически полностью уничтожен и потерян для науки. Спасательные работы могли вестись только на местах профессионально сделанных грабительских раскопов и траншей и должны были заключаться только

* С.В. Кашаев. Россия. Санкт-Петербург. 199034, Менделеевская лин., 5. Санкт-Петербургский государственный университет. Кафедра археологии.
А.Н. Щеглов, Л.Б. Кирчо, В.Ф. Столба. Россия. Санкт-Петербург 191186. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН.
L. Hannestad, J. Sorensen, H. B. Hastrup. Aarhus Universitet. 8000 Aarhus C. Denmark.

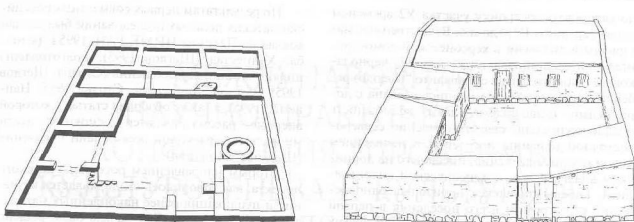

Рис. 1. Дом У2-2. 1 — строительные остатки (рисунок по фотографии), 2 — эскиз варианта реконструкции (А.Н. Щеглов).

Fig. 1. House Y2-2. 1 — remains of the building (the drawing according to the foto), 2 — the variant of the reconstruction (according to A.N. Sheglov).

в расчистке и фиксации разрушенных погребений.

По проекту изучения окраин поселения в 1994 г. было организовано два полевых отряда. Отрядом ИИМК руководил В. Столба (руководитель раскопа С. Кашаев, ответственные за полевую камеральную обработку материала В. Столба и Л. Кирчо, архитектурный обмер — А. Сильнов и О. Андреева, фотофиксация — В. Столба). Датским отрядом руководила Л. Ханнестад (руководитель раскопа и архитектурный обмер — Й. Серенсен, камеральная обработка материала — Х. Хауструп, фотофиксация — Я. Хейте). Спасательные работы на некрополе велись под руководством Л. Кирчо и А. Добролюбского вне пределов финансируемой программы силами студентов кафедры археологии Петербургского университета.

Объединенными усилиями в 1994 г. были раскопаны два строительных комплекса на северо-восточном участке У2, а также проведено поверхностное обследование строительного комплекса У10 на южном участке и сделан развечный зондаж в его северном углу.

Предварительное изучение микрорельефа, выходов кладок на поверхность и материалов вертикальной аэрофотосъемки 1956 г. установило, что на края поселения расположены крупные прямоугольные планировочные структуры, каждая из которых занимает площадь до 1500–2500 кв. м. Раскопками выяснено, что на северо-восточном участке У2 находился объединенный в единое целое блок типовых домов. Каждый дом занимал стандартный по площади участок застройки (οικοπέδον) около

260 кв. м. Пространственно-планировочная композиция блока построена по распространенному в греческом градостроительстве так называемому “гипподамову” принципу организации городского пространства. В греческих городах Северного Причерноморья “гипподамова” планировка наиболее строго выдержана в Херсонесе и Керкинитиде. Как видно, она же присуща и другим поселениям в Западном Крыму, т. е., на территории, входившей во вторую половину IV — начале II в. до н. э. в состав Херсонесского полиса.

Раскрыты остатки трех домов, сооруженных в сырцово-каменной технике северо-черноморского строительства, с орфостатно-постелистой иррегулярной кладкой низких цоколей сырцовых стен⁴. Из них наиболее полно раскопано здание У2-2 (рис. 1). Открытые дома типовой планировки отличаются от известных сейчас городских и сельских усадеб не только в Западном Крыму, но и во всем Северном Причерноморье. В то же время они, по-видимому, представляют новый вариант типично херсонесской архитектуры. По площади застройки эти дома больше типично городского дома и занимают промежуточное положение между сельскими усадьбами малой и большой площади классификации С. Д. Крыжицкого (1982: 48, 54). Есть достаточные основания предполагать, что блок усадеб на северо-восточной окраине поселения был возведен одновременно и по единому архитектурно-планировочному проекту.

Хронологическая дистрибуция материала, добытого раскопками позволяет предваритель-

⁴ При описании кладок мы пользуемся терминологией, предложенной С. Д. Крыжицким, как наиболее удобной и хорошо продуманной.

но датировать застройку участка У2 временем около середины IV в. до н.э. Вещественные материалы и аналогии в херсонесской домостроительной традиции, а также находка чернолакового рыбного блюда с граффито " (блюдо) ребенка Аристодема", где надпись сделана с дорийскими огласовками, дают возможность предположительно связать освоение северо-восточной окраины поселения с появлением новой группы населения, писавшего на дорийском диалекте, т.е., с херсонесской колонизацией. Гибель комплекса произошла одновременно с разгромом всего поселения в первой трети III в. до н.э. В частности, среди других признаков разгрома и пожара на это указывают обнаруженные в помещениях остатки скелетов взрослых и детей.

В отличие от описанного участка, на южной окраине поселения (У10) находилось монументальное здание, которое, судя по разведочному раскопу, было возведено во второй половине IV в. до н.э., но, по-видимому, не ранее его середины. Выявлено два строительных периода, причем во втором периоде произошло некоторое смещение планировочных осей. Не исключено также, что здесь могли быть объединены несколько построек. Дальнейшее изучение этого участка очень перспективно.

Спасательные расчистки ограбленных погребений в курганах показали, что по конструкции погребальных сооружений они аналогичны ранее исследованным и типичны для данного некрополя. По конструкции, топографии и фрагментам керамики, часть их должна быть отнесена к первой половине IV, а часть к последней трети IV — началу III в. до н.э.

По результатам первых совместных российско-датских полевых исследований был сделан доклад на Пленуме ИИМК РАН 1995 г. (Столба, Ханнестад, Щеглов 1995), подготовлены информационные сообщения (Столба, Щеглов 1995; Щеглов, Ханнестад, Столба 1995; Nappestad 1995), а также обзорная статья, в которой впервые рассматриваются основные итоги многолетних раскопок всех окраин поселения (Щеглов, Ханнестад).

Вторым направлением российско-датского проекта, как говорилось выше, является изучение и публикация ранее накопленных материалов и наблюдений. Для начала было решено подготовить к полному изданию материалы выполненных в 1969-1975 г. раскопок монументального здания У6. Сформирован основной коллектив авторов, который в 1995 г. приступил к подготовительной работе. В обработке и изучении отдельных групп материала, принимают участие сотрудники Орхусского университета Л.Ханнестад (терракоты), Х.Хауструп (чернолаковая керамика), ИИМК — В.Ф.Столба (граффити и дипинти, лепная керамика), А.Н.Щеглов (общее описание комплекса, архитектура), а также Государственного Эрмитажа — А.М.Гилевич (монеты), Саратовского университета — В.И.Кац и С.Ю.Монахов (амфоры и керамические клеи) и Крымского филиала Института археологии НАНУ — Э.И.Соломоник (граффити). Формирование тома предполагается завершить в 1996 г.

Таким образом, двухлетнее сотрудничество российских и датских археологов стало принести свои первые плоды, и надо надеяться, что оно и далее будет столь же плодотворным.

Крыжвинский, С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
 Столба, В.Ф., А.Н. Щеглов. 1995. Раскопки на поселении Панское 1 // Крымский музей, № 1/94: 149.
 Столба, В.Ф., Л. Ханнестад, А.Н. Щеглов. 1995. Раскопки поселения Панское 1 в Крыму // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы Пленума ИИМК. 11-14 апреля 1995 г. / Археологические изыскания 22: 50-53.

Щеглов, А.Н., Л. Ханнестад, В.Ф. Столба. 1995. Работы российско-датской Тарханкутской экспедиции в Крыму // Археологические открытия 1994 года: 335-337. Москва.
 Щеглов, А.Н., Л. Ханнестад. Изучение окраин поселения Панское 1 / Российско-датский сборник (печатается).
 Nappestad, L. 1995. Excavations at Panskoje, Crimea, 1994 // Acta Hyperborea 6: 312-316.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ” (7-12 ноября 1993 г. Тюмень)

Г. И. ЗАЙЦЕВА*

Первая научно-практическая конференция, посвященная проблемам культурогенеза и культурного наследия, проходившая в Тюмени в ноябре 1993 г., была организована Институтом истории материальной культуры РАН, Международной ассоциацией “Всемирный археологический конгресс”, Тюменским Университетом, объединением “Тюменский краеведческий музей” и администрацией Тюменской области. Выбор Тюмени местом проведения этой конференции не случаен. В последние годы администрации регионов, получая самостоятельность, начинают оказывать серьезную поддержку в сохранении и развитии культурных традиций и новаций. Примечателен так же и тот факт, что краеведение, замыкавшееся ранее в основном на местных проблемах и задачах, все активнее включается в исследование серьезных научных проблем наряду с университетской и академической наукой.

Программа конференции была исключительно интересной и насыщенной как с точки зрения тематики рассматриваемых научных проблем, так и в организационном оформлении, когда возможен свободный, нерегламентированный обмен мнениями, просмотр тематических видеофильмов, знакомство с национальными самостоятельными коллективами.

В конференции принимали участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, Сибири, Средней Азии, а так же Великобритании и Марокко. Круг обсуждаемых вопросов был широк

и включал проблемы культурогенеза, археологии, этнографии и сохранения культурного наследия. Важность рассматриваемых тем, их место в современном научном мире и стратегия культурно-исторической политики на ближайшую перспективу нашли отражение в обзорном докладе В.М.Массона.

Следует отметить, что значительное время было уделено проблемам законодательной защиты культурно-исторических памятников. Здесь интересен опыт Великобритании — страны с глубокими законодательскими и правовыми традициями. Представители Саутгемптонского университета П.Ако, Д.Хуберт, Т.Чемпион и др. сообщили о законодательной практике и юридической защите памятников археологи и этнографии в Великобритании. Несмотря на то казалось бы большой законодательский опыт, тем не менее остается ряд спорных вопросов, связанных с неоднозначным подходом к значимости памятников культуры для национального достояния и уровнями их защиты. Не исключены конфликты между национальными и местными интересами. Проблемам правового обеспечения охраны российского культурного наследия в реформируемом российском законодательстве был посвящен доклад А.В.Матвеева (Тюмень), в котором была дана критическая оценка отдельных правовых норм будущего законодательства и предложен ряд конструктивных решений. Главными моментами автор считает реализацию междуна-

* Россия, Санкт-Петербург, 191886, Дворцовая наб, 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

родных соглашений, решение вопросов собственности на археологические объекты, реорганизацию системы учета охраняемых культурно-исторических объектов. Принципам создания специальных компьютерных программ для идентификации и документации памятников культурного наследия был посвящен доклад Р.Линч (Великобритания). О законодательных инициативах, направленных в российское правительство, сообщил С.В.Гусев (Москва). Об успехах в области организации защиты и сохранения памятников культурного наследия в Марокко можно было узнать из сообщения М.Хилал (Марокко). Информация о путях решения этих проблем в странах Скандинавии была дана в докладе В.Я.Шумкина (Санкт-Петербург).

Новым исследованиям в области археологии было посвящено специальное заседание, на котором прозвучали доклады археологов Москвы (С.В.Гусев), Санкт-Петербурга (Н.А.Боковенко, В.Е.Щелинский, Г.В.Синицина и др.), Екатеринбурга (В.Т.Ковалева, Л.Косинская), Кемерово (А.И.Мартынов), Томска (М.П.Черная), Кирова (Н.А.Хан) и др.

Особое внимание было уделено проблемам

этнологии. О своих подходах в изучении культуры "малых" народов Севера и Западной Сибири сообщила Н.В.Лукина (Томск), авторитет которой в этой области исследования признан широкой научной общественностью. Примечательно появление имен новых исследователей-представителей коренных народов, из Сыктывкара, Ханты-Мансийска, воспитанников сибирской научно-этнографической школы.

В настоящем сообщении трудно перечислить, а тем более изложить, все доклады и выступления, прозвучавшие на конференции. Однако задача облегчается тем, что к началу её работы были изданы тезисы, с которыми могут ознакомиться заинтересованные специалисты. Библиографические данные следующие: Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Материалы конференции. 1993. С.-Петербург, части 1-3, под редакцией В.М.Массона.

Практическое решение проблем сохранения объектов культурного наследия участники конференции могли увидеть, посетив археологический музей-заповедник "Андреевское озеро", Тюменский краеведческий музей и памятники и музеи города Тобольска.

ВСТРЕЧА РОССИЙСКИХ И ФИНЛЯНДСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ВЫБОРГЕ

А.Н.КИРПИЧНИКОВ, Е.Н.НОСОВ*

С 14 по 17 мая 1994 года в г.Выборге прошел 9 российско-финляндский симпозиум по археологии по теме "Славяне и финно-угры. Археология, история, культура". ИИМК РАН (ранее ЛОИА АН СССР) стоял у истоков этих регулярных встреч и всегда (кроме 7 симпозиума, состоявшегося в г.Таллине) нес основную нагрузку по их практической организации. В наши дни, когда централизованное финансирование проведения симпозиумов через Академию Наук прекращено, на ИИМК РАН легла и вся ответственность за подготовку и финансовое обеспечение программы сотрудничества. С благодарностью отмечаем, что проведение 9

российско-финляндского симпозиума оказалось возможным при активном содействии Выборгского исторического музея и администрации г.Выборга и района.

Во время работы симпозиума в помещении древнего Выборгского замка было заслушано 9 докладов финляндских коллег, представлявших Музейное ведомство Финляндии, Университет Хельсинки и Финляндско-Российскую комиссию по научно-техническому сотрудничеству и 10 докладов русских исследователей - сотрудников Отдела славяно-финской археологии и неолитической группы ИИМК РАН, а также Государственного историко-архитектур-

* Россия, Санкт-Петербург, 191886, Дворцовая наб, 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

ного и этнографического музея-заповедника "Кижь".

Симпозиум открыл директор ИИМК РАН профессор В.М.Массон. В своем выступлении он познакомил финляндских коллег с современной ситуацией организации научных исследований в ИИМК РАН и системе Академии наук РАН, рассказал о международных проектах с участием ИИМК РАН, о важнейших открытиях экспедиций института, сделанных при раскопках в Южной Сибири, Южной Туркмении, на Северном Кавказе и в Западной Африке. В.М.Массон подчеркнул заинтересованность ИИМК РАН в расширении научных связей с Финляндией и выделил два наиболее перспективных направления в этом сотрудничестве: 1), исследование древних хозяйственных систем (палеоэкономика), 2), изучение этнической истории финно-угорских и славянских народов. В.М.Массон подчеркнул необходимость подключения к сотрудничеству молодых исследователей.

От имени организаторов встречи к собравшимся обратилась директор Выборгского музея С.А.Абдуллина и заведующий отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН профессор А.Н.Кирпичников, а от делегации Финляндии, ее глава, научный сотрудник Музейного ведомства Финляндии доктор П.Пурхонен. П.Пурхонен отметила, что в связи с перестройкой организации науки в России, в среде финляндских ученых высказывались сомнения относительно возможностей продолжения регулярных встреч археологов двух стран, но сейчас данный симпозиум подтверждает, что традиция не будет прервана.

Обсуждаемые на симпозиуме темы охватывали широкий круг вопросов от каменного века до позднего средневековья и касались, как вещеведческого изучения отдельных категорий находок, так и обобщающих тем. Следует отметить серьезное внимание финляндских ученых к палеоботаническому исследованию, поставленным на службу археологии. В Финляндии, как и в других западноевропейских странах, подобные работы являются неотъемлемой частью любых серьезных археологических раскопок. В этом русле был сделан доклад М.Аалто (Финляндия) о культурных растениях в Финляндии в железном веке и о возможных восточных путях распространения сортов зерновых злаков. На северо-западе России подобные работы, основанные на изучении семян растений, полученных путем промывки культурных напластований, были начаты в Старой Ладоге и на поселении Приильменья (Рюриково городище, городище Георгий, Холопий городок, селище Васильевское, Новгород - Троицкий раскоп) только в 1993 г. с участием финских и не-

мецких палеоботаников. Первые результаты этих исследований в Ладоге нашли свое отражение в докладе Х.Хейнайоки "Об истории культурных растений Старой Ладоги". Староладожская археологическая экспедиция ИИМК подготовила стратиграфический разрез слоев Земляного городища 9-10 вв. откуда были взяты пробы и извлечено свыше 7200 семян и другие растительные остатки. В Ладоге присутствуют зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя, льна, проса и конопли. По мнению Хейнайоки, полученные данные свидетельствуют, как о местном земледелии, так и о привозе злаков извне. Несомненно это чрезвычайно перспективное направление исследований, которое в ближайшее время даст материалы для сравнения Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода с другими значительными центрами региона Балтики.

В нескольких выступлениях рассматривались вопросы изучения неолита Восточной Европы и Финляндии. Среди них доклады М.Торвинена (Финляндия) "О датировке керамики Seränsniemi 1", А.П.Журавлева (Россия) "Занеже. К истокам культуры", В.Я.Шумкина (Россия) "Наскальное творчество населения Восточной Лапландии" и В.И.Тимофеева (Россия) "К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы."

Доклад М.Лавенто (Финляндия) касался вопросов изучения поселений раннего железного века в древнесайминском регионе. В результате проведенных работ удалось получить эталонную хронологическую схему древностей этой территории. В сообщении К.Карпелана (Финляндия) "О железном веке Северной Финляндии (300 - 1300 гг. н.э.)" рассматривались различные типы предметов, найденных здесь (фибулы, цепедержатели, коньковые привески и др.), относящиеся к западнофинскому и карельскому кругу древностей.

Т.Миеттинен (Финляндия) рассказал об открытии памятников железного века на северном побережье восточной части Финского залива, что позволило заполнить обширную лагуну в наших знаниях о древностях этого района. М.Шауман-Леннквист (Финляндия) проанализировала на примере украинского влияния Восточной Прибалтики и Скандинавии на культуру населения Финляндии в позднем римском железном веке. Оживленный обмен мнениями вызвал доклад П.Уйно (Финляндия) "О жертвенных камнях древней Карелии". Была представлена достаточно полная сводка различных камней с выемками, приведены аналогии им, однако, датировка самих объектов остается весьма противоречивой.

Анализ материалов и коллекций в архивах и музеях С.-Петербурга, Новгорода и Стокгольма

позволил Е.Н.Носову и Н.В.Хвошинской (Россия) совместно с И.Янссоном (Швеция) восстановить состав коллекции из могильника Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладожье, хранившейся в Новгородском музее и в значительной части утраченной во время войны. Доклад О.В.Овсянникова (Россия) был посвящен новым памятникам пермского звериного стиля на Нижней Печоре, а доклад Е.А.Рябинина (Россия) касался анализа курганных трупосожжений Водской земли. П.Пурхонен (Финляндия) представила доклад "Религия как проблема археологических исследований. О методах исследования и интерпретации".

А.Н.Кирпичников (Россия) рассказал о новых исследованиях скандинавских и русских мечей эпохи викингов с надписью *Ulfberht*. По его мнению речь идет о своеобразном феномене - существовании в IX-X вв. в Рейнской области оружейной мануфактуры в изобилии

снабжавшей своей высококачественной продукцией страны Европы и Азии.

На заседаниях симпозиума были также заслушаны доклады В.А.Тюленева (Россия) "100 лет археологии г.Выборга", А.И.Саксы (Россия) "Город Корела - центр Приладожской Карелии (по археологическим данным)", П.С.Сорокина (Россия) "Формирование планировочной структуры Валаамского монастыря".

Участники симпозиума осмотрели экспозицию Выборгского музея, архитектурные достопримечательности города, совершили морскую прогулку на катере по Выборгскому заливу. Кроме того, состоялась встреча финских ученых и сотрудников музея, на которой обсуждались вопросы атрибуции и датировки вещественных находок.

Юбилейный X российско-финляндский симпозиум намечено провести в 1996 г. в Финляндии, а доклады сделанные на IX симпозиуме опубликовать.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ДРЕВНЕМУ ВОДНОМУ ПУТИ ИЗ СРЕДНЕЙ ШВЕЦИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ РУСЬ

П.Е. СОРОКИН*

Экспедиция 1994 г., совершенная группой энтузиастов-исследователей по маршруту Сигтуна - Новгород на судне Айфур, представляющем собой гипотетическую реконструкцию древнего судна викингов, стала продолжением исследований в области древней навигации в Северной Европе. В историографии уже длительное время продолжается дискуссия о типах судов плававших по Балтике и внутренним водным системам связанным с ней. По мнению шведского археолога Э.Нюлена большие корабли викингов типа Гокстадского и Усебергского использовались для Атлантического плавания, на Балтике же применялись плавсредства типа "море-река", которые должны были легко и быстро передвигаться, как на веслах, так и под парусом, без особых затруднений преодолевать без водоразделы и при

этом иметь достаточные размеры и грузоподъемность для морского плавания. К таким судам исследователь относит судно, обнаруженное в озере Тингтаде на Готланде. С размерами 8 м. в длину и 2 м. в ширину. (Nylen 1985: 88). О.Крумлин-Педерсен полагает, что суда проходившие из Швеции через русские реки в Византию были легкие и узкие, длиной до 12-16 м, что обеспечивало их маневренность при преодолении порожистых рек. Он исключает возможность использования для таких мероприятий судов аналогичных найденным в Скульдеleve и Гокстаде. (Crumlin-Pedersen 1988: 543-545).

Отдельным аспектом этой проблемы является вопрос о водном сообщении между Скандинавией и Северо-Западной Русью. К выводу о разнотипности судов, ходивших по Балтике и

* Россия, Санкт-Петербург, 191886, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

рекам Северо-Западной Руси, пришли в своих работах В.А.Брим и Е.А.Рыдзевская, по мнению которых смена больших морских судов на речные-плоскодонные происходила в Старой Ладоге (Брим 1931:212-213,225; Рыдзевская 1945:63). Другой позиции по этому вопросу придерживался А.М.Микляев, полагавший, что водное сообщение по Волхову в эпоху викингов отсутствовало, а поездки из Ладоги в Новгород совершались по суше. (Микляев 1992: 133-37). По нашему мнению Старая Ладога посещалась большими судами викингов, включая суда таких размеров, как Гокстадекое и Усербергское, при этом в раннее время - до X в. килевые клинкерные суда средних размеров поднимались и вверх по Волхову. Начиная же с этого столетия движение по этой реке осуществлялось преимущественно на малых килевых (типа лоды № 1-3 из Гокстада) и плоскодонных паромообразных плавредствах.

В последнее время данные письменных и археологических источников по средневековому судоходству на северо-западе Руси все чаще дополняются материалами полученными в результате проведения научных экспериментов. В 1986 г. здесь состоялась экспедиция "Нево", а в 1990-1993 г. осуществлены экспериментальные плавания на судах: Скинфакс (копия датского торгового судна XI в. - Скуделев-3), Хаверн (копия Гокстадекого корабля), Нево (гипотетическая реконструкция древнерусской морской лоды). Наиболее ценные научные эксперименты, проводимые с использованием точных копий конкретных археологических судов на водных путях с условиями судоходства адекватными тем, которые существовали в средневековье.

Работы по реконструкции судов эпохи викингов начинаются в скандинавских странах сразу же после появления первых археологических находок такого рода. Уже в 1893 г. в Норвегии была сделана реконструкция корабля из Гокстада. Однако массовое строительство копий судов викингов начинается в середине нашего столетия. К настоящему времени было сделано уже несколько десятков таких реконструкций, и, если, первоначально они строились в целях популяризации исторического прошлого, то в последнее время задачами таких проектов все больше становится изучение средневекового судостроения и судоходства.

Крупнейшим научно-исследовательским центром, занимающимся этой проблематикой является музей судов викингов в Роскильде (Дания). В 1984 г. здесь была построена реплика подводно-археологической находки - судна XI в. - Скуделев-3, получившая название Роар Еге. Особенностями этого проекта было то, что в его рамках реконструировался средневековый

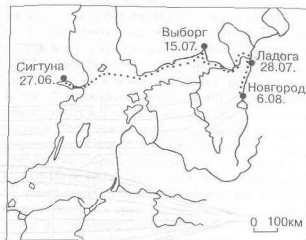

Рис. 1. Маршрут экспедиции по древнему водному пути из Средней Швеции в Северо-Западную Русь.

Fig. 1. A trip along the ancient water route connecting Middle Sweden with Northwestern Russia.

технологический процесс, включая способы изготовления железных заклепок, обработки древесины, изготовления судна и его оснащения. Двумя годами позже в Швеции при участии датских специалистов было построено судно Арнхлот, представляющее собой реконструкцию археологической лоды из погребения Вальсгерде-14. В данном случае деревянные детали не сохранились и воссоздание осуществлялось только на основе развала судовых заклепок, размеры и расположение которых позволяли получить информацию о параметрах лоды. (Bill 1987). Другая реконструкция средневекового судна в Швеции была осуществлена в 1979-80 гг. на Готланде под руководством Эрика Нюлена. В основу этого проекта, получившего название "Крампмакен", была положена находка из озера Тингтаде. В 1983-85 гг. на построенном судне было совершено плавание с Готланда в Стамбул. Экспедиция проходила по Висле, Западному Бугу, Тисе и Дунаю к Черному морю. Сложная перевозка судна через Карпаты была вызвана запретом советских властей на прохождение экспедиции через Припять и Днепр. (Nylon 1986: 104-113).

Судно Айфур, построенное на Готланде зимой 1991-92 гг. группой энтузиастов объединенных в ассоциацию, представляет собой собирательную реконструкцию, основанную на материалах проекта "Крампмакен", археологических судах из могильника Вальсгерде, изображениях судов на рунических камнях. Размеры его достигают 9 м. в длину и 2,2 м. в ширину. Для его изготовления использовались различные материалы: основные доски обшивки были соединены в клинкер медными заклепками, шанпоуты были изготовлены из ели, а руль и

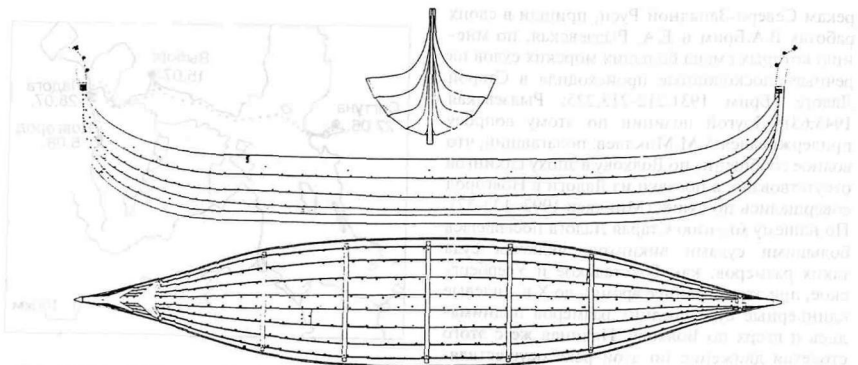

Рис. 2. Реконструкция судна из погребения Вальстерде 7 по материалам Г. Бломберга и Г. Арвидссон, положенная в основу проекта Айфур.

Fig. 1 Reconstruction of vessel from Valsgärde 7 burial (after G. Blomberg and G. Arvidsson) used in the Aifur project.

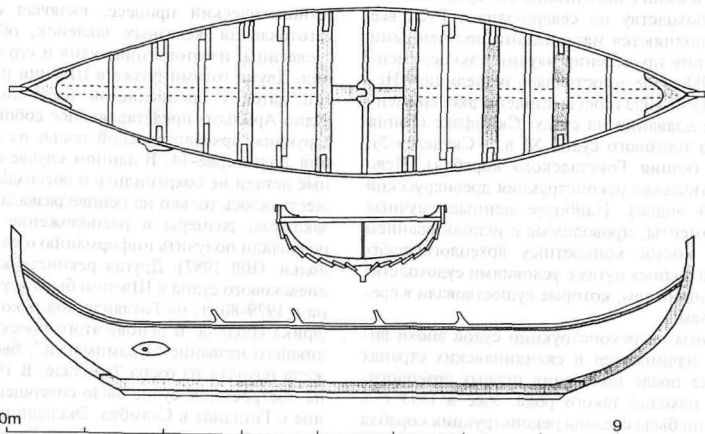

Рис. 3. Чертеж судна Айфур по Руне Еддбергу.

Fig. 3. Draft of the Aifur vessel (after rune Hjedberg).

блоки оснастки из дуба. В движение судно приводилось с помощью прямого паруса площадью 20 м^2 и восемью гребными веслами, расположенными по четыре с каждого борта. Целью экспедиции 1994 г., осуществленной на этом судне по историческому пути из Средней Швеции в Северо-Западную Русь, было моделирование раннесредневекового плавания. С 27 июня по 15 июля Айфур проследовал из оз. Меларен к Аландским островам и далее вдоль побережья Финляндии, находясь все время в пределах видимости берега, дошел до Выборгского залива. На этом участке было несколько днев-

ных остановок и плавание в основном совершалось под парусом.

Участие в проекте российской стороны началось с момента вхождения судна в территориальные воды России. Функции сопровождающего, лоцмана и координатора контактов с властями, учреждениями науки и культуры были возложены на автора настоящей статьи. Содействие в осуществлении проекта и культурные мероприятия были организованы Выборгским, Староладожским и Новгородским музеями-заповедниками, Санкт-Петербургским отделением РАН, а так же руководителя-

ми археологических экспедиций ИИМК РАН в Старой Ладоге (д.и.н. А.Н.Кирпичников) и на Юриковом городище (д.и.н. Е.Н.Носов).

Общая протяженность пути в водах Северо-Западной России составляла около 550 км. Плавание здесь происходило в три этапа: 1 – Выборг – Санкт-Петербург с 17 по 19 июля, 2 – Санкт-Петербург – Старая Ладога – Новгород, Юриково городище с 30 июля по 6 августа. Наибольшая часть маршрута – около 310 км – в основном по рекам Неве и Волхову, была пройдена на веслах в условиях почти полного отсутствия ветра; около 200 км – преимущественно в Финском заливе и на Ладоге, прошли под парусом; около 40 км в местах с быстрым течением (районы Ивановских порогов на Неве, Волховских и Пчевских порогов на Волхове) было преодолено путем переволакивания судна с помощью каната вдоль берега. В общей сложности на это плавание было затрачено около 155 часов чистого времени, таким образом средняя скорость движения составляла около 3,5 км/час.

Чистота научного эксперимента по ряду причин объективного и субъективного характера нарушалась, однако фиксация этих отклонений и введение соответствующих поправок в получаемые показатели позволяют избежать значительных ошибок в результатах моделирования средневекового плавания. Не для кого не секрет, что условия плавания на водных путях подверглись значительным изменениям с эпохи средневековья: исчезновение порожистых участков на Неве и Волхове, обозначение фарватеров знаками, наличие маяков и использование гидрографических карт и навигационных инструментов существенно облегчает судоходство; с другой стороны, такие сооружения как, мосты и лодочные гаражи усложняют его в ус-

ловиях плавания под парусом и при переволакивании вдоль берега. На участке от Петербурга до Новгорода экспедиция сопровождалась группой на грузовом автомобиле, в задачу которой входила транспортировка снаряжения, а также своевременная заготовка продуктов и воды. Экипаж судна, состоявший из 9-10 человек менялся в процессе экспедиции, за исключением нескольких человек, прошедших весь маршрут от Ситунны до Новгорода. На нашей территории смены происходили в Выборге и в Санкт-Петербурге. Учитывая, что в состав экспедиции входили представители самых различных социальных групп и профессий, не имевшие, в основном, специальной физической подготовки, плавание происходило в среднем 6-11 часов в сутки и задача прохождения максимально возможных расстояний не ставилась.

Влияние всех этих факторов на результаты эксперимента достаточно велико, однако, по нашему мнению обстоятельства облегчающие современное судоходство по сравнению со средневековым в основном уравновешиваются условиями его осложняющими, поэтому данные, полученные в ходе плавания, можно считать близкими к моделируемым и использовать для решения поставленных проблем. Так, при ежедневном 12-часовом плавании путь от Выборга до Новгорода занял бы около 13 суток, а среднесуточная проходимость составила бы 42,3 км. Эти данные, в основном, совпадают со сведениями имеющимися в письменных источниках и с результатами ранее проведенных экспериментов (Сорокин 1994: 7). Накопление экспериментальной информации позволяет существенно расширить наши представления о средневековом судоходстве в Северо-Западном регионе.

- Брис, В.А. 1931. Путь из варяг в греки. //История АН СССР, VII серия (отделение общественных наук) 2: 201-217.
- Михаев, А.М. 1992. "Путь из варяг в греки" зямия версия/Новгород и Новгородская земля: 133-137. Новгород.
- Рыдзева, Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнейшей литературе. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XI:51-65.
- III. J. 1987. Anljet // Fornitida teknik 14.

- Crumlin-Pedersen, O. 1988. Schiffe und schiffahrtswege im Ostseeraum während des 9-12 Jahrhunderts/Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 530-564.
- Nylen, E. 1985. Handel und Seefahrt zwischen Scandinauwn und Ostbaltikum um 1000 //Verbindungen zwischen Scandinauwn und Ostbaltikum aufgrund der archaologischen Quellenmaterialien: 83-98. Uppsala.
1986. The "Krammacken" Project //Sailing into the Past : 104-111. Arhus.

ИСТОРИЯ НАУКИ HISTORY OF SCIENCE

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДА ФОТОАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ *

11 декабря 1918 года Иван Федорович Чистяков (фотограф Императорской Археологической комиссии) передал в Российскую археологическую комиссию 20315 негативов, о чем свидетельствует запись в инвентарной книге N 1. Императорская Археологическая комиссия (ИАК) существовала с 1859 по 1917 год. Съемка производилась членами комиссии с 70-х годов XIX века, однако уже с середины прошлого столетия в библиотеке ИАК собирались фотографии как по археологии, так и по другим областям человеческой деятельности.

Российскую Академию истории материальной культуры образовали в августе 1919 года, а уже 2 ноября того же года И. А. Орбели — ученый секретарь докладывал собранию об организации архива фотодокументов, как отдела при библиотеке. Заведовать им был поставлен Н. П. Сычев (директор Русского музея в Ленинграде в конце 1920-х — начале 1930-х гг.). Негативы передавались сотрудниками безвозмездно, правда, были редкие случаи приобретения их за деньги. Фотографии хранились в библиотеке ИАК издавна. Первоначально в архиве работали только два человека — упомянутые выше Н. П. Сычев и И. Ф. Чистяков, позже присоединилась Татьяна Модестовна Девель. Именно ей, будущей заведующей, фотоархив обязан и разработкой методики работы, и сохранением фонда в годы блокады, и единственным полным по состоянию на 1950 год обзором матери-

алов, опубликованным в журнале "Советская археология" (1950, т. XII, с. 290-336).

1919 год, затем 1925-1926 и середина 1930-х гг. — время значительного пополнения фонда архива, хотя поступления исчислялись тогда сотнями единиц хранения, а не тысячами, как в настоящее время.

Основное направление фотоархива — археологическое: фиксация процесса полевых исследований, снимки чертежей и находок из памятников, а также находок, собранных в музеях, иллюстрации к археологическим изданиям. Однако тематика архива не замыкается только на археологии, она значительно шире: кроме археологии бывшего СССР, зарубежных стран (Монголия, Чехия, Словакия, Румыния, Китай, Вьетнам, Индия, Египет, Франция, Германия, Венгрия — памятники от эпохи палеолита до XVIII — XIX вв.), в архиве представлены материалы по антропологии, этнографии, этнологии, гражданской, крепостной и церковной архитектуре XIII — начала XX вв., живописи и скульптуре эпохи Возрождения и нового времени, прикладному искусству, эпиграфике, русской палеографии и геральдике, сфрагистике и некоторым другим отраслям исторической науки.

При реорганизации в 20-30-е годы ряда ленинградских учреждений в фотоархив поступили собрания: Государственного музейного фонда, Реставрационной мастерской Главнау-

* Россия, 191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, фотоархив.

ки, Отдела охраны памятников Комитета по делам искусств и Комитета популяризации художественных изданий, а также дворца-музея графов Шуваловых и библиотек Зимнего и Мраморного дворцов. Последняя коллекция является собранием Великих Князей К.Н. и К.К. Романовых. Эти фонды включают ценнейшие материалы по архитектуре Санкт-Петербурга, его пригородов и других городов и областей Евразии, по выставкам "Исторических портретов 1905 года" в Таврическом дворце и другим, проводившимся в 1911-1929 гг. В данных коллекциях содержится материалы с 1840-х годов, большие серии крупноформатных фотографий 60-х, 70-х и 90-х годов XIX века.

Материалы фонда 8 — дворца-музея Шуваловых в Петрограде-Ленинграде (1922-1925 гг.) поступили в фотоархив Российской Академии истории материальной культуры 1 августа 1925 г. Всего после реорганизации дворца-музея Шуваловых поступило 283 негатива и 1027 отпечатков. Научно-технической обработкой коллекции в 1967 году занималась заведующая фотоархивом Т.Б. Томес, которая сделала пометы в конце описи: "29 фотографий было списано ранее (до описания), 73 фотографии переведены в другую коллекцию, 262 фотографии являются отпечатками с негативов коллекции и, соответственно, получили одинаковые инвентарные номера. В результате всех изменений в данной коллекции 281 негатив и 955 фотографий, из которых 693 оригинальных".

Фотографии и негативы, составляющие фонд графов Шуваловых, подразделяются на несколько серий.

Первая серия — снимки 1919, 1922 и 1924 годов представляют общий вид здания дворца, находящегося по адресу Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 21/39 (на углу набережной Фонтанки и Итальянской улицы; бывший дворец Шуваловых, с 1 сентября 1919 до 1925 года — Музей быта, ныне Дом дружбы и мира с народами зарубежных стран). Само здание дворца в 1844-1846 гг. перешло в собственность графини С.Л. Шуваловой и в середине XIX века было реконструировано по проекту архитектора Б. Симона. Проект фасада в стиле ренессанс исполнен архитектором Н.Е. Ефимовым.

Далее следуют снимки интерьеров дворца — главная лестница с площадкой верхнего этажа со скульптурной группой И. Мартоса — повторением памятника Александре Павловне в Павловске; шкафы с коллекцией французского фаянса на площадке второго этажа; внутренние виды анфилады залов — Большой столовой, Концертного зала, Синей гостиной, Красной или Нарышкинской гостиной, Малой столовой со шкафами-витринами с сервизами француз-

ской, немецкой, венской работы XIX века, а также серебряной посудой немецкой работы XVII века и русской — XVIII в.; Белой гостиной с витринами с фарфоровыми вазами, тарелками и статуэтками. Несколько фотографий Большого кабинета или Галереи, сделанные в 1919 и 1924 гг., до и после реставрации и расстановки мебели на своих исторических местах. Видеи Готического кабинета с библиотекой П.П. Шувалова и развешенным на стенах оружием П.А. Шувалова. Голубая гостиная со скульптурой Э. Фальконэ "Амур". Круглый зал — бывшая спальня Нарышкиных. Видеи кабинета графини Е.В. Шуваловой с мебелью, перевезенной из особняка Шаховской, и после восстановления в 1924 г. его прежнего вида. Туалетная комната и спальня со шкафами-витринами и китайскими халатами на стене. Видеи жилых комнат, переделанных в 1919 г. под канцелярию и кабинет сотрудника музея.

Вторая серия — фотографии отдельных предметов частной коллекции Шуваловых: майсенский и севрский фарфор, предметы из слоновой кости с рельефами религиозного и светского содержания, терракотовые и резные деревянные статуэтки; складни, триптихи, ларцы из резной кости; охранный грамота за подписанием Екатерины I от 1722 г. и документы, написанные Петром I в 1721 году. 2 листа письма Екатерины II от 20 октября 1792 г. маршалу артиллерии графу Потоцкому на французском языке. Предметы с расписной эмалью — коробочки, ларчики, чаши, блюда, иконы, бокал, кубки, пластины и медальоны разной формы. Бронзовые настольные украшения, металлические предметы с чеканным орнаментом. Лиможские эмали XII-XIII вв. и предметы в технике выемчатой эмали (пластины, распятия, кресты, подвешенки, ларец рейнской работы XI-XII вв., дарохранительница готической формы). Севрский фарфор XVIII века — вазочки, сахарницы, молочник, кружки, блюдца и майсенский саксонский фарфор XVIII в. — предметы чайного и столового сервизов, последний с китайскими рисунками. Тарелка с изображением Ф.Я. Гарднера — основателя фарфоровой фабрики в России.

Столь же подробно была отснята мебель: комоды, кресла в стиле Людовика XV, несколько бюро черного и красного дерева, инкрустированные, с резными деталями; кресла и стулья работы Шарлеманя.

Третья серия — снимки 1924 г. с акварелей, сепий, карандашных рисунков и картин маслом, в том числе портреты С.К. Потоцкой и О.С. Нарышкиной, сепии художника А.И. Брюллова и Бонингтона, Мейэра и Лори, рисунок Тома де Томона, акварели Николая; картина художника П. Петерса с изображением имения

Шуваловых "Тальное".

Отпечатки упомянутых трех серий были сделаны в 1919, 1922 и 1924 годах со стеклянных негативов размером 13x18 см и 18x24 см. Часть из них сделана с бумажных негативов размером 18x24 см: серебряные и с позолотой шкатулки, стопки, кружки, блюда, настольные украшения и другие предметы с филигранью, рельефной чеканкой немецкой, английской и русской работы XVI-XVIII веков.

Перечисленные, достаточно подробно отснятые предметы составляли частное собрание графов Шуваловых — фарфора, мебели, картин, декоративно-прикладного искусства светского и религиозного содержания.

Четвертая серия материалов архива представляет собственно фотографическое собрание графов Шуваловых: оригинальные отпечатки разных размеров (от 18x24 до 60x80 см), негативы к которым не сохранились.

Снимки были сделаны до 1917 года фотографом М.Белявским: стол-витрина с коллекцией табакерок и флаконов; предметы лимонской эмали XVI в. (тарелки, амфора, подвесные диски, ларчики, ваза, миниатюрные алтарики, медальоны разной формы, пластины); предметы, вырезанные из кости и серебряные, на религиозные темы, немецкой работы XVII в.; деревянные резные предметы также немецкой работы; коллекция бронзовых и серебряных изделий, выемчатых и перегородчатых эмалей на религиозные темы. Коллекция пивных кружек, жбанов, "цистерн" из глазурованной обожженной глины с рельефами и майоликовых кувшинов и кружек с накладным рельефным орнаментом. Витрина со скульптурой и костяными резными ложками, вазами, бокалами и кубками из горного хрусталя и предметами из янтаря и яшмы. Собрание бронзовых статуэток и настольных украшений с фигурками зверей. Витрины с предметами из столовых сервизов саксонской работы XVIII в. с китайской росписью, с изображением птиц, с плетением и медальонами. Античный керамический ритон в виде двух обнявшихся нерид. Фарфоровые статуэтки немецкой и английской работы. Кубок с медальонами Российского Императорского фарфорового завода. Настольные часы французской работы XVIII века из мрамора с украшениями из золоченой бронзы.

Помимо огромного собрания декоративно-прикладного искусства, в значительной степени зафиксированного фотоснимками, в фотоколлекцию входят снимки 1880-х годов, составляющие пятую серию, на которых представлены виды особняка на Фонтанке: парадная лестница, официантская комната, Голубая гостиная, Большой кабинет (Галерея), Круглая гостиная. Интерьеры этих залов, гостиных имеют-

ся и в первой части фотособрания, но те сделаны в первой четверти XX века, уже в период существования музея, а эти — в последней четв. XIX в., когда в доме обитали его владельцы.

Несколько снимков этого же времени представляют внешний и внутренний виды загородного особняка Шуваловых в Парголово, близ Петербурга, сгоревшего в конце XIX века, и церкви святых Петра и Павла в Шуваловском парке (архитектор А.П.Брюллов). Исходя из приведенных выше данных, можно сказать, что "загородные" снимки из коллекции Шуваловых неповторимы, так как объекты, показанные на них, более не существуют. Точнее, оств церкви без резных каменных башенок, с измененными витражными стеклами возвышается в парке, а алтарь, конечно, бесследно исчез. Церковь в готическом стиле была специально возведена неподалеку от фамильного склепа, где нашли покой в 1830 г. граф Адольф Полье, а в 1870-м — графиня В.П.Шувалова, вдова А.Полье.

В.П.Шувалова — урожденная Шаховская, и, видимо, поэтому в коллекции присутствует серия оригинальных снимков фотографа Александра (размером 13x18 см) особняка Шаховских на набережной реки Фонтанки, 27, на которых представлены интерьеры и мебель. Любопытно, что после 1919 года некоторые предметы, в том числе мебель, были перевезены во дворец Шуваловых, где впоследствии и экспонировались.

Следующая далее по описи шестая серия материалов — десяток фотографий без негативов размером 24x30 см и 18x24 см — проекты дворца Шуваловой в с.Тальное Уманского уезда Киевской губернии (1902-1907 гг., архитектор из Копенгагена А.Клеменсен и М.Ф.Раннов) и виды села, церкви и часовни в Тальном, крестного хода (снимки после 1907 года фотографов И.М.Безброк и Г.Енэ и М.Бродского). До 1917 года были зафиксированы дворец и сад в имении Е.В.Шуваловой (урожденной Барятинской) "Марьино" в селе Ивановском Львовского уезда Курской губернии, дом в имении графов Шуваловых "Мисхор" в Крыму и вилла В.П.Шуваловой "Оливуца" в Палермо, в Италии.

Отдельный альбом посвящен имению Е.В.Шуваловой (Барятинской) в Дубно Вольнской губернии в Польше (снимки 1907 года) и близлежащих хуторов Рачинский и Пелчанский, предместий "Сурмичи", "Детьничи", "Забрамье", "Иванья". Здесь не только виды управления имением, костела и православногo собора, но и виды улиц, домов, водяных и паровой мельниц, сюжеты — группы крестьян, сельскохозяйственные работы (пахота, уборка и сушка хлеба, обмолот зерна и т.п.). Прекрасные этно-

Памятник П.П. Шувалову в пос. Лысьва (Урал). 1910 г. Фотограф А.А. Якушин.

и логические снимки 1900-х годов.

Около 1910 года фотограф А.А. Якушин из Перми сделал ряд снимков (24x30 см) на чугунолитейном и механическом заводе гр. Шувалова на ст. Лысьва Пермского горного округа: общие виды территории завода и поселка, храма и памятника П.П. Шувалову, основанному заводу в 1785 г., установленного в 1904-

1907 гг. (скульптор Шервуд), виды цехов. На одной из выставок Лысвинский завод наследников графа Шувалова имел свой павильон (снимки А.П. Моношко, Б. Ружейная, 20; фотографии 24x30 см).

Большая (седьмая) серия снимков была собрана графом П. Шуваловым: не менее пятисот фотографий Алинари, Броджи, Филпота, Пао-

ло Ломбарди из Сиены, Найя из Венеции, Андерсона из Рима, Флашерона (снимки 1850-х гг.), Нинчи из Рима, Берну, имевшего заведение во Флоренции, Ливорно и Неаполе; Габриэля Карлофорти, Поллози. Это фотографии, имеющие номера по каталогам мастеров, особенно Алинари, изготовленные на тонкой альбуминной бумаге в технике сепии, размером 18x24 или 24x30 см, датируемые 1880-1890-ми годами и представляющие культовую и гражданскую архитектуру городов Италии: Ассизи (собор святого Франциска), Борго Сансеполькро (картины из Картинной галереи и госпитальная церковь), Вероны (церкви Сан Дзено и Сан-Мария Органис), Перуджи (картины из Пинакотеки, церковь Сан Северо), Палермо (Национальный музей), Пизы (кладбище Кампо-Санто, церковь Сан-Мария дельла Спина), Сиены (палаццо Пубблико, церкви Сан Спирито, Сан Аугустино, Сан Доменико), Орвието (собор), Венеции (Академия художеств, церкви Санта Мария, святого Захария и другие). Рим представлен снимками части города от Тибра на собор святого Петра и замок Ангела, арки Тита, пинакотеки Ватикана, станцев, Сикстинской капеллы, галереи Боргезе, церкви Сан Пьетро ин Винколи, Сан Мария дель Пополо, Сан Онофрио и других. Также имеются фотографии городов Спелло близ Ассизи (церковь Санта Мария Маджоре), Падуи (церковь Эрмитани), Флоренции (церковь Сан Лоренцо, Сан Кроче, Сан Мария Новелло, Сан Тринита, Санта Мария дель Кармине; палаццо Медичи-Рикарди; Национальный музей, галереи Античная и Академии художеств, Уфици; колокольня собора Санта Мария дель Фьоре), Арещо (церковь Сан Франческо).

Кроме итальянских в коллекции графов

Шуваловых снимки Афин (Акрополь), Каира (комплекс мавзолеев), Гейдельберга в Германии (замок курфюрста Отто Генриха), соборов в Арле, Кане, Амьене, Страсбурге и Париже, местностей в Альпах; картин из Королевской картинной галереи в Вене; виды Варшавы и дворца в Лазенках; собора Василия Блаженного (или Покрова Божьей Матери что на Рву у Фроловских ворот) в Москве; виды Петербурга и Тифлиса. Эта последняя (восьмая) серия художественных фотографий датируется 1850-1860-ми годами; на некоторых негативах были поставлены даты. Например, на фото ныне не существующего цепного Пантелеймоновского моста через Фонтанку (Петербург) дата "1853 год" помещена на полозьях возка, запечатленного на снимке. Дата фотографий, сделанных во время открытия памятника Николаю I на Исаакиевской площади, определяется по времени этого события — лето 1859 года. В 1856-1857 гг. петербургский фотограф Е.Юард сделал снимки театров города на Неве, Исаакиевской площади, Голландской церкви на Невском проспекте. Два самых ранних снимка размером 18x24 см и уже, к сожалению, угасающих — тальботипы 1840-х гг. показывают Оксфорд (Великобритания).

Такой представляется коллекция графов Шуваловых, первые снимки в которой относятся к 1840-м годам, последние — к 1924 году. Огромная коллекция, собиравшаяся графами Шуваловыми на протяжении 80 лет, должна быть сохранена. Для этого необходимы пересъемка всех фотографий (изготовление негативов на пленке), создание лазерного диска, производство которого возможно и в нашей стране и, наконец, издание иллюстрированного каталога фонда.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА АРХИТЕКТУРЫ П.П.ПОКРЫШКИНА В ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО АРХИВА ИИМК РАН)

Е.Ю. МЕДНИКОВА*

Зачастую смена политического строя в нашей стране приводит к отрицанию многого, сделанного предшественниками. Так и после Октябрьской революции, объявив, казалось бы далекую от политики, архитектурную реставрацию, проводившуюся в рамках буржуазного строя такой, какой революция ее принять не могла ..." (Грабарь 1966: 366) попытались декларировать воссоздание реставрации заново, полностью отрицая или не упоминая о накопленном десятилетиями опыте. Естественно были забыты и имена реставраторов.

Но даже сейчас, когда из небытия всплывают имена многих из них: В.В. Суслова, Н.П. Кондакова, Ф. Рихтера — имя академика архитектуры, одного из основоположников научной реставрации памятников, Петра Петровича Покрышкина до сих пор остается в забвении. Причин тому несколько: это отказ от звания академика и уход в монастырь в 1920 г. и несогласие с методами реставрации И.Э. Грабаря, пользовавшегося поддержкой правительства и препятствия, чинимые в работе Археологического отдела, и, безусловно, фактор времени. Сейчас из проведенных им работ остаются из-

"Должно внушать всеми способами, кому следует ведать, что стремление к сохранению памятников старины и искусства есть стремление к сохранению государственного и национально-го достояния, оставленного нашими предками."

П.П. Покрышкин.

вестными лишь реставрация Спаса-Нередицкой церкви и реставрация Спаса на Берестове в Киеве, признанная "одной из наиболее образцовых реставраций, проведенных в начале века... и свидетельствующая о том, что научная методика реставрации архитектурных памятников в России стояла на очень высоком уровне" (Михайловский 1971: 137).

18 февраля 1922 г. в Тихоновом монастыре города Лукоянова Нижегородской губернии в сане протоиерея скончался от сыпного тифа академик архитектуры, член Российской Академии Истории Материальной культуры П.П. Покрышкин. В некрологе, подписанным сотрудником Академии Н.П. Сычевым, говорилось: "Надо надеяться, что школа архитекторов-археологов, созданная П. П. Покрышкиным отметит значение работы и даст оценку установленного метода точного архитектурного исследования." (Сычев 1922). Но не отметили, забыли.

Биографических данных в архиве Института Истории Материальной культуры РАН почти не сохранилось, и поэтому вновь обратимся к некрологу. Петр Петрович Покрышкин ро-

* Россия.191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

дился 22 июля 1870 года в городе Иркутске в семье врача. Среднее образование получил в Иркутском техническом училище, высшее — на архитектурном отделении Академии Художеств, которое блестяще окончил в 1895 г. с целым рядом наград и был командирован степендиатом Академии за границу.

Еще до этой поездки П.П. Покрышкин по поручению Императорской Археологической Комиссии отправился в 1894 г. в Самарканд для архитектурного исследования мечети Тур-Эмир, которое и выполнил в течение 1895-1896 гг.. На следующий год он поехал в Париж, где познакомился с художественными и архитектурными музеями, затем в Нормандии, Риме, Флоренции, Палермо изучал византийскую, романскую и готическую архитектуру и, возвратившись в 1898 г. во Францию исполнил архитектурное исследование лестницы Франсиска I в Chateau de Blois. Чертежи, сделанные в связи с этим исследованием в 1898 г. были приобретены Академией Художеств. Летом 1898 г. П.П. Покрышкин вновь командировается в Самарканд для исследования мечети Биби-Ханым, которое закончил в 1900 году. Издание обширных работ, выполненных П.П. Покрышкиным несколько задержалось, так как в 1900 г. он был отправлен Академией Художеств в Меселевию, а затем совместно с Н.П. Кондаковым предпринял путешествие в Македонию.

Работы, исполненные Покрышкиным в Болгарии — изумительные по точности чертежи были позднее пожертвованы автором в Архитектурный музей при Академии Художеств.

В 1902 г. Академия Художеств командировует Покрышкина в Сербию для исследования архитектуры сербских храмов. Результатом поездки стала книга "Православная архитектура XI-XVI вв. в нынешнем Сербском королевстве", принесшая автору европейскую известность (Сычев 1922).

К моменту вступления Покрышкина в декабре 1902 г. в должность члена Императорской Археологической Комиссии (ИАК), это учреждение, получившее свои исключительные права после долгой борьбы и споров с другими научными обществами и организациями, представляло собой центр, ведающий не только проведением археологических раскопок, но и охраной памятников старины. Более того, со времени издания указа Императора Александра III от 11 марта 1889 года предписывалось "реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с ИАК и сношению Императорской Академией Художеств" (Об учреждении 1859: 12).

Итак, в 1902 году после семилетнего сотрудничества Покрышкин становится членом ИАК, "которая командировует его для осмотра

древних зданий империи, поручает ему наблюдение за их ремонтом и реставрацией" (Покрышкин 1911). В последствии он упоминает, что для обследования памятников "приходится делать по 75.000 верст ежегодно" (Покрышкин 1917: 3). Ну а пока в январе 1903 г. он знакомится с проведением ремонтных работ на Смоленской крепостной стене, в апреле — в Вологде, затем обследует Дмитриевский собор во Владимире и к середине мая уже в Новгороде, где ему, как представителю ИАК поручено наблюдать за реставрацией и ремонтом Спасо-Нередицкой церкви.

Работы на Нередицкой церкви продолжались два летних сезона 1903-1904 гг., но уже в августе 1904 г. Покрышкин выезжает в Феропонтово для обследования монастырских зданий. Поводом к поездке послужило восстановление и, как следствие этого, использование построек для нужд монастыря. Приезд Покрышкина спас от уничтожения древнее каменное сушило XVI века и трапезную, которую предполагалось полностью перестроить.

В мае 1905 года он снова в Феропонтово, где с группой студентов-архитекторов занимается обследованиями и обмерами зданий. Результатом этой работы явились чертежи и проекты реставрации, которые, как писал Покрышкин, "не будут осуществлены за неимением на то практической необходимости и средств" (Покрышкин, Романов 1908: 155).

Годы 1905-1907 Покрышкин провел в постоянных командировках по России "в целях реставрации многих десятков архитектурных памятников, вывоза из этих поездок сотни редких фотографических снимков, чертежей, рисунков, акварелей" (Сычев: 1922). К 1917 году картотека Покрышкина насчитывала более 100 000 библиографических карточек на памятники архитектуры Российской империи, составленные по географическому принципу, и 17 000 фотоснимков.

В летние месяцы 1907-1908 гг. руководил реставрационными работами Смоленской крепостной стены. Именно на ней он учится в точности различать ремонтные работы разных эпох. Для выполнения реставрационных работ использует заказанный им на смоленских заводах кирпич по образцу и подобию древнего. И наконец Покрышкин собирает сведения о реставрации всех крепостных сооружений России.

С 1909 года он ведет раскопки строений Даниила Галицкого в Холме, исследует Борисоглебскую Коложскую церковь в Гродно, Васильевскую в Овруче, реставрирует развалины Старогородской церкви близ Остра Черниговской губернии, производит ремонт и уникальное выпрямление колоколни Боровской Ус-

пенской церкви в Архангельске.

В архиве ИИМК РАН сохранились дневники, которые вел Покрышкин при археологических раскопках церкви Василия в Овруче. В них, наряду с рисунками и чертежами фрагментов уцелевшей постройки, сохранились записи с исследованиями строительных растворов, формовки плинф.

Покрышкиным был разработан метод определения первоначального положения декоративных элементов здания на рухнувшей стене, что "свидетельствовало о чрезвычайно высокой культуре научного исследования памятника" (Михайловский 1971: 163). По существу Покрышкин впервые в 1909 году осуществил комплексное архитектурно-археологическое исследование памятника, которое в наше время началось с середины шестидесятых годов.

В 1909 году Покрышкин "за известность на художественном поприще" удостоен звания академика архитектуры (Об определении 1902: 97). К 1910 году относится начало раскопок Спасо-Берестовской церкви, поводом к которым послужила просьба Киевского Епархиального управления о начале реставрационных и ремонтных работ. Ответив, что "никакой ремонт и никакая реставрация Спасо-Берестовской церкви недопустима без детального ознакомления с ее устройством в древности", Покрышкин возглавляет исследование памятника (О ремонте 1903: 14). С приближением 1913 года — трехсотлетия дома Романовых, он сразу становится членом двух Высочайше утвержденных комиссий: по ремонту и реставрации Большого Московского Успенского собора и собора Спаса на Бору (1910г), по приведению в технический и внешний порядок собора Василия Блаженного (1911). Ему же поручается ремонт Троицкого собора Ипатьевского монастыря (Покрышкин 1911) В 1915 году П.П. Покрышкин назначается председателем комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры в зоне военных действий (Буковина, Волинь, Галиция), и с января 1916 года вплоть до апреля 1917 г. он находится в действующей армии. Октябрь 1917 года застаёт Покрышкина в Петрограде, где он работает в Государственной Археологической комиссии. Почти год, до 1 октября 1918 года отдел монументального зодчества состоял из одного штатного сотрудника: Покрышкина. В течение этого времени он обследует закрывающиеся церкви Петрограда, памятники архитектуры Царского Села, Павловска, Старой Ладоги, Новгорода, неоднократно выезжает в Москву, заканчивает чертежи Васильевской церкви в Овруче, Коложской в Гродно, Спасо-Берестовской в Киеве, подготавливает к изданию ряд исследований по архитектуре XII-XIII вв в

Киеве, Овруче, Гродно, Холме, "начатые задолго до формирования отдела и случайно превращенные по независимым от меня причинам" (Копии протоколов 1918). С принятием нового Устава Российской Государственной Археологической комиссии 18 октября 1918 года отдел был расширен до 9 человек, председателем которого был назначен Покрышкин. На 1919 год отдел планировал изучение памятников зодчества и стенописи в Новгороде, Пскове, Владимиро-Суздальской земле, Киеве и Москве (Копии протоколов 1918). Покрышкин предлагал продолжение своих работ в Киеве, Смоленске, Полоцке, Витебске. Однако этим планам не суждено было осуществиться: по сметным соображениям и по предложению И.О. Орбели отдел монументального зодчества был упразднен и вошел в состав Отдела искусств древнерусского и славянских народов (Журналы заседаний 1919: 16). Правда, в июне 1920 года Покрышкину предложили возглавить Отдел искусств XIX века, но от этой должности он отказался (Журналы заседаний 1920) и вплоть до своего отъезда из Петрограда числился сотрудником Отдела искусств древнерусского и славянского народов.

Ремонт и реставрация Спасо-Нередицкой церкви.

Пожалуй ни одна из работ, проведенных Покрышкиным, не вызвала столько споров, как реставрация Спасо-Нередицкой церкви. По мнению Е.В. Михайловского это объяснялось борьбой между сторонниками "художественной" традиционной и аналитической перестройки реставрациями.

Ремонту церкви предшествовала многолетняя переписка между ИАК и Новгородским Епархиальным управлением. Наконец в 1896 г. для обследования церкви выехал академик архитектуры В.В. Суслов, который и представил в последствии проект реставрации. Однако из-за материальных затруднений Особым Реставрационным Совещанием проект был пересмотрен. Не согласившись с его изменениями, В.В. Суслов от работ, связанных с реставрацией памятника отошел (Суслова 1993). К реставрационным работам приступили лишь в 1903 г., и представителем от ИАК был назначен Покрышкин (О ремонте 1869: 54).

Уже в июне 1903 года (а ремонт начался 28 мая) Покрышкин вышел с предложением в ИАК о некоторых изменениях в проекте реставрации, одобренном Особым Реставрационным Совещанием. Обследовав церковь, он, как и ранее В.В. Суслов, установил, "... что единственно возможным покрытием церкви, при условии открытия купольных окон является покрытие псевдоное. Поздние кладки вплотную к сводам то же это подтверждают" (Покрышкин

1906). Покрышкин предложил снести придел XVIII века как не представляющий художественной ценности, выстроенный на неглубоком фундаменте в наносном слое и в ближайшее время требующий капитального ремонта. Кстати, именно это решение ставят в вину Покрышкину современные исследователи (Булкин 1994: 53). Все эти предложения были обсуждены и одобрены на реставрационных заседаниях.

К 20 сентября 1904 года реставрация церкви была закончена, и вызвала неоднозначное отношение к ней современников. И. Э. Грабарь писал: "...что-то неуловимое и вместе с тем особенно нам дорогое и близкое после реставрации исчезло и, наоборот, неожиданно выступили черты, как будто чуждые Новгороду." (Грабарь 1969). Архитектор А.В. Шусев указывал, что он "в принципе не согласен с реставрацией даже и более поздних, но уже освященных временем наслоений в деталях и частях постройки, производящих в общем художественное впечатление. В виду того, — писал далее А.В. Шусев, — что вопрос о первоначальном посвдовом покрытии XI—XII вв. в истории русской архитектуры остается еще не достаточно выясненным, мне казалось бы, что при реставрации не следовало изменять так решительно форму существовавшей крыши, даже при такой удивительной причине, как открытие фресок в куполе" (Об избрании 1906—1907: 12). В послевоенные годы вопрос о посвдовом покрытии церковью XI—XII вв. был изучен достаточно хорошо, что позволило восстановить Спасо-Нередицкую церковь по чертежам Покрышкина (Штендер 1961: 169).

Еще одна причина из-за которой Покрышкин подвергся "... ряду резких выпадов, особенно со стороны художника Н.К. Рериха" заключалась в облицовке церкви потландцементом. "Результаты облицовки ... сказались в 1917—1918 гг. Закупоренный в эту облицовку храм перестал "дышать". Знаменитые фрески стали гнить." (Сычев 1949).

В январе 1905 года на расширенном заседании ИАК "при участии представителей Святого Синода и других ведомств был заслушан доклад Покрышкина о произведенных им в этой достопримечательной святыне работах и вызвал одобрение и благодарность всех присутствующих." (О ремонте 1896: 201)

В 1906 году в С.-Петербурге вышла книга Покрышкина "Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903—1904 гг.", в которой наряду с главами, посвященными непосредственно ремонту церкви, существовали разделы об архитектурных особенностях памятника, строительной технике. Основное значение в работе Покрышкин придавал детально-

му изучению памятника и точным его обмерам: "если бы я ограничился, например, измерением высот и широт в арках и, подыскав центры, начертил бы их по циркулю, как это обыкновенно делается, то впечатление получилось совсем несходное с действительностью: стиль храма в таком чертеже не был бы передан." (Покрышкин 1906)

Значение точных обмеров для исследования памятников было столь необходимо, что уже в 1905 году, еще до выхода книги, Известия ИАК в 16 выпуске опубликовали его "Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях", которые, основываясь на своей одиннадцатилетней практике, предлагал Покрышкин. В 1906 году Императорское Русское Археологическое общество постановило Покрышкина за две его книги: "Православная архитектура XI—XVI вв. в нынешнем Сербском королевстве" и "Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903—1904 годах", как "выдающихся трудов по обмеру, исследованию, описанию и истории памятников, не касаясь вопросов реставрации, представить годовому собранию для награждения золотой медалью." (Об избрании 1906—1907: 2).

В рецензии на вторую книгу А.В. Шусев писал: "Крупнейшей заслугой П.П. Покрышкина являются точные обмеры здания. Обмеры произведены идеально точно, малейшие кривизны линий стен и сводов нанесены на чертежи с поразительной точностью и в чертежах памятника производят безусловно художественное впечатление. Этими обмерами автор сказал новое слово в вопросе изучения памятников нашей древности, ...могу только выразить желание, чтобы и прочие наши памятники имели необыкновенных измерителей, тогда бы и современная наша архитектура, следуя художественным формам старины, не заслужила бы названия ложнорусского стиля" (Об избрании 1907—1907: 12).

В конце своей книги "Отчет о капитальном ремонте..." Покрышкин писал: "... я понял в чем заключается прелесть Новгородских церквей. Эта прелесть — в их простоте и соразмерной стройности их пропорций, особенно внутренних, много выигрывающих, благодаря фрескам, подобно цельному ковру покрывающим сплошь все стены и своды. Эти "кубики с луковичными главками", как называют их некоторые русские знатоки иностранного искусства, только тогда становятся понятны, когда углубишься в созерцание их форм, тогда только увидишь, что в них вовсе нет того однообразия, которое кажется с первого взгляда поверхностному наблюдателю. Между тем ведь всем известно, что создание простой архитектуры представляется для художника труднейшей за-

дачей. Простота, уютность и стройность новгородских церквей русскому архитектору говорят несравненно более, чем пышность украшений и вытянутость пропорций, доходящих до сухости, в романских и готических храмах" (Покрышкин 1906).

В марте 1907 года Покрышкину была присуждена Большая серебряная медаль. Скорее всего на окончательном решении сказались споры, возникшие по проблемам реставрации Спасо-Нередицкой церкви.

К весне 1911 года потребовался внешний ремонт церкви из-за вспучивания и отпадения цементной штукатурки, а годом ранее Покрышкин выезжал в Новгород для наблюдения за промывкой стенописи в Спасо-Нередицкой церкви (О ремонте 1896: 166, 201). В 1916 году в непосредственной близости от Спасо-Нередицкой церкви начинается строительство железной дороги. Потерпев поражение в борьбе за ее перенос на иной участок, научная общественность совместно с Императорскими Археологической Комиссией и Академией Художеств создают комиссию по выработке мер по спасению памятников. Членом этой комиссии стал и Покрышкин. При обследовании новгородских памятников было установлено, что "разрушение икон и фресок происходит из-за крайней сырости новгородского климата и неумелой борьбы с нею" (Извлечение 1917). Так же отметили, что из-за повышенной влажности пострадали фрески в нижней части стены Спасо-Нередицкой церкви и что новых выпадов штукатурки, начиная с 1913 года не наблюдается. Было предложено разработать меры для укрепления фресок Спасо-Нередицкой церкви в течение зимы 1916-1917 гг. Однако война и революция в России надолго отодвинули осуществление этих проектов. К 1918 году состояние фресок значительно ухудшилось. Несмотря на мнение специалистов Института Археологической технологии (институт был создан на базе Российской Академии Истории Материальной Культуры, бывшей ИАК, и ставил своей целью изучение древних технологий, в том числе и строительной), неоднократно обследовавших церковь и заявивших, что "непосредственного влияния новой кладки на цемент и цементной штукатурки на сохранность фресок не наблюдалось", и что резкое изменение в сохранности фресок произошло после сооружения железнодорожной насыпи и заболачивания местности, причиной появления плесени была признана штукатурка из порландцемента, нанесенная на стены церкви в 1903-1904 гг. (Переписка 1918-1919: 47). В докладе на Реставрационном заседании 30 апреля 1919 года Покрышкин сказал: "Иstekшие 14 лет после окончания описанного ремонта обнаружили крупные его

технические ошибки. Цементная штукатурка начала отваливаться, трескаться и отпадать, улекая за собой новые кирпичные починки. Необходимо заменить цементную штукатурку тонкой обмазкой "под лопатку" из известки с примесью битого кирпича и кирпичного порошка вместо песка, приближаясь к составу известкового раствора, на котором сложена церковь" (Переписка 1920: 58). В течение двух летних сезонов 1919-1920 гг. церковь была "раздета" и оштукатурена заново, но это не сняло проблем, связанных с разрушением фресковой живописи.

Работы, связанные с сохранением фресок продолжались вплоть до настоящего времени. Считается, что повышенная влажность в церкви обусловлена подсосом влаги, который осуществляется через цемент фундамента, подведенного под Спасо-Нередицкую церковь во время капитального ремонта 1903-1904 гг. А на подведении нового фундамента настаивало Особое реставрационное совещание (Суслavo 1993: 208). Едва ли не большую роль в деятельности Покрышкина после революции занимала работа в Археологическом отделе при Всероссийском Отделе по делам Музеев и охраны памятников старины. Дело в том, что еще в ноябре 1917 года при Наркомпросе была создана Коллегия по делам музеев и охраны памятников старины. Главными помощниками председателя коллегии Г.С. Ятманова стали П.П. Покрышкин и архитектор-реставратор К.К. Романов (Подобедова 1966: 6). В задачи Коллегии входили не только вопросы охраны, но и реставрации памятников старины. Как один из возможных вариантов огосударствления реставрации в феврале 1918 года обсуждался проект создания Всероссийского ремонтно-строительного отдела, ведающего реставрационными работами архитектурных памятников. Отдел создан не был, и тогда Покрышкин предлагает расширить Археологическую Комиссию за счет создания реставрационного отдела. Получив отказ, Покрышкин принимает активное участие в создании Археологического отдела при Коллегии. В постановлении Наркомпроса о деятельности Археологического отдела, составленного не без участия Покрышкина указывалось, что "архитектурное сооружение или памятники искусства, имеющие за собой более 70-летнюю давность или историческое значение не могут быть отреставрированы, перестроены или приспособлены для других целей без разрешения Археологического отдела" (Материалы по охране 1918-1919:7). С 1 декабря 1918 года Покрышкин становится его руководителем (Журнал заседаний 1919: 11). Для отдела он подбирает специалистов, обладавших не только техническими знаниями, но и хорошо разби-

рвавшихся в искусстве. К началу 1919 года это был уже научно-реставрационный центр, под силу которому была реставрация живописи, иконописи, скульптуры и архитектуры. Основная часть работ отдела была тесно связана с Новгородом. В нем Покрышкин предполагал развернуть реставрационные работы не только по восстановлению архитектурных памятников, но и стенописей и икон. Уже в январе 1918 года в Новгород выехала целая группа Петроградских специалистов во главе с Покрышкиным, которая осмотрела все иконы и стенописи в соборах, церквях и монастырях Новгорода и его окрестностях, разделила по спискам на памятники, требующие мер к сохранению в 1, 2, 3 очередь, причем более 500 из них в первую (Переписка об эвакуации 1919: 8). Эта идея была поддержана на Коллегии Г.С.Ятмановым и И.Э.Грабарем, ставшим к тому времени руководителем Музейного отдела Наркомпроса (Грабарь 1937: 27). В течение месяца в Москве рабочая группа сотрудников Петроградского Археологического и Музейного отделов разработала правила и инструкции по раскрытию и фиксации икон и стенописей для реставраторов. А в конце декабря 1918 года в Новгород для реставрации икон прибыла "Московская комиссия по раскрытию памятников древнерусской иконописи" во главе с И.Э. Грабарем, в состав которой входили иконописцы И.Н. Клыков, Н.П.Клыков, В.О. Кириков, И.А. Баранов, В.Е. Израздов. Однако в январе организованная Археологическим отделом комиссия во главе с Покрышкиным, осмотрев реставрируемые иконы, обнаружила грубейшие нарушения в процессе реставрации и высказала опасения за целостность памятников. Московской комиссии было рекомендовано точно следовать инструкциям, разработанным для реставрации икон. Очередная поездка, состоявшаяся в феврале заставила Петроградскую комиссию отказаться от принятого ранее решения. Было еще раз подтверждено, что "икона расчищается одновременно несколькими мастерами неодинаковой опытности, части расчищаемые разными лицами, явно различаются по качеству работы. Спешность работы вынуждает реставраторов снимать сразу несколько слоев, связанное с этой поспешностью употребление сильно действующих составов, как нашатырный спирт, и прижигание вызывает порчу памятника" (Материалы по охране 1918: 58, 59). Установлено уничтожение целых слоев записей без всякой их фиксации.

Постановление комиссии звучало так: "... является неизбежным изъятие работ по раскрытию икон в Новгороде из ведения Московской комиссии и передача их в исключительное ведение Археологического отдела" (Материалы

по охране 1918-1919: 60). На заседании 17 февраля 1919 года в присутствии председателя Коллегии Г.С. Ятманова, несмотря на активное сопротивление И.Э.Грабаря, было подтверждено решение о передаче реставрационных работ в ведение Петроградского Археологического отдела. Московские реставраторы работать под руководством Петроградского археологического отдела отказались и отделу пришлось заняться вербовкой мастеров (Переписка об эвакуации 1919: 56-58).

" В общем, — как отмечал Покрышкин, — Археологический отдел мало встречал сочувствия в этом деле, но много самых досадных и часто непонятных затруднений и при том, главным образом финансовых" (Переписка об эвакуации 1919:17). Упомянутая комиссия получила название Новгородской комиссии Археологического отдела. В ее планы входила реставрация икон в Кирилло-Белозерском монастыре, Ферапонтове, во второй половине 1919 года намечалось устройство аналогичных мастерских в Петрограде, Пскове, Сольвычегодске. Но судя по происходившим событиям отношение к Новгородской комиссии резко изменилось. В получении уже обещанной суммы на реставрационные работы в Кирилло-Белозерском монастыре было отказано, не утверждена смета и на второе полугодие. Более того, поступило распоряжение об эвакуации ценных икон и предметов прикладного искусства в Москву по описям, составленным членами Новгородской комиссии. И хотя эвакуация и была отложена на неопределенное время, ни у кого не вызывало сомнения, что она состоится. Все это заставляет Покрышкина обратиться с письмом к директору РАИМК Н.Я. Марру. В нем, основываясь на опыте минувших лет войны и эвакуации сокровищ из Петрограда, Покрышкин доказывал, что этим "не достигаются условия лучшего и безопасного хранения сокровищ". Полагая, что эвакуация предметов искусства вызвана другими причинами, он пишет: "Увоз лучших памятников искусства и древности с места недопустим и с точки зрения народного просвещения и справедливо называется обескровливанием провинции. Как во времена Иоанна Грозного был ограблен почти в конце и обезличен Новгород для возвеличения центра, так и ныне Москва пытается довершить это преступное дело. Не надо забывать, что при этом в значительной мере обезличиваются самые памятники, ибо, если теперь к ним совершается паломничество, то после переселения они будут забыты." (Переписка об эвакуации 1919: 34).

Охрана памятников.

Критикуя положение дел с охраной памятников в царской России, Покрышкин не без основания полагал, что одной из причин явля-

ется отсутствие обобщающего закона об охране памятников (многочисленные указы, начиная еще со времен Петра I, распространялись лишь на отдельные памятники). Поэтому оставалось обращаться лишь к указу от 11 марта 1889 года, выполнявшего роль закона, но, как писал Покрышкин: "Вследствие ли равнодушия, непонимания или вообще "русского добродушия" закон этот исполняется до крайности неаккуратно.... многие памятники гибнут безвозвратно и о том мы узнаем слишком поздно". Он придавал "громадное значение своевременному появлению на местах сведующих людей. Нужны исключительно художники-архитекторы, порабатывавшие под руководством ИАК, их нужно много, но найти их трудно. Потому что дело изучения старины свойственно людям от природы даровитым и склонным к научной работе" (Разработка законоположений 1905: 5). Нескольким ранее в своих записках он писал: "Замирает сердце при мысли, что не найдется подготовленных людей. Надо подготовить много молодых архитекторов-художников, которые умели бы ценить и охранять старину. Тут требуется истинный героизм, ибо придется выносить борьбу с "общественным" мнением наших мнимо интеллигентных людей, понимающих старину меньше простого неграмотного народа, от которого часто слышишь: "Старину погубишь, не воротишь, а деньги дело наживное." В средних учебных заведениях надо бы ввести обычай, чтобы ученики во время каникул собирали бы сведения о древних памятниках искусства на родине каждого из них, фотографировали бы их, зарисовывали бы, а затем приводили в учебное заведение на усмотрение своих наставников. Надо как-нибудь стараться нам, чтобы изучение истории не было только книжное и чтобы мальчики наши и девочки не проходили мимо вещественных исторических памятников, не замечая их. Тогда и получив специальное образование они не будут такими невеждами в этом отношении, какими видим наших интеллигентов". (Разработка законоположений 1905: 7).

Проект закона об охране памятников, опубликованный в 1913 году, не удовлетворил Покрышкина. Особенно резко отнесся он к идее классификации памятников на первостепенные и второстепенные. "Такое деление, — считал он, — может повлечь гибель памятников важнейших для истории русского искусства, кажушихся второстепенными. Никто не имеет нравственно исторического права бесповоротно решать судьбы памятников признанием некоторых из них "имеющих местное значение", второстепенными, не заслуживающими государственного почета. Необходимо до последней возможности защищать все памятники

древности, не подводя их под ранжир, но расставляя о каждом из них в отдельности. В России бесконечно много места для того, чтобы Старая Русь осталась рядом с Новой неприкосновенной". (Покрышкин 1913: 1-8).

Подводя итоги десятилетней деятельности отдела монументальных памятников в 1917 году, Покрышкин писал: "Дело исследования должно быть поставлено возможно систематичнее и шире, но практически, вероятно, вопрос разрешиться так, что придется в первую очередь изучать памятники "обреченные", то есть гибнущие от замедления в отпуске средств на их ремонт и реставрацию, во-вторую — памятники первоклассного значения, которые искажены и нуждаются в ремонте" (Покрышкин 1917: 7, 8).

Всего Покрышкин намечал к реставрации в самое ближайшее время около 300 памятников. Однако, он указывал, что осуществление этого проекта невозможно без осознания, что "историческое наследие — это собственность народная, то есть государственная" и сохранение памятников возможно будет лишь тогда, когда средства на ремонт и реставрацию будут в руках государства (Покрышкин 1917: 14).

По-видимому, все эти мысли Покрышкин и изложил в проекте закона об охране памятников, составленного им, и обсуждавшегося в стенах Российской Академии Материальной Культуры в январе 1919 года (Материалы к протоколам 1920: 8). Текст проекта в архиве не сохранился, но, судя по выступлениям сотрудников, Покрышкин предлагал огосударствление всей реставрационной деятельности и передачу ее под контроль организации, подобной Археологическому Отделу. Обсуждения не получилось, сотрудники РАИМК сочли, что в проекте ущемляются их права в области научной реставрации памятников. В результате была создана комиссия по разграничению деятельности Археологического Отдела и РАИМК.

Вероятно, в 1919 году наступил перелом в жизни Покрышкина. Ни одно его начинание не получило поддержки: распущен отдел древнерусского зодчества, чинятся препятствия работе Новгородской комиссии, нависла угроза над работой Археологического отдела. Осенью 1919 года Покрышкин отказывается от чтения лекций по подготовленному им курсу древнерусской архитектуры в Академии Художеств (Сычев 1949), с ноября перестает посещать заседания отдела в РАИМКе, ссылаясь на болезнь. Отказывается от должности заведующего Археологическим отделом, но продолжает работать в комиссии по разграничению деятельности Археологического отдела и РАИМК.

Спор между РАИМКом и Археологическим отделом продолжался без малого полтора года

и закончился не в пользу последнего. Согласно принятому решению, Отдел должен был только собирать сведения о памятниках и передавать РАИМКу предложения по проведению ремонтных работ. Археологический Отдел превращался в канцелярскую организацию, о срочном спасении памятников, на чем настаивал Покрышкин, не могло быть и речи.

На последнее заседание комиссии, сославшись на болезнь, Покрышкин не явился. В июле П.П. Покрышкин по состоянию здоровья получает отпуск и выезжает на отдых. В Петроград он уже не возвращается. Третьего января 1921 года на заседании Совета РАИМК зачитывается его письменный отказ от звания академика архитектуры и от членства в РАИМК. Письмо пришло из города Лукоянова Нижегородской губернии. В конце февраля 1922 года Н.П. Сычев получает письмо от сестры Покрышкина с извещением о его смерти. Вот как Н.П. Сычев описывает в некрологе последние дни жизни академика: "При посещении и напутствии больных в заразных бараках города Лукоянова П.П. Покрышкин заразился натуральной оспой в тяжелой форме. Изыуренный организм, однако, выдержал болезнь, но вместо отдыха, после недуга, принялся за исполнение пасторских обязанностей. "Наша с сестрою жизнь, — пишет он в письме, — затворническая, но в ней совершается кипучая работа... идет борьба с невежеством и некультурностью, сюда придется направить все силы". В тех же заразных бараках при посещении больных Покрышкин снова заразился, на этот раз сыпным тифом. Надломленный, переутомленный организм не выдержал, и ученого подвижника не стало" (Сычев 1922).

27 февраля 1923 года, через год после смерти П.П. Покрышкина, в РАИМК состоялось заседание, посвященное памяти академика. В докладах, прозвучавших в этот день, признавалась большой вклад П.П. Покрышкина в изучение древнерусской архитектуры. В сохранившемся конспекте доклада К.К. Романов, оценивая состояние изучения памятников древнерус-

ского зодчества к началу деятельности Покрышкина, указывал на существенные недостатки. К ним он относил издание чертежей по неточным обмерам и сбор неполных регистрационных данных. Задачи же, которые ставил Покрышкин при изучении памятника заключались в детальном исследовании памятника и в полной его регистрации независимо от признаваемого значения. В докладе особо подчеркивались заветы Покрышкина: 1) не производить исследований, опасных для памятника, 2) не выпускать недоработанного, но постоянно собирать материал, 3) передать накопленный материал преемникам (Романов 1923). На этом же заседании постановили привести в порядок и издать труды и чертежи П.П. Покрышкина, хотя часть архива уже пропала. Не менее трагичной оказалась и судьба отреставрированных П.П. Покрышкиным памятников. Церковь Спаса на Нередице была разрушена немцами во время войны, уничтожен храм Спаса на Бору в Москве, взорвана в 30-х годах выпрямленная колокольня Боровской Успенской церкви в Архангельске. Отметим также, что П.П. Покрышкин был крупнейшим специалистом не только в области древнерусской архитектуры, но и древнерусской живописи. Им составлено полное описание живописных работ в Успенском соборе в Москве, так и не востребованное до сих пор.

Он одним из первых, еще до революции, поставил вопрос о научной, аргументированной реставрации древнерусской живописи. По его предложению в начале 1919 года в Петрограде была создана лаборатория по разработке новых шадящих методов реставрации иконописи.

Оценивая работу П.П. Покрышкина, следует отметить, что П.П. Покрышкин первым в России ввел в практику комплексный архитектурно-археологический метод исследования памятника, что оказало большое влияние на развитие научных методов реставрации в XX веке.

Букин, Вал. А. 1994. Два эпизода из истории Новгородского зодчества // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: 53-60. С.-Петербург: Art-Contact

Грибальв, И.Э. 1937. Моя жизнь. Автобиография. Искусство.

1966. Реставрация памятников древнерусского зодчества // О древнерусском искусстве: 357-365. Москва: Искусство

1969. Архитектура Новгорода и Пскова // О русской архитектуре: 98-164. Москва: Искусство

Журнал заседаний 1918. Журнал заседаний по составлению сметы и Совета поотделу музеев и охране памятников искусства и старины. Рукописный архив ИИМК. Фонд 67, дело 1.

Журналы заседаний 1919. Журналы заседаний правления РАИМК. Рукописный архив ИИМК. фонд 2, опись 1, дело 4.

Извлечение 1917. Извлечение из журналов учреждения Императорскую Академию Художеств в 1916 комиссией по выработке мер к сохранению Новгородских древних памятников в связи с проведением около них железнодорожного пути. С.-Петербург.

- Копии протоколов* 1918. Копии протоколов заседаний отдела монументальных памятников и деятельность его за 1918 год. Рукописный архив ИИМК, фонд 1, опись 1, дело 37.
- Материалы* 1918-1919. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников искусства и старины по г. Новгороду и Новгородской губернии. Рукописный архив ИИМК. Фонд 67, дело 3.
- Михайловский, Е.В.* 1971. Реставрация памятников архитектуры. Москва: Издательство литературы по строительству
- О ремонте* 1903. О ремонте ц. Спаса на Берестове в гор. Киеве. Рукописный архив ИИМК. Фонд 1, дело 275.
- О ремонте* 1896. О ремонте Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде. Рукописный архив ИИМК. Фонд 1, дело 34.
- Об избрании* 1906-1907. Об избрании комиссии для присуждения медалей общества. Рукописный архив ИИМК. Фонд 3, дело 305.
- Об определении* 1902. Об определении художника -архитектора П.П. Покрышкина на должность члена комиссии. Рукописный архив ИИМК. Фонд 1, дело 271.
- Об учреждении* 1859. Об учреждении Императорской Археологической Комиссии. Рукописный архив ИИМК. Фонд 1, дело 1.
- Переписка об эвакуации* 1919. Переписка об эвакуации в Новгород и охране новгородских древностей. Рукописный архив ИИМК. Фонд 2, дело 39.
- Переписка* 1918. Переписка по Археологическому отделу. Рукописный архив ИИМК. Фонд 67, дело 8.
- Переписка* 1920. Переписка с Отделом музеев по охране памятников искусства и старины. Рукописный архив ИИМК. Фонд 2, дело 60.
- Подобедова, О. И.* 1966. Вместо предисловия // Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве: 3-67. Москва: Искусство.
- Покрышкин, П.П.* 1905. Разработка законоположений об охране древних памятников искусства и их учета в обществе художников-архитекторов. Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 6.
1906. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде в 1903-1904 гг. С-Петербург.
1911. Автобиография для журнала "Культурная Россия". Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 31.
1913. Рапорт на имя председателя Археологической комиссии о законопроектах по охране памятников. Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 37.
1917. Обзор деятельности архитектурного отдела Российской Государственной Археологической Комиссии по печатным протоколам заседаний, т.е. с осени 1907 по 1917 г. и предложения о его развитии на ближайшее время. Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 11.
- Покрышкин, П.П., К.К. Романов* 1908. Древние здания в Феррапонтовом монастыре Новгородской губернии // Известия Императорской Археологической Комиссии 28: 107-155.
- Романов, К.К.* 1923. Научная деятельность П.П.Покрышкина. Рукописный архив ИИМК. Фонд 29, дело 109.
- Суслова, А.В.* 1993. Исследование и подготовка к реставрации Спасо-Нередицкой церкви академиком архитектуры В.В. Сусловым в 1896-1898 гг. // Новгородский сборник 4(14): 208-215. Новгород.
- Сычев, Н.П.* 1922. Некролог П.П. Покрышкина. Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 1616.
1949. Письма к В.Г. Леонтовичу. Рукописный архив ИИМК. Фонд 21, дело 1615.
- Штендер, Г.М.* 1961. Восстановление Нередицы // Новгородский исторический сборник 10: 169-205. Новгород.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALIA

ПАМЯТИ ИГОРЯ ИЛЬИЧА КОРОБКОВА (1934-1993)

28 октября 1993 г. ушел из жизни Игорь Ильич Коробков, один из ведущих и авторитетнейших исследователей палеолита. Коллеги потеряли соратника и друга. Археология лишилась настоящего талантливого ученого, искренне любившего науку.

И.И. Коробков родился 1 июля 1934 г. в г. Ленинграде. Со школьных лет он увлекся археологией, которой посвятил всю свою жизнь. В 1952 г. Игорь Ильич поступил на исторический факультет ЛГУ, кафедру археологии, который закончил в 1957 г. С 1958 по 1961 гг. являлся аспирантом Института археологии АН СССР. После окончания аспирантуры и до конца жизни Игорь Ильич был сотрудником Отдела палеолита ИИМК РАН. В 1979 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по монографии "Палеолит Восточного Средиземноморья". Эта книга — наиболее ценное и оригинальное исследование из серии работ "Палеолит мира". По глубине и широте понимания технологии, типологии и морфологии каменных индустрий, эволюции их, социальной и хозяйственной деятельности первобытных коллективов эта работа явилась большим вкладом в разработку проблем палеолита мира и полностью отвечала всем требованиям докторских диссертаций.

И.И. Коробков со студенческих лет участвовал в археологических экспедициях, работал в Костенках, Кударских пещерах, где прошел хорошую полевую школу, а затем увлекся палеолитом кавказского Причерноморья. С особой любовью Игорь Ильич занимался исследованием раннепалеолитического памятника Яштух в Абхазии. С Яштухом связана вся его творческая жизнь, к материалам этого памятника он возвращался постоянно. В последние годы им закончена подготовка монографического издания всех коллекций Яштуха, которые были собраны во время полевых работ и в период отдыха с друзьями на Кавказе. Именно на Яштухе в период начала своей самостоятельной работы И.И. Коробков применил новую методику сборов и фикса-

ции подъемных материалов, что позволило ему сформулировать основные задачи изучения сложных стоянок с разрушенным культурным слоем.

Игорь Ильич работал в экспедициях, сам обрабатывал свои материалы, писал научные труды, принимал участие в конгрессах, конференциях, симпозиумах, всесоюзных и международных. В центре внимания Игоря Ильича были вопросы техники и типологии каменных орудий, эволюции палеолитических индустрий, хозяйственной и социальной структур первобытных поселений. Его разработки по тейкским и выемчато-зубчатым индустриям значительно углубили и расширили понимание, пожалуй, самых сложных комплексов каменного инвентаря.

И.И. Коробков, никогда не считаясь со временем, охотно консультировал коллег по проблемам палеолитоведения. Он фактически являлся руководителем, главным консультантом и редактором целого ряда кандидатских и докторских диссертаций по палеолиту разных регионов страны. У Игоря Ильича всегда находилось время для прочтения работ и их обсуждения. Он был доброжелателен и принципиален в оценках работ.

Игорь Ильич обладал широким кругозором, его интересовало многое, с ним можно было говорить на любые темы, предела его интересам казалось не было границ. Он увлекался поэзией, любил музыку...

Публикации Игоря Ильича отличала исключительная скрупулезность, глубина поставленных и решенных проблем и вопросов, поэтому они пользовались признанием специалистов нашей страны и за ее пределами. Многие его разработки широко используют специалисты каменного века.

Мы потеряли большого и интересного ученого. Трудно мириться с мыслью, что Игорь Ильич больше не появится в Отделе со своим постоянным вопросом: "Что нового?..."

И.И.КОРОБКОВ

Яштухская палеолитическая стоянка
(вопросы геологии и условий залегания
палеолитических индустрий)

тезисы отчетного доклада по плановой теме 20 апреля 1992 г.

1. Палеолитическое местонахождение Яштух, расположенное в Абхазии, в 3-5 км к северу от Сухуми, понимается обычно как комплекс стоянок древнего человека (или, вернее — пунктов сборов палеолитических материалов), сосредоточенных на поверхности высокой Яштухской террасы, протянувшейся вдоль склонов г.г. Яштух-и Бырцх на высоте от 150 м (у подножия склона) до 75 м (у бровки террасы).

Эта поверхность представляет в своей основе сочетание отложений 80-метровой морской террасы (Яштухской) — в условиях эстуария реки Пра-Гумисты и галечников ее речной террасы (в верхней части) с покровными напластованиями более поздних эпох.

Покровные отложения этой совмещенной террасы (Нижне-Яштухского плато) начали складываться к концу гурийского века (Дунай-Гюнц, Сицилий I) и, согласно Л.Н.Соловьеву, представляли собой красноземы, образовавшиеся в результате латеритного выветривания (суглинки "г" I-й генерации). В широком понимании, в настоящий момент Яштухское местонахождение (Яштух) включает в себя всю территорию Яштухской террасы между реками Гумиста и Беслета, горы Яштух и Бырцх, с высокими плато и склонами, пункты: Лечкоп и Ахабиук — по разные стороны реки Яштух и пространство между Яштухом и Бырхом — всего территорию около 100 га.

2. Доказательств заселенности Яштухской стоянки палеолитическим человеком в раннюю эпоху существования террасового плато Нижнего Яштуха практически нет. Если таковые и имеются, то они в настоящее время глубоко погребены в древнем речном аллювии, перекрыты на водоразделах мощным плащом покровных суглинков Гюнц/Миндельского возраста.

По нашему мнению, палеолитическая история Яштухского местонахождения началась с момента перехвата реки Восточной Гумисты — рекой Западной Гумиста в поздне-чаудинское

время (Гюнц/Миндель). Только после этого на всем пространстве между реками Гумистой и Беслетой, а также на месте русла реки Восточной Гумисты стал формироваться единый плащ покровных отложений, облегчен был доступ к выходам сырьевого материала на склонах и верхних плато Яштуха и Бырцха и началась складываться современная локальная орографическая и гидрографическая ситуация на всем протяжении этого участка причерноморской равнины.

В соответствии с этими представлениями древнейшие орудия, найденные на Яштухе, могут быть датированы ранне-миндельским возрастом. Этот древнейший палеолитический комплекс Яштуха представлен серией немногочисленных артефактов с интенсивной черной патинной и частью с сильной заглаженностью поверхности.

3. Планомерных геологических исследований Яштухской стоянки никогда не велось. С.Н.Замятнин собирал палеолитические изделия на большой площади и лишь потом сортировал их на комплексы в соответствии с морфологическими признаками, оценивавшимися как хронологические показатели.

Первым, кто начал исследование стоянки геологическими методами, был Л.Н.Соловьев. Он проводил изучение покровных суглинков. Им были выделены суглинки нескольких генераций, соответствующие разновременным почвам террас: суглинки покровные древней террасы — I-й генерации Яштухской террасы полосчато-тигровой структуры внизу и красноземы в верхней части, которые оказываются сейчас полностью размытыми; суглинки яштухской и гульрипшской террас — гюнц/миндельского и миндель/рисского возраста: желтой окраски с охристо-красными крапинками. Это также красноземы, но незавершенной стадии. Они развиты уже и по бортам рек Западной Сухумки.

Поверхность каменных изделий характеризуется следующим образом:

Древний ашель: Вторая половина Минделья. Серии: а) с красноватой окраской по белому фону — показатель залегания в красноземе; б) сильное красно-бурое ожелезнение — показатель залегания в условиях максимального тепла и влажности в Интер-Минделе.

Ранний ашель: Миндель/Рисс. Серии: а) с интенсивной желтой окраской поверхности; б) с интенсивной буро-красчатой окраской по желтому фону; в) с интенсивной коричнево-бурой окраской и железистыми прикипевшими частицами породы. Показатель залегания в культурном слое в условиях максимума тепла.

Средний ашель: Рисс I, Рисс I/II. Серии: а) интенсивная белая патина без желтизны; б) такая же патина с сильным желтым фоном; в) белая патина с железистыми желто-коричневыми участками приставшей породы; г) с железистыми примазками и люстражем — свидетельство размывания.

Поздний ашель: Рисс II и Рисс II/III. Патина серая, средней интенсивности. Серии: а) серия с марганцевыми примазками; б) с кремевой заглаженностью: с железистыми желтыми примазками и без них. Свидетельство переотложения в холодный период Рисс II (кремовая заглаженность) и Рисс I/III — с железистыми примазками.

Финальный ашель: Рисс III и Рисс/Вюрм. Патина голубовато-белая типа "снятого молока" и просвечивающая через ожелезнение и люстраж патина с голубыми крапинками.

Мустьерские индустрии: время стадиялов и интерстадиялов Вюрма. Несколько серий.

Тейкская группа. Выделяется по внешним признакам 6 хронологических подразделений — от: а) "Тейка древнейшего" = "Древнему ашелю по возрасту Миндель/Рисс; б) "Тейка 0" — фракция крупнокалиберная, времени от Рисса I до Рисса III; в) "Тейка I" — Рисс I и Рисс I/II. Серии с интенсивной желтой и интенсивной коричневой окраской, нормальных для тейка пропорций; г) "Тейка II" — Рисс II и II/III; д) "Тейка III" — Рисс/Вюрм; е) "Тейка IV" и "Тейка V" — Вюрмское время. Разные этапы мустье зубчатого.

Группа пластинчато-леваллуазских комплексов ("Микро-леваллуа"): а) раннее леваллуа = раннему ашелю MM/P. Рисс II и Рисс I/II; б) глина серовато-желтая, яркой окраски, с коричневыми и серыми пятнами, жирная, влажная; в) пластинчатая глина, светло-серая, с легким желтым оттенком, с большим количеством буровато-черных стяжений марганца в верхней части. Две последние генерации суглинков относятся Л.Н. Соловьевым к покровным суглинками первой генерации двух интер-

рисских террас.

4. Сложность, однако, состоит в том, что ни в одном пункте, исследованном Л.Н. Соловьевым, в изученных им четырех разновременных разновидностях покровных отложений, не было обнаружено палеолитических изделий; все найденные Л.Н. Соловьевым артефакты сохранились либо в делювиальных шлейфах, либо в галечном аллювии, то есть в переотложенном состоянии.

По нашему мнению, этот факт закономерен: он отражает сам характер стоянок, к настоящему времени полностью разрушенных, с переотложением вмещающих артефакты суглинков и почв. В соответствии с пониманием такого состояния стоянки и ее первоначальных культурных слоев и следует строить стратегию методов исследования этого и подобных ему памятников. К сожалению, практически, в ближайшие десятилетия полевые исследования на Яштухе не представляются возможными.

5. В настоящий момент единственным выходом является оценка палеолитических коллекций в зависимости от внешних признаков залегания в разнофациальных и хронологически различной древности геологических условиях.

Каковы же эти внешние признаки: 1. Сильная заглаженность и сплошной ожелезненный люстраж разной интенсивности окраски: от светло-желтого до коричневого и буро-красного. Свидетельство залегания в разновременном аллювии, отложившихся в условиях теплых периодов. 2. Железистые натёки на поверхности с приставшими кусками ожелезненной почвы. Свидетельство отложения артефакта в теплый климатический период в условиях максимального для данного периода уровня тепла и влажности. Интенсивность окраски солями железа от желтой до буро-коричневой и красной свидетельствует о степени выпадения солей железа при повышении температуры и влажности, чем сильнее степень окрашенности, тем древнее артефакт. 3. Желтая окраска, сплошная, без ожелезнения — отражает условия первоначального залегания предмета в желтоземах. Степень желтизны в сочетании с патиной отражает древность артефакта в пределах того или иного тепло-климатического периода. 4. Легкие желтые железистые примазки по белому патинизированному фону свидетельство переотложения залежавших в холодных условиях артефактов в условиях повышенной влажности в теплое время. Отсутствие железистых желтых примазок при кремевой заглаженности свидетельство переотложения водными потоками в холодные периоды. 5. Отсутствие всяких следов ожелезненности или желтого покрытия на поверхности артефакта, особенно при интенсивной белой

или пятнистой патине отражают залегание артефакта в мраморовидных суглинках, отлагающихся в холодные климатические периоды ледниковий. Степень интенсивности патинизации поверхности соответствует степени древности данного артефакта. В соответствии с этими признаками возможна выработка типологической методики раскладки материала на соответствующие фашиальные серии, объединяемые в хронологически различные комплексы изделий.

6. С помощью этого метода корреляционной оценки возраста артефактов в яштухской коллекции можно выявить следующие хронологические комплексы: Ашельская группа: 1. Архаичный ашель; Гюнц/Миндель; Миндель. Серия а) с черной патиной – ранний Миндель (с заглаженностью); б) с интенсивной белой патиной и выщелочностью; в) среднее леваллуа = Среднему ашелю; Рисс II и Рисс II/III; г) финальное леваллуа = Финальному ашелю; Рисс III и Рисс/Вюрм.

7. В пункте 6 мы рассмотрели материалы Яштухской стоянки в хронологическом, вертикальном разрезе. Если же мы возьмем горизонтальный срез в пределах одного хронологического подразделения, например “Финального” или “Среднего ашеля”, но на разных участках этого огромного местонахождения, то обнаружим и технически, и морфологически разные наборы артефактов, разные индустрии.

Например, для “Среднего ашеля” выделяются: а) отщеповый вариант среднего ашеля с кубовидными нуклеусами и правильными подпрямоугольными (ортогональными) сколами средних размеров. Такой набор артефактов встречен в п.п. 4а,2; п. 10–скл; б) “макро-вариант” ашеля – серия с марганцевистыми примазками конца Рисса I/II – на п. 2А; в) “ранний тейак I” – п. 9 (верхнее плато Яштуха); г) пластичная индустрия “микро-леваллуа” – в Ахабиюке и пункте “Г-й карьер”.

Как видим, наличие существование в один и тот же хронологический период, в пределах единой ашельской культурной традиции, какой нам представляется индустрия в целом, всего Яштухского местонахождения, морфологически разных, с различными технико-типологическими показателями индустрий-комплексов.

Подобные разные типолого-технические и типологические (орудийные) наборы артефактов в пределах единого хронологического среза одной культурной традиции можно было бы дать название “фракция” – удачный термин,

применяемый при оценке различных частей культур бронзового века, предложенные В.С.Бочкаревым из Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА.

Полярные технико-типологические проявления фракций, такие как “Тейак” и “Леваллуа”, представленные не в какой-то одной культурной традиции, а повсеместно в раннем и среднем палеолите, можно было бы обозначить термином “культурная фашиа” (или “фашиа культуры”).

8. Что касается истоков и корней культурной традиции Причерноморского ашеля Яштуха, то он находит себе несомненные параллели в комплексах Средиземноморского ашеля Сирии, Ливана, Палестины и Магриба. Сходство выражается в одинаковости типологических форм рубил “тернифинского типа”: рубил “с рыльцем” с горы Трапезия в Яштухе из Сухумского музея – полный аналог такого же рубила Миндельского возраста из Джуб-Дженнина II в Ливане. Есть сходство и рубила с поперечным лезвием из Яштуха с орудиями типа кливеров из Ливана и Палестины. Сходство проявляется также и в общей направленности ашельских индустрий Средиземноморья и Причерноморья: развитие орудий рубяще-тесловидного характера с поперечными лезвиями, орудий-ашеро, высоких скребущих форм и коротких острий, одинаковых многосоставных орудий тейакского характера, как например, индустрии Латамна в Сирии, возраста Интер/Рисса, и соответствующий ему набор орудий среднего ашеля пункта 2А Яштуха.

В пределах Черноморского побережья Кавказа несомненным аналогом поздней части Яштухского спектра индустрий являются индустрии Хейвани и Богос, расположенных севернее по побережью, вплоть до р.Псоу.

Несомненным кажется, что подобное сходство может быть обусловлено не только генетически, единой культурной традицией. За этим сходством могут стоять и более сложные связи и взаимодействия человека и природы, опосредованные экономико-хозяйственными структурами и социальным устройством конкретных групп палеолитического населения прибрежных районов Средиземноморья и Причерноморья. За этим сходством явно указывается экологический фактор во взаимодействии человеческой культуры и окружающей человека природной среды – изучению этого взаимодействия пока еще очень мало уделяется внимания в исследованиях специалистов по палеолиту.

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРОЧКИНА

(14.08.1946 – 26.12.1993)

Некролог, уже опубликованный в "Российской археологии" (1994, № 4), избавляет нас сейчас от необходимости следовать неписаным, но жестким законам этого несветлого жанра. Мы, кто знал его лично, не стремимся составить жизнеописание Геннадия Николаевича, а лишь хотим отдать долг его памяти.

Рискуя властью в преувеличение, хочется все же назвать Г.Н.Курочкина одним из самых талантливых людей, с которыми нам приходилось сталкиваться.

Фанатичная преданность Геннадия Николаевича археологии порой выражалась в самых экстравагантных формах. Дискуссии, проходившие с его участием, были не предсказуемы. Они либо запоминались оригинальностью суждений и тем особым изяществом формулировок, в которые он облекал свои мысли, либо превращались в перепалки на грани скандала. Но в чем его нельзя было упрекнуть, так это в равнодушном отношении к своему делу. Будучи сторонником открытого научного спора, Геннадий Николаевич каждый раз превращал его в поединок, в котором он не щадил ни себя, ни соперника. Полемицируя с оппонентом, он меньше всего считался с его научным реноме, возрастом, психологией. Авторитетов в археологии для него не существовало. В пылу спора он легко впадал в то состояние, в котором, по выражению генерала Хлудова из пьесы М.А. Булгакова "Бег", русские люди режут в глаза правду-матку.

Геннадий Николаевич обладал редким даром видеть мир своими собственными глазами и не менее редкой способностью адекватно выразить и передать увиденное с помощью слов. Все, что написано им, интересно. Людей подобного склада можно чаще всего встретить среди художников и артистов, чем среди ученых. Медленная, беспристрастная, систематическая работа – не для них. Именно поэтому Геннадию Николаевичу не вполне удалась попытка реконструкции древнейшей этнической истории северного Ирана. Он был эмоционально слишком увлечен этой темой, выводы у него чересчур часто опережали трезвый анализ данных. И тем не менее подобные Г.Н.Курочкину

люди необходимы науке. Сами их ошибки стимулируют поиск, привлекают внимание к нерешенным проблемам. Без них наука превращается не столько в храм, сколько в унылую фабрику по переработке информации, а ведь это еще и театр!

Геннадий Николаевич был прекрасным полеви́ком. Речь здесь не о методике раскопок, а об умении интуитивно чувствовать землю, различать в ней то, что глазам большинства недоступно. Он был гением в поисках "подъемки", находя за полчаса больше, чем остальные за день. Этой своей связью с землей, практически делом, он порою бравировал в молодости, как бы отстраняясь тем самым от "кабинетных" исследований.

"С каждым часом, с каждой минутой
(Очевидно, жребий наш таков)
Вы все ближе к вашим институтам,
Я все дальше в глубину веков",

продитировал он в письме, присланном из Средней Азии.

Подобно многим археологам, Геннадий Николаевич непрочь был строить из себя "варвара", своего человека в степях и горах, который презирает всяческую утонченность. Студентом он шокировал профессоров, глумясь – иного слова не подберешь – над античной классикой. Не в малой мере это было, конечно, попыткой выдать нужду за добродетель. Г.Н.Курочкин вырос в простой семье и не получил в детстве того культурного багажа, с которым пришли в университет многие. Геннадий Николаевич был настоящим "selfmade man", и тем, кто не являются таковыми, вряд ли стоит его судить. При всей своей вспыльчивости и неуживчивости (с кем он только не ссорился), он не боялся оказаться в смешном положении, быстро переживал обиду и, если требовалось, то начинал все сначала.

Люди поколения Г.Н.Курочкина намеревались осваивать Марс и строить термоядерные электростанции. Для них наука была (а для кого-то и остается) главным смыслом человеческого существования. Служение науке ока-

зывается категорическим императивом, обязанностью, которую можно исполнять плохо или хорошо, но от которой нельзя уклониться. В значительной мере наука принимает здесь на себя те функции, которые традиционно выполняет религия. Отсюда безоглядная увлеченность Геннадия Николаевича своим делом, но одновременно и отсутствие в ряде случаев четкой этической позиции.

Здесь уместно отметить, что в жизни многих людей, родившихся после войны, рано или поздно происходило столкновение с прежней политической системой. Не миновала эта горькая чаша и Геннадия Николаевича. Его оценки недавнего прошлого нашей страны, не соответствовавшие официальным взглядам, привели к вынужденному отъезду из Ленинграда в далекий среднеазиатский город Нукус, где он проработал несколько лет. Тяжелый непривычный климат и внезапный разрыв устоявшихся культурных связей наложили на него свой отпечаток. И без того нелегкий характер Геннадия Николаевича стал еще тяжелее. Не нам его судить. Человек, рано потерявший всех близких, остался один на один со своей судьбой. Надо отдать должное Геннадию Николаевичу, он не сломался и, вернувшись, стал одним из самых ярких археологов Ленинграда — Санкт-Петербурга.

Не знаем, как в Бога, но уж в чертей Г.Н. Курочкин точно не верил. Поразительно, что смерть совершенно не изменила его черты. Казалось, что лежа в гробу, этот человек насмехается над собственными похоронами точно так же, как он мог бы насмехаться и над чужими.

«Несчастному сулит чертей и ад крошечный, а он-то многогрешный — Да ну, их! — говорит, — вот, — говорит — потеха!»

Этот внешне грубый, порою циничный человек обладал — как это часто бывает — весьма ранимой, чтобы не сказать нежной душой. В определенной степени этот цинизм был своеобразной реакцией на превратности судьбы, которые ему уготовила жизнь. Именно у таких людей сердце легко слает.

Когда Г.Н. Курочкин и И.Н. Медведская вели спор по поводу керамики Тепе Гиссара, они поразительно напоминали Афины и Марсия. Судьба Марсия горька и обидна. Пусть он играл на флейте науки хуже, чем Аполлон, но все-таки это была игра высокого класса. В последние годы жизни Геннадий Николаевич переживал творческий взлет, он внес весомый вклад в изучение культуры ранних кочевников, но главные его работы еще оставались ненаписанными, в том числе и докторская диссертация, к подготовке которой он приступил в последний год жизни. Если верна истина о том, что каждому воздается по делам его, то Геннадия Николаевича можно считать удачливым человеком. Он раскопал интереснейшие склепы тагарской культуры и дал оригинальную трактовку этим самобытным археологическим материалам.

Г.Н. Курочкин был яркой личностью. Имя его, подобно всем нашим именам, забудется очень скоро. Однако ему удалось оставить как след в науке, так и глубокий отпечаток в сердцах знавших его людей. Можно ли требовать большего?

Н.Н. Скакун, Ю.Е. Березкин, В.А. Алекшин

ПАМЯТИ ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ХЛОПИНА

(7.06.1930 – 7.12.1994)

7 декабря 1994 г. не стало И.Н. Хлопина. Скончался он неожиданно. Был полон творческих замыслов. В пишущей машинке осталась недопечатанной страница послесловия к работе М.П.Грязнова "Афанасьевская культура на Среднем Енисее". Трудно смириться с тем, что не увидим более Игоря Николаевича, отличавшегося глубокой преданностью науке, не чуж-

дого радостям жизни и в то же время ранимого ее трудностями, общительного человека, ценившего дружескую беседу и задушевное застолье.

И.Н.Хлопин родился 7 июня 1930 г. в Ленинграде в семье врачей-ученых. Не без гордости он вспоминал, что по материнской линии его дворянских род восходит к защитнику

Троице-Сергиевой Лавры в начале XVII в. келарю Авраамю Палицыну. В годы Великой Отечественной войны семья оказалась эвакуированной в Самарканд. Тяготы военного времени и полуголодной жизни соседствовали с дивными "картинами Востока". Впечатления от Средней Азии, видимо, повлияли в дальнейшем на выбор жизненного пути.

В 1948 г. после окончания средней школы И.Н. Хлопин поступил на исторический факультет Ленинградского Государственного университета. Обучение проходил на кафедре археологии. Тогда же сформировался круг его интересов, связанных с познанием древних культур Азии. В 1953 г. после окончания учебы в Университете И.Н.Хлопин работал научным сотрудником Артиллерийского исторического музея, а в 1955-1959 гг. прошел сначала заочную, а затем и очную аспирантуру ЛОИА АН СССР. В 1958 г. по ходатайству своего научного руководителя, тогда заведующего ЛОИА АН СССР, члена-корреспондента Академии наук Армянской ССР Б.Б.Пиотровского, И.Н.Хлопин был принят в штат ЛОИА АН СССР в сектор Средней Азии и Кавказа в качестве младшего научного сотрудника. В стенах этого учреждения и прошла вся его творческая деятельность. В 1970 г. он стал старшим научным сотрудником, а в 1993 г. — ведущим.

Кандидатскую диссертацию "Племена раннего неолита южной Туркмении (Геоксюрский оазис)" И.Н.Хлопин успешно защитил в 1962 г. В работе был обобщен материал памятников с расписной керамикой Средней Азии, Двуречья, Передней Азии, Северной Индии. Ученому удалось показать в этом произведении развитие племен Южной Туркмении в IV-III тыс. до н.э. и выявить локальные варианты их культур. В 1964 г. диссертация была опубликована под названием "Геоксюрская группа поселений эпохи неолита". В этой и других работах проявился интерес И.Н.Хлопина к постановке основополагающих историко-археологических проблем, связанных с ранними земледельцами, их происхождением, расселением, культурой и религией. При этом ученый с завидной широтой использовал не только археологические, но и письменные источники, лингвистику, географию, данные климата и почвоведения, уделял внимание демографии, этнокультурным связям и общественным преобразованиям. Широта подхода к теме, смелость и нетрадиционность выдвинутых идей, универсальность охвата материала — таковы характерные признаки творчества И.Н.Хлопина, которые будут присущи ему и в дальнейшем.

Переход на восточную тематику и увлечение раннеземледельческой эпохой были не случайными в творческой биографии исследовате-

ля. Еще на пятом курсе университета в дипломной работе И.Н. Хлопин затронул важную проблему переселения раннеземледельческих племен, что шло в те времена в антитезу с господствующими представлениями о стабильности и необходимости борьбы с "миграционизмом". Краткий вариант этой работы был опубликован в 1961 г. в университетском сборнике в виде статьи "Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев". Таким образом, уже в юношеской публикации проявились творческие искания молодого ученого. Позже, погрузившись в обилие конкретного материала, добытого им самим, И.Н. Хлопин уже на его основе разрабатывал проблемы передвижения и связей раннеземледельческих племен. Хотя собственно среднеазиатский материал постепенно все более склонял его к автохтонизму в рамках этого региона, он смело поставил вопрос о расселении южных племен на север и их участии в формировании культур степной бронзы андроновского типа.

И.Н. Хлопин работал необычайно увлеченно и плодотворно, мог месяцами не отрываться от рукописи. Начиная с 1957 года опубликовал почти 170 печатных произведений, включая 9 монографий. Среди них "Памятники раннего неолита Южной Туркмении" (М.—Л., 1964), далее "Памятники развитого неолита Юго-Восточной Туркмении" (Л., 1969). В этих и других своих сочинениях И.Н. Хлопин впервые представил во всей полноте ранее почти неизвестные этапы в развитии оседло-земледельческих культур Юго-Западной Средней Азии IV-III тыс до н.э.

Активной была полевая деятельность И.Н. Хлопина. Средняя Азия и среднеазиатская археология с ее спецификой раскопок глинобитных строений была совершенно новой стезей для выпускника Ленинградского университета. Начиная с 1955 г. И.Н.Хлопин регулярно, иногда дважды в год, выезжал в среднеазиатские экспедиции. Уже в первый сезон 1955 г. на раскопках Кара-депе он буквально вгрызаясь в землю овладел непостоянной методикой раскопочного поиска стен и полов древних домов и строений. Вскоре И.Н.Хлопин становится первоклассным профессионалом этой особой полевой методики. При развертывании широких работ в Геоксюрском оазисе, связанных в изучением памятников эпохи неолита, он в 1957-1958 гг. возглавил раскопки небольшого поселения раннего неолита Дашлыджи-депе, которое впервые в практике таких работ было полностью раскопано на уровне всех трех строительных горизонтов. С энтузиазмом и упорством он продолжал руководить раскопками и других поселений Геоксюрского оазиса. При этом благодаря тщательности и скрупулез-

ности — раскоп ему удалось сделать важное открытие — на поселения Ялангач-депе и Муллалы-депе были обнаружены древние святилища и обводные стены, в периметр которых были включены круглые в плане строения. Раскопки Ялангач-депе вообще выявили новый тип вещевого комплекса, который с тех пор так и называется ялангачским. Два сезона работ провел он на раскопках эталонного памятника раннеземледельческих культур Средней Азии — Намазга-депе, руководя раскопками наиболее поздних наслоений, относящихся к периоду позднего бронзового века (тип Намазга VI). В 1968 г. И.Н.Хлопин стан начальником Сумбарской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (по названию долины реки Сумбар Кара-Кадинского района Туркмении). Экспедиции удалось открыть ранее неизвестные памятники эпохи энеолита и бронзы, которые ныне признаны эталонными. Результаты этих раскопок создали новую научную ситуацию, если можно так выразиться, стерли белые пятна на археологической карте южной земледельческой зоны Средней Азии и Северного Ирана. Изученные экспедицией И.Н.Хлопина могильники Южной Туркмении дали превосходный массовый материал, который благодаря точности и тщательности исследования, приобрел качества важнейшего исторического источника не только для юга Средней Азии, но и для соседнего Ирана. Сумбарские могильники обогатили археологию этих регионов. Комплекс находок оказался настолько велик, а его историческое содержание настолько емко, что он позволил восстановить ряд направлений хозяйственной деятельности населения, его семейные и родовые взаимоотношения, проникнуть в сферу идеологии. Результатом полевых и кабинетных изысканий явилась монография «Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников», опубликованная в 1983 г. По этой тематике в 1984 г. И.Н.Хлопин успешно защитил докторскую диссертацию.

Занимался И.Н.Хлопин и проблемами истории Средней Азии античного и раннесредневекового периода. Его перу принадлежит книга: «Историческая география южных областей Средней Азии» (Ашхабад, 1983). В этой книге автор предлагает свою локализацию ряда областей и племен древности, нарушая традиционные представления об этом периоде истории. Здесь же высказаны ряд новых идей о маршрутах походов Александра Македонского.

В последние годы И.Н.Хлопин обдумывал написание большой работы по истории Средней Азии. В осуществление этого замысла он опубликовал статью теоретического характера «Древние индоиранцы в свете археологии» (в

книге Н.Л.Сухачева «Перспективы истории в индоевропеистике». СПб., 1994).

Обладая широким кругозором И.Н.Хлопин касался порой неожиданных и очень разных сюжетов, таких как появление ковроткачества, произрастание мандрагоры, семантика орнаментов на керамике, обряд похорон мужчин и женщин в древних обществах, истоки и специфика зороастризма. В некоторых главах Библиейской книги Бытия и легенде о всемирном потопе, которые обычно считали чисто мифологическими, И.Н.Хлопин усмотрел отголоски подлинных событий и очень длительных исторических процессов. Оригинальным образом он сопоставил эти свидетельства с археологическими реалиями древневосточных памятников. Эта и другие «вечные» темы истории человечества рассмотрены в его книге «А что было до потопов? Исторические корни древних мифов человечества» (Л., 1990).

Исследования И.Н.Хлопина завоевали международную известность. Его труды публиковались в Англии, Голландии, Австрии, Германии, Иране, США. В 1984 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, неоднократно участвовал в международных конференциях. Высоким авторитетом пользовался у своих коллег в Туркмении.

Свою научную деятельность ученый сочетал с преподавательской. В 1973-1978 гг. читал лекции по археологии Средней Азии и Кавказа в Ленинградском университете.

Постоянно привлекала И.Н.Хлопина и культура средневековой Руси, особенно история древнерусской фортификации и вооружения. Этому увлечению помог случай. В 1953 г. он был принят на работу в Артиллерийский исторический музей и однажды наткнулся на статью сотрудника музея о вооружении крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря, которое исчезло неизвестно куда в конце XVIII в. И.Н.Хлопина захватила романтическая идея отыскать эту пропажу.

В монастырь отправилась экспедиция, нашли руины Оружейной палаты, но к разочарованию, в завале рухнувших кладок обнаружили лишь десяток ржавых стволов карабинов и мушкетов, а остальное, как выяснилось, разворовали и распродали еще в том же XVIII в. Дальнейший поиск привел в Ленинградский Государственный исторический архив, где хранились документы Кирилло-Белозерского монастыря. И вот неожиданность. Оказалось, что среди рукописей XVII в. имеются 44 рукописные книги «городового каменного дела», насчитывающие в общей сложности 3 000 страниц. С поразительными подробностями в них описывалось, как вокруг Кириллова монастыря

с 1653 по 1680 гг. была построена одна из самых больших в России XVII в. крепостей. Строительная документация — случай для наследия средневековой Руси беспрецедентный — уцелела полностью, И.Н.Хлопин прочитал все эти книги. Было чему удивляться. Крепость строила каменщики, собранные из многих городов, они изготовили 10 млн. штук кирпича. Ежедневно на работу выходило до 700 человек. Открылись и имена зодчих — это были мастера-простолюдины Семен Шам, Иван Шабан, Кирилл Серюков. Новая крепость охватывала территорию более 10 га, она во много раз превышала собственные оборонительные потребности кирилловских иноков. Выяснилось, что русское правительство решило создать в Кириллове свою резервную укрепленную резиденцию на случай непредвиденных обстоятельств. Перед нами открылась еще одна из тайн русской истории, выраженная в фортификации.

Крушение мечты о монастырском арсенале обернулось для И.Н.Хлопина вдохновленным увлечением русской стариной. Накопившийся материал позволил в 1972 г. опубликовать (совместно с А.Кирпичниковым) книгу о Кирилло-Белозерском монастыре “Великая Государева крепость”. В ней описаны собранные в

монастыре исторические, художественные и архитектурные ценности общерусского значения. И.Н.Хлопин опубликовал (большей частью в соавторстве) больше десятка работ о русских древностях, включая разыскания и старинных пушках, знаменитом зодчем Федоре Коне, Коневецком монастыре, остатках железнодорожного производства в округе Устюжны-Железнопольской. Он впервые уточнил дату росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. В монографии “Защитное вооружение”, изданной в Австрии в 1981 г., впервые предложена самая полная терминология этого вида военной техники средневековой Руси.

И.Н.Хлопин представлял собой ученого высокого интеллекта, свободно и широко мыслящего, чуждого догматизма и заученных истин, смело ищущего новые пути в науке, любящего Россию в сиянии ее живительных связей со всем миром. Труд таких одушевленных людей облегчает дорогу другим, поэтому научные свершения И.Н.Хлопина принадлежат не только настоящему, но и будущему. Память об И.Н.Хлопине дорога и будет вызывать признание всех тех, кто его знал и кто познакомился с его трудами, неподвластными забвению.

В.М.Массон, А.Н.Кирпичников

ХРОНИКА CHRONICLE

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1994 ГОДУ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 1994 году ИИМК РАН продолжал археологические экспедиционные исследования на территории России, Украины, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Велись исследования по спасению разрушающихся памятников в зонах строительства, работы по паспортизации памятников археологии и в рамках международных проектов (Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия 1995:26–75).

Северо-Кавказская палеолитическая экспедиция (Л.В.Голованова) исследовала стоянку раннего и среднего палеолита в Мезмайской пещере. Этой же экспедицией и М.Б.Рысиным проведена инвентаризация более 6000 памятников археологии в трех районах Карачаево-Черкесской республики. В рамках международных проектов проводилось повторное вскрытие культурного слоя стоянок верхнего палеолита Авдеевской (Г.П.Григорьев) и – по программе Бельгийского института естественных наук “Динамика изменений природной среды и первобытного общества в Европе за последние 100 тыс. лет”, Костенковской (Н.Д.Праслов) экспедициями. Российско-норвежская экспедиция (В.Я.Шумкин) вела исследование поселения мезолита-раннего металла Дроздовка III на Кольском полуострове. Тверской неолитической экспедицией (Г.В.Синицына) продолжены раскопки стоянки-мастерской Подол III финальнопалеолитического времени на Верхней Волге.

Совместно с АН Туркменистана и итальянскими специалистами Каракумской экспедицией (Ю.Е.Березкин, Н.Ф.Соловьева) проведено изучение поселения эпохи энеолита и геоморфологические обследования в Южном Туркменистане. Пенджикентская экспедиция ГЭ, АН Таджикистана и ИИМК РАН (В.И.Распопова) продолжила исследования на городище древнего Пенджикента.

В Хакасии и Туве крупными хозяйственными

экспедициями Бейской (М.Н.Пшеницына), Среднеенисейской (Н.А.Боковенко, Н.Ю.Кузьмин) и Тувинской (В.А.Семенов) проводилось изучение памятников эпохи бронзы – раннего железного века, а на юге Красноярского края, в Шарыповском р-не Сибирской экспедицией (А.В.Субботин, С.В.Красниенко) паспортизовано и поставлено на учет более 50 памятников археологии от эпохи бронзы до средневековья.

Российско-датская Тарханкутская экспедиция в Крыму (А.Н.Щеглов) изучала поселения хоры Херсонеса, Боспорская экспедиция (Ю.А.Виноградов, В.А.Горончаровский) продолжила работы на Мирмекии и сельском поселении хоры Нимфея, а Нижнебугская экспедиция (Е.В.Рогов) впервые в античной археологии обнаружила архаическое святилище-храм на одном из поселений хоры Ольвии.

Изучение древних русских городов, в основном на хозяйственные средства продолжали Староладожская (А.Н.Кирпичников), Кингисепская (В.И.Кильдюшевский) и Архангельская (О.В.Овсянников) экспедиции.

В исследованиях по комплексной программе изучения систем расселения и древней природной среды, которые ведет Новгородская областная экспедиция (Е.Н.Носов), участвуют палеоботаники, палинологи и палеозоологи Англии, Германии и Швеции.

Российско-шведская экспедиция “Аврора” (консультант – А.С.Голенцов) провела обследование шведского корабля XVIII в. на дне Выборгского залива.

Под научным кураторством и при активном организационном участии ИИМК РАН в 1994 г. состоялось восемь международных конференций, в основном, с изданием сборников тезисов и докладов. Совместно с Гос. Музеем истории религии проведена конференция “Вещь в контексте культуры” (февраль, Санкт-Петербург). В рамках ежегодного пленума Института

"Изучение древних культур и цивилизаций" (март, Санкт-Петербург) прошли конференции "Новые экспедиционные исследования ИИМК РАН в 1993 г." и заседание методологического семинара "Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза". IX российско-финляндский симпозиум "Славяне и финно-угры. Археология, история, культура" (май, Выборг) был организован при содействии Выборгского исторического музея и администрации г.Выборга. Симпозиум "Бухара и мировая культура" состоялся в октябре в Бухаре (Узбекистан). Конференция по применению методов естественных наук в археологии (ноябрь, Санкт-Петербург) проведена совместно с Гос. Эрмитажем, СПбГУ (Институт физики) и научно-координационным советом "Народы России, возрождение и развитие" под эгидой и при спонсорской поддержке Европейского научного общества РАСТ (методы науки и техники для изучения культурного наследия). Совместно с МАЭ РАН проведена конференция "Развитие культуры в каменном веке" (ноябрь – декабрь, Санкт-Петербург). В рамках проекта РФФИ "Скифо-Сибирика" совместно с Гос. Эрмитажем проведено совещание "Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху" (декабрь, Санкт-Петербург). По материалам российско-финляндского симпозиума и конференции по применению методов естественных наук в археологии готовятся к изданию сборники докладов. Специально к 3 Всемирному Археологическому Конгрессу (декабрь, Дели, Индия) был издан сборник "New Archaeological Discoveries in Asian Russia and Central Asia".

В Диссертационном совете Д 200. 15.01 в 1994 г. успешно защищены 4 диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.

В 1994 г. ИИМК РАН изданы: ежегодник "Археологические вести" № 3 и 8 монографий

и сборников в серии "Археологические изыскания": вып.13 – "Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза", вып.14 – "Изучение древних культур и цивилизаций", вып.15 – Н.Ю.Кузьмин "Курган у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н.э.)", вып.16 – "New Archaeological Discoveries in Asian Russia and Central Asia", вып.17 – М.Д.Хлобыстина "Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена", вып.18 – "Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху", вып.19 – А.В.Субботин "Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение)", вып.21 "Изучение памятников морской археологии", т.2.

При финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований изданы IV том серии "Палеолит мира" – З.А.Абрамова, А.П.Окладников "Палеолит Центральной и Восточной Азии" и в рамках программы "От Северной Руси – к Северной Пальмире – древняя история и археология Северо-Запада (славяно-финно-угорские взаимодействия, русские города Балтии)" – сборники "Новые источники по археологии Северо-Запада", "Памятники средневековой культуры. Открытия и версии" (П.С.К.О.В., к 75-летию В.Д.Белецкого) и книги С.В.Белецкого – "Печати псковские" и "Вечевые печати Пскова".

Кроме того, на хоздоговорные и спонсорские средства изданы: коллективная монография "Неандертальцы Губского ущелья на Северном Кавказе", книги Л.В.Головановой "Проблема перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе", П.А.Раппопорта "Строительное производство Древней Руси", сборник "Экспериментально-трахеологические исследования в археологии", брошюра В.М.Массона и М.Н.Пшеничной "Древности Саяногорска".

Л.Б.Кирчо

Ученый секретарь ИИМК РАН

БИБЛИОТЕКА ИИМК

Библиотека Института истории материальной культуры Российской Академии Наук – крупнейшая в России и одна из крупнейших в мире специальных археологических библиотек.

Основанная в 1859 г. как Библиотека имп. Археологической комиссии, Библиотека ИИМК до сих пор сохраняет своё значение главной археологической библиотеки страны.

Фонд Библиотеки насчитывает 200000 экземпляров монографий, сериальных и периодических изданий, причём более половины фонда составляет зарубежная литература.

В Библиотеке представлена археологическая литература от эпохи палеолита до позднего средневековья, по теории и истории археологии, организации археологической науки, при-

менению в археологии методов естественных и технических наук. Широко представлена наука по древней и средневековой истории, смежным историческим дисциплинам — нумизматике, эпиграфике, сфрагистике, исторической географии, по истории древнего и средневекового искусства и архитектуры, а так же издания по этнографии и языкознанию, палеоантропологии, палеозоологии и палеоботанике, четвертичной геологии.

Ежегодное поступление литературы в Библиотеку составляет 2500 экз. Источники комплектования: централизованное комплектование через Библиотеку Российской академии наук, подписка на периодические отечественные издания и получение литературы в дар от различных научных учреждений и отдельных учёных. Библиотека регулярно организует выставки новых поступлений и тематические книжные выставки.

Читателями Библиотеки являются археологи и учёные смежных специальностей из различных городов России и стран ближнего и дальнего зарубежья и студенты различных высших учебных заведений.

Справочно-библиографический аппарат Библиотеки состоит из системы каталогов и картотек, в которой особо важную роль играет систематический каталог, построенный по оригинальной схеме, разработанной в 30-е годы ведущими сотрудниками ИИМК и Библиотеки. В каталог включены отечественные и иностранные монографии и статьи из отечественных и иностранных журналов и сборников.

В Библиотеке ИИМК ведётся большая научно-библиографическая работа. С 1959 г. издаётся многотомный ретроспективный библиографический указатель "Советская археологическая литература". Опубликовано 8 томов указателя, включивших всю литературу по археологии и смежным дисциплинам, вышедшую на территории СССР с 1918 по 1981 гг. (всего 83262 названия). Сдан в печать очередной том за 1982-1984 гг. Готовятся к изданию и последующие тома, продолжается составление текущих библиографических картотек по археологии России и стран СНГ. В журнале "Российская археология" Библиотека публикует текущие указатели основной текущей археологической литературы.

Р.Ш.Левина

Заведующая библиотеки ИИМК РАН

Редакция сборника "Археологические Вести" выражает свою искреннюю признательность всем сотрудникам библиотеки при Институте истории материальной культуры РАН за постоянную помощь и внимание при подготовке нашего издания.

LIBRARY OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE

The archaeological library possessed by the Institute of History of Material Culture (IIMK) is the largest in Russia and one of the largest in the world. Founded in 1859 by the Archaeological Commission, it continues to be Russia's principal centre of information in this area. Its total number of storage units is 200 thousand, half of them foreign, encompassing virtually all domains of archaeology from Paleolithic to the Late Middle Ages, as well as theory and history of the discipline, its logistics, and the application of scientific methods. Related disciplines, including numismatics, epigraphics, sfragistics, historical geography, history of prehistoric and medieval art and architecture, ethnography, linguistics, paleoanthropology, paleozoology, paleobotany,

and quaternary geology, are also amply represented.

Each year the number of books and journals owned by the library increases by about 2,500, obtained mostly through the centralized distribution system of the Academy of Sciences Library. Russian periodicals are received through subscription, and much is donated by various institutions and individuals. Newly acquired literature is regularly exhibited; also, topical exhibitions are being arranged.

The library is used by archaeologists and related specialists from Russia, other republics of the former Soviet Union, and foreign countries, as well as by undergraduate students.

The bibliographic base of the library consists of a system of catalogues, the most important one

being the topical catalogue constructed according to a scheme elaborated in the 30s by the leading librarians and people working at the institute. The catalogue contains information on monographs as well as articles, both Russian and foreign.

A great deal of research is being done at the library. Since 1959, a comprehensive bibliographic index entitled "Soviet Archaeological Literature" is being published. There are eight volumes of it so

far, covering virtually every book and article in archaeology and adjacent disciplines that appeared in the U.S.S.R. in 1918-81 (83,262 titles altogether). Volume nine (1982-84) is now in print, and further ones are being prepared for publication. Information on current literature appearing in Russia and the CIS is being entered into catalogues, and indexes referring to the most important works are being published in "Russian Archaeology".

ПРОТОКОЛ

РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И ПОСТОЯННОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОЙ УНИИ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

25 НОЯБРЯ 1994 Г.

25 ноября 1994 г. в г.Звенигороде состоялось заседание Исполнительного комитета и Постоянного совета Международной Унии славянской археологии (МУСА), приуроченное к проводившемуся здесь международному симпозиуму.

МУСА, образованная в 1965 г. в Варшаве, в течение нескольких десятилетий осуществляет важнейшую деятельность по координации и сплочению археологов-славистов ряда стран; периодические международные конгрессы славянской археологии и публикации их трудов являлись крупными событиями в европейской археологии. В связи с политической и экономической ситуацией последних лет, деятельность этой международной организации, пользующейся заслуженным авторитетом, переживает кризисный период. Учитывая вышесказанное, на заседании были приняты следующие решения:

1. Руководство МУСА выражает глубокую озабоченность кризисом, который в настоящее время переживает эта международная организация и считает необходимым активизировать ее деятельность.

2. Признать целесообразным скорейшее проведение VI Международного Конгресса славянской археологии — высшего органа МУСА с целью наметить новые пути дальнейшей деятельности МУСА, утвердить новый устав этой организации и переизбрать ее руко-

водящие органы.

3. Учитывая, что в России имеется в настоящее время большой коллектив активно работающих археологов-славистов, и то, что Российская Федерация является крупнейшей славянской страной, где до сих пор не проводился Международный Конгресс славянской археологии, считаем необходимым просить российской сторону провести высший форум славянской археологии в 1996 г.

4. В связи с тем, что Археологический институт Словакии, где ныне находится Секретариат МУСА, не в состоянии обеспечить оперативную работу этой организации, считаем необходимым перевести Секретариат МУСА в Москву, в Институт археологии РАН. Поручить Президенту МУСА, а также российским членам ее руководства согласовать этот вопрос с Археологическим институтом Словакии и утвердить нового Генерального секретаря МУСА.

5. Поручить российским коллегам выработать проект нового Устава МУСА, учитывающего изменившуюся ситуацию в Европе, обсудить его с членами Исполнительного Комитета и Постоянного Совета и передать на рассмотрение на конгрессе.

6. Создать для подготовки конгресса рабочую группу во главе с профессором В.В.Седовым и поручить ей войти в контакт с учеными вновь образованных славянских государств для кооптации их представителей в состав Испол-

нительного комитета МУСА.

7. Ознакомить с настоящим протоколом

всех членов Исполнительного комитета и Постоянного Совета МУСА.

Президент МУСА профессор Б.Бабич, (Македония)

Члены Исполкома МУСА: академик В.Л.Янин (Россия), профессор В.В.Седов (Россия), академик П.П.Толочко (Украина), профессор В.Д.Баран (Украина), профессор П.Корошец (Словения), профессор С.Олтяну (Румыния), почетный член Исполкома МУСА академик Б.А.Рыбаков (Россия), почетный член Исполкома МУСА, профессор Ж.Бланков (Бельгия)

ИНФОРМАЦИЯ

*Национальный комитет по подготовке и проведению
VI Международного конгресса славянской археологии*

National Committee for the Organization of the VIth International Congress of Slavic Archaeology

Национальный Комитет уведомляет, что VI Международный Конгресс славянской археологии в соответствии с рекомендацией Исполнительного Комитета и Постоянного Совета Международной Унии славянской археологии (г.Звенигород Московский, ноябрь 1994 г.) состоится в России в городе Новгороде 26-31 августа 1996 г.

Главными темами Конгресса определены:

1. *Европейский средневековый город*
2. *Славяне в раннем средневековье и их соседи*
3. *Славяне в римское и латенское время*

Проблематика Конгресса не ограничивается этими темами. На заседаниях секций предполагается рассмотреть все вопросы, в той или иной мере связанные со славянской археологией, в том числе и лингвистические, топонимические, антропологические, этнологические, а также доклады по нумизматике, сфрагистике, эпиграфике, истории архитектуры и естественно-научным дисциплинам.

Рабочими языками Конгресса являются все славянские языки, а также английский, французский и немецкий.

Размер вступительного взноса для участников Конгресса будет определен позднее.

Председатель Национального Комитета академик В.Л.Янин

Адрес Оргкомитета: Россия, 117036, Москва, ул.Дм.Ульянова 19, Институт археологии РАН, Национальный комитет. Тел.126-47-98. Факс 126-06-30. Russia, 117036, Moscow, Dm.Ulyanova 19, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, National Committee. Tel. 126-47-98. Fax 126-06-30.

**OUR PUBLISHING HOUSE "POLIS PRESS"
IN ODESSA, UKRAINE, SPECIALIZES IN PUBLISHING SCHOLARLY WORKS ON
ARCHAEOLOGY AND NUMISMATICS.**

We have published the titles *Essays on the Monetary Circulation on the North-western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods* by E.S. Stoljarik (\$ 25.00, hardback, 285 p., ill., tables, maps, index) and *The City of Tyras* by P. Karyshkovskij and I. Klejman (\$ 35.00, hardback, 414 p., ill., tables, maps, index). In 1995 we are going to publish the titles *Essays in Northern Black Sea Region Numismatics (Bosporan Kingdom)* by N. Frolova (\$ 25.00, hardback, ill., tables, index) and *Bison Hunting and Human Adaptation: A Case of the Comparative Study of the Upper Palaeolithic in the Southern Ukraine* by G. Krasnokutsky (\$ 30, hardback, ill., tables, maps, index), in 1996 - *Hoard of Roman Coins in Eastern Europe and Transcaucasia* by V. Kropotkin (\$ 90.00, hardback, ill., tables, maps, index) and *The Belen'koye Burial Ground* by A. Rossokhatsky (\$ 50.00, hardback, ill., tables, maps, index).

If you wish to receive the above-mentioned books or to get our summary catalogue will you write or come to our firm.

Our address: Ukraine, 270011, Odessa, Troitskaja Street, 25, POU S PRESS

Tel. (0482) 22-27-76, Fax (0482) 25-12-74 for POLIS, (0482) 2544-96 for POLIS